

Сидоров Г.А.

Пути. Дороги. Встречи

Хронологическо-эзотерический анализ развития
современной цивилизации

Москва 2011

Представляем 3-ю книгу эпопеи «Хронологическо-эзотерический анализ развития современной цивилизации» — «Пути. Дороги. Встречи». Цель книг — научить читателя самостоятельно мыслить и понимать, что хронологические процессы на планете Земля — управляемы. Автору удалось убедительно показать, что процессы на планете Земля управляются не только посредством религии, идеологии и экономических рычагов воздействия, но и более серьёзными силами, использующими методы из области психологии и Тайного знания. Автор показал влияние древней цивилизации на современную, причины и следствия этого влияния. Оглянувшись назад, мы видим, что все, что происходило на нашей планете, было далеко не случайным. Во всем просматривается определенная цепь связанных между собой взаимодополняющих событий. На этот сложный вопрос давно пытались ответить многие образованные люди, но еще несколько столетий назад, не говоря о тысячелетиях, ответ был спрятан за семью печатями. «В Сибири было большое царство голубоглазого и русоволосого сильного народа эндри. Эндри на реку Амур пришли после Великой Беды откуда-то с севера. Предания говорят, что у них там тоже было царство, но его поглотили наступившие холодные воды... Люди сильные и добрые. С белой кожей, светловолосые.... Легенды шаманов говорят, что жили эндри по берегам рек. На высоких ярах строили себе большие города. Дома делали из брёвен с печами, разводили на юге, там, где нет беломошников, коров и лошадей, а севернее — лосей и оленей. Их кочевые дороги пересекали всю Сибирь с юга на север и с востока на запад... По берегам рек, здесь на Кети, на Сыму, на Вахе, Оби и Енисее и дачьше на восток, вплоть до Великой Ламы, стоят сотни брошенных городов. Городов ушедшего на юг великого народа. Не мы, эвенки, и не якуты хозяева этой земли. Все мы на ней гости. Только гости, которых когда-то пустили сюда пожить. Подлинные хозяева Сибири вы, лючи — прямые потомки великих эндри. Но вы об этом ничего не знаете!» Самое основное и главное в эпопее — напомнить Русичу могущество его Прародины и его предков. Показать так — чтоб всколыхнуть его самоосознанность — кто он и откуда.

Сидоров Г.А. -

**Хронологическо-эзотерический анализ развития
современной цивилизации**

Книга 3. Пути. Дороги. Встречи

Глава 1. Ночь на 22 декабря 2000 года

Подходил к концу тяжёлый переломный двухтысячный. Человечество медленно и верно вступало в новое тысячелетие. На дворе стояла тёмная зимняя ночь первого дня солнцеворота. Начало времени надежд — праздника Великого Коляды... Я сидел в гордом одиночестве в зале своего дома и в который раз вглядывался на записке в буквы знакомого почерка: «Твоё время пришло, Гор».

«Что хотел мне сказать этими словами старый? Какое время? И вообще, что я могу? Одиноким, фактически без средств к существованию, преданный «единомышленниками» и затравленный недоброжелателями? Что толку, что я что-то понимаю и многое знаю? Кому это надо? Окружающим не нужны знания, тем более о далёком и «мифическом» прошлом. Какой от них прок? Продать их нельзя, добыть с помощью них деньги — проблематично. В настоящий момент всем нужны одни они окаянные... Деньги и только деньги! Единственная реальная ценность нашего безумного времени... На какие только преступления не идут недолюдки ради их добычи. И с каждым днём таких вот уродов в обществе становится всё больше и больше... Я снова перечитал записку старого. Чёрным по белому: «Пришло твоё время»... Может, пора удавиться? Намёк на это? Каким образом можно противостоять хаосу в фазе его наивысшего разгула? Когда сознание масс сужено до восприятия одного материального. Но тогда зачем мне этот подарок? — и мои руки потянулись к тускло поблескивающему в пламени свечи лезвию колдына. — Чтобы не тратиться на верёвку и мыло? Для более романтического ухода в преисподнюю?»

Я снова взял в руки булатный меч ведуна и вдруг почувствовал, что от него исходит какая-то особая, неведомая мне сила. Первое, что я ощутил, так это спокойствие. То спокойствие и уверенность в себе, которых вот уже более года мне так не доставало. Казалось, что рукоять меча сама влилась в ладонь, а его лезвие голосом стали прошелестело:

— Ты не один, Гор, моя сила теперь с тобою... Соберись, воин! Не так всё плохо, как тебе кажется... Помни, разгул тьмы всегда наступает перед рассветом...

Тряхнув головой, чтобы сбросить наваждение, я положил меч волхва на прежнее место и, обратившись к оружию, сказал:

— Ты избрал меня своим новым хозяином... Я это понял... Благодарю за доверие. И ещё, признателен тебе за то, что вернул мне уверенность. Ты прав, булатный, я теперь не один. Нас за праздничным столом двое: я — человек, ты — меч, но какое это имеет значение? Главное, что мы понимаем друг друга. Так давай вместе и будем встречать «идущего к нам» Коляду...

С этими словами я зажёл ещё две свечи, пододвинул поближе графин с клюквенным напитком и посмотрел на часы. До начала солнцеворота осталось около десяти минут.

«Интересно, где сейчас «знахарь»? — бродили мысли. — Неужели в Томске? Или где-то рядом в Новосибирске? Может, в Красноярске? А я хорош! Поверил в его смерть! Позор! Покойная бабушка сказала бы: «Стыд головушке!» И была бы права. Наверное, один только я в смерть старого и поверил! Сергей Борисович наверняка сделал всего лишь вид. Чтобы ведуна не искали ни правоохранители, ни те, кто за ним охотится. Лихо! Просто и надёжно...»

— Это твоя сталь, направляемая рукой старого, располосовала тех троих, остатки которых нашли на развалинах его дома? — посмотрел я на лежащий передо мной обнажённый меч. — Ну и страшен же ты в гневе, «батенька»! Сколько же смертей на твоём счету?

Меч скромно молчал.

— Помалкиваешь? — продолжил я. — Тебе, наверное, стыдно? Совесть замучила?

— Не замучила, — услышал я снова тихий шелест стали. — Мой булат всегда отправлял на

тот свет врагов. На мне нет крови невинных. И в твоих руках, если потребуется, буду делать то же самое...

— Всё, хватит! — положил я руку на эфес колдына. — Тебя послушать, так кругом одни только враги. С тобой с ума сойти можно! Ты, я вижу, хищный, а раз так, то твоё место под медвежьей шкурой.

Я аккуратно протёр лезвие меча подсолнечным маслом, вложил оружие в ножны и, зайдя в спальню, повесил его под шкуру. На душе было не по себе. Когда-то, в начале наших занятий, старый волхв, рассказывая мне о взаимодействии силовых и информационных полей Мироздания, обратил моё внимание на то, что в любом материальном образовании (будь то микромир или макро, значения не имеет), если оно находится в информационном поле, непременно возникают мыслеформы. А так как информационная субстанция в природе самая тонкая и она пронизывает всю без исключения материю, следовательно, в любом материальном образовании, благодаря её воздействию, рождаются определённые мыслеформы. Это значит, что во всём своём многообразии, от микромира до макро, материя сознательна. И русы-бореалы, и славяне дохристианской Руси это хорошо знали. Вот почему в русских сказках, легендах и былинах герои запросто общаются с реками, облаками, ветром, Солнцем, горами и деревьями. Навязанная извне христианская традиция постепенно вытравливала из памяти народа знания о том, что сознание — свойство не только живой, но и неживой материи. И вот теперь, уловив своим интуитивным прорвавшимся из подсознательного «рассуждения» клинка, я даже немного испугался.

«Ничего себе! — думал я. — Если так дальше пойдёт, то «жёлтого» дома мне не миновать. Было ясно, что старый, прежде чем передать мне свою реликвию, убедил её служить новому хозяину верой и правдой... И меч не стал ждать от меня «приручения» — он тут же заявил о своих намерениях... За что и угодил подальше от праздничного стола, за лохматую шкуру хозяина леса».

— Никого я не собираюсь убивать, — сказал я ему на прощание. — И не такая я знатная птица, чтобы кто-то стал за мной охотиться.

— Всё ещё впереди! — донеслось из-за шкуры.

Но я, не обратив внимания на «реплику», снова направился в зал и уселся на своё место. Сколько раз я ловил себя на том, что понимаю, о чём болтают на улице воробьи или те же сороки... Что хотят мне сказать собаки, кот Тимофей или воровки-мыши, но общения с неодушевлёнными предметами у меня до этого момента ещё не было.

«Ну и Коляда двухтысячного! Наверное, схожу с ума? — спрашивал я себя. — Может, мне всё грезится? Да нет — порез на руке, записка на столе... Увидеть бы старика! Хотя бы на несколько секунд?! Уверенность в свои силы пришла. Пускай она вынырнула из сказки, главное, я её ощущаю... Но куда идти, что делать дальше? Ведун бы подсказал...»

И тут я невольно вспомнил, как три года назад ко мне пришёл один озадаченный знакомый. Грустным голосом тот человек сообщил, что вчера вечером он с друзьями и сыном отправился в сауноу. В бане было всё как положено: и анекдоты, и выпивка... Только, придя домой, он не нашёл в своём кармане крупную сумму денег. Вроде бы все друзья — не на кого и подумать, а факт остаётся фактом.

— Может, ты, как психолог, мне что-нибудь подскажешь? — посмотрел он на меня с надеждой.

Видя растерянное лицо своего знакомого, я решил:

— Знаешь что, — сказал я ему, — давай сделаем так: ты фамилии называть мне не будешь, обозначишь людей цифрами.

Он согласно кивнул.

— А я, когда ты станешь вслух произносить эти цифры, попробую спросить относительно них своё подсознание. Чтобы тебе было наглядно, я буду работать с рамками. Если человек не виноват — рамки разбегутся, если он украл — они сложатся. Их будет двигать моё подсознание. Идёт?

Знакомый заулыбался.

— Ещё как идёт, только бы получилось!

Пока он цифровал своих друзей-собутыльников, я вышел во двор и из медной проволоки смастерил две рамки.

— Ну что, начнём? — спросил я его, войдя в комнату.

Знакомый назвал первую цифру. Рамки в моих руках разбежались. Он следом назвал вторую. Рамки разошлись снова. Я стоял перед ним, полностью расслабившись, отключив все мысли и только наблюдал. Знакомый назвал ещё две цифры. Тот же эффект — рамки разбежались. Но вот он произнёс цифру, при которой рамки начали сходиться. Мой знакомый вытаращенными глазами смотрел на сбежавшиеся рамки и потом прошептал:

— Это же мой сын, не может быть!

В ответ я только пожал плечами... Назавтра он мне позвонил: деньги действительно оказались у его сына... Единственное, что я его попросил, чтобы он особо не распространялся о моих способностях... И надо сказать, что знакомый данное мне слово в какой-то степени сдержал. Правда, для того чтобы самому ещё раз убедиться в необычном, он предложил мне решить задачу посложнее. Этот человек пришёл ко мне в гости через день после сообщения о гибели летевшего с Сахалина на материк пассажирского авиалайнера и с порога предложил мне заняться розыском места его падения. Он рассказал, что поиском самолёта и в России, и за рубежом заняты многие экстрасенсы и что их выводы говорят о том, что самолёт упал в воды Татарского пролива. Визит такого рода мне не понравился, тем более, я не считал себя экстрасенсом. Но делать было нечего. И, чтобы отвязаться от вопросов визитёра, я взял в руки свой маятник.

— Рамки я выбросил, — пояснил я гостю. — Но вот маятник у меня есть. И им я иногда пользуюсь... Видишь, он сделан из медвежьего клыка. Красивый, не правда ли?

«Пусть думает, что всё дело в клыке», — решил я про себя.

Я сел в кресло и, взяв в руку верёвочку маятника, показал:

— Сюда будет качаться — значит «да», если наоборот, то «нет». Если начнёт кружиться, то не хочет отвечать. Такое тоже бывает. Понял?

Знакомый кивнул.

— Так значит, экстрасенсы пришли к выводу, что самолёт угодил в воды Татарского? — посмотрел я на гостя. — Давай проверим. «Он», — указал я на маятник, — говорит только правду...

Расслабившись и отключив внутренний диалог, я мысленно обратился к своему подсознанию. Маятник качнуло. Глубинное пошло на контакт... Тогда я вслух, чтобы слышал гость, спросил:

— Правду говорят экстрасенсы — лайнер лежит на морском дне?

Маятник качнулся на отрицание.

— Вот видишь, — повернулся я к знакомому. — Экстрасенсы что-то напутали. Самолёт надо искать на суше.

— Но где? — засуетился гость. — Ты можешь хотя бы приблизительно указать то место?

Немного подумав, я кивнул.

— Начнём вот с чего, сначала выясним — отклонился самолёт от курса или нет? И насколько километров? Потом на карте начертим его приблизительный маршрут. И по

траектории его полёта начнём отсчитывать десятки километров. Так, возможно, и найдём квадрат, где надо искать обломки.

С этими словами я снова обратился к своему подсознанию и посредством маятника выяснил, что самолёт на самом деле отклонился от маршрута. Отклонился севернее на двадцать с лишним километров. Теперь можно было начертить на карте его изменённый маршрут. Когда чертёж был сделан, я стал от берега пролива отсчитывать десятки километров. Первый десяток — маятник показал: «да», значит, лайнер летел, второй десяток, третий, четвёртый... Везде — «да», «да» и «да». И вот наконец — «нет». Маятник качнуло в другую сторону.

— Всё, обломки самолёта надо искать здесь, в этих горах, — сказал я, указав на карту. — Самолёт пролетел чуть больше девяти десятков километров...

Поверил мне мой знакомый или нет, меня не волновало. Я предложил ему позвонить в МЧС или кому-нибудь из экстрасенсов. Пусть проверят указанный мною квадрат. Но как потом выяснилось, звонить мой знакомый никуда не стал. Мнение же моё ему было нужно для того, чтобы выиграть спор о месте падения лайнера у себя на работе... И всё-таки надо отдать должное этому человеку. Когда через две недели выяснилось, что обломки самолёта нашли в том месте, на которое я указал, он, купив на выигранные в споре деньги несколько бутылок дорогого вина, кучу всяческой еды, явился поздравить меня с тем, что я всем утёр нос. Что я настоящий экстрасенс и что о моих способностях надо молчать. С последним его утверждением я искренне согласился. На мой вопрос, почему он не позвонил в МЧС, гость, несколько отрезвев, заявил, что всё равно никто бы его не послушал, говорить же кому-то обо мне он не захотел. Вся эта эпопея и с украденными деньгами, и с разбившимся лайнером пронеслась в моём сознании в одно мгновение.

«Несомненно, я что-то могу, — подумалось мне. — Если так, то почему бы не попробовать? Конечно, старый ментально защищён, иначе бы его давным-давно «доброжелатели» накрыли. Но может, для моего подсознательного он открыт? Точнее, открыт для всех тех, кто с ним дружески связан... Впрочем, это можно легко выяснить».

И я, поднявшись из-за стола, направился в спальню за своими «магическими» принадлежностями. Снимая со стены рамки и маятник, я вдруг опять услышал:

— Нехорошо делаешь. Я как раз для того и пришёл к тебе, чтобы связать тебя со старым... А ты куда меня спровадил? На стену, под шкуру, подальше от себя. Да ещё и на праздник?

— Мне не понравилась твоя свирепость, — покосился я на шкуру.

— Да не свирепый я вовсе. Просто как могу, так и служу законам Прави. Разве я виноват, что меня таким сделали?

— Ладно, прости, ты убедил, пойдём вместе искать твоего бывшего хозяина, — проворчал я, вытаскивая колдын из-под шкуры.

На душе стало легко и спокойно.

«Ну и что с того, что схожу с ума? Затянул я полемику с тесаком. Это, похоже, только начало... Потом пойдёт и поедет... Начну общение со столом, стульями, с забором... Чего доброго со своими носками... Представляю, что они выдадут относительно нежелания регулярно их стирать? Будет веселее некуда! Сплошные упрёки!»

Невольно припомнились несколько анекдотов про психов. И я сам над собою расхохотался. Подойдя к столу, я положил меч на старое место и, создав торжественную обстановку, взял в руки рамки.

— Ну что, приступим? — обратился я к подарку старого.

Отбросив внутреннее напряжение и посторонние мысли, я спросил:

— Уважаемое подсознание, ответь, пожалуйста, тот, кого мы ищем, находится в России?

Рамки тут же сложились. Нет, не в России! Ответ был более чем понятен.

— Тогда где? Может, в СНГ?

Рамки стали разбегаться.

— Юг или запад? — задал я новый вопрос.

Получилось, что юг. И вдруг своим внутренним взором я увидел освещённую растущей Луной гигантскую горную страну. Покрытые снегом вершины уходили уступами в чёрное зимнее небо, и казалось, им не видно конца. Рамки теперь были не нужны — я каким-то непостижимым образом знал, что это за горы и в какой из туманных долин стоит жилище того, кого мне всегда недоставало. Я повесил ненужные рамки на гвоздь и снова сел за стол.

«Так вот оно что? Неплохо, неплохо! Здесь в горах в VIII веке укрылись от нашествия арабов три племени огнепоклонников — согдийцев. Сколько мусульмане их ни искали, так и не нашли... А с X же века стали возникать скиты ведических русов. Тех, кто уходил от христиан через земли Артании на юг к границам Индии... Какой из всего того, что я нашёл, можно сделать вывод? Адреса, данные мне старым на юге, я так и не посетил. Не получилось... А надо было бы. Но «всё хорошо, что хорошо кончается». Теперь я знаю, где искать тебя, седоголовый. Горы мне не помеха. На востоке Сибири тоже горы, и ещё какие! Но в своё время я их прошёл...»

Размышляя, я поглядел на лежавший передо мной меч. Душа наполнилась радостью. Что-то во мне за эти годы всё же произошло. То, о чём я особо и не мечтал. Усилий-то никаких не прилагал! И тут я попробовал вызвать в своём сознании образ ведуна. Расслабившись и отключив внутренний диалог, я стал вспоминать черты лица «пасечника». И когда в глубине моего сознания возник полный его портрет, я увидел живые с неподдельным интересом разглядывающие меня глаза. В голове мелькнула мысль, что глаза старика я представлял совсем другими... Что же случилось? Образом старого я уже не управлял. Лицо ведуна вполне самостоятельно без моего влияния смотрело на меня из недр моей психики. Оно улыбалось.

— С праздником тебя, Гор! — раздался как бы издалека его голос. — Видишь, вот мы и опять встретились...

— И тебя с праздником! — мысленно ответил я. — И большое спасибо тебе за подарок! Право, я его не достоин!

— Не был бы ты его достоин, я бы тебе его не подарил, — посерьёзнело лицо «знахаря». — Я рад, что тебе мой меч пришёлся по вкусу! Помню, как загорелись твои глаза, когда ты впервые его увидел...

— Ответь мне, что это? Галлюцинация? Почему я тебя вижу и даже слышу? Я что совсем спятил? — прервал я своим вопросом седоголового.

— Твоё сознание не успевает за ходом твоей эволюции, Гор, — спокойно сказал образ. — Поэтому тебе и кажется, что с головой у тебя не всё в порядке. Успокойся. То, что сейчас происходит, всего лишь телепатический мост. Я ждал, что ты сегодня обязательно попытаешься вызвать в своём сознании меня, и сам вышел на твои «позывные»...

— Получается, что внутренний образ может быть, чем-то вроде «позывного»?

— Не может, он и есть «позывной», — вновь улыбнулось лицо старого. — Вот только пользоваться телепатической связью в наше время могут далеко не многие. В основном, люди внутреннего круга...

— А как же у меня... — открыл я рот.

— А что у тебя? — остановил меня голос «знахаря». — Если со мной общаешься, значит, всё в порядке. Ты был готов к такому общению десять лет назад, только не знал об этом. Ты вообще много чего о себе не знаешь.

— Чего же? — невольно вырвалось у меня.

— То, что избраннику Юган-Ики — духа одной из сибирских рек, позволено очень многое.

Гор...

От слов волхва меня бросило в жар. В сознании всплыло одно из моих невольных посвящений...

— Так что же мне делать? Неужели ты хочешь, чтобы я стал шаманом? — с дрожью в голосе посмотрел я в глаза «знахарю».

— С чего ты взял? — усмехнулся образ. — Шаманы работают с мелочью. Духи рек выше их возможностей...

— По-твоему, после того, что произошло на Югане, я получил потенциал похлеще, чем у иных хантейских и ненецких шаманов?

— И до сих пор делаешь вид, что ничего в тебе не изменилось. Томская ложа знает о тебе больше, чем ты о себе. Ну, чем их свора тебе насолила? Лишила возможности преподавать? Подтолкнуло сознание тех, кому ты верил, к предательству? Два комариных укуса! У тебя же самого даже насморка нет! Хотя установка была на летал, Гор. На летал...

Не зная, что сказать, я молча смотрел на образ старого. Глаза волхва были серьёзны.

«Так вот оно что? — мелькнуло в голове. — Мне действительно грозила серьёзная опасность. Она и сейчас грозит... И ещё: хорошо это или плохо, но я находился и нахожусь под невидимым контролем... Ай да ведун! Для того чтобы вывести меня на связь, он и послал мне свою записку. Но меч-то зачем? Предмет силы?»

— Меч сейчас нужен не мне, но тебе, тем более, духовно мы с тобою едины, — ответил на мой мысленный вопрос голос седоголового.

— Даже тут ты читаешь мои мысли. Не можешь без этого, — укорил я его.

— Не могу, Гор, потому что разговор у нас сегодня будет короткий. Свой участок связи прикрыть ты пока не можешь. Такое умение придёт позднее. Поэтому наш мост легко засечь. Для С.Т. ты тоже стал «ценностью» и немалой. Так что давай будем закругляться.

— Но у меня столько к тебе вопросов! — взмолился я.

— Со своими вопросами ты в состоянии разобраться и сам. Вспомни, кто ты есть, и не будь иждивенцем, — отрезал волхв. — Я тебя вызвал на связь вот по какой причине. Пришло время тебе встретиться с тем человеком, который когда-то на Курейке работал со Сталиным.

— С Чердынцевым? — припомнил я.

— Да, с тем, кого я назвал тогда Чердынцевым...

Я не знал, что и сказать...

— Он тебя ждёт. И ждёт давно...

— И что я должен сделать? — посмотрел я на образ старого.

— Найти этого человека. Найти самостоятельно, без подсказок.

— Так как же я его буду искать, если не знаю где и кого? Совсем как у нас в сказках: иди туда, не зная куда, найди то, не зная что...

— Да, именно так, — кивнул сединой образ. — Это второй уровень защиты...

— Но мне хотя бы надо увидеть, кого я должен найти? — обратился я к «знахарю».

— Мысленный образ ты сейчас увидишь, я тебе его дам. Смотри и запоминай.

И тут внутренним взором вместо ведуна я увидел сухое бородатое лицо с глубоко посаженными глазами...

— Всё, сеанс окончен, — раздался голос ведуна. — Думаю, ты запомнил...

— Можно один вопрос? — попросил я. — Один-единственный!

— Давай, — улыбнулся глазами образ.

— То, что Чердынцев мне позарез нужен, и ежу понятно. Но я-то ему зачем? Он что, без меня обойтись не может? Хранитель недр Путорана, волхв высшего посвящения!

— С него начнётся второй круг погружения твоего сознания в традицию Ора. Ты ведь этого

сам хочешь...

— Хочу — не хочу, но всё так сложилось, что другого для меня пути нет, — развёл я руками.

— Нет, — согласился образ. — Таков твой рок...

— И сколько второе посвящение будет длиться? Тоже лет двадцать, а то и более?

— Это уже второй вопрос, Юра, — засмеялось видение. — Но я тебе отвечу: во втором круге ты встретишься всего с тремя посвящёнными. От «Чердынцева» ты получишь образ второго, потом таким же способом найдёшь и третьего...

— Скажи мне, — чуть не закричал я, — неужели есть ещё и третий круг погружения в традицию?

— Есть, Гор, есть, но тебе никого искать больше не придётся. В третьем круге ты встретишься всего с одним человеком. И он, когда будет нужно, найдёт тебя сам. Всё, теперь прощай, до новой связи! И меня не ищи, всё равно не найдёшь.

— А я уже нашёл, — вырвалось у меня.

— Вот как?! — удивился образ. — Ну и ну! Рад, что в тебе не ошибся. Ты всегда приятно меня удивлял.

С этими словами лицо волхва стало растворяться. Со своей стороны я попытался его удержать, но мои усилия оказались тщетными... Связь прервалась. Осознавая случившееся, я несколько минут пребывал в своём бессознательном. Потом, придя в себя, взглянул на часы — было пятнадцать минут первого.

Глава 2. Воспоминание о пройденном. Мечта дяди Ёши. Простое в сложном

С того момента, как я вышел на телепатическую связь с ведуном, прошло не более двадцати минут. Но этого короткого времени для меня хватило, чтобы снова собраться и обрести то, что ещё недавно казалось утраченным: смысл движения — в будущее... Не к той пропасти, куда С.Т. так старательно нас всех подталкивают, а туда, где за тьмой безысходности блеснул лучик надежды... Невольно вспомнились слова старого о том, что главное для современных русичей возвращение в их истерзанные вековым насилием и ложью души хоть какой-то надежды на изменение к лучшему. Тогда сломленный, порабощенный и вымирающий этнос наверняка вновь найдёт в себе силы к сопротивлению. И, превратившись в монолитную несокрушимую скалу, станет такой силой, с которой не справятся никакие социальные цунами и бури...

«Ну что же, — подумал я про себя, — попробуем вернуть потерянное. Но для начала надо найти тех, кто бы меня понимал... Как говаривал мудрый дядя Ёша: «Один в поле воин только тогда, когда за его спиной видна целая армия»... Кстати, где он мой северный еврей? Жив ли? — и моя рука снова потянулась к маятнику. — Нет, не стоит, — остановил я себя. — Вдруг его уже нет! Прошла бездна времени!»

Но внутри при мысли о смерти дяди Ёши почему-то не похолодело. Наоборот, я почувствовал в себе какую-то необъяснимую радость. Похоже, жив ещё мой матерый еврейце! Жив! Обрадовался я своему чувству. Значит, ещё увидимся! Какая у нас с ним была первая встреча?! Прямо скажем, незабываемая! Я чуть было от его вида не сделал ноги... А потом началась дружба, и ещё какая! Правда, были мы вместе не долго — всего четыре недели. Но сколько то незабываемое время мне тогда дало! Чего стоили лекции дяди Ёши! То, что я от него узнал, мечта многих горе-академиков.

И я мысленно перенёсся в то далёкое время, когда, вернувшись после почти месячных скитаний по осенней тундре, мы со старым антропологом оказались в его уютной квартире. Наконец-то не надо было к костру таскать полугнилой сушняк, устанавливать надоевшую сырую палатку и наскоро готовить себе ужин. На столе нас ждала внушительная кастрюля сваренной из привезённой нами кумжи ухи, а рядом с ней красовался электрический самовар со свежесваренным чаем. Мы сидели друг против друга, с аппетитом хлебали свою уху и в который раз вспоминали недавно нами увиденное. В моей голове никак не укладывалось, что здесь, в Заполярье, десятки тысяч лет назад процветала цивилизация, которая запросто строила из камня гигантские пирамиды-конусы, возводила из тёсаного гранита стены некогда величественных городов и мостила ушедшие в слой лёсса и мха дороги... Даже те жалкие остатки древних построек, которые мне показал дядя Ёша, впечатляли. Не выходила из головы каменная обсерватория, показанная учёным-антропологом в районе Седьяврозера. Она расположена недалеко от перешейка, между Седьявр, или Сейдозером и Водоозером. К ней ведёт древняя каменная разделяющая эти озёра дамба. Обсерватория стоит на горе Нингурт. Посаамски — женские груди. Удивительно, как она уцелела?! Вместо древнего допотопного города, который находился ниже, груда поросших лишайником развалин! Его кварталы, со слов учёного, сокрушила серия чудовищной силы взрывов. Следы этого ужасного воздействия хорошо видны и сегодня. В основном, в виде овальных, небольших, но глубоких озёр. В этих озёрах и в наше время прослеживается очень высокий фон радиации. Здесь мы имеем дело с научным фактом. На радиоактивный фон в глубинах округлых «озёр-воронок» обратил в 1922 году своё внимание ещё первый исследователь загадок Сейдозера Александр Барченко. Но обсерватория каким-то чудом сохранилась!!! Очевидно, рядом с ней стояли массивные стены какого-то

здания. Они-то и спасли её от полного разрушения. Во всяком случае, мне так объяснил феномен обсерватории учёный-антрополог. По его мнению, все развалины на Кольском полуострове появились в результате мощного температурно-лучевого воздействия. Позднее, через несколько тысяч лет, по выжженным руинам погибшей цивилизации прокатился километровой толщины ледник одного из древних оледенений. Он, этот ледник, растёр в пыль и разметал всё то, что ещё как-то уцелело... Сохранилось от той далёкой, затерянной в тысячелетиях и забытой древней войны. Смертельной борьбы двух враждующих великих империй. Во всяком случае, именно так мне пытался объяснить разрушения Кольского полуострова дядя Ёша. Учёный-антрополог был убеждён, что такие же «сверхруины» разрушенных взрывами и ледником городов можно немало найти по всему евроазиатскому, даже американскому северу. Везде одна и та же картина: сначала мощное температурно-волновое воздействие, потом тысячетонное давлениедвигающихся с гор в долины ледниковых образований.

— Ты помнишь, — наливая себе чай из самовара, посмотрел на меня дядя Ёша. — Мы увидели с тобой пирамиды с моря, с борта катера, когда шли от устья Поноя на Иокангу? Их ведь хорошо видно. О пирамидах на Мурмане испокон веков знали поморы не только с Терского берега, но и из Кандалакшской губы, из Карелии и самого Архангельска. О них не мог не знать и Михайло Ломоносов. Он с отцом не раз ходил морем и в Варзлугу, и в саму Колу. Но ты в его дневниках не найдёшь ни о пирамидах, ни о древней разрушенной цивилизации, ни о загадочных каменных столбах-сейдах ни слова. Как ты думаешь, почему? — взглянул поверх своих очков на меня дядя Ёша.

— Наверное, чтобы не привлекать к нашему северу внимания, — подумав, сказал я.

— Внимание кого? — снова задал вопрос учёный.

— Масонских кругов Европы...

— И в науке, и во властных структурах, — закончил за меня антрополог. — Теперь ты понимаешь, почему то, с чем я тебя познакомил, нигде в печатных изданиях не фигурирует? Ничего не известно ни о разрушенных городах севера, ни о пирамидах, стоящих за полярным кругом, ни о загадочных каменных столбах, тем более — обсерваториях... Что я тебе показал? Самую малость: руины трёх допотопных городов, отпечаток старика «Куйвы» на скале у Сейдозера и остатки самой древней на Земле обсерватории... Вот и всё. Что сам знаю. А ведь разрушенных в незапамятные времена селений на нашем севере десятки! А может быть, и сотни. Я слышал, что встречаются допотопные руины в соседней Карелии, на берегах Двинской губы, острове Колгуев, на Новой Земле, на острове Вайгач, на Югорском полуострове и Приполярном Урале... В Сибири таких погибших городов ещё больше, особенно в Восточной за Енисеем...

— Скажи, дядя Ёша, от кого ты всё это слышал? — поинтересовался я. — Неужели от своих научных коллег, с кем когда-то работал?

— От коллег? — засмеялся учёный. — От них можно почерпнуть только то, что написано в научных трактатах. Значит, ничего существенного. Пустые бредни и глупые домыслы... О разрушенных городах и храмах «Великой Земли Матери» — колыбели белой расы я узнал из рассказов тех, кто их видел. От людей, кто просил об услышанном до поры до времени молчать...

— Значит, от поморов? — заключил я.

— От поморов и стариков коми, ненцев и саамов... — кивнул головой антрополог. — Если для последних древние развалины всего лишь святые места, то для русских северян — их далёкое прошлое. Та старина, которую надо обязательно сохранить для потомков... Вот почему молчал Михайло Ломоносов. Молчал даже тогда, когда Шлёцер с Миллером открыто его высмеивали... Почему до сих пор помалкивают о мёртвой северной цивилизации многие

посвящённые. Наконец почему никуда ничего не пишет не только о разрушенных городах, но и о целёхоньких северных пирамидах историк и антрополог Солганик дядя Ёша! А ведь пирамиды стоят не только у нас на Мурмане, но и в Карелии, на территории автономного Ненецкого, в Приполярном Урале. В Сибири их вообще пруд пруди — не меньше, чем в Китае...

Увидев, что учёный еврей немного успокоился, я его спросил:

— Вот ты сейчас, дядя Ёша, только что сказал, что «Великая Земля Мать» — колыбель нашей белой расы...

— А! Ты заметил, сразу же заметил! — погрозил он мне, улыбаясь, своим коротким кривым пальцем. — Молодец, внимательный! Но я тебе отвечу: как я уже говорил, мы евреи — все разные. Тем более антропологически. К чистым семитам можно отнести, разве что, местных палестинских евреев. Европейские же евреи, особенно восточные, настолько смешались с индоевропейцами, что антропологически да и генетически семитами давным-давно не являются. Их предки перестали быть чистыми евреями ещё во времена римского владычества. Когда в семитской среде полностью растворились потомки хананеев, филистимлян, южных венетов-финикийцев, колонистов хеттов и даже роды оставшихся в Палестине скифов. Именно такой конгломерат и проник в средневековую Европу. На новом месте началось ещё одно смешение... Посуди сам, что осталось от бывших семитов? Генетически и антропологически ничего! И что мы сейчас наблюдаем? Испанские евреи похожи на испанцев, французские на французов, немецкие евреи — копия немцев, особенно баварские, то же самое на востоке в землях славян. Ты считаешь, что я похож на еврея? На самого что ни на есть истинного? Так?

Я смущённо кивнул.

— А знаешь, на кого я похож? — развеселился дядя Ёша. — На своего прадеда ассирийца с юга Грузии. Как ты должен знать, древние ассирийцы тоже были южными индоевропейцами. Семитами у них являлись всего лишь правители, да и то в позднее время... Вот почему всё, что касается древней нашей прародины или «Великой Матери Земли», по-гречески — Гипербореи, по-русски — Орианы, должно касаться и нас переродков евреев.

На несколько секунд учитель истории замолчал, а потом добавил:

— Знали бы все эти больные талмудизмом, что, ненавидя русских, немцев или поляков, они тем самым презирают на генетическом уровне, прежде всего самих себя, потому что на 90 %, а то и больше, являются точно такими же европейцами. Знаешь, как мне еврейю за таких вот обидно. И ещё больше стыдно!!! — вздохнул дядя Ёша. — Вот мой коллега, учёный историк из США, член Академии наук Арон Гуревич недавно в западной прессе, что называется высказался... Если уж ты балбес в науке, то хотя бы молчи, научись скрывать свою дурь! Знаешь, что он выдал? Что вы русские — генетические рабы! Если дословно: что у каждого русского в душе пульсирует рабский генетический комплекс... И представляешь, не нашлось в их «малине» ни одного еврея, кто бы ему возразил! Не нашлось!! Забыли подлые талмудисты, какой народ их спас от гитлеризма! Уж, конечно, же не с рабской психикой... Забыли!

Разгорячившись, дядя Ёша отодвинул на край стола недопитый чай и в бессилии сжал в кулаки свои маленькие ручки... Глядя на меня в упор, он сказал:

— Арон Гуревич считается лучшим на Западе специалистом по России, Гера. Это не шухры-мухры! Под его дудку сразу же завизжали десятки других сионистских авторитетов. Для всей их братии высказывание Арона Гуревича явилось нечто вроде пускового механизма. В чём только русский этнос сейчас не обвиняют! Что вы русские по своей природе предельно тупые, патологически жадные и жестокие, что крайне ленивые, все воры и как свиньи грязные... Но это только присказка!

— Ничего себе! — вырвалось у меня. — Что же тогда у них за сказку?

— За сказку то, что русские — не немцы, а вы виноваты в холокосте!

— Как это?! — я опешил.

— А вот так, — стукнул по столу кулаком дядя Ёша. — Думаешь, они там, на Западе все с ума посходили? Ничуть не бывало! Сионисты — зверьки вполне вменяемые. Они со знанием дела разработали теорию, что корни холокоста прорастают из вашего русского антисемитизма. Если точнее — из черносотенского движения...

— Но ведь черносотенские организации являлись всего лишь следствием того беспредела, который был организован в России...

— Теми, которых мы сейчас называем сионистами, — закончил за меня историк. — Тогда во всю мощь сработала технология разделения... Похоже, ты о ней мало что знаешь? — взглянул он на меня. — Но ничего — дело поправимое... Со временем мы с этой изуверской технологией разберёмся... Я вот о чём, — сказал антрополог, немного успокоившись. — Как ты думаешь, зачем всё это? Зачем столько лжи на этнос, спасший мир от коричневых? Лжи — не японской и не китайской, не западноевропейской и даже не американской, а лжи избранного народа?

Не зная, что ответить, я молчал.

— Не знаешь, — вздохнул лектор. — Не знаешь... Да и откуда тебе знать русскому о замыслах евреев? А я знаю! Потому что я еврей и чувствую, куда «их» нацелили своим сердцем. Знаешь, что задумали хозяева иудеев? Вас русских — прямых потомков легендарных ориан и бореалов превратить в живой скот! В стадо будущих «своих» рабов. Если победят глобализаторы, так и будет. Сейчас по всему миру началась психологическая обработка обывателя. Чтобы вы русичи и русские в глазах разноязыкой и разношерстной мировой толпы выглядели русоволосой голубоглазой нелюдью... Помнишь басню, как льву накинули на хвост ярлык, что он осёл? И как лев не доказывал всем, что он царь зверей, все признавали в нём по ярлыку только осла... Старая жреческая технология... Иудеи же, как положено, являются верными её проводниками... Тупость, параноидальный идиотизм! Рабство же для вас равносильно смерти! Хоронить русичей — тоже самое, что хоронить надежду... Но, кто из талмудистов это понимает?! — рассвирепел дядя Ёша.

— Может, дело совсем не в тупости? — вставил я. — А в эффекте термитника? Той самой оккультной технологии управления избранными, о которой мне когда-то рассказывал «пасечник»...

— В ней, будь она проклята! В ней! — стиснул зубы еврей-антрополог. — И ничего с этой технологией не поделаешь... Пока на Земле жив талмудический иудаизм, а во главе его стоят нелюди и не только из хабада...

Постепенно учитель успокоился. Он допил свой чай и, обратившись ко мне, сказал:

— Прости, Гера, за столь долгое лирическое отступление. Ты сам меня на него спровоцировал. Задел большое: то о чём я частенько думаю... Волхв дал тебе мой адрес и написал мне, чтобы я посвятил тебя в кое-какие тайны. Так с чего же мы начнём? — спросил он сам себя. — Наверное, с того, что здесь, на Мурмане, некоторые из стариков ещё помнят. Ты знаешь, как русская Америка оказалась под властью «детей акуль»? — спросил он меня.

— В общих чертах, — ответил я искренне.

— Значит не знаешь, — констатировал историк. — И, конечно же, не знаешь, что незадолго до русско-японской кабинет императора Николая II всерьёз намеревался продать Кольский полуостров Английской короне. Переговоры о продаже русской Лапландии вели скрытно, тихо, но о них всё равно узнали. На Кольском, как и при Александре II, когда шла сделка между русскими и западными масонами о передаче американцам Калифорнии и Аляски, сразу же началась паника. Особенно были перепуганы коренные жители саамы. Они понимали, что от англичан, как некогда от норвежцев, в землю не зароешься. И откупиться пушниной от них будет невозможно. Поэтому лопарские шаманы во время своих камланий при обращении к

матери природе — «Мадер-акке» и к своим предкам стали просить эти светлые силы, чтобы они призвали на помощь им, «оленным людям», древних хозяев Лапландии легендарных русоволосых и голубоглазых мандашей. В своих обращениях в высшие миры саамские шаманы прямо говорили, что «англицкие люди» придут на покинутую ими мандашами землю, чтобы разрушить и увезти к себе всё, что от голубоглазых ещё уцелело: пирамиды, древние сейды, лабиринты, подземные храмы и даже книгохранилища. Да-да, некоторые саамские шаманы упоминали и о подземных книгохранилищах. Ты вправе спросить, Гера, откуда я всё это узнал? — прервал своё повествование дядя Ёша. — Так я тебе скажу — от потомков русских поморов жителей Терского берега и Варзлуги. В то время и саамы, и коми-ижморцы, и переселенцы ненцы, и русские были объединены одной идеей: спасти свою землю от продажи на Запад. И древние русоволосые богатыри-маги, старинные хозяева Лапландского севера мандаши, стали волею шаманов их верными союзниками. Неизвестно почему, но та роковая сделка так и не состоялась! Наверное, в оккультном поединке с силами Запада лопарские шаманы и те, кого им удалось призвать себе на помощь, всё-таки победили. Хотя надо отдать должное и тёмным силам, кто всё это затеял. Усилиями манипуляторов у трона внимание императора было приковано к Дальнему Востоку. С «его подачи» на Ляодунском полуострове строился город Дальний, крепость Порт-Артур. Туда велась железная дорога. Кольский полуостров царя-батюшку не волновал. К тому же, если его выгодно продать, то вырученные деньги можно было вложить в

Маньчжурию... Возможно, спутала планы по продаже Мурмана неудачная война с Японией? Хотя, с другой стороны, проигранная война, наоборот, могла подхлестнуть царя и его клику поправить свои финансовые дела такой вот безответственной сделкой. Важно то, что русскую Лапландию удалось отстоять. И отстоять, скорее всего, оккультно... Представь, чтобы могло случиться, отдай российские мурман Западу в лице Великобритании. Это было бы похуже самого жестокого оледенения.

Чтобы успокоиться, историк поднялся из-за стола и стал ходить по комнате.

— Вот ты только что сказал, дядя Ёша, что мы и русичи, и русские... Как это понимать? — решил я как-то отвлечь его от грустных мыслей.

— А так! — повернулся он ко мне. — Ты вот русич, а я — русский!

От его слов меня аж подбросило.

«Вот так ответ?! Он дядя Ёша — «матёрый евреище» и вдруг — русский?»

— Ты потому русич, что в тебе нет другой крови, кроме орианской, бореальской или русской. Ты типичный представитель самой древней на Земле расы. Меня как антрополога не обманешь, я это вижу без научных промеров и расчётов... Во мне же есть немного крови семитской, в ком-то добавка финской крови, тюркской, палеоазиатской или даже китайской. Но в то же время все мы считаем себя представителями единого народа. Тем более, что говорим на русском языке, входим в духовное поле великой русской культуры и полностью разделяем с потомками бореалов их духовные ценности. Потому мы не русичи, но, несомненно — русские! Русской крови у Сталина было меньше, чем во мне, но он считал себя сначала русским и только потом грузином. Так же, как и Исаак Осипович Дунаевский, который убеждённо верил в то, что является русским евреем. Потому всю жизнь и писал подлинно русскую музыку. Сколько у нас таких русских чувашей, русских осетин, татар и даже полукитайцев! Слово русский является прилагательным, оно обозначает качество. И ещё оно имеет магическую силу объединения. Для Запада мы все без исключения — русские... Хорошо это или плохо? Для нас русских — хорошо. Для вас русичей — плохо!

— Почему? — изумился я.

Честно говоря, всё что пытался рассказать мне дядя Ёша, в сознании никак не

укладывалось.

«Русичи... русские? Что за чушь? — думал я. — Какая разница? Он что, «матёрый евреище», пытается разделять?»

— Плохо — вот почему, — продолжал развивать свою мысль дядя Ёша. — Что вы, русичи, оказались растворёнными в русских. Как будто вас и нет вовсе. Пройдёт немного времени, и слово русский — хоть какое-то подобие национальности наши власти, по приказу из-за бугра, заменят словом «русскоязычный». Тогда уже и нас не будет — тех самых русских, которых так боится и ненавидит Запад.

— А что станет с графой национальности в паспорте? Неужели там нас заставят написать, что мы всего лишь «русскоязычные»? — спросил я еврея.

— Её, эту графу, из паспортов уберут, — убеждённо заявил дядя Ёша. — Национальность заменят словом «россиянин». Но учти, всё это проделают только в отношении вас, «русичей», и нас — ваших кровных и духовных братьев «русских». Остальных народов будущей России такая реформа не коснётся. В их паспортах графа национальности будет заполнена как подобает: татары останутся теми же — самыми татарами, даргинцы — даргинцами, калмыки — калмыками и т. д. Мне хочется обратить твоё внимание на эволюцию слова, означающего не просто национальность, но и расу. Расу не столько земную, сколько космическую... Ты наверняка знаешь, как переводится на современный язык с санскрита слово «русса»? Знаешь и глубинное сакральное значение его?

Я кивнул.

— В первом случае «русса» — означает светлый, лучистый. Во втором — прямо указывает на приход белой расы из космоса...

— Всё это так, — посмотрел мне в глаза дядя Ёша. — А теперь проследи: сначала на Земле были русичи-ориане, после переселения на материк — русичи-бореалы, потом русичи-арии Аратты, русичи-арии Артании... Боковые ветви — русичи-арии Индостана, Ирана, Вавилонии, Ханаана, Шумера и Египта. Везде жили русичи! Это легко подтверждается и письменными источниками. Слово «русич» было сакральным, произносили его не часто, но оно прослеживается везде, где когда-то расселялись наши предки бореалы. Достаточно вспомнить название того же Иерусалима. Налицо какой корень? Корень — «рус». Или вспомнить имена Урартских царей Русса I и Русса II... Да и Сирия в древности называлась Руссией... До сих пор в Сирийской пустыне и даже в Аравийской есть русские оазисы... Всё это можно легко проверить. Но пришло время, когда на Западе и на юге сакральное слово «русса» было забыто. Стал раскручиваться процесс медленного убийства белой космической расы. Вопрос: почему римляне, эти выкормыши атлантистов, так ненавидели этрусков? Да за то, что последние упорно сохраняли за собою название «русичи». Если дословно и отдельно — «это русичи». Вместе и на латинском — «этруски». Несомненно, Западу многое удалось. Кельты из русичей-бойев, русичей-ирров, скоттов и других превратились в галлов. Их соседи русичи Рины и Лабы (Рейна и Эльбы) в германцев. Но осталась Русь Восточная. Могучая конфедерация племён, где люди помнили, что они — русичи, земные представители звёздной расы, потомки бореалов и Орианы победителей антской или атлантической империи. Перед силами Хаоса возникла серьёзная проблема: как заставить потомков Ориан и бореалов забыть кто они? Как сделать так, чтобы сакральное звёздное слово «русса» выпало из их коллективной памяти? Чтобы они, эти ненавистные русоволосые и голубоглазые, забыли свои древние предания, отказались от своего ведического великого прошлого и превратились в рабски послушных западным диктаторам полулюдей-полуживотных? С этой вот целью с помощью своих ставленников Запад и навязал вам русичам выдуманное хозяевами иудейской цивилизации христианство... Здесь была применена «технология постепенности и последовательности». Технология, надо сказать,

удачная, так как в военном отношении вы, русичи, оказались куда сильнее вскормленного атлантистами Рима. От Римской империи вы оставили груды развалин. Но внутренний враг оказался куда сильнее внешнего. Прошло немного времени, всего 500 лет после принятия христианства, и вы из гордых русичей превратились в носителей их качеств — просто русских. Пройдёт ещё десять, пятнадцать лет, и вас будут называть русскоязычными, а потом и просто россиянами. Будто бы вас потомков ориан-ариев вообще в Северном полушарии и не существует. Впрочем, не станет и нас русских, — закончил своё грустное повествование дядя Ёша...

— Та же технология ярлыка? — посмотрел я на него. — Из басни, как льву на хвост набросили ярлык, что он осёл...

— Да, да, та же технология, — вздохнул русский еврей.

Не помню, как я поднялся из-за стола, как подошёл к расстроенному от своих недобрых предчувствий историку. Но то, что я ему тогда сказал, помню:

— Дядя Ёша, — положил я ему на плечо свою руку. — Не всё ведь ещё потеряно, может, и не произойдёт того, о чём ты думаешь... Ты, я смотрю, хоронишь не только СССР, но вместе с ним и Россию. И даже нас — русских. Неужели так всё плохо?

— Хуже некуда, Гера, хуже некуда! — ответил антрополог. — Все действия пятой колонны как на ладони! Скоро в генсеки протолкнут того, кто начнёт в угоду Западу небывалые реформы. Фактически разрушения. И до самого основания! Наши люди кое с кем из гвардии перевёртышей контактат, и им в их «малине» пока доверяют. Вот откуда мой пессимизм, русич.

Учёный еврей впервые за время нашего общения вдруг назвал меня не по имени, а по национальности. От слов учёного на душе стало тревожно.

— Значит, СССР всё-таки обречён, и ты это не предполагаешь, а твёрдо знаешь? — переспросил я его.

Историк, молча, кивнул и, усевшись снова за стол, стал рассматривать меня, как будто впервые увидел.

— Ты ведь хочешь кое о чём меня спросить, но почему не спрашиваешь? — наконец выдавил он из себя.

— Хочу, — признался я. — Но боюсь тебя обидеть...

— А ты не бойся, Гера, не бойся, так и спроси.

— Зачем тебе, матёрый евреище, понадобилось разделить мою нацию надвое?

— На русичей и просто русских? Как известно, всякое разделение — зло. Древняя жреческая пси-технология...

От слов учёного я невольно покраснел.

— Я тебе сейчас объясню, — продолжал дядя Ёша. — Не разделение это, а, наоборот, объединение. Наберись терпения и выслушай: помнишь теории антрополога Бориса Федоровича Поршнева о хищных и нехищных видах рода человеческого?

— Помню, — кивнул я.

— По Поршневу два хищных вида человека как называются?

— Суперанимал и суггестр. Нехищные же — диффузный вид и неантроп.

— Верно, верно! — остановил мою прыть в желании показать свои знания дядя Ёша. — Я вижу, ты с теорией Бориса Фёдоровича знаком... И знаешь, что собой представляют диффузники... Что они иногда бывают хуже демонических личностей. Именно так я называю хищные виды. Потому что они намного опаснее львов и тигров.

— Как это? — удивился я.

— Да так! — резко сказал антрополог. — Диффузники по своей природе всегда стремятся походить на демонических, падать вниз намного проще... Поэтому они и недолголюбивают неантропов, людей с глубоким чувством справедливости, долга, сострадания, любви и чести. И

получается, что «поршневатские неантропы» вынуждены противостоять двум хищным человеческим видам и одному нехищному... А теперь давай разберёмся: кто же такие неантропы? Поршневат считал, что неантропы — нарождающийся новый вид человека. Но, по моим убеждениям, это не так. Неантропы — не новый вид, а, наоборот, чудом уцелевший старьй. Причём в «поршневатское понятие — неантроп» входят все три высших древних забытых сословия. Есть неантропы-труженики, есть воины или управленцы, есть и стратеги-жрецы. Я несколько раз пытался указать Борису Фёдоровичу на неоднородность неантропа. Но кто я для него был? Еврей — демоническая личность, суггестр. Поэтому он от меня отмахивался как от назойливой мухи... К тому же Поршневат слыл ярым дарвинистом. Опираясь на теорию Дарвина, он и развил свои представления. По его мнению, людоеды-адельтофаги со временем превратились в суперанималов и суггестров. А то, что неандертальцы и питекантропы пожирали друг друга и активно смешивались с нашим видом, Борис Фёдорович так и не признал. Ему было проще придумать новую теорию, чем заметить очевидное. Ну, теперь ты меня понял?

— Признаться, нет! — растерялся я. — Не пойму, куда ты клонишь?

— Подожди немного, сейчас всё поймёшь, — поднял ладонь антрополог. — Дело в том, что я со своей стороны провёл исследования «поршневатских неантропов». И понял, что, как правило, все они представляют собой чистокровных русичей, древнюю расу бореалов без каких-либо посторонних генетических примесей. И разделяются по шкале духовности, как я уже говорил, на три группы — три сословия. Конечно, фенотип и генотип далеко не всегда между собой связаны. Но у вас, русичей, такая связь явно прослеживается. Это и есть чистопородность, когда внешнее соответствует внутреннему. Среди чистокровных русичей теоретически тоже должны попадаться демонические личности... Но я, признаться, таких не встретил... Теперь-то ты меня понял? — посмотрел на меня дядя Ёша с надеждой.

— Не совсем, — честно признался я.

— Тут всё просто: мы все, кто считаем себя русскими, кто принял духовные ценности русичей-ориан, по сути, являемся в наше жестокое время самыми настоящими диффузниками. Фактически людьми перекаати-поле. И нам, если уж мы осознали себя русским народом, надо не копировать демонических героев Запада, а стремиться к тем, кто к нам ближе и по генофонду и духу. Кто, по сути, являются нашими духовными лидерами, не «врагом», надоедливый моралистом и учителями ненужной никому духовности, а теми, за кем следует идти, кому можно верить и от кого надо очень многое почерпнуть. Русские диффузники должны научиться видеть в подлинно русском человеке, или русиче, те великие духовные ценности, без которых будущее человечества просто не состоится. Это чувство справедливости, сострадания, чувство меры, любви к ближнему, безразличие к материальному и власти... Просто я мечтаю о духовном родстве наших российских обывателей-диффузников с теми чудом уцелевшими ариями-русичами, которых академик Поршневат назвал неантропами. Как видишь, речь идёт не о разделении, Гера, а о глубинной связи всего нашего русского родного, высокого и светлого.

На минутку учитель истории замолчал. Под впечатлением от услышанного, молчал и я. Что было говорить? Антрополог оказался ещё и мечтателем. Хорошо это или плохо? Наверное, хорошо.

«Мечтать не вредно», — вспомнил я бабушкино высказывание.

— Ты вот что, дядя Ёша, — прервал я молчание. — Расскажи-ка мне лучше о той оккультной борьбе, которая, по твоему мнению, закончилась победой саамских шаманов. Победой над теми, кто пытался продать Кольский полуостров Западу.

— Это-то мне тебе и надо рассказать, — оживился историк. — Но ты меня своими вопросами постоянно отвлекаешь...

— Честное слово, больше не буду, — поклялся я.

Глава 3. Первый рассказ дяди Ёши

— Тогда слушай и не перебивай, — с напускной строгостью сказал учитель истории. — А для удобства пойдём в мой кабинет. Там под рукой нужные нам книги да и в креслах сидеть удобнее...

Мы вошли в комнату, которую дядя Ёша называл своим кабинетом, и уселись в глубокие удобные кресла.

— Видишь, сколько книг! — показал учёный на полки. — Я их собирал всю свою жизнь. Тут и наши советские издания, и монографии западных учёных, и даже переводы некоторых китайских летописей. То, что ты видел в зале, — капля в море по сравнению с этим, — показал он на стеллажи с книгами. — Там больше для гостей, здесь для работы... Вот перед тобой три различных издания Торы. Эта на арамейском языке, та на иврите, а то издание можешь почитать — оно на русском, — показал он на одну из книг. — А вот здесь полное, доступное только раввинам, собрание свитков каббалы. — Положил свою руку на один из здоровенных ящиков дядя Ёша. — Я достаточно понимаю и арамейский, и иврит. Поэтому, если и допущены мною какие-то неточности в выводах, то они незначительны. Так вот, — начал учёный еврей свою лекцию. — Прежде чем подробно тебе рассказать об оккультном противостоянии саамских шаманов со своими оппонентами с Запада, я считаю необходимым познакомить тебя с тем тайным знанием, которое принято у нас называть магией. Наверняка ведун тебе объяснил, что в Мироздании нет ничего, кроме информации, различных форм материи — начиная от микромира и кончая макро, законов силового равновесия и их взаимодействия. Где одним из центральных является закон меры. В ведической орианто-бореальной традиции это звучит как Навь, Явь и Правь. Тебе, я думаю, понятно, что без законов взаимодействия или равновесия любая система из строго отлаженного механизма тут же превращается в набор всего и ничего. В самый настоящий хаос...

Я согласно кивнул.

— Если ты это понимаешь, пойдём вглубь, — сверкнул своими глазами-сливами учёный-антрополог. — Теперь давай разберемся, что же собой представляет магическое действие? Всего-навсего при помощи информационного «ключа» происходит возбуждение мощных энергетических полей... Примечательно то, что энергии для переноса информации к силовому полю тратится ровно столько, чтобы донести без потерь информацию. Больше силового воздействия и не требуется. Но тут есть одна тонкость: необходимо, чтобы информационный «ключ» точно подошёл к гигантскому сверхмаховику силы. Если он не подойдёт, то никакого эффекта не будет. Теперь ты понимаешь, почему некоторые молитвы работают, причём безотказно, а многие другие являются пустым звуком. Тоже самое можно отнести к словам в заговорах. Если забыто ключевое слово, то заговор фактически бесполезен. Это относится в равной степени и к мысленным обращениям. Так вот, то, что мы называем магией, является информационно-силовым инструментом включения силовых полей нужных эгрегоров. Поэтому и существует на свете столько различных магий. Вот перед тобой свитки иудейской магии или каббалы, — показал учёный снова на свой ящик. — Там на полке у меня книги самиздата с ритуалами магии Буду, тибетской магии секты Бон-По, книги с описанием ритуалов викканской магии и магии церемониальной... Есть у меня статьи по магии папуасов, шаманской магии гондов и сибирских шаманов... Видишь, сколько ключей? Ключей к различным эгрегорам. Запомни и пойми — к эгрегорам. Только к ним. И когда идёт битва между двумя различными магами, например магом секты Бон-По и магом-ламаистом, то побеждает не тот, который привлёк на свою сторону больше силы своего эгрегора, а тот, у которого сильнее эгрегор.

Потому что идёт сражение, прежде всего самих эгрегоров. А теперь давай вспомним, кто создавал иудейский эгрегор? Фиванские жрецы Сета-Амона. А кто им помогал в этом? Уцелевшие из погибшей Атлантиды. Причём действовали они не столько в Старом Свете, сколько в Новом — в Мезоамерике. Я имею в виду миссию протоольмеков. Из их колонии чёрное жречество расползлось по всей центральной Америке. Когда же этот процесс завершился, произвели технологию подмены высшего сословия, а самих ольмеков, за ненадобностью, аккуратно убрали. Чтобы потом учёные мужи гадали: откуда к индейцам пришёл культ чудовищных ритуальных жертвоприношений, традиция людоедства и зверских пыток? На самом деле всё просто — от переселенцев с востока. С погибшего материка, о котором хорошо написано в кодексе майя. Ты читал этот кодекс? — спросил меня лектор.

— Не только читал, но и подробно его изучал.

— Тогда давай разбираться дальше, — поднял руку дядя Ёша. — Давай вспомним, кто такой этот Амин, Амон, Амен? Что означает его имя? Оно означает «тайный». Вот и всё. Но «тайному» поклоняются и иудеи, и христиане, и мусульмане... Так?

— Так, — согласился я.

— Значит, ты и это понимаешь, — покосился в мою сторону историк. — Вижу, не зря с тобой работал «пасечник». Тогда давай вместе вспомним, сколько у древних египтян было главных информационно-силовых принципов Мироздания, или проще — богов?

— Столько же, сколько и на Руси — основных девять, плюс три связывающих, — припомнил я.

— Значит, полный ведический пантеон? Так?

Я согласился.

— Как ты помнишь, пантеон Древнего царства обходился без Амона. Но и в Древнем царстве, и в додинастическом Египте богов было тоже двенадцать. Амон появился у фиванских жрецов в период Среднего царства, появился тринадцатым. И его надо было как-то внедрить в пантеон. Признаться, что «тайный» является одной из ипостасей Сета, его служители не могли объявить Амона тринадцатым богом тоже было нельзя. Вот и связали его с древним Ра. Чистейший воды подлог. Одно имя что стоит — «тайный». Со временем фиванский божок и стал единым богом иудеев, всех христианских церквей, сект и богом исламского мира. Спрашивается, откуда эгрегор новоиспечённого бога взял такую силу? Тут всё дело в ней, а не в том, что считают его служители. Они могут признать всё, что угодно, но от этого ничего не изменится. А секрет-то весь на поверхности, и его видно. Создавая эгрегор нового бога разрушения, фактически искусственного, под будущие точно такие же религии, атлантические жрецы и их покровители, думаю ты о них не слышал, сначала от единой сущности властителя Нави, древнего бореальского Чернобога отделили владыку пустыни — Сета, а потом из последнего произвели того, кого назвали Амоном или «тайным».

Сказанное учёным историком меня шокировало.

«Ничего себе технология! Одна за другой две — замены. Сначала сузили функции тёмной, очищающей и поэтому деструктивной ипостаси Рода до злого бога песков, а потом из эгрегора Сета, когда о Чернобоге в стране Та-кем забылось, выделили того, кого хотели...»

Я понимал, что дядя Ёша говорит правду. Потому что Сет, если и деструктор, то условный, к тому же действует он в строго ограниченном диапазоне... А между тем учёный еврей продолжал:

— Как видишь Амон, Гера, не только бог искусственный, но и крайне рафинированный. Эгрегор же его накачивается исключительно энергией страдания. Во-первых, это самый простой способ добычи необходимой силы. И, во-вторых, хищный эгрегор очень легко подтолкнуть на любое злодейство, главное — чтобы он получал от таких действий как можно больше для себя

энергии... Знаешь, куда в Центральной Америке подевались потомки атлантов — ольмеки? Они оказались одними из первых, кто стал наполнять энергией своих страданий созданное на Земле их же соотечественниками из-за моря новое божество Амона. Вот посмотри, полюбуйся, — поднялся со своего кресла учёный.

Несколько секунд он покопался в какой-то папке и протянул мне фотографии индейских фресок. На фото были изображены связанные между собой и идущие на казнь люди. Поразительно было то, что все они в расовом отношении были разные. Впереди колонны шёл высокий чёрный человек, по всей видимости, самый настоящий негр, за ним следовал с вывернутыми руками представитель местной расы — краснокожий, к краснокожему был привязан явно индивидуум европеоидного типа. У него была белая кожа и светлые волосы. Следом за ним виднелась фигура ещё одного негра...

— Ничего не понимаю, — посмотрел я на историка. — Почему на фреске изображены негры и даже белые?

— Потому, что в Атлантиде вместе проживали все три расы, как сейчас в Соединённых Штатах, — улыбнулся дядя Ёша. — Нация поздних атлантов представляла собой расовый конгломерат... Ольмеки — фактически те же атланты, только колонисты. Ты посмотри на фигуры повнимательнее... Ну что, теперь видишь?

— Вижу, — шепотом сказал я. — Они идут на казнь кастрированными...

— А потом у пленников, ещё у живых, вскрыют на алтаре каменными ножами грудные клетки и вырвут сердца... И ещё бьющиеся бросят в огонь... Вот тебе налицо одна из технологий полного откачивания посредством физического страдания всей человеческой энергии. Как показывают современные исследования, культ кровавых человеческих жертвоприношений занесли на американский материк ольмеки. Они первыми и стали жертвами своего культа. А потом всё пошло так, как было спланировано: между государствами индейцев начались бесконечные войны. И не ради наживы, а ради захвата как можно большего количества пленных. Чтобы всех этих несчастных привести на вершины некогда выстроенных атлантами пирамид и вырвать, в угоду нового создаваемого тёмным жречеством эгрегора, их живые сердца... Такой энергетический отсос действовал в Мезоамерике не одну тысячу лет. По моим самым скромным подсчётам, более сорока столетий! Фактически до прихода испанцев...

— Постой! — перебил я учёного. — Ты только что сказал, что священные города древних индейцев с их пирамидами строили атланты?

— А что тут удивительного? — сложил обратно в папку свои фотографии антрополог. — Центральная Америка несколько тысяч лет являлась одной из колоний Атлантиды... И сами индейцы, точнее их хранители и шаманы, прямо говорят, что и города классических майя, и великий Толлан, и пирамиды Теночтитлана, и город богов Теотихуакан строили не их предки, а белые бородатые боги. Это наши краснобаи, ортодоксы-учёные, доказывают, что цивилизация Мезоамерики была построена индейцами... Чтобы скрыть истину. Ты знаешь, какие технологии обработки камня применялись при постройке пирамид и храмов в тех удивительных городах? Какие нашей цивилизации и не снились! Тем более индейцам, с их каменной индустрией. До сих пор базальт и гранит Копана, Паленке, Бономпана, Толлана Теотихуакана и других древних городов хранят следы сверхтонких дисковых пил, странных очень крепких сверл и газовых или даже лазерных резцов. Не говоря уж о полировке. Она вообще не поддаётся объяснению...

Я вспомнил, что нечто подобное говорил мне о городах Центральной Америки и ведун... Но разговор с антропологом был более конкретным.

— У меня к тебе вопрос, дядя Ёша, — прервал я монолог историка. — Неужели атланты выстроили свои города на Юкатане, в Гондурасе и на территории современной Мексики, чтобы заманить туда доверчивых местных индейцев и заставить их для наполнения силой

новоиспечённого хищного эгрегора приносить самих себя в жертву? Десятками и даже сотнями тысяч?

Мой прямой вопрос смутил ученого, и он посмотрел на меня поверх своих очков как на беспросветную бестолочь:

— Ты извини, Гера... Для того чтобы разрывать людей на части, пирамиды не требуются. Такие дела можно совершать где угодно... Пирамиды ставились в Мезоамерике, как и везде, не для жертвоприношений. Кровавыми алтарями их сделали в период создания на Земле культа Амона. Это легко отслеживается по шкале времени. И потом само тёмное жречество не отрицало, что с горящими живыми сердцами, они, жрецы-«спасители мира», кормят наше пятое солнце... Что это, как ни Амон? Попробуй возразить?

— Всё один к одному, — развёл я руками.

— Да, один к одному, — вздохнул дядя Ёша. — То-то и оно. Понимаешь, — продолжил он. — В то время, когда в Египте создавался эгрегор Амона (2500–1700 лет до н. э.), в Старом Свете серьёзных войн не было. Следовательно, отсутствовал надёжный источник энергии человеческого страдания. Поэтому тёмному жречеству и понадобилась Мезоамерика. Тем более, что с наивными индейцами можно было проделать всё что угодно... Позднее, когда эгрегор Амона набрал силу и Старый Свет захлестнуло кровопролитие: это войны Аккада с шумерами, становление Вавилонии, нашествие гутиев, борьба Вавилонии и Ассирии, войны Египта в Азии и Африки и т. д. Короче, энергии страдания хоть отбавляй! И чем сильнее становился эгрегор, тем больше войн и кровопролитий он провоцировал. Страшный магический круг замкнулся. К такому результату и стремилось тёмное жречество. Те самые жрецы Амона и их хозяева. Чем была для них хороша Мезоамерика? Прежде всего, своей стабильностью. В Старом Свете войны иногда и прерывались. В Новом же Свете жертвоприношения проводились постоянно. И не малые. Как ты только что сказал: «На жертвенных камнях вырывались сердца у десятков и даже сотен тысяч». Именно поэтому так долго и не открывалась Америка. Хотя о ней знали и египтяне, и финикийцы, конечно же, русы-даны, и русы-нордвены, и даже арабы с турками. Ты думаешь, Колумб плыл, не зная куда? Как бы не так! Он располагал древними географическими картами. И отлично знал, что плывёт не в Индию... Заметь, как интересно: в Америке начинается конкиста. Фактически, идёт война на уничтожение индейцев. Включилось, так сказать, другое «жертвоприношение», а в Европе слабеет влияние «святой» инквизиции, меньше стало гореть костров с женщинами и еретиками, началась эпоха «недовольства» католической церковью и был взят курс на реформацию.

— Получается, что святая инквизиция делала то же самое, что и тёмное жречество Мезоамерики? Накачивала до максимума эгрегор Амона энергией «человеческого страдания» через свои костры и камеры пыток? — задал я глупый вопрос.

— Наконец-то до тебя дошло! — съязвил дядя Ёша. — А я уж думал — ты не догадаешься... Только не реши, что распроклятый эгрегор принимает в себя энергию человека, вызванную одним лишь физическим мучением. Он с удовольствием сосёт силу и других форм страдания.

Особо ценен силовой поток, вызванный страданиями людей во время голода, болезней, панического страха. Или тогда, когда человек начинает ревновать, завидовать, оказывается под воздействием чувства жадности, похоти и ненависти. Самое главное, чтобы происходил процесс страдания...

— Постой! — прервал я рассказчика. — Из твоих слов волей-неволей напрашивается вывод, что чем больше на Земле злых, завистливых, ревнивых, жадных, жестоких, короче ущербных, тем больше сил накапливает это полевое чудовище?

— Именно так, Гера... Так! — кивнул головой бывший учитель. — Чем больше на планете дегенератов, тем могущественнее, благодаря их усилиям, становится эгрегор Амона. Наш иудо-

христиано-исламский бог. Вернее божок, но у этого прожорливого и вездесущего пахана имеется ещё и вкус. Он требует не просто, какую попало, энергию человека, а пси-энергию: творческую, созидательную... Давай вспомним вместе время «святой» инквизиции. Кого сжигали на кострах, кого зверски пытали в своих подземельях церковники — служители Иеговы-Амона? Не крестьян и не людей с улицы. Прежде всего, талантливых личностей. Продвинутых в каких-либо науках или искусстве, людей, способных понять, что собой представляет иудо-христианский «Единый Бог» и как с ним бороться. Всех этих непростых людей обвиняли в служении Сатане, то бишь своему же католическому хозяину Амону и с пением молитв сжигали на кострах... На кострах инквизиции сгорали и сотни тысяч ни в чём не повинных женщин. Оказывается психическая энергия красивой женщины — тоже «деликатес» для эгрегора изувера. Примечательно, что красивых дур не трогали. В кострах горели женщины умные и одновременно красивые, одним словом — целостные. Спрашивается, зачем? Здесь учитывалась установка Гермеса трижды Величайшего: «что внутри, то и снаружи». Фактически, инквизиторы на протяжении четырёх веков, при помощи костров, проводили селекцию европейских женщин. Чтобы на Западе основная масса людей женского пола, особенно привлекательных, превратилась в психически ущербных стерв, помешанных на деньгах, власти, сексе и развлечениях.

— Ты говоришь что-то ужасное! — не выдержал я.

— Я рассказываю тебе очевидные факты, Гера. Умная и одновременно красивая женщина, к тому же умеющая любить и ценить мужчину, для Сил Тьмы очень опасна! Она способна вдохновить и повести за собой тысячи! Заставить такую тупо служить эгрегору невозможно... Она, и на самом деле, в лучшем понимании этого слова — ведьма. Значит, её место — на костре, а психическая сила через невероятное страдание, безусловно, творческая, должна стать достоянием эгрегора. Изуверу Амону и его хозяевам на земле нужна другая женщина: властная, эгоистичная, склонная к конфликтам, крайне заносчивая, патологически обидчивая, истеричная, стремящаяся к комфорту, к роскоши, получению чувственных удовольствий и — обязательно тупая. Последнее — самое главное. Ты заметил, что умных стерв на свете не бывает. Все они имеют куриный интеллект и животную страсть к развлечениям. Обрати внимание на наших советских идиотов. Кстати, ты знаешь, что означает входящее у нас в моду слово «стерва»?

— Знаю, — кивнул я рассказчику. — Кусок гнилого, обсиженного мухами, смердящего мяса. Отсюда и название падальщика — орёл-стервятник..

— Интересно, что ни в Европе, ни в Америке многие значения этого слова не знают, — продолжил объяснение дядя Ёша. — Их женщины с удовольствием называют себя стервами. И даже гордятся таким именем. Они думают, что оно указывает на их женскую независимость и по отношению к мужчине — жестокость. А оно означает «падаль». Так вот, в падали женского пола как раз и нуждается эгрегор Амона. Её — эту падаль в платьях и юбках, — служители божка добрых четыреста лет и селекционировали... Почему ты не спрашиваешь, зачем? — посмотрел на меня учёный.

— Не трудно догадаться, — невольно грустно улыбнулся я. — Подобные женщины, хоть и ходят на двух ногах и разговаривают, но, по своей сути, людьми не являются.

— А кто же они? — с напускным удивлением развёл руками историк.

— Все они представляют собой индивидуумов из двух низших слоёв общества. Среди подобных, наверняка, полным-полно лесбиянок — так?

Пожилой еврей улыбнулся:

— Потому, что стервы нормальным мужчинам, думаю, не нужны... И что им остаётся?

Становиться шлюхами.

— Или в половом отношении удовлетворять друг друга, — продолжил за меня

антрополог. — Ну а те, которые ещё до конца не спятили, женят на себе богатых и глупых парней, благо последних видимо-невидимо, и успешно треплют им нервы. Являясь не только «кровососами» материального, но, что самое ужасное, и психического.

— Это женщины-вампиры.

— На Западе русские эмигранты их называют коротким словом «вамп», — уточнил дядя Ёша. — Если учесть, что христианские семьи в основной своей массе моногамные, мормоны не в счёт, то представь, что каждый мужчина имеет в своём доме личного вампира. И великое счастье, если аппетиты этого зверька ограничены одним материальным! Но чаще вопросы материального у него всего лишь средство для отсасывания психического! Что тогда? У стервы же арсенал огромен! На то она и стерва: тут и «молчаливый истошный крик», структурирование вокруг себя, при помощи эмоционально-ментального поля, особого пространства страдания. Кто в него попадает, тому сразу же становится плохо. Помнишь, как у Высоцкого: «Пришёл домой — там ты сидишь!»! «Она» не кричит, просто сидит, но парню-то какво! Если же стерва — начинает кричать, обвинять! С обидой в голосе упрекать... Она — зверёк, стерва не стремится к истине. Истина ей и не нужна. Женщина-вамп всегда защищает то, что она больше всего в себе ценит. А ценит она своё психическое оружие — бешеный животный эгоизм. Других привязанностей она не знает. Правильно ты сказал, что духовно ущербная женщина, какой бы королевой она себя ни считала, человеком не является. Она всего лишь искусственно созданный живой женский механизм, генетически приспособленный для откачки творческой психической энергии мужчины тёмному эгрегору.

— Но я где-то слышал, что психические вампиры сами получают энергию от своей жертвы? — прервал я рассказчика.

— Да, получают, — согласился дядя Ёша. — До пяти процентов... А всё остальное к божку. К нему, проклятому! Для того он их всех и создал, вампиров, чтобы жить как подобает. Ты знаешь, почему мужчины христиане миллионами спиваются, садятся на иглу и многие кончают самоубийством? На 90 % в этом виноваты их жёны. Да-да, виноваты их домашние стервы. Те, кого они, мужчины, привели в свой дом, короновали как цариц, став для них послушными рабами... Христианский мир, Гера, это мир скрытого матриархата, где мужчине, в основной своей массе, отведена роль добытчика материальных благ для той истерички, которая для него хуже смерти. Потому что они, эти истерички, скандалами и словесными издевательствами обесточивают его до основания. В своём доме мужчина-христианин не хозяин. Хозяин тот, кто владеет арсеналом психических пыток, кто контролирует в семье секс и за кого горой государственная машина. Попробуй окажи сопротивление своей жене-стерве? Я не говорю о Западе, там жена мужа сажает за решетку элементарно. Например, за излишнее стремление к сексуальной близости или за то, что сказал ей грубое слово... Я обращаю твоё внимание на то, что делается у нас в СССР... Законы нашего гнилого государства тоже на стороне стервы. Она, наша советская жена, тоже может легко и просто замордовать своего мужа. При разводе через суд она заберёт половину того, что у тебя есть. Хотя и пришла к тебе в одном платье. А если у вас появится ещё и общий ребёнок, то плати, милый, ей «прожиточный минимум», 25 %! Не столько, сколько требуется ребёнку, а четверть своей зарплаты!

— Слава богу, у меня нет жены-стервы и вообще никакой нет! — поднял я руку, но дядю Ёшу было уже не остановить.

— Есть такая сказка, Гера, как один король, который очень боялся своей жены, решил узнать, кто же в его королевстве своей жены не боится. Для этого он собрал на площади перед дворцом всех мужчин своего феода и сказал: — Пусть останется на площади тот муж, который не боится своей жены. — Через несколько минут на площади остался один единственный мужчина. Тогда король подошёл к нему и спросил: — Неужели ты не боишься своей жены? —

На что мужчина ему ответил: — Я потому остался на площади, что мне моя жена наказала, чтобы я не связывался ни с какой компанией... — Королю всё стало ясно. Во всём, что я тебе рассказал, прослеживается одна психологическая тонкость, Гера. Мужчины в физическом плане не боятся своих женщин. Они трясутся от страха перед ними по другой причине. Современная христианская женщина под воздействием эгрегора страдания превратилась в мощного домашнего энерговампира. Физические удары по сравнению с психическими куда менее болезненны и не так опасны. Негативное психическое воздействие отсасывает энергию. Вот в чём соль — забирать самое дорогое, что у него есть. Если аура человека после такого удара не может к определённом сроку себя восстановить, то его физическое тело медленно начинает умирать. Многие мужчины, интуитивно чувствуя, что их жены являются психическими палачами и что при одном только их виде у них, у мужчин, от страха, что «вот-вот сейчас начнётся», по спине пробегают мурашки, начинают бороться со своими страхами и стрессом, принимая спиртное. Пьяному, как известно, «море по колено». Как раз это-то и требуется эгрегору. Пристрастие к алкоголю — путь и к дегенерации и к тому свету. В ваше время на смену спиртному пришли, как ты знаешь, наркотики. Даже представить себе трудно, во что это может всё вылиться? — вздохнул учёный. — Женщина! Земное материальное воплощение самой Лады-Исиды. Проводник в семью высшей небесной любви — и на тебе! Всё наоборот — палач-убийца, семейный деспот... Вот что значит умелое воздействие на генетику и психику.

— Ты считаешь камеры пыток и костры инквизиции — умелым воздействием? — спросил я.

— Всё это была форма, признаться, ужасная! Умение в другом: кого посадить на костёр, а кого оставить на развод...

— Здесь с тобою я согласен, спорить не буду. Знал бы ты, сколько я таких вот стерв повидал за свои тридцать? Первое, что они у меня спрашивали, так это: как я по жизни устроен? Сколько получаю? Какая у меня квартира, есть ли машина и т. д. Что касается моего внутреннего мира, то их это вообще не волновало.

— Я тебя понимаю, — сверкнул своими тёмными глазами дядя Ёша. — Сам прошёл такую школу. Пока не встретил свою Розу...

— Ты скажи мне вот что, — прервал я рассказчика. — Разве вампиров мужчин не бывает? Похоже, ты — самый настоящий женоненавистник! Всё ругаешь бедных женщин и ругаешь. Видать, тебе действительно от них досталось, — полушутя-полусерьёзно обратился я к еврею.

— Я, и вдруг женоненавистник! — засмеялся последний. — Да я женщин обожаю!! Потому мне так за них и больно... Неужели ты этого ещё не понял? А на счёт мужчин, я вот что тебе скажу: стервецов среди них тоже не мерено! В основном, в среде высокого и среднего начальства. Наверху — всегда сборище дегенератов. Дегенераты же, как правило, морально неменяемы, следовательно — вампиры. Так что и среди мужчин такого добра воз и маленькая тележка. Особенно в странах исламского фундаментализма. Там качают жизненную энергию из женщин и качают мужчины... Но о них, о мужчинах, разговор пойдёт особый, и он у нас впереди... Почему я остановился на женщинах? Да потому, что в них больше земного. С другой стороны, с ними долго работали и продолжают работать. В средние века провели селекцию, в наше время разрушают психику вот этим.

И лектор положил передо мною неведомо откуда взявшуюся здоровенную пачку различных западных журналов.

— Ты скажи мне вот что: чего «они» так привязались к женщинам?

— Ты что не понимаешь? — удивился дядя Ёша. — Через женщину посредством сексуального инстинкта можно легко манипулировать сознанием мужчины, что тут неясного?

— Наконец-то дошло, — почесал я затылок.

— За два, три дня их изучишь, — показал антрополог на журналы. — Чем ценна эта контрабанда? Прежде всего, тем, что ты ни в одном из изданий не увидишь ни одного нормального человеческого женского лица! Правильных физиономий много. И все они склябятся. Не улыбаются, а только делают вид. Но ты посмотри им в глаза, этим красавицам? Вот, и вот, и ещё вот! — перелистнул он страницы. — Ни тени мысли! Сплошная кирпичная тупость. Самодовольство, эгоизм, надменность и жестокость! Женщина — носитель высокой любви и с перекошенным злобой лицом. К тому же все они выставляют напоказ свои голые прелести! Оказывается, именно это в женщине является главным! Обнажённая сексуальная задница, длинные ноги и пышный бюст! Короче, форма. Одна голимая форма! Привлекательная оболочка... То, что должно действовать на психику самцов. Ради чего они будут отдавать зверьку в женском облики не только содержимое своего кошелька, но и потенциал своей творческой психической энергии. Что-то, а страдания такой демон в юбке, — показал на одно из женских лиц с обложки журнала историк, — своему партнёру на полжизни обеспечит. И ещё какие! Вот он идеал современной женщины! Скоро его будут нагло и бессовестно навязывать нам. Лет через пять — семь, а может, и раньше. Всё туда катится, Гера! Туда! И нет никакого просвета...

На несколько секунд антрополог замолчал. Он сидел, согнувшись над стопкой своих журналов, и о чём-то сосредоточенно думал.

— Понимаешь, — показал дядя Ёша на цветные обложки. — Перед нами технология глубинного программирования человеческой психики. Какое бы издание ни взяла в руки западная женщина, она всегда видит один и тот же идеал. Суть его везде одинакова: перед ней — нервное, эгоистичное, искореженное самомнением и гордыней женоподобное существо... Если судить по тому, что показывают по западному телевидению и по голливудским фильмам, наглое, крайне практичное и жестокое... Сознание западной женщины может и воспротивиться такому вот идеалу, но в подсознание духовные ценности подобного «сокровища» всё равно провалятся. Как говорят в народе: «вода камни точит»... И там, в глубинах подсознательного, жизненные установки навязанного образа закрепятся намертво. Вот и представь, во что превращается психика западной средней женщины? Если же Женщина от природы умна и способна любить, она, пожалуй, может Дать ход назад такому вот программированию. Но беда в том, что у неё на Западе почти нет нужных ей духовных ориентиров. Вот беда.

Дело в том, что и в Америке, и в Европе все печатные издания, начиная от бульварных газет-сплетниц и кончая солидными журналами, а также все каналы телевидения и радио находятся под контролем одной и той же группы преступников. Запомни, Гор, — впервые дядя Ёша назвал меня после нашего похода снова Гором. — Одной и той же группы международных преступников. Это Ротшильды, Варбурги, Оппенгеймеры, Шифы, Морганы и т. д. Вся эта «гвардия» из тех, которые считают себя членами Мирового правительства. Представители расы «избранных»!

— Откуда тебе это известно? — спросил я.

— Как откуда? — удивился антрополог. — Я же еврей и «своих» обязан знать!

На слове «своих» он сделал особое ударение.

— Как видишь, на их вшивом Западе все средства массового программирования имеют одного хозяина. Впрочем, у нас в СССР то же самое... Но на Востоке пока другие ценности... Это радует. И есть откуда взять идеалы. Слава богу, ещё жива классика... А у них там попробуй, сориентируйся? Найди себе пример, которому можно следовать? Помимо того, что тебе так старательно навязывают...

— Так какая же это к чёрту демократия? — не сдержался я. — Тут же диктатура, и ещё какая!

— Демократией называется тот фиговый листочек, которым они прикрывают одно место на видимом образе своей диктатуры! — засмеялся антрополог. — У них, «за бугром», диктатура, давным-давно не столько административная, сколько финансовая. Это они нам всё рассказывают разные байки о своём свободном западном мире. Кстати, под контролем тех же дяденек, имена которых я назвал тебе выше... Чтобы мы, придурки, клюнули их приманку и подавились ею!

— Ну и как ты считаешь, процесс «клёва» пошел? — спросил я учёного.

— Пошел, пошел, ещё как! — погрустнел историк. — Многое им, конечно, удастся, многое, но не всё...

Дядя Ёша на минуту снова задумался. И воспользовавшись этим, я его спросил:

— Ответь мне вот на что, дядя Ёша. У нас на Руси никакой святой инквизиции вроде бы не было. Никакого «аутодафе» и никаких костров. Следовательно, селекция наших женщин «друзьям-приятелям» из конторы С.Т. не удалась, да и в средствах массовой дезинформации вроде бы всё пока благополучно, но тогда откуда у нас в СССР столько стерв? Особенно среди молодых?

— Во-первых, Гера, ты зря думаешь, что на Руси женщин не тронули. Их ещё как задели! Особенно в период интенсивной силовой христианизации, в конце X века и в начале XI. Загляни в летописи — в греко-византийские.

— Так как же я в них загляну? — посмотрел я на историка. — Если в СССР они не изданы?

— Некоторые ты найдёшь в самиздате. Они ходят в среде учёных из рук в руки. Вон видишь папку на верхней полке? Бери и читай! Все летописи, которые там лежат, представляют собой переводы некоторых афонских хроник. Ты слышал когда-нибудь про мыс Афон в Греции? На нём недалеко от моря на высоком плато, вернее даже горе, сосредоточено сорок православных христианских мужских монастырей. Там стоят монастыри греческие, русские, грузинские, армянские, болгарские и т. д, и в хранилищах тех монастырей лежат бесценные древние рукописи. По утверждению «друзей» из Ватикана — больше десяти тысяч! Как туда попали все эти рукописи, разговор отдельный, и не сейчас. Важно то, что в них написано, — правда...

— Правда, скрытая от науки? — вставил я.

— Не совсем, кое-что «нам» удалось оттуда взять. — На слове «нам» антрополог сделал еле заметное ударение. — Как раз то, что касается деятельности князя Владимира... О том, как сжигались в период христианизации Руси древние ведические книги, как уничтожались старинные летописи. И как тащили на костры хранителей-ведунов и волховок-жриц. А вслед за ними топили в реках и озёрах тысячи и тысячи «обличенных в колдовстве» русских красавиц. Просто на Руси у христиан была мода топить, а не жечь... Если брошенная в воду связанная по рукам и ногам женщина каким-то чудом всплывала, то её признавали ведьмой — и тут же добивали. Ну, а если она сразу же шла ко дну, то просто разводили руками, дескать, с кем не бывает — ошиблись! Поэтому не надо думать, что селекции женщин-русичей не было. Она началась, и началась усердно. Но до логического конца попам её провести не дали. Здесь ты прав. В первой половине XI века по всей Руси прокатилось мощное антихристианское народное восстание. Фактически, после него в Восточной Европе снова восторжествовала ведическая традиция. Это легко доказать, если вспомнить текст «Слово о полку Игореве». В нём нет никаких упоминаний ни об Иисусе, ни его последователях. Ты со мною согласен?

— Как тут не согласиться? — «Слово о полку Игореве» знаю почти наизусть, а оно было написано в начале XII века...

— Во второй его половине на Русской земле начинают снова действовать ватиканские легаты. Некоторые князья опять начинают принимать христианство, кто византийское, как, например Игорь Рязанский с домочадцами, а кто сразу под крыло папе Римскому! Имею в виду

князя Владимирского, твоего тѣзку, Даниила Галицкого, князей Черниговских и других. Но на сей раз попам с кострами, дыбами и прорубями не повезло. С востока из-за Волги на взбесившихся князей-отступников обрушилась Сибирская Русь. Удар Артании был ужасен. Князья-предатели либо погибли в битвах, либо бежали к своим покровителям за границу. Так, Даниил Галицкий спасался у папы Гонория III в Ватикане, а князь Андрей Ярославович у своего приятеля короля Швеции. Благодаря Орде, на сто с лишним лет напор христианского Запада на Русь был остановлен. В XIV же веке вместо католицизма и христианства Византийского толка на Русскую землю пришло апокрифическое ведическое христианство Сергия Радонежского. На Руси началась эпоха возрождения и расцвета. Естественно, ни о каких кострах, пытках или об утоплении ведѣм не могло быть и речи. О том, что еретиков надо пытаться, жечь и топить, вспомнили только при Иване III. Ты ведь знаешь, что Иван III фактически запретил церковь Сергия Радонежского.

— Знаю, — кивнул я.

— А раз знаешь — что тебе напоминать?! Он женился на византийской принцессе Софье Палеолог, перетащил вместе с ней в Московию всех потерявших после турецкого завоевания свои приходы византийских попов. И всё началось так же, как и в X веке. Опять загорелись костры, опять начали искать по всей Руси ведѣмаков и ведѣм. Слава богу, продолжалось это не долго. Иван Васильевич Грозный прервал поповские процедуры. При нём снова набрала силу церковь Сергия Радонежского. Русские старообрядцы как раз и являются её наследием...

На минуту историк замолчал. А потом продолжил:

— Ты прав, ватиканский проект на Руси не прошёл. Генетически вывести новую породу русской женщины не удалось, но наших девчонок поймали на другом. На их изменённой психологии.

— Как это? — не понял я.

— У русского народа примерно с XVI века, — продолжил свои объяснения антрополог, — под влиянием Запада в психическом восприятии реальности сложилось мнение, которое кратко можно выразить так: «У соседа всегда хрен толще»!

— Что, что? — раскрыл я рот. — Ты что несёшь? Какой ещё «хрен»?

— Обыкновенный, — развёл руками рассказчик, — который у соседа... Да, да — у соседа! То есть везде всё хорошо и правильно, но только не у нас, русских. С того времени и началось слепое подражание Западу. Причём во всём, где надо и где не надо. Особенно преуспело в этом наше русское дворянство: некоторые из дворян даже языка русского не знали. Со временем дворянской элите стали подражать и люди поскромнее, в основном, интеллигенты и круги, к ней близкие. А потом пошло и поехало! Долго не принимали ничего закордонного хранители России — наши русские крестьяне. Но после раскрестьянивания в сороковые оккультная пси-установка, что «на Западе — в Европе и Америке всё здорово, а у нас не дай бог», стала охватывать сознание масс всё больше и больше, — сказал дядя Ёша. — Сталин пытался с этой бедой бороться. И многое ему удалось. В его эпоху в России появились совершенно другие люди. Настоящие патриоты, по-настоящему любящие свой народ и нашу отечественную культуру. Фактически при нём было создано первое высшее ведическое сословие. Но после его смерти началось всё сначала. К тому же такие выродки, как Никита Хрущёв, такому процессу способствовали... Ты должен помнить его время, — обратился ко мне историк.

— Я его помню! Всё кричали, что надо догнать и перегнать Америку... И по товарам народного потребления, и по продуктам питания... Короче, везде, где только можно, — высказался я скороговоркой.

— Вот-вот! Что мы сделали при Хрущёве, мы публично признали себя людьми второго, если не третьего сорта. Вот и всё. Отсюда и пошло наше время холуйства перед Западом. Слепое

копирование, что нам из-за кордона навязывают. Вот и ответ тебе, откуда берутся наши доморощенные стервы. Всё дело в ценностях, Гера. Какие нам ценности навязали после Сталина? Материальные? Люди же с материализованным сознанием, кто они? На такой вопрос ты уже ответил: рабы по Духу — холопы или шудры. Только я вот что тебе скажу: у нас в Союзе русская женщина разложилась самое большое процентов на тридцать — сорок, да и то в больших городах, где влияние Запада на максимуме. В провинции же она чиста и, как правило, целостна. Знал бы ты, какие женщины у нас на Мурмане! А у поморов! Скажу тебе прямо — живые богини — самые настоящие! По деревням встречаются такие умницы, красавицы и труженицы, что ни в сказке сказать, ни пером описать! — при этих словах тёмные глаза-вишни у дяди Ёши сверкнули каким-то особым светом. — Не зря на Западе да и во всём мире любят русских женщин. Именно русских, — продолжал он разгоряченно. — Потому что законченных стерв в их среде не так много. Мужчины многих наций хотят иметь жён из России. Потому что интуитивно чувствуют нетронутый внутренний мир русских красавиц.

— Тебе бы, дядя Ёша, речи с трибуны толкать, — заметил я. — Твои слова из меня слёзы умиления вышибли. Старый ведун обычно начинал за здравие, а заканчивал за упокой. Ты же, наоборот...

— Не сравнивай меня с «пасечником», Гера, — посерьёзnel историк. — Я в тысячу раз меньше его знаю... Перед тобой всего лишь старый добрый русский еврей дядя Ёша, который пообещал волхву — своему другу, передать тебе то, о чём ты, как Гор, обязан хорошо знать.

Глава 4. Второй рассказ дяди Ёши, где сложное в простом

— Вначале разговора я тебе поведал, как Запад попытался купить у нашего императора Русскую Лапландию. Скажу сразу, что на 90 % «ему» это удалось. Почти никто в царском окружении особо против продажи и не протестовал. Как ты думаешь, почему? Да потому, что Запад, прежде чем что-то в материальном плане предпринять, сначала всегда добивается успеха в «поле». Если оккультно «коридор пробит» и обеспечена мощная его защита, то в материальном плане всё идёт как по маслу!

— Получается, что кто не колдует, тот не ест, — вставил я одно из любимых выражений «пасечника».

— Да-да, тот, кто не колдует, тот ничего не имеет... Как раз так и говорят кабалисты, — согласился со мной дядя Ёша. — Другими словами, оккультные отделы западных и наших доморощенных масонских лож при помощи кабалы включили мощь своего детища — эгрегора Амона. Понятно, что все иудеи как на Западе, так и на Востоке, сразу же ополчились. Началась массированная обработка сознания членов царской семьи и российского правительства. Естественно, для того, чтобы и те, и другие дали согласие на передачу Мурмана Английской короне. Так как кабала безотказно работает в основном на иудеев, католиков, протестантов и людей с еврейской кровью и часто не приносит желаемых результатов по отношению к православным. Ты догадываешься почему?

В ответ я пожал плечами.

— Потому, что наше русское православие ближе к Создателю, чем к их «доморощенному»... Поэтому, — продолжил дядя Ёша. — Запад применил ещё одну форму оккультного насилия — атлантическую. Её можно назвать ещё и древнеегипетской магией. Это то тайное оружие, о котором раввины практически ничего не знают, но которым в совершенстве владеют хозяева иудеев, современные жрецы Амона... Есть ещё и третий вид магии: у него очень древний и невероятно сильный эгрегор. Но работает эта магия здесь на Земле крайне редко. И не по таким мелочам, как продажа или купля какой-то недвижимости. Поэтому третьего воздействия на психику нашего тогдашнего правительства не последовало. Да оно и не нужно было. И император, и его свита дали добро на продажу Русской Лапландии безоговорочно.

Как я тебе уже говорил, на Мурмане об этом решении вскоре узнали. И всё население Лапландии: и саамы, и ненцы, и коми, и русские — поморы стали просить шаманов что-то предпринять. Все понимали, что если Кольский полуостров попадёт в руки западников, то сразу же будут разрушены не только все древние памятники, но и погибнет всё население полуострова. Сначала четыре саамских шамана, один ненецкий и одни от переселенцев с Печоры попытались что-то изменить сами. Но духи Нижнего и Верхнего миров им «сказали», что помочь людям Мурмана они не в состоянии. Им, духам, противостоит такая сила, которая легко уничтожит всех сопротивляющихся эзотериков... Что помочь в предстоящей оккультной битве смогут только души бывших хозяев Мурмана, голубоглазых и могучих магов, прибывших в незапамятные времена на полуостров с погибшей в волнах океана таинственной «ПОХААЛЫ». Но эти души должен призвать на помощь сильный русский шаман, живущий где-то среди бескрайних лесов Мезеня. То, что рассказывали кольские шаманы, русские, поморы Терского берега приняли с недоверием. Сколько они себя помнили, на Белом море среди русского населения шаманов не водилось, но на уговоры саамов они всё же пошли. И снарядили карбас к дальнему плаванию. С русскими мореходами поехал и шаман, выходец с Печорского края. Он на своей родине слышал о белом русском «колдуне» и вызвался его отыскать. Но каково было

удивление поморов, когда они ещё на подходе к устью реки, за несколько миль от берега, увидели на скале белую одинокую фигуру. Их попутчик и пассажир, ведун народа коми, указывая на неё, говорил: «Он нас ждёт, он пришёл! Он всё знает и нам поможет!» И шаман с Ижемского берега не ошибся. Когда карбас подошёл к берегу, на него поднялся странный высокий седой старик. Он поклонился опешившим поморам и по-братски обнял шамана-ижемца. Потом, собрав на берегу у костра всю делегацию, в трёх словах объяснил, что надо делать. По мнению седобородого, карбас должен как можно скорее вернуться на Терской берег. И там в посёлке Поной соберутся все шесть шаманов. Потом шаманам по главной реке Кольского полуострова необходимо на лодках подняться до священного озера Вулиявр. И уже по тропе выйти к каменному погосту и кровавому ручью. И на берегу у скалистой гранитной гряды, которая на Мурмане называется «прадедушками», подготовить место для великого камлания. По мнению русского колдуна, сейды, или души заключённых в скалах «прадедушек», прикроют от злого силового удара камлающих. И их вход в потусторонние миры бесполезным не будет.

Сам же он со своей стороны сделает всё возможное, чтобы сила древних хозяев Мурмана — легендарных Мандашей пришла шаманам на помощь. Там, у костра, недалеко от устья Мезени, было назначено и время одновременного камлания — 20 июня. Запомни дату, Гера, — 20 июня 1903 года... Девятьсот третий год — великий год для всего Земного человечества!

Видя недоумение в моих глазах, дядя Ёша добавил:

— В ту великую ночь с 20 на 21, в канун Купальских праздников и Солнцеворота, был развеян миф о несокрушимости эгрегора Амона. Единство усилий шаманов и русского колдуна сделали своё дело. Как я тебе ещё говорил в начале нашей беседы, ими была одержана внушительная оккультная победа. Уже в конце июня, начале июля все разговоры о продаже Мурмана Англии в кулуарах российского правительства были прекращены. О решении императора не продавать Кольский полуостров был извещён и посол Великобритании. И даже после того, как Россия проиграла русско-японскую войну, кстати, по вине Запада, и еле справилась с революцией 1905 года, все предложения о продаже Мурмана Англии российским правительством упорно отвергались. Вот так-то, мой юный друг! Теперь ты понимаешь, почему после Октябрьской революции большевики устроили тотальную охоту на всех без исключения российских шаманов? А в ЧК был создан даже специальный кабинет по их нейтрализации и уничтожению... И оккультные отделы масонских лож, иудейские маги — кабалисты, магии-иллюминаты и даже высшие жрецы-маги, хозяева всей этой дегенеративной стаи, долгое время были в шоке и недоумении: на земле оказалась сила, которая посмела им противодействовать! И не просто смогла выстоять, но и развеяла в прах все их оккультные схемы и конструкции. Отсюда и такая вот реакция: выловить и истребить на территории бывшей Российской империи всех без исключения шаманов! А теперь тебе вопрос: как так случилось, что эгрегор Амона, невероятно мощный и послушный своим создателям, не оправдал их надежд? Что это за сила, которая полностью нейтрализовала все его энергопотоки. Если точнее — направленного на сознание определённой группы людей психоэнергоинформационного спрута?

— Ты хочешь, дядя Ёша, чтобы я ответил на этот вопрос? — спросил я учёного.

— Да хочу, — кивнул он. — Поэтому ради того, что намерен от тебя Услышать, я и вспомнил всю эту канитель с продажей «Русской Лапландии».

— На мой взгляд, здесь всё очень просто, — начал я свои рассуждения.

— Ты воистину достойный ученик «пасечника», — улыбнулся антрополог. — У того тоже всё просто и понятно. А я добрый десяток лет никак не мог понять, что же произошло. Пока он мне популярно не растолковал. Теперь твоя очередь мне объяснить, давай, я весь во внимании.

— Но ведь ты сам, дядя Ёша, в начале разговора рассказывал, что существует на Земле масса оккультных систем. И объяснил почему. Растолковал, кстати, правильно. Фактически ты уже

ответил на этот вопрос.

— Интересно, — сделал непонимающую мину историк.

— Тогда давай вместе вспомним: на примере магии папуасов или магии Вуду. Куда обращаются колдуны Новой Гвинеи или чародеи из Африки? На свои эгрегоры. Так? Другими словами, к тем силам, которым они поклоняются и которым служат... В примитивном представлении и тех, и других эти силы и есть тот самый Создатель, усилиями которого и построена Вселенная. На самом же деле и у папуасов, и у негров вместо Творца выступают созданные ими же религиозные эгрегоры... То же самое можно сказать о буддистской магии, магии Бон-По, о северных шаманских практиках, где шаманы каждого этноса имеют своих собственных духов, значит, и свои этнические эгрегоры... Этот же закон распространяется и на христианскую магию, и на мусульманскую, тем более, на иудейскую. С той лишь разницей, что все три религиозные системы принадлежат к различным частям одного и того же эгрегора. Эгрегора Иеговы или Амона. Взять, к примеру, христианские, исламские или иудейские молитвы, что это как не магические словесные обращения на свои уровни эгрегора? А если внимательно посмотреть на обряды?! На тот же христианский обряд бракосочетания или крещения? Самая настоящая магия! Связанная со всеми четырьмя стихиями... А традиция у христиан — ставить свечи за здоровье и долголетие? Тот же обряд, что и в магии Вуду — обряд деструктивного свойства. Не на жизнь, а на скорую смерть. Кстати, у христиан так оно и происходит. На кого такие свечи ставят, те долго не живут, но я немного отвлекся, дядя Ёша, — посмотрел я на довольного учёного. — Меня чуточку занесло.

— Ничего! Мне твои рассуждения интересны. Давай, не стесняйся, — ободрил он меня.

— Мне хочется о самом главном! — поднял я руку. — То, что много раз мне говорил «пасечник». А он всегда повторял, что любая религия, какая бы она ни была «золотая» и демократичная, всегда предполагает рабство духа. Почему? Да потому, что она отделяет внутренний мир человека от информационных и силовых полей Творца... В любой вере, будь то синтоизм, ислам, христианство или буддизм, роль Создателя неизменно берёт на себя искусственное полевое образование — эгрегор. Вот и получается, что сознание человека в том же христианстве, исламе или иудаизме, обращаясь к «Единому и Неделимому», дальше того, что называется Сетом или Амоном, не подымается. Следовательно, иудейские, христианские и исламские маги наполняют силой свои полевые конструкции из того же известного нам эгрегора. Если учесть, что Бафомет одно из имён Яхве или Амона, то это относится и к оккультистам из масонских лож...

— Ну и что? — сжал свои маленькие ручки в кулаки дядя Ёша.

— А то, что тот самый русский колдун в оккультном противоборстве с кабалистами из масонских лож, магами из хабада и адептами египетской магии Сета не пользовался ни одним из эгрегоров!

— Он что атеист-безбожник? — засмеялся учёный.

— Отнюдь, нет. Он всего лишь последователь древней орианской ведической традиции. Той традиции, которая отрицает всякую веру и религию. Этой традиции долгое время следовали и русы-бореалы. Их объединял эгрегор культуры и расового единства, наконец, эгрегор прошлого, но только не религиозный. В плане связи с Создателем никаких эгрегорных препятствий у наших предков не было. Никакого «язычества» и никаких других подобных ему религиозных представлений! Вот в чём была сила наших предков! Именно она, эта сила, и позволила им, древним орианам, одну за другой одержать две военные победы над атлантами. Одну почти 40 тыс. лет тому назад, другую относительно недавно: 13 тыс. лет до н. э. О последней войне кое-что написано у Платона...

— Только мало, что переведено с древнерусского. Это касается не только Великого

Платона, но и его последователя — Прокла, — вздохнул антрополог. — Ну что, вывод твой верен. Старый правду о тебе сказал, — думать ты умеешь. Так значит, нейтрализовал и кабалистов, и их союзников относительно продажи Кольского полуострова всего лишь единственный русский «шаман»?

— Да какой он шаман? — засмеялся я. — Тот старик шаманом не был. Скорее всего, он является очень сильным волхвом.

— Или одним из хранителей, — посерьёзней учёный. — Его связь с силами Творца и сыграла главную скрипку в том оккультном противостоянии... Верно, эгрегор Амона очень силен. Он объединяет больше двух миллиардов одних только католиков. Добавь сюда протестантов, христиан православных, исламистов, иудеев, плюс всех сектантов... Представляешь, какая силища?! Неимоверная! И она, эта вот мощь, наполняет энергией оккультные конструкции кабалистов, магов мусульман и, наконец, информационно силовые структуры жрецов Сета-Амона — их хозяев. Сила эгрегора Амона способна в порошок стереть эгрегор конфуцианства, даосизма, буддизма, даже индуизма. Фактически, это уже давно произошло: и Япония, и Китай, и Индия живут так, как того требует Запад. Из нравственных национальных традиций в вышеназванных странах уцелели только те, которые не противоречат тому, что требует пахан-эгрегор... И вдруг с Россией облом! Каких-то шесть недовольных саамских шаманов — и «коту под хвост» договор о купле-продаже Мурманска!

— Шаманское камлание — было всего лишь камуфляжем, — остановил я разгорячённого еврея. — Дело было не в шаманах, а в том, что в земные дела и дела России, в частности, вмешалась воля Создателя.

— Значит, всё-таки можно сокрушить взбесившегося волка Сета-Амона! Видишь, можно!! Но для этой цели надо стать снова орианином или русом-бореалом. Другими словами, полностью вернуться в древнюю духовную традицию.

— Забытую, — вставил я.

— Не совсем! Традиция жива, просто её надо почувствовать и понять, — сказал антрополог. — В ней ничего сложного нет. Всего лишь: знания основных законов природы и отказ от любых религий. Если короче, то заменить в себе религиозные представления знанием. Не верить во что-то мистическое и недостижимое, а познать Создателя и научиться контактировать с ним. Теперь понимаешь, зачем развелось на Земле столько религиозных различных конфессий? Тысячи и тысячи сект... Главная задача их — отделить человека от Творца. Заменить Создателя искусственным божком — эгрегором. Только представь, чем является тот же эгрегор Амона?! Целое трёхствольное дерево! Корни исходят из атлантической традиции. Короткий общий ствол — эгрегор Сета-Амона. Первая ветвь — эгрегор второго порядка — это иудаизм, следующая ветвь — эгрегор третьего порядка — христианство. Третья ветвь — силовое поле ислама четвёртого порядка. И все эти стволы, ветви снизу доверху заполнены микроэгрегорами пятого порядка. Той силой, которая питает энергией тысячи и тысячи различных связанных с эгрегором Амона сект... Видишь, какая сложная конструкция! Есть такой закон, юноша: альтернативы всегда отталкиваются, но на необозримой глубине они пересекаются. Из этого следует, что любая исламская, христианская или иудейская секта всегда защищена силой всего эгрегора. А то, что исламский и христианский мир находятся в вечной вражде...

— И вместе они противостоят концепции иудаизма? — спросил я.

— Это всего лишь перераспределение энергии между ветвями. Заодно и передел материальной собственности. Кому она в данный момент нужнее. Драка между печенью и желудком, и недовольство обоих тем, чем заняты мозги...

— Ну у тебя и сравнения, дядя Ёша! Прямо скажем — сверхобразные! Наверное, твои лекции студенты слушали, открыв рот? Что-то вроде театра одного актёра, — пошутил я.

— Ты мне зубы-то не заговаривай, Гера. У нас тема архисерьёзная...

— Всё, молчу, дядя Ёша! — скрестил на столе я свои руки, делая умную физиономию. — Молчу как рыба, хотя всё, о чём ты мне сейчас говоришь, давно знаю.

— Кое-что не знаешь, — спокойно с улыбкой посмотрел на меня учёный. — Поэтому «знахарь» и попросил меня поработать с тобой. Прежде всего, ты не слышал о взаимосвязях между мощными мировыми религиозными силовыми полями и тем энергообразованием, которое мы называем эгрегором Амона. К примеру, связь последнего с сильным китайским эгрегором. Кстати, который состоит из четырёх стволов: корни его уходят в религиозную ведическую традицию легендарного Му-Пацифиды: один ствол принадлежит даосской традиции, второй — конфуцианской, третий — чань-буддистской, а последний, самый молодой, религии атеистической... И посмотри, как любопытно: все четыре религиозно-философских направления мирно ужились! С гонором оказалась ветвь атеистическая, но ненадолго. В настоящее время притихла и она. С чего бы это? Предположим, даосам и буддистам договориться совсем не сложно. Философия дао и чаньбуддизма имеют общее ведическое происхождение. Следовательно, близки их и ценностные критерии... Но как в такой тандем могла вписаться философия Конфуция? Вот что удивительно! Она, в какой-то степени, сродни талмудической, тоже доказывает, что этнос «ханьцев» особый и поэтому ему позволено очень многое. И не только в масштабах империи, но и во всём мире. Философия шовинизма и этноцентризма. Казалось бы, самый настоящий раздрай, но в то же время на религиозно-философской основе в Китае никогда никаких войн не было. Китайцы всю свою историю воевали с кем угодно: с вьетнамцами, со скифским народом «ди» и с древними маньчжурами, но не сами с собой из-за религиозных убеждений. Конечно, в Китае имели место и гражданские войны. Это борьба княжеств за объединение или после падения династии Цинь Хуанди, восстание Лю Бяна, восстание красnobровых в 18 году н. э., восстание жёлтых повязок в 184 году. Но все эти гражданские кровопролития не имели характера войн идеолого-религиозных. Как известно, религиозные войны являются самыми беспощадными и бескомпромиссными. Они могут довести этнос до полного его истребления. Подобная беда древний и средневековый Китай миновала. Спрашивается, почему? Да потому, что за внутренними религиозно-философскими течениями в Китае кое-кто внимательно наблюдал с Запада. Именно поэтому все религиозные разногласия в «Поднебесной» всегда вовремя гасились. И китайский этнос за всю свою тысячелетнюю историю никогда не испытывал на себе того, что, например, перенёс тот же Лангедок в период войн с катарами... Когда на юге Франции не осталось и камня на камне, а всё население Лангедока было почти поголовно вырезано, китайский этнос берегли от больших бед его кураторы. Да и в наше время хранят. Давай вместе припомним: кому постоянно угрожает Запад? Неужто Китаю? Угрожает нам, России, или Советскому Союзу... Китай, хотя он и социалистический, странным образом оказывается всегда в стороне. На Востоке ему позволено практически всё, даже недавняя война с Вьетнамом, тоже, кстати, социалистическим. Кто, спрашивается, толкнул Китай на эту бойню? Может, лунатики? Почему социалистическая КНР двинула на объединённый братский Вьетнам свою армию? На народ, который только что в долгой и кровопролитной войне одолел Соединенные Штаты? На чьей он тогда стороне этот странный и загадочный Китай? Не из «их» лагеря, а «наш» — коммунистический? Видишь, сколько вопросов? А ответов нет!

— С твоих слов получается, что на стороне Запада, — сказал я.

— На стороне той силы, которая его создала и вырастила, — уверенно добавил историк.

— Что-то не понимаю? Как это, создала? Да ещё и вырастила? Насколько я помню, китайская цивилизация тысячи лет развивалась сама по себе...

— Это так нам втемяшено в голову, дорогой мой русич! На самом же деле всё по-другому.

Центральноамериканские индейцы тоже, вроде бы, жили вполне независимо. Это долгое время и не подозревали о Старом свете. Но, вместе с тем, это несколько не мешало им выполнять возложенную на них тёмным жречеством миссию: вырванные из их грудных клеток сердца две с лишним тысячи лет «кормили» своей жизненной силой, так называемое, «пятое солнце». На самом же деле, полевое искусственное образование питает своей энергией три мировые религии, несколько тысяч сект и четыре оккультные системы, включая и египетскую магию Сета...

— Плюс ко всему нагло навязывает свою волю эгрегорам других земных религий, — продолжил я мысль антрополога.

— Да-да, ты верно заметил, именно навязывает! — закивал головой учёный. — Пользуясь неиссякаемым источником силы... Но вернёмся снова к китайцам. Их предки, как утверждают летописи, с незапамятных времён делали со своими пленными то же, что и мезоамериканские индейцы. Правда, сердца у несчастных живьём не вырывали. Их просто протыкали пиками и кинжалами. На территории Китая археологами открыты сотни братских могил таких вот останков...

То, что рассказывал антрополог, я слышал впервые.

— Можно один вопрос? — поднял я руку. — Неужели и китайцы убивали своих пленных в честь Солнца?

— В честь своих божественных предков... Но какое это имеет значение? Узкоспециализированная полевая система, поглощающая посредством технологии страдания жизненную энергию человека, уже всю на Земле работала. На неё и шёл поток силы, отданной жертвами.

— Постой! — прервал я рассказчика. — Получается, что и язычники Европы своими жертвоприношениями кормили полевого изувера?

— И католики, когда в честь Иисуса Христа сжигали некрещеных ребятишек и еретиков. Сатанисты же и сейчас приносят ему жертвы, — с грустью в голосе добавил историк. — Слава богу, до тебя наконец-то дошло!

— Так вот для чего ещё были созданы лунные культы! Оказывается не только для дискриминации ведической традиции, — невольно почесал я затылок.

— Тёмные всегда преследуют несколько целей. За одной они не гонятся. Это не их стиль, — заметил еврей. — Ты, наверное, должен понимать, если случайность не одна, то это уже закономерность, а теперь вернёмся к нашему разговору. По легендам 2500 лет до н. э. на территорию южного Китая с северо-запада на огненных колесницах прибыли две странные личности: одного героя звали Хуан-ди, другого Ян-ди. Оба они китайцами не были, и тот и другой имели высокий рост, светлые волосы, белую кожу, голубые глаза и были сильными магами. Оба: и Хуан-ди, и Ян-ди пришли в Китай на смену династии Иань-ди, разгромленной южными народами. Династия Иань-ди просуществовала в Китае всего два века. Она имела 5 императоров, предки которых хоть и были выходцами с северо-запада, но следовали они не своей традиции, а местной... Потому их потомки и оказались в неудачниках. Хуан-ди же и Ян-ди отвергли местную традицию. Опираясь на сильные конные армии своих соплеменников, они разделили доставшуюся им землю на две части. Хуан-ди построил себе столицу на реке Цзышуй, а Ян-ди на реке Цзяньшуй. И там, и там белые пришельцы запретили ритуальные убийства рабов и пленных. Они научили древних китайцев письменности, математике, астрономии, навигации, скотоводству и т. д. Со временем оба государства объединила династия «Ся». Период её правления закончился около 1600 лет до н. э. И на смену ей пришла опять такая же кровавая, как и во время правления пяти императоров Иань-ди династия Инь. Почти 900 лет в Китае не знали, что такое ритуальное убийство пленных. Девятьсот лет не проливалось жертвенной

крови! И вот на тебе! Опять всё сначала... Как будто и не было правления великих цивилизаторов. Спрашивается, кто сохранил в «Поднебесной» древнюю языческую традицию? Темное подпольное жречество? Или её навязали китайцам извне? Для этой цели и уничтожили династию «белых богов» — «Ся»? Скорее всего, последнее. Потому, что без помощи государственной системы ни одна жреческая школа не набрала бы нужной для возрождения силы.

— Ну и что было дальше? — поинтересовался я.

— С северо-запада на императоров-отступников династии Инь обрушился белый голубоглазый народ коневопроводов — «чжоу». Три поколения длилась война чжоу и империи Инь. Три поколения! Сначала иньским императорам удалось потеснить чжоу. Один император чжоу даже погиб в битве, но потом при правителе Вэнь-ване чжоу одержали верх. И в 1027 году до н. э. династия Инь была повержена. Китай вступил в эпоху правления династии Чжоу. И опять, как и при правителях Хуан-ди и Ян-ди, были запрещены по всему Китаю не только человеческие жертвоприношения, но и жертвоприношения ни в чём невинных животных. Мало этого, в «Поднебесной» было запрещено и рабство. Государственная же система приняла характер большой общины, которая, в свою очередь, делилась на общины более мелкие и так до самого нижнего слоя общества. Чжоунцы, ещё до победы над Китаем, имели свою рунную письменность, но вынуждены были от неё со временем отказаться. Потому что переучивать китайцев было куда труднее, чем научиться местной «азбуке» самим. Но в остальном пришельцы китайцам ни в чём не уступили. Да и письменность они переняли, чтобы проще было управлять последними. Любопытно то, что напор чжоунцев на империю Инь в точности совпадает по времени с приходом к индейцам Мезоамерики цивилизатора Кецалькоатля. И у Кецалькоатля, и у чжоунцев одни и те же требования: прекратить кровавые жертвоприношения, прекратить людоедство и построить подлинно счастливое человеческое общество. Интересен ещё и вот какой факт. Китайская традиция приписывает написание знаменитой книги Перемен императору чжоу Фу-си или Вэнь-ваню.

— Или проще — Ивану, — засмеялся я.

— Да, скорее всего Ивану, — согласился со мной дядя Ёша. — На китайском имя Иван так и звучит — Вэнь. И древний Ван-ди, тоже очевидно, был Ваней. А Хуан-ди, скорее всего, именовался белым ханом... Хан по-китайски часто звучит через «у». И слово это вовсе не тюркское, а древнерусское. И обозначает оно ударную силу. До сих пор, когда кому-то досталось, мы говорим — хана ему.

— Но миссия Кецалькоатля или Пернатого змея в Америке провалилась, — вернул я дядю Ёшу к старой теме. — Из Толлана его изгнали...

— Но след-то он в сознании людей оставил и немалый. Память о Кукулькане и у ацтеков, и у майя дожила до самой конкисты, — сказал в не терпящем возражений тоне историк. — И потом, не кажется тебе странным тот факт, что и чжоунцы, и люди Кецалькоатля, и чичимекского «Бочико», перуанского цивилизатора «Виракочи», действовали практически в одно и то же время? К тому же, по описанию индейцев, Цивилизаторы Америки были представителями белой расы?

— Может, всё это только совпадение? — пожал я плечами. — А если не совпадение? Что тогда? Неужели попытка наших предков остановить накопление силы в создаваемом жрецами Сета эгрегоре Амона? Уж слишком фантастично...

— Это для нас с тобой фантастично, — улыбнулся учёный. — Но не Для темного высшего жречества. Что-что, а жрецы всегда держали да и в наше время держат руку на пульсе происходящего... Для убедительности давай снова вернёмся к Китаю: в XI веке до н. э. в «Поднебесной», как мы уже знаем, воцарилась династия Чжоу. Но прошло всего 300 лет, и

местная китайская традиция уничтожила в себе всё, что привнесли в её культуру чжоунцы. В «Поднебесной» опять воскрес институт рабства, начались кровавые массовые жертвоприношения людей и животных, возникли особые школы палачей, где искусству издеваться над физическим телом человека учили годами... И тогда западные жуны — белые русобородые родственники чжоу, снова двинули свои конные армии на взбесившуюся нацию. В 771 году жуны взяли столицу империи. Правитель Ю-ван попал к ним в плен. Но «Поднебесная» всё ещё продолжала обороняться. На востоке китайцы создали себе новую столицу город Ло-и. Но в 648 году до н. э. жуны, разбив армии «хуася», прорвались и к ней. Взять вторую столицу не удалось, но вплоть до 641 года войска жунов продолжали своё наступление. Китайцы, собрав в единый кулак все свои силы, в 525 году до н. э. сумели разгромить жунов. Те хоть и отступили из Центрального Китая, но на западе в бассейне реки Вайхэ построили своё царство «Ицуй». В этом государстве снова были запрещены и кровавые жертвоприношения, и рабство. Только в 272 году до н. э. Китаю хитростью удалось подчинить себе это царство... Но я рассказал тебе то, что касается жунов, русич. А теперь самое главное — удар, нанесённый китайцам народом «ди». Диньлини в отличие от жунов пришли в «Поднебесную» в УП веке до н. э. с севера. По древнекитайским источникам это были люди высокого роста, с голубыми или зелёными глазами, русыми волосами. Свои дома они строили из брёвен, занимались земледелием и скотоводством, выплавляли железо... Фактически, как показывают археологические находки диньлини, были самыми настоящими русами-скифами. В их культуре преобладал тот же звериный стиль, что и далеко на Западе. Был тот же набор оружия: клевец, два меча, сложный лук, булава и наборный щит. Двигаясь с севера, они разбивали в пух и прах китайские войска, брали крепости и на завоёванной территории неизменно устанавливали свой порядок. Отменяли рабство, создавали между жителями общинные отношения, и, что примечательно, уничтожали институт кровавых ритуальных жертвоприношений и изуверских пыток. В 661 году до н. э. сибирские скифы разгромили княжество Син, через год взяли столицу княжества Вэй, а в 649 году нанесли поражение войскам царства Вэнь и взяли его столицу — город Су. После этих побед весь восточный Китай оказался под их владычеством, западный же Китай был под контролем жунов. Уцелели земли «Поднебесной» на юге, где ни сибирские скифы, ни жуны в условиях горных джунглей не могли как следует пользоваться своей мощной конницей. Диньлини создали своё государство в бассейне реки Хуанхэ и 25 лет были владыками почти всего северного и восточного Китая... А теперь давай вспомним, Георгий, чем в то же самое время были заняты западные скифы? — потирая ладони, прищурился дядя Ёша.

— Тем же, чем их коллеги и родственники в Китае, — припомнил я. — На рубеже VII и VIII веков до н. э. они вместе с киммерийцами перешли Кавказ и завоевали не только Малую Азию, но и всю Переднюю, вплоть до самого Египта. Под их ударами пало хищное Урарту и ещё более свирепое государство, которое когда-то создали твои родственники по деду, — посмотрел я на улыбающегося еврея. — Царство Ассирийское. Насколько я помню, скифы в 612 году до н. э. взяли последнюю его столицу — Ниневию. Кстати, Ассирийская империя и древнее Урарту по кровавым оргиям и издевательствам над коренными народами от Китая не отличались.

— Вот-вот, это-то я и хотел от тебя услышать, — поднял руку историк. — Видишь, сколько совпадений? Опять то же самое время и ожесточенная борьба потомков бореалов с народами, в культуре которых был заложен алгоритм человеческого страдания.

— Особенно это хорошо видно на примере войны диньлиней с «Поднебесной»...

— И их родственников под командой царя Мадия в Передней Азии... — остановил меня жестом дядя Ёша. — Вот что нас должно заинтересовать, русич, — пододвинул к себе глобус учёный. — Перед нами два странных совпадения. Первое, и о нём мы уже говорили, произошло примерно 1025 году до н. э.: во время завоевания Китая племенами чжоу. Тогда в Новом Свете,

прежде всего в Мексике и Перу, появились белые бородатые «боги». Они стали учить индейцев сеять маис и запретили кровавые жертвоприношения.

— Пстой! — прервал я рассуждения рассказчика. — Я вспомнил: миссия «Пернатого змея» была намного позднее, примерно во времена викингов, это XI век...

— Очередная выдумка ортодоксов, Гера, бессовестная сказка. Можно оспаривать государство тольтеков, доказывая, что оно на тысячу лет моложе. Но никуда не денешься с руинами Теотихуакана, где тоже изображены головы пернатых змеев! Городу же этому не менее 20 тысяч лет. Теотихуакан пережил потоп. Именно на его пирамиды слетелись боги после катастрофы...

— Тогда я ничего не понимаю, то Кецалькоатлю, с твоих слов, тысяча лет до н. э., то вот уже и все двадцать тыс. лет до н. э.?

— Тут и понимать-то нечего, мой юный друг, — крутанул свой глобус историк. — Образ пернатого змея очень древний. Ему многие тысячи лет. Вот, посмотри, — показал он на изображение Америки. — Ещё 5–6 тысяч лет до н. э. весь север Канады, Аляска и Великие равнины были заселены преимущественно родами белой расы. В те времена предками индейцев была занята Мезоамерика и северо-восточные территории Южной Америки. Основная масса краснокожих пришла на Американский континент с гибнущего в Тихом океане легендарного «Му». Это помнят не только индейцы, но и многие альтернативные учёные...

— Такие, как ты? — спросил я антрополога.

— Да, такие, как я, — кивнул дядя Ёша.

— Ну, а как же гипотеза о том, что Америка была заселена выходцами из Азии? И сравнительно недавно: 10–12 тысяч лет до н. э.?

— В какой-то степени так оно и было, — невозмутимо сказал учёный. — Часть краснокожих, которая перебралась во время катастрофы в Азию, с гибридными этносами и синантропами смешиваться не стала. Она двинулась по побережью Тихого океана на север и через Берингию перебралась на Аляску.

— Ну, а как же потомки бореалов? Они что, просто так отдали им свои земли? — не унимался я.

— Никто предкам индейцев север Америки не отдавал, — поморщился от моей дремучести учёный. — Краснокожих американские бореалы, по всей видимости, пропустили на юг через свои земли с миром. Время переселения хорошо представлено у североамериканских индейцев в их мифологии... Там есть всё: и трудная дорога по погружающейся в океан Берингии, и упоминания об ужасных холодах, но не войны с бореалами. И, вообще, краснокожие племена заняли север современной Канады и Аляску только после того, как те земли были покинуты их подлинными хозяевами — племенами русов. Это произошло на рубеже II — I тысячелетия до н. э. По историческим меркам — совсем недавно. Но, как показывают некоторые хроники, предания индейцев и эскимосов, часть бореалов на американском материке осталась. С предками эскимосов, народом «инуит», европеоиды генетически так и не смешались, но вот с краснокожими смешение со временем произошло. Отсюда и появились в Америке племена белых голубоглазых и русоволосых «индейцев». О них хорошо написано в хрониках конкисты испанцами. Помнишь, в честь кого была названа Амазонка?

— По правде, подробности мне неизвестны, — признался я.

— Там главная подробность в том, что корабли испанцев на реке были окружены пирогами индейцев, командовали которыми 10 белокожих девушек-блондинок. Причём эти блондинки так умело сражались, что, по мнению конкистадоров, будь их в два раза больше, экспедиция бы уже не вернулась. Ты почитай хроники, Гера. Я ведь тебе не бред рассказываю, а то, что можно легко проверить по письменным источникам... — укоризненно покачал головой дядя Ёша. —

Образованный человек должен иметь представление не только о прошлом своего народа, но и об основных хронологических событиях всей цивилизации, юноша. Иначе — беда! Могут так промыть мозги и такие представления в них «воткнуть», что впору вешаться.

— Я это знаю, но где взять то, о чём ты мне рассказываешь? Обычным людям дают перевернутые учебники истории и на этом — всё! Как ты говоришь — «втыкают представления»... К архивам нас, простых смертных, не допускают...

— Я с тобой согласен, русич, но всё равно надо стремиться к правде. Видеть её даже там, где, казалось бы, царит одна голимая ложь. Ощущать её нутром. Без этого нельзя, Гера, — поднял свои тёмные глаза учёный. — Как видишь, совсем недавно, ещё в XV и даже XVI веках, на территории обеих Америк жили представители белой расы. Потомками бореалов было население и легендарного «Эльдорадо». Об этом говорят не только испанские хроники и предания индейцев Амазонки, но и многочисленные археологические находки, собранные тем же Туром Хейердалом. Представителями белой расы были правители инков и арауканцев. К такому выводу пришли учёные, занимающиеся изучением их мумий. По данным генетического анализа, правители инков имели первую, типичную для белой расы, группу крови. И это в океане людей с третьей группой! Как ты должен знать, все аборигены Нового Света имеют только одну — третью группу крови, как и все без исключения представители монголоидной расы Азии. Кстати, об американских мумиях... Сейчас, я тебе кое-что покажу.

С этими словами дядя Ёша взгромоздился на кресло и стал копаться в одной из своих папок...

— Вот, кажется и нашёл, — через минуту пробурчал историк. — На-ка, взгляни... — положил он передо мной кучу фотографий.

Я взял в руки фото и не поверил своим глазам. На них были изображены завернутые в ткань, лежащие рядами самые настоящие «египетские» мумии.

— Они походят на египетские, не только внешне, — пояснил дядя Ёша. — И изнутри мумии напоминают египетские. Почти та же самая технология... Находят же их не только в Южной Америке: в Колумбии, Перу, Боливии или Аргентине, но и в Северной. Вплоть до зоны вечной мерзлоты. Вот что интересно: обрати внимание, — показал историк на одну из фотографий. — Видишь, сняты бинты с верхней половины тела мумии... Что ты видишь?

— Волосы... Волосы цвета пшеничной соломы! — заволновался я.

— То-то и оно! И цвет кожи у мумий, несмотря на то что они высушены, всё равно светлый... — с торжествующим видом выпятил свою грудь дядя Ёша. — А знаешь, где их обычно находят? — указал учёный на фотографии. — Глубина более двух метров, в специально вырытых для захоронения овальных земляных склепах. В таких тайниках обычно покоятся сразу несколько тел, до десяти и более. Но беда вот в чём: захоронения бореалов в Америке обнаруживают, но учёные США и Канады подобные находки стараются игнорировать: ни серьёзных публикаций, ни выводов на эту тему никаких нет. Как будто ничего и не происходит. В Южной же Америке европеоидные захоронения называют индейскими. То, что волосы типичных блондинов, белая кожа и анализ крови говорит, что это мумии европеоидов, никого не волнует. На-ка, «побачь [\[1\]](#)», — разложил антрополог на столе ещё одну пачку фотографий. — Вот — черепа индейцев, а вот — черепа, взятые из странных захоронений. Есть разница?

— Ещё какая! — повысил я от волнения голос.

— Вот ещё, полюбуйся... Это череп эскимоса, а рядом?

— Типичный арийский череп! — констатировал я. — Высокий лоб, нет скуластости, высокое переносье и большие глазницы...

— Всё верно! Ты не антрополог, но видишь, что американские и канадские антропологи черепов белой расы и катакомбных захоронений с мумиями в упор не замечают. Вот что значит

политика, русич! Находки следов белых людей в Новом Свете разрушают все их далеко идущие планы. Стоит только согласиться с тем, что Америка была заселена до прихода индейцев людьми белой расы, сразу же возникает вопрос, откуда пришла эта раса? На каком языке она говорила? И куда делась? И попробуй, ответь на такие вопросы? Без признания, что белая раса пришла с северного материка, не обойтись. Язык же указывает на то, что бореалы были русами. Значит, надо признать и то, что

Сибирь с допотопных времён была заселена тоже нашим народом... И, вообще, то, что русы — самая древняя на Земле раса... Это уже для тех, кто выдумывает по библейскому проекту прошлое — целая катастрофа! Нужно будет заново переписывать всю хронологию. И многие вещи называть своими именами... Знаешь, откуда у меня вот эта фотография? — показал дядя Ёша на фото черепа эскимоса и европеоида. — Мне прислали её из Канады много лет тому назад, когда я был ещё в науке. Просили написать свои комментарии.

— Ну и что? — поинтересовался я.

— Комментарии я, конечно же, написал, но они ничего не дали. В Америке до сих пор арийские черепа называют то индейскими, то эскимосскими, так же, как и у нас в СССР, где типично бореальские европеоидные черепа характеризуют без зазрения совести монголоидными — тюркскими... — с горечью в голосе произнёс учёный.

— Они что, спятили? — удивился я.

— Похоже так, юноша... И черепа гуннов, и печенегов, и половцев-кипчаков, и даже черепа скифов некоторые прозападно настроенные учёные всеми силами пытаются отнести к представителям монголоидной расы. Такова установка Запада. Попробуй, против неё пикни? Мигом вылетишь и из учёных и вообще из науки. Знаешь, как всех этих перевёртышей обвёл вокруг пальца наш русский гений антрополог Герасимов? — весело улыбнулся дядя Ёша.

— Как? — искренне поинтересовался я.

— Сейчас расскажу, — снова сел в своё кресло лектор. — Когда Герасимов восстановил по черепу подлинный облик Тимура-Тамерлана, учёного тут же стали жрать поедом. Дескать, политкорректность требует, чтобы Тамерлан был непременно монголоидом. И Герасимов заказ выполнил. Европеоидное лицо железного хромца превратил в монголоидное. Но вот его сына — эмира и философа Улугбека учёный оставил таким, каким он и был — чистокровным европеоидом. На слепок сына политики от науки внимания не обратили. Но дело в том, что от монголоида отца всегда рождаются дети либо точно такие же монголоиды, либо с ярко выраженными монголоидными антропологическими признаками... Да будет тебе известно, что в браке монголоид-европеоид монголоидные характеристики доминируют. Если же сын чистокровный европеоид, то и отец, и мать должны быть точно такими же... Вот и вся хитрость, — развёл руками рассказчик.

— Да, лихо он их! — согласился я с повеселевшим евреем.

— Плохо то, что поняли Герасимова одни специалисты, но всё-таки он молодец! — заключил он.

Несколько секунд учёный о чём-то думал. Потом, взглянув на меня, сказал:

— Прости, пришлось сделать некоторое «лирическое отступление», но без него никак. Слишком много лжи, Гера! Слишком!! Теперь ты понимаешь, что кецалькоатлей, виракочей, бочико и других в Америке было сколько угодно. Они могли влиять на индейцев несколько тысяч лет подряд. Нас же интересует волна белых культуртрегеров, которые пришли к людоедам-индейцам одновременно с ударом по китайской империи северных чжоунцев. Это случилось где-то в 1026–1027 году до н. э. И пришли белые цивилизаторы в Мезоамерику не с юга, а с территории, которую в те времена контролировали племена бореалов. Скорее всего, из лесостепной зоны современной Канады. О чём это говорит? Да о том, что и север Америки

долгое время входил в состав единой Великой русской империи.

— Неужели ты допускаешь, дядя Ёша, что северная евроазиатская держава распространялась ещё и на Америку? — удивился я.

— Но если это не так, тогда объясни мне, почему племена чжоу и люди Пернатого змея в Мексике, а также знаменитые перуанские виракочи действовали примерно в одно и то же время?

— Может, это всего лишь совпадение? — пожал я плечами.

Совпадение?! Таких совпадений юноша не бывает, — отрезал учёный. — И потом, в тагарское время... Сразу два удара! По Китаю — жуны и диньлины, по Передней и Малой Азии — киммерийцы и скифы... Что опять скажешь, совпадение? Нет, дорогой мой, о совпадении речь идти не может. Перед нами действия единого гигантского государственного образования. Особенно это хорошо видно по одновременному нашествию жунов и диньлиней на востоке и скифов на западе: войска диньлиней из Сибири и силы жунов с территории Средней Азии уходят далеко на восток. Но почему-то ни те, ни другие не боятся, что их вотчины окажутся захваченными кем-то. Теми же уральскими и азово-черноморскими скифами. Тебе не кажется это странным, Гера?

— Вообще-то кажется, — смутился я.

— И потом — скифы, зачем они поперлись в Переднюю и Малую Азии, на войну с сильнейшими державами того времени, когда и в Сибири и за пустынями на юге можно было грабить почти безнаказанно? Основные силы с этих мест ушли. О чём это говорит? Да о том, что мы имеем дело не с племенами кочевников, а с централизованным государством, во главе которого стояли не столько цари, сколько жрецы. И это централизованное государство успешно боролось с силами тьмы как на Востоке, так и на Западе... Я говорю о могучей империи легендарного Таргитая или, по легендам, Тарха Годиновича и мудрого Кентала — победителя македонского выскочки.

— Ты имеешь в виду Александра Великого? — перебил я учёного.

— Его грешного, его...

— Получается, что Низами был прав, описывая борьбу сына Филиппа с империей русов?

— Конечно, прав! — засмеялся дядя Ёша. — Ещё как прав! Он ошибся только в одном: не Македонский победил Кентала, а царь Кентал Македонского.

— Вот так дела?! Да ты, дядя Ёша, ещё и романтик...

— Не романтик, а искатель правды, юноша. Смотри, как интересно получается: «матёрый еврей» по фамилии Солганик и вдруг: искатель правды?! И сейчас я тебе это докажу.

Не прошло и минуты, как учёный выдвинул из-под кровати здоровенный, доверху наполненный черепами чемодан. И, открыв его, стал выставлять их передо мною на столик с книгами. Когда все черепа были поставлены, он сказал:

— Ты не антрополог, но объём и линии чувствуешь. Я только что убедился в этом. К тому же у тебя есть талант художника. Поэтому, думаю, не ошибёшься. Теперь определи, к каким расам все они относятся? — указал он на выставку своих черепов.

Я внимательно осмотрел черепа и из всей коллекции выделил два.

— Вот эти явно монголоидные... Либо они взяты из могильников Бурятии, либо Тувы, — заключил я. — Все же остальные черепа явно европеоидные...

— Европеоидные? — хитро прищурил свои глаза-сливы «евреище». — Как бы не так! На-ка, почитай каталог.

И он достал из чемодана какой-то журнал и протянул его мне. Я растерянно взял из рук учёного потрёпанные листы с машинописным текстом и растерянно посмотрел на антрополога.

— Не знаешь, что делать? А ты переверни череп. Видишь, вот номер. Теперь найди этот

номер в каталоге и прочти.

Я взял первый попавшийся европеоидный череп, взглянул на его бирку и нашёл её в каталоге. То, что я прочитал, меня натурально взорвало: череп оказался из гуннского захоронения в Хакасии; в столбце, где отмечалась расовая принадлежность, чёрным по белому было написано, что череп относится к монголоидной расе.

— Это же идиотизм! — возмутился я. — Тонкая изящная кость! Высокий лоб, умеренная брахикефальность, высокое переносье, нет скуластости. Где же тут они увидели монголоидные признаки?!

— Вот именно, где? — поддержал меня беженец из науки. — Можешь проверить: то же самое относится и к другим черепам. Везде в столбце о расовой принадлежности написано, что череп принадлежит монголоидной расе...

Не веря увиденному, я стал искать в каталоге, где были выкопаны черепа и к какой расе они относятся. Антрополог оказался прав: по каталогу все явно европеоидные черепа были записаны монголоидными...

— Но ведь это преступление, подлог! — возмутился я.

— Так оно и есть, мой юный друг, — складывая назад черепа, сказал дядя Ёша. — Наша историческая наука обслуживает мифы. Сказки же сочиняются прозападниками, которыми умело, посредством масонского влияния, дирижируют те, которые тысячи лет назад внедряли на Земле свой античеловеческий библейский проект... Как ты уже видел: вот эти пять черепов найдены в половецких могильниках, эти три — в печенежских захоронениях, а вот те семь относятся к ордынскому времени, и найдены они на Барабе за Уралом в Сибири. Эти же пять вообще, принадлежат времени тюркского каганата и взяты они из могильников в западном Гоби. Подумай сам, к какой расе надо отнести их хозяев? Естественно, к монголоидной... К какой же ещё?

— Но ведь это наглое враньё! — не унимался я.

— Враньё! — согласился учёный. — Вся наша ортодоксальная историческая наука — структура по придумыванию мифов. Она выполняет заказ, юноша...

— Кого? Масонов или богоизбранных? — спросил я.

— И тех, и других, но в основном — их заморских хозяев. Тех, которые закрутили на Земле весь этот библейский кошмар. Знаешь, что проделывают наши ортодоксы с гастролёрами-антропологами с Запада, когда те начинают просить у них черепа, например, тех же гуннов или представителей Хазарского каганата? — стал высказывать наболевшее честный учёный. — Они, наши недоумки, привозят им под видом гуннских и хазарских черепов черепа, взятые из Бурятии или поздней Монголии... Так-то!

— И те таким вот подлогом морочат головы своему населению?!

— Как видишь, мифотворчество поставлено на широкую ногу и в глобальных масштабах... Когда я «сделал ноги» из науки, гора с плеч свалилась! Даже дышать стало легче, — грустно улыбнулся дядя Ёша.

— А зачем черепа с собою возишь? Как ты можешь спать, когда под кроватью у тебя целое кладбище? — невольно поинтересовался я.

— Черепа эти я взял из хранилища музея, чтобы со временем предать земле... Но похоронить надо там, где покоятся их предки... Нигде попало... Поэтому и лежат они под кроватью и ждут своего времени. Есть тут в чемодане два черепа, привезённые из Кузнецкой котловины. Если тебе будет не трудно, заberi черепа с собой и предай земле на их Родине. И души хозяев костей будут тебе благодарны. И твой друг «старый матёрый евреище»...

— О чём речь, дядя Еша? Мог бы об этом и не просить. Но то, что ты рассказал, — ужасно!

— Ужасно, — кивнул головой учёный. — Но перед нами реалии...

— Неужели среди наших советских учёных-антропологов нет честных людей? — искренне поинтересовался я.

— Есть, конечно, но что они могут? Вот вопрос. Это: и звезда первой величины — Дебец, и Владимир Петрович Алексеев, и многие из их школы. Но кто к ним прислушивается? Что толку, что академик Поршнева выдвинул целую теорию о человеческих видах. Её кто-нибудь у нас в Советском Союзе знает? И ты о ней услышал только со слов «пасечника». Так ведь?

— Так, — согласился я.

Глава 5. Тайна китайской цивилизации

— Кажется, всё необходимое для понимания последующего материала мы разобрали. Теперь нам придётся снова вернуться к эгрегору Амона и Китаю, — перевёл рельсы учёный. — Давай-ка, не торопясь, подумай, что нами в эгрегоре Амона упущено? Чего ещё не хватает для истинного понимания его сути? — затаскивая чемодан с черепами на старое место, задал мне вопрос антрополог.

— На мой взгляд, упущена его связь с эгрегором лжи. Я всё ждал, когда ты осветишь и этот вопрос... — ответил я.

— Он и есть владыка всей нашей земной лжи. Ложь составляет сердцевину древа эгрегора, те проводящие сосуды, которые его питают. Нет их — нет и его самого... Ложь создала эгрегор Амона. Она в нём первична, а не наоборот. В иудаизме, христианстве и исламе принято считать, что отцом лжи является Дьявол, но это не так. Даже Христу приписывают фразу, что, дескать, Сатана-Сет — отец лжи. Он такого сказать никак не мог! Сатана — порождение лжи, её омерзительное детище. И, конечно же, что первично и что вторично, Иешуа хорошо знал...

— Но тогда почему возникла такая перестановка? — удивился я.

— Чтобы скрыть, что эгрегор Амона, искусственно созданное для привода к власти на планете неких «людей-Х», полевое образование. А если посмотреть ещё глубже, то просматривается главное — для гибели социума. Вспомни, как его создавали? Сначала, после исхода из страны Кеми цивилизаторов Шемсу-Гор, некая группа жрецов выделила из вселенского принципа очищения, или Чернобога, властелина пустыни Сета, а потом из представления о последнем выщедила его солнечную ипостась — Амона. Что это, если не ложь?

— Тут не просто ложь, перед нами целая технология лжи! — заметил я.

— И родилась эта технология интегрального изменения человеческого сознания с прицелом на противоположное не в Старом и не в Новом Свете...

— А где же? — искренне удивился я.

— В стране атлантов, мой юный друг. В государстве, которое предало земное человечество. Его жрецы пошли на сговор с космическим негуманоидным разумом...

— Может, их подменили? Есть на свете и такие технологии. В Ведах Индии прямо говорится, что наги могли принимать не только человеческий облик, но и превращаться в животных, — высказал я свою точку зрения.

— Подменить можно людей нашей цивилизации, но не предшествующей, юноша. Те люди были другими... Во главе их общества стояли не болтуны, как у нас, а сильные маги. Так что подмена исключена... Но на чём мы остановились? На том, что технология изошрённой лжи породила и эгрегор Амона, и все выросшие из него мировые и локальные религии...

— Постой! — перебил я рассказчика. — Вот ты только что упомянул имя Дьявола... По-твоему, что: Сет-Сатана и Дьявол-Амон одно и то же?

— В какой-то степени, так оно и есть. Не с потолка же Иисус назвал бога иудеев Дьяволом, но тут имеется некоторая тонкость. Дело в том, что каждый эгрегор, каким бы он ни был, всегда, так или иначе, связан с Создателем. Через такую вот информационно-силовую связь.

— Творец в рамках общих законов Мироздания и контролирует искусственные полевые образования? Я что-то не пойму, в чём тут тонкость. И как она связана с Дьяволом? — не понял я.

— Всё и сложно, и просто, — улыбнулся знаток кабалы. — Дьяволом у знатоков магии считается та часть эгрегора Амона, которая связывает его с высшим космическим деструктором, обратной стороной источника всего сущего, с той силой, которая у бореалов и русов называлась

Чернобогом. Отсюда у Дьявола и вполне покладистый характер: неземной, скорее космический... Он не слепой убийца, как его глубинная ипостась — Амон. Он провоцирует, толкает человека совершить преступление. Например, обмануть, украсть или убить. Но если психика человека крепкая, то он, как правило, от него отступает. В своих действиях Дьявол ближе не к изуверу Амону, а к бореальскому Чернобогу — обратной стороне Рода. Вот почему во многих земных сказках злая потусторонняя сила выглядит часто справедливой. Взять то же Евангелие о Христе. В пустыне Дьявол пытался соблазнить Иешуа властью, славой и богатством... Не получилось — он отступил... Убила, вернее, попыталась убить Христа его приземлённая ипостась уже с другим сознанием. Та, которая никакого отношения к космосу не имеет... Вспомни булгаковского Воланда, он ведь не убийца! Жесток к дегенератам, но справедлив... Потому Воланд нам и нравится...

— Но его образ выдуман писателем, — попытался я возразить дяде Ёше.

— Булгаков был, прежде всего, эзотерик, юноша. И его космический образ Воланда совершенен. И потом вспомни, какие слуги его окружали? Один — Азazelо, второй — Фагот, третий — образ кота. Все четверо, вместе с Геллой — из ведического пантеона древних семитов, предков евреев, в частности... Азazelо — тоже бог пустыни, как египетский Сет, но он не претендует на роль главного. Азazelо занимает своё место. Воланд же далеко не Амон. В его образе нет и намёка на то, что он «лжец» и «отец лжи». Так? — посмотрел на меня своими глазами-сливами лектор.

Я согласно кивнул.

— Но тогда объясни мне образ кота Бегемота. То, что он ведический, я не сомневаюсь, но он не еврейский. Кочевники-евреи котов не разводили...

— Это ты верно заметил, древним евреям коты были ни к чему, они земледелием не занимались. Образ кота Бегемота явно египетский. На что он указывает, думаю, ты и без меня догадываешься.

— На связь с египетским пантеоном ведических богов древних доиудейских евреев.

— Молодец, догадался! — похвалил лектор по эзотерике. — Думать умеешь. «Пасечник» относительно тебя был прав... Но вернёмся снова к теории эгрегоров. Теперь ты имеешь некоторое представление о том невидимом силовом монстре, который, усилиями тёмного жречества и его закулисных кураторов, давным-давно царит на нашей несчастной планете... Ко всему прочему, как и любой эгрегор, он обладает совсем независимым сознанием. Вектор же этого сознания направлен на его максимальное усиление. Отсюда на нашей планете и все беды: кровавые жертвоприношения в лунных культах; завоевательные походы изуверов-князей, царей, консулов; пытки и костры инквизиции; локальные и мировые войны... И что более всего нежелательно — неограниченный рост народонаселения.

— Но люди-то тут причём? — удивился я.

— Как причём? Они же являются главными поставщиками силы! Не будь их — не было бы и самого эгрегора. И чем людей на Земле больше, тем сильнее полевой монстр. Что же касается откачки из человечества жизненной и других видов энергии, то у него здесь всё в порядке — на эгрегор работает дружный коллектив: негуманоидный разум, тёмное жречество, созданные им тайные общества и богоизбранные... Конечно же, и гениальное изобретение по сведению человека с ума — деньги! Эгрегор денег жестокий и властный не что иное, как производное эгрегора Амона. Его безотказный инструмент. Ты же знаешь, что за деньги недоумки способны буквально на всё!

— Знаю, — согласился я. — Что-что, а таких людей, как ты говоришь, «недоделов», или «недоумков», в наше время видимо-невидимо.

— Это специально выведенная под эгрегор порода людей, юноша, — с расстановкой и

ударением на слове порода, поднял указательный палец историк. — Но здесь уже другая тема. Думаю, ты без меня с ней можешь разобраться. Встретишь тех, кто тебе популярно расскажет о том, как был селекционирован на Земле обыватель и зачем.

— Зачем, — я догадываюсь, не знаю пока как, но, думаю, со временем до меня и это дойдёт, — ответил я.

— Наконец-то можно опять вернуться к нашей теме, — облегчённо вздохнул «евреище». — К загадочному Китаю. А точнее: к взаимодействию эгрегора Амона с китайским национальным эгрегором. Начнём с того, что 4,5 тысячи лет до н. э. вся территория будущего Китая, как и территория Индии, контролировалась белой расой. Точно так же, как и в додинастическом Египте, во главе древнекитайского союза племён стояли северные «ди» — белые голубоглазые правители. Об этом говорят не только многочисленные китайские хроники, но и археологические находки: захоронения и целые города людей белой расы в западном и центральном Китае. Насколько я помню, в 1972 году под песками пустыни Такла-Макан была обнаружена мумия белой русоволосой женщины. За ней учёные до 1977 года откопали десятки и даже сотни мумий светловолосых и белокожих людей нордического типа. Параллельно с этими находками начались раскопки занесённых песками загадочных городов. Так, на западе Китая был открыт целый загадочный народ белой расы — тохары. Как позднее выяснилось, не китайцы, а тохары контролировали восточную часть Великого Шёлкового пути. Их крепости и города укрывали от тюркских разбойников купеческие караваны, а вовсе не китайские. Так что Китаю пришлось спешно переписывать свою историю...

— Похоже, тохары и жуны близкие родственники? — прервал я рассказчика.

— Получается, что так, — согласился историк.

— Куда же они потом подевались эти загадочные тохары?

— Наконец-то мы добрались до сути нашего разговора, русич, — качнул своей вихрастой головой антрополог. — Русоволосые тохары постепенно растворились в китайцах. Им не помогла ни их военная доблесть, ни их высокая многогранная культура. Со временем этот нордической народ был буквально раздавлен генетическим прессом местных хуся. Так же, как и его более ранние братья по крови в центральном Китае. Их остатки в большом количестве стали находить сразу же после открытия цивилизации тохаров. Кстати, когда были найдены десятки европеоидных черепов в бассейне Янцзы и южных провинциях, китайские власти всерьёз занервничали. Они в спешном порядке выслали из страны всех иностранных археологов и принялись в очередной раз корректировать свою историю. Но, как говорят в таких случаях: птичка-то из клетки улетела. Но я не об этом, юноша. О другом... О присутствии в Китае потомков бореалов. Из китайских летописей, тотальный контроль над этносом «Поднебесной» в жёсткой форме стал осуществляться с приходом к племенам хуся двух великих личностей Хуан-ди и Ян-ди. Это произошло, как ты уже знаешь, примерно 2400 лет до н. э. Династия Хуан-ди сменила не оправдавшую надежд предшествующую нордическую элиту, предположительно, древнетохарскую.

— Ну и что? — не понял я, куда клонит антрополог.

— Да то, что монголоидная раса народа хуся с момента прихода в Китай династии Хуан-ди от влияния белой расы начала по-своему защищаться...

— Это нормально, что и следовало ожидать, — сделал я умную физиономию.

— Но вопрос, как?

Дядя Ёша сделал долгую паузу. А потом просто сказал:

— Хуся стали лихорадочно размножаться. Да, да, размножаться! Как мыши и тараканы...

Никаких военных выступлений, никаких всплесков недовольства — одно голимое размножение. С приходом в «Поднебесную» династии Хуан-ди её тут же захлестнул мощный демографический

взрыв, который, по мнению многих исследователей, за четыре с половиной тысячи лет ни разу не приостановился! Такой феномен, мой юный друг, прослеживается на Земле в одном только Китае. Не кажется ли тебе это странным?

— Может, такова генетическая особенность этноса? — начал, было, я демагогические рассуждения.

— Генетика здесь не причём, Гера, мы имеем дело не с генетикой, а с коллективным бессознательным и мощным потенциалом энергии, которую стал получать китайский этнос «неведомо откуда».

Лектор выделил интонацией последние два слова и, посмотрев на меня, добавил:

— Вот когда тёмное жречество вплотную занялось китайцами — со времён древнего Хуанди, 4500 тысячи лет тому назад... Как ты думаешь, откуда мог взяться этот поток воспроизводительной силы? — с загадочным видом задал вопрос дядя Ёша.

— Конечно же, не от старика Хоттабыча, — развёл я руками. — Может, в таком деликатном деле замешан китайский национальный эгрегор? Но, с другой стороны, почему всё началось с приходом северной династии?

— Вот именно?! — хлопнул ладонью по стопке с книгами дядя Ёша.

— Неужели связь эгрегоров? — набрался я смелости. — Взаимодействия эгрегора Амона с китайским национальным?!

— Другого объяснения этому феномену нет, — несколько погрузтел историк. — Связь двух эгрегоров несомненна, плюс мощная энергоподпитка. И доказать такие дела совсем несложно. Хотя бы на примерах сегодняшнего: выше в разговоре я упомянул о недавней войне Китая с социалистическим Вьетнамом. Какой-то бес толкнул его на эту войну. Сила, несомненно, западная. Потому что самому Китаю война была не нужна. Это — раз. И, во-вторых: помнишь захваченный в 1949 году КНР Тибет?

— По-твоему, это тоже приказ Запада? — спросил я.

— Несомненно. И вот почему, — встал со своего кресла лектор.

Он расстелил на столе карту Азии и, указав на Тибет, сказал:

— Фактически горная бесплодная пустыня. Климат пресквернейший. Прямо скажем, не для китайцев: зимой морозы до сорока градусов, летом сушь и жара. Ничего, кроме ячменя, не растёт... С Тибетом у Китая больше проблем, чем выгоды. Потому китайцы никогда особо в Тибет и не рвались...

— Но тогда зачем он им стал нужен? — поинтересовался я.

— А он Китаю и не нужен! — отрезал «евреище». — Тибет был присоединён к Китаю по указанию Запада. Заметь, захват Тибета китайцам легко сошёл с рук. Всё обошлось одними разговорами. Сделали вид, что недовольны — и только.

— Но Западу-то Тибет зачем? — не врубился я.

— Западу? Да, Западу Тибет нужен как воздух: в его пещерах с давних времён скрыты несметные духовные сокровища, по слухам, хронология и знания ныне мёртвых допотопных цивилизаций. Ещё более архаичных, чем известные нам по преданиям Лемурия, Му, Ориана и страна атлантов... Кроме того, в Тибете скрыты хроники лемурийцев и жрецов Атлантиды. Как раз более всего они и волнуют хозяев Западной цивилизации. С некоторых пор на Западе, в среде тёмного жречества стал ощущаться дефицит знания. Очевидно, это начало происходит с приходом к власти в СССР Сталина и фиаско Сил Тьмы в войне с Россией во второй мировой. Прокол оказался очень серьёзным, и его надо было как-то латать. Кроме того, срочно требовалась новая стратегия. Но и это не самое главное: масоны, иллюминаты, адепты хабада и их общиe хозяева стали всерьёз опасаться, как бы Тибет не оказался оккупирован Советским Союзом. Кстати, у Иосифа Виссарионовича были такие планы. Помешала война и послевоенная

разруха. И вот, хорошо помня миссию Н. Рериха, который стремился ещё в 30-х присоединить Тибет к СССР, на Западе был разработан план захвата данной страны управляемым в течение нескольких тысяч лет ныне коммунистическим Китаем...

— Откуда ты всё это знаешь? — в который раз удивился я.

— Не забывай, что перед тобой учёный-историк, к тому же ещё и из «их» клана. Как ты понимаешь, не марсиане, а именно мы, евреи, контролируем мировую историческую науку...

— Хочешь сказать, что ты тоже из богоизбранных? — засмеялся я. — И поэтому знаешь то, о чём не подозревают многие «гой»?

— Молодец, тут ты прямо в яблочко, — улыбнулся антрополог. — Я на самом деле владею тем, о чём мало кто догадывается. Если уж мы коснулись связей Запада с Китаем, то необходимо помнить ещё и то, что официальную историю «Поднебесной» написали не китайцы, а специально приехавшие для этой миссии из Ватикана иезуиты. Это они придумали, что история Китая насчитывает целых 8 тысяч лет...

— Чтобы приписанными тысячелетиями прикрыть организованный служителями Амона — «китайское чудо» — долгосрочный демографический взрыв? Дескать, китайский этнос древний, поэтому он такой и многочисленный.

— Вот-вот, — кивнул головой дядя Ёша. — Ты опять в корень. Всё свалить на тысячелетия и этим закамуфлировать связь двух эгрегоров.

— Где партию главной скрипки играет эгрегор Амона, — продолжил я за историка. — Но мне вот что не понятно: почему посланцы Ватикана, описывая историю «Поднебесной», упомянули о том, что она была несколько раз завоёвана голубоглазыми и светловолосыми потомками бореалов?

— Просто некуда было деться, мой юный друг. С одной стороны, заставили это сделать многочисленные следы пребывания белой расы: города, крепости, некрополи. С другой — летописи даосов и буддистов. Плюс ко всему, устная народная традиция Китая. И потом, все упоминания о завоевании «Поднебесной» народом чжоу, жунами или диньлинями летописцами с Запада сводились к упоминанию о племенных союзах. О том, что Китай контролировала великая Северная евроазиатская империя, — ни слова. Тут же расчёт на идиотов, мой друг, какие-то степные бродячие племена стали завоёвывать бедных несчастных китайцев! Централизованное мощнейшее государство того времени. И не раз и не два, а пять раз подряд! Мы имеем дело с подлым антинаучным цинизмом. Вспомни нашу отечественную историю, Гера: как в ней описаны скифы? Оторвавшийся от азиатских просторов, локальный племенной союз. Так?

Я кивнул.

— Но вот в чём беда: этот племенной блок со своими вождями-царьками был таким диким и свирепым, что от него в доброй старой Европе житья никому не было! Как тебе известно, скифские втульчатые стрелы находят на Балканах, по всей современной Германии и Франции — вплоть до Пиренеев. В Азии же эти северные бородатые бестии вообще осатанели! Шутка ли, на колени поставили Мидию, разгромили древнее высококультурное Урарту. И, что самое ужасное, стёрли с лица Земли бедную, всеми обиженную Ассирию! На самом деле мировую сильнейшую в Западной Азии империю!

— Плюс ко всему, присоединили к завоёванным землям ещё и бывшие владения хеттов — земли Анатолии, — вставил я.

— С геополитической точки зрения, скифы присоединили к Северной империи стародавнюю, распавшуюся и захваченную другими народами свою же русскую землю. И заодно прекратили на ней бесчинства чёрного жречества... Доказательством этого может служить тот факт, что на Египет они не обрушились... — закончил тираду дядя Ёша. — Но мы немного

отклонились от темы. Речь у нас шла о другом, — поднял на меня глаза-сливы знаток всего тайного. — О тех, кто бессовестно сочиняет наукообразные сказки. В частности, мифы о северных варварских племенах, которые своими хищными набегами в течение многих веков превращали в руины и пепел цивилизованные страны Запада и Востока. В данном случае — рабовладельческие государства Малой, Передней Азии, а также далёкий и загадочный для европейцев Китай... Самая изощрённая ложь, мой молодой друг, это обычное примитивное замалчивание... Когда смотрят — и не видят. Слушают — и не слышат. Тогда, когда факты не играют никакой роли. Сколько бы их ни было. И какими бы они ни были, — погрустнел антрополог. — Я имею в виду сведения о нашей русской великой Северной империи.

Внимательно слушая возмущённого безобразием историка, я невольно улыбнулся. Дядя Ёша Солганик, с виду типичный представитель «избранного народа», но в душе абсолютно русский! Везде у него звучит — наши русские... Наша империя...

— Чему ты улыбаешься? — возмущённо посмотрел на меня специалист по масонам. — Ничего смешного нет. Эти сочинители о Северной русской империи умолчали! Проигнорировали самое могущественное государственное объединение древности! Помнишь войну Дария II со скифами? Не с империей русов-скифов, а просто со скифами... Как там у Геродота: «Скифы сначала заманили войско Дария, измотали его, а потом разбили»... Но Геродот почему-то не написал, что война Северной империи с персами длилась более полугода. За это время персы могли пересечь «скифский квадрат» на два раза. Посмотри на карту, он ведь мизерный.

— Выходит, что «отец истории» в скифском вопросе был профаном? — спросил я.

— Нет, профаном он, конечно же, не был. Но дело в том, что Геродот, как и Фукид, Плиний и все, без исключения, известные нам античные и византийские историки, не просто отредактированы, но местами и переписаны. К примеру, тот же Иосиф Флавий. Последнего информатора в Риме никогда не было. Но труды его откуда-то взялись... Не знаешь, откуда? — бросил на стол книгу еврейского историка дядя Ёша.

— Могу только предположить.

— А вот я знаю точно, что все труды античных авторов были изуродованы и дополнены ставленниками Ватикана. И не обязательно иезуитами, но и негодьями от православия. Поэтому нельзя слепо верить ни византийским летописям, ни нашим русским. Удручает то, что все их дополнения, изменения и клеветнические нападки в основном адресованы русскому этносу... Если точнее, великой Северной империи, созданной потомками бореалов. Неужели можно всерьёз посчитать, что Геродот не знал о сотнях скифских городов? Или поверил, что персы Дария II заблудились между Днестром и Доном? Да, скифы о своих городах и селениях распространяться не любили. Но сталеплавильное и бронзолитейное дело, непревзойденное ювелирное искусство, ткачество, выделка ковров и многое другое... В кибитках такими делами заниматься невозможно... Налицо доказательство присутствия городского населения... Он что, этот отец истории, был идиотом? Сделали идиотом его те, кто занимался редактированием. Взять, к примеру, того же Прокопия Кесарийского. Что он, этот византийский историк, о славянах-антах только ни плетёт! Что они сражаются босиком, без доспехов, в одних подштанниках, что пользуются в войне с врагами короткими дротиками и топорами, луки и щиты у них примитивны, строя не знают... Такое впечатление, что славяне-анты — варвары из варваров. Только что хвосты потеряли и с деревьев спустились... В то же время, тот же Прокопий Кесарийский называет славян скифами. Но если русы, славяне и скифы один и тот же народ, то куда делась его древняя культура? В том числе и культура ведения войны: сложные клеёные из жил и рогов луки, мощные клевцы и чеканы, короткие мечи пехотинцев и длинные — конных воинов, наконец лучшие в мире наборные чешуйчатые роговые и железные доспехи.

Доспехи, которые закрывали не только самого воина, но и его боевого друга — коня.

— Но катафрактары, насколько я помню, имели не скифы, а сарматы, — сделал я умную физиономию.

— Неправда, — остановил меня историк. — Западные скифы тоже имели тяжёлую конницу. И она была несколько не слабее сарматской... А потом, кто такие сарматы? Те же самые, уральские и сибирские скифы. Этого даже фальсификаторы не отрицают. У них хватило наглости придумать, что азиатские скифы-массагеты были людоедами, но дальше дело не пошло.

— Куда уж дальше?! — возмутился я. — Дальше просто некуда!

— Зря ты так думаешь, мой юный друг! Ложь может быть бесконечной, такой бессовестной и подлой, что от неё сердце может разорваться. Ты почитай Миллера, — показал дядя Ёша на полку, где стояли стопкой тома эмиссара Запада. — Он десять лет шатался по Сибири и в упор не увидел ни русской топонимики, ни развалин некогда цветущих городов, ни брошенных сталеплавильных печей, ни гор скопившегося около них шлака, ни разрушенных временем кузниц — словом, ничего! Он не увидел даже местных сибиряков-челдонов! Их во времена Миллера в Сибири было достаточно — не меньше, чем пришлых. Знаешь, что он написал об Азиатской провинции России? Что на всей этой гигантской территории русского населения никогда не было, что жили в Сибири одни монголоидные рыболовы, оленеводы и охотники и что Сибирь не является исторической территорией. Г.Ф. Миллер был агентом Ватикана и, конечно же, масоном. Он выполнял заказ, и, надо сказать, с возложенными на него обязанностями этот псевдоисторик справился. Вот ещё один любопытный документ, — подал мне в руки сшитую скоросшивателем тетрадку лектор. — Это брошюра ректора Краковского университета — иезуита Матвея Меховского «Записки о двух сарматиях». Прочти-ка вот здесь, — раскрыл он брошюру.

Я взял в руки печатное издание и пробежал глазами то место, на которое указал мне дядя Ёша:

«В этих странах сибирских не пашут, не сеют, живут в шалашах из прутьев. Лесная жизнь сделала и людей похожими на зверей неразумных: одеваются они в грубые звериные шкуры, сшитые вместе, как попало, большая часть их костенеет в идолопоклонстве, поклоняясь солнцу, луне, звёздам, лесным зверям и всему, что ни попадётся».

— Ну как? — поинтересовался антрополог. — Бессовестное враньё: наглое, циничное, хамское. Тут прослеживается ещё одна деталь, — положил на прежнее место брошюру знаток масонских хитростей. — Одновременность действия. Миллера отправили в Сибирь, чтобы он выдумал сказку, что никакой Сибирской Руси никогда не было. Другого же слугу Ватикана — Маттео Риччи отправили в Китай, чтобы он с вверенными ему иезуитами написал восьмитысячелетнюю самобытную историю управляемого Западом Китая... Как видишь, два разных дела. Теперь ты понимаешь, каким образом китайцы выдавливали со своей территории нашу русскую элиту?

— Что тут понимать? Неудержимым ростом своего народонаселения и невидимой помощью извне. Имею в виду не только энергоподпитку, но и конкретное вмешательство в дела Китая тёмного жречества. В ответ на завоевания хуся применили вложенную в их коллективное бессознательное стратегию тараканов. Как известно, чем сильнее этих насекомых травят, тем интенсивнее они размножаются. В народе такая стратегия называется — закидывание трупами. Как в известной русской былине: «Разрубает Илья Муромец пополам татарина, а из него два

получаются!»! Такое впечатление, что былина не о татарах, а о китайцах рассказывает, — закончил я свою тираду.

— Вполне возможно, — к моему удивлению, согласился дядя Ёша. — Русские былины наполнены не только образами, но и символами, они многослойны и, как правило, описывают не конкретику эпохи. И потом, никаких многочисленных татар на Руси никогда не было. Речь идёт явно не о них. К тому же, войну с мнимыми татарами русские богатыри проиграли...

— Число взяло верх над умением? — спросил я.

— Что-то в этом роде, — задумался историк. — Но заметь, главным оружием против «голубоглазых и светловолосых дьяволов» в «Поднебесной» была не война, а обволакивание пришельцев своим этносом и растворение их генофонда в своём... В открытой борьбе китайцы, как правило, проигрывали: и голубоглазые блондины чжоу и их братья по крови жуны и диньлини в кровавых битвах их всегда побеждали. Но плосколицых черноволосых и желтокожих ханьцев это нисколько не смущало. Их действия не изменились, — высказав наболевшее, специалист по тайным знаниям замолчал.

— Если честно, не понимаю, — прервал я паузу. — Зачем стал нужен Западу далёкий Китай? То, что древнекитайская цивилизация, как и Мезоамериканская являлась в прошлом силовым компрессором накачки создаваемого на Земле жрецами Сета нового эгрегора, мне понятно... Я могу согласиться и с тем, что современная КНР со своим полутора миллиардным населением вполне может использоваться как огромный рынок сбыта западного ширпотреба. Но что-то я всё-таки упускаю?

— И не мудрено, Георгий-Гор. То, что творит на Земле закулиса, нормальному человеку в голову прийти просто не может! Для того и послал тебя к старому еврею «пасечник», чтобы дядя Ёша, как специалист по тайным делам, посвятил молодой доверчивый ум в происходящее.

— Но тогда давай, посвящай! — чуть не рассердился я. — А то всё вокруг да около...

— Тут и посвящать-то не во что, ты бы сам мог обо всём догадаться, — покосился на меня «евреище».

— Неужели хотят китайцами заменить на планете нас, русских? Постепенно вытеснить с Дальнего Востока и из Сибири? Поэтому и был создан Западом миф, что никогда никакой Сибирской Руси, если точнее, великой евразийской Северной русской империи, на Урале, в Сибири и на территории Дальнего Востока не было. Что на всей этой огромной суровой земле жили одни монголоидные охотники и рыболовы...

. — Родственники китайцам по расе, — кивнул с довольным видом головой антрополог. — Вот видишь, ты и сам «допетрил», но увидел угрозу только нам, русским. Беда куда шире, юноша. Генетическая война с потомками бореалов — белой расой началась давным-давно. Если судить по событиям в Передней Азии и Месопотамии — 4–5 тыс. лет до н. э. С тех времён, когда протосемиты целыми родами стали переселяться из Аравии в земли Шумера и Ханаана. Как только ни извращалось тогда на территории Южной Руси тёмное жречество?! Какие только законы оно ни придумывало в городах-княжествах русов, чтобы хозяева земли не обижали нищих оборванцев из Аравии. Кончилось тем, что и в Шумере, и в Ханаане выходцам из пустыни стали давать гражданство, со временем позволили заниматься торговлей. И этим открыли дорогу к высшей власти. Что потом произошло, тебе, я думаю, известно: семитами стали не только шумеры, аккадцы, ханааны, но и их соседи — вавилоняне и ассирийцы. Главное правильно созданные либеральные законы. Всё остальное — дело времени! Так что либеральная философия, русич, не является изобретением гнилого нашего Запада. Она старше Ветхого Завета. Своего рода, безотказное, невидимое, ужасной разрушительной силы оружие. И нацелена эта философия, прежде всего, на изменение человеческого сознания. Ты наверняка должен знать об институте ритуальной проституции, которую несколько тысяч лет культивировали у себя южные

русы. Вот он, яркий пример древнего ближневосточного либерализма: матери и отцы, не думая о последствиях, отдавали в храмы богини Иштар, богини Милиты и богини Астарты, для удовлетворения похоти приезжих гостей из пустыни, в качестве проституток своих юных дочерей-девственниц. Кого потом рожали в своих семьях эти девушки ты, я думаю, догадываешься. Что-что, а с законом первого самца, «пасечник» тебя наверняка познакомил...

— Познакомил, — согласился я.

— Как видишь, у тёмных опыт генетического перерождения и растворения белой расы есть и немалый. Поэтому наш хвалёный либерально-демократический Запад давным-давно превратился в место переселения арабов, турок, индусов, негров, малайцев и даже папуасов. Но это только начало, мой молодой друг. То, что белую расу ждёт впереди, знают пока только избранные. И, наверное, такие, как я, — сдержанно улыбнулся дядя Ёша. — По плану мировой закулисы мусульманский Восток и Африка со временем должны растворить в своём генетическом океане генофонд потомков бореалов Америки, Австралии, Западной Европы. Китайцам же отведена роль: после присоединения к «Поднебесной» Дальнего Востока и Сибири заняться генетическим поглощением русских. Тем более, за свою тысячелетнюю историю опыт в таком деле они имеют. Осталось за малым: каким-то образом прорваться на нашу территорию. Пока жив Советский Союз, им это вряд ли удастся. Но, как показывают последние события, империя доживает свои последние дни, русич. Это я тебе говорю как специалист по тайнам. Стоит ей только зашататься, тут всё и начнётся! Вот увидишь. До предела перенаселённый Китай неудержимым потоком хлынет через наши границы. Хуже всякой войны. Элементарное переселение в поисках работы и счастливой жизни. Точно так же, как когда-то семиты Аравии перебирались на земли Шумера, Ханаана и Аккада. Или просто кавказцы на территорию Хеттской державы.

— Про хеттов я мало что знаю. Гибель их царства вообще покрыта мраком, — прервал я рассказчика.

— Для специалистов в разрушении хеттской державы никакой тайны нет. Всё до банальности просто. Старый, надёжный, проверенный веками шаблон: с чего всё начинается — с подмены жречества? Так вот, сначала в Хаттусе — столице Хеттского царства к власти пришли ставленники нашего знакомого — Сета-Амона. Потом, манипулируя сознанием правящей хеттской элиты, они навязали на всей территории этого царства либерально-демократическую философию смерти. Что она собой представляет, ты знаешь. Во-первых, общество должно отказаться от духовной дифференциации, то, что было известно в арийском мире как различие варн или сословий. И, во-вторых, все переселившиеся на территорию империи инородцы, кто бы они ни были и каких бы национальных традиций они ни придерживались, получали одинаковые права с государствообразующим этносом... Вот и всё, Гера. А завоеваний никаких и не требуется: оболваненная национальная элита, посредством такой вот философии и созданных под неё законов, со временем уничтожает не только народ, но и сама себя. Если хищники прорвались к власти, обществу рано или поздно наступает крах. Это неизбежно. Но вернёмся к нашему времени. Куда ведут современные жрецыт российское, заболевшее западом общество? Конечно же, к реставрации в стране капитализма. Значит, и к навязыванию народу философии коллективного безумия и медленной смерти...

— Вот ты сейчас сказал, дядя Ёша, что у нас в СССР всю действует чёрное жречество. Ты имеешь в виду иллюминатов и масонов? — спросил я.

— Не только... — нараспев сказал учёный. — И те, и другие наводнили наше советское правительство ещё со времён Хрущёва. Но все они всего лишь исполнители. Это они сами себя считают жрецами. То же самое можно сказать и об адептах знаменитого хабада. Есть другие личности, скрытые и невидимые. Они и диктуют вышеназванной мелкой сошке тактические

задачи. Массонская челядь у тёмного жречества на побегушках... Самое интересное, что ни иллюминаты, ни «вольные каменщики» своего истинного положения не понимают. Они искренне убеждены, что являются тайной земной элитой, что вершат судьбы человечества. Вот оно оккультное программирование! Мощное и сверхнадёжное... Но это уже совсем другая тема, русич. Её мы коснёмся несколько позже. Теперь ты понимаешь, мой юный друг, какая беда нависла над нами, русскими, да и над всей белой расой? Тихое, незаметное, растянутое во времени убийство...

— Вот оказывается для чего в течение тысячелетий курировался китайский этнос Западом? Чтобы растворить в себе остатки чистокровного человечества — нас, русских...

— И те этносы, которые всегда были с русичами в духовном единстве, — закончил за меня мысль знаток всего тайного.

— Прямо скажем, невесёлая перспектива, — заметил я.

— Печально то, что к такой вот экспансии китайцев к нам на Восток и в Сибирь уже давным-давно всё подготовлено... С российской стороны — Миллером и многими другими прозападными, русофобски настроенными историками. С китайской — летописцами-иезуитами во главе с Маттео Риччи. Теперь всё дело во времени. Время же пока, к сожалению, работает против нас, — на этой минорной ноте дядя Ёша, о чём-то задумавшись, сделал очередную паузу.

— Кроме Миллера, ты можешь мне назвать кого-нибудь ещё из явных русофобов и вредителей? — вернул я к разговору антрополога.

— А о ком ты хочешь услышать? — чисто по-еврейски, вопросом на вопрос, ответил мне дядя Ёша.

— Конечно же, о самом матёром и известном.

— Но тогда речь у нас пойдёт о втором после Миллера иуде земли русской — Владимире Клавдиевиче Арсеньеве.

— Как?! — чуть не упал я со стула. — Ты что несёшь, дорогой мой дядя Ёша?!

— Но если не хочешь слушать, рассказывать тебе о его художествах не буду. Когда-нибудь узнаешь о них и из других источников.

— Нет, нет, мне как раз хочется знать правду об Арсеньеве. Он ведь историческая личность. Тем более я читал его книги, и они мне понравились.

— Но ты наверняка читал их в детстве, мой юный друг. Иначе бы ты обратил внимание, что всем падам, ручьям и рекам Приморья. Володя Арсеньев с упорством маньяка вместо их древнерусских, нанайских и удэгейских названий давал китайские... Понимаешь — китайские? — по слогам произнёс последнее слово знаток всего тайного. — Не веришь? Возьми в архиве старые до 1902 года карты Приморья и сверь их с теми, которые оставил после себя Владимир Клавдиевич. На арсеньевских картах — сплошная китайская топонимика. Кстати, процесс изменения древнерусских, казачьих и гольдских названий хорошо прослеживается и по художественным работам Арсеньева, таким, как «В дебрях Уссурийского края» и «Дерсу Узала». Просто надо повнимательнее их читать. Вот, посмотри, — положил передо мной раскрытую карту Уссурийского края лектор. — Почитай! Китайцев здесь никогда и в помине не было. А сейчас с подачи «великого русского землепроходца-исследователя» — названия сплошь китайские! Только по одному Сихотэ-Алиню их более трёхсот! До подвижничества Арсеньева, как видишь, — дядя Ёша раскрыл ещё одну карту, — китайская топонимика вообще в Приморье отсутствовала.

Вторая карта оказалась очень старой и схематичной. Она была выпущена в конце XIX века. Но на ней, на самом деле, никаких китайских названий не было... Не менее получаса я изучал и сравнивал обе карты. Река Ломоватая вдруг стала Ле-фу-хэ, речка Арзамасовка превратилась в Дадун-Гоу, залив Владимира стал называться заливом Хулай, залив Талоуза почему-то принял

странную «кликуху» Да-пао-цзы... Река Тадушу нареклась — Лит-фу-хэ... И так по всему Уссурийскому краю!! От волнения и возмущения у меня перехватило дыхание.

— Он что, этот штабс-капитан, спятил? «Крышу сорвало»? — поднял я глаза на северного еврея.

— Отнюдь, нет, русич. С головой у Владимира Клавдиевича было всё в порядке. Просто он, как русский масон и ставленник Ватикана на Востоке, усердно выполнял возложенную на него миссию...

— Скажи честно, дядя Ёша, что ты шутишь? — поднялся я из-за стола и стал, чтобы как-то успокоиться, ходить по комнате.

— И не думал шутить, русич. Всё это я узнал из закрытых источников. И вполне надёжных...

— Хочешь сказать масонских? — спросил я прямо.

— Можно сказать и так, — просто ответил специалист по тайнам. — Не удалось выяснить: является ли Владимир Клавдиевич агентом британской разведки? Хотя некоторые его действия косвенно указывают и на эти связи.

— Какие ты имеешь в виду действия? — растерянно спросил я. — Час от часу не легче! То Арсеньева ты записываешь в масоны, то пытаешься обвинить его в шпионаже...

— И не только в пользу британской разведки, но и японской, — резко отчеканивая каждое слово, сказал историк.

— Ещё и японской?! — чуть не закричал я. — Японцы-то тут причём? А потом, с чего ты взял, что Владимир Клавдиевич мог работать на японскую разведку? Он же топонимику наносил на карту совсем не японскую?

— Но для японцев... — помрачнел антрополог.

— Ты что-то стал говорить загадками... — начал, было, я.

— Никаких загадок тут нет, — резко прервал меня дядя Ёша. — Японцы всегда считали Китай своей провинцией. Как видишь — никаких загадок.

— И всё-таки, почему ты решил, что Арсеньев был связан с японцами?

— Да потому, что он имел дело с загадочным Дерсу Узала. С человеком, которого в Уссурийской тайге из местных жителей мало кто знал. Гольды же, за кого он себя выдал, своим его так и не признали...

— Откуда ты всё это знаешь? — задал я вопрос.

— Не был бы я евреем, если бы досконально не проверил этого Дерсу. Несколько лет, через своих надёжных людей в Приморье, я пытался нащупать хоть кого-то из его рода. Каких-либо родственников Узала или что-то подобное. Всё оказалось тщётным: как я тебе уже сказал, гольды Дерсу Узала своим не признали...

— А что тебя подвинуло на такой вот поиск? — поинтересовался я.

— Японцы, мой юный друг! Японцы! Их желание поставить фильм о Дерсу Узала. Кстати, Курсовой с нашим гениальным Соломиным в роли Арсеньева фильм был создан. И ты его наверняка видел.

— Видел, конечно, — кивнул я.

— Подумай сам, Гера, зачем японцам понадобилось ставить фильм о российском подданном? Они не стали создавать фильм о том же Улукиткане, Семёне Лиханове или проводнике-эвенке Тиманчике — героях книг Федосеева? Они тоже монголоиды. Родственники по расе. Да и подвиги у этих ребят посерьёзнее, чем у проводника Арсеньева. Нет, подавай японцам — Дерсу!

— Но то, что ты говоришь, доказательством не является. Мало ли что японцам могло придти в голову? Может, Г. Федосеева они не читали.

— Согласен, все, о чём я сказал выше, — из области предположений, но есть кое-что такое, что заставляет задуматься.

На несколько секунд специалист по тайнам сделал паузу, а потом, указав на карту Уссурийского края, сказал:

— Достоверно известно, что Владимир Клавдиевич китайского языка не знал. Ни одного китайца в его экспедиции не было. Учёного синолога, специалиста по китайскому языку, тоже. Откуда, спрашивается, взялись все эти названия? Да ещё с переводами на русский? Либо он имел готовую сделанную японцами «китайскую карту», либо с ним был хороший консультант. Последним мог быть только Дерсу. Других аборигенов рядом с Арсеньевым не было. Я лично убеждён, что без китайской карты не обошлось. Потому что у Арсеньева были периоды, когда Дерсу с ним не было, но китайские названия на свою карту Приморья он наносил.

— Но откуда у него могли взяться эти японо-китайские карты? Неужели они попали к нему через Дерсу?

— Через проводника — исключено. Для обоих слишком большой риск: скорее всего, Арсеньев привёз эти карты из Польши, где он служил поручиком в Олонецком полку, расквартированном в г. Ломжа. В Польше его могли запросто завербовать как агенты Ватикана, так и англичане. Как тебе известно, именно англичане готовили Японию к войне с Россией. Они создали для неё и флот и помогли с организацией армии... Как видишь, всё сходится.

— Согласен, косвенные доказательства, что Арсеньев работал против России, имеются...

— Их более чем достаточно! — взволнованно сказал дядя Ёша. — Взгляни на карту: за эти вот художества, за китаизмы Арсеньева надо расстрелять! По его карте — Приморье не наше — оно, судя по топонимике и гидроиме, — китайское! Нам надо радоваться, что Арсеньеву не удалось изменить названия реки Амур, рек Уссури, Бикин, Хор, Арган и хребта Сихоте-Алинь. Ты помнишь по книге смерть Дерсу? — грустно улыбаясь, спросил меня историк.

— Конечно, помню. Его убили разбойники, и в похоронах его участвовал сам писатель.

— На-ка вот, почитай, — протянул мне несколько печатных листов специалист по тайнам. — Это из воспоминаний жены Владимира Клавдиевича Анны.

Я взял из рук протянутые листки и стал читать:

«Осенью 1908 года Володя вернулся из короткой экспедиции. Ходил под Хабаровск. Я ему говорила, что Дерсу погиб. Володя не поверил. Он сразу на Корфовскую, это в 25 километрах от нас. Могилу Володя не нашёл. Они искали вместе с Дуюлем, другом Володи, начальником станции Корфовская. Через сутки Володя вернулся, утомлён и огорчён. Траурное настроение. «Мой Дурсун исчез, следствия не было. Тогда жизнь иногородца не ценилась».

— Так выходит, Арсеньев в своей книге всё наврал? — поднял я глаза на историка. — Что он видел труп Дерсу Узала и по обуви определил, что это был именно он.

— Вот именно, почему-то по обуви, но не по лицу. Это тоже настораживает.

— Почему? — не понял я.

— Да потому, что мы имеем дело с подстраховкой. Если этот Дерсу вдруг где-то объявится, то Арсеньев вроде бы и ни при чём. Видел только ноги, но не лицо. Ну не рассмотрел труп, был очень расстроен... С другой стороны в его книге написано, что старого гольда убили. Как говорится: «И волки сыты, и овцы целы». Со всех сторон вполне профессионально.

Логика специалиста по тайнам была железной. После всего этого разговора на душе стало архискверно.

— Я со многим с тобою согласен. Действительно, Арсеньев натворил с Россией

немыслимое, понятно и с какой целью. Но до меня не доходит мотивация. Неужели им двигало одно желание — хорошо заработать? Ведь он происходил из русских потомственных интеллигентов.

Глава 6. О русской интеллигенции

— Знаешь, как переводится на русский, нормальный язык европейское слово «интеллигент»? — улыбнулся историк.

— Как? — заинтересовался я.

— Оно, если вслушаться, происходит из трёх слов. Первое слово «иностраный», второе «интеллектуальный», а третье — «агент». Где два первых слова выступают как одно. А потом, вспомни, золотые слова Владимира Ильича Ленина: что он сказал относительно русской интеллигенции? Что наша русская интеллигенция — не сливки общества, а его испражнения. Вот и ответ на твой вопрос, юноша. Верно, не одни только деньги управляли действиями Владимира Клавдиевича.

— Было и кое-что ещё?

— Интересно?

— Что может быть такое, что заставляет человека предавать свою родину? — улыбнулся я.

— Дремучая беспросветная ненависть к своему отечеству. Именно она отличает русских интеллигентов от интеллигенции других стран и народов...

— Ты говоришь какие-то ужасные вещи, дядя Ёша!

— Ничего ужасного тут нет. Я просто констатирую факт. А факты, как говорил Иосиф Виссарионович, мой тёзка, упрямая вещь. Чтобы понять, откуда прорастают корни этой ненависти, надо вспомнить происхождение русской интеллигенции: в основной своей массе русская интеллигенция вышла из разорившегося дворянства. Дворянство же родилось при первых русских царях. Дворовым служилым людям или челяди за военную службу великие князья, позднее цари, выделяли вотчину — земли с проживающими на них крестьянами. Но вотчины эти давались с одним условием: дворянин должен служить в армии. За то, что военный человек за отечество проливал свою кровь, он имел и земли, и кормящих его крестьян. Только за военную службу, а не просто так. Если же он отказывался служить в армии, земли у него тут же отбирались и передавались тем, кто верой и правдой служил. И это было справедливо. В те золотые времена паразитов среди дворян не было. По сути, земля и живущие на ней крестьяне им не принадлежали. И тем, и другим распоряжалось правительство. Но дядя Петя Романов, по указке с Запада, этот древний справедливый закон в России отменил. Дворяне получили от государства и крестьян, и земли, но служить в армии им было необязательно. Вот когда родился класс паразитов в России. Теперь дворянам можно было жить припеваючи. Распоряжаться и землёй, и крестьянами, но обществу ничего за это не отдавать. По сути что получилось? Русский этнос разделился на два народа. Один народ — хозяева-дворяне стали вести себя на своих вотчинах как завоеватели. Они получили власть над душами землепашцев, и никто эту власть у них отнять уже не мог. К крестьянам на своей земле они стали относиться как к чужеродному племени. Их можно было продавать, менять на породистых собак и даже убивать. Своих соплеменников, хранителей земли русской, эти аскариды рода человеческого стали презрительно называть чернью. Как тебе известно, слово «жид» означает: паразит. Теперь подумай, чем такие вот дворяне отличались от ростовщиков-иудеев? Практически ничем. Тоже жили за чужой счёт, плевали на военную службу и точно также ненавидели русский народ, как гоев ортодоксы-иудеи. Из презрения и ненависти к «черни» у паразитов-крепостников дворян родилось отчуждение и ко всему русскому. После Петра I в среде российской верхушки вспыхнула психическая эпидемия под названием «чужебесие». Всё отечественное господами дворянами стало презираться и опошляться. Вместо русского языка в среде паразитов был введён французский... Русских писателей и поэтов они не читали, над русской народной

музыкой и над русской классикой откровенно смеялись. Жиды от дворян предпочитали жить не в России, а за границей. Они ненавидели даже русский воздух, предпочитали дышать французским и итальянским. Из их среды и вышла наша российская интеллигенция. Не из крестьян и не из рабочего люда, а в основном из обедневшего дворянства. Потеря, по разным причинам, своих имений и крепостных заставила бывших мироедов-помещиков заняться серьёзным академическим образованием и податься в науку, образование и культуру. Особенно усилился этот процесс после реформы 1861 года. Когда огромная масса помещиков волею царя-батюшки потеряла крепостных крестьян — своих кормильцев. Это всё байки, что народовольцы Софья Перовская, Кибальчич и другие убили царя Александра II, думая о «несчастном» русском народе. Они ухлопали его за то, что он отнял у помещиков их рабов — крестьян. Лишил возможности паразитировать и дальше. Теперь ты понимаешь, откуда прорастают корни нашей русской интеллигенции? Из той социальной прослойки, которая всегда презирала свой собственный народ, как следствие этого никогда не уважала Россию и пресмыкалась перед всем иностранным. Именно она, эта самая либеральная российская интеллигенция, и пошла на сговор и союз с мировым масонским движением. Не будь её, никаких масонов и никаких революционеров-евреев в России бы никогда не было. Эти «испражнения» общества вкупе с Западом и русским масонством не только убили двух русских царей, но и создали условия для поражения русской армии во время японской кампании. Неужели, ты думаешь, что наш царь Николай II был настолько глуп, что вместо патронов и снарядов мог послать в Маньчжурию нашим солдатам иконы? Представляешь — несколько вагонов икон! Откуда их только взяли? Понятно, что все они были тяп-ляповские — чистойшей воды штамповка. Но ведь и на неё нужны были деньги — и немалые! Представь, как обрадовались такому подарку русские солдаты?! Нет ни медикаментов, ни хорошего питания, ни патронов... Зато море икон... Молись до посинения! Кто это сделал? Конечно же, наши доморощенные интеллигенты, кто же ещё? Они устраивали революцию. Надо было поднять недовольство в армии. До сих пор некоторые историки ломают голову, как могли мы, русские, проиграть Цусимское сражение? И никто из них не знает, кроме посвященных, разумеется, что орудия наших кораблей стреляли специально выпущенными для эскадры Рождественского некачественными снарядами. Такие снаряды, попадая в цель и пробив японскую броню, под ней не взрывались... Как так вышло, что партия снарядов для тихоокеанского похода оказалась непригодной? Этот вопрос до сих пор остаётся открытым. И освещать его никто не собирается... Получилось так, что в Цусимском сражении у русских моряков вместо булатного меча в руках оказалась обычная хворостина. «Палкой» удары по броне наносились, но что толку от таких вот ударов? Образно это выглядело именно так. Пускай косвенное, но доказательство этому есть. Вспомни сражение крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» с эскадрой адмирала Уриу. Во что превратился от снарядов «Варяга» флагман японцев — бронированный «Асахи»? В горящий костёр! А он один по количеству артиллерии в два раза превосходил русскую эскадру! Вот что значит нормальные боевые снаряды, плюс хорошая выучка русских матросов! В том бою «Варяг» пустил на дно один миноносец и сильно повредил второй. Как видишь, русские снаряды работали и ещё как! То же самое можно сказать и о сражении с японцами первой Тихоокеанской эскадры. В артиллерийской дуэли с эскадрой адмирала Того наши корабли оказались сильнее. Что признали и сами японцы. Не случай помог тогда одержать Стране Восходящего Солнца победу, а мощное оккультное воздействие. Это я тебе говорю, как специалист по всему тайному и непонятному, Гера, и уверен, что не ошибаюсь. Японский адмирал уже успел дать команду о выходе своей эскадры из боя, как вдруг наш флагман «Цесаревич» начал делать циркуляцию, показывая этим, что прорыв во Владивосток русской эскадры не получится и пора возвращаться снова на Ляодун. На самом же деле у броненосца перестали действовать рули. И заклинило их не из-за

повреждения. Как потом оказалось, управление кораблём было исправным. Просто произошло «чудо». Хотя чудес в мире не бывает: в поединке с русским национальным эгрегором победил тандем — союз японского национального эгрегора с эгрегором Амона. Но это несколько иная тема, поэтому останавливаться на ней не будем. Вернёмся снова к нашей гнилой русской интеллигенции: до сих пор историки гадают, — продолжил свой рассказ дядя Ёша. — Как так могло произойти, что в Порт-Артуре не могли уберечь адмирала Макарова? Нашего великого флотоводца и гениального учёного. Столько вокруг его гибели непонятного и загадочного... Во-первых, почему адмирал перед выходом в море оказался не на своём любимом крейсере «Новик», а на броненосце «Петропавловске»? И, во-вторых, почему в артурском на несколько раз протраленном фарватере оказались мины? Кто их туда поставил? Японцы, как показали исследования, сделать такого не могли. Для них гибель «Петропавловска» была тоже загадочной. Это подтверждается японскими архивами. Спрашивается: кто тогда организовал ловушку на русского гения? Естественно, наши русские интеллигенты и масоны. Кто же ещё? Те самые, которые звонили из осаждённой крепости японцам и сообщали вражеским наводчикам батарей, на каких укреплениях находится душа обороны Артура — генерал Кондратенко. Та самая публика, которая, добившись его гибели, тут же сдала русскую крепость японцам... Ты наверняка читал Степанова «Порт-Артур» и, конечно же, помнишь, что русские перемололи на Ляодуне все японские войска. У Японии не было больше сил вести войну. Крепость же могла сражаться год и больше. В ней было достаточно и боеприпасов, и снаряжения, и продуктов. К тому же, вопреки установке своего правительства: всячески вредить русским, в Порт-Артур прорвался британский частный, груженный продуктами и медикаментами пароход... И всё-таки крепость обманом и хитростью сдали. Русской реакционной интеллигенции и масонам необходимо было поражение России. И они его — это поражение сварганили. Понятно, что русско-японской кампанией дирижировала Западная закулиса. Но речь у нас сейчас не о ней, а о нашей российской интеллигенции... О той прослойке русского народа, которая, в основной своей массе, является его позором. О людях, которые после поражения России в войне с Японией послали японскому императору поздравительную телеграмму.

— От имени нашего народа что ли? — опешил я.

— От имени российской, либерально настроенной интеллигенции. От своего имени. Мерзавцы без зазрения совести расписались за всё сословие. Хотя делать этого они не имели права. В среде русской интеллигенции, пусть в подавляющем меньшинстве, но всегда были и патриоты. Знаешь, как японский Микадо знакомился с этой телеграммой? Попросил, чтобы её прочли и, подумав, приказал, чтобы бросили её в огонь. Не прикоснулся даже к бумаге.

«И такие подробности ему известны? — невольно подумал я. — На самом деле — специалист по тайнам».

— Знаешь, дядя Ёша, в Порт-Артуре во время его осады служил мой прадед, — прервал я разговорившегося историка. — Служил в казачьем корпусе. Наверное, именно поэтому в японском плену он не был.

— Как так? Насколько я знаю, казаки тоже были разоружены и угодили в японский плен, как и все, — удивился знаток по тайнам.

— С моим прадедом и с пятью, такими, как он, этого не произошло, — стал припоминать я рассказ деда. — Когда было объявлено, что крепость сдана и русским войскам под японским конвоем придётся вскоре податься в Японию, шестеро донских казаков, в их числе оказался и мой прадед, решили не сдаваться. Они нашли для себя убежище среди развалин крепости и, когда русские войска были из неё выведены и бдительность японцев уменьшилась, по ночам стали пробираться к границе. Но им не повезло. Местные китайцы сдали всех казаков японцам. В городе Дальнем русских посадили на какой-то пароход и отправили в Японию. Но ночью в

открытом море казаки вырвались из своего застенка и в неравном рукопашном бою выкинули всю японскую команду за борт. После этого они развернули пароход к берегам России и благополучно добрались до Владивостока. За этот подвиг всем шестерым император лично вручил по Георгиевскому кресту.

— Выходит, не помогли японцам в драке с горсткой казаков их знаменитые воинские искусства?! — засмеялся дядя Ёша. — Да и команды в те времена на пароходах были немалые. К тому же, на любом японском пароходе, даже торговом, руководящий состав был непременно из самураев. Вот что значит сила русского духа и владение казачьим воинским искусством! Интересный случай! Прямо скажем, интересный! — поднялся из-за стола знаток всего тайного. — Мы с тобой засиделись, юноша. Время ужина, а мы ещё не пообедали! Пойдём на кухню. Поедим немного, отдохнём, а потом вернёмся к нашему разговору.

Примерно через час — полтора, после того как мы с хозяином дома наскоро приготовили себе поесть и отдохнули, дядя Ёша спросил:

— Ну, теперь ты понял, Гера, что Арсеньев, скорее всего, не заблуждался, а действовал целенаправленно и обдуманно. Как потомственный русский интеллигент.

— Если всё, что ты мне рассказал, правда, то становится страшно, — вздохнул я.

— То, что сейчас в Союзе происходит, всего лишь отголосок прошлого. Опять более всего недовольна интеллигенция. Возглавляют же её иудеи. И платят за предательство тоже они. Из карманов Ротшильдов, Шиффов, Фридманов, Рокфеллеров и другой подобной им гвардии. Вот он механизм всех русских революций! Где партию главной скрипки играют наши продажные, всегда чем-то недовольные и ненавидящие всё русское интеллигенты. Это только одни разговоры, что они, эти недочеловеки, переживают за всё русское. Как бы не так! Их психология иная, Гера. Совсем иная... В основном, они все: эти Сахаровы, Солженицыны и им подобные, заняты обслуживанием своего ненасытного Эго. Уродливого гипертрофированного чувства гордыни и извращённого самомнения. Ты слышал что-нибудь о великом нашем борце за свободу Сахарове — физике-ядерщике?

— Кое-что из источников самиздата. И совсем немного.

— И не мудрено, — усмехнулся лектор. — Так вот, этот борец за права человека договорился до того, что СССР надо, по его мнению разделить на 52 маленьких княжества! Вот радости правителям-глобалистам. Когда с карты мира исчезнет великая Русская империя! И больше не станет на земле сил сдерживания Запада. Как тебе такие вот интеллигентские штучки?

— Прямо скажу, не весёлые! — погрузился я. — Какой ужас!

— Это ещё не ужас. Кошмар нас ждёт впереди, юноша, когда либералы и демократы начнут реставрацию в России капитализма! Всё что за годы пятилеток было построено нашим народом, будет растащено и продано! Вот увидишь, процентов восемьдесят национальной собственности окажется в руках богоизбранных. Они её уже разделили и только ждут, когда же всё начнётся.

— Что начнётся? — не понял я.

— То, что нас всех ждёт впереди, — задумчиво по слогам сказал историк. — И во всех этих грязных делах будущего распада и гибели империи главную роль сыграют не евреи, хотя последних будут обвинять в первую очередь, а русские продажные интеллигенты, духовная традиция которых проросла из культуры бывшего российского дворянства. Не будь этой прослойки тупоголовых амбициозных, презирающих всё русское жидов, ни иудеям, ни их пособникам с Запада с Советским Союзом никогда б не справиться. А так, разнесут его в пух и прах, растащат и похоронят. Но мы опять отвлеклись с тобой, юноша. Нас снова занесло. Вот что значит поиск истины. Дёрнешь за ниточку, приходится распутывать целый клубок!

Глава 7. Подлинные хозяева планеты

Войдя в зал и усевшись на свой старый добротный диван, дядя Ёша на несколько секунд задумался. Потом, найдя в старом потрёпанном атласе карту азиатского континента, сказал:

— На примере истории Китая мы разбираем, Гера, взаимодействия полевой энергоцентрали Амона и национального эгрегора «Поднебесной». Сколько ни завоёвывала Сибирская Русь древний Китай, всё оказалось напрасным. Огромный поток энергии, вливаемый из эгрегора Амона в национальный эгрегор Срединной, свёл на нет все усилия русов. Проигрывая битвы на полях сражений, китайцы побеждали белых пришельцев демографически. Их этнос, имея огромный запас полученной извне жизненной силы, интенсивно размножался, плодился и растворял в себе волны всех завоеваний. То же самое произошло и после захвата Китая армиями Сибирской Руси в XIII веке. Поправила несколько веков русская династия Китаем, на том всё и закончилось. В наше время угроза такого вот демографического вытеснения и растворения белой расы нависла не только над Приморьем и Сибирью, но и над европейской территорией России. Восточный тигр ждёт не дожидается своего часа. Детородной же силы у него хоть отбавляй, так же, как и у переселившихся в Европу негров, арабов, турок и т. д. Вот она какая, самая совершенная стратегия освоения чужих территорий. Для её успеха требуется совсем немного: всего лишь претворение в жизнь либерально-демократической философии, где все народы генетически, духовно и нравственно равны, фактически — философии неминуемой смерти социума.

— Ты хочешь сказать, что турецкий, арабский и многие другие этно-национальные эгрегоры тоже подпитываются полевым монстром Амона? — спросил я.

— Не просто подпитываются, но и управляют им. Вот в чём трагедия Земли, юноша. Это с Китаем ему несколько сложнее. Для переброски энергии требуются особые структуры. На их строении мы остановимся ниже. С мусульманами же всё намного проще. Как ты помнишь, эгрегориальная система Амона состоит из трёх мощных ветвей: одна ветвь курирует христианство, вторая ислам, а центральную ветвь дерева наполняет силой иудаизм. Ну, а корни, ты знаешь, произрастают откуда: из той самой древней цивилизации, дух которой, посредством влияния тёмного жречества, воплотился в нашей, так называемой Западной... Поэтому здесь проблем нет. Всего-навсего перераспределение энергии из одной ветви в другую. Через ствол. Потому что иного пути нет.

— Что опять всё завязано на иудеях? — спросил я.

— И на иудеях. На их умении в глобальных масштабах управлять мозгами и вовремя кому надо платить, — застучал, как на фортепиано, пальцами по папке дядя Ёша.

— Постой, постой! У меня возник образ! — остановил я невольно рассказчика. — Ты мне сейчас описываешь сказочного трёхголового огнедышащего Змея Горыныча. В какой-то из русских народных сказок прямо говорится, что главной у Змея была его средняя голова. Что она управляла двумя другими головами, и отрубить её было труднее всего. Потому, что она снова вырастала...

— На эту тему русских народных сказок много, догадливый ты мой, — улыбнулся знаток тайного знания. — И ты сам не подозреваешь насколько прав. Попал не в бровь, а в глаз! Образ трёхглавого змея непросто сказочный образ. Это символ беды. И беды нешуточной.

— Но с этой бедою, насколько я помню, лихо справился русский витязь...

— Не лихо, а с великим трудом и с помощью белого святорусского жречества, — укоризненным тоном остановил мой пыл антрополог. — Ты, как я вижу, не очень-то знаешь наши русские сказки.

Последние слова учёного меня опять рассмешили. Ну упорно считает себя русским этот еврейще! Как тут не улыбнёшься?

— Смешного тут ничего нет, — со строгостью в голосе проворчал лектор. — Речь идёт о пророчестве... О победе над мировым злом... Но давай вернёмся к теме. А то нас опять заносит. Теперь ты понимаешь, что происходит? Вся необходимая для переселения мусульман в Европу и интенсивного размножения их там энергия забирается из христианской ветви эгрегора, и национальные европейские эгрегоры с такой бедой ничего поделывать не могут потому, что у них изначально всегда было подчинённое религиозному монстру положение.

— Но до меня никак не доходит позиция Ватикана и глав протестантской церкви? — задал я вопрос.

— Ни те, ни другие ничего от этого не теряют... — сдержанно проворчал дядя Ёша.

— Как так? — не понял я.

— Очень просто. Ты когда-нибудь слышал слово «экуменизм»?

— Нет, — признался я.

— Так вот, экуменизм означает слияние в единое целое под водительством римского папы не только всех мировых религий (за исключением разве что иудаизма), но и всех более мелких конфессий, включая и церковь Сатаны!

От услышанного у меня подступил комок к горлу.

— Выходит, что церковью Сатаны заведует Ватикан?

— И религией «Бон-По», и шаманскими верованиями Африки, родственными Вуду, и японским синто, и, конечно же, китайским чань-буддизмом. В какой-то степени, даже индуизмом... Экуменизм выступает пока только в качестве проекта. На уровне обсуждений и разговоров. Хотя в полевом плане процесс объединения конфессий и верований давным-давно закончен.

— Интересно, когда?

— Где-то в середине XX столетия, — уверенно сказал историк. — Так что на энергетическом уровне ни папство, ни заправилы протестантской церкви фактически ничего не теряют. Из одного кармана всё перетекает в другой. Вот и вся операция.

— Значит, экуменизм — воплощение силы эгрегора Амона в материальном плане... Всё к одному знаменателю? — наконец сообразил я.

— Так-так, именно так! Молодец, думать ты не разучился, — кивнул головой дядя Ёша. — Как видишь, искусственно созданная полевая энергоцентральный посредством религиозного фанатизма и человеческих страданий, накапливая в себе силу, умело её перераспределяет: этот процесс можно хорошо проследить по хронологическим колебаниям энергетических полей в социуме. Одни народы, ни с того ни с сего, поднимаются, набираются сил, начинают вести активную политику захватов чужих территорий. Другие, наоборот, — свою внутреннюю энергию теряют, они хиреют и со временем сходят со сцены истории. Подобные энергетические всплески Лев Гумилёв назвал пассионарностью. Но он не смог объяснить её происхождение. Гумилёв считал, что в энерговоздействии на этносы повинно Солнце, но тогда, почему на одни этносы оно влияет, на другие — нет? И на этот вопрос Лев Николаевич ответ тоже не нашёл. Но исследователю надо отдать должное: камуфляж у эгрегора Амона, как известно, солнечный. Иначе бы этот божок никогда бы не пришёл к власти на Земле...

От последних слов учёного мне стало тоскливо. На душу навалилось чувство безысходности и дискомфорта. Видя моё состояние, учёный перестал объяснять и, поднявшись с дивана, направился в свою библиотеку. Вернулся он оттуда нескоро. В руках у него была какая-то старая пожелтевшая от времени папка. Положив бережно папку на стол, он снова уселся на диван и сказал:

— Чтобы понять, как происходит на нашей планете силовое манипулирование этносами и целыми нациями, надо уяснить одну немаловажную деталь: оказывается, самый могучий на Земле религиозный эгрегор управляем! Он всего лишь инструмент в руках тех сил, которые его создали. Как и любой эгрегор, он имеет своё собственное сознание. Но если другие национальные или религиозные эгрегоры идут на контакт с менталитетом человека, согласуясь с принципами своего сознания и воли, то с полевой энергоцентралью Амона всё обстоит иначе: он, этот специально созданный для организации на Земле процессов дегенерации волновой паразит, в своих действиях далеко не свободен. У него есть хозяева... Вот чем страшен этот Сет-Амон, Йегова или Бафомет.

— Ты говоришь такое, дядя Ёша, от чего кровь начинает стечь в жилах! — вскочил я с кресла.

— Не нервничай, сядь. Сиди и слушай, — властным голосом сказал историк. — Я тебе рассказываю вещи, которые ты должен знать. Для того тебя ко мне и послал «пасечник»...

Упоминание о старом меня в какой-то мере успокоило. А между тем странный еврей продолжал:

— Что собой представляет любой эгрегор? Как ты знаешь — локальное, наделённое своим собственным сознанием полевое образование, точно так же устроен и эгрегор нашего Амона. С той лишь разницей, что он целиком и полностью зависит от тех, кто его создал. Как нам известно, волновая специализированная энергоцентральный наполняется силой посредством человеческих страданий. Последние, не важно, физические они или психические, когда становятся чрезмерны, то выжимают из человека все силы. В первую очередь, самое ценное — его творческий потенциал. Эта энергия и является пищей для искусственного полевого образования. Безотказной же технологией создания человеческих страданий всегда была и остаётся дезориентация сознания социума, проще — тотальная ложь. Теперь несколько слов о самой лжи: ты должен знать, что ложь бывает разной. Во «благо» чего-то и не во «благо»... Демагоги рассуждают именно так. Но суть лжи всегда одна и та же: увод человеческого сознания от истины. Если истина имеет обыденный локальный характер — тоже беда! Увод от неё куда-то — трагедия. Ну, а если идёт процесс подмены в человеческом сознании самого Творца? В нашем случае — на надоевший нам эгрегор Амона, как в иудаизме, христианстве или исламе. Что тогда? — с интересом посмотрел на меня знаток сакрального.

— Думаю, что увод в глобальных масштабах сознания людей от высшей истины может привести человечество к таким последствиям...

— О которых написано в Апокалипсисе! — закончил за меня дядя Ёша. — И кто от этого выиграет? Эгрегор Амона?

— Нет! Да, он получит своё, но на этом его развитие и закончится...

— Выиграют только его создатели. Те самые организаторы чудовищной лжи. Специалисты по дезинформации и уводу земного человечества от общения с первоосновой — источником всего сущего, к фанатичной вере неизвестно во что...

— В то, что мы с тобой называем эгрегором Амона, — дополнил я рассуждения дяди Ёши.

— Да, да, вот именно, — поднял свой указательный палец разгорячённый рассказчик.

— Ну и кто такие эти суфлеры земного человечества? Неужто твои соплеменники? — с невольной иронией в голосе спросил я учёного.

— И мои соплеменники тоже, — вздохнул он. — Но они всего лишь исполнители. Так же, как и их поделщики по масонским ложам. Они не понимают, что делают.

— Но если не понимают, то зачем так стараются? — задал я новый вопрос.

— Потому что далеки от истинного знания. И те, и другие во власти эгрегора. Что-то, а программировать мозги «он» умеет. Силы у него на такие дела предостаточно.

— Тогда получается, что распоряжаются могучей полевой энергоцентралью иерофанты — тайная высшая масонская элита?

— И у них «кишка тонка». Они тоже рабы обстоятельств, — заглянул в свою загадочную папку дядя Ёша.

— Тогда кто же управляет эгрегором? Может потомки недобитков из Атлантиды? — задал я новый вопрос.

— Последние входят в высший эшелон иерофантов, но они тоже ни при чём, — проворчал ученый, доставая из папки какой-то странный рисунок. — На, полюбуйся, они стояли у истока создания эгрегора и в какой-то степени эти твари им управляют, — протянул мне лист бумаги антрополог.

Я взял в руки положенный передо мной рисунок и открыл от удивления рот. На нём в чисто египетском стиле был изображен идущий с поднятыми вверх руками ящероподобный монстр! Точно такой же, как на известных всему миру скульптурах, тех самых, которые были обнаружены на территории бывшего легендарного Эдема — месопотамской культуры Убайд! Хоть я и ожидал увидеть нечто подобное, но всё равно — изображение ошарашило! Больше всего меня потрясло то, что рисунок, по всей видимости, был сделан с натуры. Очевидно, с какой-то неизвестной большой статуи. Чтобы показать масштаб скульптуры, с которой было скопировано изображение, на низком постаменте, у самых ног человекодракона, художник нарисовал обычную тыквенную флягу. Благодаря ей мне стало ясно, что скульптура монстра, с которой художник сделал рисунок, была в пределах четырёх метров! Я внимательно стал рассматривать это странное изображение: змееподобная, вытянутая вперед голова, далеко выдающийся назад затылок, большие, щелеподобные, узкие, с непонятно какими зрачками глаза... Всё тело в мелкой чешуе, руки пятипалые... И хвост?! Короткий выходящий из-под юбки плоский чешуйчатый хвост!

— Такие хвосты на статуэтках из южной Месопотамии, помнится, отсутствовали, — заметил я.

— Ты прав, — согласился учёный. — По каким-то неизвестным нам соображениям, древние скульпторы протошумера хвостов на своих статуэтках не изобразили... Но в остальном они не ошиблись: перед тобой такая же тварь, как и на их скульптурах.

— Если не секрет, расскажи, где ты его взял? — показывая на изображение, спросил я прямо.

— Перед тобой копия вот с этого, — протянул дядя Ёша второй лист бумаги.

Я взял толстый, пожелтевший от времени, наклеенный на картонку лист какого-то не то папируса, не то пергамента и увидел того же самого, старательно прорисованного пером монстра. Рассмотрев новый рисунок, я вопросительно взглянул на специалиста по всему таинственному и загадочному. Было видно, что пожилой еврей колеблется: антрополог поднялся со своего места и, заложив руки за спину, стал медленно прохаживаться по комнате.

— «Быть или не быть»? — констатировал я его поведение.

— Да, «быть или не быть», юноша! И дело тут не в тебе, а в твоей молодости и горячности. Не дай Бог, если тебе придёт в голову заняться поисками того, о чём я должен тебе поведать! Не дай Бог! Дорога к тайне усыпана человеческими костями. И каких костей там только нет! Есть у берберов одна древняя сакральная легенда о драконах. В наше время её знают только колдуны и избранные, — преодолев себя, перешёл учёный к своему рассказу. — В ней говорится, что много тысяч лет тому назад на Земле властвовали драконы. Они были мудры, но жестоки. И все племена людей им подчинялись. Население Земли несказанно страдало под властью ящеров. Драконам принадлежали все лучшие земли. Люди же ютились по пустыням, горным ущельям и непроходимым джунглям. Везде, где они обитали, было плохо: негде было охотиться, разводить

скот и сеять. И вот, чтобы избежать гибели, стали молить шаманы своих духов о помощи. И духи их слышали. Они послали на помощь гибнущему человечеству могущественных людей со звёзд. Звёздные люди победили драконов и вернули отобранные благодатные земли обиженным. После победы над ящерами одна часть из них снова ушла на звёзды, другая, чтобы не мешать людям заниматься своим хозяйством, поселилась далеко на холодном севере. Там, где сходится небо с землёю, и близко звёзды. Звёздные люди остались на Земле, чтобы держать в повиновении спасшихся от гибели по глубоким пещерам драконов. Но шло время, и живущие под землёй ящеры снова набрали силу. В бескрайней пустыне среди сыпучих песков они построили тайный подземный храм. Из этого храма, принимая облик людей и проникая во власть, они стремились опять подчинить себе человечество. Печально то, говорит легенда, что среди людей нашлись те, которые стали союзниками подземного воинства. И таких племен на Земле немало.

— Интересно, кого имеет в виду легенда? — перебил я рассказчика.

— А как ты думаешь? — опять по-еврейски, вопросом на вопрос, прищурил свои глазасливы учёный.

— Неужели составители предания знали о Китае? О народе, где дракон является самым уважаемым из созданий?

— Китай древних берберов не очень волновал. Их насторожили иудеи. На них и на тех, кто за иудеями пошёл, предание и указывает. Но более всего оно обвиняет в пособничестве тёмным силам правителей и жрецов города Но в стране Кеми.

— Что это ещё за город? — удивился я.

— Его называют Уасет или по-гречески — Фивы, — поразился моей дремучести дядя Ёша.

— Тогда почему ты его назвал — Но?

— Это по-библейски, юноша, так град Уасет называли те, кто писал Библию.

— Стоп! — остановил я лектора. — Уа-Сет?! Это же переводится как град Сета? Не так ли?

— Да, что-то в этом роде — град Сета, — кивнул головой знаток сакрального.

— Всё ведь на поверхности, что ещё надо? — разволновался я. — В городе Сета возникает культ солнечной его ипостаси — Амона.

— Не солнечной, — поморщился историк, — сначала Амон считался фиванским богом ветра, это потом его переделали в солнечного... По сути, как ты знаешь, он тот же самый Сет, только закамouflированный.

— На два раза?!

— Да, на два раза, — согласился со мной историк.

— Ничего себе предание ты мне рассказал, дядя Ёша, ему же цены нет! В нём всё сказано!

— Важно то, что легенда эта была сложена сразу же после возникновения ортодоксального иудаизма и переселения евреев в Палестину,

— прервал меня жестом историк. — В одно время с написанием Пятикнижия... Как видишь, документ серьёзный. Жаль, что о нём мало кто знает...

— По причине мусульманского контроля над языческими предрассудками? — немного успокоившись, спросил я.

— Ты угадал, Гера. Но нас должно в данный момент интересовать не предание, а подземный храм, на который оно указывает. Дело в том, что храм ящеров на самом деле на Земле существует. И этот четырёхметровый гранитный красавец, — показал дядя Ёша на рисунок странной двуногой рептилии, — стоит у его алтаря. Здесь в папке лежит план храма. Копию ты заберёшь с собой. Но не для того, чтобы залезть в пустыню и там погибнуть. А для того, чтобы передать его тем, кто ищет истину.

— С чего ты решил, что я займусь поисками этого храма?

— С того, юноша, что у тебя беспокойный русский характер. Такие, как ты, как правило,

ничего не боятся и дело-не дело лезут напролом,

— снова взял свою папку антрополог.

— Да меня никто из Союза и не выпустит, — заметил я.

— Выпустят, ещё как выпустят. Совсем немного — и от империи мокрого места не останется. Что-что, а я это хорошо знаю... И грани цыстанут прозрачными, и всё будет «так как надо»...

— Интересно, какая сорока тебе на хвосте всё это приносит? — с раздражением спросил я.

— Сороку эту звать хабадом, юноша. Я лично знаком с Любавическим Ребе. Так сказать «общая» сфера деятельности... Ты о хабаде ничего не знаешь?

— Так, мельком слышал.

— Это плохо. Но у тебя всё ещё впереди, — сказал еврей загадочно. — Ещё увидишь...

— Из всего, что ты мне сейчас наговорил, ничего толком не понимаю. Какой-то Ребе... Но твёрдо знаю, что надо многому учиться, — в очередной раз погрузился я.

— Полезное знание, — заключил, улыбаясь, «еврейце». — Теперь запомни, — вытащил он из своей папки тетрадку. — Ты должен понять для себя вот что: из страны — никуда! Хотя бы два — три ближайших десятилетия, пока не поумнеешь... Так?

— Согласен! — кивнул я головой. — А когда поумнею, тогда что?

— Если поумнеешь, то искать таинственный схрон братьев по разуму тебе не захочется... Поймешь, что это значит, — сказал, подавая мне в руки, как я понял, копию подземного схрона ящероподобных, историк.

— Ты, только что сказал, что эти твари, — указал я на рисунок ящероголового, — являются создателями той беды, которую мы называем эгрегором власти. Так?

— Одни из создателей. Выше них стоит ещё кое-кто. Но о тех поговорим позднее, — согласно кивнул, выделив своё «кое-кто», дядя Ёша.

— Так получается, что эти хвостатые в чешуе не последние в иерархии власти над искусственным полевым монстром?

— Не последние, но одни из основных, — ответил на мой вопрос знаток всего таинственного.

— Но тогда объясни, каким образом эта змееподобная братва умудряется управлять своим детищем?

— А ты не догадываешься? — вытаращил на меня свои чёрные глаза собеседник.

— Наверное, оккультно? — высказал я догадку.

— Иногда ты сообразителен, — улыбнулся историк. — Имеется контакт и на информационном плане. Другого быть не может. Но такое управление, если учесть, что эгрегор имеет своё собственное сознание, мало что значит. Чтобы манипулировать могучей полевой сущностью, ментальных команд недостаточно. Эгрегор должен энергетически зависеть от своих создателей. Как мы стобой только что разобрали, поток энергии на него идёт посредством технологии тотальной лжи. Если точнее, увода человечества подальше от понимания своего предназначения и сознания Создателя. Переориентирования его сознания в принятие только материальных ценностей. Как ты думаешь, кто последние тысячи лет занят такими делами? — задал мне вопрос собеседник.

— Тайные общества, — выдавил я.

— Наконец-то дошло! — перебил меня учёный. — Вот он механизм воздействия на сатанинский эгрегор! Тайные общества для того и были на Земле созданы, чтобы дезориентировать социум. Завести его в тупик. Заставить страдать и деградировать. Технологией дезориентации социума занята вся масонская пирамида власти. И, конечно же, искусственный, специально выведенный для этой цели народ. Понятно, что тёмное жречество, манипулируя

масонами и богоизбранными, тем самым и влияет на эгрегор. Деструктивной энергоцентрали оно необходимо как воздух. Само же оно, жречество, управляется вот этими, — показал на рисунок негуманоида специалист по тайным знаниям. — Управляется умно: в основном бесструктурно или посредством дозированных порций якобы «забытого» на Земле древнего знания. Всё, что когда-то творилось в погибшей Атлантиде, происходит и у нас в социуме. С той лишь разницей, что эгрегор атлантов управлял одной Атлантидой. Сейчас же подобный полевой монстр занят почти всей планетой. Если учесть процесс экуменизма, то спорить не о чем. Видишь, какая зависимость?

С этими словами новоявленный эзотерик нарисовал на листке бумаги окружность, а потом, посмотрев на неё, спросил:

— Помнишь, как Иисус назвал Сатану?

— Кажется, лжецом и отцом лжи, — высказался я.

— На этот раз тебе повезло: вспомнил верно, — сдержанно улыбнулся учёный. — А теперь слушай: такую нелестную характеристику можно представить графически. Что у нас первично «лжец» или «отец лжи»?

— Как я понимаю, чтобы солгать, надо эту самую ложь сначала породить. Получается, что первичен — отец.

— Правильно мыслишь, — подбодрил меня дядя Ёша. — А формулировка «лжец и отец лжи» на что указывает, как ты думаешь: на линейность или на замкнутость?

— Если было бы — отец лжи, а потом только — лжец, то проследивалась бы линейность. А так похоже, что перед нами указание на замкнутость, — философски заключил я.

— Или самая настоящая окружность, — показал на свой рисунок специалист по эзотерике. Как видишь, в высказывании Христа заложен немалый смысл. Ложь необходима для наполнения эгрегора Амона силой. Она основной источник человеческих страданий, так?

— Допустим, — кивнул я.

— Поэтому наш искусственный божок и поддерживает своей энергией всех без исключения на Земле лжецов: христианскую церковь, раввинат, подвижников ислама, иерархов многих сект, еврейских банкиров и, конечно же, профессиональных вралей-политиков. По какой причине, я думаю, ты догадываешься: все вышеназванные «друзья-приятели» являются инструментом для добывания той психической силы, которой он, эгрегор, и наполнен. Именно эта братия и организывает на Земле самые изощрённые для людей страдания. Достаточно вспомнить, что все без исключения войны, включая и мировые, были спровоцированы именно их стараниями. Ты со мною согласен, юноша?

— Как тут не согласиться, всё на виду... — вздохнул я, рассматривая рисунок учёного эзотерика.

— С другой стороны, — продолжил свой рассказ собеседник. — Все вышеназванные злостные лжецы: из религий, экономики и политики да и все остальные, рангом пониже, чтобы пользоваться в своих личных интересах мощной энергией эгрегора, должны быть всегда у власти и при деньгах, вынуждены намеренно заниматься искажением истины. Вот он порочный круг, на который ты смотришь. Как говорится в народе: «рука руку моет», — закончил свою мысль новоявленный философ.

На несколько секунд в комнате воцарилось молчание. Каждый из нас думал о том, что совсем недавно здесь прозвучало. На душе у меня было тревожно.

— А теперь я тебе покажу кабалистический символ нашего «героя», — с этими словами дядя Ёша положил передо мной ещё один лист бумаги. С него на меня смотрела держащая себя за хвост какая-то неведомая мне змея.

— Как видишь, всё на виду, — пояснил рисунок специалист по тайноведению. — Никто

ничего и не скрывает. Всё рассчитано на человеческую глупость. Этот кабалистический масонский символ знают не только иллиминаты, раввины, хасиды и адепты хабада, но и простые масоны и ортодоксы-иудеи. Только не многие понимают подлинное его значение. Придумывают всякую чушь: типа цикличности времени во Вселенной или цикличности в последовательности событий. В некоторых масонских изданиях змею, пожирающую свой хвост, считают символом высшей мудрости. На самом же деле это сакральное символическое изображение эгрегора Амона. Кто стоял у истоков его создания? Негуманоиды — ящероподобные. Вот она их змеиная голова, — ткнул пальцем в рисунок знаток кабалистических символов. — Туловище указывает на власть над населением планеты.

— На власть? — удивился я.

— Да, на власть. Вообще любое кольцо является сакральным символом власти. Потому, при венчании и одевают друг другу кольца молодожены. Кольцо, звено цепи — символ принадлежности одного человека другому. Ты знаешь миф о Прометее? Помнишь, какое кольцо после его освобождения подарил ему Зевс?

— Помню, кажется с камнем от той скалы, к которой титан был прикован, — блеснул я своим знанием мифологии.

— Магический же смысл венчания таков, — продолжил специалист по тайному знанию, — жена владеет мужем, муж становится хозяином жены. Узлы любви заменяются законом обладания друг другом. Любовь получает смертельный удар — очень скоро от неё не останется и следа. Но мы опять залезли с тобой «не в ту степь», здесь уже другая тема. Взаимоотношения полов... Как я вижу, тебе нужны ещё доказательства?

— Если они у тебя имеются, то давай, я с удовольствием их послушаю, — поднялся я со своего места.

То, что пытался поведать мне историк, захватывало. И я, загоревшись, подсел поближе к столу, где у рассказчика лежала развернутая географическая карта.

— С картой поработаем позднее, — охладил он мой пыл. — А сейчас у меня к тебе вот какой вопрос: ты когда-нибудь видел нагрудники сибирских или саамских шаманов?

— Конечно, видел, — не понял я еврея. — Видел и в старинных заброшенных лабазах и, конечно же, в музеях.

— А теперь припомни, какие кованые железные зверьки висят на шаманской атрибутике? Не понимая, зачем стали нужны дяде Ёше колдовские нагрудники, я стал припоминать:

— На одном эвенкийском старинном шаманском костюме я видел изображение лося, щуки, нерпы, медведя, кажется, соболя и ещё какого-то странного зверька, что-то наподобие ящера.

— Вот-вот — ящера! — перебил меня историк. — Все звери известны и обычны, только ящер неведом и неизвестно откуда. А что он означает, знаешь?

— Кажется, является духом подземного мира, — припомнил я.

— Чем это не доказательство? Прямой намёк на то, что глубоко под землёй живут те, которые влияют на нашу земную жизнь! А теперь давай вместе вспомним, что означает образ ящера в нашей русской традиции?

— То же, что и в сибирской! — невольно вырвалось у меня. — Ящер является символом подземного мира. Его властелином...

— Властелином!! Именно властелином! — поднял свою маленькую руку специалист по мифическим зверюгам.

— И у других народов Земли то же самое, ящероподобные живут под землёй. Как и в берберском предании о тайном храме змееголовых в пустыне. Но это ещё не всё. На вот, взгляни, — протянул мне историк очередной рисунок. — Это из книги Брайана «Анализ древней мифологии» называется «орфическое яйцо», — пояснил он.

На листе бумаги было изображено обвитое змеей здоровенное яйцо.

— А что этот рисунок обозначает? — спросил я.

— Масонский символ космоса, который окружен огненным творящим духом...

— Творящим духом?! Ничего себе творящий дух! — удивился я. — Такое впечатление, что змея душит яйцо.

— Так оно и есть, — грустно посмотрел на меня специалист по кабале. — Яйцо, как ты знаешь, является символом Вселенной. Так?

Я, соглашаясь, кивнул.

— В данном случае яйцо обозначает наш земной шар — локальную земную «Ойкумену». На что указывает сама змея: сколько раз она обвивает яйцо? Как ты знаешь, земное пространство четырёхмерно. Вот, пожалуйста, все четыре витка... Значит, дело не в космосе. Речь идёт о нашей несчастной планете. Видишь, кто подлинный её властелин?

— Негуманоиды? — покосился я на рисунок.

— Нужны тебе ещё доказательства присутствия на Земле тайной силы? — спросил меня историк.

— Даже не знаю, вроде бы и так всё ясно.

— Вот тебе ещё один масонский символ — это знаменитая Матерь Солнца, — положил передо мной новую репродукцию антрополога.

На цветном рисунке была изображена стоящая в лучах света с маленьким ребёнком на руках высокая, одетая в греческую столу* молодая женщина. Вокруг неё по периметру располагались щиты со знаками зодиака. Над головой горели двенадцать звёзд, а под ногами в виде нарождающегося месяца Луна и планета Земля, обвитая той же самой змеей!

— Как тебе этот рисунок?! На нём, как ты видишь, и Луна, и Земля.

— И змея, — заметил я. — Неужели рядовые масоны не понимают то, что видят? Что у них всегда на глазах? Тут и понимать-то нечего!

— Согласен, понимать здесь нечего. Всё освещено до предела. Особенно вот здесь, — историк показал на изображение Матери Солнца. — Но ты должен знать, что масонские посвящения зомбируют психику. Видеть-то они видят, но понимают только то, что в их подсознание вкладывается. То же самое можно отнести и к богоизбранным. По их мнению, змея, обвивающая Землю, всего лишь символ огненного потока созидания...

— У меня к тебе вот какой вопрос, дядя Ёша, что это за двенадцать звёзд над головой у Матери Солнца?

— Ответ проще простого. Они символизируют все двенадцать колен израилевых. Тебе пора бы привыкнуть, что евреи в масонарии главнее. Без них никуда.

— То же самое мне говорил и «пасечник», — вздохнул я.

— Старик знал куда больше, чем сотня, таких как мы. Жаль, что у него не нашлось для тебя времени, — высказался историк загадочно. — Но давай вернёмся снова к нашей теме. Надо её закончить, мой юный друг. Как ты уже понял, самый мощный на планете религиозный эгрегор управляем. И управляем не столько людьми, сколько ненавидящей земное человечество нелюдью. В настоящее время ему полностью подчинены почти все земные религиозные и государственные эгрегоры. Он курирует три основные мировые религии и массу отпочковавшихся от них сект. Фактически эгрегор Амона, бесспорно, является планетарным, могущественным божком. Таковым его сделали негуманоиды, их союзники — тёмные фиванские жрецы, пособники иудеи и адепты тайных обществ. Вот ещё один масонский рисунок. Он полностью подтверждает мои слова, — развернул новую цветную репродукцию дядя Ёша. На красочном изображении всех мировых религий в левом углу был запечатлен Магомет, попирающий ногами идола, рядом с ним барельеф Митры, в центре первосвященник

Израиля, обнимающий семисвечник, в правом углу египетские пирамиды, а в левом над всей композицией с бараньими рогами на голове Амон и в руках у него молния... Над Амоном — четыре зверя из видения Иезекииля и сцена Апокалипсиса.

— Ну а где же здесь Иисус? Христианство, по-моему, на картине не представлено? — невольно спросил я, обращаясь к всезнайке из Колы.

— А зачем тебе Иисус? — улыбнулся одними глазами дядя Ёша. — Картина прямо говорит, что мессия к христианству не имеет никакого отношения. Если бы он, Иисус, создавал своё христианство, как например Магомет, то он на этом вот рисунке был бы непременно. О чём говорит сей рисунок? Прежде всего, что Иисус никаким христианином никогда не был. И это очень важно, юноша. Но любопытно не это, а то, что во главе этой «малины» восседает Амон. Именно он представлен в картине главою и христиан, и магометан, и, конечно же, иудеев. Видишь, где стоит иудейский первосвященник со своим золотым семисвечником?

— В центре...

— Вот именно, в центре всего этого безобразия, юноша, — назидательным тоном закончил свою мысль специалист по масонской символике.

— Почему ты считаешь, что вот этот, — показал я на фигуру, обнимающую семисвечник, — является первосвященником? Мне думается, что это сам Моисей.

— В костюме первосвященника, — кивнул головой историк. — Так оно, скорее всего и есть, это уже детали.

— Но если нет на картине мировых религий Христа, то откуда мог взяться в христианской троице божий сын? — задал я внезапно пришедший в голову мне вопрос.

— А ты подумай, на что похожа эта самая троица? В том, что Христа в ней нет, ты прав... — засмеялся эзотерик.

— На три огненные башки сказочного Змея Горыныча! На энергетическую структуру самого мощного на Земле религиозного эгрегора! Я уже понял, кто такой бог отец: несомненно, имеется в виду иудаизм. Понял, что сыном выступает савловское христианство. Но до меня не доходит, кто такой святой дух? Неужели ислам? Что в нём святого? Почти тоже христианство!

— Тут дело не столько в исламе, сколько в тех верованиях, которые в него влили, — мягко сказал историк. — На первых порах Аллахом у арабов стал их древний ведический бог Эл. По-еврейски — Элохим. Семитам Аравии он был известен как дух добра и ненасилия. Именно его учение и породило коранический ислам. Ту религию, которой в наше время уже нет.

— Как нет? — удивился я.

— К сожалению, коранического ислама больше не существует, Георгий-Гор. Эта ранняя религия умерла ещё в X веке. С ней произошло то же самое, что и с учением Христа. Написано одно, а на деле совсем другое. Старая надёжная технология изменения и перевода идеологии в иную плоскость. На месте её царствует подчинённый эгрегору Амона, так называемый, исторический, или современный ислам... Так-то! — пояснил учёный. — Ну а святой дух — это всего лишь память о том чистом ведическом учении, которое когда-то было создано жрецами Эла...

— Думаю, мне не надо больше ничего доказывать, всё более чем очевидно. Общая картина у меня сложилась, надо сказать, безрадостная...

— Но я ещё не закончил, — прервал мою тираду специалист по эзотерике. — Наберись терпения и дослушай.

— Я вовсе не против учиться, но, право, не знаю, что можно ещё добавить к услышанному и увиденному? — удивился я.

— Добавить можно многое, — задумчиво сказал дядя Ёша. — Например то, что все другие земные эгрегоры: государственные, этнические, племенные и т. д. имеют то же циклическое или

круговое строение. В них так же, как и в эгрегоре Амона, накапливается энергия и по мере надобности сбрасывается адептам. Всё то же самое, с той лишь разницей, что все вышеназванные эгрегоры в своих действиях куда более независимы от своих создателей, чем тот полевой монстр, о котором у нас вот уже несколько часов идёт речь. Они, все другие земные энергоцентры или эгрегоры, больше подчинены эгрегору Амона, чем тем, кто их создал.

— Теория экуменизма это как раз и подтверждает, — вставил я слово в рассуждения историка.

— Да, теория экуменизма как раз и показывает подлинную реальность. Но от этого не легче: все полевые энергоцентры нашей планеты подчинены эгрегору дегенерации и разрушения. Фактически им, Амоном, взят курс на неминуемую гибель нашей цивилизации.

— Старик был уверен, что со временем, если ничего не изменится к лучшему, то на Земле человечество погибнет, — припомнил я рассуждения «пасечника».

— Либо на планете появятся несколько новых видов человекообразных обезьян, — закончил за меня мысль дядя Ёша. — И такое предсказание вполне реально. И вот почему: эгрегор Амона был на Земле создан, прежде всего, для курирования нелюди. Если точнее, хищных человеческих особей. Это его усилиями, посредством иудаизма, христианства и исторического ислама, хищники прорвались к власти над социумом.

— Это ведь ужасно! Шудры и неприкасаемые у власти! У кормила человечества!

— Как тебе известно, для хищника и ущербной психологии все остальные люди — не хищники и не охищенные — всего лишь биомасса, расходный материал, не более. Естественная природная пирамида земного человечества перевернута. Как она ещё не рухнула и не рассыпалась? Примерно то же самое, если перевернуть вверх дном корабль. Он какое-то время будет на плаву. Но набрав воды — всё равно утонет! Ты должен осознать, мой юный друг, что с эгрегором Амона шутки плохи! Этот полевой урод является страшным оружием в руках, его создавших. Породили же его негуманоиды, и это, как ты видишь, легко можно доказать. Было бы желание разуть глаза. Мне хочется привести тебе ещё один факт присутствия на Земле этих вот бестий, — снова показал учёный на рисунок ящероголового. — Помнишь раскопки в Храме Надписей на Юкатане? В одной из столиц классических майя?

— Ты имеешь в виду город Паленке? — спросил я.

— Да, Паленке, — кивнул головой рассказчик. — Помнишь, кого там нашли под резной каменной плитой в самом низу храма?

— Кажется, местного царя или жреца по имени Пакаль, — припомнил я. — Рядом с ним ещё была загадочная нефритовая маска...

— Верно-верно, — остановил меня поднятой рукой историк. — Маска была, ты, молодец, что всё это помнишь. Но я хочу от тебя услышать другое. Что ты знаешь о скелете этого Пакаля?

— О скелете? — переспросил я.

— Да, о скелете.

— Кажется, его череп покрывала нефритовая маска, были ушные подвески из нефрита, ожерелья и кольца...

— Не об этом я тебя спрашивал, — отвлёк меня от попытки что-то ещё припомнить дядя Ёша. — Нас с тобой интересуют кости. Кости того, кого нашли в склепе.

— Если честно, о скелете я нигде ничего толком не читал.

— Читал, читал! — засмеялся антрополог. — Если помнишь что было на костях надето, то наверняка читал. И читал ты вот что, — сделал историк паузу. — Что по надписям в храме был захоронен человек 80 лет, а судя по скелету, ему оказалось не больше сорока. Но есть ещё один нюанс: крышка саркофага говорит, что под ней должна быть мумия, а нашли всего лишь скелет. Налицо явный подлог: мумию убрали, а бросили на дно саркофага кости 40-летнего майя. Но

получился прокол — толком не прочли иероглифы на стенах храма. Надпись, которая указывает на смерть 80-летнего правителя: родился он в 603 году, а умер в 683...

— И кто же это всё проделал? — спросил я.

— Естественно, тот, кто первый открыл гробницу в Храме Надписей. Знаменитый Альберто Рус Луилье. Этот исследователь три года занимался раскопками в Храме Надписей. Целых три года! За это время можно было проделать с захоронением всё что угодно. Скорее всего, устраивать подлог по своей инициативе учёный не стремился. Во всяком случае, хочется этому верить... По мнению современников, тех, кто знал Альберта Рус Луилье, он слыл человеком порядочным. Но его к этому могли принудить. За действиями всех крупных учёных, особенно археологов, всегда внимательно следят. Кто? Я думаю, ты догадываешься. С одной стороны, историки-иудеи, с другой — масоны, а с третьей — придурковатые, боящиеся всего нового в науке ортодоксы. Но гадать, что эта весёлая компания скрывает от общества, не приходится: кое-кто из рабочих, которые помогали археологу при вскрытии гробницы, всё-таки проговорились. По их мнению, под резным каменным саркофагом, на котором, как ты знаешь, изображена фигура человека, лежали мощи неизвестно какого существа. У него была длинная вытянутая как у ящерицы морда, плоский покатый выступающий назад череп и круглые нечеловеческие рёбра. Морду зверюги покрывала нефритовая специально подогнанная для этой цели маска. Остатки её после замены трупа нашли на дне саркофага. Об этой странной маске разговоров было много, ты помнишь...

Я молча кивнул. То, что сообщил мне историк, невольно наводило на такие мысли, от которых на лбу у меня выступили капельки пота. Если над жрецами классических майя стояла тварь, найденная в Храме

Надписей (это, скорее всего, было именно так), то становится понятным, куда делся весь этот несчастный народ.

— Неужели классические майя были в основной своей массе принесены в жертву? Тогда понятно, куда все делись... Но ведь это чудовищно! — посмотрел я на замолчавшего антрополога.

— Я вижу, и ты думаешь о том же... — глаза у дяди Ёши были грустными.

— Ну, а как тут не предполагать? — заволновался я. — Во-первых, до сих пор наука никак не может объяснить гибель майской цивилизации. И, во-вторых, становится понятным, почему мумию зверюги спешно и тайно поменяли на скелет 40-летнего человека. Хотя бы старика нашли для такого дела... Торопились — мать их за ногу! — выругался я. — Если бы лежал скелет старика, то было бы труднее доказать подлог.

— Спокойно! — сказал учёный. — Бог их попутал и слава ему! Ну, а твоё мнение?

— Неужели был принесён в жертву эгрегору Амона целый этнос? Хочешь сказать, пятому Солнцу? — застучал пальцами по столу спец по загадкам истории.

— Да, пятому! Нашему Солнцу или Амону, не всё ли равно, дело не в Солнце, а в исчезнувшем неведомо куда народе.

— Думаю, что такое вполне могло произойти. Ты же знаешь, что любая реформа всегда начинается с идеологии, а точнее, с подмены жречества. Если во главе клана правителей майя оказался Пакаль, один из архитекторов паразитического, создаваемого для разрушения земного социума эгрегора, то можно представить судьбу классических майя... Когда на жертвенные алтари пирамид повели тысячи и тысячи ни в чём не повинных людей. И этим занялись свои же жрецы, то в индейском обществе вполне могла начаться самая настоящая паника. Допускаю, что фанатики-зомби за свои жизни бороться не стали, но людей с придурью всегда не так много. Остальное же население майских племён стало искать спасения от своей религиозной элиты. И нашло его на берегу Атлантики в той стороне, куда, судя по легенде, ушёл от индейцев их белый

бог Кукулькан или Кецалькоатль. Там, на берегу океана, и возникло несколько городов-государств поздних майя. Во главе со знаменитым Чичен-Ица. Но, похоже, со временем и до них добрались «добрые дяди» с каменными ритуальными тесаками. Потому что к приходу испанцев от поздних майя почти ничего не осталось, — закончил своё грустное повествование историк.

— Тебе бы диссертации писать на эту тему дядя Еша, — сказал я искренне.

— И угодить в сумасшедший дом... Видишь, вон на полке за стеклом пять папок? — показал историк на противоположную стену комнаты. — Всё это мои диссертации. За каждую из них могут посадить в лучшем случае к психам, в худшем, сам знаешь куда...

— Пятикнижие! — посмотрел я на дядю Ёшу, улыбнувшись. — Неужто Антибиблия?

— Самая настоящая! — засмеялся учёный. — Но как ты догадался?

— Право не знаю, просто пришло в голову... — развеселился я. — Если у тебя на полке в папках лежит Антибиблия, значит, ты, дядя Ёша, получаешься что-то вроде антиеврея! Так?

— Как раз, наоборот! — выпятил свою грудь знаток альтернативной истории. — Я считаю себя евреем настоящим, таким, каким должны быть все евреи. Это иудеи являются антиевреями. Но хватит шутить. Пора бы нам закругляться с нашей темой. Мы уже целый день её мусолим. Теперь, я думаю, ты понимаешь, какая сила проталкивает шудр и неприкасаемых к деньгам и власти? Понимаешь, почему все эти хищники и охищенные столь цепки и живучи? Знаешь их Бога практически досконально: и откуда он взялся, и как устроен, что он хочет от своих хозяев... И что более всего ценно, кто им управляет...

— И куда ведёт это вот управление, — вставил я от себя.

— Да, — согласился антрополог.

— Но я жду от тебя, дядя Ёша, рассказ о тех людях, которые побывали в храме вот этих, — показал я на рисунок рептилоида. — Ты же всё время переводишь разговор на другие темы. Если это секрет, то не рассказывай, если же секрета нет, то я весь во внимании.

— Хочешь услышать о подземном храме Сета? — переспросил знаток эзотерических знаний. — Я грешным делом думал, что ты о нём уже забыл... Ну что же, тогда слушай.

Глава 8. Храм Сета

— Всё началось, юноша, с древней карты коптов, — приступил к своему повествованию историк. — Карту эту хранили когда-то жрецы бога Ра из Гелиополя. На ней был изображен путь от столицы Нового царства города Фивы в глубь Ливийской пустыни к очень древнему подземному храму бога-покровителя части фиванского жречества. По сути, на карте был изображен участок кочевой дороги переселенцев из погибшей Атлантиды. На ней со временем и возник храм Сета — духа зла и разрушения. Фактически, научная лаборатория по созданию нового на Земле эгрегора и будущего «нового порядка». Этот эзотерический институт жрецы атлантов в стране Кеми организовывать не стали. В додинастическом Египте после великой войны и потопа правили потомки легендарных Шемсу-Гор, враги атлантов — люди белой расы, пришедшие с севера. Их скелеты до сих пор приводят в изумление многих антропологов. Поэтому, как ты говоришь, недобитки из Атлантиды и выбрали уединенное место на старой кочевой дороге. Почему на дороге? Да потому, что вдоль неё были когда-то вырыты десятки колодцев. Посмотри, вот она эта самая дорога поздних атлантов, — повернулся к лежащей на столе карте Сахары рассказчик. — Крестиками отмечены на ней колодцы. Перед тобой, как ты понимаешь, копия, но это дело не меняет. Она предельно точна и ей можно вполне доверять. На тайной старинной карте коптов было изображено то же самое. Она, эта карта, и толкнула группу отчаянных безумцев на подвиг, равных которому практически нет. Представь, тысяча километров сплошных песков, и практически без воды!

— Но ведь ты говорил, что по всей кочевой дороге было вырыто множество колодцев? — невольно задал я вопрос.

— Когда-то колодцы были. Тысячи лет назад. Но в наше время их почти что не осталось. Ты же знаешь, что такое сыпучие передвижные барханы, — оторвал от карты голову антрополог.

— Кое-что читал на эту тему, — ответил я.

— На всём протяжении пути экспедицией было найдено всего шесть сохранившихся от песка колодцев. Всего шесть! Но трудности не остановили людей.

— Ты говоришь какими-то загадками, дядя Ёша. Не сказал, кто снарядил экспедицию к храму, зачем и кто был участник этого беспримерного похода? — перевел я повествование историка в несколько иную плоскость.

— Я думаю, ты уже догадался, Гера, что вышеупомянутый в берберском предании подземный схрон ящероголовых и построенный атлантами храм Сета одно и то же заведение.

— Если честно, нет, — признался я. — Мне показалось, что ты говоришь о разных вещах.

— Я говорю об одном и том же, юноша. Только рассматриваю тайну храма с разных сторон.

— В первый раз ты мне говорил, что подземный храм в пустыне был построен ящероподобными, а теперь утверждаешь, что его возвело жречество погибшей Атлантиды...

— Чтобы беспрепятственно общаться со своими союзниками и подельниками, — прервал меня учёный. — Эта подземная лаборатория стала тем тайным местом, где люди начали регулярно общаться с космической нелюдью. Поэтому я и говорил о нём как о схроне вот эти, — обратил моё внимание на рисунок рептилоида эзотерик. — Речь идёт об одном и том же месте. А то, что у Сета голова осла, — всего лишь камуфляж. На самом деле перед тобой подлинное изображение твари, которая создала на Земле свою глобальную империю.

— Плюс полевою энергоцентральной, от которой современное человечество не знает куда деться, — с умным видом подвёл я итог объяснению учёного. — До меня дошло, дядя Ёша, поэтому давай продолжай дальше, — принял я удобную за столом позу.

— Кто выдвинул идею добраться до подземного логова ящероголовых и храма духа смерти,

до проклятого берберами места, я не знаю. Меня в такие глубины не посвятили. Но возглавил экспедицию копт, один из современных жрецов бога Ра. Он и предоставил древнюю фиванскую карту, взятую для этой цели в одном из тайных хранилищ. Скорее всего, из архива жрецов города Ану или Гелиополя. Вторым участником необычной экспедиции был тоже копт — сильный, выносливый воин и телохранитель жреца. Он, как и его шеф представлял собой древнюю египетскую традицию, поэтому проблем с ним никаких не было. Третьим участником похода был армянин из Стамбула. В его обязанности входило финансирование экспедиции и помощь в её организации. Показал этот человек себя только с хорошей стороны. Жаль, что из песков к своей семье он так и не вернулся...

На несколько секунд историк задумался, а потом сказал:

— В экспедиции приняли участие три кавказских еврея. Все трое были наши гелиопольцы из отступников. И не фанатики, люди самой высокой пробы. Забегая вперед, скажу тебе, что они тоже погибли. Все трое. Погибли как герои...

Слушая учёного, я молчал. Мне была понятна его боль по отношению к соплеменникам. К людям, которых в среде обманутого еврейского народа буквально единицы.

— Были ещё три великие личности в составе экспедиции, — продолжал рассказчик. — Двое из донских казаков: один — есаул, второй — урядник. По именам они себя не называли. Общались по званию. Оба были из казачьего корпуса атамана Платова, который, по приказу императора Павла, должен был добраться до Индии и помочь индийскому народу освободиться от английской короны. За что, кстати, императора Павла Петровича и ухлопали, — добавил историк с нескрываемой горечью.

— Так выходит, что экспедиция в Сахару была предпринята ещё в XIX веке?! — удивился я.

— В начале XIX-го, — уточнил историк. — Как раз во время нападения Бонапарта на Египет. Под военный шумок её и удалось организовать.

— И про казаков до меня что-то не доходит. Они что, хорошо знали турецкий?

— В совершенстве! И выдавали себя за турок, — улыбнулся антрополог. — Но самой загадочной личностью был последний член экспедиции: человек, который легко изъяснялся на любом восточном и европейском языке. Держался он всегда особняком, почти ни с кем не разговаривал. Обычно обращались к нему, но не он. Чаще всего с ним беседовал копт — тот, который жрец, и очень редко один из казаков.

— Они что тоже погибли? — спросил я.

— Из всей экспедиции уцелели только двое. «Загадочный» и есаул. И то только потому, что, придя в Каир, нигде не остановились. Сразу же купили какую-то рыбачью лодку, в ночь ушли вниз по Нилу. В дневнике экспедиции сказано, что в той лодчонке этим двоим удалось доплыть до Газы. Оттуда перебраться в Сирию, затем в Армению... Копт-телохранитель, который уцелел в пустыне и вышел с казаком и «загадочным» к Нилу, был убит на постоялом дворе в первую же ночь.

— А как остальные погибли? — спросил я. — Армянин, тройка твоих соплеменников, жрец-организатор экспедиции и казачий урядник?

— В дневнике о том, что происходило, написано очень скупо. У меня есть копия этого дневника. Треть в нем нацарапана по-арабски. Очевидно, начал писать походный дневник кто-то из коптов. Потом дневник вёл армянин. Его часть повествования написана по-турецки. После гибели армянина дневник писал один из евреев и тоже по-турецки. По почерку и стилю это хорошо видно. Дописывал же дневник казачий есаул. Конец его был на русском.

— И всё-таки очень интересно, дядя Ёша, что в дневнике написано? — решил я «прижать к стенке» учёного.

— Что-что? Возьми и почитай, — проворчал последний, доставая из своей бездонной

папки потрёпанную тетрадку.

Я взял тетрадь в руки и понял, что передо мной опять копия...

— Это тоже твоя работа? — спросил я.

— А ты что, знаток арабского или турецкого? — прищурился учёный. — Если знаток, то могу дать тебе и подлинник. Вот он тут же в папке...

— Настоящий дневник мне не нужен, дядя Ёша, хватит и копии, — успокоил я специалиста по тайной истории. — Сегодня займись его изучением.

— Ты быстро его прочтёшь. Написано в нём не так много, — поднялся со своего места лектор. — Мы прозаседали с тобой почти весь день. Пойдём, поедим, и я тебе покажу мою вечернюю Колу. Если честно, устал я сегодня, давно не читал лекций, — огорчённо сказал бывший учитель.

— Гляжу на тебя, дядя Ёша, и невольно думаю, что по отношению к власти предрержащим ты самый, что ни на есть, вредный из евреев. Я бы сказал — контра!

— Контра?! — засмеялся учёный. — Пусть будет контра, я согласен. Только мало кто в таком качестве меня знает. А мне понравился твой эпитет, юноша.

С этими словами, кое-как разогнув спину, «контра» засеменил на кухню. Через час мы были уже в городе. Дядя Ёша водил меня по центральным улицам, рассказывал, как началось строительство рядом с ним Мурманска. Как бомбили Мурманск немцы во время войны и как отстаивали его наши войска. Рассказал гид о полуострове Рыбачий, который оказался в тылу врага, но так и не был им захвачен, о роли Североморска, о посёлке Полярном, о маленьком порте Владимири, построенном для завода «Никель» и многом другом. Я рассеянно слушал дядю Ёшу, делал вид, что мне его рассказы интересны, но мысли мои были совсем в другом месте. Я думал о дневнике добравшихся до подземного храма «безумцев». Что в том дневнике написано. И сколько осталось между строк того, о чём я могу только догадываться... После двухчасовой прогулки по вечернему городку мы решили наконец пойти домой. К тому же стало моросить, с моря подул холодный ветер. И притихший на дожде и ветру дядя Ёша, повернувшись ко мне, вдруг сказал:

— Скоро ты уедешь, Гера, и неизвестно, вернёшься ли когда-нибудь ещё в край сейдов, горных рек и наших таинственных озёр. Но я хочу тебе сказать, что эта земля, часть древней Гипербореи, должна быть святой для каждого русского. Да и не только для славянина, но и для других представителей белой расы, даже для таких евреев, как я. И мне хочется, чтобы ты это знал и всегда об этом помнил.

— А как же «Святая земля» в Израиле? — чевольно вырвалось у меня.

— В Передней Азии тоже — «Святая земля», только не избранных, не тех, кто цитирует Тору и считают себя хозяевами мира, а таких, как ты — людей великой северной расы. Ведь все древнейшие археологические памятники восточного Средиземноморья не семитские. И пора бы с этим фактом согласиться и нашим прикормленным. Но беда в том, что прав всегда тот, кто платит. Поэтому вся история Земли и вывернута наизнанку, мой юный друг.

— О Южной Руси и о том, как она погибла, мне неплохо поведал «пасечник», — заметил я.

— Поэтому запомни, — не услышал моей реплики антрополог. — Именно здесь, на Кольской земле, в её недрах, в древних тоннелях и подземельях спрятан ключ к тайнам Гипербореи. Потому она, эта земля, и священна...

— Ты что-то знаешь такое, что мне пока неизвестно, — остановил я историка.

— Возможно, — сказал он, поёживаясь, — но это моя догадка. Давай пойдём побыстрее, я тебе по дороге кое-что расскажу.

Глава 9. Древняя легенда саамов

— Ты наверняка слышал, мой юный друг, о сибирском народе сииртя. О нём повествуют многочисленные сказки и предания ненцев, — начал свой рассказ историк. — Самодейские легенды рассказывают, что маленькие сииртя до прихода в тундру ненцев жили на побережье океана. Главным их занятием была охота на белых медведей, китов, моржей и тюленей. Иногда сииртя по рекам на своих кожаных лодках далеко проникали в тундру и даже в тайгу, где добывали себе пушных зверей, северных оленей и лосей. До прихода самодейцев на север (около 800–600 лет до н. э.) загадочный маленький народ был наверняка полным хозяином всего арктического побережья. Некоторые учёные считают, что древние сииртя занимали территорию от устья Печоры на западе до Таймыра на востоке. Но есть бесспорные доказательства, что культура арктических зверобоев была распространена на восток вплоть до Аляски. Но на восточных сииртя и родственных им племенах мы останавливаться не будем. У нас на это нет времени. Мне хочется тебе рассказать о судьбе тех сииртя, которые обитали в тундрах Ямала и приполярного Урала. Предания ненцев, энцев и таймырских нганасанов рассказывают о жестокой войне, которую вели их предки с жителями побережья. Эта война, то затихая, то снова вспыхивая, длилась не одно столетие. Обычно она начиналась летом, когда домашних северных оленей самоедам приходилось гнать в высокие широты поближе к океану, где мало гнуса. Здесь, на побережье, следуя своей традиции, на оленей начинали охотиться жители прибрежной зоны. Естественно, сииртя путали домашних оленей с дикими. Оба вида, как ты знаешь, очень похожи друг на друга. Понятно, что у ненцев гибель их собственности вызвала справедливый гнев. Как правило, начиналась война. И длилась она до осени, до времени, когда олени начинали перекочевку к югу. Ненецкие легенды рассказывают, что их предки стремились очистить от сииртя те участки побережья, куда направлялись стада их оленей. Сииртя и сами стремились уходить с таких вот бойких мест. От войны с ненцами маленький народ очень страдал. Но, с другой стороны, сииртя приходилось покидать свои излюбленные места морского промысла, куда зимой им волей-неволей опять приходилось возвращаться. Такие перекочёвки были жителям прибрежной зоны просто не по силам. И вот тогда шаманы этого народа предложили вождям родов никуда от ненцев не уходить, а искать спасения под землёй. И сииртя, год за годом, постепенно ушли под землю. Ненецкие сказания повествуют, как внезапно опустели на побережье их селения. Остались только заброшенные обезлюдившие землянки, гнилые обрывки сетей и негодные пробитые лодки. Но предания ненцев говорят, что маленький народ не вымер. И на Гыданском полуострове, и на Ямале вплоть до нашего времени бытует поверье, что некоторые семьи сииртя до сих пор живут под землёй. Что там у них всё по-другому: и теплее, и намного уютнее, чем на поверхности. Но самое интересное, что подземный мир сииртя освещён странным светом. И свет этот исходит от каких-то загадочных и вечных светильников. Есть одна ненецкая легенда, которая рассказывает, как однажды молодой оленевод, погнавшись за девушкой сииртя, которая рыбачила ночью на озере недалеко от его стана, оказался в её подземном обиталище. Там было тепло и просторно. С его слов, со стен подземелья лился странный свет, он освещал все уголки огромной галереи, по которой навстречу ему пришли соплеменники девушки. Интересно то, что обитатели подземелий не убили парня. Они пригласили его к себе в гости. Угостили мясом моржа и белого медведя, а потом, спросив парня, что он хочет от той, которую преследовал, и, узнав, что ненец намерен на девчонке жениться, подарили ему девушку как невесту, подарили с приданым. Я видел кое-что из того приданого. Например, тонкой работы костяные гребни. Сделаны они были из моржового клыка. Явно не ненецкие — с оригинальным орнаментом.

Помолчав, дядя Ёша добавил:

— С саамским орнаментом, Гера, с саамским.

— Некоторые учёные предполагают, что саамы и являются прямыми потомками легендарных сииртя, — блеснул я своими познаниями.

— Да, предполагают, — согласился со мной антрополог, — только не понятно, как сибирские сииртя могли очутиться на Мурмане? Дело в том, что следов их кочевья на запад вдоль побережья наукой пока не обнаружено.

— Может, со временем и обнаружат, — высказал я своё предположение.

— Не обнаружат, — заверил меня историк. — Потому что никакого такого кочевья никогда не было.

— Неужели ты всерьёз предполагаешь, что из-за Урала до Кольского полуострова предки саамов, эти самые сииртя, протопали под землёй? Про гигантские подземные галереи арктов я от «пасечника» слышал, — сказал я.

— Я так не предполагаю, — улыбнулся кольский этнограф. — Я тебе не поведал самого главного, юноша, рассказал про сииртя, про войну их с ненцами, но с древнейшей легендой саамов тебя я ещё не познакомил. А легенда такая есть, и она до сих пор хранится в коллективной памяти этого маленького народа. И повествует она о переселении предков саамов на Поной и Колу из-за суровой горной страны на востоке. Я эту легенду услышал от того самого шамана, который мне поведал о продаже Кольского полуострова англичанам. Думаю, что доверять ей можно, тем более что она не противоречит преданиям ненцев. Начинается саамская легенда с того времени, когда от преследования ненцев их предки, или по-ненецки — сииртя, вынуждены были на летние месяцы уходить под дневную поверхность. Там их шаманы нашли громадные сделанные неведомо кем пустоты. В них-то поначалу от ненцев и прятались предки саамов. Эти пустоты, как повествует миф, были соединены между собой длинными освещёнными вечным светом галереями. Квершлагги вели от океана в глубь тундры. Но на юг предки саамов не проникали. Они понимали, что там их ждёт верная гибель, поэтому они ютились под землёй рядом со спасительным морем, где осенью, после ухода на юг ненцев, можно было заниматься зверобойным промыслом и рыболовством. Понятно, что потеря летнего времени предков саамов не устраивала. О добыче китов и моржей не могло быть и речи. Вследствие этого общество морских зверобоев всё чаще и чаще стало страдать от голода. С такой бедой надо было что-то делать, но что, не знали даже шаманы. Правда, кое-кто из старейшин предлагал начать переселение на ближайшие острова. Но чтобы сделать кожаные плавсредства, нужна была и кожа, и тёплое время года... Ни того, ни другого у предков саамов — народа сииртя, как ты знаешь, не было. И тогда решили маленькие люди попросить помощи и поддержки у своих предков. И «прадедушки» подсказали шаманам загнанного в тупик народа, что выход есть: что надо уйти на запад за море на пустыющие земли древних «мандашей». Людей, которые некогда переселились на материк с гибнущей Похаалы, а затем откочевали на юг в страны «света и солнца». Но как добраться до далекой заветной земли, никто из потерявшего свою родину народа не знал. Далеко на закат уводили открытые шаманами подземные галереи. Но в них не было ни воды, ни пищи. Движения по ним сулило верную смерть. И тогда на собрании родов было решено отправить вверх по Великой реке посольство в страну белых могучих голубоглазых мандашей и попросить у их вождей о помощи. И вот весной, как только реки освободились ото льда, вверх по Великой реке, очевидно, Оби или Обской губе поплыли три кожаные байдары. В двух из них находились воины подземного племени, в третьей — старый, мудрый шаман. Духи помогли путешественникам, береговые ненцы не увидели лодок сииртя. И посольство через две недели пути добралось до устья какой-то реки, на берегу которой стоял город белых бородатых полубогов. Голубоглазые богатыри-мандаши приветливо встретили

делегацию подземного племени. И решили помочь несчастным людям. Для такого дела они отправили на побережье океана своих людей и десятки больших деревянных лодок. Эти лодки щедрые мандаши загрузили различными припасами, в том числе и домашними оленями. В устье Великой реки, где небо сходится с землёй, они пристали к берегу и забрали к себе на суда вышедших из-под земли предков саамов. Предание говорит, что часть маленького народа побоялась покинуть свои подземные убежища. Вполне возможно, что их потомки до сих пор живут под землёй на побережье океана. Наверняка о них-то и рассказывают ненецкие, кстати, вполне правдоподобные сказания. Но основное население подземелий было эвакуировано добрыми мандашами на Мурман. На земли, где долгое время не было никаких врагов, кроме ветра и стужи, но последние не удручали прибывших. Здесь, на берегах Поноя и Иоканги, бородатые мандаши научили предков саамов оленеводству и речному рыболовству. Научили строить деревянные тупы и лодки. На новой земле в изобилии росли сосновые леса. Леса хватало и на дрова, и на постройки. Но это ещё не всё, мой юный друг, — войдя в квартиру и сняв верхнюю одежду, сказал знаток саамской мифологии. — Легенда о переселении саамов на Кольскую землю повествует, что их друзья — бородатые мандаши познакомили некоторых шаманов с тайнами подземелий Мурмана. Вот что захватывает. По убеждению их потомков, под горными кряжами Кольского полуострова скрыты огромные рукотворные пустоты. В некоторых галереях и залах до сих пор сохраняется освещение, там хранятся непонятные саамам артефакты. Возможно, древние книги или что-то в этом роде. Уходя назад в свои земли, мандаши поручили местным шаманам сохранить в тайне входы в Кольские катакомбы. Пользоваться же ими только в крайнем случае. И надо отдать должное вождям маленького народа. В Средние века, когда на земли Лапландии стали вторгаться разбойничьи шайки норвежцев, шведов, иногда финнов, и оленеводам снова, как и их предкам в Сибири, приходилось спасаться под землёй, тайны Кольских подземелий так и остались «за семью печатями». Непосвященные о них ничего не узнали. Как шаманам удавалось вычеркивать из памяти своих подопечных места входа в подземелья, до сих пор остается загадкой, но это им удавалось. Иначе бы никакой «подземной войны» на Кольском полуострове не было бы. И норвежцы, и шведы очень скоро обнаружили бы подземные укрытия саамов, и маленькому народу пришёл бы неминуемый конец. А так подземная война длилась ни много ни мало — 400 лет. Враги приходили в Лапландию и не встречали людей. Оленеводы буквально исчезали. Их следов враги не находили ни в горах, ни в лесах, но по ночам исчезнувшие внезапно появлялись. Появлялись с оружием в руках. И горе было тем, кто попадал им под руку. Ночью лилась кровь, но с появлением первых лучей Солнца нападавшие опять бесследно исчезали. Исчезали, чтобы внезапно объявиться в другом месте. Тебе бы почитать легенды о подземной войне. В них много интересного, — наливая свежезаваренный чай, заключил рассказчик. — Но ещё интереснее познакомиться с протоколами ОГПУ по допросам шаманов. Кое-какие копии таких протоколов у меня имеются. Могу дать для изучения.

— Ты лучше расскажи мне, что в них, своими словами. У меня на такие дела совсем нет времени. Хоть бы дневник экспедиции просмотреть за ночь.

— Ты его прочтёшь за два часа, — отмахнулся историк. — А в протоколах охраны преваляется один и тот же вопрос: знают ли шаманы о входах в катакомбы полуострова... Шаманов пытали и расстреливали, но они так и не выдали вверенную им великую тайну. Помнишь, Сейдозеро, где мы недавно с тобой побывали? — спросил историк. — Рядом с ним в 1924 году экспедиция Барченко нашла подземный лаз. Но проникнуть в него никому из членов экспедиции не удалось. Людей сковывал непонятный страх. Таким же леденящим страхом защищены и пещеры с древними артефактами в Гималаях. В 1962 году в один из тайных гротов китайские власти попытались заслать батальон своих солдат. Знаешь, чем всё это кончилось?

— Нет, конечно, о подобных делах я пока не слышал, — пододвигая к себе чашку горячего чая, признался я.

— Китайские военные под землёй все посходили с ума...

— Ну, а как же подземная война? — спросил я. — Лопари, по всей видимости, в подземельях умалишёнными не становились...

— Вопрос уместный, — наревая ломтиками бисквит, кивнул головой дядя Ёша. — О чём это говорит? Да о том, что шаманы саамов знали, как снять и поставить психическую защиту, вот и всё. Очевидно, мандаши их этому научили...

— А куда делся лаз, открытый Барченко? — спросил я.

— Он внезапно исчез, — улыбнулся рассказчик. — Говорят, что его якобы засыпали агенты охраны. Но это не так. Лаз уничтожили сами лопари. И правильно сделали...

На несколько минут за столом воцарилось молчание. На меня рассказ историка произвёл неизгладимое впечатление. Требовалось время осмыслить услышанное. О чём-то своём думал и дядя Ёша.

— Почему ты веришь саамской легенде? — посмотрел я в сосредоточенное лицо учёного. — Может, её придумали грамотные саамы — для таких, как мы.

— Верю я потому, Гера, что в легенде указаны конкретные места, где посланцы родов сииртя встретили светлоглазых мандашей. Судя по всему, это произошло в районе нынешнего Салехарда — там, где в начале XX столетия была открыта удивительная культура северных металлургов и оленеводов. Учёные её назвали Усть-полуйской — по месту, где исследователи нашли первые находки. Очевидно, усть-полуйцы и помогли предкам саамов обрести новую родину. Легенда же эта была известна русским поморам Терского берега ещё с XVIII века. Я это проверил. Так что сомневаться не надо, мой юный друг, предание достоверное. Это предки ненцев и палеоазиатов тысячу лет до н. э. всё ещё жили в каменном веке. Белая раса севера Азии хорошо знала металлы. Причём не только цветные, но и железо. Об этом говорят находки в устье Полуя и артефакты, найденные южнее, — на Иртыше. Имею в виду Потчевашскую культуру...

На несколько секунд дядя Ёша замолчал. Он изучающе смотрел на меня. А потом, подымаясь из-за стола, сказал:

— Думаю, ты теперь понимаешь, Гор, почему земля Кольского полуострова, как и Таймыр, Ямал, устье Лены, священна для любого представителя белой расы. Она, без сомнения, является частью нашей погибшей прародины. Ты своими глазами видел на ней каменные курганы-конусы, или по-местному — пирамиды, видел развалины некогда погибших от чудовищных взрывов, лучевых ударов и давления ледника городов. Наблюдал до сих пор излучающие в своей глубине радиацию озёра-воронки. Их по Мурману сотни... Какой из всего увиденного тобой можно сделать вывод? Только один: на Кольском полуострове тысячи лет назад бушевало пламя войны. Значит, она, эта земля, являлась частью великой Орианы-Гипербореи. Доказательством могут служить многочисленные подземелья Мурмана. Да, они ещё не найдены, это так. Но подземная война саамов была, и это факт, юноша. Ну, а теперь, спокойной ночи! — закончил свой рассказ учёный. — Разберёшься с дневником и поспи, потому что завтра нам предстоит нелёгкий день, — сказал он на прощание

Глава 10. Дневник экспедиции

Я лёг на свою кровать, зажёл торшер, но минут 10–15 находился под впечатлением услышанного.

«Сколько же он знает, этот дядя Ёша? — вертелось в голове. — Тихой сапой целых 30 лет заниматься исследованиями... Интересно, что у него в папках Антибиблии? Завтра обязательно надо об этом спросить, — заключил я. — А захватывающая история древних сииртя? Она одна чего стоит! Дядя Ёша же с ней познакомил играючи, как бы, между прочим... Сколько же разных мифов он собрал за свою долгую исследовательскую деятельность, этот антрополог? И данные об экспедиции в сердце Сахары тоже, — раскрыл я тетрадку с записями. — Каким же образом она его коснулась? Может, не его, а тех с кем он связан? Евреев-отступников из его круга... Так это или нет — не важно. Ясно одно, что дядя Ёша Солганик знает в тысячу раз больше, чем рассказывает. Но от меня у него тайн нет. Я это понял ещё из нашей поездки по Мурману. Значит, надо почерпнуть у него как можно больше. Тем более, что он и сам этого хочет».

И я углубился в чтение дневника экспедиции. На первой странице тетрадки интересного для себя я ничего не нашёл. Писал его некий Салах из Александрии. Со слов историка, один из потомков жрецов Гелиополя. Речь шла о покупке хороших верблюдов, походной одежды, деревянных фляг для транспортировки воды, вьюков для зерна и оружия. На последнем я немного остановился. Все члены экспедиции приобрели по два французских пистолета, по хорошему ружью и по венгерской гусарской сабле.

«Как будто на войну собрались», — подумал я.

Но в пустыне без оружия в те тревожные времена, очевидно, было никак. Какой только сброд по ней не шастал. Начиная от разбойников-арабов, кончая беглыми наполеоновскими солдатами. На одной из страниц я нашёл точную дату выступления. Экспедиция началась 3 октября 1801 года. Интересно, что все члены похода выступили в пустыню с разных мест и отдельно друг от друга.

«Умно, — размышлял я, — очевидно, чтобы не привлекать внимания».

Потом, собравшись все вместе, дождались песчаной бури и только после неё двинулись по намеченному маршруту.

«И правильно, крайняя степень предосторожности», — отметил я про себя.

Потом две страницы были заполнены одними датами. Сегодня такое-то число, прошли за день столько-то, увидели то-то и больше ничего. И только на восьмой странице я нашёл краткую запись, что колодец, который отмечен на карте, экспедиция не нашла. Он полностью засыпан песком, и что придётся с этого времени экономить воду. Потом опять пошли одни даты: число, во сколько выступили, какие миражи видели и время бивака. Я перелистал все эти отметки до новой записи, где прочитал, что экспедиция нашла среди песков маленький оазис. В нём решено было дать отдых и людям, и верблюдам. В оазисе экспедиция простояла пять дней. На шестой она снова двинулась вперед к своей цели. Дальше была запись, что отмеченные на карте колодцы экспедиция снова не нашла. Они были погребены под песком. Но потом случайно удалось натолкнуться на один чудом уцелевший колодец. Он и спас положение. Около него простояли три дня... На шестнадцатой странице я нашёл запись, где говорилось, что вода кончается, что верблюды второй день идут без воды и, что если не удастся её найти, экспедиция погибнет. Потом была страница, где говорилось ещё об одном найденном колодце. Что рядом с ним выросло несколько пальм, фактически образовался небольшой оазис. Здесь у колодца впервые за весь путь замечены следы людей. Но их тропа вела в другую сторону. Это членов

экспедиции немного успокоило. Теперь на общем собрании решили: на отдыхе днем и ночью нести дежурство. Экспедиция прошла 2/3 пути, и надо было быть крайне осторожным. Потом я прочёл ещё одну любопытную запись, где говорилось, что караван ступил на проклятую людьми территорию, и что чем ближе он подходит к намеченной цели, тем больше люди и верблюды испытывают ничем не объяснимый панический страх. На двадцать седьмой странице дневника копт-жрец написал, что экспедиция вышла ещё к одному колодцу. И что верблюды дальше идти отказываются. Чтобы они не разбежались, верблюдов пришлось привязать и рядом с ними оставить одного человека. У колодца остался Дживдет — молодой копт из Каира. Дальнейшие записи в дневнике были донельзя скудными. Похоже, что человеку, ведущему дневник, было не до них. Хронист кратко написал, что «им двоим», кого он имел в виду, я сразу не понял, очень трудно бороться с волнами накатывающего на экспедицию страха. Что люди идут вперёд только благодаря волевому невероятному усилию. Что ни у кого не осталось и глотка воды. Но надо двигаться, идти до конца. После этих слов все записи прекратились. Они начались со следующей страницы с того, что наконец-то перед измученными исследователями возникло то, к чему они так долго и упорно стремились: выступающая из бархана довольно большая облицованная плитами серого камня пирамида и занесённая песком, плоская крыша гигантского полуподземного здания. Поле непонятного страха, по словам хрониста, исчезло, и пришедшие в себя люди наконец-то обсудили, что делать дальше. На собрании было решено незаметно присмотреться к постройкам. Проверить: обитаемы они или нет. Для такого дела оба казака посчитали нужным незаметно обойти комплекс. Убедиться, что никаких тропинок и дорог к нему нет. В следующей записи говорилось, что после возвращения есаула и урядника, которые никаких следов человека рядом со строениями не обнаружили, настроение у всех поднялось. Из изложенного в дневнике, настороженными остались: ведущий записи и тот Безымянный знаток тайного знания, который помогал жрецу-копту в нейтрализации поля ужаса. Муки жажды заставили людей сразу же после разведки приступить к поискам входа в здание. Все были уверены, что внутри помещения обязательно должен находиться колодец. Жрец так и написал, что воду он почувствовал сразу же, как подошёл к гранитной стене строения. С его слов, вход искали долго. Но, благодаря высшим силам, его нашли. Каким образом, из торопливой записи копта — не ясно. Дальше на страницах дневника были написаны разобщенные короткие фразы:

«Недалеко от входа в зал — отделанный камнем колодец. Вода великолепная!

Зал небольшой, из него ведут три коридора. Идём по одному из них. Такое впечатление, что помещения тщательно кем-то убраны: нет ни песка, ни пыли. Это всех насторожило. Свет проникает с потолка через узкие щели. Полумрак. Света становится всё больше и больше. Впереди сплошной ряд щелей — окон.

Перед нами гигантский квадратный зал. Свет проникает из круглого отверстия в крыше. Чисто. Все стены зала покрыты неизвестными письменами и фресками. Стиль похож на древнеегипетский.

Видим такое, отчего сжимается сердце. На стенах изображены картины, рассказывающие о контакте людей и ящероголовых. Люди-змеи выглядят господами. Их фигуры в два раза выше человеческих. Люди рядом с ними в подчинённых позах. Что хотят от людей рептилоиды, не ясно. Об этом надо читать, но алфавит нам неизвестен. Пространство зала заполнено резными, каменными скамейками. Они стоят ровными рядами. Внимательно оглядели барельефы. То, что изображено на них, не поддаётся объяснению. Попытаемся всё срисовать. Работы ещё много.

Ещё один зал, поменьше. Он так же освещён, как и первый. Скамеек в нём нет, но виден алтарь, а рядом с ним громадная статуя. Мы рассматриваем гигантское изображение. У скульптуры голова чудовища — ящера или змеи! Тело всё в чешуе. Имеется даже хвост! Неужели это и есть тайное подлинное изображение создателя Хаоса? При виде статуи невольно

охватывает тревога. Надо начать копирование, и как можно скорее. Изучаем остальные помещения, их много. Перед нами целый лабиринт. Залы и большие комнаты украшены росписями. Множество помещений без освещения. Несколько раз теряли ориентацию, еле находили выход, храм огромный. Чтобы с ним познакомиться, потребовался целый день.

В помещении мы пока одни, но и я, и Он (предпочитающий не озвучивать своего имени гость с севера, буду называть его просто — Он) уверены, что это ненадолго. Вечером разбили два лагеря: один недалеко от входа в тени у бархана, второй — внутри, рядом с колодцем. Теперь опасность можно отследить как изнутри, так и снаружи.

Сегодня целый день занимались копированием. Срисовывали письма и фрески.

Тревога не покидает. Скорее растёт. И Он, и я пытаемся успокоить возмущение. Но интуиция подсказывает, что нас скоро обнаружат. Наша защита начинает давать сбои. Один из казаков оказался незаурядным художником. Он в деталях изобразил ящероголового. Молодец! За три дня нам удалось скопировать все четыре стены центрального зала. Наши евреи: Хаим, Лоша и Гед — славные парни. Работают до изнеможения. На казаках лежит обязанность охраны. Завтра закончим с фресками большого зала и перейдём в зал посвящений.

15 декабря 1801 года. Конец всем нашим работам. Останемся живы или нет? Их много! Они появились внезапно со стороны пустыни и из подземелий храма. В руках у них луки, копья и прямые берберские мечи. Судя по оперению и раскраске стрел, перед нами адепты какой-то неведомой нам сатанинской африканской секты. Только бы успеть Добраться до лагеря. У нас там маленькая крепость. Лагерь окружен со всех сторон. Надо прорываться к нашим верблюдам. Но может, их уже и нет.

Утром казаки точными выстрелами уложили предводителя нападавших. В их среде началось замешательство. Уходим. Нас расстреливают из луков. Не ранены только есаул, Он и я. Поймал стрелу! Умираю! Прощайте, братья... Передаю дневник Шавашу.

16 декабря 1801 года. Дневник, пока не убьют, буду теперь вести я — Шаваш из Стамбула. Благо хватает и пуль, и пороха! Днём отлеживались в песке и отстреливались. Среди окруживших нас масса убитых. Стрелять умеем. Каждая пуля в цель. Ночью попытаемся прорваться. Рядом со смертельно раненым Салахом останутся тоже раненые и потерявшие много крови Хаим и Гед. У Геда пробита стрелой печень. Он тоже скоро умрёт. У Хаима раздроблено колено. Хаим — не ходок. Оба еврея намереваются выстрелами отвлечь на себя противника. И этим прикрыть наше отступление. Никогда не думал, что среди еврейского народа могут оказаться такие отличные парни. Пишу после того, как час назад отбили штурм. Сражались плечом к плечу на саблях. То, что увидел, потрясает. Эта тройка — два казака и тот, что без имени, уложили десятка три нападавших! Кто-нибудь из этих ребят непременно выживет. В этом я уверен. Значит, и моя смерть не будет напрасной...

17 декабря 1801 года. Я ранен стрелой в лёгкое. Полный рот крови. Трудно дышать. Передаю свой дневник Лоше. Он тоже ранен, но легко. Писать сможет. Сам остаюсь на тропе. Со мной четыре пистолета и два ружья. Это будет мой последний бой. Прощайте, братья, прощайте, моя жена и мои ребятишки!

18 декабря 1801 года. Мне Лоше — Лёве из Дамаска поручено дописать дневник нашей гибнущей экспедиции. Скорее всего, мы все обречены. Враги преследуют нас по пятам. А до колодца, где стоят наши верблюды, ещё далеко.

19 декабря 1801 года. Утро. Сегодня ночью была предпринята попытка нового штурма. Враги подползли вплотную, но были обнаружены. Рукопашный бой нападавшим обошёлся более десятка жизней. У казаков и их предводителя в руках по две сабли. И действуют они ими молниеносно. Моя рана кровоточить перестала. В душе появилась надежда. Сразу после боя мы покинули свой лагерь.

20 декабря 1801 года. Вот мы и у колодца. Все восемь верблюдов живы и здоровы. Здоров и наш Дживдет. Правда, этим утром ему пришлось открыть предупредительный огонь по двум маячившим на горизонте всадникам. То, что у преследователей появились кони, дело заметно осложнило. Значит, где-то есть и тайные колодцы, где эти люди (или нелюди) поят своих лошадей.

21 декабря 1801 года. Караван уходит по своим следам на восток. Настроение у всех приподнятое. Отдохнувшие верблюды идут резво. Зимнее солнце сильно не печёт. Запас воды более чем достаточен.

Во второй половине дня караван был окружен полусотней всадников. Молодчина Дживдет! Он тут же уложил верблюдов на песок и закрыл их от стрел нападавших.

Пришлось отстреливаться до самого вечера. Наши пули мимо не летели. Почти все попадали в цель. Ещё раз отомстили за наших погибших. На ночь соорудили из песка укрепленный лагерь, спрятали верблюдов.

22 декабря 1801 года. Перед рассветом снова двинулись в путь.

23 декабря 1801 года. Очередь писать дневник экспедиции пришла мне, Фёдору Стрепетову — есаулу черкасского казачьего полка Войска Донского из станицы Ореховской.

Пишу после гибели двоих наших друзей. Да примет с миром их души Всевышний!

К вечеру 23 декабря караван опять догнали верховые. Мы как раз подошли к колодцу. У нас была вода. Преследователи же целый день, а может и больше, скакали не пивши. Силы у коней нападавших, как мы поняли, были на исходе. Поэтому и дрались они с отчаянием обречённых. Оба наших соратника: молодой бесстрашный Лоша и мой друг-земляк, урядник черкасского полка Емельян Шанов, были ещё раз ранены. И тогда они оба приняли решение остаться у колодца и не дать воды нападавшим. Не допускать их к воде до тех пор, пока караван не отойдёт на такое расстояние, что его уже будет трудно догнать. Так наши враги остались привязанными к воде. Там у колодца и приняли свой последний бой наши братья.

Теперь нас осталось трое: Он, я и коптский казак Дживдет.

Сегодня 24 декабря 1801 года. Караван идёт своей дорогой. Нас никто не преследует. Настроение у всех подавленное. Не можем забыть дорогих нашему сердцу людей. Если останусь жив, что я передам матери и отцу Емельяна? Что их сын погиб за великое дело? Но они меня поймут только в одном случае, если я им скажу, что их сын отдал свою жизнь за нашу империю — за Россию.

Сегодня 25 декабря 1801 года. Католическое и протестантское Рождество. На караван нападений нет. Идём прежним маршрутом.

Сегодня 27 декабря 1801 года. Всё по-прежнему. Врагов и преследователей не видать. На сколько же дней два раненых парня сумели задержать их у того колодца? Или может преследователи изменили тактику? Безымянный озадачен, он считает, что основные неприятности нас поджидают в Египте. Сегодня вечером решено было надолго не останавливаться».

Я бегло перелистнул следующие страницы. На них есаул отмечал только самое главное: когда вышли, сколько примерно прошли и кто кого сменил на дежурстве.

«У последнего колодца домой остановки не было. Караван запасся водой и двинулся дальше.

В Египте у дороги, ведущей к Нилу, мы оба: и я, и Безымянный, попытались уговорить Дживдета следовать за нами. Ночью на берегу у реки отпустить на свободу верблюдов и уплыть на лодке вниз к Каиру, а потом и к морю. Дживдет от нашего предложения отказался. Он уверял, что друзья ему обязательно помогут. Но мы его уверенности не разделяем.

Сегодня 12 января 1802 года. Время за полночь, очень темно. Верблюдов отпустили, но они

толкнутся рядом с нами и никуда не уходят. Очевидно, за время экспедиции к нам сильно привязались.

Прощаемся с Дживдетом. На глазах у меня слёзы... Дживдет называет нас русскими братьями. Умный коптский казак понял, что Безымянный тоже из России... Дай Бог ему счастья и благополучия.

Сегодня 21 января 1802 года. Пльвём только по ночам. Днём прячем лодку и отлёживаемся в камышах. Где наш Дживдет, что с ним?

Третьего дня ночью прошли Каир, впереди рукава дельты. Если повезёт, то вскоре окажемся в море...

Сегодня 6 февраля 1802 года. Ветер свежий. Старенький парус ещё дюжит. Подходим к Газе. Кажется, все наши беды позади. Хочется в это верить! Мы среди друзей! Наконец-то! Нашу радость омрачает смерть Дживдета. Те, кто нас встретили, сообщили, что копта, египетского казака и друга больше нет. Он был убит неизвестными сразу после нашего отъезда. Весть о его смерти пришла в Газу в один день с нашим прибытием».

Вот и все записи. Я закрыл дневник.

«Да, не густо! Ни строчки не сказано, куда подевались копии барельефов и фресок? Да и только ли это богатство было взято из подвалов тайного храма? В душе возникло странное чувство чего-то недоговорённого. Того, о чём надо просто догадаться. В голове одна за другой проплывали картины прочитанного... Рисунок статуи человека ящера и дневник экспедиции дядя Ёша каким-то образом получил... От кого? Кто ему всё это мог передать?

В душе гнездилось такое чувство, что я где-то рядом с истиной. Но постичь её пока не в состоянии...

— Вставай, проклятем заклеймённый... — услышал я сквозь сон баритон своего хозяина. — Эдак спать, молодой человек, негоже. Нас ждут великие дела! Помнишь, какими словами поднимал с постели Сэна Симона его слуга и соратник?

— Твоими, твоими словами, — проворчал я, сладко потягиваясь. — Сейчас встану и займёмся великими делами. Как я понимаю, под ними ты имеешь в виду, дядя Ёша, уже приготовленный завтрак?

— И его тоже, — отозвался с кухни историк.

Когда я оделся, привёл себя в порядок и подошёл к столу, ученый, хитро улыбаясь, спросил:

— Ну, как тебе дневник экспедиции?

— Какой-то он куцый. Многого того, что меня заинтересовало, в нём нет.

— А что же тебя заинтересовало? — с ехидцей в голосе пробасил любитель мацы и народных еврейских песен.

— Мне интересно, куда подевались рисунки, которыми участники экспедиции, если верить дневнику, занимались целых три дня?

— А, вот ты о чём? — развёл руками специалист по загадкам. — Ты, как я понимаю, не догадался?

— Н... нет! — с честным видом признался я.

— Ты, оказывается, умеешь врать похлеще меня, еврея! Того, кого специально для такой цели создавали! — захохотал учёный.

— Получается, что все зарисовки остались у Безымянного... — сконфуженно пробурчал я.

— У кого же ещё! По дневнику ведь хорошо видно, что Безымянный во всем этом деле — ключевая фигура! — продолжал веселиться антрополог. — Ну и вопрос ты мне задал?! Не время быть наивным, Гера, детство твоё давным-давно прошло. Да и было ли оно? — внезапно погрустнел специалист по тайному знанию. — Ты понимаешь теперь, зачем лезли во время Второй мировой на территорию Сахары фашисты? Сначала итальянцы, а потом и немцы. Имею

в виду экспедиционный корпус Эрвина Роммеля.

— Неужели и те, и другие стремились отыскать среди песков тайный храм змееголовых? — удивился я.

— Сначала «странным делом» занимались англичане, — сказал историк. — Их авиация барражировала над песками Ливии и Алжира не один год. Но по какой-то неизвестной причине с осени 1941 года британцы свои воздушные рейды в пустыню прекратили. Вполне возможно, что получили запрет, никто не знает от кого, — развёл историк руками. — Может, от тех, кто этот храм сохраняет? А может, и от подлинных его хозяев.

— Имеешь в виду тварей со змеиными мордами? — поинтересовался я.

— Нет, скорее всего, предупреждение пришло от оккультного жреческого клана. Негуманоиды опускать себя общением с каким-либо правительством не станут. Они ставят себя куда выше нашего земного. Но вслед за англичанами в Ливийскую пустыню и Алжир устремилась армия Италии. Остановивать же итальянцев пришлось промасоненным насквозь британцам и их друзьям — французам. Теперь и англичане, и французы волей-неволей превратились в союзников Ордена и всего того, что с ним связано. Но за разгромленными итальянцами, в Триполи, высадились во главе с непобедимым Роммелем немцы. Тебе не кажется, что далеко неспроста, всей этой компании вдруг понадобилась западная Сахара? Именно та её часть, где среди песков скрыт этот тайный храм? — сверкнул глазами историк.

— Может, перед нами всего лишь случайность? — высказал я своё мнение.

— Случайность?! — переспросил учёный. — Ничего себе случайность! Три державы передрались между собой из-за территории, где имеются в изобилии только песок и воздух. И ещё такой зной, от которого можно сойти с ума!

— Но в учебниках истории написано, что и Италия, и Германия вели завоевание на севере Африки ради нефти.

— Угля, руды и строевого леса, — съязвил историк. — То, что и итальянцы, и немцы «до нитки» ограбили города арабов, это правда. Чего стоила деятельность команды штурмбанфюрера СС Шмидта! Вся его моторизованная группа специально была создана Гейдрихом для мародёрства. Немцы без зазрения совести грабили банки, музеи, картинные галереи, частные коллекции. Словом забирали всё, что имело хоть какую-то ценность. Но не это являлось их главной задачей. Не поиск нефти и не выход к Суэцкому каналу, даже не разгром англичан в Палестине... Они искали для себя что-то другое. Потому и высадились в Ливии, а не в Суэце. Но англичане им сумели помешать. Теперь ты понимаешь, кто взял на себя ответственность в плане соединения тайной лаборатории, древнего оккультного института, по изобретению и созданию Дьявола?

— Хочешь сказать, что британские спецслужбы? — насторожился я.

— Кое-кто из силовой элиты. Личности, про деятельность которых не знает ни одно правительство. Для того и выращены на Земле иудейские банкиры, чтобы содержать не только тайные общества, но и тайные спецслужбы Ордена, кстати, внутригосударственные. Потому я за тебя и боюсь. Это тебе не XIX век и не сатанинская секта африканских асасинов. В наше время всё намного серьёзнее.

— Значит, мировое правительство имеет и свои спецслужбы...

— И свои военные подразделения в НАТО, которые в нужный момент не подчинятся ни одному на Земле правительству, юноша.

— То, что ты утверждаешь, пострашнее любого кошмарного сна! Из твоих слов получается, что все правительства на Земле, по сути, царствуют под дамокловым мечом? Чуть что — голова с плеч?!

— А что тебя удивляет? — начал раскладывать по тарелкам свой нехитрый завтрак

историк. — Даже Иосиф Виссарионович не смог себя уберечь! Его тоже убрали! И отвлекли умело, и яд со сладкой дружеской улыбкой подсыпали. Всё сделали грамотно. Старинная, как мир, технология... Торопились, надо было спасать несчастных своих рабов. Шутка ли, диктатор собрался 100 ООО богоизбранных, вместо Крыма, переселить на Шпицберген! Вот закончим с завтраком, и я тебе покажу ещё кое-что любопытное. Ту речь Джона Кеннеди, за которую его так незатейливо ухлопали. Цинично, всё равно, что собаку.

Из последних слов дяди Ёши я понял, что разговор за столом пора кончать. А после него меня ждёт что-то такое, чего я пока не знаю. Поэтому, позавтракав и допив чай, я быстро убрал со стола и поспешил за учёным. Когда мы уселись на диван, историк протянул мне развёрнутый лист какой-то распечатки.

— На-ка, почитай. Здесь Джон Кеннеди раскрыл свои планы. Сказал, что не надо, за что и поплатился, — указал на текст антрополог.

Я взял в руки распечатку и прочитал:

Несмотря на то что нам официально не объявляют войны, я знаю, что столкновения не избежать. На нас напали, атакам подвергся наш образ жизни, враг наступает всюду и, хотя государственная граница не нарушена вражескими вылазками и нет ракетных атак над нашими друзьями, во всем мире нависла смертельная угроза. Я лишь могу сказать, что угроза никогда не была настолько очевидна и реальна. Перед лицом этой опасности веемы: правительство, люди, бизнесмены, лидеры профсоюзов, владельцы средств массовой информации должны изменить свои взгляды, откорректировать свою тактику. Мы стоим на пороге монолитного, наглого, всемирного заговора, искусно маскирующего свои истинные цели и скрыто распространяющего своё влияние. Он просачивается, вместо вторжений. Свободные выборы подменяются насильственным свержением власти, свободное волеизъявление — запугиванием, открытое противостояние — скрытыми выпадами, и эта система, мобилизовав большие человеческие и материальные ресурсы, создала крепкую, высокоэффективную машину, которая осуществляет военные, дипломатические, развлекательные, экономические, научные и политические операции. Их подготовка держится втайне от людей, их ошибки скрываются, а не оглашаются. Она молчаливо наступает, не считаясь с расходами и слухами, не разглашая своих секретов.

Джон Кеннеди

— Как видишь, — сказал историк, — Джон Кеннеди был лидером не только своей страны. Он мыслил в масштабах всей планеты. И я думаю, — сказал дядя Ёша, сделав паузу, — что придёт время и люди Земли подвижничество и подвиг американского президента оценят. Во многих странах мира поставят ему памятник и назовут его именем улицы и площади. Так должно быть — это справедливо. Кеннеди был вторым великим человеком после Сталина, который поднял бунт против мировой закулисы, и также, как Сосо Джугашвили, был убит.

— Из твоих слов сам собой напрашивается вывод, что все правительства мира являются всего лишь марионетками закулисы. По большому счёту, они ничего толком в своих странах не решают.

— А чему ты собственно удивляешься? — достал ещё одну папку учёный. — Власть всегда была у того, у кого больше денег. Вспомни, так называемый Древний мир или Средневековье. Формально власть была у князей, царей и королей, а фактически у личностей, кто эти властные

структуры финансировал. У купцов и банкиров. Не будь последних — не было бы и тех кровопролитных войн, которые мы знаем. Не много-то на пустой карман навоюешь.

Историк развязал передо мной несколько листиков.

— Вот, посмотри, — показал он на один из них. — Здесь у меня схема управления того, что мы называем земным мировым правительством над любым государством.

Я взглянул на схему, и через минуту мне стала понятна вся её суть: некий мощный внегосударственный финансовый центр вкупе с глобальным ядром тайных сообществ создают в государстве сеть масонских лож. Центр всех этих лож, по понятным причинам, традиционно складывается из иудеев. Богоизбранные для таких целей и распылены по планете. Подручный расходный материал в любой её точке. Второй этап — это проникновение адептов тайных обществ во власти. Параллельно с ним идёт вербовка местных дегенератов-управленцев. И завершающий этап — полный подкуп и подчинение всех силовых структур. Начиная со спецслужб и кончая высшим командованием армии. Внешняя внегосударственная власть действует всегда наверняка: в таком деликатном деле безотказно работает банальный шантаж и подкуп. После всех этих процедур правительство любой страны, как правило, становится полностью послушным. Малейшее сопротивление с его стороны, в лучшем случае, оборачивается полной потерей рычагов управления, а в худшем — очередным переворотом и заменой «своими людьми»...

— Уж не хочешь ли ты сказать, что наше знаменитое КГБ убрало и Брежнева, и Андропова, а сейчас у них на очереди — Черненко? — посмотрел я на дядю Ёшу.

— Когда один за другим начинают вымирать правители, значит, они кому-то неуютны, юноша. И ещё это означает, что идёт процесс продвижения к власти кого-то своего... Кого мы пока не знаем. Но думаю, скоро всё прояснится.

— После смерти Черненко? — спросил я.

— Да, после смерти Черненко! Потому что этот человек честный и по-настоящему любит свою Родину. Вот увидишь, он долго не протянет... Теперь давай вспомним, кто у нас в СССР является рыцарем яда и кинжала? Естественно — КГБ, купленная с потрохами и прогнившая до основания спецслужба. Именно она сейчас решает, быть или не быть нашей империи. И так везде, в любом государстве. Официальная власть всего лишь вывеска, обёртка, не больше. Она полностью контролируется силовыми структурами.

— За которыми, в свою очередь, присматривают господа из тайных обществ, — вставил я.

— Да, да, из тайных обществ... — кивнул головой историк. — И если кто из деятелей Ордена в правительстве или силовых структурах не Удовлетворяет, то его тут же меняют на своего — послушного. Не Удовлетворяют же, понятно, те, кого нельзя купить или сломить шантажом. Своеобразный и надёжный фильтр приведения к власти недолюдков.

— По словам «пасечника», шудр и неприкасаемых... — сделал я умную физиономию.

— Одним словом, отбросов, или, по терминологии академика Поршнева, хищников, — дополнил меня дядя Ёша. — Вот и весь механизм управления любым правительством, — закончил свою мысль историк.

— Ну, и кто, по-твоему, движет банкирами, тем же Ротшильдом и компанией? — поинтересовался я.

— Оккультная группа иудейской секты хабад, — невозмутимо ответил спец по тайному знанию.

— А кто командует хабадом? — не унимался я.

— Те, кто считают себя потомками и наследниками верховных жрецов Амона, над ними, как ты говоришь, недобитки из жречества Атлантиды, а над последними довлеет негуманоидный разум из бездны. Тот самый, который тайно распоряжается нашей планетой не

один миллион лет. Как видишь, схема проста, и ты её знаешь не хуже меня.

— Но мне не совсем ясна роль иллюминатов? Зачем нужно было Вейсгаупту вообще создавать это общество? — продолжил я допрос историка.

— Чтобы максимально мобилизовать масонскую деятельность. Объединить все масонские ложи одной идеей и вдохнуть в движение тайных обществ утерянный в какой-то степени смысл. Теперь-то ты удовлетворён? — положил передо мной новые листки из своей папки дядя Ёша.

Глава 11. Троцкизм

— Что это? — поинтересовался я.

— Речь у нас пойдёт о троцкизме, юноша. Не зная, что это такое и с чем его едят, нечего пытаться что-то понять... Троцкизм — явление особое. И ты обязан его дела знать, Гера. Как известно, Лейба Бронштейн-Троцкий являлся одним из лидеров нашей, так называемой, социалистической революции. Точнее, еврейского переворота и захвата власти в России. Так как основной его движущей силой были возглавляемые Троцким евреи... Ты это, я думаю, тоже должен знать, — начал свою лекцию о троцкизме дядя Ёша. — В революции 1917 года действовали два крыла. Самым мощным являлось крыло иудейское, и не потому, что оно было многочисленным, просто оно хорошо финансировалось. Вторым крылом было наше — русское. Оно состояло из незнающей своего народа интеллигенции и разорившихся дворян. Оба этих крыла объединял своей неуёмной энергией Владимир Ильич Ленин.

— Я это уже где-то слышал, — прервал я рассказчика.

— Но ты не слышал самого главного. Того, что Лейба Бронштейн, объединивший своей фигурой и «бунд», и все другие сионистские организации еврейских революционеров, создал такую универсальную технологию управления социумом, какая до него не снилась ни одному деспоту.

— Что же в ней универсального? — поинтересовался я.

— Да то, что она не связана ни с какой идеологией. Она может служить какой угодно власти: будь то власть коммунистическая, демократическая или фашистская — суть не в этом. Дело в том, что троцкизм не рассматривает человека как такового. Его не волнует личность и всё что с ней связано. В его представлении социум — всего лишь говорящая, самовоспроизводящаяся биомасса. Та биомасса, которую можно резать на какие-то куски, с точки зрения власти, ненужные ей, либо ликвидировать, либо переселять, словом, делать с этой биомассой всё, что заблагорассудится. Яркий пример проявления троцкизма — наша советская коллективизация: как тебе известно, она была разработана Троцким. И в основном его людьми проводилась. Да, верховная власть была у Сталина и его правительства, но на местах по всей стране заправляли троцкисты. Именно поэтому и произошла та беда, которую все мы знаем. Под коллективизацией фактически погибло всё русское трудовое крестьянство... Самый продуктивный слой нашего общества.

— Из твоих слов получается, что и Иосиф Виссарионович тоже был ярым троцкистом, он же наверняка видел, что в стране делается?

— Это не совсем так, Гера, — снова стал копаться в своей папке историк. — По документам, которые представлялись Сталину и его правительству, всё было хорошо. О беде Сосо Джугашвили узнал только тогда, когда маховик раскрутился. И узнал не из отчётов, а из писем гибнущего народа. Но даже со своими врагами и врагами отечества Сталин по-троцкистски не поступал. Для него они биомассой, живым скотом не были. Личность Иосифом Виссарионовичем всегда учитывалась. Ведь не секрет, что многие немцы Поволжья воевали в рядах Красной Армии. Они так же, как и русские солдаты, получали награды, и никто их с фронта в Казахстан не высылал. То же самое можно сказать о крымских татарах, калмыках и чеченах. Ты слышал такого — Ахмет Хан Султан, дважды Герой Советского Союза, лётчик-истребитель? Он же крымский татарин! Представитель народа, который предал Советский Союз! Так что Сталина и Троцкого путать не надо, они разные, Гера. Будь Сталин Троцким, мы бы с тобой тут не сидели и не рассуждали. На вот, прочти высказывание Троцкого о России, — показал на один из лежащих передо мной листов дядя Ёша.

Я нехотя взял распечатку и, взглянув на неё, опешил:

Мы должны превратить Россию в пустыню, населенную белыми неграми, которым мы дадим такую тиранию, которая не снилась никогда самым страшным деспотам Востока. Разница лишь в том, что тирания эта будет не справа, а слева и не белая, а красная. Ибо мы прольём такие потоки крови, перед которыми содрогнутся и побледнеют все человеческие потери. Крупнейшие банкиры из-за океана будут работать в теснейшем контакте с нами. Если мы выиграем революцию, раздавим Россию, то на погребальных обломках её укрепим власть и станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени. Мы покажем, что такое настоящая власть, путём террора, кровавых бань, мы доведём русскую интеллигенцию до полного отупления, до идиотизма животного состояния.

Лев Троцкий

— Такое впечатление, что этот парень, Лёва Бронштейн, был с большим приветом!

— А ты что, не знал, что все ортодоксальные иудеи невменяемы? — изумился антрополог. — Я с тобой целый месяц занимаюсь теорией коллективного безумия земной элиты, а до тебя всё никак не доходит...

— Да я понимаю. Просто, когда такое читаешь или слышишь, то от жестокости и цинизма становится плохо...

— Тебе от прочитанного плохо, а каково было кхмерам? Ты знаешь, что неотроцкисты натворили в Камбодже или Кампучии? Без зазрения совести уколошили половину населения!! Они бы ухлопали и вторую половину, но им не дали. Всё это проделали лучшие друзья Троцкого и Никиты Хруща: Пол Пот и его поделщик Янг-Сари. Сейчас оба отсиживаются в джунглях и ждут своего часа...

— Ты хочешь сказать, что Хрущёв тоже был троцкистом? — сделал я удивлённую физиономию.

— Безусловно! Ему, как и Троцкому, не давала покоя мировая революция. Под неё этот лысый хитрец умудрился спустить львиную долю нашего советского золотого запаса...

— Почему хитрец? — удивился я.

— Да потому, что главной задачей Хрущёва являлось разорение страны, подрыв её экономики и возрождение в ней троцкизма. А что касается теории глобальной революции по Троцкому, то, насколько мне известно, Никита Перламунтер в неё не верил, но придуривался, что верит и деньги в мировые коммунистические движения вбухал в целину и в кукурузу.

— На Чукотке? — засмеялся я.

— Вот-вот, на Камчатке и Чукотке! То, что он не расстреливал миллионами, как это делал его духовный наставник Лёва Троцкий, то здесь не его заслуга. Помнишь, что натворили троцкисты после разгрома войск Врангеля в Крыму? Фактически расстреляли всю сдавшуюся им белогвардейскую армию! Принято считать, что к стенке поставили одних офицеров. Как бы не так! В распыл пустили и солдат, и казаков, и даже женщин медработников... В Чёрное море большевики сбросили столько трупов, что правительство Турции вынуждено было выступить с нотой протеста по поводу отравления разлагающимися телами морской акватории. Вот она: технология управления по-Троцкому!

— Но ты опять отвлёкся, — заметил я. — Мы рассуждали о Хрущёве.

— Мы говорим о троцкизме, юноша. А действия Хруща рассматриваем как одну из форм проявления троцкизма. На чём я остановился?

— На том, что Хрущёву производить массовые расстрелы не дали, — напомнил я.

— Да, не дали. Не дала сталинская гвардия фронтовиков. Но один массовый расстрел он всё же учинил. Причём в лучших троцкистских традициях. Ты слышал про Новочеркасскую бойню? — спросил меня историк.

— Кое-что слышал. В основном, от очевидцев из народа. Рассказывали, что наши русские солдаты мирный митинг и демонстрацию расстреливать отказались, их заменили кавказцами, и тогда началось...

— Вот он пролетарский интернационализм в действии, — вздохнул спец по троцкизму. — В целом тебе рассказали верно. Примерно так оно и было. Расстреливали женщин, детей и фронтовиков...

— Я что-то не пойму, для чего ты мне о Хрущёве и Пол Поте? Мне давно известно, что подобные им людей рассматривают всего лишь как расходный материал. Примерно так же воспринимали своих подданных и египетские фараоны, и ассирийские цари, и императоры Рима... Они что все были троцкистами? — спросил я.

— Дело в том, юноша, что Лейба Бронштейн-Троцкий все это чудовищное отношение правящей элиты к своим подданным обосновал научно. Он, с научной точки зрения, рассмотрел рабовладельческую формацию и, опираясь на современные знания о человеке, сделал, со своей точки зрения, революционное открытие, что пользоваться полноценной жизнью на Земле имеет право только элита из богоизбранных. Все остальные люди должны её обслуживать, фактически быть её рабами. Мало этого, рабы обязаны не только панически бояться своей элиты, но и обожествлять её. Элита должна занять в их душах место Создателя. Вот тогда, по мнению Троцкого, на Земле наступит и мир, и благополучие.

— Понятно, что всё в глобальных масштабах — на всей планете. А куда девать средний класс, которым так гордится Запад? — поинтересовался я.

— Его не будет. Он скоро станет не нужен. Средний класс всего лишь приманка для нас. Для советских дураков, не знающих, что такое мировое правительство и как оно реализует свои планы. Как только такое произойдёт, мир сразу изменится. Исчезнут иллюзии и всё, что с ними связано. Дело в том, что троцкизм взят на вооружение и в наши дни. Он востребован как никогда. И прежде всего, Мировой элитой.

Она спит и видит себя в образе Бога, поэтому я и знакомлю тебя с технологиями троцкизма. Главной из которых является изощренная циничная ложь.

— Насколько я понимаю, ложью политики всегда пользовались...

— Но технология лжи была иной, — перебил меня лектор. — Ты прав, ложью «сильные мира сего» злоупотребляли. Но никогда не превращали её в главную ударную силу. В основном — орудие управления. Возможности лжи Лейба Бронштейна расширены до бесконечности. И в этом надо отдать ему должное. Для того чтобы врать, как Троцкий, необходимо полностью лишиться всего человеческого. Потерять совесть, стыд, честь, благородство, стать полностью демонической личностью. Превратить себя в лжеца эмоционального. Научиться вкладывать в каждое своё слово максимальную энергию. Энергию нечеловеческую. Словом, быть лексически проводником той самой силы, о которой мы недавно столько говорили. Теперь тебе ясна разница между лжецом-троцкистом и просто лжецом-любителем? — горько усмехнулся рассказчик.

— Более чем ясна, — ответил я. — Получается, что троцкистами были и Ленин, и Гитлер...

— Все, кто научился в своих словесных абракадабрах пользоваться силой эгрегора Амона, — кивнул головой дядя Ёша. — Такая вот технология абсолютной энергетической лжи в наше время взята на вооружение всеми элитами мира. Прежде всего, дорвавшись до власти иудеями и масонами. Они и ведут нашу Советскую империю к пропасти. Заметь, не посредством

оружия, не военной силой, а мощным энергетическим воздействием на сознание через ложь. И когда наша страна развалится, а это рано или поздно произойдёт, каждым её куском будут руководить не кто-нибудь, а матёрый троцкист. Троцкизму дан зелёный свет. И это страшно, юноша. Ой, как страшно! Запомни: троцкист говорит одно, говорит эмоционально, наполняя свою речь мощнейшей энергией, но делает прямо противоположное — всё наоборот. Слушая речи профессионала троцкиста, неискушённые люди, как правило, наполняются верой: как тут не поверишь, по их представлению, не может человек так эмоционально, со слезами на глазах врать — и попадаются этому вралю в сети. А дальше он творит с ними всё, что захочет, как видишь, технология мощная! И кто только ею не пользуется? Все кому не лень: и наши коммунисты, и западные либералы...

— Ты хочешь сказать, пришедшие к власти дегенераты всего мира... По древней устаревшей терминологии: шудры и неприкасаемые, — закончил я за лектора.

— С чего ты взял, что древняя терминология в наши дни устарела? — поднял руку антрополог. — Она всегда будет актуальна. Если есть отбросы общества, их надо как-то называть. Лучше по старинке, на древнерусском. Как-никак, прослеживается связь времён.

От слов дяди Ёши на душе у меня стало неуютно, тревожно.

«Управление сознанием и поведением — самое эффективное из всего выдуманного человечеством оружия... И оно в руках психопатов, дегенератов-извращенцев, которые, используя знания древних, сумели воцариться над мировым социумом... Враждебный человечеству негуманоидный разум и уцелевшее жречество погибшей протоцивилизации дали им это знание. И что нас, всех нормальных и законопослушных, теперь ждёт? Если верить тому, что говорит дядя Ёша, Апокалипсис по планете уже идёт семимильными шагами. И описанная пророками и предсказателями его последняя фаза не за горами».

— Троцкий жалкий плагиатор, — посмотрел я в грустные глаза дяди Ёши. — Он всего лишь выразил научным языком и применил на деле то, что написано в Торе и Талмуде...

— В протоколах сионских мудрецов, — согласился со мною историк.

— Кстати, ты читал эти вот протоколы? — спросил он, щурясь.

— Знаю их наизусть. Меня с ними познакомил «пасечник», — кивнул я.

— Хорошо, что читал, — задумчиво пробурчал дядя Ёша, думая уже о чём-то другом.

Потом поднявшись со своего места, он сказал:

— Надо кончать с начатой темой, мой юный друг. Если точнее, до конца рассмотреть план уничтожения на Земле белой расы. Ты я думаю, уже догадался, что без троцкизма такое мероприятие на Земле неосуществимо.

Я понял, что предстоит ещё одна долгая беседа. Историк мне хочет рассказать что-то очень важное.

Глава 12. Тайные связи Востока и Запада

Мы вошли в заставленный книгами кабинет антрополога, и дядя Ёша в который раз расстелил на столе физическую карту Азии.

— Я тебе вчера обещал, что подробно расскажу о древних тайных связях Китая и Японии с Западом, — ткнул он пальцем почему-то не в Китай, а в Переднюю Азию.

— Обещал, но я пока ничего об этом не слышал, — невольно съязвил я.

— Сначала тебя надо было подробно ознакомить с устройством мировой энергоцентрали. С конструктивными особенностями той силы, которую у нас принято называть ёмким словом Дьявол. Я тебе рассказал: кем, как и для чего она, эта сила, была на Земле создана. Повадал и о лаборатории, где всё это затевалось, и о людях нашего круга, которые в неё проникли...

— Постой, дядя Ёша, у меня к тебе вопрос! — прервал я начавшего свою новую лекцию специалиста по тайному знанию.

— Давай, но больше постарайся не перебивать, — кивнул он.

— Я вспомнил одну деталь из биографии Александра Македонского. Когда сын Филиппа попал в Египет, это произошло в 332 году до н. э., то фиванские жрецы признали Александра сыном Зевса-Амона и своим царём.

— А иудеи его признали сыном Яхве, — улыбнулся историк.

— Фактически это одно и то же, — догадался я.

— Ну и что? — задал вопрос учёный.

— А то, что Александру пришлось пройти посвящение Амону не в Фивах, где в те времена действовали два храма этому богу, не в Корнаке и Луксоре, а где-то далеко в Ливийской пустыне. В каком-то тайном храме, куда пустили, если мне не изменяет память, только одного царя. Так, кажется?

— Так, так, память тебе не изменяет, — кивнул головой историк.

— Так вот, мне пришло в голову, уж не в тот ли храм, то бишь в лабораторию по созданию всесильного эгрегора, угодил сын Зевса-Амона-Яхве? История говорит, что молодой полководец посетил тайный храм Амона на границе с Ливией. И он якобы более известнее. Но, по моим данным, этот мифический храм до сих пор не найден.

— Не найден, — согласился антрополог. — Хотя написано о нём много. По всей вероятности, этот храм был виртуальным — мифическим. У ливийских племён бытовала своя религия. И терпеть на родной земле храм бога государства врага они бы никогда не стали. Здесь простая логика. Другое дело — подземный храм ящеров — страшных чудовищ. Такое место сразу же превратилось в ничейное, своего рода табу...

— Ты всерьёз считаешь, что Александр Великий побывал на своём посвящении Амону в храме-лаборатории? — прямо спросил я учёного.

— Всерьёз, юноша, всерьёз, — невозмутимо ответил дядя Ёша. — И вот почему: во-первых, о походе в пустыню молодого царя очень скоро стало известно. Сразу же у современников возник вопрос: зачем? Когда имеются под боком другие храмы... Во-вторых, храм посетил царь один. Это тоже не подлежит сомнению. Соратники на такое дело тогда обратили внимание. И, в-третьих, после посещения храма в пустыне, царя никто не узнал. Он для близких людей стал другим. Его поведение и ход мыслей друга списали на сильное потрясение. Но, думается, нервный стресс только часть того, с чем вернулся полководец и царь из храма. Я не только убеждён, но и доподлинно знаю, что в череп Александра в том храме воткнули микрочип — маленькое электронное устройство. Именно из-за него изменилось поведение сына Филиппа. Сначала молодой царь и не думал искать конец Ойкумены. Но придя из пустыни, почему-то

заялся именно этим. Он, по наблюдению своих друзей, перестал быть собой. В частых беседах с гетайрами Александр прямо говорил, что им в его поступках руководит сам Зевс-Амон.

— Или Иегова, — дополнил я.

— Да-да, Иегова, — спокойным голосом согласился антрополог. — Будучи управляемым, полководец-царь сокрушил Персидскую державу, завоевал две её восточные сатрапии: Бактрию и Согдиану и вступил на земли Северной империи. Мало кто знает, юноша, но на плато Устюрт Александра Великого ассы разгромили. Его армия была окружена, и сам полководец попал в плен. В плену молодой царь пробыл у скифов всего 11 дней, потом был отпущен и ушёл на юг к остаткам своей «несокрушимой» армии. Возникает сразу вопрос: что делал сын Зевса у сахов? По эллинистическим хроникам видно, что Александр Великий после плена опять изменился. Он стал и очень раздражительным и недоверчивым. Кое-кого из своих «неудобных» друзей даже казнил. Мало этого, перестал общаться с Аристотелем... Но, по неизвестной причине, невзирая ни на какие трудности, продолжал идти на восток... Македонскому царю и полководцу почему-то понадобилась Индия.

— А ты что на этот счёт думаешь? — спросил я рассказчика.

— Думаю, что в плену у потомков бореалов, у царя был вынут из носовых костей черепа микрочип. И ему популярно объяснили, во что его превратили и что от него хотят. Самое главное — кто! Вот что его больше всего потрясло.

— А зачем был нужен этот марш на восток? — недоумевал я.

— Затем, юноша, чтобы «хозяева» не поняли, что он — Александр ими теперь не управляем. И как мне кажется, но это моё субъективное мнение, чтобы уничтожить большую часть своей армии...

— Ничего себе полководец?! — вырвалось у меня. — Он что, с ума сошёл — остаться на краю земли без основного контингента своей армии?

— Для того чтобы не двигаться дальше. Остановить самого себя, мой юный друг. Сохранить часть войск для более спокойного отступления и только...

— С чего ты это взял, про армию? — с явным недоверием посмотрел я на историка.

— Логика, юноша, всего лишь логика. Посмотри, как развёртывалась кампания македонца в Индии. Он явно подставил свою фалангу под удар слонов, хотя мог бы и не делать этого. Во-первых, слоны у Александра были свои и не только персидские, но и местные, которых он получил от двух раджей-предателей. Эти двое были братьями его противника царя Пора. Ты должен это помнить, юноша.

— Да, я помню. Только не знал, что предатель Пора Куракава и два его подонка-братца привели к Александру ещё и своих боевых слонов.

— Слоны у македонца были, но он их против строя слонов индийского раджи не бросил. Оставил почему-то в резерве. И, в результате, потерял половину своей фаланги... Тебе не кажется это странным?

— Кажется, — признался я.

— И мне тоже, — признался историк. — Станным мне кажется и поведение сына Зевса после победы. Он, ни с того ни с сего, делает разгромленного индийского раджу своим другом. Казнит всех его противников и предателей, в том числе и двух царских братьев. И отдаёт их земли Пору. Фактически, предельно усиливает его царство. Зачем? А потом уводит свою поредевшую армию на Запад в Вавилонию, но не по старой дороге, а почему-то через безводную пустыню Гидрозию.

— Где половина его воинства гибнет от жажды, — закончил я за историка.

— Вот именно, — ткнул меня своим пальцем специалист по тайнам прошлого. То, что произошло с психикой молодого полководца после столкновения с империей ассов, вдумчивые

исследователи пока объяснить не могут. С ума Александр Великий вроде бы не сошёл, но курс своей политики изменил. Теперь в его голове созрел план завоевания Кархадашта (Карфагена). Ни Спарты, которая была у него как бельмо на глазу, и ни Северной империи, откуда его с треском вышвырнули, а именно Карфагена... Возникает естественный вопрос: почему? Карфаген во времена Александра Македонского, как известно, был и не самым богатым, и не самым влиятельным. Он только начинал набирать силу... На мой взгляд, ответ предельно прост: молодой царь каким-то образом узнал, что его кукловоды — жрецы Амона свили себе гнездо именно в Карфагене. На самом деле так всё и было... Его странная, необъяснимая смерть указывает именно на это. Царь и полководец сделал своё дело. И теперь становился опасным. Самое главное — им больше нельзя было управлять...

— Примерно то же самое я слышал от «пасечника», но ты мне рассказал о действиях Александра Великого в Индии подробнее.

— Будто ты всего этого не знал, — улыбнулся историк.

— Знал, но не придавал особого значения...

— Как ты думаешь, почему я остановился на Македонском завоевании Индии? — спросил антрополог.

— Пока не догадываюсь, — честно признался я.

— Дело в том, что всё вышеизложенное является частью того знания, с которым я тебя хотел познакомить. Так что давай приступим, мой юный друг, к теме весьма щекотливой и опасной, но без которой тебе никак не обойтись. Вчера я довольно долго объяснял механизм питания эгрегора Амона энергией, — вернулся к прерванной теме дядя Ёша. — Тем самым потенциалом, который насильно вырывается из силового кокона человека посредством физического или психического страдания. А также рассказал о массовых жертвоприношениях в Мезоамерике и о том, как в древнем Китае, до завоевания его белой расой, делалось, практически, то же самое. Ты, я думаю, понял, что древние индейские цивилизации Мезоамерики и Китай на первых порах являлись для эгрегора Амона главными поставщиками силы.

Я кивнул.

— Но в Мироздании существует великий закон Равновесия. Формулируется он примерно так: сколько ты взял, столько изволь и отдать. Он, этот закон, справедлив и для эгрегоров. Как ты знаешь, мезоамериканские индейцы были почти полностью истреблены испанцами, североамериканские же — вырезаны ордой англосаксов. И это далеко неспроста, Юра. Акция истребления индейцев была тщательно спланирована. Не верь в сказки про «его величество случай». Случайностей Мироздание не знает. То, что серость считает случайностью, всего-навсего закономерность.

— Я это зарубил себе на носу ещё со времен общения с «пасечником», — пробурчал я.

— Извини, что напомнил, — улыбнулся лектор. — Но я снова перехожу к теме: акция уничтожения индейцев обеих Америк для того и была проведена, чтобы лишить эгрегор Амона обратного адреса его кредиторов. Чтобы ему некому было вернуть забранную у людей энергию. Ты должен понять, что нарушением силового равновесия всегда заняты люди. Осознание этого необходимо любому образованному человеку. Перед тобой ключ ко многим странностям и загадкам. Всё дело в силовых полях, юноша. В недостатке силы, в её равновесии или избытке. В данном случае, имея в виду гибель на алтарях, от мечей испанцев и пуль англосаксов, коренного населения Нового Света, мы имеем дело с рукотворным созданием силового избытка, энергетической перенасыщенностью Мирового эгрегора. Русская пословица, которая утверждает, что «не так страшен чёрт, как его малюют», говорит правду. Думаю, ты давно понял, что не так опасен сам эгрегор Яхве-Амона или Дьявола, как те, которые им лихо

управляют.

— Что тут не понять? Вроде бы всё ясно, — сделал я умную мину.

— Теперь манипуляторам осталось умно распределить избыточную силу. Приложить так, чтобы была от этого польза. И ей нашли применение: часть энергии через христианскую ветвь эгрегора влили в силовое поле нарождающегося в Новом Свете молодого корпоративного государства англосаксов, другой свободный потенциал с лихвой вернули Китаю. Как говорят в таких случаях — долг платежом красен. Как тебе известно, китайцы с их кровавыми лунными культурами от русских завоеваний не очень-то страдали. Их никто поголовно не вырезал, поэтому свой энергетический долг эгрегор Амона вернул эгрегору Китая полностью и даже с горкой. Этот потенциал и превратился в ту неистовую детородную и агрессивную силу, которая в наши дни стала угрозой не только нам, русским, но и всему миру. По терминологии Гумилёва спокойные сонные китайцы вдруг ни с того ни с сего превратились с середины XX столетия в самых настоящих пассионариев. Их детородная способность и сплочённость являются тем самым, чего в будущем столетии следует бояться больше, чем мирового пожара. Посуди сам, сразу после войны в США и Канаду переехало около 60 000 китайцев. Они, следуя своей традиции, тут же «выписали» из Китая своих женщин. Кто ни жён, ни невест не имел, нашли себе дур из местных. И теперь, в конце XX столетия, китайцев в Америке более полумиллиона! Говорят, что арабы плодятся, как тараканы. Да арабы, по сравнению с китайцами, в плане размножения — слабаки! Я тебе привёл только один пример. Их, таких примеров, сотни! Взять тот же Сингапур. Сколько там китайцев? Уже больше половины населения! Пройдёт немного времени, и Индонезия станет полностью китайской. То же самое происходит в Таиланде, Лаосе, словом везде, где расселён этот пассионарный этнос. У китайцев бытует любопытный, о многом говорящий, лозунг: там, где живут китайцы — везде Китай! В наше время по всему миру распространяется пятая китайская колонна.

— Неужели на Западе такие тупые политики, они что, не знают того, что ты мне сейчас рассказываешь? Это же элементарно! — высказал я своё мнение.

— Элементарно-то элементарно, но не надо забывать, что вся Западная элита управляема. В своём регионе, без оглядки на «хозяев» она ничего не решает. А «хозяевам» китайцы нужны, и ещё как! Во-первых, для того, чтобы со временем растворить в своём ущербном генофонде гены потомков древних бореалов. Непонятных и опасных русских, восточных немцев и скандинавов.

— С чего ты взял, что китайцы окажутся в Европе? Неужели это тоже входит в их тайные планы? — спросил я.

— В их скрытые планы ничего не входит. Они — китайцы, всего лишь инструмент, не более, такой же, как и евреи, и масоны второго порядка. Это входит в долгосрочную стратегию «хозяев». И далеко не случайно, что и китайцы, и японцы считают Европу всего лишь продолжением Азии. Себя же они чувствуют хозяевами континента... И потом, по скорости размножения китайский этнос, как ты знаешь, превосходит все другие народы мира. Вот, что страшно. Избыток детородной энергии... Плюс особый склад примитивной, я бы сказал животной, психологии.

— Что это ещё за психология? — удивился я.

— Вот ты опять задал вопрос, и мне на него придётся ответить, — погрустнел лектор. — Но без этого нельзя... Тема же наша снова будет нас ожидать. И когда это кончится?

— Наверное, тогда, когда я перестану тебя о чём-то спрашивать, — посмотрел я на ученого.

— От тебя этого не дождёшься, — улыбнулся последний. — А теперь тебе вопрос, юноша. Ответь мне, пожалуйста: почему у всех земных рас в Европе, Азии, Америке и Австралии в коллективном бессознательном заложена программа, которую кратко можно выразить так: чем хуже — тем лучше?

— Ну и программа! Интересно, но не знаю, о чём ты? — открыл я рот от удивления.

— А у нас, у русских, — не обратил внимания на мой новый вопрос дядя Ёша, — всё по-другому: чем хуже — тем катастрофичнее...

Видя мой растерянный, непонимающий вид, историк пояснил:

— Всё как на ладони, юноша. Но в то же время, с точки зрения современной психологии, необъяснимо. Дело вот в чём: чем тяжелее условия жизни, это касается всего народонаселения планеты, тем интенсивнее идёт процесс деторождения. Взять, к примеру, ту же Африку, только от голода на её территории умирают миллионы и миллионы. Но процесс деторождения только усиливается. То же самое мы наблюдаем в Азии, в странах Латинской Америки и Австралии. Это и есть: чем хуже, тем лучше... Ну что? Понял, или нет?

Я кивнул.

— Теперь давай взглянем на благополучные с экономической точки зрения страны Европы, — продолжил учёный. — Заметен там интенсивный рост народонаселения?

— Насколько я знаю, население этих стран сокращается...

— Правильно — сокращается! Видишь, как интересно?! Казалось бы, всё должно идти наоборот. Ан, нет! — развёл руками новоиспечённый демограф. — У нас же в России всё иначе: люди размножаются только тогда, когда позволяют условия. В периоды экономического коллапса русским людям не до деторождения.

— И когда они себя чувствуют рабами, — добавил я.

— Ты что, вспомнил анекдот про женитьбу Василия Ивановича Чапаева? — усмехнулся учёный. — Когда Петька спрашивает, почему у него, у командира легендарной дивизии, нет детей? А он отвечает, что Чапай в неволе не размножается?

— Анекдот о женитьбе Чапаева я не знаю, но «пасечник» мне психологию русского народа объяснил. Растолковал, почему из русских старались рабов не делать.

— И из ирландцев тоже, — добавил антрополог. — Ну что, теперь тебе вопрос ясен? Можешь на него ответить?

— Пожалуй, могу: у нас, у русских, коллективное бессознательное явно человеческое. Вопрос деторождения встаёт только тогда, когда условия жизни позволяют прокормить и, что не менее важно, правильно воспитать будущее поколение.

— А что ты можешь сказать о коллективном бессознательном других земных этносов? — выпучил свои чёрные глаза дядя Ёша.

— Что их коллективное бессознательное ближе всего к скотскому, или вообще к колониям одноклеточных?

Глаза пожилого еврея, видя мою растерянность, смеялись.

— В твоих вопросах заложен ответ, — выдавил я из себя.

— Наконец-то! — хлопнул в ладоши историк. — Преодолеl-таки ложный стыд! Назвал вещи своими именами. Что же — молодец! Теперь можно вернуться и к нашей теме. Думаю, не стоит тебе объяснять, что китайский этнос, интенсивно размножаясь на новых территориях, автоматически сам себя будет держать в чёрном теле. Он и есть, та безотказная и очень дешёвая рабочая сила будущего нового Мирового порядка. Её генетически создали и не менее 2000 лет для такой цели вымуштровывали. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в историю Китая: 300 лет до н. э., как тебе известно, император-самодур Циньши Хуан-ди приказал сжечь в Китае все древние летописи.

— На мой взгляд, это сделал не деспот-самодур, а человек, которому приказали, — перебил я рассказчика.

— Пусть будет так, — согласился учёный. — Плюс ко всему, по его приказу живьём закопали в землю 400 китайских философов и учёных. Всех тех, кто более или менее знал

прошлое своего народа. А потом, как мы знаем, в «Поднебесной» состоялась миссия иезуитов — 1552–1775 гг. За эти годы ими была сфабрикована та история Китая, которую мы считаем подлинной и которую находим в учебниках. Во главе всей этой иезуитской братии стоял гениальный Маттео Риччи. Именно с его подачи официальная история «Поднебесной» стала очень похожей на фальсифицированную Ватиканом историю древнего Рима и Византии. Но это уже другая тема, юноша. И если на ней останавливаться, то нам не хватит и месяца. Так что поверь мне на слово. Если у тебя когда-нибудь появится время, ты можешь взять и сравнить. А потом сделать соответствующие выводы. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что у китайского народа нет прошлого. Его умело отняли, отобрали те, кто китайским этносом управлял не одну тысячу лет. На территории Китая уцелело всего несколько подлинных даосских летописей. Им вполне можно верить. Именно в них сказано о завоевании Китая белой расой племён чжоу, жужанами и динлинями. Но это капля в море, мой друг. Всего ничего. Современные китайцы — народ без прошлого, значит и без будущего. Если точнее, по представлению «хозяев», сборище крайне послушных, тупых, необыкновенно трудолюбивых и неприхотливых рабов. Именно с их помощью намечено растворить и развеять по ветру времени генетику непонятных и опасных Западу русских. Стратегия такова: белая раса во главе с нашим народом должна быть отправлена в небытие. И как можно скорее. Её ментально-духовный потенциал для «хозяев» Западной цивилизации становится всё более опасным. Об этом ты уже слышал и не раз. Её место, имею в виду территории на севере Азии и в Европе, по «их» плану должны занять негры, арабы и китайцы. Китайцами должны со временем заселиться Афганистан, Средняя Азия, Казахстан, Иран и часть Индии. В основном территории запятые потомками белой расы. Арабов же в Азии и Африке намечено сократить до минимума. Их место постепенно должны занять негры. Из кавказцев и арабов, по замыслу будущих «богов», будут созданы военизированные подразделения или внутренняя армия подавления недовольных.

— А как же «золотой миллиард»? — спросил я.

— Никакого золотого миллиарда не будет, юноша. Это всего лишь красивый миф, чтобы заставить часть цветных переехать в Европу и Америку... — отрезал историк. — На Земле, по «их» тайному замыслу, должны придти к власти люди-боги. Почему боги? Потому, что они надеются получить бессмертие. Точно такое же, каким когда-то владела жреческая элита Атлантиды и Орианы-Гипербореи. Но мы опять несколько отвлеклись. Обслуживать же богов будут бесправные, предельно забитые и отупевшие от страха перед властью рабы. В основном из китайцев и чернокожих.

— А куда денутся «богоизбранные», то бишь евреи? — вырвалось у меня.

— Ты ведь и так знаешь. Зачем спрашиваешь? — рассердился дядя Еша. — После такой вот пертурбации и перестановки земных рас с ног на голову они станут хозяевам не нужны. Иудеев с лёгкой душой пустят под нож сразу же, как отпадёт в них надобность. Вечные пассионарии будущей власти не нужны, с ними одни хлопоты. И вообще, не задавай больше глупых вопросов! Нас сейчас должны интересовать не евреи и китайцы, а древние, никому не известные связи Запада и Востока. Что всегда было «за семью печатями». Если точнее, связи Передней Азии, Европы и Китая. Вот посмотри, — показал историк на карту Азии. — Вся эта гигантская территория, включая Египет, Переднюю Азию, часть Средней Азии вплоть до Индии, в V веке до н. э. принадлежала империи Ахеменидов. Её основателем, как тебе известно, был Кир Великий. Ты должен знать, что этот царь, взяв Вавилон, отпустил из него восояси всех евреев. Но странное дело, в Иудею и Израиль вернулись далеко не все. Часть из них, покинув Переднюю Азию, стала расселяться по молодой могучей Персидской империи. Проникать на восток, туда, где иудеев в те далёкие времена практически ещё не было. Со временем еврейские общины нашли себе место в Согдиане, Бактрии и даже на территории могущественного соперника

Персии — государства Лаолунь. Иудеев и цивилизация Ирана, и древняя цивилизация тохаров встретила вполне радушно. Их человеконенавистнический нрав и патологическое стремление к власти и богатству народы Азии ещё не знали. Поэтому очень скоро евреи подобрали под себя и в Иране, и в государстве Лаолунь, и в западном Китае всю транзитную торговлю. Ты много раз слышал, юноша, о Великом Шёлковом пути, но не знаешь, что этот путь с V века до н. э. вплоть до гибели Хазарского каганата, а это уже середина X века, целиком и полностью контролировался иудейскими купеческими домами. В исторической литературе то, что я тебе сейчас рассказываю, естественно, об этом не найдёшь. Там ты прочтёшь, что начало Великого Шёлкового пути контролировалось китайцами, потом его обслуживали согды или бактриане, далее на запад персы, потом халдеи и, наконец, финикийцы. Чья земля — тот и обслуживал. То же самое и в эпоху македонского завоевания и эллинизма. На самом же деле всё далеко не так. И я, как посвященный, это хорошо знаю. Весь Великий Шёлковый путь, от начала до конца, был в руках у евреев. У тех самых евреев, которые исчезли из Передней Азии.

— Ты имеешь в виду десять потерянных «колен израилевых»? — спросил я.

— Не десять, а три племени. Два колена израилевых растворилось в среде ханаанов и арабов. Пять колен переселилось на Кипр, в Грецию на Киклады, Италию и юго-запад Галлии. В Европе племена переселенцев со временем растворились в местном населении. Отсюда и название — Эллада. От израильского бога Элла. Но нас с тобой сейчас должны интересовать не европейские семиты, а центрально-азиатские. И вот почему: как повествует священное писание и древняя история евреев, израильтяне, составляющие ни много ни мало — десять семитских племён, в VI веке до н. э. отказались от иудаизма. Именно они, племена отступников, после завоевания Киrom Вавилонии стали переселяться и на Восток, и на Запад. Но странное дело, как только израильтяне добрались по обширной Персидской империи и по территории царства тохаров до границ Китая, они, словно по мановению волшебной палочки, снова превратились в иудеев. Вообще-то ничего странного в подобном акте не было. Всего лишь хорошо отработанная во времени еврейская уловка. Сколько раз на протяжении своей истории евреи прибегали к подобному? Множество раз! Давай, в качестве примера, вспомним Испанию: в XGU веке в ней начались гонения на иудеев. Гонения жестокие: с конфискацией имущества и кострами. И очень скоро все испанские евреи стали католиками. Таковыми они оставались более двух столетий. Но как только прекратились гонения, евреи-христиане снова превратились в тех, кем они, по сути, всегда были — в иудеев. Немногим позже то же самое произошло в Англии, Германии, Австрии, Чехии и Хорватии. Ты помнишь, бытовал в России закон оседлости евреев? Он действовал вплоть до начала XX столетия.

— Конечно, помню, — сказал я учёному.

— Так вот, чтобы его преодолеть, российские евреи охотно стали принимать православие. Если требовало дело, то превращались даже в христианских священников. Оставаясь при этом самыми настоящими иудеями. Примерно то же самое прослеживается и в странах ислама. Стали турки взимать с иудеев непомерный налог, иудеи тут же превратились в мусульман. Думаешь, какие евреи жили до образования государства Израиль в Палестине? Конечно же, в своём большинстве мусульмане...

— Оставаясь при этом иудеями, — закончил я за учёного.

— Да, всегда оставаясь теми, кем они являются на самом деле, — согласно кивнул специалист по евреям. — Как видишь, ничего удивительного нет в том, что евреи-язычники, добравшись до «Поднебесной», снова стали иудеями. Временное отступление от иудаизма им было нужно.

— Чтобы уйти из-под власти своих же раввинов? — искренне удивился я.

— Да, потому что раввины во главе с первосвященником после завоевания персами

Вавилонии стремились сконцентрировать всех иудеев только в Палестине. Это не входило в планы их подлинных хозяев, тех, кто по иерархии власти стоит выше раввина...

— Имеешь в виду жречество Амона? — спросил я.

— И тех, и других, и третьих! — ответил уклончиво специалист по еврейскому вопросу. — Тут дело в другом: в стратегическом плане еврей-отступники и еврей-иудеи свою задачу выполнили. Их купеческие общины, которые, как грибы после обильного дождя, проросли по всему Великому Шелковому пути, построили между Западом и Востоком мост. Информационно-энергетический, долговременный инструмент управления. В материальном плане по этому мосту с Запада на Восток из Передней Азии и Европы шли караваны с пушниной, оловом, воском, льном и конями. На Запад же двигались караваны, гружённые шёлком. Только китайским шёлком. Потому что в Китае в те времена были идеальные условия для его производства. Шёлк же в Европе, Передней Азии и на севере Африки менялся только на золото. Причём долгое время по весу шёлк был равен, а то и дороже золота. Ты понял, что это значит, юноша?

— Думаю, что некоторые торговые еврейские кланы за короткий срок скопили в своих тайниках несметное количество золота, — ответил я на поставленный вопрос.

— Правильно думаешь, — согласился историк, — так оно и было. Прибавь к торговле шёлком торговлю рабами, драгоценностями, немного позднее ещё и пряностями, плюс ростовщичество. Потому что каждый еврейский купец-рахдонит являлся ещё и ростовщиком.

— Да... а! — невольно почесал я затылок.

— Это тебе не о девчонках аппетитницах мечтать, юноша! Золото, сконцентрированное в руках тёмного жречества и дегенератов ростовщиков-рахдонитов, представляло собой страшную силу! — тяжело опустился в кресло учёный. — Чудовищную силу!! Именно она впоследствии и пробила дорогу христианству. Но не будем забегать вперёд. Чтобы скопить огромные богатства, хозяева иудеев стали нуждаться в обширном рынке сбыта. В какой-то степени, после завоеваний Александра Македонского, таким рынком долгое время служили осколки его обширной империи. Но эллинистический мир не удовлетворял аппетиты хозяев иудейского купечества. Китайский шёлк ни в Сирии, ни в Пергаме, ни в Боспорском царстве, ни в Египте особо не ценился. Самая большая цена на него была на Западе: в Карфагене, Элладе и Италии. Со временем Западная Европа, с возникновением обширного Римского государства, стала главным регионом сбыта этого товара. К такому раскладу как раз и стремились «хозяева» купеческих кланов. Золота в Передней Азии, Африке и Центральной Европе было достаточно. Теперь с помощью китайского шёлка и продажи рабов его надо было сконцентрировать в руках запроективных еврейских банкиров. Понятно, что на подобное мероприятие требовалось время. Но хозяева будущей библейской цивилизации не спешили. Чего-чего, а времени у них было предостаточно. Тем более что после гибели Карфагена они пришли к власти над всем Западом. Посредством финансовых рычагов управляли и великим Римом, и Сирией, и Ираном. Иудейские купцы и ростовщики сумели подчинить себе даже время.

— Это что-то «не из той оперы», — опешил я от такого утверждения.

— Здесь нет ничего мистического, мой юный друг, — усмехнулся лектор. — Просто в их власти было, жить Риму или не жить, быть или нет эллинизированному Ирану. Когда произошла концентрация финансов в руках немногих, кого я имею в виду, ты знаешь, то и императоры, и цари оказались в разряде просителей и должников. Теперь очень многое зависело от «денежных мешков», от их желания поддержать или нет своими финансами авантюру правителей. Дать деньги на борьбу с внешними врагами или отказать. Золото иудейских ростовщиков удерживало на плаву выдыхающийся Рим не раз и не два. Вот оно, наглядно, управление временем. Не будь постоянных финансовых вливаний, от Рима осталась бы груда развалин ещё во времена

пунических войн. Скорее всего, он как империя вообще бы не состоялся. Вот я и ответил на твой вопрос касательно управления временем. Другими словами, быть или не быть той или иной Мировой державе... До прихода парфян на территорию эллинистического Ирана у еврейских торговцев китайским шёлком и рабами всё шло гладко. Но около 250 года до н. э. на иранское нагорье с севера, с территории южного Урала и Казахстана, обрушились как «снег на голову» могущественные парфяне. Селевкия — столица эллинистического Ирана стала теперь и их столицей. Сначала парфяне подчинили бывшее царство селевкидов, а потом вторглись и в Сирию. Что-то, а удар с севера еврейские купцы-рахдониты не ожидали. Русское движение на юг очень скоро спутало все их планы. Парфяне знали, зачем евреи прибрали к своим рукам торговлю китайским шёлком. И сами стали контролировать среднеазиатскую и иранскую части Великого Шелкового пути.

— Постой, ты только что назвал парфян русскими? — сделал я удивлённый вид.

— А кто же они, по-твоему, были? — вопросом на вопрос ответил историк. — Если говорили на древнерусском языке — этот факт не отрицают даже ортодоксы. Правда, пытаются назвать язык парфян одной из ветвей древнеиранского. Ну, а сам язык иранцев? Каким он может быть, если иранцы волна за волной приходили на юг с территории компактного расселения русов-бореалов? У меня, как у историка, сложилось такое впечатление, что парфяне не просто так приблизились к переднеазиатским владениям Рима. У последнего бытовала идея захвата всей Южной Азии. Если бы такое произошло, то рахдониты устроили бы себе настоящий торговый рай. Беспощадная торговля превратила бы еврейскую купеческую общину в такого финансового монстра, которому бы стало по плечу всё, что угодно: имею в виду и открытие «Нового Света», и даже Средневековую примитивную глобализацию. Очевидно, видя такое развитие событий, и была дана команда туранским парфянам остановить напор римлян в Азию. И как ты знаешь, они со своей задачей блестяще справились. Помнишь, чем закончилась кровопролитная битва парфов с легионами Марка Красса? Русо-парфянский полководец Сурена наголову разгромил римлян! И впервые за свою историю, около 100 000 гордых римских легионеров отправились на просторы Азии не в качестве завоевателей и хозяев, а в статусе бесправной рабочей силы. Это, как тебе известно, произошло в 53 году до н. э. Позднее римляне делали ещё несколько попыток покорить Парфию, но все усилия римлян сокрушить парфян оказались тщетными. Даже великому Траяну не удалось добиться ощутимых побед над закованной в броню конницей русов. Историки-ортодоксы рассказывают сказки, что якобы Траяну помешали восставшие в его тылу иудеи. Иудеи, наоборот, были заинтересованы в победах императора. И ты знаешь почему. И так, парфянам удалось на целых 300 лет парализовать торговлю иудейских рахдонитов с Китаем. И еврейским купцам, «знатокам путей», пришлось выискивать новые дороги для вывоза из «Поднебесной» шёлка и пряностей. И такую дорогу они вскоре отыскали: она начиналась из порта Чаньчжоу и шла морем до Индии, до города Крангапура. Дальше тоже морем до пограничного с Ираном Синда, от Синда через Персидский залив до Омана и по водам Красного моря до Египта, — показал на карте Азии вариант нового шёлкового пути дядя Ёша. — Но эта дорога морем была и опаснее, и намного дороже, чем по суше. Она никак не могла удовлетворить еврейское купечество. Поэтому оно изо всех сил начало создавать и финансировать внутри парфянского царства свою «пятую колонну». Что-то, а в таких делах евреи настоящие гении. Главное для них: отыскать в среде порабощаемого ими народа контингент продажных огщепенцев. А когда он найдётся, привести его к власти. Для такого дела у евреев всегда есть золото. И его столько, сколько надо. В конце концов, «пятая колонна», созданная из покорённых иранцев, и иудейское золото своё дело сделали — в 224 году власть парфян в Иране была свергнута и началась эпоха царствования новой династии, династии Сасанидов. Первое время с правителями, пришедшей с помощью их

денег новой иранской династии, у рахдонитов отношения были прекрасные. Старый торговый путь через земли тохаров, Среднюю Азию и Иран был восстановлен. Одно было плохо, спрос на китайский шёлк на Западе стал заметно падать. В расколотой надвое Римской империи уже победило христианство. Христианские общины, щедро финансируемые иудейским золотом, пробили себе дорогу к власти. И теперь главным покупателем шёлка стала не западная империя, а христианизированная Византия. Фактически, дело было сделано. Денег у иудейских банкиров с лихвой хватало на становление и продвижение новой религии будущего. Той религии, которая должна была объединить многие народы Европы и Азии под единым знаменем живого говорящего человеческого материала для «богоизбранных». И в наступившую эпоху победы новой мировой религии золото иудейских купцов и банкиров стало служить военной экспансии христианских правителей, ударом по зороастрийскому Ирану и по Великой конфедеративной империи севера. Теперь на золото от продажи китайского шёлка снаряжались христианские армии для борьбы с непокорными языческими государствами востока и севера. Поэтому Великий Шёлковый путь в эпоху тотальной войны для рахдонитов и ростовщиков своего значения не потерял. Он был им нужен как воздух. Так как обе европейские христианские империи — государство франков Меровинга Карла Великого и Восточный Рим — Византия в своей экспансии на ведический мир, постоянно нуждались в финансовой поддержке. Но у иудейских «знатоков путей» и банкиров случилась новая беда. Опять «палки в колёса» в их транзитной торговле шёлком подсунул Иран. На этот раз не парфянский, а сасанидский. Очень скоро иранская элита поняла, откуда их постоянный враг — Византия — черпает золото на войну с Персией. И тогда, подобно парфянам, она стала контролировать транзитные перевозки китайского шёлка по своей территории. У рахдонитов в торговле с Китаем возник опять кризис. Но на их счастье, сасаниды, в отличие от парфян, решили на шёлке зарабатывать сами. Это стало устраивать предприимчивых евреев. Так как персы вынуждены были продавать шёлк, пусть и в ограниченном количестве, но своим же врагам византийцам. Но торговый симбиоз иранских властей и еврейской диаспоры длился недолго. Всё началось с того, что пришедшие из степей на юго-запад Китая русоволосые и русскоязычные племена, так называемых ортодоксами, тюрки в 562–565 годах разгромили державу эфталитов-тохаров. То самое древнее государство Лаолунь, о котором я упоминал выше. После победы над эфталитами-тохарами тюрки установили своё господство над царствами Чжоу. И теперь китайский шёлк стал поступать в руки еврейских купцов из их рук. У тюркской администрации евреи стали скупать шелка за бесценок. Но выгодно скупить и удачно продать — разные вещи. Сбывать же свой шёлк они намеревались в Византии и Франкской империи. Но как его туда доставить, если часть товара стали забирать себе иранцы? Другую же часть китайского шёлка они требовали продавать в Аравии и Индии. За решение такой вот задачи взялся рахдонит Маннах. Он представлял интересы еврейских купцов при дворе тюркского кагана Истеми. Этот Маннах добился того, что тюркский каган послал его в качестве полномочного посла к персидскому шаху Хосрою. Маннах решил склонить персидского монарха к увеличению через его империю транзита шёлка в Европу, предложив ему долю от еврейских сверхприбылей. Фактически решено было купить Хосроя, заставить его торговать национальными интересами Ирана. Естественно, персидский шахиншах до такой подлости опуститься не мог. Но он не хотел ссориться и с союзниками евреев по торговле шёлком — тюрками. И Хосрой нашёл выход: персы купили шёлк у рахдонитов и сожгли его в присутствии Маннаха и иудейской диаспоры. По психике евреев и по их торговым интересам был нанесён смертельный удар. Еврейские купцы пришли в ужас! Иранская элита оказалась непродажной. Транзитной торговле китайским шёлком пришёл конец! Что же теперь делать? Осталось одно: попытаться купить Истеми-кагана и толкнуть его к завоеванию Персидской державы. Но тюркский правитель, как и персидский шахиншах, оказался тоже неподкупным!

Воевать с Персидской державой, несмотря ни на какие уговоры и деньги, он не собирался. И тогда в среде рахдонитов началась настоящая паника. Она возникает в иудейском обществе всегда, когда евреи понимают, что имеют дело с настоящими ариями. Людями, которые ни за какие деньги не продаются. Тюркский же каган, разобравшись, в чём дело, снарядил к иранскому правителю новое посольство, на этот раз состоящее из чистокровных русов. Посольство кагана шло к персидскому правителю с мирными намерениями, как к другу. И вовсе не для того, чтобы отстаивать интересы иудейских рахдонитов. Но до столицы Персидской империи посольство кагана не добралось. На одном из иранских постоянных дворов оно было в полном составе отравлено. Понятно, что сделали это не иранцы. Наоборот, они изо всех сил пытались избежать войны на два фронта. На западе — борьбы с Византией, на востоке — с тюрками. Яснее ясного, что расправились с послами кагана иудейские купцы. Это понял и Хосрой, и тюркский правитель Истеми. Но чтобы сохранить достоинство своей державы и в лице тюркского народа наказать виновных, Истеми-каган был вынужден разорвать союзный договор и дипломатические отношения с персами. Фактически между тюркской и иранской империями началась война. Евреи во главе со своим лидером Маннахом торжествовали. Хотя тюрки и выступили в 569 году в поход против Ирана, но вести с ним серьёзную войну не собирались. Очень скоро между двумя державами было заключено перемирие. И тюркский каганат бросил свои силы против согдийцев Средней Азии. Вскоре все согдийские княжества вошли в состав русско-тюркской империи и конница каганата, вытеснив на запад с берегов Арала оседлые племена аваров, подошла к Каспию и Волге. В низовьях Ра-реки (или Волги), а также в Дагестане тюрки радушно встретили близкие по языку и религии племена земледельцев хазар. Опираясь на хазар, тюркские каганы овладели Северным Кавказом и подступили к границам Византийской империи. Этого-то как раз и добивались еврейские рахдониты. Теперь можно было прокладывать новую караванную дорогу в Византию и дальше на Запад в обход непримиримого и враждебного евреям Ирана. Но если Истеми-каган никак не наказал честного Хосроя, то это сделали иудеи. Летописи, в том числе и византийские, рассказывают о том, что во время осады в 628 году византийцами столицы Ирана Ктезифоны престарелый Хосрой сошёл с ума и был убит своими же полководцами. Новым шахом в Иране стал некий Шахраваза, ставленник Византии. Как видишь, евреи своего всё-таки добились. Иранские правители вновь оказались в числе их марионеток, и теперь рахдониты располагали не одной караванной дорогой, а двумя. Старый шёлковый транзитный путь через Иран был оживлён, кроме того, действовала новая дорога по территории тюркской империи на Северный Кавказ к Чёрному морю. Именно по этой причине в начале VII века доходы от продажи шёлка в Европе у иудеев удвоились. Золото текло в их карманы рекой, и казалось, ничего уже не может помешать такой идиллии. Но случилась беда: с 632 года началась военная исламская экспансия. Ураган военных конфликтов охватил Переднюю Азию, северную Африку, Месопотамию и Иран. Но хуже всего было то, что мусульманские халифы к евреям относились очень плохо. Арабы считали потомков Иакова неполноценным народом. Презирали их за непомерную жажду к обогащению и стремлению к власти. В своём отношении к иудеям мусульмане ссылались на Коран, где о евреях пророк Магомет, написал так, как они, по его мнению, того заслужили. Когда в 638 году халиф Омар захватил Палестину, он запретил иудеям селиться в Иерусалиме. Купить же его еврейская диаспора не сумела... После захвата арабами западного Ирана, прекратила своё существование и южная шёлковая караванная дорога. Теперь у иудейских знатоков путей в распоряжении остался торговый путь, проложенный на севере через Хазарию. Но и эта торговая дорога служила им совсем недолго. К 730 году согдийские княжества в Средней Азии оказались под арабами, следовательно, и Великий Шёлковый путь на десятилетия тоже прекратил своё существование. Теперь среднеазиатским евреям стало не до шёлка. Надо было «делать ноги», и

как можно скорее. Часть из них, в основном те, у которых остались крепкие связи в Китае, перебравшись в «Поднебесную». Другие же обратили своё внимание на северо-запад, на земли Хазарского каганата. К УП веку от всей Великой тюркской империи уцелел только он. Хазарский каганат в конце VII — начале VIII века и стал прибежищем для основной массы среднеазиатских евреев. В древности огромную территорию от Дуная до Иртыша называли Русколанию. Потому что и хазары, и аланы, и пришедшие с востока тюрки, и савиры, по сути, говорили на одном языке. На языке Вед или скифском, а точнее — на древнерусском. И в религиозном плане все народы каганата исповедали одну общую ведическую по вероисповеданию религию. Эта веротерпимость и погубила Хазарию. Иудеев в Хазарии приняли как врагов арабов и распространяемого ими ислама. В Русколани они получили статус несчастных беженцев, кроме того, в городах каганата евреев ждали свои единоверцы-иудеи, ранее переселившиеся из Персии и Византии. Получилось то, что в Хазарии сконцентрировалось столько иудеев, что они в открытую начали вести борьбу за обладание высшей политической властью. В VIII веке иудейскую общину возглавил некий Булан. Либо чистый еврей, либо принявший иудаизм один из хазарских полководцев. Сейчас об этом можно только догадываться. С его приходом в еврейскую общину, иудеи начали открытую войну с христианами и ненавистными мусульманами. Поначалу ведических русов или ассов они не трогали. В Хазарии на еврейские деньги всё чаще и чаще организовывались гонения на мусульман, стравливания христиан и ведических хазар-ассов с исламистами. В ответ на враждебные действия, по отношению к мусульманам, арабы объявили Хазарскому каганату войну. Война Русколани с исламским миром длилась более 70 лет. Она и отвлекла внимание правителей Хазарии от внутренних проблем на проблемы военные — внешние. Этим и воспользовались хазарские иудеи. Иудизация хазарской элиты во время их войны с арабами своё дело сделала. А механизм как всегда был прост и надёжен. Ты слышал когда-нибудь об институте еврейских жён, юноша? — грустно усмехнулся историк.

— Слышал от «пасечника» и подробно, — кивнул я.

— Тогда отдельно останавливаться на нём не будем. Просто надо знать, что он, этот институт еврейских красавиц, действует на Земле сотни и даже тысячи лет. Безотказно работает он и в наше время. Вспомни жен Кирова, Молотова и других партийных функционеров. Сталин и тот по молодости лет попал на такую удочку, — отвлёкся на несколько секунд от Хазарии дядя Ёша. — Посредством своих женщин иудеи и пришли к власти в Русколани. Знали, кому надо протолкнуть в жёны своих, специально подготовленных для такого дела, красоток. Хазарская же элита, занимаясь войной с арабами, и не заметила, как в её среде от еврейских женщин появились иудеи-наследники. Они воспитывались иудеями и женились на еврейках. Кончилось тем, что правящий слой хазарского общества признавался средневековыми евреями коленом Симеонова и полуколеном Моносиева. Произошло то, что и должно было произойти: через 80 лет после Булана в Русколани прогремел еврейский переворот. Его возглавил внук Булана Обадия. Власть кагана была резко ограничена и все государственные должности были распределены между евреями. Ведические ассы потомки тюрков, савиров и хазар превратились в людей третьего сорта. Вторым сортом в Хазарии стали христиане — аланы и мусульмане — болгары. Скифо-сарматский этнический контингент, истинный хозяин империи, после иудейского переворота получил статус завоёванного: русы-хазары лишились права иметь оружие, служить в войске и по новым иудейским законам превратились в бесправную рабочую скотину. По этой причине в 810 году в Хазарии началась кровопролитная гражданская война. Она охватила всю империю. Против иудейской власти выступили потомки сибирской ветви русов, те, кого ортодоксы называют "порками, их поддержали ведические хазары и савиры. Десять лет длилась гражданская война в Хазарии. Десять лет горели города и селения. И всё-

таки сторонники иудейской власти победили. И не мудрено: повстанцы сражались в основном на голом энтузиазме, они не имели тех средств, которыми располагали их противники. Иудейская же элита каганата покупала против повстанцев не только отряды продажных христиан, но и целые воинские мусульманские подразделения...

— Для чего я тебе так подробно рассказываю «о делах давно минувших дней», о том, что когда-то произошло в Хазарии? Как ты думаешь? — внезапно спросил меня историк.

— Пока не понял, — пожал я плечами.

— Для того, чтобы ты разобрался в событиях, которые увидишь в будущем, Гера. С Советским Союзом вскоре произойдёт то же, что и с великой ведической Русколаныю. Осталось ещё немного, и евреи прорвутся к высшей государственной власти. Поможет им в деле перехвата рычагов управления компартия или нет, не принципиально. Скорее всего, произойдёт так, что «честь и совесть» нашего народа запретят. Но дело не в партии, а в том, что вместе с ней иудеи скрыто и подло лишат элементарных человеческих прав все коренные этносы нашей державы. Превратят их в живой говорящий и самовоспроизводящий себя скот. На развалинах СССР усилиями инородной власти начнут твориться те же бесчинства, которые когда-то имели место и в Средневековой Хазарии. Будущие кремлёвские иудейские правители с помощью выдуманных ими законов и силовых структур проведут завоевания своего же собственного народа. По-другому они и не могут. Не позволят святыя писания: и Тора, и Талмуд потребуют от иудеев по отношению к «гоям-акумам» радикальных мер. Проконтролирует же новое правительство страны всемогущий хабад. Понимаешь, что нас всех ждёт, юноша? Самое настоящее рабство! На своей же собственной земле. И никуда не сбежишь! Останется только один путь к свободе...

— В могилу? — поинтересовался я.

— А как ты узнал?! — уставился на меня своими чёрными глазами учёный.

— Логика, дядя Ёша, логика! — развёл я руками. — Против неё не попрёшь.

— О могиле я не думал, — посерьёзnel дядя Ёша. — Я имел в виду совершенно другое. Для этого здесь с тобой в этой комнате я и разговариваю. Единственный путь к свободе от тотального рабства — образование, мой юный друг. Передача поработоченным массам истинного знания. Того знания, о котором сейчас они и не подозревают.

— Мечтаешь о гражданской войне? Какая была когда-то в Хазарии? — спросил я. — Ну и чего мы добьёмся? У них деньги, значит, и армия, а у нас? В голове истинное знание, а в руках рогатки, в лучшем случае, луки со стрелами. Так?

— Ничего ты не понял, Гера. Я имел в виду совсем другое: евреев 3000 лет дурят, рассказывая, что они избранные богом, что собственность гоев, да и вся планета принадлежит им, и только им. На самом же деле всё далеко не так. Иудеи всего лишь инструмент, расходный материал тех, кто ими управляет. Тогда в Хазарии объяснить им всё это было невозможно. О глобализации в те времена никто из них не знал. Поэтому рассказывать иудеям, что они были искусственно созданы для приведения на Земле к власти своих пастырей-жрецов Амона было бы глупо. Но сейчас иное время, юноша. Многие тайны прошлого в нашу эпоху тайнами не являются. А то, что ещё пытаются скрыть, «шито белыми нитками», времена изменились. К тому же среди «избранного народа» немало думающих. Тех, которые пытаются, как и ты, понять, что же всё-таки происходит. И куда наша цивилизация катится. Им как раз и нужны те знания, которые ты получаешь. Представь, что может произойти, если до евреев дойдёт, какую роль они играют в земном социуме. Для чего они нужны тёмному жречеству? Есть такая точная русская поговорка: «на чужом хрене в рай»! Ты эту поговорку наверняка слышал. Что тогда может произойти?

— Либо отказ от талмудического иудаизма, либо его реформация, — вставил я.

— Да тут не столько дело в иудаизме, сколько в том, чтобы не следовать больше в

кильватере иллюминато-масонов, хасидов и хабада. Если такое произойдёт, то можно будет с уверенностью сказать, что земное человечество какой-то шанс получит. Пока «хозяева» найдут замену иудеям... На это уйдёт время, и немалое. Как ты догадываешься, человечество получит передышку. И её надо будет максимально использовать. Прежде всего, в передаче массам достоверной информации. Так что не всё потеряно, мой юный друг, не всё. Придёт время, когда кое-кто и из раввинов перейдёт на нашу сторону. И это время не за горами...

На несколько секунд черноглазый мечтатель замолк. Молчал и я.

«Неужели то, о чём только что сказал дядя Ёша возможно? — думал я. — Ах, если бы это могло быть?!»

— Опять я тебя отвлёл, юноша, — раздался голос историка. — Пора бы нам закончить с Западом и снова вернуться на Восток к Китаю. Я хочу, чтобы в твоём сознании возникла целостная картина происходящего.

Я посмотрел на учёного еврея и невольно подумал:

«Как ему тяжело этому честному и бескорыстному дяде Ёше? Тяжело в бессилии что-либо изменить. Он всё понимает, но ничего не может. Делится со мной своими знаниями и безмерно рад, что я его слушаю... Бедный еврей, живёт среди своих совсем как на чужой планете!»

А между тем историк продолжил:

— Гражданская война в Хазарии очень скоро сблизила иудейскую верхушку с Хорезмом. И после её окончания — с 890 года Великий Шёлковый путь стал опять действовать. Но шёл он уже не через Иран, а по землям иудейской Хазарии. И не только в Византию, как раньше, но и за Дунай, через Болгарию в империю франков. Арабским же правителям Мерва, Бухары, Хивы и Коканда за помощь в транзите китайского шёлка иудейские правители Хазарии стали платить теперь рабами. Рабы в Хазарию поступали в основном с запада и севера: из Индии, Византии, Руси и из Волжской Болгарии. Генуэзским и венецианским купцам появление на востоке мощной иудейской державы было только на руку. Из неё они, в обход своего конкурента Византии, получали тюки с шёлком, туда же, на берега Каспия, отправляли купленных за бесценок в Европе рабов. Именно благодаря торговле с каганатом возникли в Крыму генуэзские фактории. Но основным поставщиком рабов на рынки Хорезма стала не Западная Европа, а Восточная. Для того, чтобы качать из Руси невольников, хазарские иудеи прибегли к старинной своей уловке. Во всех крупных городах Руси ими были созданы финансовые представительства, проще: ростовщические конторы. Так впервые на русской земле появились те, кто не силой оружия, а силой закона стал превращать её обитателей в «живых мёртвых». Технология же была безотказной: сегодня еврейский ростовщик дал займ русскому человеку под один процент, завтра же этот процент стал уже другим, через день — третьим. Если же должник отказался возвращать долг, ростовщик привлекал его к княжескому суду. Естественно, не по законам Русской Правды, а по законам Хазарии. Как правило, суд заканчивался в пользу ростовщика, так как и князь, и его окружение винули, прежде всего, своего же должника: дескать «не зная броду, не лезь в воду», не ссориться же из-за него с могущественным соседним государством? Вот и получалось: то та, то другая русская или финская семья, чтобы рассчитаться за несуществующие долги с таким вот ростовщиком, вынуждена была ему отдать не только всё самое ценное, но передать и заложенного ребёнка. И таких семей на Руси становилось всё больше и больше. Когда же в её городах вспыхивали против жидов вооружённые бунты, то их, как правило, подавляли свои же, боящиеся войны с Хазарским каганатом, князья. Иногда, чтобы русские правители были более сговорчивыми, на земли Руси приходили и хазарские воинские контингенты. Именно по причине ослабления на Руси княжеской власти, а точнее из-за того, что многие русские князья под влиянием иудейских «денежных мешков» стали пренебрегать законами древнерусской конституции, постаревший Гостомысл — князь Великого Новгорода и позвал на

Русь своего родственника Рюрика. Кстати, тебе известно, что означает с древнерусского слово «Рюрик»? — вдруг улыбнулся своей роскошной улыбкой дядя Ёша.

— Что-то не припоминаю... — честно признался я.

— В нём тот же смысл, что и в твоём имени. Рюрик — сокол — Рарог или Гор! А знаешь, что было изображено на знамени Чингисхана, Тимуджина или Тимчака?

— Откуда же мне знать? Я его знамён не видел, — высказался я с некоторым раздражением.

— Надо читать Карпини, мой юный друг, и тех, кто писал о Великой степной империи... На знамени Чингисхана был изображен летящий сокол! Видишь, какое совпадение?

— Потрясающе! Аж не верится! Сокол, насколько я знаю, олицетворяет собою Солнце!

— Верховенство света над тьмою, Гера! Солнце борьбы и неотвратимой победы! В будущем, я думаю, не глобус с лентой и не двуглавый византийский урод должен стать гербом нашей возрождающейся империи, а парящий в облаках сокол — Рарог. Священная птица Сварожича. Потому, что Россия созданная русским народом, в своём бессознательном является земным проявлением души Сварога. По сути, его детищем. Поэтому она и бессмертна!

Я смотрел на учёного еврея и невольно подумал:

«Сколько же любви у этого человека к России, к её культуре и к её многострадальному народу? Откуда это у него? Неужели его так воспитали?»

— Я люблю Россию, потому что хорошо её знаю, юноша, — ответил на мой не заданный вопрос, дядя Ёша. — Когда до тебя дойдёт, где ты живёшь, и какой народ тебя окружает, ты тоже её полюбишь.

— Я что, по-твоему, не люблю Россию? — возмутился я

— Любишь инстинктивно, потому что ты русич. Когда же ты её поймёшь и осознаешь её глубинное бессознательное, вот тогда ты Россию полюбишь, юноша. Полюбишь каждой своей клеткой. Не инстинктивно, а сознательно. Но вернёмся к нашему разговору. Где мы с тобой остановились? На том, что на зов Гостомысла из западной Руси с берегов Лабы к новгородским словенам прибыли со своими дружинами три ободритских князя. Вместе с Рюриком, для того, чтобы ему помочь в трудном деле, приплыли два его брата и волхв из Волина знаменитый Ольг или Олег. Они-то во главе со своим наставником Ольгом и организовали на Руси очаг сопротивления хазарской экспансии. Сначала Рюрик был выбран князем старой Ладоги. А после смерти Гостомысла, преодолев сопротивление Вадима Храброго, стал княжить в Великом Новгороде. Его брат Синеус был выбран правителем бесхозного тогда Белоозера, второй брат Трувор занял Изборск. В каком году это произошло ты, я думаю, помнишь?

— В 862 году, — отчеканил я.

— Да, именно в этом году Рюрик стал князем Великого Новгорода. Во всяком случае, принято так считать, — кивнул головой дядя Ёша. — А дальше, как развивались события?

— Насколько я помню, Рюрик и два его брата сумели объединить не только северные племена славян, но и присоединить к русскому союзу их соседей — ижору, водь и веспов.

— Ну, а что было дальше?

— После смерти Рюрика власть в Новгороде захватил Вещий Олег. Через 2 года он подчинил своей власти Смоленск, Любич, отобрал у Аскольда и Дира Киев и сделал его второй своей столицей. В 907 году Вещий Олег предпринял поход на Константинополь. Если верить летописи, из устья Днепра в Чёрное море вышло 2000 русских кораблей! Каждый из которых вёз сорок с лишним воинов. Чтобы до смерти напугать греков, по приказу князя-волхва, русскими был построен воздушный флот. Скорее всего, это были большие воздушные змеи или что-то, подобное управляемым с земли дирижаблям. Кончилось тем, что греки сдались и открыли ворота своего города. Фактически, Византия признала свою полную покорность. Она

безоговорочно согласилась на любые условия мира...

И в знак победы русского оружия Олег, если верить летописи, прибил свой щит к главным воротам Царьграда.

— Молодец, исторической наукой ты интересуешься. Рассказал о князе Олеге почти всё! — похвалил меня учёный. — Только забыл сказать, что из Киева и из всех других русских городов Вещий Олег выпер взащей не только иудейских ростовщиков, но и их верных союзников по святому писанию — христиан. Мало этого, русский князь нанёс Хазарии два серьёзных поражения. И по его приказу, по всему левому берегу Дона была построена цепь сплошных укреплений. Остатки тех крепостей и сейчас ещё видны на левобережье Дона. Жаль, что до сих пор их руины не раскопаны и не изучены... Но интересно другое: крепости, которые были воздвигнуты против хазар по приказу Вещего Олега, по сути, оказались заново отстроенными славянскими крепостями времён легендарного Русского каганата.

— Что-то я не припомню, чтобы на Руси у нас были каганаты? — насторожился я.

— И не мудрено, юноша. Ты ведь знаешь, с какой историей? С той, которую тебе дали. Истинная же хронология совсем иная. И наша с тобой задача её знать. Запомни, Гера, слово каган совсем не тюркское, а наше кровное — русское. И в Скандинавии, и на Украине оно означает одно и то же. Ты слышал когда-нибудь, как по-украински звучит любимый или любимая?

— Кажется, кохан или кохана, — растерялся я.

— Вот-вот... — улыбнулся историк. — А теперь припомни, как кричат казаки на своём круге, когда что-то одобряют?

— Они кричат: любо! — не понял я, куда клонит спец по загадкам.

— Ну что, дошло? — посмотрел он, на меня не мигая.

— Н-нет, — выдавил я из себя. — Причём здесь любо?

— Любо кричат казаки донские и сибирские, а украинские как скажут?

— Кохан! — поразило меня как молнией.

— Наконец-то! — покачал головой учёный. — Теперь ты понимаешь, какой смысл заложен в слове «кохан» по-скандинавски — «хокан» или «каган»?

— Получается, что так называли на Руси выбранных всем миром правителей? — спросил я.

— А ты сомневаешься?

— В общем-то, нет. Похоже, ты абсолютно прав.

— Всё это справедливо для сармато-скифского общества, юноша. Общества, в котором многие тысячи лет процветала подлинная сословная демократия. Где всё решалось на совете трёх высших сословий: жрецов, воинов и ополченцев-тружеников, — откинулся на спинку своего стула антрополог. — А теперь, вернёмся к великой Русколани, мощнейшей сармато-аллано-русской империи. Империи, которая при своём объединении (имею в виду приход на берега Чёрного моря сибирских тюрко-русов) простиралась от берегов Тихого океана до Дуная. В гибели этого гигантского каганата повинны два фактора. Первый фактор — разделение и борьба между его сильными частями. Как произошёл распад? Какие силы заставили разделиться Мировую державу на племенные союзы — не ясно. Известно, что в 630 году Хели каган был разбит китайцами и взят в плен у хребтов Инь-Шань. Так говорит средневековая китайская даоская летопись. В 630 году закончил своё существование в Сибири первый тюркский каганат. Но с 633 года началось новое возрождение каганата. Во главе его стал талантливый полководец Ильтерес из династии Ашина. Он и собрал воедино осколки своей гигантской империи. После смерти Ильтереса в 692 году каганом был выбран Мочё, который возглавил борьбу азиатской Руси с Китаем. Войска Срединного царства или Сибирского каганата атаковали китайцев в современной Монголии и Маньчжурии, и там, и там, сибирские русы победили. Затем их войска

двинулись на юг в сердце самого Китая. На подмогу, вместо погибшего Мочё, пришёл каган Горулу. В 720 году Китай снова перешёл в наступление. Но Сибирская Русь снова нанесла поражение китайцам. Но вот беда, с 745 по 840 годы в каганате началась кровавая междоусобица, которая его и погубила. Уцелела только западная часть каганата, которую мы знаем как Русколань, или Русская земля. В VI–VII веках в неё входили земли Восточной Европы и территории известной нам Хазарии.

— Из твоих слов получается, что многие славянские племена, роды волжских болгар и тюрко-хазаро-савирской племенной союз были одним целым? Входили, в так называемый, западный тюркский каганат? — спросил я.

— Входили в каганат, которого просто не было, — развёл руками историк.

— С чего это вдруг не было?! — удивился и возмущился я.

— Потому что... Никакого западного тюркского каганата никогда не было. Осталась западная часть великой Русколани вот и всё, юноша, — делая ударение на каждом слове, сказал учёный. — Великий тюркский каганат и первый, и второй, и на Востоке, и на Западе существует только на бумаге. Она юноша, всё стерпит.

— Что-то не понимаю? — растерялся я. — Как ты такое утверждение можешь доказать?

— Доказать?! — переспросил учёный. — Да тут и доказывать-то нечего. Всё лежит на поверхности. Понимаешь, в некоторых случаях, как ни ври, всё настолько наивно, что вралеи по-человечески становится жаль. О тюркском каганате написаны научные тома. Составлена подробная его история. А тюрков, тех самых тюрков, которым приписана вся его слава, никогда на земле не было. Ты ведь знаешь, что на тюркском языке кто только не говорит. В Сибири — якуты, хакасы, тувинцы, сибирские татары, карагасы. В Средней Азии — киргизы, узбеки, казахи, уйгуры, туркмены, джунгары. В Европе — турки, казанские и астраханские татары, чувашаи. Все этносы совершенно разные по культуре и антропологически. Тюркский язык объединяет собой целых три расы: европеоидную, монголоидную и уральскую. Но где же сами тюрки? Давай рассмотрим европейские или азиатские народы: есть испанцы, есть и их язык. Вся Латинская Америка говорит на испанском, либо на его родственнике — португальском. Так?

Я кивнул.

— Есть французы, существует и французский, то же самое можно сказать о немцах, шведах, финнах, в Азии — об иранцах, китайцах... В нашем Дагестане 37 языков и все они представлены разговаривающими на них этносами. С тюркским же языком всё наоборот. На нём говорят многие народы, а самих тюрков нет! Самое интересное то, что их никогда и не было.

— Вот те раз! Извини, дядя Ёша, за нескромный вопрос: вы все евреи такие вот, отчаянные революционеры, не важно, где: в политике или в науке? Как говорил Лев Гумилёв — пассионарии. Ты взял на себя ответственность отрицать очевидные факты...

— Очевидные?! — прервал мою тираду учёный. — Я борюсь за правду, юноша, потому я и сбежал из науки. Сейчас сам своими глазами убедишься в том, что тюрки выдуманный ортодоксами мифический народ, которого, как я тебе только что сказал, никогда не было.

С этими словами неповоротливый и грузный дядя Ёша пружиной взлетел со своего места и бросился к своей книжной полке.

— Ты говоришь, что я отрицаю очевидное! — ворчал он. — Сейчас узнаешь, что у них выдаётся за истину.

Глядя на взъерошенного и возбуждённого дядю Ешу, мне за свою несдержанность и грубость стало стыдно. Было видно, что я невольно обидел антрополога. Тот же, неся в руках какую-то книгу, уже успокоился. Он с важным видом уселся в кресло и показал мне, что он принёс.

— Перед тобой первый том Истории Сибири, юноша. Давай вместе будем его читать. Нас интересуют тюрки. Так? Давай их и найдём. Вот глава VI «Тюрки Сибири VI–X век» стр. 266. Теперь бери и читай.

И не дожидаясь меня, дядя Ёша стал читать вслух:

— Главную роль в истории Центральной Азии и Южной Сибири сыграли племена — теле и тюкю. Они по своему происхождению были связаны с более ранними племенными объединениями гуннов и динлинов. Динлины являлись ветвью гуннов, хотя находились с ними в длительной вражде. Они были потомками кочевых племён чи-ди, живших на территории Северного Китая, были вытеснены отсюда в степи южного Гоби (III в. до н. э.) и вначале именовались ди-ли (позднее динлинами). Динлины делились на северных и западных. Первые жили к северу от гуннов в районе Байкала, и отличались тем, что у них будто бы были «лошадиные голени» и они быстро бегали. Вот, смотри, — показал дядя Ёша на новый абзац. — В летописях теле названы прямыми потомками гуннов, а их язык признаётся сходным с гуннским, хотя и с небольшой разницей. Иногда теле именуются отдельным племенем гуннов. Ты почитай вот здесь, — обратил моё внимание историк на описание племён тюкю. — В другом предании сказано, что предки тюкю были особым родом гуннов, который был разгромлен врагами за исключением одного десятилетнего мальчика. Мальчика спасла волчица, спрятав его в пещере.

Я дочитал указанные мне строки и поднял глаза на дядю Ёшу.

— Они что, эти учёные мужи, нас за идиотов держат? — спросил я. — Насколько мне помнится, динлины являются прямыми потомками древних афанасьевцев, культура которых три, а то и четыре тысячи лет до н. э. была широко распространена по всему югу Сибири, в Казахстане, Средней и Центральной Азии. Об афанасьевцах известно, что они являлись яркими представителями белой европеоидной расы, точно такими же как восточные немцы, поляки или мы русские.

— Динлины были безо всякого сомнения потомками и более поздних андроновцев, мой юный друг, и карасукцев. Фактически, русоволосые и голубоглазые — ди представляли собой восточную ветвь тагарцев или азиатских скифов.

— Если гунны были их ветвью, о чём прямо говорится в китайских летописях и в твоём томе Истории Сибири, — указал я на книгу, — То получается, что народ хунну никак не может быть представителем иной расы.

— Ты абсолютно прав! — воскликнул учёный. — О том же говорят и черепа из многочисленных гуннских захоронений. Все они относятся к европеоидной расе!

— Но тогда зачем гуннов превратили в монголоидов и придумали...

— Что одна часть из них говорила на тюркском, а другая на угорском? — закончил за меня историк.

— Вот именно?!

— «Ларчик открывается просто», мой юный друг. Если признать, что гунны говорили на древнерусском то бишь скифском наречии и являлись частью русского народа, то надо переделать всю мировую хронологию. И признать за русским народом право владения Восточной и Центральной Азией. А это уже непорядок, такого допустить нельзя. Политика, юноша, политика. Она всему виной, окаянная! Ну, а теперь давай вернёмся к нашим тюркам. От кого по китайским летописям они происходят?

— От народа «чи-ди» или от тех же динлиней... Есть утверждение, что племена теле и тюкю фактически те же самые гунны... — констатировал я прочитанное.

— Значит, кто они, знаменитые тюрки? Говори, говори не стесняйся!

По всему было видно, что историк торжествовал.

— Что-то ты, я гляжу, притих... С чего бы это? Голос пропал? А ты попей водички, — протянул он мне стакан с графином.

— Истина в том, что на самом деле никаких тюрков никогда не было, — выдавил я из себя.

— Молодец! — похвалил учёный. — А кто же они всё-таки были, создатели трёх могущественных каганатов?

— Почему трёх, вроде бы двух? — попытался я поправить дядю Ёшу.

— Нет, трёх, мой юный друг, я не оговорился — трёх могущественных каганатов... Ты забыл об империи Чингисхана-Тимуджина, или Тимчака. В его империю вошли те же самые потомки динлиней или гуннов...

— Не знаю, что со мной? Ведь всё, что ты мне сейчас рассказал, в трёх словах поведал мне и «пасечник», правда, отдельно о тюркских каганатах мы с ним не беседовали. Говорили о Сибирской Руси, о походе её на Запад, и об её гибели.

— Мог бы ты и сам догадаться, что никаких тюрков в Сибири не было. Ты же знаешь об Афанасьевском времени, и об Андроновском, и о Карасукском, и о Тагарском? Это громадный исторический период. Эпоха процветания в Центральной Азии и Сибири русоволосых, голубоглазых европеоидов. Они же никуда не испарились и в раннем Средневековье, и позднее были теми, кем они являлись.

— Но тогда ответь мне, откуда взялся тюркский язык? — попросил я всезнайку.

— Охотно, — ответил специалист по тайнам истории. — Тюркский язык, по моим данным и по даоским и буддистским китайским хроникам, был создан во времена великих белых культуртрегеров Хуан-ди и Ян-ди.

— Как создан? — опешил я.

— А так, создан и всё. Таким же образом, как на Западе в Аравийских степях — арабский, а на Апеннинском полуострове — латинский. И причина была одна и та же: объединить с помощью языка различные разноплеменные и разноязычные народы. Разница лишь в том, что в Аравии новому языку учили полунеандертальцев. Людей, которые вообще не знали никакого языка. Поэтому взяли древний единый язык и, не изменяя значения слов, стали произносить его справа налево — наоборот. Таким вот образом и возник на Земле арабский. Не веришь? А ты возьми, для интереса, и прочти известные тебе арабские слова наоборот.

— Не силён я в арабском, — отрезал я. — Поверю тебе и так. Скажи прямо, что получится, не тяни.

— Получится древнерусский, а точнее, пракрит — тот ведический язык, на котором когда-то говорили твои предки. Видел пять папок «Антибиблии»? Одна из них полностью посвящена первобытному языку протосемитов. На досуге возьми её, почитай и убедись сам, что я говорю правду.

— Обязательно почитаю, но не для того, чтобы убедиться, а просто потому, что мне интересно.

— Латинский язык, как ты знаешь, объединил в единый народ всех италиков, — продолжил свою лекцию специалист по языкознанию. — На Апеннинском полуострове 2500 лет до н. э., во время переселения в Европу ариев, собрались более десятка племён картвелов и других палеоевропейцев. В середине второго тысячелетия туда прибыли из-за

Альп предки этрусков, чуть позднее к этрусскому союзу присоединились из Малой Азии лидийцы и три племени фригийцев. Потом во главе с Энеем из погибшей Трои приплыли в Италию троянцы. Латиняне, как считают некоторые исследователи, не являлись чистокровными ариями. Скорее всего, они, как и вольски, были смешанным племенем, хотя и говорили на пракрите — древнем языке суперэтноса и, когда на их земле троянцами был основан Рим и они вошли в сословие патрициев, в их среде началось становление нового языка. Почему новый

искусственный язык назвали латинским, одному богу известно. Ясно одно, что он возник на базе древнесемитского, картвельского, языка палеоевропейцев альбанов и пракрыта, вот такое «смешай господи». Занятно то, что представители негуманоидного разума несколько раз пытались общаться с землянами именно на латыни. Сейчас я говорю о «тайнах за семью печатями». И нашего разговора они не касаются. Но невольно приходит в голову, что именно они, эти змееголовые и пучеглазые, помогли когда-то землянам создать латиницу. То, что она не только объединила италиков, но, облатынив, испоганила все западноевропейские языки, по сути, оторвала их от образного лексического корня, думаю, сомнений не вызывает. А теперь перейдём к языку никогда не существовавших тюрков. Как я уже сказал, он, этот стройный и красивый тюркский язык, родился во времена великого Хуан-ди как язык межэтнического общения. Но он не является изобретением тёмного жречества. Этот эсперанто Востока был создан русскими жрецами для того, чтобы разрозненные и без конца враждующие между собой племена жёлтой монголоидной расы стали, в конце концов, понимать друг друга. Чтобы между ними прекратились войны, и они могли объединить свои силы против китайской великоханьской экспансии. В те далёкие времена, в эпоху движения на юг андроновцев, позднее — карасукцев, китайский этнос лихорадочно подминал под себя все более слабые соседние племенные объединения. Поработал не столько, чтобы превратить в данников, сколько для того, чтобы постепенно принести побеждённых в жертву. Кому и зачем, ты уже знаешь, юноша. Поэтому останавливаться на этом я не буду. Многим краснокожим родам и племенам, переселившимся на материк с погибшего Му, от древнекитайских сатрапов и императоров грозила неминуемая гибель. Поэтому и был дан соседним с Китаем народам язык общего пользования. Благодаря этому языку разрозненные племена монголоидов и краснокожих не только стали понимать ДРУГ друга, но и между собой объединяться. Им легче стало сопротивляться напору ханьцев, и что немаловажно, заключать торговые договора. Правда, европеоидам: чжоу, жужанам, динлинам пришлось тоже знать новый язык. Для них он стал, в какой-то мере, вторым языком общения. Без него невозможно было общаться ни с представителями жёлтой расы, ни с вымирающими краснокожими... Ты слышал когда-нибудь о том, что тюркский язык близок к некоторым языкам североамериканских индейцев? — спросил меня историк.

— Слышал, что он походит на язык племени дакота. Очевидно, Дакоты жили когда-то в Китае и ушли на север. А потом в Америку, и не так давно, — сделал я своё умозаключение.

— Возможно? — улыбнулся моей наивности учёный. — А ты не допускаешь, что дакоты могли смешаться с теми, кто пришёл к ним из Азии? Есть у них такая легенда о приходе на «Великие равнины» родов с запада.

— С тобой, дядя Ёша, я всё допускаю... Скоро вообще перестану удивляться... Особенно после того, как ты мне расскажешь о том, что тюркский язык был создан из древнерусского.

— Правильно, из древнерусского ведического языка! С примесью лексики азиатских краснокожих и переселенцев из Тибета. Ты просто молодчина — угадал! — засмеялся специалист по тайнам лингвистики. — Для себя я этим вопросом занимался лет десять. И пришёл к такому вот выводу. Вон та, вторая папка моей «Антиторы», — показал дядя Ёша на свою заветную полку, — как раз и посвящена происхождению сибирского эсперанто. Можешь её открыть и убедиться. В ней более пяти тысяч сравнений тюркского с древнерусским, старотибетским и некоторыми языками североамериканских индейцев. И «за уши» я ничего не притягивал, брал только то, что лежит на поверхности, Гера.

— Вот ты мне поведал и про вторую папку своего «Антипятникнижия»! — потёр я ладонями. — Осталось ещё три, но думаю, ты скоро расскажешь мне и о них...

— Конечно, расскажу, — добродушно улыбнулся историк. — От тебя у меня тайн быть не

может. Но раз уж мы задели тему Сибирской Руси, мне хочется к тому, в чём мы уже разобрались, кое-что добавить. Чтобы у тебя сложилась более целостная картина, юноша. Как ты должен знать, после гибели второго тюркского каганата, власть в Центральной Азии перешла к так называемым уйгурам. Кто же были эти самые уйгуры и откуда они взялись? Давай-ка, откроем эту книгу и кое-что о них узнаем.

Учёный снова взял в руки первый том Истории Сибири и открыл его на 284 странице.

— Вот видишь, написано — уйгуры — второй подзаголовок. Читаем: «*только в начале VIII века, когда второй восточно-тюркский каганат, раздираемый внутренними противоречиями, переживал глубокий кризис, уйгуры усилились. Они возглавили объединения племён Центральной Азии враждебных тюркам — тюкю...*» Но тюкю, как мы уже знаем из первой главы о тюрках, по сути, являлись теми же самыми гуннами, и обычаи у них были гуннские... Гунны же являлись одной из ветвей динлинов, а последние представляли собой центрально-азиатских скифов — потомков русобородых и голубоглазых андроновцев и карасукцев. Вот и вся загадка уйгуров. Просто надо повнимательнее читать и научиться самостоятельно думать. Разбираемся дальше. Страница 288: «*вместе с тем имеется ряд черт, свидетельствующих о среднеазиатском воздействии на уйгуров. Это проявлялось, прежде всего, в архитектуре и строительном деле. Например, в применении сырцовых кирпичей того размера, который характерен для архитектуры Семиречья, Чага, Согда VII–IX вв. Наличие среднеазиатского влияния и, прежде всего, воздействия согдийской культуры не может вызвать удивления. Ещё в VI–VII вв. в каганате восточных тюрков жили согдийцы. Количество их колоний в Центральной Азии значительно увеличилось при уйгурах*». Теперь вопрос: почему согдийцы жили на территории обоих тюркских каганатов и на землях уйгуров как свои? Мало того, что просто проживали, но ещё и интенсивно по владениям уйгурского каганата расселялись? Какой-то странный симбиоз двух абсолютно различных народов и, казалось бы, совершенно разных рас? Один народ, как ты знаешь, кочевой, другой оседлый... Вроде бы они должны быть смертельными врагами? Понятно, что таков взгляд у прикормленных ортодоксов. У независимых и думающих исследователей такого вопроса возникнуть просто не может. Потому что им хорошо известно, что народы никуда бесследно не исчезают. Были во II веке до н. э. в Центральной Азии русы-тагарцы и, вдруг, в одночасье, на их месте появились тюрко-угроязычные хунну? Кстати, тоже представители той же самой тагарской культуры... Такое может произойти только на бумаге. Она, бумага, всё стерпит! А потом эти страшные монголоидные и свирепые хунну вдруг через пару веков превратились в новый народ — в могущественных кочевников тюрков! Тюрки же, в скором времени, обернулись уйгурами, курыканами, кыргызами, в XII веке монголо-татарами. Самая настоящая бессовестная подтасовка фактов! И это легко доказывается тем (я не буду говорить о других доказательствах, их тоже уйма), что согдийцы, потомки среднеазиатских саков, или по-гречески массагеты, были равноправной частью тюркского общества. Они из захваченной арабами Средней Азии в массовом порядке перебирались на Алтай, в Минусинскую котловину, и даже к курыканам в Прибайкалье. С собой на новую родину согдийцы принесли культуру земледелия и строительства. Всё просто: русы юга расселялись по Сибирской Руси. Родственные народы притягиваются друг к другу, подобное к подобному. Арабы согдийцам были врагами, тюрки — нет! Это и понятно, потому что никаких тюрков никогда не было. Существуют они только на бумаге. Мне хочется развеять ещё один миф, юноша, — поднял на меня испытывающий взгляд историк. — Помнишь, сколько восторженных слов высказали некоторые писатели в адрес монгольских коней? Взять того же Яна в его трилогии «Чингисхан»? Кстати, ты сам-то монголок видел?

— Не только видел, но и катался на них.

— Где это?

— В Прибайкалье, в Усть-Ордынском Бурятском национальном округе.

— Ну и как? — не унимался учёный.

— Не поймёшь: то ли конь, то ли осёл? Ни скорости, ни выносливости! Галоп вялый, рысь еле-еле... Ноги-то короткие... Зато злющие — ужас! Чуть что — сразу и лягаться, и кусаться...

— Вижу ты по монгольским скакунам знаток! А теперь подумай: могли на таких конях монголы покорить полмира?

— Нет, конечно! На монголке и догнать не догонишь, и ускакать не ускачешь. Да и война в доспехах она не выдержит — лапки надломаются...

— Вывод верный, но не для научных кругов. Они, наши прикормленные, думают иначе. Их бы на монголках покатавать... Много им чести! Всё равно ничего не поймут... На вот, смотри какими конями владели некогда сибирские русы, — снова положил передо мной первый том Истории Сибири знаток азиатской культуры. — Вот страница 292, как раз речь идёт о курыканах. Они жили там, где сейчас расселены буряты, где ты гарцевал на монголках, — добавил он с иронией в голосе.

Я взглянул на указанную страницу и стал читать:

— *Важное место в хозяйстве курыкан, судя по культурным остаткам, занимало скотоводство, которое было основой материального благосостояния населения и служило предметом их мировой торговли. Особенно славились они разведением лошадей, что отмечают и летописи. В них говорится, что страна гулианей производила превосходных лошадей, которые с головы похожие на верблюда, сильны, рослы: в день могут пробежать по несколько сот ли.*

— Вот тебе и монголы?!

— А знаешь, сколько метров в китайском ли?

— Вроде бы шестьсот, — припомнил я.

— Если всего две сотни ли, то получается 120 километров! Не проходят, а пробегают за один день! Ты знаешь на земле породу коней способную на такое?

— Я не специалист по коням, поэтому судить не могу, — сказал я.

— Я тоже не специалист, но в литературе по коневодству сказано, что некоторые выдающиеся арабские и ахалтекинские скакуны могут пробежать в сутки до 100 километров. Некоторые и особо выдающиеся! А теперь давай, ещё кое-что прочтём о сибирских породах лошадей вот здесь, на странице 296, — ткнул своим пальцем исследователь.

— *Писаницы шишинских скал отражают основу хозяйства курыкан — скотоводство и главную направленность его — табунное коневодство, — погрузился я в чтение. — На нескольких изображениях в деревне Шишино и на плитах из Михайловского городища всадникам и лошадям принадлежит первое место. Из 63 в Манхае на 44 изображены кони и всадники. Лошади в основном поджарые с длинными и сухими ногами, шея длинная и тонкая, голова лёгкая удлинённая. Имеются изображения лошадей и мелкорослой породы. Лошади по этим рисункам сравнительно коротконогие, голова их крупная, шея короткая. Вероятно, эта байкальская порода лошадей сохранилась до наших дней.*

— Как видишь, имеются и изображения сибирских скакунов. Теперь ты понимаешь, на каких боевых конях совершали свои походы потомки андроновцев, карасукцев и тагарцев. На каких конях вели свои завоевания легендарные чжоунцы, жужане, динлины, гунны и те, кого историки называли тюрками и татаро-монголами? На конях-птицах! На таких лошадях, какие европейцам до прихода киммерийцев и скифов и не снились. Этих высокоалюрных, рослых, невероятно выносливых и быстрых коней тысячи лет разводили на просторах Азии. И исчезли они только тогда, когда растворились в других этносах и переселились на запад их хозяева. Южными потомками боевых сибирских коней можно считать туркменских ахалтекинцев. Слава

вседержителю! Они пока ещё не вымерли...

— Кое-что о сибирских скакунах «пасечник» мне рассказывал. Говорил, что они были чуть горбоносые и высоконогие. И ещё необыкновенно выносливые и резвые, — добавил я.

— Одно дело ты о них слышал, другое дело прочёл. И где? В истории, которую составили ортодоксы! Под редакцией самого Окладникова.

— Наверное, благодаря ему мы и отыскивали противоречия? Возможно, он специально не стал придираться к неточностям, чтобы до умных людей могло дойти, чем их интеллектуально потчуют? — высказал я предположение.

— Вероятно... — с загадочным видом, кладя на полку Историю Сибири, сказал дядя Ёша. — Ну вот, вроде бы наше вынужденное отступление от темы закончилось. Хотя, никакого отступления на деле, мой юный друг, не было. Просто копнули немного глубже. Думаю, что это тебе на пользу, — наклонился он опять над своей картой. — На чём мы остановились? На том, что Вещий Олег восстановил по левому берегу Дона все старинные русские крепости. Те крепости были построены в эпоху прихода в Семендер и другие города восточной части Русколани сбежавших из захваченной арабами Согдианы богоизбранных. Государственный переворот Обадии, который произошёл в восточной части огромного государства, разорвал его на две части. Западная часть Русколани, которая в культурном отношении была ближе к Европе, чем к степи, стала отделяться от её восточной части. Окончательный разрыв произошёл в 810 году, когда закончилась на берегах Каспия и Волги братоубийственная гражданская свара. 810 год можно считать годом возникновения на равнинах Восточной Европы двух каганатов. Восточный Хазарский каганат со столицей в Семендере и западный Русский каганат со столицей в Киеве. О Русском каганате рассказывается в арабских и персидских хрониках. Они так и называются: Истории о Русском каганате (перевод 1869–1870 гг. Д. Хьюльсон, А. Горкова). О Русском каганате рассказывает в своих трудах и Константин Багрянородный. Хазары и построили Саркел на месте древней Белой Вежи против своего нового противника — Русского каганата. Западный же, Киевский каганат, начал строить по левому берегу Дона для защиты от своего переродившегося соседа цепь мощных крепостей. Первые 30 лет ни хазарские войска, ни «мирные иудейские ростовщики» не беспокоили своего западного противника. Все дороги на Русь и для тех, и для других были закрыты. И тогда еврейские правители Хазарии применили свой излюбленный приём: войну чужими руками и на чужой земле. Они каким-то образом уговорили своих восточных союзников — азиатских русов-печенегов пропустить через свои землидвигающихся на северо-запад, под напором арабов с юга и тюрок-гузов с востока, многочисленные и сильные племена мадьяр. Мадьяры кочевали из Центральной Азии в направлении южного Урала в поисках новой родины. Шли они древней кочевой дорогой, какой в начале VI века отодвинулись на север, подальше от русов-тюрок, их родственники — три угорских племени. Со временем одно из них на западных склонах Урала превратилось в народ вогулов-манси. Два других, на северо-восточном Урале стали теми, кого мы знаем под именем хантов. Вот почему у современных лесных угров: и у манси, и у хантов в древних преданиях рассказывается о бескрайних просторах, о табунах овец и коней, о степных богатырях и о солнечном небесном всаднике Мирсунэхуме. Прости за лирическое отступление, юноша. Просто вспомнил о своей молодости, о времени, когда работал на Урале с этнографами. О своей встрече с «пасечником». Он тогда на Куновате показал нашему руководителю руины неведомого города. Местные его называли поселением великанов «менквов». Как давно это было! Но вернёмся к мадьярам. Их кочевое государство, окружённое со всех сторон врагами, дойдя до южных склонов Урала, намеревалось объявить войну и Хазарии. Но иудейские правители хазар с уграми воевать не собирались. Они задарили мадьярскую верхушку своим золотом и направили её через земли каганата на запад за Волгу и Дон, на своего врага — русское Киевское государство. В 838 году

мадьяры переправились через реку Ра, и подошли к Дону. До зимы они топтались на левом берегу Дона, пытаясь пробиться через русские пограничные крепости. Когда на реке лёд окреп, мадьярам удалось прорвать русскую оборону. В спешном порядке брошенные против угров киевские войска были разбиты. Летом 839 года мадьяры разгромили племя савиров-северян и племя полян. Их полководец Алмус, как повествует венгерская летопись, осенью 839 года осадил и взял Киев. Таким образом, с западным Русским каганатом было покончено. С помощью угров Хазария убрала со своей границы русские заставы и разделалась со своим соперником. Теперь можно было грабить западную часть бывшей Русколани сколько угодно. Не только грабить, но и управлять ею: ставить в её городах своих наместников, навязывать хазарские законы, создавать обменные и ростовщические конторы. Мешали только бывшие союзники — мадьяры. Последние стали расселяться на захваченных антских территориях и никуда не собирались уходить. И тогда хазары натравили на урало-сибирских печенегов принявших ислам среднеазиатских родственников тюрок и согдов-гузов. В исторической литературе написано, что якобы печенеги проиграли войну гузам. На самом деле такого не произошло. Печенеги, поняв, что натворили угры за Доном, сами двинулись на запад. Они объявили войну и Хазарии, и мадьярам. Кем были легендарные печенеги, ты знаешь: теми же самыми русами. Их предки в IV веке пришли в Центральную Азию из западного Китая. На востоке они назывались жужанами. На севере стали зваться русами-печенегами. Каганат стремился, чтобы печенеги, переселившись на запад, вытеснили оттуда угров. Но он желал другого переселения. Хазарский бек рассчитывал, что разгромленные в войне с гузами бывшие жужане попросят у хазар спасения, и, вытеснив из южнорусских степей ослабленных в войне с Русским каганатом угров, останутся верными союзниками Хазарии. Но случилось иначе: в борьбе с гузами печенеги одержали верх и, поняв, какую роль в их войне с мусульманами сыграли хазары, тут же объявили войну каганату. Они в 842 году огнём и мечём с востока на запад прошли всю Хазарию и, перейдя Дон, обрушились всей своей силой на угров. Под натиском печенегов мадьяры снова покатались на запад. На этот раз, на Дунай — в полухристианскую Моравию. В короткий срок азиатские русы-печенеги захватили всё северное Причерноморье. Они тут же вступили в союз с уцелевшими от нашествия мадьяр антскими родами. И вместе с ними занялись строительством городов и крепостей против Хазарии. Фактически, на территории разгромленной уграми Руси возникло два общества. Одно было вынуждено считаться с интересами Хазарии. Принимать её купцов и ростовщиков, другое — южное, интересами каганата пренебрегало. А теперь вопрос: зачем нужно было новгородскому князю Гостомыслу приглашать на Русь своего внука Рюрика? Да ещё с двумя братьями? Ответ предельно прост: нужно было, как можно скорей усилить Русь. Усилить так, чтобы полностью лишить восточного противника посредством силового диктата управлять последней. Гостомысл стремился снова возродить Русский каганат, возродить его таким, каким он был до угорского нашествия. Мечты Гостомысла воплотил в жизнь не Рюрик, а его родственник князь-жрец Олег — единый правитель Киевской державы. По арабским и хорезмским летописям — новый русский каган. Как ты уже знаешь, он и восстановил разрушенные по правому берегу Дона старинные русские укрепления. Летописи рассказывают, что Олег сразу после того, как им был убит перешедший в христианство киевский князь Аскольд, заключил против Хазарии долгосрочный союз с правителями печенегов. Тем более что хазары тоже не дремали: их усилиями и держались у власти в Киеве принявшие христианство Аскольд с Диром. Именно они, эти два византийских и одновременно хазарских ставленника, и стремились к войне Руси с врагами хазар — печенегами. Опять то же самое: «чужими руками и на чужой земле». Но Вещий Олег замысел хазар понял и сделал всё наоборот.

Глава 13. Вопросы и ответы

— А теперь попробуем вместе разгадать вот какую загадку: великий Олег умер в 912 году. Он оставил сыну Рюрика Игорю едва ли не самую могущественную в Европе империю. Заново восстановленный и предельно усиленный союзом с печенегами и варягами каганат. И что же? Через 3 года после смерти Олега, в 915 году, Киевом в одностороннем порядке расторгается союз с печенегами. Почему? Об этом не повествует ни одна из сохранившихся летописей. Известно то, что печенеги осенью 915 года атаковали Киев. Опять возникает вопрос, почему именно Киев? А не Новгород-Северский или ещё какой русский город? В те времена на границе со степью стояли десятки русских городов. Значит, у печенежских князей были счёты не с Новгород-Северским, и не с Черниговом и, конечно же, не с простым близким по языку и культуре русским народом, а именно со столицей. Чем им, властелинам степи, столица Руси не угодила? Если бы стоял вопрос только о военной наживе, то было бы проще взять штурмом что-нибудь более доступное. Значит, у печенежских ханов основные причины нападения на Киев были иными. Но тогда, что же их заставило устроить поход на столицу возрождённого каганата? Ответ может быть только один: ведические печенеги были возмущены не только разрывом с ними дипломатических отношений, но и прямым предательством киевской элиты, которая после смерти Олега стала сблизиться с Хазарией. На что указывают многие факты. Прежде всего, это возникновение в Киеве большой иудейской общины, точно такой же, какая существовала при христианском князе Аскольде. Возмущало печенегов и поведение киевских христиан, которые почувствовав поддержку киевского двора, стали открыто притеснять не только ведических русичей, но и призывать к покорению и превращению в христиан детей степи — потомков доблестных жужан-печенегов. Возможно, по этой причине и был расторгнут союз двух народов. Понятно, что к принятию рокового решения подтолкнули киевскую элиту иудейские суфлёры и их христианские союзники. Доказать это можно проще простого: через 4 года после нападения печенегов на Киев Хазария начала большую войну с Византией и с Русью... Её полководец Песах с сильным, хорошо обученным, мусульманским войском вторгся в причерноморские владения Византии и стал брать один за другим все её города. Удар хазар по Крымскому полуострову был ужасен. Там, где двигалось их войско, оставались одни обгоревшие руины. Покончив с византийцами в Крыму, Песах бросил своё войско на Русь. У Самкерца, на Таманском полуострове, он наголову разбил русскую армию и двинулся на Киев. Осада Киева хазарами была недолгой. Во время неё начались волнения в поддержку хазар не только в среде иудеев, но и среди киевских христиан. Перепуганный начавшимися беспорядками Игорь вынужден был заключить с Хазарией позорный мирный договор. По этому договору, во всех подвластных Киеву городах, русские власти не должны препятствовать появлению ростовщических контор. И киевский правитель был обязан охранять их от расправы, в случае возмущения, от своих же сограждан. Кроме этого, от Киева отпали уличи, тиверцы. От него отошло Полоцкое княжество, Северская же земля опять попала под контроль Хазарии, но это ещё не всё. С похода Песаха беды Руси только начались. Видя явное ослабление Киева, Константинополь отказался от принятого в 907 году мирного договора. В отношениях с Византией Русский каганат оказался снова на исходных позициях. И Киев был вынужден начать против империи военные действия. В 941 году на 500 кораблях к Константинополю двинулось русское двадцатитысячное войско. Но удивительное дело, хотя кампания готовилась в строжайшей тайне, для греков появление у стен их столицы русского флота не стало неожиданностью! И войско, и флот Византии были готовы к нападению. Чем закончился этот поход русских войск на Константинополь, ты знаешь: полным разгромом русского воинства! В

Киев вернулись жалкие остатки опозоренной и обескровленной армии. Если верить византийским хроникам, взятых в плен русских воинов сначала ослепили, пытали, а потом казнили. По отношению к побеждённым хорошо видно, что империя в войне с Русью приобрела такую уверенность, что стала применять к пленным крайнюю жестокость. Византийцы почему-то перестали бояться Киева. Откуда пришло к ним такое пренебрежение и бесстрашие по отношению к русам? Уж не виновата ли была в этом киевская элита? Видишь, сколько загадок, юноша. Сплошные загадки! Сразу же после смерти Олега в Русском каганате всё пошло сикось-накось. Да и сама смерть Вещего сокрыта туманом неясности. По письменным источникам он умер вроде бы от укуса змеи. Но как змея могла прокусить толстый кожаный воинский сапог? Можно согласиться с тем, что Олег любил ходить босиком. Но на равнинах Восточной Европы ядовитее гадюк змей нет. Яд же самой злобной из них не способен убить и собаку. При нападении наших северных змей «отдают концы» больше от страха, что укушены, а не от самого яда. И это давным-давно известно. Олег же был волхвом. Он, наверняка, знал и заговор от змеиного яда, и лекарственные снадобья. Может змею просто приплели? Надо было как-то объяснить, что правитель отравлен. Тогда кем? И кто заказчик?

То, о чём рассказывал историк, не укладывалось ни в какие привычные представления! И я слушал его, концентрируя своё внимание на каждом слове. Было ясно, что учёный подводит меня к какой-то очень серьёзной тайне. Может и не одной... Поэтому всё, что касалось Руси, Хазарии и Византии он описывал с такими подробностями, от которых захватывало дух. А между тем специалист по тайнам прошлого продолжал:

— Две военные катастрофы заставили Игоря пересмотреть своё отношение к печенегам. Наконец-то до него дошло, что союз с Южной Русью обеспечит Киеву не только мощный заслон против Хазарии, но ещё и даст Руси в войне с Византией одну из лучших на Земле конницу. И в 942 году сын Рюрика направляет к князьям Южной Руси своё посольство. Игорю удалось восстановить былой мирный договор ещё и потому, что печенеги тоже стремились к миру с Русью. Объединив два войска: русское с печенежским, киевский правитель вместе с князьями-союзниками и балтийскими русами, своими родственниками, снова в 943 году двинул свою армию в пределы империи. Игорь пылал гневом и мстью. На Руси издеваться над пленными считалось величайшим грехом. Такими художествами грешили только христиане и хазарские иудеи. Но вот беда — византийцы снова заранее узнали о походе! В летописи сказано, что жители Херсонеса уведомили императора о том, что на Константинополь снова идёт русский флот. Как им это удалось? Они что, из Крыма на самолёте прилетели в столицу? Опять загадка! Значит дело не в «жителях Херсонеса». Тем более что устье Днепра ближе к Босфору, чем Таврида. Понятно, что уведомил кто-то другой. Тот, кто хорошо знал, чем занимается Игорь и его союзники. Кто же это интересно был? Может византийский резидент или даже целая сеть лазутчиков? Но тогда они должны были находиться совсем рядом с русским каганом-князем. Как известно, ни Олег, ни Игорь свои намерения не рекламировали. И потом, не надо считать идиотами византийцев. Что-что, а у них шпионская сеть работала чётко. Но с Олегом, как мы знаем, она им не помогла. При нём русы обрушились на Константинополь как «снег на голову». К войне греки подготовиться не успели... А теперь посмотрим, чем закончился второй поход Игоря на Византию? Не успел русский флот целиком выйти в море, как к князю прибыли византийские вельможи. Они стали уговаривать его не ходить на Константинополь. Ограничиться данью, которую взял когда-то Олег. Дойдя до устья Дуная, Игорь собрал совет дружин. Летопись говорит, что командующий русской армией стал отговаривать своих воинов идти дальше. Дескать, и без битвы мы возьмём и золото, и серебро, и ткани. Ведь неизвестно, кто одолеет — мы или они? Здесь Игорь был, конечно, прав. Византийцы, кем-то заранее предупрежденные, ждали его армию во всеоружии. Фактор внезапности был опять потерян.

— Не тяни за душу, кого ты имеешь в виду? — остановил я разгорячённого рассказчика. — Кто, по-твоему, так старательно «запихивал палки в колёса» русскому государству?

— Терпение мой юный друг, терпение. Я хочу, чтобы ты сам догадался. Поэтому послушай ещё немного, — осадил он меня. — Мало кто знает, что Игорь был великолепным полководцем. Обычно его принято поливать грязью: дескать, не умел управлять войсками, поэтому и проиграл войну с Хазарией... А потом и с Византией! Проиграл Игорь и ту, и другую войны совсем по другой причине: когда рядом с тобой предатель, он тебе улыбается, делает вид, что любит, что предан тебе до гроба, а сам роет яму, попасться в ловушку немудрено. Игорь всю свою жизнь сваливался в такие вот ловушки. И смерть его тоже таит массу вопросов. Но о ней мы поговорим позднее. Сейчас тебе надо убедиться, что Игорь был отменным полководцем. Об этом говорит его поход в 945 году на арабов. В наших русских летописях мало что говорится о Каспийском походе русских. Обычно упоминается, что следуя договору с Хазарией, правитель Киевской Руси где-то на территории кавказской Албании разгромил наголову дведвигающиеся на Дербент арабские армии. Две армии непобедимых арабов! Случайными такие победы не бывают. За плечами у арабов был опыт борьбы с персами, византийцами, согдами и афганцами... Однако, русская армия их сокрушила. Численное же превосходство было и в первой, и во второй битве не на стороне русских. О тех событиях подробно рассказывает не только персидская летопись, но и арабская-дамасская. Очевидно, предателей рядом с русским полководцем на сей раз не оказалось... Когда о Светославе говорят, как о великом полководце, это и понятно — сын пошёл в отца. И у того, и у другого даже смерть чем-то похожа. Игоря ухлопали свои же и Светослава тоже. Знаешь, почему смерть у Игоря стала загадочна? Потому что она противоречит всякому здравому смыслу и вот почему: во-первых, чтобы вот так запросто отправить на тот свет правителя Руси, надо было иметь гарантии. Гарантии того, что армия Киева не обрушится на землю древлян и их стольный град — Искоростень. Как ты думаешь, кто мог дать древлянскому князю Малу такие вот гарантии?

— Только жена Игоря — Ольга! — невольно вырвалось у меня.

— Вот ты и назвал имя той змеи, которую пригрел на своей груди доверчивый сын Рюрика, — улыбнулся горькой улыбкой учёный. — Убеждён, что именно, она «укусила» Вещего Олега, а не гробовая гадюка, на которую свалили преступление. И ты в этом скоро сам убедишься, юноша. Теперь о ловушке, в которую угодил Игорь. Летопись лжёт, что князь пошёл собирать дань во второй раз. Зная, что ему ничего не угрожает, он решил последний штрих по сбору дани довершить сам без дружины, потому что взять, по сути, осталось совсем немного. Так как основная дань была уже собрана и под охраной дружинников отправлена в столицу. Если бы Игорь Рюрикович решил брать дань по второму кругу, он, как умный человек, не отпустил бы дружину, а наоборот, боясь волнений народа, её бы усилил. И потом, дружинники были нужны не столько для охраны, сколько для транспортировки собранного. Идти за сбором даже с малым количеством людей, значит переложить работу по упаковке и перевозке фактически на себя. Чего уважающий себя повелитель не мог. Так что не надо обвинять Игоря в корысти, и не надо из него делать дурака. Против него был устроен самый настоящий заговор. Очевидно, Ольге очень захотелось поцарствовать, а может выполняла приказ своих заморских хозяев? Может и то, и другое.

— Заморских хозяев? — переспросил я. — У тебя что, есть сведения, что княжна была связана с византийцами?

— С Ватиканом, юноша. Княгиня Ольга всю жизнь работала на папскую курию. И это легко доказать. Помнишь, как княгиня разделалась со своими сватами из Искоростеня?

— Она их всех заживо сожгла, не то в бане, не то в специально вырытой яме.

— Это не имеет значения, Гера. Главное, что сваты были. А раз так, то зная законы древней

Руси, можно смело сказать, что между нею и князем древлян Малом был стговор. На Руси всегда посылали сватов с согласия невесты. Смерть же несчастных сватов совершена в лучших традициях папства. У них на Западе огонь был всегда на первом месте. Такова традиция римской церкви. Если бы Ольга своих сватов отравила, то это было бы уже чисто по-византийски. По традиции греческого православия.

— А если бы она их повесила? — спросил я. — Какая бы здесь прослеживалась традиция, по-твоему?

— Чисто протестантская, — невозмутимо сказал учёный.

— А как по нашей ведической традиции? — стал наступать я на дядю Ёшу.

— Ведическая традиция никогда бы не допустила вероломства и обмана, юноша. Потому и погиб Игорь Рюрикович, что жил в этой традиции и не смог допустить, чтобы рядом с ним, в нежном женском облики притаился смертельный враг, — пробасил антрополог. — Я вижу, тебе нужны ещё доказательства? Их сколько угодно: то, что феноменом Ольги объясняются все неудачи Игоря, я думаю, до тебя уже дошло. Кто-кто, а она знала своего мужа. Знала, что он замышляет и к чему стремится. Она и организовала в Киеве христианскую общину и через неё посылала свои депеши и в Константинополь, и в Рим, и в Хазарию. Еврейские же купцы могли быть неплохими почтальонами и финансистами.

— Это пока твои предположения, дядя Ёша. А мне нужны доказательства. Что-то более веское, — процедил я.

— Сейчас они у тебя будут, Гера, дай только добраться до этой вот папки, — проворчал учёный. — Ты видишь, вот она, моя третья подборка редких летописей в «Антибиблии»...

Учёный достал с полки свою папку, протёр с неё пыль. И через несколько минут положил передо мной русский перевод какой-то древней болгарской летописи.

— На почитай, убедись своими глазами, откуда получил в подарок свою жену сын Рюрика.

Я взял в руки болгарскую летопись и, прочитав страницу, оторопел: в ней говорилось, что киевская княгиня Ольга была родом с берегов Дуная из местечка Плесны, она являлась представительницей знатного болгарского рода. Корни которого, по линии матери, идут от византийского императора Льва Исаврянина, того самого, который пытался крестить византийских евреев... Узнал я, что Ольга приняла крещение ещё в раннем детстве. И пока был жив её русский муж, ей приходилось делать вид, что она, как и он, язычница. Но поразило меня другое: в летописи было сказано, что в Болгарии Ольга была замужем. Но её муж по какой-то причине погиб. И она вынуждена была во второй раз выйти замуж уже за наследника Киевского престола... Я оторвал глаза от текста и спросил:

— Может это подделка? Или ты меня просто разыгрываешь?

— И не подделка, и не разыгрываю, — положил на место перевод болгарской летописи учёный, — и в этом ты скоро убедишься. Меня удивляет другое, как она сохранилась, эта летопись? — кивнул он на папку. — Дело в том, что перепиской летописей занимались не только Романовы. Такими делами грешили и Рюриковичи. И как я полагаю, началось всё с Ольги. Потому урождённая болгарка и стала считаться чистокровной русской боярыней из Пскова. Так что верить датам и летописям с периода её правления не стоит. То, что написано в «Повести временных лет» больше половины ложь. И вот почему: она была составлена Нестором и не раньше XII века. Значит, Нестор её писал для дома Рюриковичей. А теперь начнём по порядку, Гера. Известно, что Олег наследовал Русь после смерти Рюрика. Но в те времена просто так власть не давали. Князем становился только тот, кого выдвинули жрецы, и за кого голосовало всенародное вече. И этот закон был незыблем вплоть до XII века. До времени становления на Руси христианства. Так что Олег не мог быть узурпатором. За него проголосовала Русь. Это раз. И второе: у Юрия Миролюбова есть упоминание, что Вещий Олег

вообще не был ободритом. Он был представителем древнего антского рода. Как и его воспитанник, Игорь... Если верить тому, что откопал Мироллюбов, то получается, что у нас на Руси никогда никаких Рюриковичей не было.

— Кто же тогда был? И почему они себя именовали Рюриковичами?

— Вот мы сейчас с тобой и разберёмся, — сверкнул своими чёрными глазами учёный. — Попробуем найти истину... И начнём её искать с женитьбы Игоря на Ольге. В некоторых летописях, например, в «Повести временных лет», говорится, что Ольга вышла замуж за Игоря в 903 году. Получается, что Игорю было 25, Ольге же исполнилось всего 10. По закону ведической Руси мужчина имел право жениться, когда ему исполнялось полных 25, детей же он заводил только после 33, когда наберут силу в его силовом коконе все центры сознания. Девушек же выдавали замуж не раньше 18. Как видишь, дата женитьбы Игоря на Ольге в 903 году — «бред сивой кобылы»! По-другому не назовёшь. И придуман он христианами, которые не потрудились, хотя бы для правдоподобного вранья, познакомиться с ведическими традициями предков. Скорее всего, брак Игоря с Ольгой мог быть в 912 году. С чего я это взял? С того, что Игорю в том году исполнилось 34 года. Родился Игорь — в 878, посчитай. По древней ведической традиции самое время заводить семью и обзаводиться детьми. Ольга же по некоторым летописям была на 15 лет младше Игоря. Значит, её возраст не превышал 19 лет. Дата её рождения тоже известна — это 893 год. Теперь подумай сам, могла христианка Ольга помочь кагану Олегу отправиться к предкам? Вполне! Женщины взрослеют рано. И она была уже не девочкой. Возможно болгары, в лице своего царя Симеона, который панически боялся усиления Руси, и подсунули её Игорю. Так это или нет? Ответить на этот вопрос в наше время трудно. Но то, что смерть Олега совпала с появлением у Игоря жены Ольги — факт. Факт и то, что придя к власти, молодой Игорь меняет свою политику. Он становится более лояльным к христианам и иудеям. Явно, им кто-то управляет. Это видно из того, что Игорь разрывает союзный договор с печенегам. Это и приводит к поражению Руси в войне с Хазарией. О походе Песаха мы с тобой уже говорили. Разбирали подробно и причины поражения Руси в войне с Византией. То, что Игорь Рюрикович был хорошим полководцем более всего и доказывает предательство. Прежде всего, тех, кто находился с ним рядом. Мы с тобой разобрали вариант гибели сына Рюрика описанный в хрониках XI–XII веков. Но всё, что там изложено, рассчитано на дураков. В чём очень легко убедиться. А теперь я тебе предложу ещё одну версию убийства Ольгой своего мужа. Точнее, речь пойдёт не о версии, а о факте. Потому, что ему имеется масса подтверждений. В Норвегии сохранилась сага о походе в середине X века на Киев двух конунгов: Стурлауга Трудолюбивого и Фраг-Мара. Их союзником оказался в том походе ещё и полоцкий князь, враг Киева, Рогволод. Спрашивается, что толкнуло Стурлауга с Фраг-Маром на войну с Гардарикой? Только ли жажда пограбить? К тому же, во времена противостояния ведического мира экспансии христианства? В эпоху, когда и в Европе, и в Азии два враждебных друг другу лагеря наносили смертельные удары. Понятно, что дело было не только в захвате добычи. Тем более, что норвежские конунги совсем недавно присягнули Риму и теперь вели борьбу не на стороне ведического мира. Но любопытно вот что: поход норвежцев был приурочен к возвращению русского войска с юга, с территории кавказской Албании, где оно нанесло поражение арабам и захватило город Бердоа. Армия Игоря пришла усталой и обескровленной. Но всё равно было бы проще напасть на русские земли тогда, когда ни Игоря, ни его войск в Гардарике не было. О чём это говорит? Да о том, что норвежцам был нужен, прежде всего, сам Игорь. Тогда зачем? Ответ прост: чтобы освободить Ольгу от ненавистного ей мужа. Доказательством может служить то, что Фраг-Мар считал себя вправе посватать Ольгу. Что он собственно и сделал после смерти Игоря. Правда, как и следовало ожидать, получил от ворот-поворот. В поздних русских летописях конунг Фраг-Мар и превратился в древлянского князя Мала. Но какая разница: Фраг-

Мар или Мал? Важно то, что мы имеем дело с заговором. Очевидно, Ольга сговорилась с Фраг-Маром и Стурлаугом тогда, когда Игорь воевал на чужбине. После его возвращения она и дала знак для нападения. И время выбрано ею было удачно. Как раз Игорь отказал своему вассалу Свенельду в сборе дани с древлян. Очевидно, боярин вёл себя на древлянской земле не как сборщик налогов в пользу государства, а как хапуга в свою пользу. Об этом инциденте упоминается в Лаврентьевской летописи. Естественно, в лице Свенельда Игорь приобрёл злейшего врага. Можно предположить, что Свенельд, понимая к чему стремится Ольга, принял её сторону. Викингов же понять ещё проще, оба: и Стурлауг Трудолюбивый, и Фраг-Мар, будучи уже крещёнными, шли спасать княгиню христианку от мужа язычника. Так сказать, вершили богоугодное дело. Они двинули на Русь целое христианское войско. По саге, 300 гружённых воинами ладей. Сначала их флот поднялся по Западной Двине, потом ладьи были перенесены в Днепр. Спускаясь к Киеву, новоиспеченные норвежские христиане пополнились войском своего союзника, князя Полоцка, Рогволода, который либо сочувствовал христианству, либо его принял... Возможно, по этой причине между викингами и славянами никаких распрей во время похода не было. Игорь тоже собрал свою ещё не отдохнувшую после похода армию. И на берегу Днепра встретил пришельцев. В саге сказано, что битва между союзниками и киевским конунгом длилась трое суток. Ни та, ни другая сторона не уступали друг другу ни в силе, ни в стойкости. Но вдруг, часть киевской рати покинула поле битвы. И Ингвир киевский вынужден был уступить поле битвы. Интересно то, что Игорь не вернулся в Киев. Вопрос: почему? Очевидно, узнал, что княгиня Ольга провозгласила себя правительницей Гардарики. А покинувшие его во время битвы вассалы поддержали её в этом подлом деле. Возможно, до Игоря дошло и то, что Фраг-Мар, считая себя избранником княгини, собрался послать к ней своих сватов. Древлянские легенды и народные предания рассказывают, что Игорь укрылся от своих врагов в столице древлян — Искоростене. Предания эти собрал на территории Овруского уезда — бывшей древлянской земли Н.Н. Коробко. Они наверняка правдивее всяких летописей. Потому правдивее, что их составил по подлинным фактам народ, а не купленные князьями и церковью грамотеи. Так вот, в преданиях древлянской земли говорится, что киевское войско осаждало Искоростень целых 7 лет, но Игоря в нём уже не было. Каган русской земли, киевский князь Игорь был захвачен недалеко от стен столицы древлян сыном Свенельда Лютом, летописному Мистишей, и зверски убит. Мистишу же Люта за предательство и вероломство прикончил древлянский князь Мал. Тело же Игоря похоронили не киевляне, а его союзники — древляне. Похоронили по древнему обычаю. Вот она вторая версия, юноша. Она, на мой взгляд, куда ближе к правде, чем первая.

— Неужели Ольга была таким чудовищем? — невольно задал я свой вопрос. — Демоница какая-то...

— Тебе ещё нужны доказательства? — качнул своей седой головой историк.

— Что-то не верится...

— Тогда изволь почитать Лаврентьевскую летопись. В ней прямо сказано, что Игоря с почестями погребли древляне. Подумай сам, зачем врага хоронить с почестями?

— Но тогда объясни, зачем Ольга живьём сожгла сватов Фраг-Мара?

— Никаких сватов она не сжигала, тем более сватов своего союзника. Скорее всего, она их наградила и отпустила.

— А как же с католической традицией? Ты же сам говорил, что паписты большие любители поджаривать.

— А греки изводить ядом, да? — засмеялся историк. — Протестанты вешать... Она, наша киевская княгиня Ольга, от католической традиции не отступила. Пока не сожгла Искоростень, не успокоилась. То, что она была крещена ещё в детстве, доказывает Константин

Багрянородный. Когда киевская княгиня посетила в 955 году Константинополь, то она никакого крещения не принимала. Княгиня приехала в столицу империи совсем по другой причине. И с ней находился её крёстный — отец Григорий. Тот, который крестил её в детстве. Вот так. Это не доказательство? Могу предоставить ещё одно: в 959 году Ольга послала в Германию своё посольство. Его принял император Отгон I. Сведения об этом посольстве сохранились не только в германских, но и в наших христианских летописях. Что же она попросила, киевская княгиня, у императора Германии? Послать на Русь епископа и священников. Придя к власти, Ольга взяла курс на крещение русского народа по католическому обряду. Понятно, что император Священной Римской империи просьбу княгини выполнил. В 961 году в Киев прибыл епископ Адальберт. Прибыли с ним и католические священники. Только после совершенного Светославом переворота и отстранения Ольги от власти, Адальберт со своим окружением вынужден был отправиться в Германию. Сейчас-то, я думаю, ты мне веришь? Кстати, ты никогда не задумывался, почему на Руси князь Владимир, убийца родных братьев, насильник и растлитель, предатель собственного народа, его традиций и культуры, вдруг стал святым и равноапостольным?

— Если честно, то нет, — пожал я плечами.

— А я тебе отвечу, юноша. Его потому сделали святым, что благодаря ему, эгрегор Амона, то, что зовётся Сатаной или Дьяволом, заполучил миллионы напрасно погубленных русских душ. Как видишь, служители Амона благодарны... Не потому ли и Ольга, бабушка этого изверга, тоже стала святой и равноапостольной? Подумай об этом на досуге.

Глава 14. Таинственные Рюриковичи

Очевидность, озвученная словами историка, действительно заставила задуматься. Я сидел, уставившись в одну точку, и пытался найти хоть что-то, что вынудило бы меня усомниться в услышанном. Но моё бунтующее сознание «по всему фронту» наткнулось на бесстрастный голос глубинного подсознательного, который утверждал, что всё услышанное от учёного очень близко к истине. И пора бы найти в себе силы принять эту горькую правду. Но как совершить подобный подвиг, если вложенные с детства в твоё сознание программы яростно бунтуют. Дядя Ёша давно ушёл на кухню, и в библиотеке я остался один на один со своими мыслями.

«Так вот кого имел в виду хранитель, когда как-то сказал мне, что подлинной истории меня будет учить не он, а кто-то другой? Старик имел в виду дядю Ёшу с его папками «Антиторы»... А может и не его? Наверняка я повстречаю на своём пути познания ещё кого-нибудь не менее знающего, чем этот ведический потомок хазарских евреев... Дядя Ёша — только начало.

— Гера, у нас нет хлеба. Сбегай, пожалуйста, в соседний магазин, пока я тут готовлю, — раздался с кухни голос историка.

— Вместо хлеба ты бы, дядя Ёша, организовал мацу! — засмеялся я, выходя из библиотеки. — Она у тебя получается просто потрясающе!

— Нет времени, юноша! Совсем нет времени! Мне бы его найти на день нашего расставания. Я тебе такую мацу на дорогу состряпаю! С куриной поджаркой, тонкую, прозрачную! Твои соседи по купе завидовать будут...

— Скажи правду, дядя Ёша, маца на самом деле является национальным еврейским блюдом? — спросил я, одевая куртку.

— С чего ты взял? — вышел из кухни в прихожую в переднике с закатанными по локоть рукавами повар. — Разве евреи, как одна из ветвей семитов Аравии были земледельцами? На заре своей истории они занимались выпасом коз, ещё раньше — охотой. Земледелию евреи научились в египетском плену. И печь из муки лепёшки тоже. Архаичные евреи умели готовить мацу на камнях из толчённого и перетёртого лишайника, но только не из хлеба. Так что лепёшки из высокосортных сортов пшеницы национальное блюдо не их, а ближневосточных русов: шумеров, жителей Аккада, халдеев, хананеев, асуров-ассирийцев и, конечно же, потомственных земледельцев египтян. Точно такая же маца печётся в Армении, там она называется лавашем, подобные лепёшки пекут грузины, узбеки, киргизы... Мы ведь с тобой на эту тему вроде бы говорили?

— Но не так подробно, — засмеялся я, закрывая за собой дверь.

Когда я вернулся из магазина, стол уже был почти накрыт. И дядя Ёша, разгуливая по кухне, добродушно сказал:

— Сейчас поедим, а потом по старому русскому обычаю немного отдохнём, «чтобы жирок завязался», и перейдём к самому главному.

— Что же у тебя там за «самое главное»? — поинтересовался я. — От того, что ты мне 2 часа назад рассказывал, голова до сих пор идёт кругом.

— У русичей головы крепкие, не выдумывай! Давай-ка скорее за стол.

— А после русского обычая к тебе в библиотеку, — улыбнулся я.

— Да-да, после русского обычая, — улыбаясь, проворчал историк, снимая с электроплитки вскипевший чайник.

— С чего это ты, еврей, вдруг стал ревнителем наших русских традиций? — по привычке его подкалывать спросил я.

— С того, что твой дядя Ёша родился в России, Гера. Это значит, что по сути, он русский, а

еврей только по фамилии и имени. Как ты уже знаешь, внутреннее всегда должно быть на первом месте, — засмеялся он.

— Мы вот зачем должны отдохнуть? — сказал после процедуры приёма пищи учёный. — Чтобы кровь немного поработала на пищеварение. Иначе от моих рассказов она опять прильёт к твоей голове, и тогда желудок обидится.

— Так выходит, что русская традиция правильная? — спросил я его, смеясь.

— Абсолютно! — пробасил он, укладываясь на диван и закрывая глаза.

— А почему мы раньше не придерживались русской традиции? — стал донимать я дремлющего. — Сразу шли к твоим книгам и брались за занятия?

— Неправда, — пробурчал дядя Ёша. — Мы всегда отдыхали, только активно: говорили о пустяках или листали печатные издания.

Учёный был прав и через несколько секунд я последовал его примеру. Когда я проснулся, историк был уже на ногах.

— Ты проспал целый час, юноша! Мне хотелось, чтобы ты отдохнул, но не спать же! Пойдём, «нас ждут великие дела»! Чем мы с тобой занимаемся? Пытаемся разобраться в связях Запада и Востока... Параллельно с этим коснулись неизвестной хронологии нашего отечества... Как говорит русская поговорка: «взялся за гуж, не говори, что не дюж», — выпалил скороговоркой, усаживаясь на своё место, учёный. — На чём мы пару часов назад остановились?

— На том, что княгиня Ольга точно такая же сатанистка, как и её внучек Владимир равноапостольный, — напомнил я.

— И что она тоже, как и он, святая, — горько усмехнулся антрополог.

— Странно: апостолы вроде бы никого не ухлопали. Эти же по шею в человеческой крови и тоже угодили в святые? — высказал я своё возмущение.

— Апостолы никого не убивали, это так, — согласился со мной историк, — но с их подачи на земле пролиты моря человеческой крови. Сам Иисус никакого христианства не создавал. Его создали апостолы. Так что, убийцы они или нет — вопрос спорный...

— Скажи мне, дядя Ёша, куда подевались братья Рюрика? Особенно после прихода его к власти в Новгороде... Я где-то читал, что они якобы в одночасье оба умерли... — перевёл я разговор на другую тему.

— Ты меня спрашиваешь о том, что без понимания феномена Ольги тебе не объяснить. Хорошо, что с ней мы немного уже разобрались.

— Немного! — удивился я. — Ничего себе немного?! Что же будет, по-твоему — достаточно?

— Ещё узнаешь, Гера. Мы пока коснулись не самого главного, — погрустнел учёный. — Но чтобы тебе всё понять, надо вернуться к умнице Гостомыслу. Как ты думаешь, зачем он пригласил на Русь своего внука Рюрика с братьями? Затем, что надо было срочно усилить Русь, понятно, и об этом мы уже говорили. Вопрос от кого? От Византии или от Хазарии? А может от наступающих из-за Каспия арабов? Прежде всего, необходимо было усилить разгромленный нашествием угров Русский каганат от нашествия хазар. В то время Византия для Руси не была опасна. Её войска вели борьбу в Малой Азии с армиями арабов. Реальными врагами для ослабленной Восточной Руси во второй половине IX века оставались хазары. Для Западной же, Полабской Руси, противником являлась могущественная Германская империя. Получилось так, что обе, оторванные друг от друга, Руси, одновременно оказались под ударами и с Востока, и с Запада. Новгородский князь Гостомысл понимал, что если не удастся отстоять Русь Восточную, то с Русью Западной скоро будет покончено. Поэтому, находясь на смертном одре, по совету жрецов и старейшин, мудрый князь направил своё посольство в земли Полабской Руси к мужу своей дочери Умилы — князю Рюяна Годлаву с просьбой: отпустить в Новгород на княжение его

внуков Рюрика, Трувора и Синеуса.

— Пстой! — прервал я историка. — Насколько я помню, Годлав считался князем ободритов или бодричей? Тогда, что он делал на Рюгене — или на Руяне?

— По Новгородской летописи Гостомысл послал посольство именно на Руян. Как раз там, в Коренице-граде и жила его дочь Умила с мужем. Руян же всегда был островом лютичей, а не ободритов. И потом, приглашать на земли Восточной Руси лучше всего было не полабских сербов или бодричей, а именно лютичей. Только одно их имя внушало ужас всей Европе. Народ лютых волков, людей с сердцами, не знающими пощады и страха. Гостомысл применил мощный психологический приём. После прихода на землю новгородских словен войск лютичей и у хазар, и у византийцев пропала всякая охота иметь с ними дело. Рюрика, как ты знаешь, сначала выбрали княжить в старую Ладогу, Трувора пригласили в Изборск, а Синеуса на Белое озеро...

— Меня интересует вот что: как так случилось, что и Трувор, и Синеус разом «вымерли»?

— Умерли эти славные ребята только на бумаге. Доподлинно известно, что у них на Руси родились дети, но начнём всё по порядку. Ты должен для себя, Гера, уяснить вот что: ни одной ведической летописи, кроме «Велесовой книги» ни в Полабской Руси, ни в Восточной, ни в Хазарской не найдено. Придя к власти, иудо-христиане уничтожили все древние хроники и книги. Возможно, где-то они и уцелели, хранитель мне как-то сказал, что не всё потеряно. Но в наше время историческая наука дохристианскими хрониками не располагает. Значит, все обнаруженные летописи написаны христианами и в христианской традиции. Но это ещё полбеда. Беда в другом: в том, что «Повесть временных лет» и Родзевилловская летопись, и Лаврентьевская, и некоторые другие, как показали исследования, были написаны не ранее XII века, а то и позднее, в угоду правящему дому. Византийские летописи несколько древнее: записи Константина Багрянородного, Льва Дьякона, Скилицы, но... Но они тоже написаны христианами в угоду своим правителям, поэтому предвзятости и домыслов в них хватает. Ты вправе меня спросить, а как же истина? Как её отыскать в таком нагромождении лжи? Кое-что найти можно, мой юный друг. Но для этого надо хорошо знать ведическую традицию: те древние законы жизни, которым следовали наши предки. Вспомни закон духовного неравенства сословий, или закон выборности на княжение. Например, разбирая Иоакимовскую летопись, ты находишь в ней место, где говорится, что в 962 году Светослав Игоревич пришёл к власти. Зная ведическую русскую традицию, ты можешь смело сделать вывод, что в Киеве произошёл переворот. Почему? Да потому, что в 962 году Светославу было около 20. Народ же за него имел право проголосовать, когда ему исполнилось ещё 18. Светослав получил право у граждан на княжение, значит, такие выборы состоялись. Но Ольга ещё 2 года пыталась удержать власть. Какой из этого можно сделать вывод? Что княгиня Ольга не следовала русской ведической традиции, что она была банальным узурпатором. И вся её власть над княжеством держалась не на законе, а на военной силе. Закон всё-таки победил: выдвинутый жрецами и поддержанный народом князь пришёл к власти в Киеве. Но сколько за правление Ольги пролилось крови! Ведь чтобы удержать незаконно захваченную власть, княгиня вынуждена была казнить или травить направо и налево. Без таких процедур узурпатору никак. Иначе он власть не удержит. Теперь ты понял, как надо работать с христианскими текстами: первое, что необходимо сделать — это рассмотреть описываемые события с точки зрения русской ведической традиции. Потом задать коренной вопрос из римского права: кому выгодно? Кто в том или ином деле крайне заинтересован? И последнее, что более всего важно, необходимо прислушаться к голосу своей интуиции. Как говорит хранитель — включить чувственное знание.

— Как работать с христианскими заказными летописями мне когда-то неплохо рассказал «пасечник». Правда, о коренном законе римского права он не упоминал.

— Вот и хорошо, — открыл ещё одну из своих тетрадей дядя Ёша. — А теперь подумай,

почему Рюрик был выбран князем не в Новгороде, а в Старой Ладогe?

— Наверное, для того, чтобы пройти испытательный срок, — высказал я предположение.

— Наверняка так оно и было, — согласился историк.

— Но в среде новгородских жрецов оказалась оппозиция...

— В среде жрецов никакой оппозиции быть не могло, — прервал мои рассуждения учёный. — Иначе бы войско лютичей к словенам не пришло. Сопrotивление Рюрику в Новгороде могли оказать только христиане и хазарские спекулянты. Вадим Храбрый, новгородский противник Рюрика и претендент на княжескую власть, очевидно, был их ставленником. И византийские христиане, и хазарские иудеи ненавидели и боялись Рюрика. Восстание против него, Вадима Храброго, по-видимому, было их последней надеждой. Будучи князем в Старой Ладогe Рюрик бы ни для тех, ни для других не был особо опасен. Другое дело: приход его к власти в Новгороде! Новгород был столицей, центром средоточия всех сил русского общества. Вокруг Новгорода и начал Рюрик собирать в единое целое все отпавшие от столицы славянские земли. «Повесть временных лет» говорит, что и Трувор, и Синеус, умерли, пробыв на Руси всего 2 года... Их ухлопал на бумаге преподобный Нестор. Очевидно, чтобы обелить равноапостольную и святую. Дело в том, что в Лаврентьевской летописи говорится, что у Игоря Рюриковича были племянники. Родных братьев, как мы знаем, у киевского князя-кагана не было. Могли быть только двоюродные — дети Синеуса и Трувора. Но если оба брата — внуки Гостомысла, сразу же после своего переселения на земли Руси восточной, не дав потомства, «сыграли в ящик», то откуда тогда взялись их внуки — племянники Киевского правителя? Можно конечно допустить, что и Трувор, и Синеус своё потомство на новой родине оставить успели. Но кто тогда после их смерти его воспитывал? Не Кощей же Бессмертный? По ведическому обычаю древней Руси детей умершего брата обязан взять на воспитание их родной дядя... Рюрик же в качестве воспитателя отпрысков своих рано погибших братьев, не известен. Ни одна летопись: ни наша, ни византийская, ни арабская или иранская об этом не говорит... Какой из всего выше изложенного можно сделать вывод? Только один, другого не может и быть: и Синеус, и Трувор жили долго и счастливо. И ушли они в мир иной одновременно с Рюриком. Иначе, их дети оказались бы в Новгороде у дяди. Если бы и Синеус, и Трувор погибли позднее своего старшего брата, то новгородскому вече не пришлось бы выбирать для воспитания Игоря Рюриковича могущественного опекуна Вещего Олега. Кстати, феномен князя Олега, более всего, и доказывает, что против внуков Гостомысла был организован умный и хорошо продуманный заговор. И заговор тот, по убеждению некоторых исследователей, охватил многие недовольные политикой Рюрика торгово-купеческие кланы. Купцы более всего нуждались в связях Руси с Хазарией, Византией и Западом. Они и были основными проводниками на русской земле христианства. Ведическая традиция, в которой жило древнерусское общество, существенно ограничивала их возможности. Возрастающей мощи ведической Руси боялся и мусульманский юг, и христианский Запад. Но более всего, возрождения Киевского каганата опасалась Хазария. По всей видимости, заговор против внуков мудрого Гостомысла родился в управляемом христианами Киеве. И во главе его стояли принявшие новую религию Дир и Аскольд. Именно по этой причине безжалостно с ними расправился Вещий Олег. Расправился как с людьми, которые полностью потеряли его уважение. Очевидно, в те времена только одному Олегу и было под силу разобраться с «пятой колонной». И он это сделал блестяще! Не увидел только Ольги. Ещё одного христианского резидента рядом с русским престолом. Хитрая молодая болгарка усыпила бдительность жреца-воина. Как известно, смерть Олега была мгновенной... Это и понятно: иначе он бы догадался о причине своей гибели. Как потом развивались события на Руси, ты уже знаешь. Но не ведаешь, что все 16 лет своего правления (945–961 гг.), этот демон в юбке занимался тем, что при помощи кинжала и яда отправлял на тот свет всех племянников и

племянниц своего бывшего мужа. Византийский летописец Скилица, описывая составление договора 944 г. Константинополя с Киевом, прямо указывает на родню князя Игоря: вот список русского посольства, почитай, — протянул мне историк свою тетрадку.

Я взял её в руки и стал читать:

1. Посол Игоря — Ивор
2. Посол Светослава — Вуефаст
3. Посол Ольги — Искусевн
4. Посол племянника Игоря — Слурн
5. Посол Владислава (брата Светослава) — Улеб
6. Посол Предславы (дочери племянника князя Игоря) — Каницан
7. Посол Сфаидры (дочери другого Игорева племянника и жены Улеба) — Ефар.

— Видишь, тут не только указан племянник Игоря, но и дочери двух его близких родственников.

— Плюс ко всему, — искренне удивился я. — И брат Светослава...

— Да, и брат великого Светослава — Владислав. Его младший братишка, которого непобедимый русский полководец очень любил... О чём это говорит?

— О том, что нам безбожно врут. Врут все, кому не лень! — вздохнул я.

— Вот и приходится собирать истину по крупицам, — кладя свою тетрадку на место, проворчал недовольно антрополог.

— Иначе жизнь была бы очень скучной, — попытался я его успокоить.

— Да-а — в наше время от скуки не помрёшь! Тем и занимаемся, что распутываем бесконечные навороты специалиста по сокрытию истины.

— Ты кого имеешь в виду? — спросил я.

— Того, кого Иисус назвал иудейским богом, кого же ещё? — горько усмехнулся историк.

— Для чего Ольга всё это делала? Зачем ей надо было выжигать на Руси каленым железом родственников своего мужа? — выдержав паузу, спросил я всезнайку.

— Для того, чтобы не было угрозы её власти. Ольга намеревалась превратить Русь в христианское государство. Собиралась провести на русской земле тотальное крещение. Крещение по католическому обряду. Потомки Гостомысла и Годлава, ярые приверженцы ведической традиции, ей были не нужны. Не только она их боялась, но их, как огня, боялось и её христианское окружение. А потом, надо было лишить подрастающего Светослава опоры родственников. По иронии судьбы, первенец Игоря в среде своих единокровников был старшим. И его, помня предсмертное завещание Гостомысла, жрецы могли выдвинуть к власти...

— Интересно, как Ольга не решилась известить Светослава?

— И его брата Владислава, — добавил учёный.

— Наверное, переступить через инстинкт матери оказалось выше её сил.

— Через инстинкт матери? — с удивлением посмотрел на меня дядя Ёша. — О каком инстинкте ты говоришь, юноша? По отношению к Светославу и Владиславу? Да ведь княгиня Ольга не была матерью ни тому, ни другому! Она являлась матерью кого-то еще, от которого и родились всем известные детки: Ярополк, Олег и равноапостольный святой Владимир.

— Ты что, вздумал меня разыгрывать?! — возмутился я. — Ты говоришь такие вещи, дядя Ёша, что у меня...

— Понимаю! Тебе хочется дать мне сейчас в морду? Так зачем же стало? Возьми и дай! Я не обижусь. Даже поблагодарю за науку. В следующий раз не буду таким откровенным...

— С дураками? — спросил я его, несколько успокоившись.

— Не с дураками, а с неготовыми. Я-то думал, что хранитель тебе намекнул, что у Светослава детей быть не могло.

— Да, был у нас с ним такой разговор, но я посчитал, что старый мог и ошибиться. Что у него не было достоверной информации... — попытался я оправдаться.

— Хранитель мог ошибиться? Это мы с тобой можем ошибаться, но не он. У него на это нет права, мой друг, — сухо сказал специалист по альтернативной истории. — И потом, будь Светослав сыном Ольги, с его независимым волевым характером, он бы не выжил. Родная мамаша наверняка нашла бы способ от него избавиться. Когда бы до неё дошло, что сын в управлении государством ни ширмой, ни её марионеткой не станет, — выдержав паузу, заключил учёный.

— С чего ты взял, что ни Светослав, ни его младший брат сыновьями Ольги не были? — спросил я.

— Давай, вместе посчитаем, юноша, — посмотрел куда-то мимо меня антрополог. — Если верить источникам, пусть даже христианским, Ольга родилась в 893 году. Есть правда попытки некоторых современных «исследователей» породить её в 903 году. Очевидно для того, чтобы от княгини без проблем мог появиться на свет Светослав. На самом же деле Ольга родилась намного раньше. Дело в том, что в некоторых летописях прямо говорится, что княгиня была младше мужа на 15 лет, а не на 25. И потом хорошо известно, что Игорь женился на Ольге ещё при жизни Олега. Пушкин не с неба взял:

«Ковши круговые, заленясь, шипят На тризне плачевной Олега: Князь Игорь и Ольга на холме сидят; Дружина пирует у брега; Бойцы поминают минувшие дни И битвы, где вместе рубились они».

На десятилетней девочке Игорь никак жениться не мог. Запрещал закон. Девушке должно быть не менее 18. В крайнем случае, с разрешения жрецов — 16. Но это только в крайнем случае! Болгарская летопись, с которой я тебя познакомил, говорит, что до Игоря Ольга была замужем. Если так, то всё совпадает: в 16 лет она вышла замуж в первый раз, в 19 — во второй. Если Ольга родилась в 893 году, то сразу возникает несколько вопросов. Первый вопрос: почему она не родила от Игоря в бытность своей молодости? Почему у неё появился сын, когда ей стукнуло — 49? И второй вопрос: как она вообще могла и забеременеть, и родить в таком возрасте? Здравый смысл подсказывает, что у Ольги от Игоря детей не было. И быть не могло! Знаешь, почему?

— Потому, что древние хорошо знали закон телегонии, — сказал я.

— Именно поэтому... Игорь понимал, что Рюриковичи от Ольги родиться не могут, и жил, очевидно, с ней так, чтобы княгиня не беременела... Может этим он больше всего её на себя и обозлил, — сделал предположение рассказчик.

— Но тогда откуда взялись Светослав и его младший брат Владислав? — поинтересовался я.

— От другой жены, Гера. Или от двух других его жён. От непорочных и чистых женщин. Иоакимовская летопись прямо говорит, что у Игоря, кроме Ольги были ещё жёны. Возьми почитай, проверь, — показал он на одну из своих папок.

— Я тебе и так верю, — смутился я.

Теперь ты понимаешь, почему и Светослав, и Владислав остались живы? Они воспитывались под неусыпным оком тех, кто их родил, одной матери или двух. Это уже не так важно.

— Почему тогда в летописях написано, что Ольга является матерью Светослава, а о другой женщине ни слова? — задал я дурацкий вопрос.

— Потому что все христианские летописи написаны в угоду правящей династии. К тому же, попами. Неужели тебе это не понятно?

— Прости, не подумал и ляпнул.

— В следующий раз, прежде чем что-то спросить хорошенько подумай, — назидательным тоном проворчал историк. — И потом, по древнерусской ведической традиции, в полигамных семьях все женщины, неважно родили они детей или нет, считались всё равно матерями. Сколько у мужчины было жён, столько у его детей, рождённых этими женщинами, было и матерей. Так что, Ольга тоже считалась матерью Светослава и его младшего брата... Понял?

— Дошло! — кивнул я головой. — У меня вот какой вопрос, — перевёл я разговор на другую тему. — Почему дети, не рождённые от Светослава, считались внуками княгини Ольги?

— Потому, что они и были её родными внуками, — усмехнулся специалист по тайнам прошлого.

— Я это знаю, но причём тут сын Игоря? — не унимался я.

— В каком году родился Светослав? — начал своё объяснение антрополог. — В 942 году, так? Но в 968 году, если верить Лаврентьевской летописи, русский полководец и князь привозит из Болгарии своему сыну Ярополку в жёны красавицу гречанку. Значит, Ярополку в 968 году по христианской традиции (он, как известно, был крещённым) стукнуло как минимум 16, а то и 18. Посчитай, мог Светослав быть Ярополку отцом, если сам он родился в 942 году и ему тогда исполнилось всего 26 лет? Мог он родить сына в 8 или 10 лет? Да ещё в те времена, когда ведическая русская традиция запрещала ранние браки? О чём это говорит? Что ни Ярополк, ни Олег, ни Владимир детьми Светослава быть не могли. Но дело тут вот в чём: если Ольга от первого брака имела сына, от которого родилась эта «святая троица», то по ведической русской традиции, её отпрыск приходился неродным братом Светослава. И если он погиб, то его дети по закону должны быть усыновлены живым родственником. И не важно, что кровного родства нет. Традиция, несомненно, хорошая. Она собирала сирот в семьи, объединяла роды, строила связи между людьми не по крови, а по закону. Но именно она, эта традиция, после смерти Светослава с братом, и провела хазаро-болгарскую династию узурпаторов к власти. Как видишь, тёмные силы её неплохо для себя использовали. Фактически, миссия христианки Ольги привела русское государство к отходу от орианской традиции. «Не мытьём, так катаньем», Ольга своего всё-таки добилась.

— А почему ты сказал, что с приходом внуков Ольги к власти у нас на Руси воцарилась хазаро-болгарская династия?

— Которая прикрылась светлым именем Рюрика? — дополнил меня дядя Ёша. — Почему хазаро-болгарская спрашиваешь? Потому, что есть сведения, что первым мужем Ольги был христианин из Хазарии. Может беженец, может дипломат. Ясно только то, что он являлся представителем довольно знатного рода. Может, в память о первом муже Ольга очень хорошо и относилась к хазарским христианам? Примечательно то, что они ей тоже полностью доверяли. Не только самой княгине, но и её внукам. Например, старшему Ярополку, у которого вся его христианская гвардия состояла не из наёмников-варягов, а из фанатиков — хазарских христиан, которые, по его приказу, и убили Светослава предательски на биваке у порогов. Потому что ведические печенеги — верные союзники русского князя на такое преступление пойти никак не могли. И я тебе докажу почему, — разнервничался дядя Ёша. — Во время войны с Хазарией 865–866 году печенеги составили едва не треть войска русского полководца. Их тяжёлая конница прикрывала фланги армии Светослава в битве у Итиля. Когда были разгромлены основные силы Хазарии и погиб в битве сам каган, как ты знаешь, русские дошли до столицы Хазарии по Волге на ладьях, и коней для похода по степным просторам Прикаспия и Дагестана у них не было. Так вот, союзники печенеги коней русскому войску дали. Вместе с русскими они штурмовали и вторую столицу Хазарии — Семендер. Вместе с русскими на Северном Кавказе разбили армии ясов и касогов. Вместе с русским войском печенеги по берегу Дона пришли к Саркелу. И вместе

с русскими штурмовали его стены.

— Постой, — прервал я рассказчика, — сколько по твоим данным было походов на Хазарию у Светослава, один или два? Где-то я читал, что один, но иногда встречал у историков, что было два похода: один в 964 году, другой в 969 году.

— Насколько мне удалось выяснить, Хазария была разгромлена одним ударом. Начался поход на Волгу весной 965 года, закончился — поздней осенью в 966 году. За это время к Руси были присоединены вятичи, волжские болгары, полностью Хазария и Северный Кавказ. Никакого второго похода на Саркел в 969 году не было. Это ложь. Светослав в 969 году был занят подавлением христианского мятежа в Киеве. Опять же, если бы не его союзники печенеги, ему бы это не удалось. Но начну всё по порядку. В 968 году русский князь полководец (каганом Светослав себя не называл, наверное, считал, что такого звания он ещё не достоин) наголову разгромил мощную армию византийцев под командованием лучшего полководца империи Варды Склира. Битва эта произошла ранней весной под Аркадиополем. Как раз перед тем грандиозным сражением и сказал Светослав свои знаменитые слова: «Мёртвые срама не имут»... Вторую армию греков в Македонии под началом патрикия Петра разбил старый Свенельд. Теперь дорога на Константинополь русским войскам была открыта. Иоанн Цимисхий, император Византии, был в ужасе. К тому же в Малой Азии против него началось восстание Варды Фоки. Что было делать? Как поступить? Иоанн Цимисхий понимал, что его может спасти только выигрыш во времени. Золото у него было, но не хватило самого главного. Чтобы собрать и вооружить новые воинские подразделения требовалось хотя бы полгода, а лучше год! Где их взять, когда русская непобедимая армия уже идёт на столицу? Всё, что он в тот момент мог придумать, так это послать Светославу посольство с дарами. И попробовать уговорить его пощадить Константинополь и другие города империи. Как ты знаешь, Светослав от византийского золота отказался, он взял только драгоценное оружие. Когда спросили русского князя, почему он так поступил, то он ответил: «зачем брать сегодня то, что всё равно нам будет принадлежать завтра». О чём думал русский гений? Конечно же, о будущем штурме Константинополя и о неминуемой гибели византийского христианского хищника... В те времена, по всему известному тогда миру, и в Европе, и в Азии шла неведомая современной науке кровопролитная мировая война. Противостояние двух миров: ведического и новоиспечённого, христиано-иудо-мусульманского. Поэтому, ни о какой пощаде смертельному врагу не могло быть и речи. И всё-таки поход на столицу Византийской империи не состоялся. Что же этому помешало? В летописях ты найдёшь брехню, что виною всему оказались печенеги: они де, по поручению Византии, осадили стольный Киев! Надо же какие злодеи! Нашли когда!

— Но ведь печенеги на самом деле осадили столицу, — не понял я, что развеселило историка.

— Осадить-то они Киев осадили... Вопрос, зачем? Дело в том, что в болгаро-византийском походе Светослава участвовало 4000 печенежских витязей. Надо быть абсолютным дураком, чтобы утверждать, что их родственники начнут войну против своих же. Что-что, а родственные узы у ведических народов были священны. Почему? Потому, что надо знать как работает закон кровной мести. Родственник за родственника всегда стоял горой. Войны между родами, по возможности, тоже исключались. Они могли привести к гибели целые народы. Верно, печенеги осадили Киев. Но осадили не потому, что были врагами Светославу, а потому, что дали клятву оставаться верными его союзниками. Они осадили столицу русского государства потому, что в ней, по просьбе византийцев, поднялся мощный христианский бунт, во главе которого стояла бывшая правительница Руси княгиня Ольга. Ольга сделала то же самое, чем она занималась и при покойном Игоре. Всячески помогала христианской Византии осилить своего русского соперника. Для чего печенеги осадили Киев? Да для того, чтобы христианская зараза, до

прихода Светослава Игоревича, из него никуда дальше по Руси не расползлась. Воевода Претич, которого оставил Светослав с небольшой дружиной в Киеве, растерялся. Он не знал, как ему поступить. Бунт подняли родственники князя: бывшая правительница Киева и её повзрослевший внук Ярополк. Разбираться с волнениями должен был не воевода, а сам Светослав. Поэтому Претич и ушёл со своей дружиной из Киева. Переправился на левый берег Днепра и стал дожидаться прихода Светослава. Печенеги, тем временем, взяли Киев в кольцо. Были бы они врагами Светослава, что бы они первым делом предприняли? Уничтожили бы дружину Претича — единственное серьёзное воинское подразделение. К тому же стоявшие лагерем в степи, да ещё и на их стороне реки. В летописи написано, как киевляне послали мальчика якобы за Светославом. Как он, 12-летний мальчуган, прошёл через весь лагерь кочевников, на глазах у них переплыл Днепр и нашёл лагерь Претича. Потом якобы Претич двинулся со своей армией к Киеву и печенеги, думая, что прибыл сам Светослав, сняли осаду со столицы и бросились бежать в степь. Представляешь, как врут! Светослав под Киев явился не с запада, а с востока! И ведь проглотили! Многие приняли такой вот бред! Печенеги на самом деле отошли от Киева при приближении русского правителя. Они своё дело сделали и теперь передали эстафету тому, кого дождался. Христианские летописи проклинают Светослава, что он, придя в столицу Руси и похоронив в 969 году свою мать Ольгу, разрушил в Киеве все христианские церкви. На самом деле всё было не так. Светослав предал огню только чисто христианские церкви. Храмы же, в которых собирались вместе последователи Христа и ведические русы, все уцелели. Уцелели потому, что раньше русские христиане богом Иисуса Христа не признавали. Просто считали его волхвом, таким же, как и многие другие волхвы. Учение же его принимали как чисто ведическое. Поэтому никакой вражды у них с адептами древнерусской ведической традиции не было. Чтобы убедиться в том, что я говорю тебе правду, загляни в древние христианские храмы. Там ты найдёшь и в их каменной резьбе, и на фресках, не только имена библейских святых, но и имена русских ведических богов — ипостасей Рода. Так что, не надо врать! В Киеве Светослав разрушил церкви хазар и византийцев. Центры сбора христианской прозападной оппозиции. Вот и всё. И ещё, привезя красавицу гречанку старшему внуку Ольги, попытался этим его к себе расположить. Но Ярополк, как ты знаешь, остался верен своей бабке. Смерть самой Ольги тоже загадочна: может она умерла от радости, что благодаря христианскому бунту, ей удалось в очередной раз спасти от гибели христианскую империю? Может, отдала концы от горя, что её выступление было локализовано войском печенегов и не разрослось в стихийное бедствие. А может она просто умерла от болезни. Странно, что вовремя. Но с другой стороны, если бы Светослава народ обвинил в смерти, пусть даже не родной матери, он мог бы лишиться власти. Может Ольга сама покончила с собой, чтобы подставить Светослава? Нам осталось сейчас только гадать. То, что Светослав в 969 году ни в какие походы не ходил, доказывает то, что он оставил в Киеве мощную армию. Оставил не под командованием Ярополка, а под началом преданного Претича. Теперь Светославу надо было менять стратегию борьбы с империей. Он отлично понимал, что Иоанн Цимисхий подготовиться к новой кампании успеет. И постарается нанести ему, русскому полководцу, смертельный удар в Болгарии. Чтобы лишить императора Византии такой возможности, нужна ещё одна армия. Та, которая в нужный момент сможет нанести внезапный удар в самое сердце империи. И такая армия им была создана. Она и решила исход второй 970–971 году войны с Византией. И Лев Дьякон, и Скилица взахлёб пишут, что переход греками зимой через перевалы Родопских гор застал русских врасплох. Что они растерялись и сдали без особого сопротивления всю Болгарию византийцам. Примерно так и было. С той лишь разницей, что Светослав ждал перехода греков через Родопы. Тогда в 970 году гений Светослава сконцентрировал у Доростола все силы Византии. Все её боеспособные армии, набранные в Европе и в Азии. С первой задачей русский полководец справился блестяще.

Теперь надо было решить вторую задачу: по возможности деморализовать это свирепое воинство. Лишить его боевого духа, заставить засомневаться в своих силах. С такой задачей русский князь тоже справился. После последнего сражения у стен Доростола в греческой армии началась паника. Ещё раз сразиться с русскими уже никто не хотел. В войске Цимисхия назревал бунт. В это время и Светослав, и император Византии оба узнали, что русский флот вошёл в Босфор. Над империей во второй раз нависла военная катастрофа!

— Но тогда почему наши войска во главе с воеводой Претичем не осадили Константинополь? — спросил я.

— Претич осадил византийскую столицу. Об этом «великом горе для империи» сообщают и арабы, и персы. Только сами греки о нём умалчивают. Их можно понять: судьба Византии тогда висела на волоске.

— Но почему мы их не победили? Опять был заключён очередной мирный договор, на том всё и остановилось? Что нам опять помешало? — задал я сразу несколько вопросов.

— Помешало добить восточно-римскую христианскую империю организованное выступление хазарских христиан в Киеве. На этот раз во главе с Ярополком. Не участвовал в том грязном деле только средний внук Ольги — Олег. Он тогда княжил на земле древлян и не поддержал своего старшего брата. В душе Олег не был христианином. Он считал Светослава великим человеком и князем, как мог, старался ему помочь. За что впоследствии его Ярополк и уничтожил. Новый христианский бунт в Киеве, а также захват великокняжеской власти Ярополком, опять заставили Светослава изменить свои планы. Теперь для победы над Ярополком ему нужно было войско. Армия не под Константинополем, а под Киевом. Потому что Ярополк, опираясь на золото иудейских поставщиков, обзавёлся довольно сильной наёмной дружиной. Война с Византией опять откладывалась. Осталось только заключить с ней мирный договор и торопиться скорее на Русь... Но в Киев Светослав сразу не попал. Уйдя на кораблях от стен Доростола, он вынужден был сделать остановку на острове Березань в устье Днепра. По договору с византийцами сюда греки должны были привезти контрибуцию, которую русский князь взял с них: оружием, мечами, секирами, щитами и боевыми сёдлами. Но греки с выплатой своей дани не торопились. Они явно тянули время. Вот почему русскому князю и пришлось зимовать на побережье. Была ещё одна причина, из-за которой Светослав не торопился в Киев. Он, очевидно, мечтал закончить с Ярополком дело миром. Для этой цели русский князь и послал к нему старого Свенельда с конницей. Вразумил Свенельд Ярополка или нет, точно неизвестно. Стараниями так называемых Рюриковичей и Романовых навсегда исчезли с русской земли сотни летописей. Ясно одно, что Светослав весною шёл в Киев, не опасаясь ни печенегов, ни христиан. Поэтому и угодил в засаду. Возможно, христиане-печенеги вместе с хазарскими христианами и участвовали в убийстве князя. Как подлые предатели. Но только не ведические печенеги союзники, которые верой и правдой служили русскому князю.

Закончив свою мысль, историк на несколько минут замолчал. Он сидел понурый и грустный. О чём он думал в эти минуты, полностью обрусевший еврей? А может вовсе и не еврей, а такой же, как я, русич? Облик у него конечно жуткий, самый что ни на есть еврейский. Но душа совсем иная. Теперь я понял, почему его любил хранитель. И послал меня к нему. Еврей излучал русский дух — силу русского народа данную ему предками. Может и вправду его хазарские пращурь тоже были русскими? — подумал я. — Скорее всего гак оно и было. И мне в тот момент невольно в голову пришли забытые стихи:

В каком негаданном колене
Ты, кровь народа моего,
Не истоцилась в страшном плене

И одержала торжество!

— Думаешь, я всё тебе рассказал о Светославе? — поднял голову в мою сторону учёный. — Я тебе поведал только то, что на поверхности. То, что всем, кому не лень думать, известно. По сути, я тебе о нём ничего и не рассказал...

— Ничего себе, не рассказал? — удивился я. — Что же ещё можно добавить?

— То, что благодаря Светославу смог состояться Чингисхан, юноша.

— Потому что часть еврейских купцов из гибнущей Хазарии отправились не на Запад, а на Восток и там их золото было вложено в новое объединение русо-сибирских скифов? — спросил я, делая умную физиономию.

— То, что иудейское золото сыграло какую-то роль в становлении новой сибирской скифо-русской империи, ты прав. Но это золото не было добровольным, тем более договорным. Его просто-напросто отняли. Потому, что в империи Чингисхана (Тимуджина, Тимчака) или по-русски, царя Ивана ни бедных, ни богатых не было.

— Неужели Чингисхана-Тимчака звали ещё и Иваном? — удивился я. — Что-то хранитель о таком его имени мне не говорил?

— Он рассказал тебе совсем немного, чтобы ты проснулся. Остальные знания ты получишь у других. Таких как я, или людей, которые знают намного больше. И понимают процессы Мироздания глубже. То, что великий сибирский царь Иван и Чингисхан одно и то же лицо, ты можешь найти во многих источниках. Например, в Средневековых тангустских, некоторых тибетских, арабских и даже в монгольских народных преданиях и песнях. Так что дерзай! У меня собрано на тему азиатского царства Ивана множество летописей. Но ты своим вопросом опять отвлек от темы. О Сибирской Руси времён Тимчака, по некоторым хроникам — великого царя Ивана, надо искать сведения в Сибири — на твоей родине. Летописи, которые у меня есть, науке известны, и она их не жалуется. Все они, по её мнению, считаются чистейшим вымыслом. Но вернёмся к начатому разговору. Дело не в рахдонитах и не в их деньгах. Вопрос совсем в другом: мы уже три дня разбираем с тобой связи Востока с Западом. И я тебе на конкретных примерах показал, что Запад в лице тёмного жречества всегда интересовался китайской проблемой. Будущих создателей библейского проекта китайцы подкупали своей внушаемостью и трудолюбием. И то, и другое как нельзя лучше соответствовало их представлению о будущей расе безропотных тружеников. Поэтому они и начали курировать китайский этнос со времён позднего неолита. Именно их усилиями древнекитайская цивилизация, ещё на заре своего становления, по своей жестокости к людям превзошла все другие цивилизации древних. В этом плане её можно сравнивать только с языческими лунными цивилизациями

Мезоамерики. Но вот беда: около 2400 года до н. э. с севера в Китай пришли завоеватели — племена европеоидов, потомки могущественных бореалов. «Белые русоволосые и голубоглазые боги». После завоевания китайского общества, они взялись за его «перевоспитание». В новой «Поднебесной» были запрещены человеческие жертвоприношения, введены законы общинного жизнеустройства. Естественно такой поворот дела тёмных кураторов китайского общества не устраивал. Поэтому они приложили все усилия для того, чтобы реформы белых культуртрегеров в Китае не удалась. Вот почему, все усилия белой расы по превращению китайцев в людей близких по духу к потомкам бореалов, оказались тщетными. Военная экспансия Сибирской Руси на юг приносила победы только нашему оружию, но не северной орианской культуре. Процесс очеловечивания потомков синантропов буксовал и буксовал заметно. Стоило войскам джоунцев или динлиней отойти на Север, как в Китае опять начинали набирать силу деструктивные тенденции. Как будто и не было в среде ханьцев белых учителей закона. Особенно сильно этот процесс стал заметен в VI веке до н. э. после захвата Ахоменидами западных провинций соседнего с Китаем государства тохаров — Лаолунь. Как раз после войн персов с тохарами и стали расселяться иудейские купцы по бескрайним просторам Азии. Благодаря им и превратился в постоянно действующую кочевую магистраль Великий Шёлковый путь. Он соединил Китай и Восточную Азию со Средиземноморьем, а значит и с теми кругами, которые

уже тогда посредством оракульной службы пытались управлять правителями Европы. Ты слышал когда-нибудь о фиванском оракуле и его филиалах в Европе, Азии и Африке? — спросил меня историк.

— Хранитель меня знакомил с сетью подчинённых Фивам оракулов. Знаю и как доставлялась из Фив к ним информация. В основном, голубиной почтой...

— Тогда на этом вопросе останавливаться не будем. Сразу перейдём ко второму, — снова открыл карпу Азии всезнайка. — Запомни: депеши по Великому Шёлковому пути доставлялись на лошадях. На быстрых, как ветер, азиатских скакунах. Голубиная почта тоже была задействована, но уже в меньшей степени. Великий Шёлковый путь с середины V века до н. э. стал тем информационным мостом, который на целых 1500 лет накрепко связал цивилизацию Китая с Западом. Принято считать, что по этой громадной кочевой дороге на Запад в Европу поставлялся китайский шёлк. Ну а что шло в Китай? Просто так китайцы тюки с шёлком ни еврейским, ни согдийским купцам не отдавали. Вот здесь то и начинаются тайны. Есть сведения, что из Европы в Китай шли караваны с воском, льняными тканями, булатной сталью, якобы с медью и янтарём. Возможно, так оно и было. Доподлинно известно, что вывезенная из Европы булатная сталь в Китае ценилась. Но с другой стороны, булатную сталь ещё лучшего качества китайцы получали в результате торговли со своими северными соседями с Алтая и Минусинской котловины. Так что же всё-таки еврейские купцы завозили в Китай из Европы и Центральной Азии помимо золота и янтаря?

— Может быть рабов? — попытался я ответить на вопрос исследователя.

— Как раз рабов в Китай из Европы и даже Азии не завозили. Это было хлопотным делом. Слишком долгий и трудный путь. Рабов из Европы и Руси сбывали поближе. В основном, в Передней Азии и Иране. Полученное же за них золото отправлялось в Китай. Но китайцы не особо его ценили. У них и своего золота вполне хватало. Они очень ценили янтарь и серебро. Но если янтаря у европейских купцов было достаточно, то с серебром ощущался явный дефицит. Однако европейцы располагали тем, что в Китае ценилось намного больше и льна, и янтаря, и даже дороже драгоценных персидских и тохарских коней. Я имею в виду, военные технологии, Гера: долгие тысячелетия китайский дракон находился в состоянии смертельной вражды со своим северным соседом — с могущественной империей потомков легендарных бореалов. Все войны «Поднебесной» с армиями белой расы заканчивались для неё плачевно. Китайцы учились воинскому искусству у динлиней, копировали их оружие, доспехи, осваивали езду верхом. Но начиналась очередная война, и они опять оказывались перед своими противниками беспомощными. Именно поэтому китайцы и ухватились обеими руками за возникший информационный мост между Востоком и Западом. Они готовы были отдать всё что угодно за новые виды вооружений и техники. Как раз Запад подобными технологиями располагал. И персы, и эллинистический мир, позднее Римская империя, в военном отношении накопили огромный опыт. Он-то и явился основным товаром в обмен на тюки с китайским шёлком. Европейские специалисты по вооружениям помогали китайцам в изготовлении прямых булатных мечей, удобных сёдел для конницы, наборных ламинарных панцирей, мощных арбалетов. И, что самое главное, помогали китайцам осваивать сложную осадную технику... Тёмные жрецы — хозяева библейского проекта знали о приготовлении пороха ещё со времён Атлантиды. Но в Европе внедрять новое оружие они не торопились. В те времена оно могло привести к непредсказуемым последствиям. Китайцам же, в их борьбе с Сибирской Русью, секрет приготовления пороха был открыт. Благо, что менталитет ханьцев не позволил им его как следует применить. Их фантазия ограничилась фейверками и ракетами. До пушек они не додумались, как, например, их соседи на северо-востоке. Имею в виду племена журув. По китайским летописям — джурдженей. Последние создали против своих врагов — государства

Корё настоящую артиллерию. Придумали журы и мины. Ими они и пробивали бреши в крепостях корейцев.

— Неужели журы — джурджени получили рецепт изготовления пороха от китайцев? — спросил я.

— Вряд ли, китайцы подарить своим врагам такое оружие не могли. Очевидно, журы получили рецепт приготовления пороха от своего жречества. Этим они показали всему миру, что северная конфедерация племён располагает тем же оружием, что и хваленый Запад. Но это уже несколько иная тема, Гера. Хотя она и близка к нашей, — улыбнулся историк.

— Я про то, что ты говоришь, никогда и не слышал.

— То, что порох широко использовался Сибирской Русью в XII–XIII вв. в борьбе с Китаем, Хорезмом и в войне с нашими полуокатолическими княжествами ты разве не знал? — удивился дядя Ёша.

— Нет, не знал. В исторических справочниках об этом почти ничего нет. Встречаются кое-какие намёки на особую сверхтехнику монголов вот и всё.

— Понятно! А я-то думал, что ты посвящён.

— Как видишь, нет! — съязвил я.

— Ну, тогда посвящайся, — добродушно улыбнулся своими глазами-сливами историк. — Помнишь древнюю дорогу, проложенную Ахеменидами от столицы Персии Суз до побережья Средиземного моря?

— Конечно! О ней в каждом учебнике сказано.

— Так вот, идея постройки этой дороги была дана персидским царям иудейскими купцами. Теми, кто был заинтересован в транзитной торговле с Китаем. Частично они и профинансировали этот грандиозный проект. Восточную часть дороги рахдониты вместе со своими партнёрами купцами из Согда и Бактрианы, построили сами. На ней было возведено всё, что необходимо для отдыха людей, лошадей и верблюдов. К чему я тебе это рассказываю? К тому, что опыт в организации торговых путей у рахдонитов был, и не малый. После того, как парфяне перекрыли их основную транзитную дорогу через Иранское нагорье, а позднее то же самое сделали и сасаниды, рахдонитам пришлось прокладывать новую кочевую дорогу на севере через земли хазар и алан. По территории Русколани. Собственно этот процесс и привёл, после завоевания Ирана и Согда арабами, к возникновению иудейской Хазарии. Именно по этому новому транзитному торговому северному пути, начиная с I века до н. э., и текли в «Поднебесную» караваны, груженные русским льном, слитками булатной стали, серебром, воском, балтийским янтарём, лучшими в мире скакунами и военными технологиями римлян и византийцев. В Европе же тюки китайского шёлка превращались в слитки золота. Любопытна ещё одна технология сбыта шёлковых тканей на Западе: после победы христианства, это произошло, как ты знаешь, во II веке, и в Риме, и в Константинополе, и в других крупных городах обеих империй одна за другой начинают закрываться общественные термы. Прошло немного времени и на всей территории христианского мира не осталось ни одной бани. Бани были уничтожены даже в деревнях и хуторах. Христиане объявили их местом пребывания духа самого Сатаны! К X веку сохранились они только у венецов, на Руси и в Скандинавии. Там, куда не добралась христианская церковь. Некоторые современные учёные пытаются объяснить уничтожение в Средневековой Европе бань экономическими проблемами. Якобы на дрова для их отопления были срублены целые леса, но это самая настоящая выдумка. И в Италии, и в Галлии, и в Иберии традиционно бани топились не дровами, а торфом и даже, как например, в Германии, каменным углём. Дело было ни в дровах, а совсем в другом. Кому-то пришло в голову утопить европейцев в грязи. Добиться того, чтобы они от антисанитарии предельно вшивели. Ты ведь слышал русскую поговорку: «кто о чём, а вшивый о бане». Баня в те времена была

единственным средством против этих «милых» насекомых. Если же не было бань, то ещё одним средством против платяных вшей мог служить китайский шёлк. На нём, как известно, вши не живут, и не размножаются. Теперь, я думаю, ты понял их шахер-махер, юноша, — посмотрел на меня дядя Ёша с усмешкой. — Понял, кто позаботился о гигантском рынке китайского шёлка в христианском мире?

— Ты намекаешь на папскую курию? Если честно, европейские вши меня сразили.

— На кого же ещё? Ватикан всегда рука об руку действовал с иудейскими ростовщическими и купеческими домами. Для того, он и был создан жречеством Амона. Ватикан — их сатанинское детище. И ты это должен знать.

«Вот так сюрприз! — подумал я. — Даже антисанитарию и вшей сумели приспособить для бесперебойного сбыта шёлка! Для накопления иудейского золота... Если всё, о чём я услышал, не совпадение, то они, эти спецы по тёмным делам — жрецы Амона — Иеговы или Сатаны, просто гении! Ничего не скажешь, умеют вертеть сознанием масс».

— Теперь ты понимаешь, что с победой христианства рынок шёлковых тканей в Европе только вырос, — услышал я голос дядя Ёши.

— Скажи мне, пожалуйста, — обратился я к нему. — Зачем нужно было тёмным столько золота? Неужели только для того, чтобы покупать правящую европейскую верхушку?

— Не только для этого, юноша. Хозяева библейского проекта смотрели вперёд. Они хорошо знали, что после эпохи феодализма грянет эра научно-технологического прогресса. Что их усилиями и в Европе, и в ещё не открытой Америке будет построено капиталистическое общество. Общество, в котором главную роль станут играть не императоры с королями, а сверхбогатые ростовщики-банкиры. Опираясь на золото, именно они станут определять политику государственных образований. И через этот мощный финансовый механизм тёмному жречеству будет совсем не трудно привести человечество планеты к дегенерации, и, как следствие, её вырождению и гибели. Ты ведь знаешь, что и жрецы Амона, и их шефы, по твоей терминологии — недобитки из Атлантиды, во всём, что происходит на планете далеко не главные. Они думают, что что-то решают. На самом же деле и те, и другие всего лишь исполнители. Не будь они ими, никогда бы на Земле не появился созданный под будущую мировую банковскую систему народ богоизбранных. И, естественно, не копилось бы целых 3000 лет для иудейских банкиров запроектованной рыночной техногенной цивилизации в Европе и Передней Азии золото. Оно все эти тысячи лет складывалось для современных Ротшильдов, Оппенгеймеров, Рокфеллеров и т. п. В XVIII и XIX веке накопленные богатства, наконец, нашли своих хозяев. В основном бесструктурно: по различным сомнительным каналам, посредством каких-то сногшибательных по эффективности финансовых операций, оно оказалось в их руках. Поэтому, когда говорят о том, что якобы всем известный клан Ротшильда накопил свои деньги, занимаясь ростовщичеством в Германии, то это надо принимать как сказку. Ротшильд получил для своего дела необходимое золото в Германии. Это так. И за счёт него запустил своё обменно-банковское заведение. Потом его контора переросла в мощный банк, от которого тут же отпочковались ещё четыре банка: один в Англии, второй во Франции, третий в Италии и т. д. Тоже самое можно сказать и о других крупных ростовщических заведениях — Морганов, Фридманов, Оппенгеймеров и некоторых других. Как видишь, всё делалось с дальним прицелом. И потом, золото еврейских купцов и в древние века, и в Средневековье финансировало многие войны. Ты же знаешь, что и короли, и императоры по сравнению с ростовщиками и купцами были людьми далеко не богатыми. О взаимоотношении правящих кругов с еврейскими банкирами у нас будет разговор отдельный, а сейчас ты должен для себя уяснить главное: тёмное жречество на протяжении 3000 лет готовило на Земле техногенную рыночную цивилизацию. Параллельно с этим, используя золото иудейских купцов, оно финансировало все

крупные войны. Финансировало оно и «неизвестную» войну христианских империй с ведическим миром Европы и Азии. В той великой войне ведическая Русь занимала одно из основных мест. Фактически она и вела эту войну с нашествием с Запада. В VI веке ей помогали родственные хазарам авары и русы Скандинавии. С середины X века на её стороне были пришедшие из Азии русы-печенеги и недавние её враги — мадьяры. Когда говорят об Иосифе Виссарионовиче Сталине, юноша, то вспоминают всё что угодно: кто говорит о репрессиях, кто вспоминает о нём как о великом полководце. Но очень мало людей знают, что Сталин был, прежде всего, потрясающим экономистом. Его экономический гений и создал нашу Советскую империю. Как о Сталине говорят историки, так и о Светославе. Кое-кто считает его хищником-завоевателем, кто-то отзывается о нём как о хорошем полководце. Некоторые же вообще говорят как о бродяге, который не хотел жить на родине. И никто не видит в нём великого экономиста. Экономиста от Бога! А между тем, Светослав был не только гениальным полководцем на голову выше и Цезарей, и Македонских, он был, не в пример им, ещё и талантливый экономист. Давай посмотрим, с чего он начал борьбу с Западом? «Перекрыл кислород» поступления на Запад китайского шёлка! Первый его удар был не по Хазарии, а по Волжской Болгарии... Хотя она и не угрожала Руси. Спрашивается: зачем? Затем, чтобы на всякий случай перерезать караванную дорогу на севере. Чтобы ей не могли, в случае необходимости, воспользоваться рахдониты разгромленной Хазарии. Только после гарантий на севере был нанесён Светославом удар по иудейскому югу. Русский полководец действовал наверняка. Русская армия, разбив армию хазар у Итиля и взяв столицу каганата, тут же устремляется в Дагестан к Семендеру. После разгрома Семендера она движется на Северный Кавказ в земли ясов и касогов. Как раз через их владения и проходил участок Великого Шёлкового пути контролируемый хазарами. Многие учёные недоумевают: для чего был построен хазарским каганатом Саркел — мощная крепость на Дону? Вроде бы против Руси. Но русские войска могли в любой момент её обойти. Саркел никаких дорог не перекрывал. Светослав пришёл в Хазарию тоже не через Саркел. Эта хазарская крепость, по мнению думающих исследователей, Гера, была возведена хазарами, чтобы прикрыть с севера Великий Шёлковый путь. Именно с севера, а не с запада. Потому что ВШП заканчивался на Тамани. Отсюда тюки с шёлком у хазарских иудеев забирали на свои корабли иудеи генуэзские. Теперь ты понимаешь замысел похода Светослава по территории Хазарии? Что он сделал после того как взял Саркел? — раскрыл передо мной карту северного Причерноморья лектор.

— Восстановил на месте хазарской крепости старый русский город — Белую Вежу, — сказал я. — А на месте древнего меотского поселения учредил новое русское княжество.

— И назвал его Тмутараканским, — добавил, улыбаясь, историк. — Ну и что ты на это скажешь? — спросил он меня после некоторой паузы. — И на Дону, и на Тамани двумя русскими крепостями Светослав полностью перекрыл ВШП.

— Гениально, да и только!

— Да, гениально! — подтвердил учёный. — Теперь можно было воевать с Западом смело. Нет шёлка — нет и золота. Именно поэтому, пока иудейские купцы искали для себя какой-то выход, Светослав, воспользовавшись предложением префекта Херсонеса Калокира, и пришёл в Дунайскую Болгарию. Светославу в его борьбе с двумя христианскими империями Болгария была необходима. На юге от неё за Родопскими горами находились владения ненавистной продажной Византии. На Западе, вверх по Дунаю, лежали земли родственников по крови и духу венетов. За ними располагались владения германских императоров. Из Болгарии великий русский князь-полководец как раз и намеревался нанести удары по надвигающимся на Русь христианским ордам. Болгария им была выбрана не местом проживания и получения княжеских удовольствий, а идеальным стратегическим плацдармом для будущей войны, но я опять

отклонился от темы.

— Это ничего, — успокоил я разгорячённого всезнайку. — Для меня это только полезно.

— Теперь ты понимаешь, почему, благодаря Светославу, состоялся феномен Чингисхана. С середины X века оборвалась информационная связь Китая и католического Запада. Это значит, что европейские военные технологии не стали больше проникать в «Поднебесную». Порох китайцам дать, правда, успели, но как им пользоваться для китайцев осталось загадкой. Великой тайной для Китая оставался и напалм древности, так называемый «греческий огонь». Будь в «Поднебесной» и то, и другое оружие, победить её небольшой армии Тимчака-Чингисхана было бы очень трудно.

— Скажи мне, — перебил я рассказчика, — ты только что говорил о том, что журы, или чжурджени, создали против государства Корё первую в мире артиллерию. Неужели они научились лить стволы пушек?

— Первые пушки никто не отливал, юноша. Их стволы делали из крепкого дальневосточного маньчжурского ясеня. Такого ствола хватало на 10–12 выстрелов, не более. Потом ствол деревянной пушки выбрасывался, потому что изнутри выгорал и приходил в негодность. Деревянными пушками широко пользовались войска Сибирской империи. Только делались их стволы не из ясеня, а из лиственницы. Лиственные стволы были крепче ясеневых и дольше служили. На Руси стволы тюфяков, или деревянных пушек, изготавливали из мореного дуба. Они тоже долго служили..

— А «греческий огонь» был на вооружении войск Чингисхана? — снова задал я вопрос историку.

— Конечно был, без него Сибирская империя не смогла бы победить армии Хорезмшаха Мухаммеда. Дело в том, что Хорезм тоже располагал таким оружием... Но своими вопросами, юноша, ты меня опять отвлек от темы. Мы с тобой со Светославом ещё не закончили.

— Тогда у меня есть вопрос по теме — о Светославе, — не прекращал я донимать всезнайку. — Ты только что сказал, что Светослав, как стратег, был выше и Александра Македонского, и Цезаря. С чего ты решил, что это так?

— А ты что со мною не согласен? — посмотрел на меня задумчивым взглядом антрополог. — Вспомни, проиграл русский князь-полководец хоть одну битву? Во время похода на Волгу, Дагестан и Северный Кавказ русским войском было выиграно 8 крупных сражений: две кровопролитные битвы на земле камских болгар, три сражения в Хазарин и два на Северном Кавказе. Я не считаю последнюю битву у стен Саркела. Она не была решающей. И ни одного поражения! А битвы русской армии с дунайскими болгарами? Их было четыре! Четыре крупных сражения! Дунайская Болгария была серьёзным противником даже для Византии. А потом, сражение русских армий со стратегами Иоанна Цимисхия... Одна битва у Аркадиополя чего стоит! Византийские летописцы прямо говорят, что их армия в два с лишним раза по численности превосходила войско русов. И командовал ею не знающий поражения знаменитый Варда Скляр. А теперь вспомни Доростол. Светослав располагал всего 16 000 воинов. По некоторым источникам — 20 000. Против него византийский император выставил 160 000! Одной только тяжёлой конницы катафрактариёв бессмертных у Иоанна Цимисхия было 10 000! И что, византийцы победили? Три кровопролитные битвы! Фактически «Моськи со Слоном»! Две баталии на равных... В третьем сражении «Слон» бросился бежать от «Моськи»! Сдали нервы. Команда Светослава остановила сражение. Русский князь прекратил битву потому, что понял главное — армии у греков больше нет! Её дух окончательно сломлен. Победа за ним. И потом он узнал, что киевская дружина Претича подходит к стенам Константинополя. Это значит, что империи конец! А теперь давай вместе вспомним: проигрывали сражения Александр Великий с Цезарем или нет?

— Проигрывали, и не раз. Цезарь потерял одну из армий в Галлии. Македонский терпел поражение от умницы Мемнона, от саков и от Спитамена в Согде, — вспомнил я учебники истории.

— Вот видишь, значит, я прав, Гера. И ещё я тебе скажу вот что: и Александр Великий, и Цезарь всегда имели перед своими противниками пускай небольшое, но преимущество. Светослав же, как правило, располагал армиями сравнительно невеликими. И всё равно побеждал! Моё личное мнение такое: будь на месте Светослава у Доростола Александр Македонский или Цезарь, они бы оба сдались! Потому что ни один из них никогда не сражался с силами, в 10 раз превосходящими по численности их армии. Такого им не снилось даже в кошмарных снах!

— Мне кажется, что ни Александр Македонский, ни Цезарь сдаваться бы не стали... — высказал я своё мнение.

— И что бы они сделали? — засмеялся историк.

— Не знаю, но думаю, что до сдачи дело бы не дошло, — продолжал настаивать я.

— Конечно бы не дошло, — неожиданно согласился со мной дядя Ёша, — потому, что они оба: и Александр Великий, и Цезарь в той ситуации, в какой оказался Светослав у Доростола, покончили бы жизнь самоубийством, — сделал он неожиданное заключение. — И потом, почему не ты, русич по происхождению, убеждаешь меня, что Светослав был абсолютным стратегом и гением, а я, русский еврей, пытаюсь доказать тебе это? Ты что, тоже страдаешь чужебесием? В упор не видишь своего и преклоняешься перед забугорными авторитетами? — с иронией в голосе спросил он меня.

— Да нет, дядя Ёша, чужебесием я не мучаюсь. Просто захотелось услышать твои доводы...

— Ну и как?

— Услышал. И они мне показались убедительными.

— А я не приводил никаких доводов! — вдруг отрезал историк.

— Интересно, а как это, по-твоему, называется?

— То, что я плёл, серьёзным доказательством превосходства полководческого таланта Светослава над героями-полководцами античности не является...

От слов учёного я растерялся.

— Ты, юноша, забыл русскую ведическую традицию, — продолжил антрополог. — Помнишь, как называли князей в дохристианское время? Их называли «Ваша светлость». Знаешь, почему? Потому, что князей всегда выбирали из сословия управленцев — бояр. Тех людей, у которых включался пятый центр сознания. Или ядро Стребоба. Ты ведь хорошо об этом знаешь. Стребог — сила движения, распределения и взаимодействия. Как раз та, без которой истинный управленец состояться не может. Но светиться изнутри человек начинал после того, как в его ахаратном столбе сознания начинает работать шестой центр — ядро интуиции. В русской ведической традиции его называют ядром Самаргла Сварожича. А теперь, давай вспомним, обладал Светослав тонкой интуицией, или нет? Конечно, обладал! Без хорошей интуиции стратегом не станешь. Да и тактиком тоже. Русский князь поднялся на уровень жреца! По сословной лестнице он стоял куда выше и Александра Великого, и Цезаря. Потому что и тот, и другой, судя по их жажде к власти и всему материальному, выше шудр так и не поднялись. У обоих была, по сути, рабская психика. Да, их душили амбиции, хотелось им выглядеть богами. Но это как раз и доказывает их психическую ничтожность. А теперь подумай, могут такие вот «полубоги» быть Светославу Игоревичу конкурентами? И тому, и другому сила была дана в готовом виде. Александру от отца Филиппа, на Цезаря горбатилась вся Римская республика, начиная от элиты, кончая её рабами. Светослав же великую силу вложил в русский броневой кулак сам. Ольга ему в таком мероприятии была только помехой. Вот оно, подлинное

доказательство превосходства русского гения над выскочками с Запада. Заодно и ответ на твой вопрос, юноша, — закончил свои объяснения историк.

— Да...а! С тобой, дядя Ёша, не поспоришь. Ты везде найдёшь, что сказать. В тебе умер обалденный адвокат!

— Никто во мне не умер, тем более адвокат! — резко осадил меня учёный. — Который раз я тебе объясняю то, что ты и сам хорошо знаешь. Тебе что, приятно из себя дурака разыгрывать?

— Прости, дядя Ёша, больше не буду. Просто мне нравится как ты доходчиво и чётко умеешь доказывать, — засмеялся я.

Гладя на меня, учёный тоже заулыбался.

— Относительно Светослава у меня ещё один вопрос, — решил я закончить тему. — Почему русский полководец, обладая мощной интуицией, всё-таки попался в ловушку?

— Это как раз тот случай, когда логика пересилила интуицию, Гера. Логика говорила Светославу, что путь открыт. В Киеве с Ярополком всё улажено. Свенельд корабли у порогов встретит. Может он и встретил...

— Для того чтобы предать Светослава, как и его отца, Игоря?! — невольно вырвалось у меня.

— Вот ты и сам ответил на вопрос о смерти Светослава.

— А где был в то время преданный Претич? — возник у меня естественный вопрос.

— Очевидно, в Киеве. Присматривал за Ярополком. Того, как ты уже понял, одного оставлять было нельзя.

— Ты так уверенно разложил мне всё о смерти Светослава, как будто сам был участником того заговора?

— Ты сказал правильное слово, Гера, Светослав Игоревич пал жертвой хитро спланированного христианами заговора. Оплачен же он был хазарским золотом. Я это слышал кое от кого из особо приближенных Любавичского Ребе. И думаю, что мои информаторы правы: из архивов хабада известно, что русский князь-полководец в X веке являлся самым грозным противником всего иудейского мирового подполья. И вот почему: разбив войска Хазарии Светослав не тронул никого, кроме иудеев. По последним же прошёлся огнём и мечом. Причём так, что от их финансовой империи не осталось и следа. Из его войны с каганатом на Западе сделали вывод, что русский князь борется не столько с христианами, сколько с иудейской банковской мировой элитой. С тем самым финансовым спрутом, который своими щупальцами проник во все сферы жизни Запада. Начиная от крестьянских общин и кончая католической церковью. Видя перед собой пример Хазарии, иудеи смертельно перепугались. Хозяева же их поняли: если победит в войне с Византией, и со священной Римской империей Русь, то с созданием в будущем гигантских международных еврейских банков будет покончено. Огромный тысячелетний труд «знатоков путей — рахдонитов» окажется напрасным. Вот почему в Киевскую христианскую общину при Светославе золото лилось рекой! Им покупали не только христиан, но и продажных ведических русов. Особенно падки на золото оказались наёмники скандинавы. Позднее из них Владимир равноапостольный и сколотил себе наёмную дружину... Теперь то ты понял величие Светослава? Понял, какую войну он вёл, и с кем? Судя по всему, русский князь отлично понимал, для какой цели евреи копят в Европе золото. Великий Светослав видел будущее, юноша! Наше будущее... И, как мог, пытался помешать тому, что мы сейчас наблюдаем.

Было видно, что учёный сказал мне всё, что хотел. И больше о Светославе ему добавить нечего. И он собрал на столе в стопку свои карты, и, покосившись на меня, добавил:

— Мне бы хотелось обратить твоё внимание на то, что Светослав действовал в полночь Сварога. Потому он и проиграл. Понятно, что белое русское жречество ему помочь не могло.

Единый эгрегор великой Руси был разорван на части. А эгрегор Амона как раз набрал полную силу. Светославу приходилось грести против течения...

— Ну, а что было потом? — спросил я.

— Потом? Как ты знаешь, разгул сатанизма: вся наука в Европе стала контролироваться христианской церковью. С XII века зажгли костры инквизиции. Начались бесконечные феодальные войны... Эгрегор Амона требовал человеческих жертв.

— Меня интересует другое: восстановили иудеи Великий Шёлковый путь после гибели Хазарии?

— Кочевая транзитная дорога была восстановлена, но уже не ими. Больше в Центральной Азии евреи не хозяйничали. Мусульмане на иудеев наложили такие торговые пошлины, что им стало не до шёлка. Убравшись в Европу, они занялись торговлей рабами.

Стали продавать христиан мусульманам. Дело было достаточно прибыльным, к тому же, богоугодным.

— Неужели продажа рабов заменила торговлю шёлком? Что-то не верится, чтобы рабов в Европе было уж слишком много? — удивился я.

— Почему же, рабов хватало, — с грустью в голосе сказал всезнайка. — Для того и организовывались в Европе между христианами бесконечные войны. Но ты прав, иудеи продолжали торговать ещё и шёлком. Только покупали его не у китайцев, а у иранцев и арабов, или византийцев, которые научились его производить в Малой Азии.

— Значит, иудейские капиталы в Европе после гибели хазарского каганата не очень-то пострадали? — задал я очередной, мучающий меня вопрос.

— Ещё как пострадали! — улыбнулся учёный. — Целое столетие иудейские купцы «метали икру». Не знали, что делать и как снова начать свой шёлковый бизнес. Спасли положение их хозяева. Я имею в виду служителей Амона. Это они подтолкнули папскую курию к идее крестовых походов. Спрашивается, зачем нужно было христианам переться за тридевять земель в Палестину, брать штурмом Иерусалим и организовывать в нём своё христианское королевство? С точки зрения здравого смысла — логики никакой! Во-первых, далеко от Европы. Во-вторых — нет плодородных почв, нет лесов. Сплошные пески... Пустыня! Нет ни ручьёв, ни больших рек. Словом, ничего существенного, за что можно было бы пролить столько крови! Это, конечно, с нашей точки зрения или с точки зрения попавших с армией крестоносцев европейских крестьян. С точки зрения же хозяев библейского проекта, всё было иначе: богатый купеческий Иерусалим после взятия его крестоносцами был отдан им на разграбление. Но что значили все богатства Иерусалима с его подземными тайниками?! Ровным счётом ничего! Там в одном из подземелий, якобы в бывших конюшнях храма царя Соломона, 9 рыцарей «кладоискателей» нашли нечто. После этой находки и был учреждён ими Орден храмовников или тамплиеров. Что же нашли рыцари в подземелье? И как им это удалось? По всей вероятности, они пользовались какой-то путеводной картой. Тогда, кто им дал эту карту, и зачем? Интересно, что после находки и учреждения рыцарского Ордена тамплиеров, Иерусалимское королевство скоро стало терять силы. Если европейские монархи и пытались за него бороться, то Ватикан почему-то к нему охладел. Спрашивается, почему? И вообще, не для того ли был завоёван папством Иерусалим, чтобы отыскать в его подземельях то, о чём знают только избранные. Когда

Иерусалим в 1187 году был отобран Салах ад'Дином у крестоносцев, особой паники по этому поводу в Европе не произошло. Конечно, папа Климент III объявил новый крестовый поход на нехристей исламистов, но многие современники понимали, что это больше для поддержания престижа, чем из-за идеи спасения гроба Господня. Так что же всё-таки нашли рыцари кладоискатели в подземелье? Судя по тому, каким курсом стали следовать тамплиеры после своего переезда на Кипр, а потом в Европу, рыцари обнаружили в подвале бывшего храма

Соломона подробный план захвата, посредством тайных обществ и кредитно-финансовой системы, власти над человечеством. Мало этого, они получили ещё и карты древних кладов серебра, золота и драгоценностей. Скорее всего, указания на те места, где оставили своё золото, серебро и драгоценности ещё атланты. Почему я так уверен в этом? Да потому, что тамплиеры, будучи нищими, сразу стали очень богатыми. Они наводнили своим серебром всю Европу. Кроме того, храмовники открыли свои банковские заведения не только в христианской Европе, но и в Передней Азии. А то, что серебро рыцарей было из тайников древней цивилизации, доказывает его химический анализ. Оно оказалось перуанским, юноша. О золоте храмовников говорить не будем. Они его тоже использовали, но только в своём узком кругу. Когда речь заходит о евреях, то, как правило, их обвиняют в изобретении бумажных денег. Но это не совсем так. Первые расписки за положенное на хранение в банки тамплиеров серебро и золото придумали не иудеи, а сами храмовники. Так что идея изобретения бумажных денег принадлежит рыцарям христианам. Как ты уже понял, они взялись за претворение в жизнь библейского проекта, но не для хозяев, а под себя. И стали жертвами своего же собственного энтузиазма. Понятно, что за деятельностью тамплиеров внимательно следили их создатели — многомудрые жрецы Амона. И как только идея рыцарей объединить под своим финансовым контролем все страны Европы стала набирать силу, по Ордену в 1307 году был нанесён смертельный удар. «Не лезь вперёд батьки в пекло!» Не ваша идея и не вам её использовать. Принято считать, что с тамплиерами разобрались король Франции Филипп Красивый и римский папа Климент V. Фактически так оно и было. Но надо понимать, что и тот, и другой были всего лишь исполнителями, не более. Исполнителями воли тех, кто всегда предпочитает оставаться в тени. Из средневековых хроник известно, что король Филипп Красивый разделался с Орденом тамплиеров в надежде овладеть их сокровищами. Возможно, так оно и было. Только правитель Франции ни серебра, ни золота рыцарей так и не получил. Сказочные сокровища храмовников испарились. По легенде не найдены они и до сих пор. На самом же деле алмазы, золото и серебро рыцарей оказались у тех, кому они и предназначались — в тайниках тёмного жречества. Под пытками рыцари-тамплиеры называли места своих «похоронок», но все они оказались пустыми. Сокровища бесследно исчезли. Вот так надо работать, юноша! Принцип один и тот же: на чужой территории, чужими руками, но эффект максимальный! Чтобы сами тамплиеры не разобрались, куда перетекли их богатства, никого из их элиты на свободу не выпустили. Кого сожгли, кого постарались убить пытками. Следом за ними последовали и их не в меру продвинутые преследователи, король Франции Филипп Красивый и папа Климент V, так сказать: и концы в воду... На костре последний магистр Ордена Жан де Мале проклял и короля, и папу Климента V. Им обоим он предсказал скорую смерть. Очевидно, магистр понял, что происходит: за что уничтожен Орден тамплиеров, и кто за всем этим стоит. Поэтому в смерти Филиппа Красивого и римского папы не сомневался. Вот каким образом, через специально созданный для такого дела рыцарский Орден, пастухи европейского иудейского клана добыли недостающие для будущего запуска капиталистической техногенной цивилизации аварийный запас золота и драгоценностей.

— Почему ты считаешь, что сокровища тамплиеров являлись аварийными, предназначенными для крайнего случая? — удивился я.

— Потому, Гера, что пользуюсь не только логикой и своей интуицией, но и серьёзными знаниями, полученными из архивов хабада.

От слова «хабад» меня передёрнуло: историк получает знания из ортодоксальной секты. Но говорит о ней в таком уважительном тоне, как будто это не сборище фанатиков, а Академия наук. Между тем, учёный продолжал:

— Иерусалим не единственное место, где жрецами Амона были оставлены координаты

кладов погибшей Атлантиды. Вторым таким местом, по одному из иудейских тайных преданий, является тот храм в пустыне, о котором мы с тобой уже говорили. Если верить тому, что я слышал, в тайниках комплекса лежат карты древних погибших материков. На них обозначены города, дороги и входы в подземелья. Но это не всё: в особом склепе того храма скрыта карта вывезенного на материки Старого и Нового Света золотого запаса Атлантиды. Благо, что жрецам Амона тайна того склепа неизвестна. Если бы они добрались до сокровищ, то им стал бы не нужен ни Великий Шёлковый путь с его проблемами, ни торговля рабами. Они запустили бы рыночную техногенную цивилизацию ещё в римское время, сразу же после победы в Западной Европе христианства.

— Кто же распоряжается тайным хранилищем храма, если не жрецы? — поинтересовался я.

— Те, кто управляет жрецами Амона. Кому принадлежат вывезенные из Атлантиды сокровища. Эта группа полубогов куда серьёзнее выскочек из Египта. Они обладают очень ценным качеством — умением ждать. И действуют всегда наверняка. Своему детищу: евреям, пассионариям и основной движущей силе библейского проекта, надо было дать время повзрослеть, набраться опыта и, что самое главное, расселиться по всему миру. Лучше всего для такого мероприятия, конечно, подходит торговля. Заодно, торговые операции позволят накопить огромные средства. План высшей власти таков: иудеи должны были всё сделать сами. Если же у подопечных что-то складывалось не так, то включался тот или иной запасной вариант. Тактика же традиционная: «чужими руками и на чужой земле». Ты понимаешь, что походы христиан на Святую землю начались далеко не случайно? Не случайно, очень даже вовремя, появились и рыцари тамплиеры. Орден кладоискателей. Не случайно и не из-за жадности короля Франции погиб этот Орден. И Филипп Красивый, и папа Климент V всего лишь выполнили возложенную на них задачу. Везде и во всём прослеживается определённая закономерность. Просто её надо увидеть. Посмотри, как ловко у них получилось с тамплиерами: после взятия христианами Иерусалима 9 рыцарей в 1098 году, пользуясь неведомо как попавшим им планом, что-то в подземелье под храмом Яхве нашли... Похоже, что именно благодаря находке и был основан Орден храмовников. Через 209 лет рыцари стали хозяевам не нужны. Это и понятно — взялись не за своё дело. К тому же, не только добрались до указанных на плане кладов, но ещё и свои богатства приумножили... Короче, «мавр сделал своё дело, теперь мавр может уйти»... Но посмотри, как ловко был обставлен уход! Под арест попала всего-навсего верхушка рыцарства. Из документов допроса и следствия: всего 60 человек! А куда делись остальные 15 000? Из его ядра было организовано одно из самых мощных в Европе тайных обществ. И это общество, так называемые «тайные тамплиеры», со временем стали верой и правдой служить библейскому проекту. Ирония в том, что они и сейчас думают, что работают на себя. На самом же деле на тех, кто их когда-то создал и затем уничтожил.

— Фактически использовал для проведения в жизнь операции «запасной вариант» — дополнил я всезнайку.

— Да, именно так, — согласился он со мной. — Поэтому масонов, которые гордятся тем, что они являются потомками самых знаменитых тамплиеров искренне жаль. В меру своего понимания и ущербного европейского воспитания, они на самом деле работают на себя, но в меру своего невежества — на того, кто намного больше их знает. Знание, мой юный друг, огромная сила. Всегда помни это и стремись знать как можно больше!

— Только теперь до меня наконец докатило, почему тамплиеры изо всех сил подталкивали Чингисхана к походу в Европу. Не столько на готовую принять католицизм Русь, сколько на папскую курию. Очевидно, они знали, или просто догадывались, что римский папа и его окружение служат ещё одному Богу — богу вполне земному... Что Ватикан управляем. Управляем такой силой, которая может заставить его сделать всё что угодно. В том числе

уничтожить и их Орден, — высказал я свои соображения.

— А может, тамплиеры, используя силу орды, решили покончить со своими конкурентами из иудейских ростовщических кланов... Заодно уничтожить их верного союзника и своего потенциального врага — римскую курию, — дополнил своим высказыванием мои мысли историк.

— Знаешь что, дядя Ёша, — перевёл я разговор на другую тему. — Вот ты часто говоришь мне о хабаде. Объясни толком, что это такое и с чем его едят? Похоже хабадники у тебя в среде иудеев самые главные?

— Они и есть самые главные, — тяжело вздохнул учёный. — По общепринятому представлению, — начал антрополог своё новое объяснение, — иудейская сверхортодоксальная секта хабад возникла в Приднепровье. Она появилась, как ответ на преследования иудеев Богданом Хмельницким. Первый съезд секты состоялся во второй половине XVII века в местечке Любавичи. Отсюда и название главы хабада — Любавичский Ребе. Но дело в том, что современный хабад вырос не на пустом месте. И до него в Средневековой Европе, Передней Азии и на севере Африки процветала подобная секта. Со временем она выродилась в движение хасидов, но, очевидно, так уж было задумано хозяевами. Хабад довольно молодое изобретение мирового сатанизма. Поэтому он и патологически энергичен. Но чтобы понять, что такое хабад, надо немного отвлечься, юноша. Мне хочется тебе сказать вот что: структура иудейских кланов имеет одну особенность. Эта особенность на материальном плане выражена в крайней сплочённости. Неразрывным единством коллективного иудейского сознания со своим богом, или той силой, которую мы с тобой называем эгрегором Амона. По сути, иудеи являются составной частью этого эгрегора, выраженного в материальном плане. Получается, что мы имеем дело с единым целым, где ущербное полевое представлено таким же ущербным материальным. Фактически, мировое иудейское сообщество, спаянное мощным полевым фактором, представляет собой единый живой механизм. Что-то наподобие громадного планетарного пчелиного роя, а ещё точнее — термитника. Почему именно термитника? Да потому, что и в термитнике, и в обществе иудеев действуют скрытые законы природы. В термитнике — телепатические, в обществе евреев — ещё и магические. Мы с тобой уже говорили на эту тему, и ты должен помнить, что каббала была создана прежде всего для управления самими евреями. На «гоев» каббалистические заклинания действуют только избирательно: с условием, что у таких «гоев» имеется хоть одна капля еврейской крови. О чём это говорит? О прямой генетической связи евреев с эгрегором Яхве-Амона. Представь, генетика человека — содержание ядер его клеток, и с ними в связи мощное силовое поле энергоцентрали Иеговы? Материальное напрямую взаимодействует с полевым? Ты можешь объяснить этот механизм, юноша? — задал мне каверзный вопрос учёный.

— Пожалуй, что могу, — сказал я. — Потому, что кроме генетики атомарно-молекулярной или материальной существует ещё и волновая генетика, которую наши современные биологи пока не признают. Но древние, очевидно, ею широко пользовались, — блеснул я своей эрудицией. — Они, эти жрецы, специалисты по истинной генетике всего живого, знали, что хромосомы имеют волновых двойников. Эти волновые структуры интегрируются в человеке в особое информационное поле, которое является составной частью эфирного, его самой тонкой субстанцией. Это вот поле жрецы Амона и привязали к силовому потенциалу эгрегора Яхве. Очевидно, и частоты колебания курирующей иудаизм энергоцентрали были настроены так, чтобы одно являлось продолжением другого.

Когда я закончил свои объяснения и поднял глаза на историка, тот стоял, открыв рот.

— Ты владеешь такими представлениями о знании древних, что мне остаётся только развести руками. Теперь вижу, что ты не зря общался с хранителем. Не знаю, стоит ли мне тебе объяснять дальше?

— Конечно стоит, — успокоил я учёного. — Кое-что до меня дошло, в основном то, что

касается биологии, но далеко не всё.

— Тогда пойдём дальше, — примирительно пробурчал учёный. — Если есть прямая связь поля эгрегора Амона с волновыми генетическими особенностями определённой группы этнически родственных между собой людей, то какой из этого можно сделать вывод?

— Только один, — сказал я. — Воздействуя на эгрегор можно управлять всей привязанной к нему группой.

— А теперь обратимся к Ветхому завету, Гера, — остановил меня специалист по святому писанию. — Помнишь союз, заключённый патриархом Авраамом с Богом? Что собой представляет тот договор? Единство поля эгрегора и волновой структуры человека. Как видишь, этот договор не только на словах или на бумаге. Он вполне реален и действует.

— Самое поразительное то, что о нём написано в Торе прямым текстом, но никто ничего так и не понял: в чём собственно суть договора, каков его механизм, — продолжил я мысль учёного.

— И не удивительно, если хочешь что-то хорошо спрятать — положи на самом видном месте... Таков один из законов нашей психологии. Но в договоре евреев с Амоном-Иеговой есть одна деталь. И деталь эта немаловажная. Я имею в виду обрезание, Гера. Без него никакого договора быть не может. Обрезание в договоре главное. Но давай всё по порядку, — поглубже уселся в своё кресло дядя Ёша. — Помнишь, что требует дьявол от человека за услуги?

— Вроде бы душу, — не понял я историка.

— А чем человек подписывает свой договор о продаже души Дьяволу?

— Ну, кровью, — растерялся я.

— А кто такой Дьявол? Искусственно созданный на Земле эгрегор смерти и разрушения. Мы его называем Амоном, Иеговой или силой Сета, — на свой же вопрос ответил эзотерик. — Он создавался за счет принесения в жертву миллионов. Из разорванных кусков человеческих душ.

— Почему разорванных? — не понял я.

— Потому, что дух Создателя после смерти человека возвращается всегда к хозяину. И никакому эгрегору его у Творца не отнять, но так как дух Сварога присутствует в силовом коконе человека как часть его души, то что получает после гибели физического тела эгрегор смерти? Неполную искалеченную душу. Душу без стержня вокруг которого она и строится. Продавая Дьяволу свою душу, человек продаёт своё, то, что принадлежит ему, а не Творцу. Теперь ты понял, что я пытаюсь тебе растолковать? — Взял со стола карандаш и лист бумаги учёный.

— Кажется, начинаю понимать, — покосился я на принявшего загадочный вид специалиста по эгрегорам. — Судя по тому, что ты сейчас поведал, эгрегор Амона составлен из вибраций человеческих душ самого низкого качества. Из остаточного потенциала или той силы, которая отвечает в человеке за власть и всё материальное. Они, эти ребята, я имею в виду жрецов Амона, специалисты на все руки. Всё у них и просто и одновременно гениально! Приземлённый эгрегор крепко-накрепко связанный с человеческой психикой! Вот так союз! Кошмар какой-то!

— Да, кошмар! — согласился со мною эзотерик. — С ним я и борюсь всю свою жизнь. Но вернёмся к обряду обрезания, Гера. Как тебе известно, обрезание крайней плоти у евреев проводится на восьмые сутки после рождения. Как раз, когда активизируется первое ядро сознания. Центр, который отвечает у человека за всё материальное. Обрезание без крови не бывает. Вот она, роспись евреев за союз со своим богом! Почти то же самое, что и у христиан или мусульман, с той лишь разницей, что их высшие центры сознания не парализованы, а функционируют. Парализация других ядер сознания происходит только у иудеев. Не у этнических евреев, а у тех, кого обрезали на восьмой день. Если еврея не обрезать, то в нём один

за одним к 33 годам начнут действовать все высшие центры сознания. И несмотря на то, что генетически он хоть и является материальным продолжением своего Бога, полной власти над ним этот Бог иметь не будет. Эгрегору воспрепятствуют связанные с Творцом активизированные высшие центры сознания. Амон-Иегова не сможет полностью поработить душу такого еврея. Человек, опираясь на мощь Создателя, может оказаться сильнее своего полевого хозяина Амона. А это уже не порядок. Теперь ты понимаешь, для чего было задумано обрезание? Красный центр, отвечающий за всё материальное, естественным образом включается в эгрегор Амона. Как ты знаешь, подобное тянется к подобному, а все остальные центры сознания посредством болевого шока отсекаются. Дело в том, что каждое ядро сознания должно активизироваться в своё время и одно за другим — по очереди. Боль и стресс нарушают естественный ход включения ядер. Случается то, чего в природе человека не должно быть...

— Люди с одним единственным полноценным активизированным центром сознания и через него, и через свою генетику связанные с эгрегором Яхве-Амона — такое трудно представляется, — снова прервал я учёного.

— Представить подобное не просто, это так, но мы имеем дело с реальностью, юноша. И никуда нам от неё не деться. Она существует, и не важно, хотим этого или нет, — вздохнул эзотерик.

— Ответь мне вот на какой вопрос, — посмотрел я на погрустневшего учёного. — Как так получается, что некоторые иудеи начинают бунтовать против своего Бога? Они называют его Сатаной-Дьяволом, отрицают свою богоизбранность и учение Талмуда? Взять, к примеру, того же Спинозу или Маркса... Их что — как-то не так обрезали? Надо было и по самое не могу? Да ведь и ты — тоже обрезанный.

— Меня обчекрыжили, когда мне стукнуло 35, юноша. Такова наша ведическая традиция. Традиция евреев-отступников. Для того, чтобы нас не вычислили талмудисты, — спокойным голосом сказал дядя Ёша. С другими же иудеями, такими как Спиноза или Нострадамус происходит следующее: либо на них не действует болевой шок, либо в их настоящее вмешивается инкарнация прошлого. Инкарнация не иудейская...

— Выходит, что обрезание не даёт 100 % гарантии? — спросил я еврея.

— Не даёт, Гера. Потому и встречаются среди иудеев честные, добрые, не жадные и не завистливые люди. Умеющие любить и хорошо относиться к гоям. Но, как правило, такие люди ненавидят свой собственный народ, потому что не понимают, что он в беде. В жестокой полевой ловушке. В самой страшной, какая только есть на нашей планете. Сейчас ты всё поймёшь, мой молодой друг.

Несколько секунд эзотерик молчал, очевидно, собираясь с мыслями. Потом сказал:

— Если есть прямая связь поля эгрегора с волновыми генетическими структурами человека, то через эгрегор можно легко запрограммировать его бессознательное. Для такого мероприятия достаточно на полевою эгрегориальную структуру информационно воздействовать. Именно для этих целей и была создана каббалистическая символика с её законами взаимодействия сознания человека и поля. Вот и получается, что достаточно жрецу из «пастухов» обратиться на эгрегор Яхве-Амона, как тот мгновенно передаёт полученную информацию всему иудейскому стаду. Обращение передаётся на каббалистическом языке символов и оседает оно в рефлекторных слоях сознания. Второй этап перевода глубинного бессознательного в сознательное не так уж и сложен. Для этого требуется немного терпения и лексики. Естественно, что по теме и не важно от кого: от раввина или просто по радио или телевизору. Лучше всего, конечно, через печать... Наглядные печатные образы глубже проникают в сознание. Теперь ты понимаешь, почему все средства массовой информации не только в Европе или Америке, но и во всём мире принадлежат избранному народу? Прежде всего, они служат самим евреям, а уж потом с их

помощью идёт процесс приземления и промывки мозгов вам, гоям. СМИ — тот институт, который облакает полученную бессознательным информацию в образы и передает её в сознание иудеев. Но это, с одной стороны, когда речь идёт о мгновенной передаче информации. Поэтому не успеют за что-либо задеть еврея, например, у нас или в Европе, как в его защиту тут же начинают вопить все евреи мира! Потому-то иудеи действуют всегда сплочённо, как одно целое и неделимое. Но это ещё не всё, а только половина того, что ты должен знать, юноша. Вторая часть — более прозаичная. Она заключается в убийстве на расстоянии — уничтожении любого ненужного еврея. И не важно, иудей он или нет. Достаточно того, что генетически он связан с эгрегором. Вот почему я говорил: если есть в человеке еврейская кровь, пусть даже 0,5 %, то его уже можно контролировать через эгрегор Яхве-Амона. Контролировать тотально, если потребуется, вплоть до летала. Связь та же самая, что и при передаче информации. На эгрегор подается информационный сигнал, он же, обладая своим собственным сознанием, ищет способ убрать человека. Иногда, если требуется срочная нейтрализация, то эгрегор такие операции проделывает и сам. Информационная связь у него через волновые гены с подсознанием человека есть, поэтому навязать своей жертве программу на летал несложно. А теперь припомним, кто же стоит за пультом управления эгрегором Яхве? Понятно, что сверхлюди — его создатели. Но этим демонам всегда требовалась своя группа безукоризненных исполнителей. Людей, которые осуществляют их связь со всеми иудейскими общинами, такие люди должны быть особенными. Во-первых, предельно преданные идее завоевания евреями мирового господства. И, во-вторых, очень энергичными. Я бы сказал сверхэнергичными. Насчёт преданности идее господства над всеми народами планеты у талмудистов давным-давно всё отработано. Ненависть в их души, по отношению к гоям, закладывается ещё в детстве. Со сверхэнергичностью же темным пришлось немного подсуетиться. Пассионарность была вызвана искусственно. Каким образом? Как всегда просто и гениально. Ты когда-нибудь видел, юноша, даосский знак «инь-ян» или ведический русский знак единства и взаимодействия двух начал: женского и мужского? Суть обоих пиктограмм одна и та же... — спросил меня специалист по символике.

— Видел и тот, и другой, — кивнул я ему.

— А теперь тебе вот какой вопрос: ответь мне, зачем нужна мужчине энергия женщины, а женщине наоборот, мужская энергия?

— Думаю, что для силового равновесия, — высказал я своё предположение.

— Ты прав, Гера, для нейтрализации излишка той или иной энергии. И у мужчины, и у женщины эти энергетические излишки всегда присутствуют. Такова природа человека. И они, если их не аннигилировать, всегда приводят к перевозбуждению нервной системы. Человек превращается в сверхэнергичного пассионарного балбеса, который сам не знает, что хочет. Избыток энергии не даёт ему ни на чём серьёзно сосредоточиться. Что-то понять и для себя решить.

— Ты описываешь настоящее безумие, — заметил я.

— Так оно и есть, только оно, это безумие — искусственно созданное и управляемое, мой юный друг. Ты когда-нибудь встречал гомосексуалистов или лесбиянок? — посмотрел он на меня с интересом.

— Ни тех, ни других не видел, — честно признался я.

— В какой-то степени это плохо, — поморщился специалист по извращениям. — Из-за этого кое-что мне придётся тебе объяснять...

— Не стоит беспокоиться, дядя Ёша, по совету хранителя я читал и Ломброзо, и Климова. И хорошо знаю, что половые извращения — своего рода «лакмусовая бумажка» для психики. Если с головой что-то не так, то не так в штанах и под юбкой...

— Но есть ещё и обратная связь, мой мальчик, — перебил меня учёный. — Когда вполне

нормального человека насильно превращают в извращенца и этим, со временем, ломают ему психику. Откуда идёт поступление в силовой кокон мужчины активизированной женской энергии и наоборот? Через второе ядро сознания, или половой центр, который в нём находится. Если проще: посредством всевозможных ласк и половой активности. Половая близость двух разных полов для того и была дана человеку Создателем, чтобы он от переизбытка своей же собственной энергии не сошёл с ума. Но у гомиков, как ты знаешь, половая близость совершается со своим же собственным полом. Представь, и так энергии через край, а тут ещё добавка! Вот почему все половые извращенцы во времена «звёздной ведической цивилизации» теряли статус полноценного человека. Они относились к сословию неприкасаемых. К самой презируемой части человечества. И за их убийство никто не нёс никакой ответственности. Так вот, юноша, основная часть хабадников становится половыми извращенцами поневоле. В хабаде мужчина обязан находиться в половой близости только с мужчиной. Полученный таким образом переизбыток мужской энергии, с одной стороны, превращает его в психопата, с другой, в осатанелого пассионария. Энергия бьёт ключом, и её надо куда-то деть! Но это ещё не всё, мой друг, мужчины хабада являются к тому же и многодетными отцами.

— Как так? — удивился я. — Ты говоришь какие-то странные вещи, дядя Ёша. У них что, мужики научились рожать? — подскочил я на своём месте.

— Рожают не мужики хабадники, а их жёны, Гера.

— У этих извращенцев есть ещё и женщины-жёны? — не переставал удивляться я.

— Есть-есть, они и производят на свет каждый год своим мужьям по новому грызуну-младенцу, хабаднику.

— Неужели женщины беременеют от самого Яхве? Представляю какие рождаются детки!

— Детки рождаются не от эгрегора, а от людей — мужей. Но этот процесс построен уже на дефиците женской энергии. Сейчас объясню: если мужчина не родился гомиком, то он, какого бы из него не делали уroda, всё равно нуждается в притоке женской энергии. Она ему необходима, чтобы хоть как-то гасить в себе тот избыток силы, который рушит его психику и превращает в недочеловека. Поэтому на половую связь с женщиной такой мужчина с удовольствием идёт. Но в хабаде близость мужей со своими жёнами предельно ограничена: законы секты запрещают не только ласки, но и прикосновения к женскому телу. Половой акт мужа и жены совершается через простыню, в которой для такой цели прорезают отверстие... Как видишь, поступление мужчине женской активизированной энергии резко ограничено. Понятно, что и женщины от такой половой близости тоже страдают. Но дефицит энергообмена должен быть строго соблюден. Иначе нарушителя закона ждёт жестокое наказание.

— Ты рассказываешь какой-то ужас! — перебил я специалиста по хабаду. — Из твоих слов, хабад ещё одно, искусственно созданное в еврейской среде, социальное образование. Не объясняй, я уже понял, почему они как мыши размножаются: муж имеет право быть в половой близости со своей женой, пока она не забеременеет... Конечно, половая близость в хабаде имеет свои особенности, но хоть что-то, чем вообще ничего.

— Пусть чуть-чуть, какая-то капля женской энергии, чем океан совершенно не нужной мужской, — добавил учёный. — Кстати, — продолжил он, — женщины хабада все лысые. Как ты думаешь, почему? Какой в этом смысл?

— Чтобы меньше привлекать к себе мужчин, — подумав сказал я. — Копируют древнеегипетскую моду... Кто-то создал миф, что древние египтянки ходили все лысые.

— Те же, кто породил хабадников, те и создали этот миф, — почти шёпотом проговорил дядя Ёша. — Кто же ещё? Мы кажется разобрали с тобой и пассионарность, и сверхплодовитость адептов хабада.

— И то, что все они искусственно созданные психопаты, — закончил я за историка.

— Да, — кивнул он, соглашаясь, — Хабад представляет собой новый современный инструмент воздействия тёмных жрецов на социум. Та шестерёнка, которая вращает маховик всего мирового еврейства. Что позволено хабаду не позволено ни одной иудейской секте. Хабад — единственное направление в иудаизме, имеющее прямой доступ к тайному разделу каббалы, который позволяет информационно воздействовать на эгрегор Амона-Яхве. Незнающие люди, в том числе и многие политики, считают международных еврейских банкиров полными хозяевами планеты. Якобы, владельцы транснациональных корпораций представляют собой теневое мировое правительство. Они считают, что «денежные мешки», опираясь на силовые структуры тайных обществ и на продажные спецслужбы, управляют всеми государствами планеты. А кто тогда манипулирует банкирами? То, что всеми этими Ротшильдами, Морганями, Рокфеллерами и т. д. кто-то управляет, понятно и дураку. Не могут же все эти уважаемые и высокообразованные люди все походить с ума? Посмотри, куда вкладываются их деньги? В ужасную разрушающую культуру. В сексуальную революцию и порно-бизнес. В разработку искусственных продуктов питания. Наконец, в производство ядерного, химического и бактериологического оружия. Как будто сами они не люди, и у них нет ни сыновей, ни внуков. Тут, либо все эти 300 семейств банкиров и политиков полные безумцы, либо действуют под жёстким контролем. Скорее всего имеет место последнее. Потому что ни одного из Рокфеллеров, Морганов, Оппенгеймеров или кого-то другого из их «малины» нельзя назвать даже дебилом. Если контроль, то кто его осуществляет? Понятно, что хранители тайного знания светиться не будут. Им это ни к чему. Тогда получается, что хабад. Для таких вот целей дали хабаду доступ к высшему разделу каббалы. Как говорил один мой знакомый: «магия — наука чудес». Владея ею можно управлять кем угодно, в том числе и банкирами. Пусть попробует Дэвид Рокфеллер в чём-то отказать вездесущему хабаду, через несколько недель от него не останется и «мокрого места»! Есть в одном из разделов высшей каббалы такая молитва, называется она «пульса денура». Переводится как удар огнём. Этой вот молитвой и держат хабадники за горло своих клиентов из политиков, предпринимателей и банкиров. Чуть что им не по вкусу, точнее не по вкусу их теневым хозяевам — и клиент готов! Либо его прикончат в больнице, либо в автокатастрофе, или сам по себе протянет ноги. И его не спасут от возмездия ни деньги, ни власть. Вот так, юноша.

— Теперь до меня дошло, почему и в Европе, и в Америке к власти проталкиваются люди с еврейской кровью.

— Хоть с каплей еврейской крови, — дополнил меня дядя Ёша.

— Чтобы можно было ими всеми манипулировать. Если же человек окажется бесстрашным, оккультно его можно будет легко убрать. Что иногда и происходит. А зачем евреи рвутся во власть? — задал я неумный вопрос.

— Затем, что среди них много дураков и паразитов. Командовать то проще, чем что-то производить. Перед нами механизм, юноша. Демонический механизм разрушения земного социума. Всё в нём одно с другим связано. И работает, как одно целое, неделимое... В настоящее время глава хабада — Любавичский Ребе сосредоточил в своих руках гигантскую власть. Фактически, его люди заправляют делами и Америки, и Европы. Хабад ещё в 60-е годы проник на территории нашего социалистического лагеря. Об этом свидетельствуют события в Венгрии и Чехословакии. Во время, так называемой «Пражской весны», все чехословацкие СМИ управлялись из центра хабада. Вещали же по ним богоизбранные... В настоящий момент хабадников полным полно и в Кремле. Нам пока неизвестны их имена, но, с уходом Черненко, мы их услышим. И Брежнева, и Андропова убрали с их подачи, юноша. Пришло время гибели Великой Русской Империи. И мы скоро станем свидетелями этих событий.

— Скажи мне, — обратился я к погрузневшему еврею-отступнику. — Сталина тоже

ухлопал хабад?

— Сталина? — посмотрел он сквозь меня. — Сталина... Хабадники хвалятся, что якобы Иосифа Виссарионовича отправил оккультино на тот свет бывший Любавичский Ребе. Но это пустые слова, чтобы их боялись «власть имущие». На самом деле, если бы хабадники могли его убить, они бы проделали это сразу же после прихода Сталина к власти. Фактически, Сосо из Грузии оттеснил от кормила управления страной их, голубчиков. Но у хабадников ничего не получилось. Все их обращения на эгрегор Амона с требованием смерти Сталина оказались тщетными. И не потому, что в жилах Сосо Джугашвили не нашлось ни одной капли еврейской крови, а потому, что в то время он не был даже христианином. Следовательно, использовать против него народную христианскую магию и этим заставить эгрегор Амона действовать, тоже бы не привело к желаемому успеху. Сталина пытались отправить на тот свет маги из гитлеровского Аненербе. Им помогали в этом деликатном деле специалисты по магии из «Бон-По». Но и у тибетцев ничего не вышло. Иосиф Виссарионович был защищен. И защиту его сломать на Земле не мог ни один маг. Поэтому никто оккультино Сталина на тот свет отправил. Его убили примитивно, с помощью яда. И по причине того, что вовремя к нему не пришла медицинская помощь. Так что, пусть хабадники не пыжятся, Сталина они не убивали... Но чтобы завершить тему хабада, я должен обратить твоё внимание на специфическую одежду этой секты. Хабадники мужчины одеты всегда в чёрное: чёрные туфли, чёрные брюки, чёрные пиджаки, иногда чёрные плащи и непременно чёрные широкополые шляпы. Белыми могут быть только рубахи и перчатки... А теперь тебе вопрос: ты когда-нибудь слышал от уфологов о людях в чёрном?

— Я и уфологов-то никогда в глаза не видел. Только слышал о них, — сказал я. — Знаю, что изучают они неопознанные летающие объекты и всё, что с ними связано... Что в СССР они не в моде.

— Тогда послушай меня и посмотри на вот эти фото, — протянул мне всезнайка пачку откуда-то взявшихся фотографий.

Я взял в руки фотографии и стал внимательно изучать: на всех них красовались люди одетые во всё чёрное, на них были широкополые шляпы и белые рубашки, на ногах — чёрные ботинки на толстой подошве.

— Вот эти, — показал мне на часть фотографий учёный, — адепты хабада. А вот эти, так называемые «люди в чёрном». Те, о которых хорошо знают уфологии всего мира. По мнению многих уфологов, люди в чёрном — биороботы инопланетян. У них оливковый, как у семитов, цвет лица, чуть раскосые глаза. Они никогда не улыбаются, говорят с акцентом и катаются на новых автомобилях. Когда за ними начинают следить — исчезают вместе с автомобилями... К людям они, как правило, являются с требованием отдать им наиболее удачные фотографии НЛО. Или убедить людей, что никаких инопланетян на Земле нет. И всё, что они увидели, им показалось. Иногда люди в чёрном начинают нас, землян, запугивать, иногда свидетелей даже убивают... Я тебе рассказал об инопланетных биороботах самую малость. Это отдельная огромная тема и, думаю, ты с ней разберёшься и без меня, — указал на фотографии «людей в чёрном» учёный. — Мне хочется обратить твоё внимание на то, что и адепты хабада, и инопланетяне-биороботы выглядят совершенно одинаково. Одежда у тех и у других один к одному... Даже антропологический тип идентичен! Тебе не кажется это странным?

— Ещё как, кажется!

— И мне тоже, Гера. Кто-то кого-то из них копирует.

— Скорее всего нелюди из рода человеческого своих хозяев, которых они боятся как огня. Потому и стараются на них походить, — высказал я своё предположение.

— То, что моду хабаду подсунули его хозяева, однозначно. Люди в чёрном своих одежд не

меняли. Хабад же под них нарявился недавно. С первой половины XIX века. Меня удивляет, что кукловоды, создавшие хабад, нисколько не переживают, что жители Земли по униформе их подопечных могут легко догадаться, кому вся их братия служит. Считают таких как мы за полных идиотов, даже обидно за подобное отношение, — горько усмехнулся историк. — Впрочем, они правы: на самом деле, разве человечество достойно уважения? Допустить к власти над собой психопатов и извращенцев? Те отбросы, которые всегда у нормальных людей вызывали презрение. А сейчас с ними лебезят, жмут им руки и считают это за честь! Властные структуры по всему миру носят хабадников на руках, заискивающе заглядывают им в глаза. И немудрено: хабад вертит миллиардами! Глядишь, если будешь хорошо ему кое-что вылизывать, он может и поделится... перевёрнутый вверх дном мир, планетарное людское безумие: шудры, продажные до мозга костей президенты и сенаторы, как правило, масоны или состоящие в обществе иллюминатов, носят на руках богатых психопатов из хабада. И выполняют все требования. Всё это замешано на огромных деньгах и погружено в океан лицемерия и лжи. В бездонный и бесконечный океан тотальной лжи! И над всем этим тусклым, гаснущим, умирающим миром людей нависла суровая мощь детища инопланетного негуманоидного разума — триединая структура Амона-Иеговы.

Чёрные глаза еврея-отступника горели. На лбу его выступил пот. Было видно, что каждое слово исходило из его сердца, оно было выстрадано.

— Что же нам делать, дядя Ёша? — невольно вырвалось у меня. — Нельзя же сидеть, сложа руки и смотреть, как человечество, всё больше дегенерируя, превращается в новый вид обезьяны?

— Знаешь, Гера, что означает слово президент? — горько усмехнулся учёный. — «Пр» — обозначает приставленный, или внедрённый. Значение слова «резидент» ты и без меня знаешь. Вот и подумай, кто управляет той же Америкой или странами Европы? Скоро и у нас в СССР появятся президенты...

— Тебя что, хабадники об этом предупредили?

— Они, окаянные. Кто же ещё? От них я многое узнаю, Гера. Очень многое, — поднялся со своего места учёный. — Всё, на сегодня наше занятие окончено. Скоро вечер. После ужина я предлагаю пойти немного погулять. Погода, надо сказать, для прогулки самая подходящая. На дворе почти зима... — добавил он, выходя из комнаты.

— Но ты не ответил мне на мой вопрос, — остановил я его.

— Зачем отвечать на то, что ты и так знаешь? Думаю, что «пасечник» тебе тоже на эту тему говорил, — обернулся учёный. — У земного человечества шанс на спасение только один: отказ от всякой религиозной философии. Пора бы избавить себя и от религиозного чувства, и от мистического представления реальности. Это первое. И второе — зачем верить в того, кого ты знаешь? Пора бы пойти навстречу Творцу и через познание его начать с ним сотрудничество. И третье — необходимо вернуться к духовной сословности. Чтобы власть была не у психопатов, подонков и проходимцев, а у людей двух высших сословий — жрецов и управленцев от Бога.

С этими словами дядя Ёша пошёл заниматься своими делами. Думая над тем, что он сказал, я последовал его примеру.

Глава 17. Великая ложь или сказка для аристократов

После ужина, следуя совету дяди Ёши, мы отправились в город. На дворе шёл мелкий снег, иногда он перебивался дождём, было сыро и зябко. Но после многочасового заседания в квартире прогулка для нас обоих была более чем кстати. Мы шли по улице, обходя лужи, и останавливались, чтобы пропустить мимо себя редкие машины. Дядя Ёша молчал. Было видно, что за день учёный наговорился вдоволь. И теперь он шёл, улыбаясь фонарям и падающим на его лицо снежинкам. Судя по всему, настроение у него мало-помалу восстанавливалось. И я своими вопросами не хотел его портить. А вопросы возникали: о хабаде, об оккультном воздействии на расы гоев-акумов и о том, как представляет дядя Ёша наше российское будущее и другие, которые один за другим лезли в голову. Но я решил этим вечером учёного ими не допекать.

«Пусть отдыхает, — думал я. — Сегодня я его и так выпил. Спрошу завтра, да и го о главном... И ещё пусть поведает, что у него в двух последних папках «Антибиблии»...

С этими мыслями после прогулки я уселся вместе с хозяином пить чай. И уж было собрался идти в постель, как дядя Ёша спросил:

— Ты что-то сегодня вечером стал задумчивым, Гера? Неужели я нагнал на тебя такую тоску? Наверное, перепугался хабада? Не его надо бояться, а тех, кто им командует.

— Как я понял, хабадники пусть и не пешки, но тоже фигуры, и ими передвигают.

— Передвигают, но беда в том, что они это и не видят, и не чувствуют. И Любавичский Ребе, и вся его сверхпассионарная гвардия уверены, что они на Земле самые главные. Старый избитый приём — игра на эгоистичных дегенеративных чувствах. Хабад видит мир через призму своего тщеславия. И ничего тут не поделаешь. Биороботы есть биороботы... Как говорит русская пословица: «хоть кол на голове теши».. — закончил свою мысль учёный.

— Выходит, хабадники самые еврейские из евреев?

— Скорее, самые иудейские из иудеев, — усмехнулся дядя Ёша вставая, — или самые богоизбранные из среды богоизбранных...

С этими словами историк отправился к себе в комнату.

— Спокойной ночи! — сказал он мне на прощание.

Более двух часов я никак не мог уснуть.

«Самые богоизбранные из богоизбранных, — вспоминал я последние слова еврея. — Надо же, как точно! Фактически, хабад совсем не секта. Это новый, искусственно созданный на базе мирового движения талмудического еврейства, этнос. Этнос сверхевреев, сверхповелителей мира! В жертву безумной идеи мирового господства отдано всё: чувство любви к женщине, личное семейное счастье, и самое, что ни на есть ценное — своё психическое здоровье... Опять люди добровольно передали себя в распоряжение тёмным. Последние же, по старой традиции, снова загребают жар чужими руками. Понятно, что хабад возник по причине вялости талмудического движения, чтобы как-то оживить сионизм, придать ему второе дыхание. Если же со временем выдохнется и хабад, то на смену ему теми же силами будет создано что-то другое, ему подобное. А может и ещё хуже. И опять это новое человекообразование слепят не из папуасов или негров, а из евреев. Только из них, этих несчастных богоизбранных. Из старого, надёжного, проверенного тысячелетиями и апробированного на генетическом уровне субстрата. Ну и судьба у потомков Иакова?! Не дай Бог кому-нибудь ещё такую! Но они не понимают, не видят во что их превратили, и не осознают своей трагедии. Хоть бы задумались, за что их ненавидят другие народы? Нет же на Земле ни антикитаизма, ни антирусизма, ни антииспанизма есть один антиевреизм, они его называют антисемитизмом, как будто кто-то ненавидит арабов? Даже здесь ложь. Иудеев народы земли ненавидят не за то, что они семиты, а

за то, что они сами никого кроме себя за людей не считают... Вот в чём беда. Когда же евреи поймут, что талмудическое учение им не указ? И богоизбранности в них столько же, сколько и в китайцах».

С этими мыслями я «с божьей помощью» кое-как заснул. Когда я открыл глаза, дядя Ёша из квартиры уже испарился. На кухонном столе лежала записка: «Умывайся, приводи себя в порядок, я скоро приду. Пошёл что-нибудь купить к чаю». Не успел я почистить зубы, как услышал скрип открывшейся двери и голос хозяина:

— Вот и я! Видишь, одна нога у меня в магазине, а другая дома.

Когда я зашёл на кухню, дядя Ёша резал здоровенный торт.

— Его-то зачем ты купил? — растерялся я.

— Как зачем? Сегодня у нас с тобой прощальный день. Завтра ты подашься на «Большую землю». Сегодня с утра начнём праздновать твой отъезд... Всё по-русски: торт, купеческий чай, — кивнул он на закипающий чайник.

— А что значит купеческий? — поинтересовался я.

— Это когда заварку насыпают себе в стакан каждый и ещё — капает по несколько капель коньяка, — хитро прищурился историк.

— Насколько я помню, русские купцы коньяками не баловались.

— Разве я тебе говорил о русских купцах? — развеселился дядя Ёша. — Я тебе сказал о традиции еврейского купечества.

— Ну а я-то причём?

— Эко, какой ты сегодня серьёзный, — покачал головой хозяин. — Тебе что, хабадники ночью приснились? Наверное, до тебя домогаться стали?

— Хабадники мне в своих чёрных шляпах и своими поползновениями не приснились, — засмеялся я. — Но тоску они на меня нагнали. Неужели евреи не понимают, что их используют? Неужели среди них совсем не осталось умных людей? Тайн-то ведь никаких нет. Всё на поверхности.

— Этнос ослеплён своей религией, Гера, — посерьёзnel учёный. — Ты видел когда-нибудь фанатиков христиан?

— Только в кино, — признался я.

— Твоё счастье, — вздохнул дядя Ёша. — В Югославии мне один раз на таких повезло, чуть не убили за одно моё слово. Так вот, религиозные евреи относительно фанатизма ещё хуже христиан. А потом не забывай: у очень многих из них сознание полностью материализовано. Деньги и всё, что с ними связано, для ортодоксального иудея являются вторым богом. «Пастухи» же их им твердят, что все богатства планеты должны принадлежать иудеям. Остальные народы — их рабы. Всё просто.

— Просто-то просто, но от этого не легче, — сказал я, усаживаясь за стол.

Дядя Ёша молча налил чай, а потом, посмотрев на меня, спросил:

— Ты что парень? Неужели жалеешь хабадников?

— Если честно, то мне их жаль... Я бы ни за какую идею не согласился добровольно сойти с ума!

— А они на это идут. Намеренно становятся извращенцами и психопатами. Так за что же их жалеть? Надо жалеть тех, кого они мордуют. Кого отправляют на тот свет, кого предают... — отчеканивая каждое слово, сказал учёный.

— Да мне их жаль чисто по-человечески, просто как запутавшихся людей.

— Гитлер тоже запутался, тоже ошибся адресом, не понял, что славяне такие же арии, как и германцы. Так его что, тоже пожалеть надо?

Антрополог был прав, и я это осознавал. Но в душе к хабадникам было какое-то

двойственное чувство. С одной стороны как к врагам, с другой, как к глупым обманутым людям.

— Хабад — это разветвлённая сеть финансовых потоков, юноша. Тех потоков, которые устремлены на подкуп должностных лиц. Мы с тобой уже об этом говорили. Вот почему хабадники такие уважаемые.

— Уважаемые в среде кого? В среде таких же, как они, умалишённых? — пробурчал я.

— А других у нас у власти и нет. Был один. Но его за неподкупность и честность ухлопали...

— Ты кого имеешь в виду? — налил я ещё один стакан чаю.

— Моего тёзку — грузина Джугашвили.

— А что Сталина хабад тоже хотел приручить? — спросил я.

— Хотеть-то хотел, только у хабада со Сталиным ничего не получилось. По слухам обещали миллиарды долларов! Неслыханную сумму. Он же их за такие дела всех взащей из СССР и выпер...

— Скажи мне, дядя Ёша, — перевёл я разговор на тему Сталина. — Ты веришь, что Иосиф Виссарионович получил высшее ведическое посвящение?

— Конечно! — невозмутимо сказал историк.

Он смотрел на меня, запивая торт чаем, и глаза его улыбались.

— Я вижу, тебе нужны веские доказательства, так?

Я кивнул.

— Хранитель в этом вопросе тебе не авторитет? Ты интересуешься и моим мнением? Ну что же, отвечу, постараюсь доказать очевидное. Ты когда-нибудь задумывался, почему Иосиф Виссарионович запретил в Советском Союзе генетику?

— Нет, не задумывался, — честно признался я.

— Вот оно доказательство. Возьми и подумай. Ты же ведь биолог по образованию.

— Ты допускаешь, что он знал о возможности генетики? Знал, что может натворить геноинженерия? Что с её помощью будут выведены ужасной силы болезнетворные вирусы и бактерии, а генно-модифицированные продукты питания превратятся в отраву для человечества? — спросил я.

— А ты не допускаешь? — усмехнулся историк.

— Но тогда, на заре становления генетики, о таких последствиях никто и не догадывался...

— Вот-вот. А Сталин догадывался. А точнее, точно знал, что может натворить эта богоборческая наука. Поэтому не пожалел ни Вавилова, ни его коллег. Однако, полностью сохранил мировой семенной фонд, собранный Вавиловым! Вопрос — для чего? Для того, чтобы с семенами могли работать такие как Мичурин и академик Лысенко. Не генетики, а селекционеры.

— Так ты считаешь Лысенко не шарлатаном?

— Он являлся великим учёным. И будущее биологической науки за ним, а не за Вавиловым. То, что мне сказал дядя Ёша, ошарашило!

— Так в чём же заслуга Лысенко? — взъерошился я.

— В том, что он был непревзойдённым специалистом по стрессам, юноша. Он считал, что движущей силой эволюции является стресс. Стресс либо убивает, либо рождает и в животном, и в растении новые нужные качества. Как говорил Ницше: «Всё, что нас не убивает, делает нас сильнее». Лысенко признавал только естественные процессы изменения генофонда, а не искусственные. Искусственные могут рождать только химер, монстров без будущего, и Сталин с ним был вполне согласен. Согласен потому, что владел древним знанием, Гера. Наверняка, в прошлую цивилизацию атлантов и ориан, генетика была людям Земли известна. И не зря древние мифы рассказывают о кетоврасах-кентаврах и других монстрах, вспомни ту же ехидну

или Пифона...

— Да...а! — почесал я затылок, вставая из-за стола. — Ну и лекцию ты мне прочёл, дядя Ёша! Прямо скажем — убойную! И насчёт Сталина — убедил. Хотя я старому и так поверил, просто хотелось услышать и твои аргументы.

— Какой же хитрый ты, русич! Даже еврея сумел обвести вокруг пальца! — засмеялся дядя Ёша, обнимая меня за плечи. — Пойдём, я познакомлю тебя с одним современным мифом, который ты должен знать.

Когда мы вошли в кабинет учёного и уселись напротив друг друга в кресла, историк несколько минут, собираясь с мыслями, молчал. Потом, внимательно посмотрев на меня, вдруг сказал:

— Я право не знаю, с чего и начать? Знаешь, давай нашу беседу построим следующим образом. У тебя наверняка есть ко мне вопросы. Давай начнём с них, а потом перейдём к той теме, которую я для тебя приготовил?

Может, дядя Ёша угадал мои мысли, а может, он их прочёл, но именно так мне и хотелось начать сегодняшний разговор. В знак согласия я кивнул ему головой и, усевшись поудобнее, сказал:

— У меня всего три вопроса. Так что мы с ними скоро закончим. Вопрос первый: ты вчера мне подробно рассказал о хабаде.

— Дался же тебе этот хабад, — улыбнулся историк. — Живой, спаенный, генерирующий ложь механизм, созданный для разрушения социума...

— Это я понимаю, — остановил я его. — Но до меня никак не доходит, какое место занимает хабад в системе иудейского термитника?

— А ты что, сам не можешь догадаться? У термитов кроме царицы прослеживается слой воинов — её окружение. Это своего рода ретрансляторы. Они не активны. Все стоят на месте и усиливают телепатические волны, идущие от матки. Их можно сравнить с нашими человеческими жрецами Амона. С той лишь разницей, что термиты окружения царицы понимают от кого идут телепатические сигналы, кроме того, через них построена и обратная связь на госпожу... Наши же гуманоидные «ретрансляторы», или высокопосвящённые, не понимают, что управляемы. Они уверены, что на Земле выше их никого нет. Их величества — самые главные! Их ватага пребывает в искусственно созданной для неё иллюзии. И ещё: они не пассивные, этим и отличаются от насекомых. В термитнике кроме ретрансляторов пассивных имеются и активные ретрансляторы. Но они связаны не с царицей, а с её пассивным окружением. С теми, кого мы отождествили с нашими жрецами Амона. Активные передатчики чужой воли и чужих мыслеформ в обществе термитов являются настоящими командирами. У каждого из них имеется своя команда исполнителей. Они ими и распоряжаются. Теперь сам подумай, какую группу термитов напоминают хабадники? Активных или пассивных?

— Насчёт пассивных ты уже определился. Остаются последние, — усмехнулся я.

— Так оно и есть. Как видишь, аналогия полная... Ну что, удовлетворён?

— Теперь я начинаю понимать их сатанинскую структуру, — вытер я пот со лба подвернувшейся салфеткой. — Все они: и хранители знания погибшей цивилизации, и жрецы Амона, и их прислужники из хабада, и иллюминаты, и «вольные каменщики» работают как единый хорошо отлаженный механизм. Но видят только тех, кто стоит рангом ниже, а кто находится выше их, они не замечают. Каждое звено всей этой цепи искренне считает себя высшей инстанцией... Той самой, которая и вершит все земные дела.

— Всего-навсего хорошо отлаженная система бесструктурного управления, — сказал, открывая очередную свою папку, специалист по сакральному.

— Основные связи всей этой системы идут через эгрегор Иеговы-Амона. Масоны его ещё

называют Архитектором Вселенной.

— Хорош Архитектор! — засмеялся я.

— Конечно, «хорош». Как видишь, вся система искусственная. Начиная с самой энергоцентрали — эгрегора и кончая самым последним масоном из захудалой китайской ложи. Однако, окаянная, работает! И работает без особых сбоев. Ну что, закончили мы с твоим вопросом?

— Закончили, — согласился я. — Но у меня ещё один вопрос, и серьёзный.

— Давай! — подбодрил меня историк.

— Из твоих слов получается, что мистическое иудейское учение или каббала была создана, прежде всего, для управления самими богоизбранными...

— Посредством эгрегора Иеговы-Амона, — кивнул учёный.

— Но тогда скажи, какой магией пользовались и до сих пор пользуются иудейские жрецы, чтобы управлять нами, гоями? Помнишь, ты говорил, что шахиншах Хосрой ни с того, ни с сего сошёл с ума, и что ему в этом помогли. Мне интересно, кто ему помог?

— Скорее всего, каббалисты-раввины, — улыбнулся своими чёрными глазами эзотерик.

— Так выходит, каббала всё-таки против нас, гоев, работает.

— Против зороастрийцев, христиан и мусульман.

— Не вижу логики. Понимаю, почему против христиан и мусульман.

— И те, и другие относятся к одному эгрегору с иудеями.

— Но причём здесь зороастрийцы? У них совсем другой эгрегор.

— Но он подчинён эгрегору Амона, мой мальчик. Символический, Для общения со всеми четырьмя земными стихиями. Каббала не создавалась для взаимосвязи с пятой стихией. Со стихией бесконечности и вечности. Но в земных условиях эта магия действует. И действует через свой эгрегор. И все, кто к нему привязан, от каббалистического воздействия не застрахованы. Но дело вот в чём: и христианская ветвь, и исламская, как тебе известно, являются различными ответвлениями единого. Поэтому чистое каббалистическое воздействие по данным ветвям ослаблено. Хороша каббала только на своём месте — в среде иудеев. Таким образом, на её базе со временем были созданы ещё два мистических учения: одно христианское, другое мусульманское. Вот тебе учебник по чёрной и белой магии, изданный подпольно в Минске в 1868 году. Открой и почитай, — протянул мне вынутую с полки толстую старую книгу, в кожаном переплёте, новоявленный мистик.

Я открыл книгу и стал перелистывать страницы. Глаза выхватывали то один, то другой заговор. И везде в конце каждого из них стояла привязка к эгрегору Амона. Вот мой взгляд остановился на заговоре обожжённого языка. Больной должен высунуть язык, его надо перекрестить и прочесть: «Егор кипяток варил, на язык пролил. Кровь испеклась. Слюна пролилась. Егор воду собрал, с языка всю боль забрал. Языком говорю, языком заговорю: Аминь, Аминь, Аминь».

— Целых три обращения на эгрегор: Амон, Амон, Амон...

— Вот это да!

Я невольно почесал у себя за ухом...

— Вот ещё один заговор. Теперь уже как снять кликушество. Надо наговорить на воду до нового приступа. Как приступ начнётся, брызнуть в лицо больного. «Какой венок был у Христа спасителя и как верно, что он был терновый, и как верно, что Господь страдал, так верно, что раб Божий (имя) очистится от скверны. Аминь». Тут и имя Христа, и сказка, что он Господь и раб Божий — раб эгрегора Амона. И призыв к Амону — аминь! Весь букет!!

— А ты листай, листай и читай, — услышал я голос дяди Ёши. — Не стесняйся. В разделе чёрной магии именем Христа и апостолов творятся разные пакости...

— Я в первый раз держу эту книгу. Раньше о ней только слышал, — поднял я глаза на эзотерика.

— Ну и как?

— Впечатлён! Как я понимаю, самое главное в заговорах обращение к Амону?

— Не только. В этой вот христианской магии, не важно, чёрная она или белая, имеются ещё и элементы церемониальной магии. Они и указывают на прямую связь с каббалой... Всё из одного корня.

— Зачем же чистое имя Христа так запятнано? Неужели без него было нельзя?

— Можно было бы и без него, — погрустнел учёный. — И вообще тут дело не в словах. Но христианскую магию составляли не мы, — показал историк на лежащую передо мной книгу. — Заметь, ни в одном разделе этой вот «беды» нет ни одного иудейского пророка. Иисус — пожалуйста, дева Мария — тоже. Из «Ветхого завета» никого! Объяснить почему? — положил эзотерик свои ладони на открытую папку.

— Объясни, — пробурчал я.

— Всё просто — боятся иудеи ответственности. Они чисты. Если что и творят гои, то вкупе со своим пророком и его учениками, а между тем, «Ветхий завет» является ещё и христианской книгой. О чём это говорит?

— О том, что христианскую магию для христиан создали иудеи, — догадался я.

— Молодец! — похвалил меня еврей-отступник. — Думать ты умеешь. Вот мы и разобрались с христианской магией. Она отлично работает на людей, посвящённых христианской ветви эгрегора. Но пользоваться ею могут и иудеи... Ты всё понял?

— Как тут не понять! — развёл я руками. — Та же каббала, только приспособленная для христиан.

— А её тайный отдел, специально созданный для зомбирования сознания, находится в руках кого?

— Думаю, что жрецов Амона. У других не получится.

— Получается и у других, например, у масонов-христиан — засмеялся дядя Ёша. — Но в целом ты прав. Масоны редко пользуются христианской магией. Тайным её отделом больше заведуют жрецы. Вот мы с тобой и разобрали механизм оккультного управления нашими православными царями. Помнишь о попытке купить у России Мурман? Да и отречение царя Николая II было оформлено по всем правилам оккультной технологии... Не сломала эта магия Ивана Васильевича Грозного. С ним ни одна зомби-программа не прошла... Потому, что царь был только с виду христианином. По своей матери Иван Васильевич был донским казаком. Казаки же признавали чистое христианство — не связанное с эгрегором Амона. В их среде долгое время сохранялась ведическая проповедь Сергия Радонежского. Очевидно, в казачьей христианской традиции и был воспитан русский самодержец. Потому его, исповедующие «ересь жидовствующих» и отравили...

— Что ещё за «ересь жидовствующих»? — удивился я. — Откуда она на Руси взялась?

— С Запада, откуда же ей ещё взяться? Была кое у кого попытка возродить на Руси новый Хазарский каганат, — сжал свои маленькие руки в кулаки дядя Ёша. — Но Иван Васильевич не дал боярам-перевертышам такое проделать с Русью. Он уничтожил их, а они его. То была вторая попытка талмудистов придти к власти над русскими.

— Почему вторая? — не понял я.

— Потому что первая удалась, юноша. Раскол Русколани, выделение иудейской Хазарии... Рождение отдельного Русского каганата в бассейне Днепра и Дона. Мы уже с тобой об этом говорили, — недовольно проворчал историк.

— Прости, не подумал, — попытался оправдаться я.

— Второй раз беда пришла из Ганзейского Союза через Новгород. Сначала подстрекаемые иудейскими заправилами Ганды, взбесились бояре и купцы Великого Новгорода. Поверили, что приняв иудаизм, они станут тоже богоизбранными... Клюнули на ловкую ложь. Так же, как и византийцы, когда подписали унию с Ватиканом, и их патриарх в 1426 году принял католицизм. Но византийцев можно понять. Они боялись турок и понадеялись на союз с Западом. Новгородские же купчишки из боярства думали о своей мамоне*. Считали, что когда они станут иудеями, им легче будет вести свои торговые дела. В пример, конечно, ставили Хазарию... Из Великого Новгорода этот вирус перекинулся в Москву. Им заболели тогда очень многие. В основном знать. Суфлёрами же являлись тайные тамплиеры... Не иностранцы, а наши русские... Не будь Иван Васильевич тем, кем он был, второй Хазарии нам бы не миновать...

— Но ведь талмудический иудаизм, насколько я знаю, удовольствие моноэтническое. Он признаёт только богоизбранных и на кого попало не распространяется, — удивился я.

— А институт иудейских жён зачем? Его забывать нельзя, мой друг. Из моих источников, все новгородские смутьяны и некоторые московские, по своим матерям русскими уже не были... Старый надёжный приём. Его использовали когда-то в Хазарии. И надо сказать успешно! Вот почему Иван Васильевич безжалостно уничтожал не только мятежных бояр мужчин, но и их жён и даже детей. Выдёргивал, что называется, с корнем. И Иосиф Виссарионович делал то же самое. Плохо то, что Сталин был слишком добрым. Иудейских жён, он, правда, репрессировал, но детей рождённых от них не трогал. В результате мы имеем сотни и сотни тысяч людей с русскими именами, с русскими фамилиями и люто ненавидящими всё русское. Парадокс в том, что вся эта хищная стая, людей с виду русских, считает себя нерусью. Многие из них уверены в том, что через матерей-иудеек в их жилах течёт «голубая кровь» будущих властелинов Мира. Надо же, они теперь — евреи! Какое счастье!!! И им в голову не приходит, что русская кровь — это надежда и спасение, еврейская же — превращает их в рабов эгрегора Амона. Что семитские гены одарили их комплексом богоизбранности — паразитов хищников. Присмотрись к нашим диссидентам, которых в шею вышвыривал на Запад полукровка Андропов. Фамилии у них в основном русские, но все они ненавидят СССР и все славянское. Называют себя демократами и либералами, на самом же деле самые настоящие троцкисты. Почти у всех: либо матери, либо бабки — еврейки. А сейчас такими окружили Кремль и ждут — не дождутся, когда «сыграет в ящик» Черненко.

— И придет на русскую землю новая Хазария, — продолжил я недосказанное историком.

— Да, придет на русскую землю новая, четвертая по счету, Хазария, — согласился со мной еврей-отступник. — Третью разрушил Сталин. Кто сотрет в порошок четвертую — не знаю. Но это все равно должно случиться, юноша. Может тебе повезет, и ты дождешься рассвета. А я увижу только закат; он уже начался...

— Неужели все так страшно?

— Страшно, юноша, страшно. Ненавидящие свой народ не должны быть у власти. А они ее захватят. То, что когда-то было в Хазарии, будет и у нас. Государство обратит в рабство своих же граждан. Будет уничтожена промышленность и сельское хозяйство. Новые хозяева упразднят народную армию. Заменят ее наемной или вообще НАТОвской. Страну отдадут Западу на разграбление. Она станет его сырьевым придатком. Зато расцветет торговля, разбазаривание захваченных у народа трофеев. Все ценное за кордон, сюда же, в Россию, как неграм — разный ширпотреб...

То, что говорил ученый, я от него не раз слышал. Но тогда для меня это были просто слова. Сейчас же я прочувствовал их смысл. И мне стало страшно.

— Но мы с тобой, как всегда, отвлеклись, — услышал я голос дяди Ёши. — Очнись, не будь таким впечатлительным. Если даются испытания, значит в них есть определенный смысл... Так

надо Создателю... На чём мы остановились?

— На исламской магии. И ты не ответил мне, почему зороастрийский эгрегор управляется силовой структурой Амона?

— На последний вопрос я тебе ответил. Ты, как я вижу, меня не понял. У огнепоклонников всего одна стихия — стихия огня, эгрегор же Амона взаимодействует со всеми четырьмя стихиями. Поэтому на нашей планете он в несколько раз сильнее. Ты же знаешь — в равных условиях огонь можно всегда нейтрализовать водой. Зороастрийская магия скорее космическая, чем земная. Вот и всё. Поэтому персы больше всего и страдали от иудейской каббалы. Достаточно вспомнить того же Кира или Артарксиса... А насчет магии исламской я тебе вот что скажу. Родилась она не в Аравии, а на западе Африки. И её, как и христианскую магию, тоже сначала пытались породить богоизбранные. Но инициативу у евреев в таком деле отняли дервиши-суфии. Поэтому современная исламская магия далека от Каббалы. Она ближе к древнему мистическому шаманскому учению. Но все равно она, как и магия христиан опирается на эгрегор Амона. Корень-то один. Поэтому во многих заклинаниях исламской магии упоминается и отец Авраам, и Исса — Иисус, и даже сам Сулейман — Соломон. Последний у мусульман считается самым грозным магом. Но какой из всего этого вывод? Такой же, как и с мистическим базисом христиан: тёмные высокопосвященные прекрасно владеют и исламской магией. Поэтому, когда надо, они достаточно хорошо манипулируют сознанием не только шейхов, но и сознанием простого народа...

— Я тебя понял! Всё, хватит! — поднял я свою руку. — Дошло. У меня к тебе самый главный вопрос: как они, эти тёмные высокопосвящённые, ведут оккультную борьбу с такими как, например, ты или я, или как наш пасечник? И ещё с атеистами?

— Атеистов, юноша, на свете не бывает, — усмехнулся эзотерик. — Есть атеисты коммунистические, есть христианские, есть атеисты исламские и есть атеисты иудейские. Все они привязаны к эгрегору Амона, так что управлять подобными легко.

— Неужели коммунистический эгрегор тоже подчинен мировой энергоцентрали? — спросил я.

— Идеология современного коммунизма проросла из идеологии христианской и озвучил её сын двух раввинских семей. По происхождению — левит, — сверкнул своими чёрными глазами историк. — Пора бы тебе это знать, юноша. А для таких как мы, или наш знахарь, у тёмных есть двойное оружие. Одно традиционное — оккультное. Базисом его является древняя египетская магия. Как ты понимаешь, она близка к древнерусской ведической. С той лишь разницей, что её корни исходят не с Ориона, а с Сириуса. По преданию, это мистическое учение принесли на Землю ниферы, во главе с Осирисом. Второе оружие — электронное. Помнишь, я тебе рассказывал, что в черепе Наполеона, в носовых костях черепа Джона Кеннеди и в черепках других волевых, сильных, как правило, застреленных или отравленных управленцев, учёные часто находят маленькие странные предметы? Внутри них спрятан либо германий, либо кремний. И ещё что-то такое, о чём современная наука и не догадывается. По мнению многих экспертов — это электроника. Электронное устройство, через которое можно управлять человеком.

— Но ведь для такого дела необходима передающая станция, а к ней электричество? — остановил я рассказчика. — Но не при Наполеоне, тем более при Александре Великом ни электричества, ни радио люди не знали.

— Люди не знали — это так, но знали нелюди. И электростанции у них под землёй как работали, так и работают. И насчёт радиосвязи и электроники у них всё в порядке.

— Ты хочешь сказать, что когда ничего не получается у тёмных, нами, особо упрямыми или одарёнными, начинают заниматься их создатели и союзники-негуманоиды?

— Именно это я и хочу тебе сказать. Потому что другого объяснения появления в костях черепов людей электронных шукувин нет, а у тёмных отсутствует для таких дел техническая база, — сказал эзотерик и специалист по негуманоидам.

— Логика у тебя железная, — согласился я. — Значит, действуют все вместе?

— Система есть система. Каждое звено должно быть на своём месте, — положил на место книгу с заговорами дядя Ёша. — Ну что, ответил я на твои вопросы?

— В общем-то, да, — кивнул я головой. — Правда мне хочется узнать о твоих двух последних папках «Антибиблии», что в трёх — ты объяснил...

— В конце моего рассказа ты удовлетворишь своё любопытство, — засмеялся учёный. — Все бы так тянулись к знанию как ты!!! Иногда вспоминаю своих студентов и думаю, зачем я вообще читал им лекции? Им не знания были нужны, а моя роспись в зачётной книжке. А теперь загляни вот сюда, Гера, — пододвинул ко мне свою загадочную папку учёный.

— Что это? — поинтересовался я.

— Всего-навсего выводы великого французского исследователя Джина Дореса. Его работа по расшифровке тайных гностических текстов. Рубеж II века н. э.

Я взял из папки первую попавшуюся мне распечатку. Раскрыл её и, посмотрев на историка, спросил:

— Откуда это у тебя? У нас в СССР наверняка ничего подобного не печаталось?

— Здесь перевод с французского. Кстати подарил мне эту папку один мой знакомый из КГБ. Тут и французский вариант, и русский, — сказал дядя Ёша. — Перевод хороший не сомневайся.

Я перевернул страницу и стал читать:

«Гностические тексты Nag Hammadi содержат сведения о появлении в Солнечной системе, а позднее на Земле пришельцев из космического пространства — архонтов (от греческого слова *arc halos* — предшествующий). В текстах приводится идентификация этих существ. Два типа архонтов отличаются тем, что один из них является эмбриональным (напоминающий человеческий плод), другой — рептилоидного (*draconic*) типа. Согласно гностическому определению архонты способны вмешиваться в человеческое мировосприятие, ввергая человеческое сознание в состояние замешательства перед лицом странных и непонятных явлений с участием архонтов, заставляя воспринимать результаты фальсификации как реальность. Такова основная тактика пришельцев»...

Я поднял глаза на дядю Ёшу:

— С трудом верится! Этот Джин Дорес прямо пишет о программировании нашего сознания.

— Пишет он и о двух расах пришельцев. Главную скрипку играют, естественно, рептилоиды. Такие, каких описал в своих книгах Афанасьев.

— Какой изображён в камне посреди одного из залов подземного храма в Сахаре, — добавил я.

— Да, в том тайном храме в сердце пустыни в образе Сета застыл рептилоид, — согласился со мной антрополог. — Тут в папке у меня не только работы Джина Дореса, вот распечатка переводов с клинописных шумерских текстов. Корни их уходят в глубокую древность, — вытащил ещё одну брошюру из своей подборки специалист по инопланетянам. — Шумеры описывают своих аннунаков точно такими же, как и гностики. Одна раса маленькая пучеглазая, другая — рептилоидная. И те, и другие активно вмешиваются в дела людей. Сегодня у тебя целая ночь. Бери и читай. Потом, в вагоне выспишься, — протянул мне свою бесценную папку

учёный. — А сейчас нам не до инопланетян. Я тебе обещал рассказать миф современности. Великую ложь двух тысячелетий. Приготовься и слушай. Не зная этого мифа, ты многого просто не поймёшь. Он является тем фундаментом, на котором возникла и стоит вся наша больная цивилизация. Но начнём по порядку. Лучше всего с психологии. На Земле, как ты знаешь, проживают два разряда людей. Одни больше всего на свете ценят знания, другие — власть и деньги. О первых пока говорить не будем. В данный момент нас интересуют вторые. Они-то и затеяли вкуче с демонюгами из космических далей то, что мы сейчас наблюдаем. Помнишь, я рассказывал тебе о строении эгрегора Амона? Откуда прорастают корни этого полевого монстра?

— Ты говорил, что из цивилизации атлантов, — блеснул я своей памятью.

— А может из ещё более древней цивилизации. Той, о которой мы и не слышали. Так что давай начнём с корней, — разложил перед собой сразу три распечатки исследователь. — У меня здесь всё подробно, — показал он на них. — Будь у тебя время, ты с тем, что здесь мною собрано, познакомился бы посерьёзнее. А так, придётся тебе мне верить на слово.

— Не переживай, дядя Ёша, постараюсь тебе поверить. У меня неплохая интуиция.

— Я это заметил, — качнул головой учёный. — На неё я и рассчитываю, Гера. Понимаешь, построенный Силами Тьмы эгрегор Яхве-Амона, является как бы фантомом всего того, что мы вокруг себя наблюдаем. Материальное отражение эгрегориальной сути и есть наша потерявшая ориентиры человеческая цивилизация... Всё началось с корней, Гера. С прорастания допотопной дегенеративной древней цивилизации в теле нарождающейся новой. То же самое, что и раковая опухоль. Только в теле пережившего ужасы глобальной войны, великого потопа нового здорового социума. Невидимая, скрытая цивилизация дегенератов внутри нормальной. Поддерживают же её те самые нелюди, о которых написали и протошумеры, древние египтяне и гностики. Тебе известно, почему сразу после прихода к власти большевиков в России были расстреляны все без исключения египтологи? — остановил свою речь вопросом историк.

— Честное слово, на эту тему я не задумывался. К тому же, вообще в первый раз слышу о таком злодеянии, — признался я.

— Чтобы русские учёные, самые образованные и талантливые, не поняли, как было устроено общество в древнем Кеми-Египте.

— Ничего не понимаю, при чём здесь древние египтяне? Они что, могли помешать революции и ходу новых реформ? — опешил я.

— Не революции, а превращению в абсолютных рабов, таких как ты, юноша. Среди ортодоксально настроенных учёных бытует мнение, что якобы древнеегипетские общинники мало чем отличались от рабов. Так оно на самом деле и было, но только в эпоху Нового и Среднего царства, когда к власти в империи пришла фиванская элита (XVIII век до н. э.). До неё в период правления мемфиских правителей всё было иначе. Но свободнее всего простой народ страны Кеми себя чувствовал в те времена, когда Египтом управляли белые голубоглазые Шемсу-Гор. Имею в виду додинастический период. О золотом времени их правления рассказывают и папирусы, и письма на стенах некоторых храмов. «Последователи Гора» более 1000 лет владели Египтом. И ещё до Великой войны они научили племена хамитов земледелию. Построили в Египте гигантский лабиринт и создали Меридово озеро. На дне его воздвигли две циклопические пирамиды, пирамиды на плато Гизы и некоторые храмы. Но что самое главное, они воспитали в стране Кеми три высших сословия: сословие учителей-жрецов, сословие управленцев и сословие тружеников. Фактически, этим перенесли в Африку орианскую северную традицию. Вот почему во время очередной Великой войны «Севера» и «Запада» Египет принял сторону Орианы-Гипербореи. Об этом хорошо написано у Платона: союзниками «проафинян» были древние египтяне. На границе с Египтом и были остановлены войска

Атлантиды. Но мы сейчас говорим не о войне, а о египетских высших сословиях. Ты, как я понял, знаком со звёздной орианской традицией и знаешь, что институт наследственной власти в ней отсутствовал. Жрецами становились те люди, у которых открывались два высших центра сознания, воинами или управленцами те, у которых кроме сердца открывался ещё и горловой центр мировосприятия. Тружениками становились граждане, в ауре которых просыпался не только звёздный центр сознания, но и сердечный. Люди с совестью, честью, по-настоящему умеющие любить. Отбросами же общества оставались те, у которых просыпался всего один, реже два нижних ядра сознания. Те, которые отвечают за всё материальное и размножение... Теперь подумай, могло быть сословие тружеников обращено в рабство, когда из него выходили и жрецы, и управленцы? Конечно же, нет! Все три высших египетских сословия во времена правления страной Шемсу-Гор, фактически, представляли одно целое. В ту далёкую эпоху храмы Египта действовали как школы для всех трёх высших сословий. Жрецы, учась у северных пришельцев, одновременно старались поднять до максимального духовного уровня и воинов, и тружеников. То, что в додинастическое и даже в династическое время, имею в виду эпоху Древнего царства, сословие тружеников поголовно было грамотным, доказывают не только сохранившиеся древние папирусы, но и письма на стенах храмов. Они писались не для жрецов и номархов, а для всех, кто приходил. Для всего народа. Этого наши ортодоксы никак понять не могут. Заладили, как попугаи, что на протяжении всей истории Египта народ его представлял собой стадо баранов. Египетская цивилизация была построена северными Шемсу-Гор для всех высших сословий. Это потом её исковеркали и погубили. И кто это сделал, ты, я думаю, догадываешься. В додинастическую эпоху и в первое тысячелетие Древнего царства северная традиция сохранялась: и царей, и номархов в Египте ещё выбирали. Но в последующие времена завещание, оставленное египтянам от белых культуртрегеров, было нарушено. Номархи стали стремиться, вопреки требованию жрецов и народа, передавать свою власть по наследству. В связи с чем, в Египте началась смута. Против царской власти и поддерживающего северную традицию жречества выступили фиванские жрецы новоиспечённого Амона. Началась самая настоящая гражданская война. Закончилась она распадом страны на княжества. Но самое страшное было в другом: в результате действия жрецов Амона произошёл раскол в корпусе высшего сословия. Часть египетских жрецов приняла сторону Фив. Новоявленный Амон набирал силу. О чём это говорит, юноша? Да о том, что на смену погибшей полевой энергоцентрали, построенной некогда атлантами, на Земле появилась новая, под таким же знаком! В конце II тысячелетия до н. э. массовые человеческие жертвоприношения в Мезоамерике и Китае своё дело делали. Эгрегор Амона, будущего Иеговы наполнялся силой. Тёмное жречество старалось во всю!

— Но откуда же оно взялось, это тёмное жречество? — спросил я.

— В Мезоамерике из среды жителей города богов — Теотихуакана, частично из ольмеков. В Китае из жрецов бога разрушения и смерти. Несомненно, что и теми и другими управляли уцелевшие атланты. Так же, как и жрецами Амона в Фивах. Потому что само фиванское жречество «вышло в свет» из четвёртого сословия неприкасаемых. На что указывают мерзкие действия фиванцев. В папирусах прямо сказано, кто посеял смуту в Египте. Достаточно прочесть откровение слущкого номарха, некоего Хети. Да и в других папирусах того времени написано то же самое. В лице фиванского жречества Амона, кстати, тринадцатого из высших богов Египта, к тому же искусственно созданного, пробил себе дорогу в слепопотопном времени затаившаяся до своего часа цивилизация дегенератов. Что-то вроде плесени или гнили в теле земного социума. Но надо отдать должное светлomu египетскому жречеству. Жрецы бога Ра поняли, что происходит, кто рвётся в образе Амона к высшей власти, и возглавили силы оппозиции. Они укрепили Гераклиополь и помогли собрать его номарху в единое целое все

северные египетские номы. Так в середине III тысячелетия до н. э. в стране Кеми началась ещё одна гражданская война. На этот раз между Гераклиополем и Фивами. Сначала поддерживаемый жрецами бога Ра Гераклиополь в долгой и изнурительной борьбе победил Фивы, и его номарх Хети-иб-Ра объявил себя фараоном. Однако власть его оказалась недолгой. Фиванские правители и жрецы, увидев, что их проект может рухнуть, открыли границу южного Египта и пустили в страну племена нубийцев. И силами варваров сломали сопротивление Гераклиополя. Как видишь, всё делалось фиванскими жрецами по сатанинскому правилу: победа любой ценой, страдания же народа не в счёт. Известный старый приём. В результате у власти оказался фиванский номарх Ментухотеп. Вот когда начались бедствия высшего сословия египетских тружеников. С приходом к власти в империи психически дефективных жрецов и такого же правителя. В эпоху Среднего царства в Египте были окончательно упразднены сословия. Теперь никто ни царям, ни номархам не мешал передавать свою власть по наследству. Кроме этого появилась каста наследственных жрецов... Народ же оказался на положении бесправного завоёванного своими же властолюбцами говорящего стада. То, о чём я тебе сейчас рассказал, и пытались утаить от русского народа большевики-троцкисты.

— Какими путями шли к власти в Египте их «шефы», жрецы Амона, и что потом сделали они со своим же собственным народом. Я что-то не пойму, ты же собирался познакомить меня с каким-то современным мифом? — посмотрел я вопросительно на историка.

— Это и есть начало того самого мифа, — невозмутимо сказал учёный. — Вростание в здоровое тело обновлённого социума библейской цивилизации. Всё, как видишь, началось в Египте и Гдо сих пор продолжается. Теперь уже на всей планете. Такое явление, когда у власти над нормальными людьми стоят психически больные, в окружении тех, кто меня понимает, — дядя Ёша сделал паузу, — я называю цивилизацией дегенератов. Не техногенной, не обществом, которым управляют хищники, как высказался академик Поршневу, а такой, какой я её вижу — цивилизация дегенератов. И хищники они только потому, что душевнобольные, юноша. Психически здоровому человеку власть над людьми ни к чему. Слишком большая ответственность. И деньги, и вещи нужны в меру. Всего лишь, как инструмент, для достижения более высокого. Но давай посмотрим, как дальше себя повела «раковая опухоль» в Египте. В эпоху Среднего царства она, эта опухоль, в виде фиванского жречества и подчинённых ему царей лишила своих собственных граждан всего человеческого. Превратила их в безропотное, живущее одними инстинктами, неграмотное, бездуховное стадо. Когда с египетским населением было покончено, дегенераты из фиванских жреческих кланов, подстрекаемые своими хозяевами от предыдущей цивилизации — теми, кого древние шумеры называли «аннунаками», а гностики «архонтами», решили воцариться над всем миром. Добиться того, чтобы всё население планеты почитало их как богов. Тем более, что технология превращения свободных людей в издающие членораздельные звуки животных была уже отработана. Вторым шагом жрецов Амона в Египте было введение денег. Дело в том, что египтяне, как и жители Ханаана, Сирии, Шумера и Вавилонии, занимались только меновой торговлей. Золотые слитки определённого веса и стали служить первыми деньгами. В стране Кеми золото можно было поменять на что угодно. На привозной ливанский кедр, на слоновую кость, на дорогое оружие, лекарство и т. д. Таким образом, посредством торговли, золото стало скапливаться в храмах Амона в больших количествах. Кроме того, в деле накопления золота в тайниках храмов помогали и бесконечные войны. Особенно на юге с Нубией. Как видишь, юноша, в Египте всё стало складываться так, как должно было быть. Помнишь допотопного пророка, дедушку Еноха, которого ещё до смерти забрали на небо? Египетские иудеи ему приписывают построение Великой пирамиды?

— Как не помнить? Конечно помню, и знаю, какое наследие он оставил, — кивнул я учёному.

— Тогда тебе нечего объяснять. В лице жрецов Амона завещание пророка стало работать. Правда, иногда получались досадные сбои. Я имею в виду восстание доведённого до отчаяния народа. Очевидно, жрецы что-то всё-таки не учли, или поторопились. Был нарушен принцип постепенности и последовательности. В лейденском папирусе (Поучении Неферреху), который хранится в Эрмитаже, описано крупное восстание. Оно началось во время вторжения в Египет так называемых гиксосов.

— Гиксосов хранитель почему-то назвал гиккосами, — припомнил я.

— Скорее всего, они так и назывались. Потому что слово «гиксос» и не египетское, и не азиатское. И вообще, неизвестно, что оно обозначает. С гиккосами же всё ясно. И на современном русском, и на пракрыте оно обозначает длинноволосые... Но ты меня не отвлекай, мы говорим о развитии в послепотопном социуме цивилизации дегенератов. С гиксосами или гиккосами пускай разбираются другие. — Ясно одно — гиккосы не могли быть семитами, потому что они относились к племенам коневодов. И гиккосы могли придти в Переднюю Азию и Египет только с севера. Потому что в XVIII веке до н. э. ни в Сирии, ни в Вавилонии, ни в Шумере, ни в Ханаане, не только не знали верховой езды, но не знали даже колесниц. Об этом хорошо сказано в древних папирусах и клинописных текстах. Скорее всего, нашествие гиксосов и подтолкнуло египетскую бедноту к восстанию. Очевидно, народная память сохранила образ справедливых голубоглазых и русоволосых Шемсу-Гор. Гиккосы же были и русоволосые, и голубоглазые, к тому же простому народу врагами они не были. Понятно, что население Египта их не боялось, потому и подняло восстание против своих угнетателей. Раз уж мы коснулись гиксосов, ты должен знать название их столицы. Она была построена на востоке дельты и называлась Аварис.

— Как?! — воскликнул я.

— То, что слышал! — улыбнулся антрополог.

— Так ведь это же чисто арийское название. И переводится что-то вроде «построенный на чужой земле». «А», насколько я помню, отрицание, корень «ар» означает землю...

— А ты попробуй это доказать ортодоксам, Гера. Замучаешься доказывать! — засмеялся лектор. — А знаешь, как звали царя гиксосов? По египетской транскрипции Хиан!

— Уж не Иван ли?! — чуть не вскочил я с места.

— Вполне возможно, что и Иван. Во всяком случае, вибрационная и звуковая идентификация обоих слов одна и та же. Даже ударение одно! Теперь ты понимаешь, почему гиккосы стали семитами-гиксосами, мой мальчик? — посмотрел на меня еврей-отступник вопросительно.

— Надо быть полным идиотом, чтобы не догадаться. Чтобы скрыть подлинные события.

— Скрыть, что почти 2000 лет до н. э. русская северная империя предприняла завоевание Египта. И нанесла она удар в нужное время. Её поход поддержал египетский народ. Вот, что самое главное, Гера. Население Египта, помогая войску длинноносых изнутри, сокрушила правление фиванской династии.

— Ну, а что было потом? — невольно задал я вопрос.

— Так и быть, расскажу, что было потом, — развёл руками историк. — Ты ведь всё равно об этом спросишь. Гиккосы 120 лет управляли страной Кеми. За это время было упразднено рабство, восстановлены в Египте общины. Но на что следует обратить особое внимание, вместо жестокой кастовой системы была введена иерархия сословий.

— А куда поддевались жрецы Амона? — поинтересовался я.

— Остались в Египте, но потеряли власть. Возможно наиболее агрессивная часть сбежала к своим покровителям в пустыню. В те времена в песках нубийской пустыни стояло три храма Сета. Со временем длинноносые, завершив свои реформы, покинули Египет. Правящей

жреческой элитой на севере страны они оставили после себя служителей бога Ра из Гелиополя. Именно Гелиопольские жрецы и сдерживали напор вернувшихся к власти в Фивах жрецов Амона. Во времена Аменхотепа IV они последних даже победили.

— О тех делах мне подробно рассказывал хранитель, — остановил я историка. — Мне интересно другое: напор гиккосов в Передней Азии с последующим завоеванием Египта почти совпадает по времени с нашествием белых голубоглазых и русобородых всадников во главе с Хуан-ди и Иван-ди на Китай!

— Молодец! Значит не зря я тебе читал лекцию о Китае, — похвалил меня дядя Ёша. — Но вернёмся к нашей теме. Как я тебе только что сказал, в Египте были созданы первые на земле деньги и, хотя гиккосы их отменили, в эпоху Нового царства они были опять созданы. Сначала золото, а теперь вот бумажки... Они и стали вторым Богом земного человечества. Для глупцов — первым и самым главным. В наше время эгрегор денег и эгрегор Амона выступают как одно целое. Можешь себе представить, какая это сила? Теперь понимаешь, почему в Средневековой Европе появилась тенденция у представителей элиты на сближение с евреями? На Руси её называли «ересью жидовствующих».

— Начинаю догадываться, — сделал я умную физиономию.

— Феодалы, сколько бы они своей знатностью не кичились, всё равно по сравнению с купцами, тем более с ростовщиками, были нищие, — продолжил свою лекцию историк. — С крепостных крестьян много не возьмёшь. Города конечно, можно грабить, но опять же в меру. Иначе схлопочешь такое восстание городской бедноты, что мало не покажется. А деньги были нужны, иногда — просто необходимы. Особенно высшей знати, которая имела не только замки, но и свои воинские подразделения. Вот и приходилось в годы бедствий, войн и всевозможных смут идти графам, герцогам и даже королям на поклон к еврейским купцам и банкирам. Дескать, дайте, ради Христа деньжонок на подавление мятежа, или на крестовый поход. И евреи давали, а потом сдирали со своих клиентов три шкуры. И тогда европейской элите стало приходиться в голову, что самым эффективным средством добычи у еврейских купцов золота, является акт породнения с ними. Пример показали их разорившиеся вассалы, некоторые бароны и рыцари. И те, и другие, женившись на дочерях богатых евреев, сразу же разбогатели. Они возвратили свои утраченные поместья и стали богаче своих сеньоров. Но то, что позволялось простым дворянам не подходило высшей знати. Графу или герцогу жениться на иудейке было немислимым позором. Но еврейские правящие круги очень скоро нашли выход: в ряде европейских стран был введён закон о принятии евреями христианства. Впервые этот закон стал действовать в Византии. Из-за него в VIII веке и хлынули иудеи в Хазарию. Вслед за Византией его принял парламент Генуи, за генуэзцами стали обсуждать закон о крещении иудеев в некоторых землях Германии. После реконкисты закон об обязательном крещении иудеев приняла Испания... И католическая церковь, и европейские монархи отлично понимали, что насильно евреи могут принять любую веру, но это ровным счётом ни о чём не говорит. Евреи были иудеями-каббалистами — иудеями и останутся. Но, как ни странно, правящую элиту именно это больше всего и устраивало. Заставляя евреев принимать христианство, она обманывала не столько саму себя, сколько свой собственный народ. Христиане-евреи принимали европейские имена и фамилии. Для толпы становились своими. Но между собой оставались богоизбранными. Теперь наиболее продвинутые из них стали создавать в купеческой среде своего рода аристократию. Появились так называемые гильдии, где купцы первой гильдии по закону стали приравниваться к дворянству.

— Пстой! — остановил я рассказчика. — Мне не понятно, почему европейских аристократов устраивало то, что христиане-евреи всё равно оставались в своей душе иудеями?

— Дело в том, что во многом благодаря Библии или Торе, в Европе сложилось мнение, что

евреи являются на земле самым древним и мудрым народом. Что их мистическое учение, или каббала, вообще не имеет себе равных как магия. Что благодаря ей, можно достичь чего угодно. Даже власти над миром! Именно поэтому еврейские купцы и стали такими богатыми... Европейскую аристократию манили еврейские капиталы, это так. Но не меньше её привлекало и иудейское мистическое наследие. Откуда им было знать, что каббала досталась евреям из древнего ведического знания ариев? Того самого, которое христианская церковь так старательно на протяжении нескольких столетий искореняла? Видишь, как ловко: украденное и присвоенное знание сделало евреев и древними, и мудрыми. А те у кого это знание было украдено, ничего не зная о своём ведическом прошлом, попали в генетическую ловушку. Ты думаешь, что одни европейские аристократы хотели породниться с «древними и мудрыми»? Последние, не меньше европейской элиты, стремились к таким вот родственным связям. Для этой цели они и стали рекламировать по всему христианскому миру свои капиталы. В былые времена об иудейских накоплениях ни в Европе, ни в Азии почти никто ничего не знал. Сближение было обоюдным. И это хорошо прослеживается по многим документам. Особенно по генеалогическим древам европейских аристократических родов. Так-то, юноша! — досконально ответил на мой вопрос специалист по евреям. — И не надо удивляться, почему европейская аристократия, начиная с XV века, интенсивно стала родниться с богатыми купеческими фамилиями. То, что эти фамилии были еврейскими, знали только в верхах. Я не хочу останавливаться на евреях — римских папах. Такие тоже были. Слишком много займёт времени. Суть тебе уже ясна, юноша. Думаю, ты догадываешься, что в настоящее время все без исключения аристократические дома Европы стали еврейскими. В евреев превратились английские лорды, немецкие графы и бароны. Еврейскими стали даже королевские фамилии. Аристократы Дании, Норвегии, Нидерландов, Швеции уже не стесняются: они прямо говорят о себе, что являются прямыми потомками самого отца Авраама! То же самое утверждают королевские фамилии Британии, Германии, Франции и Испании.

— Ты рассказываешь мне что-то жуткое! — невольно остановил я рассказчика.

— Ничего жуткого я тебе не поведал, просто назвал вещи своими именами. Вот и всё. Как всегда сработал тот же механизм, что и в Хазарин: еврейских богатых красавиц под видом христианок и детей купеческой аристократии стали выдавать замуж за баронов, графов и герцогов. Рождённые же от них дети, как ты знаешь, по закону становятся полноценными «богоизбранными». И теперь скрытыми евреями являются не только аристократы Европы, но и Америки, и Канады, и Австралии...

— Так вот она где, Хазария?! — подумал я вслух. — Во всём мире!

— Да, во всём мире. Потому в Европе и в США обожают Израиль. И платит Германия евреям за холокост, которого никогда и не было. Точнее, немецкий народ платит, — усмехнулся горькой усмешкой учёный. — Потому и посылают Европа с Америкой каждый год в Израиль «просто так» по 20 миллиардов долларов...

— Ну и что теперь делать? — спросил я задумавшегося на секунду учёного.

— Если во всём христианском мире воцарилась Хазария, то что грозит его населению? — вопросом на вопрос ответил еврей-отступник.

— Судя по тому, что уже когда-то было, медленное вырождение и вымирание... — ответил я.

— Вымирание белой расы как наименее приспособленной для несения рабской повинности. Замена её на более подходящую, например, на негров или китайцев. Примерно то же самое делали в своей империи и хазары: русов продавали, а монголоидов, горцев и негров завозили, — сказал историк.

— Так что же всё-таки делать? — задал я ему тот же вопрос.

— Помочь понять европейцам, что собой представляет их элита. Почему ею наполнены масонские ложи и почему она стала такой демократичной и либеральной. Фактически занялась генетическим растворением европейского коренного населения в массу приезжего из Азии и Африки. Демократия и либерализм всегда были прерогативой иудеев. Они давали им свободный манёвр и в торговле, и в банковском деле.

— И в генетическом тоже? — заметил я.

— Ну и термин же ты открыл?! — улыбнулся грустной улыбкой учёный. — Хотя ты прав... Теперь понятно, почему я называю всю нашу современную цивилизацию — цивилизацией дегенератов? Потому, что ею управляют прямые потомки патриарха Авраама... И для них нет на земле ничего святого кроме золота, нефти и наркотиков. Своих сограждан вся их иудеоизированная высшая управленческая мафия воспринимает только как говорящий рабочий скот. Который создан для того, чтобы её содержать и обслуживать. Одно угнетает европейских и американских мафиози — что их сограждане, прежде всего представители белой европеоидной расы, по своей природе — люди талантливые и умные. И со временем они могут понять, кто на Земле у власти и что будет с населением планеты. Поэтому и создано в Европе, США, Канаде и Австралии такое специфическое образование, которое развивает в человеческом мозге в основном его левое полушарие. Правое же, отвечающее за синтез и интуицию, почти не развивается. Этот перекося в сознании выражен тем, что мы называем западным материализмом и прагматизмом. Западной элите не нужны гармонично развитые, умеющие обобщать и предвидеть. Ей нужны люди-ЭВМ. Умеющие хорошо считать. Вот почему и Америка, и Европа, и Япония живут не своими, а нашими мозгами. Новые идеи черпаются у нас, юноша... Кстати, после смерти Сталина в советском образовании тоже начался перекося. Точно такой же, как и на Западе. Только в меньших масштабах. Вспомни наши физико-математические школы: где только их не открыли? Например, у вас в Сибири в Академгородке под Новосибирском. И ни одной историко-философской. Левополушарным Академия наук дала «зелёный свет». Перед правополушарными она поставила красный. Понимаешь почему? — после паузы спросил меня учёный.

— Понимаю, — поёжился я на своём месте.

— Чтобы скрыть от общества, куда его повели... Ври не ври, а люди умеющие обобщать и обладающие интуицией всё равно поймут...

— Это что, был приказ с Запада? — спросил я.

— Скорее всего, нет. Образованием в СССР управляли и управляют масоны. Когда их хозяевами был взят курс на реставрацию в России рыночных отношений, начались изменения и в образовании. А теперь тебе вопрос, Гера: как ты думаешь, зачем нужно было Силам Тьмы объевреивать всю западную элиту? Даже к нам на Русь полезли с таким вот проектом? — сложил на груди свои руки в ожидании моего ответа историк.

— Думаю для того, чтобы отделить элиту от своего же собственного народа. Превратить её в касту «богоизбранных» воцарившихся над гоями... Старая и надёжная технология разделения. Но это не всё. Не менее важным является то, что и евро-американские политики, и еврейские банкиры стали одной командой. Теперь их ничего не разделяет. И те, и другие без слов понимают друг друга. Похоже, генетическое смещение интенсивно продолжается и в наше время...

— Так оно и есть, — кивнул головой антрополог. — И ещё, в чём я абсолютно уверен, чтобы через эгрегор Яхве-Амона можно было ими всеми управлять. Именно этим тёмные через хабад и занимаются. Потому им всё удаётся. Хабадников же западная элита боится как огня.

— Как называется их каббалистическая пугалка — «пульса денура»?

— Это не пугалка, юноша. А серьёзная молитва. И она на самом деле убивает, — проворчал

учёный. — Но ты молодец, ответил на мой вопрос правильно. Ставлю «отл!». Особенно мне понравилось то, что ты вспомнил о «моих друзьях» хабадниках. Теперь понятно, в какие тиски зажата вся евро-американская элита? Попробуй, пикни?! Когда человек лишён права выбора, что это как ни самое настоящее рабство? В цивилизации дегенератов рабами становятся все — начиная с президентов, кончая уличными подметалами! Теперь ты понимаешь, почему элита Атлантиды начала войну с Северной империей? Она оказалась точно в таком же положении, как нынешняя Западная.

— Неужели и в Атлантиде хозяйничали иудеи с масонами? — удивился я.

— И иудеи были, и масоны, и их авангард — иллюминаты, и активная связывающая все выше названные структуры в одно целое, организация атлантического хабада. Только названия были другие. Иудеями могли быть не семиты, например какие-нибудь краснокожие или вообще негры. Дело не в этносе, а в идеологии богоизбранности, в генетическом охотничье-промысловом, присваивающим всё готовое, комплексе... Короче, дело в мозгах, — закончил свою долгую тираду специалист по Атлантиде.

— Интересно, откуда ты всё это узнал? — спросил я.

— Анализ и синтез, вот и всё. И ещё немного интуиции, — улыбнулся учёный. — А потом, ты забыл про наследие дедушки Еноха, Гера. Именно благодаря ему, наработки прошлой цивилизации оказались в нашем времени. Древние технологии жрецы Амона у нас и воплотили. Поверь, ничего нового придуманного нет! Всё, что мы вокруг себя наблюдаем — старьё, но оно работает, проклятое! Потому работает, что тёмным удаётся от людей скрывать их прошлое. Для того и создан на земле институт не хронологии, а библейской истории. Такой, каким умело управляют. Наука это не только поиск истины, но и кормушка*, Гера. Историк за свою ложь получает деньги, его продвигают, славят и ему присваивают различные степени. Но попробуй скажи он правду? Сразу пинок от кормушки, плюс шельмование. Если тебя кормят, то говори как велено! Как требует библейский проект. Если точнее, как нравится тем, кто его создал.

На несколько секунд погрузившись в свои мысли, дядя Ёша замолчал. О чём думал бывший антрополог? Наверное о том, сколько ему пришлось пережить, когда он был в науке. А может о чём-то другом? Я смотрел на еврея-отступника и размышлял.

«Многое же ты повидал за свою длинную жизнь, мой дорогой, дядя Ёша? Очень многое... Не просто так ты сбежал из Москвы на край земли в далёкую Колу... Подальше от научных кругов и поближе к простым людям».

Наконец учёный очнулся:

— Чтобы оправдать генетическую связь с мировым еврейством и одновременно узаконить на многие века свою власть над обществом, правящая евро-американская элита придумала оригинальный миф. С ним я тебя сейчас и познакомлю, Гера, — еврей-отступник смотрел на меня и чёрные его глаза смеялись. — Знаешь, что эти масонские сказочники придумали? Что египетский фараон Аменемхет I (1991–1962 гг. до н. э.) и знаменитый патриарх Авраам — одно и то же лицо! Что евреи, якобы, ещё до великой смуты и завоевания Египта гиккосами, каким-то образом захватили власть в империи и поставили своего правителя. И это в стране, где между собой конкурировало несколько жреческих школ, жрецы которых выдвигали на пост царя самого на их взгляд достойного. Где была ещё жива северная сословная традиция... А государство располагало мощной регулярной армией. Но даже не это главное. Самым серьёзным являлось то, что египетская империя как и русо-скифская, была закрыта для иностранцев. Она походила на осаждённую крепость, проникнуть в которую чуждым элементам было невозможно. Смешно? Конечно! Враньё? Бесспорно! Но давай посмотрим, что дальше. Антоно Лоборе известный западный археолог находит в Египте одиннадцать мумий, но среди них нет мумии Аменемхета I. По его мнению Аменемхет I и патриарх Авраам одна и та же личность, поэтому

евреи упрятали его останки в ковчег Завета. Какого? Оказывается, в своих носилках иудеи таскают за собой какие-то мощи? Новоиспечённый миф утверждает, что после Аменемхета I Египтом стала управлять еврейская династия. Фараон Якубер и Иаков тоже оказывается одна и та же личность. От Тутмоса II в 1520 г. до н. э. родился Тутмос III — он же Моисей! С его именем и начали в 1447 г. до н. э. евреи свой исход из Египта. В завоёванную для их персон «своим паханом» и фараоном землю Ханаана. Как видишь, совсем даже и не по Библии, но вполне «научно». Известно, что Тутмос III был серьёзным завоевателем, его армия захватила не только Палестину, но и Сирию. Так что земли для переезда евреям хватало. Захватывай не своё — не ленись! Старый надёжный приём: «Чужими руками и на чужой земле».

— Ты что же, допускаешь, что на самом деле так и было? — засмеялся я.

— Конечно, нет. Но даже в сказках и мифах они следуют своему излюбленному правилу — всё делать чужими руками.

— Ну, а дальше что? — поинтересовался я.

Миф, который рассказывал историк, меня стал захватывать.

— Дальше египетские жрецы и фараоны, так как все они были скрытыми евреями, такими же, как и наши евро-американские элитники, стали всячески поддерживать царство израильское и иудейское. Давид оказался тоже из Египта. Царь Сол-Амон, или Соломон одновременно был ещё и египетским фараоном Саймеком. В Иерусалиме он построил для иудеев храм. Но после ослабления Египта древний единый Израиль остался один на один со всей Азией. Тут и начались его беды, по легенде Израильское царство состояло из 12 племён, так называемых, колен израилевых. И вот под ударами врагов единое царство иудеев распалось. Десять колен израилевых стали искать свой собственный жизненный путь. Племя манассендеи ушло на север в Европу и там на Балканах создало своё царство — Македонию. Как видишь, древние македонцы были тоже евреями: и царь Филипп, и его сын, и все его граждане. В 322 году до н. э. Александр Македонский завоевал Египет, где и прошёл посвящение Амону. Мы с тобой об этом уже говорили. Куда он ходил и какого Амона встретил — дело не в этом. Евреи-македоняне завоёвывают всю персидскую державу и пытаются захватить даже Индию. Теперь это история уже не европейцев, а семитов. И не в счёт, что и язык, и культура, и антропологический тип древних македонцев и выходцев из Аравии разные. Главное, как «они» в своём кругу порешили. Зная «их», я убеждён, что лет через 25–30 во всех школьных учебниках будут писать, что македонцы были потомками колена израилева. На эту тему будут защищаться докторские диссертации и писаться книги. Старый безотказный каббалистический приём постепенности и последовательности. Главное: не ослаблять на психику гоев своего дезинформационного напора. Думаю, ты уже догадался, кто стал управлять Египтом после распада державы Александра? Правильно, евреи! Самым главным евреем у них считается полководец великого завоевателя Птолемей I. По такой вот логике и последняя египетская царица Клеопатра тоже приходится дочерью «избранного народа». Хорошо хоть Юлия Цезаря не сделали евреем. Было бы у них наследование по мужской линии, он бы тоже стал итальянским семитом. А так обошлось. Как тебе известно, от Цезаря Клеопатра родила сына Цессариона. Если мать еврейка, то понятно-тоже еврея. Тут то и начинается самое интересное!

— Неужели что-то может быть более захватывающим?! — удивился я. — Ты рассказываешь мне такое, от чего у меня теряется дар речи.

— Не переживай, говорить ты не разучишься, — засмеялся историк. — Знаешь, почему? Потому что захочется послать всю их дегенеративную братию подальше. Масонские сочинители пытаются навязать миру мнение, что Цессарион и Иисус одно и то же лицо.

— А чем они мотивируют? — спросил я.

— Как всегда, ничем. Просто им так нравится. Вот и всё. После смерти Цезаря Клеопатра

сошлась с его полководцем Марком Антонием. От него она родила ещё троих детей. Их якобы воспитал в своём доме завоевавший Египет Август Октавиан. Цессариона же она перед своей смертью отправила с надёжными людьми в Индию. Этими верными людьми Клеопатры были дева Мария и её муж Иосиф...

— Погоди! — прервал я рассказчика. — Миф не очень-то и глуп. То, что ты мне сейчас рассказал, является мощным ударом по нашему русскому христианскому православию. Выходит, что никакой девы Марии Богородицы не было! Значит, и нет заступницы у России...

— Один миф исключает другой. Вот такие дела, — развёл руками антрополог. — А потом, с чего ты взял, что их современная сказка наносит удар только по русскому христианству? Удар нанесён по всей христианской религии. Ты упустил главное — их Цессарион-Иисус не является Богом! Он простой человек. Правда, как ты дальше увидишь, с претензиями на власть. Из мифа хорошо видно, что масонам больше не нужна христианская церковь, у них давно своя религия и ею они собираются заменить христианскую. Но всё это будет потом...

— Что же делал Цессарион в Индии? — поинтересовался я.

— По мифу: постигал вековую мудрость. Учился в монастыре Хемес в Гималаях. Считается, что в нём, в монастыре, остались записи говорящие о его пребывании... Но о том, что в буддистском храме Жил сын Клеопатры информации никакой нет. Через 12 лет после своего пребывания в Индии Цессарион-Иисус решает возвратиться в Египет. Он мечтает найти своих сводных сестру и братьев. Вернувшись на территорию Римской империи и отыскав родственников, Цессарион решает захватить власть над Римской империей с помощью новой религии. Как видишь, для него важна не истина, а личные амбиции. Стремление к власти. А религия — всего лишь инструмент для её захвата. В Иудее Иисус-Цессарион женился на своей сводной сестре Джеймс, и она стала называться Марией Магдалиной. Перед тобой древний египетский обряд инцеста. Но в стране Кеми к нему прибегали, чтобы как-то сохранить в жилах элиты кровь Шемсу-Гор. Здесь же всё наоборот: чтобы не дать раствориться в арийской крови благородным генам евреев — правителей Египта, — усмехнулся рассказчик. — Ну а дальше, сам знаешь что было: и для виду распятие, и обман с воскрешением! А потом бегство Цессариона-Христа с Марией Магдалиной на территории, захваченные его отцом Цезарем, в Европе. Так якобы Цесарион со своей женой оказался в Галлии. От первого сына Цессариона и его сводной сестры Марии Магдалины по легенде и возник королевский род Мировингов. Вон как надо врать, Гера. Нагло, напористо и, что более всего возмущает, бессовестно! Теперь тебе понятно, что все отпрыски Мировингов в Европе не только по своей крови евреи, но ещё и потомки самого Цессариона-Иисуса Христа и Цезаря.

— Как тут не понять — всё по закону, — отозвался я. — Комар носа не подточит.

— Но это ещё не всё, мой мальчик! — взволнованно проговорил историк. — Есть ещё одна деталь, которая тоже тебе понравится: после подавления иудейского восстания 61 года, рассказывает эта современная сказка, 6 колен израилевых на кораблях отправились искать новую родину. Представляешь, оседлый сухопутный народ и вдруг на кораблях, и все 6 племён! И потом, где они нашли в своей пустыне лес для постройки флота?

— Может рассказчики имеют в виду горы Ливана? — высказал я своё предположение.

— Ливанский кедр был в те времена под защитой Рима. Взять его было нельзя. Тем более для попытки сбежать, — высказался учёный. — Короче, опять очередное враньё. Но послушай, что было дальше. Возглавило эту морскую экспедицию племя Дена. Дойдя до Скандинавии оно объявило всю эту землю своей, а берег высадки, лагеря и следом возникшие крепости, назвала Данией.

— Как? По мифу получается, что датчане тоже евреи?

— Не только датчане, но и норвежцы, и шведы. Правда, простой народ об этом не знает. Но

их элита, особенно королевские дома, убеждены, что это так. Управленцы по закону должны принадлежать к «богоизбранному народу». Знаешь, как современные мифотворцы переводят слово «викинги»? Напиши его по латыни, — пододвинул ко мне лист бумаги историк.

Я написал заглавными буквами слово «Vikings».

— А теперь смотри «VI» означает по латыни шесть, а «kings» — короли. Вот и всё. Шесть королей! Шесть иудейских племён.

— Лихо у них получается! — заметил я.

— Лихо! — согласился со мной еврей-отступник. — Но не только скандинавы, но и бриты стали у них евреями.

— Как это?

— Очень просто. В 1016 году датский король Кнудт короновался королём Англии, Дании, Швеции и Норвегии. До этой коронации викинги захватили всю Англию, вплоть до Шотландии. И владели ею несколько десятилетий. Теперь тебе понятно происхождение британских лордов?

— От датчан. Вернее от иудеев из племени Дена...

— Молодец! Усвоил! — похвалил меня дядя Ёша. — Как видишь, с одной стороны, высшая европейская элита ведёт своё происхождение от Христа, матерью которого является еврейка-властительница Египта, а отцом — Юлий Цезарь. С другой стороны, часть тупоголовой европейской знати, в лице короля Кнудта, происходит от якобы семитских правителей Дании. И обе генетические линии: и скандинавская, и галльская ведут свою родословную как ни странно, от египетских фараонов. От узурпатора Аменемхета I — патриарха Авраама. Того самого, потомкам которого бог Иегова завещал власть над всем миром. Видишь, какое дело, юноша? Невесёлое!

— Как я уже понял, у них всё выглядит вполне законно, — согласился я. — Не только белокожие и русоволосые македонцы стали евреями, но и природные блондины-скандинавы. Как говорится, цель оправдывает средства. Неужели западные антропологи поддерживают такой вот бред? Ты же антрополог, можешь ответить на этот вопрос?

— На тему скандинавских семитов публикаций по антропологии я пока не встречал, — задумчиво сказал учёный. — Возможно, они есть, но в другом контексте. Сейчас разрабатывается версия о происхождении скандинавов с юга Туркмении. Из Ниссейского царства, это уже восток, юноша. Сначала докажут, что их черепа относятся к памирской подрасе, а потом, со временем, они превратятся и в семитские. Главное уже произошло: Ниссея объявлена Асгардом! Следовательно, скандинавы имеют восточное происхождение. Какой у них принцип? Постепенности и последовательности. Он работает.

— Но как известно, вся Средняя Азия, Гоби и даже север китайской равнины был заселён европеоидной расой. Точно такой же, как в Восточной и Центральной Европе... И это было сравнительно недавно, — взглянул я на историка.

— Ну и что?

— Кто о том, о чём ты мне сейчас сказал, знает? Узкий круг учёных, в основном, антропологов.

— А обыватели? Запомни, юноша. Ставку тёмные всегда делали и будут делать только на них. Обыватели — их питательная среда. За счёт невежественных, тупоголовых, нежелающих ничего знать обывателей тёмные и царствуют. Так что миф о том, что скандинавы выходцы из Израиля вполне может быть официальной наукой и признан, — поднялся со своего кресла дядя Ёша. — Знаешь, что у меня в этих трёх распечатках? — показал он на лежащие перед ним открытые папки. — В одной подробно изложен рассказанный мною миф. Можешь взять и прочесть. Это займёт у тебя пару часов, не больше, — пододвинул ко мне одну из своих папок учёный. — Здесь, — положил он руку на вторую папку, — приведены научные аргументы

против масонской сказки... Прочти их обязательно. Это важно, Гера. Особенно для тебя. Ты ведь меня моложе. Значит, тебе и придётся столкнуться с навязыванием в коллективное сознание масс того, что ты только что от меня услышал. В третьей папке изложено моё обращение к соплеменникам.

— К кому? — не понял я сразу.

— К евреям, юноша, к евреям. Я верю, что когда-нибудь его не только в России, но и во всём мире напечатают... Поэтому прошу тебя, возьми эту папку с собой. Может быть то, что не удастся мне, получится у тебя...

— Но а как же ты? — растерялся я.

— Не волнуйся, это копия. Самое главное, чтобы у тебя её никто не увидел. Даже самые близкие друзья. Иначе, не сносить тебе головы. Когда ты прочтёшь моё обращение, то многое, очень многое поймёшь! То, о чём ты сейчас и не подозреваешь!

Честно говоря, слова еврея-отступника меня несколько озадачили, я пододвинул к себе его заветную папку и сказал:

— Слушая тебя, я почему-то подумал, дядя Еша, что хоть ты и упираешься и не соглашаешься, но всё равно ты закоренелый антисемит.

Выслушав мой приговор, несколько секунд учёный молчал. Потом, посмотрев куда-то перед собой, медленно проговорил:

— Ты должен знать, Гера, что самыми жестокими и свирепыми антисемитами были и остаются сами евреи. Не амбициозные тупоголовые полукровки, а как раз чистокровные, по твоей терминологии — матёрые. Об этом есть и у Ломброзо, и у Григория Климова, и даже в дневниках Нордау. Ты когда-нибудь задумывался, с чего бы это? Вспомни, как Спиноза разносил иудеев, или тот же Маркс?

— Или полукровка Торквемада. — добавил я.

— Да-да, полукровка Торквемада, — оживился историк. — Он ведь тоже был евреем, только крещённым. Я читал его дневники. Если бы ты их почитал, то сразу понял суть еврейского антисемитизма. Знаешь каких евреев сажал великий инквизитор на костры?

— Откуда же мне знать? Подробно европейской историей я не интересовался, — пробормотал я.

— Торквемада в основном занимался ростовщиками и еврейскими менялами. Евреев: тружеников, портных, сапожников, ткачей он не трогал. Хотя и знал, что все они в тайне исповедуют иудаизм. Как ты думаешь, почему?

— Наверное потому, что евреи бедняки его не интересовали, с них нечего было взять, — высказал я свои соображения.

— Я тоже так считал, пока не почитал его дневники. Еврей-выкрест не трогал своих соплеменников из трудового народа, прежде всего потому, что они хоть и оставались формально иудеями, но фактически изменили требованию Талмуда. Вместо того, чтобы паразитировать на гоях, они вошли в сферу производства. Стали создавать материальные ценности. Те же, кто эти материальные ценности присваивал, по приказу Торквемада отправлялись на костры. Как видишь, великий инквизитор, используя законы святой инквизиции, улучшал генофонд своего народа. Он не предал евреев, скорее наоборот, делал всё от него зависящее, чтобы евреи оставили в покое навязанную им, посредством Торы, богоизбранность. Перестали стремиться жить за счёт других. Короче, превратились из запрограммированного на паразитический образ жизни народа в этнос созидателей. А теперь ответь мне на вопрос: любил Торквемада евреев или нет?

— Из твоих слов получается, что любил. Только любовь какая-то у него странная, прямо скажем — своеобразная... — заметил я.

— И не только у одного его была, как ты говоришь, такая вот своеобразная любовь к богоизбранным. История святой инквизиции знает множество имён евреев-выкрестов, которые безжалостно жгли на кострах своих же. Например, инквизитор доминиканец Шпингер или его коллега Инститорис... Я думаю, на них мы останавливаться не будем. Как видишь, правы исследователи, которые утверждают, что самыми жестокими антисемитами являются сами же евреи, только эти уважаемые шелкопёры забывают одно немаловажное слово — «честно»! Честные евреи! Те, которые понимают, что сделали с их народом паскудные пастухи из жречества. И как могут, так и борются с дегенеративными проявлениями программированного сознания в среде своих соплеменников. Такой же и я — антисемит, Гера. Понимаешь, иудеев на Земле слишком мало, чтобы управлять всей планетой. Захватить власть, я думаю, они захватят. Но удержать её не сумеют. И прежде всего потому, что станут после глобализации не нужны своим пастухам-хозяевам. Планетарная революция совершится, и движущие её силы станут уже лишними. Иначе, последуют другие революции. Одна группа богоизбранных начнёт бороться за власть с другой. И так, до бесконечности. Плюс ко всему прибавятся ещё и переделы собственности. Представляешь, какая может начаться всеплатенарная смута?! Жрецы вдохновители библейского проекта всё это, конечно же, осознают. Помнишь, как Сталин после гражданской, лихо разобрался с профессиональными революционерами? Все оказались у стенки! То же самое после прихода на Земле к политической власти жрецов Амона случится и с евреями. Они, эти богоизбранные, такие пассионарные, больше станут никому не нужны. Для новой власти, даже опасны. Это сейчас, начиная с простых иудеев и кончая хабадниками, вбивают в головы, что они избранные, особенные, самые талантливые и умные... Что власть на Земле должна принадлежать им и только им. Так же как и собственность других рас и народов. Включая и их землю. Так как они, евреи, являются потомками самого патриарха Авраама... Самое обидное то, что на такую ложь евреи до сих пор ведутся! Им и в голову не приходит задуматься: с чего это они вдруг стали богоизбранными? За какие такие заслуги вручил Яхве потомкам Авраама власть над миром? Подлую бессовестную ложь евреи со страниц Торы и Талмуда приняли! Это какими надо быть тупыми, чтобы не понять, что все эти сказки о богоизбранности и обещания заполучить чужое, всего лишь хитро сплетённая психологическая ловушка. Для того, чтобы евреи, не жалея себя, приводили в жизнь проект, которой им подсунули те, кто их когда-то создал, и ими успешно управляет. Я один раз, — продолжил свой монолог дядя Ёша, — встретился с интересной молодой еврейкой, которая возмутилась, почему нам, евреям, Советское правительство не отдало Крым? Когда я ей осторожно намекнул, что Крымский полуостров должен принадлежать только русскому народу потому, что это его земля, к тому же она отвоёвана у Турции и полита русской кровью, она, моя знакомая, без тени стыда заявила, что я не знаю закон Бога. По её мнению не только Крым должен быть собственностью евреев, но и вся Россия, и вообще — весь мир! Понимаешь, что из-за таких вот, помешавшихся на Торе и Талмуде, под угрозой уничтожения весь еврейский этнос. Вплоть до последнего человека. Просто народы Земли пока ещё не «проснулись» и не понимают, чем занята вся эта стая амбициозных потомков патриарха Авраама. К тому же, их умело, кстати, эти же самые богоизбранные, разводят и стравливают. Но ничего не бывает вечным, вот в чём дело, юноша. Когда-нибудь тайное станет явным. Это раз. И, во-вторых, о чём я только что говорил: если глобализация победит, то евреям конец. Теперь уже от своих. От хозяев. Как тут не станешь антисемитом? Антисемитом по типу Торквемады или Ломброзо. Это не антисемитизм, Гера, а попытка спасти от верной гибели свой народ. Вот ты, русич, когда встречаешь жида соплеменника — жадного, завистливого, жестокого, ориентированного только на материальное, подлого и лживого, как к такому относишься?

— Иногда ловлю себя на мысли, что мне хочется его убить, — честно признался я.

— Представь, иногда мне хочется ухлопать 90 % соплеменников. Только за то, что искренне верят, что богоизбранные и что им иудеям принадлежит и земля гоев, и их собственность! Читал протоколы сионских мудрецов?

Я кивнул.

— В протоколах озвучен Талмуд... Дело в том, что в нём, в Талмуде, изложено не что иное, как прямой путь к гибели всем евреям. Какая разница, какой фашизм, еврейский или немецкий. Приговор один. А теперь подумай: антисемит я или нет? — посмотрел на меня долгим немигающим взглядом еврей-отступник.

— Я тебя понял, дядя Ёша, ты такой же антисемит, как и я. Скорее антисионист или антифашист, — успокоил я разгорячённого учёного.

По всему было видно, что тема будущего евреев историка волновала. В наших разговорах он часто к ней возвращался и каждый раз несколько иначе. Глядя на антрополога, я искренне пожалел, что так неумело с ним пошутил: назвал учёного антисемитом.

— Прости меня, дядя Ёша, ляпнул сдуру, — сказал я ему.

— Ты о чём? — спросил он меня.

— Что назвал тебя антисемитом...

— С точки зрения невежды-обывателя, я и есть антисемит, — улыбнулся антрополог. — Я на тебя не в обиде. А расстроен я по другой причине: представил, сколько на Земле прольётся крови и слёз, пока, наконец, до богоизбранных дойдёт, чем они заняты и на кого так стараются... Их бы способности повернуть не против человечества, а наоборот. Так ведь нет! Биороботы есть биороботы. Таковыми их сделали хозяева. Душит бессилие, Гера. Вот откуда моя боль.

Дядя Ёша вздохнул, посмотрел в окно, а потом, переводя разговор на другую тему, сказал:

— Я сейчас схожу в магазин за цыплятами. А ты займись чтением. А то у нас одни разговоры да разговоры. Там, — показал он свои распечатки, — у меня есть такие вещи, о которых ты и не подозреваешь... А я хочу в дорогу тебе приготовить жареную курицу, по-еврейски, в маце со специями.

С этими словами учёный шаркающей походкой вышел из комнаты, а я пододвинул поближе первую из его папок. Дядя Ёша оказался прав. То, что я стал читать, меня просто ошарашило! Первые страницы были посвящены английской королеве: оказалось, что Елизавета II, королева Англии является прямым потомком патриарха Авраама! Она возглавляет государство еврейского завета в Европе. Само слово «Британия», с иврита переводится как «земля завета». В короне Британских королей находятся 12 камней, которые означают, не что иное, как 12 колен израилевых. Скипетр королевы тоже египетский: его цвета — красный, белый и синий. В атрибутике королевы присутствует изображение пчёл — символ власти в Египте. Пчёлы сразу натолкнули на мысль: а не потому ли в Британии изменилась старая традиция: вместо королей стали править королевы? Может королевская особа женского пола символизирует пчелиную матку? И не поэтому ли держава английских королей обозначает земной шар? Что же получается? Планета Земля — улей? Королева Британии в нём — матка? Ну и дела! Собственно, чем пчёлы отличаются от термитов? Практически ничем. И там, и там правит одна особь. А все остальные её обслуживают. От подобной догадки меня бросило в жар:

«Вон оно что? Когда-то, в незапамятные времена, «господа хорошие» организовали из земного социума термитник. Он, этот термитник, в той или иной форме, проявляет себя в среде ортодоксальных евреев и в наши дни. А сейчас у вас, специалисты по закабалению, опять возникла навязчивая идея: устроить на планете глобальный пчелиный улей! Матку уже нашли. Осталось дело за обслуживающим персоналом — за пчёлами. Лихо у вас получается! Но, как я понимаю, матка или королева Великобритании не более чем вывеска. За ней кто-то стоит.

Естественно, те, кто её создал. По всей видимости, они ребята — не промах! Интересно, что же ещё у английских королей еврейского и египетского?» — стал я внимательно просматривать распечатку. Рядом с тронном всегда лежит арфа, хотя королева на ней и не играет. По всей видимости, она указывает на царя Давида. Тот был заядлым арфистом. Коронация у королевских особ идёт на все четыре стороны света, как и у египетских фараонов... Кроме того, по египетскому обычаю справляется тридцатилетний юбилей правления. Странное совпадение. Трон королей Британии стоит на ступенчатой пирамиде. Под тронном покоится священный камень «Бен-бен»! Значит, опять Египет! Когда же он кончится? — про себя усмехнулся я. — Эти английские монархи как дети: нет ничего своего! Вся атрибутика из Азии и Севера Африки. Понятно, что её им навязали... И вбили в голову, что они, английские короли, и их родственники из правящих родов Европы, являются потомками аж самого Авраама!! Старого, грязного, вонючего семита, извращенца и растлителя, продавца собственной жены, которого за какие-то пакости в шею вытолкали из шумерского Ура... Этого не скрывает даже Ветхий Завет... Они что, его не читали? Как можно гордиться таким предком? Просто уму непостижимо! Может и Стюарты, и Габсбурги, и другие фамилии правящей европейской элиты походили с ума? Поверили, что нищие кочевые роды аравийских пастухов не знающие ни государственности, ни управления, захватили власть в Египте? Мало этого, на протяжении полутора тысяч лет им управляли? Какая бы ни была изошрённая ложь, но здравый смысл в сознании у людей быть должен. Азиатский полудикий семит вдруг становится повелителем империи?»

И тут я обратил своё внимание на описание золотого кольца Королевы. Где дядя Ёша откопал о нём информацию, остаётся только догадываться. Из распечатки я узнал, что на фамильном кольце британских королей изображена змея, кусающая себя за хвост. Каббалистический символ эгрегора Амона власти над миром и прежде всего над теми, кто ему посвящен!

«Так вот оно что! Ларчик-то открывается совсем просто! — дошло до меня. — Европейская правящая элита не столько помешана, сколько представляет собой напыщенную и заносчивую зомби-команду. Либо её коллективное сознание программировано оккультно, либо с помощью электроники... А может и то, и другое, — вспомнил я про странные электронные предметы, найденные в черепах некоторых представителей власти. — Вы, господа, вместе со своими гербами и титулами ничего не решаете... Вашим программированным мозгам всего лишь кажется, что вы чего-то стоите... На самом деле решают другие. Те самые силы, которые вас для себя породили и превратили в полудиотов... Интересно, что там ещё у историка о евро-американской элите? — перевернул я следующую страницу. — Средоточие планетарного зла, — прочитал я заголовок. — Интересно, кого учёный имеет в виду?» — мелькнуло в сознании.

Первый абзац историк посвятил Ватикану. За ним следовало описание Лондонского Сити и знаменитого Вашингтонского округа Колумбия.

«Оказывается, все три государства в государствах освобождены от всяких налогов. Вот это привилегия! Такого я и не предполагал... Во всех трёх округах на главных площадях стоят египетские обелиски. Опять та же символика! Мало этого, головной убор Римского Папы копирует корону египетского Амона! Всё правильно, если понтифик является земным наместником одной из ипостасей Сета, то так и должно и быть!»

Но то, что я прочёл ниже, меня всерьёз удивило. Дядя Ёша в своих исследованиях о причине исчезновения у современных иудеев института первосвященников пришёл к выводу, что

иудейского первосвященника с успехом стали заменять Римские Папы! Именно с этого и началось на Земле движение экуменизма... Кроме того, учёный, пользуясь какими-то, только одному ему известными источниками, сообщал, что Римские Папы тоже всего лишь вывески и кармические громоотводы. Все они всегда управлялись так называемыми апостолами — тайными жрецами-магами из совета кардиналов. Магов апостолов — двенадцать, как и знаков зодиака и колен израилевых... Но в лицо эту сатанинскую гвардию очень мало кто знает. По мнению исследователя, маги и представляют собой истинную власть. Не только в Ватикане, но и во всём иудо-христианском мире. Из записей учёного я узнал, что Ватикан располагает гигантскими финансовыми средствами. И эти средства хранятся в европейских банках Ротшильдов: в Англии, Швейцарии и Франции. А также в банке Федерального Резерва в Америке. Наиболее всего меня потрясло то, что по убеждению дяди Ёши, в книгохранилищах Ватикана скрыты четыре древние библиотеки: одна библиотека финикийская — из Карфагена, вторая — из Рима. Третья вывезена во время христианского погрома во II веке н. э. из Серпентума в Александрии. И четвёртая библиотека — присвоенная в 1204 году крестоносцами из взятого ими Константинополя.

«Всё это духовное наследие скрыто от народов мира... Скрыто надёжно. И им пользуются в основном маги апостолы. Вот откуда у них такая огромная власть над людскими душами. Апостолы владеют забытым ныне древним оккультным знанием. Теперь понятно, кто дал еврею-выкресту Колумбу карты Нового Света. И кто так долго «закрывал» этот Свет от европейцев. Но ведь и ими кто-то управляет? Интересно, в каком облики? Где они, эти скрытые управленцы, те самые жрецы Амона, которым беспрекословно повинуются окружение папы».

— Увидеть бы этих демонов хотя бы одним глазом?! — подумал я вслух.

— Ты их увидишь, наверняка увидишь, Гера. Ещё и разговаривать с ними будешь, — раздался из кухни голос неслышно пришедшего в квартиру учёного. — Ты сейчас Ватиканом занят? — спросил он меня.

— Им, окаянным! — сказал я, несколько растерявшись.

— Я так и понял. А демонюги тебя найдут, не сомневайся. Как только в астрале засветишься — они тут, как тут. Ещё уговаривать тебя будут. Склонять так сказать к сотрудничеству... У тебя всё необычно: и рождение, и имя. И сам ты необычный. Так что не переживай.

— Ну и прогноз у тебя, дядя Ёша! Ты мои мысли читаешь? Научился у старого?

— Не читаю. Мне этого не дано. Но иногда по логике вещей о них догадываюсь... Там ниже у меня написано, что Ватикан в лице Римского Папы благословил поход Гитлера на СССР. Ты дошёл до этого места?

— Пока нет.

— Как видишь, на протяжении веков у них звучит одна и та же «шарманка». Кого только эти римские балбесы не благословляли: и Рыцарские Ордена, и Наполеону Бонапарта, и ставленника Запада — Гитлера! В будущем ещё кого-нибудь благословят. Наверное, Америку. Все они там один миром мазаны, — закончил свою речь из кухни специалист по Западу.

Выслушав историка, я стал просматривать распечатку учёного о Лондонском Сити.

— Ну как тебе гнойник Лондона? — закончив свои дела на кухне, зашёл в комнату дядя Ёша. — Сити — это мировой финансовый центр. Там заправляют Ротшильды, Варбурги, Оппенгеймеры и Шиффы. Самые крупные банковские дома планеты. Точнее, ростовщические. Им напрямую подчинено правительство Британии. Из Сити контролируются и другие Европейские правительства. Но смотри, как любопытно, — уселся на своё место историк, — вроде бы все эти Ротшильды, Шиффы и подобные им — такие могущественные, но всеми ими

заправляет хабад. Хабадом же бесструктурно манипулируют деятели из Ватикана. Над апостолами стоят сам знаешь кто... Последними же, по твоей терминологии, управляют недобитки из мёртвой Атлантиды. Ну а дальше просматриваются уже нелюди.

— Что-то ты ничего не сказал про иллюминатов и масонов? — заметил я.

— Все эти Ротшильды, Оппенгеймеры, Варбурги и другие крупные банкиры и составляют корпус иллюминатов. Для них еврей Вейсгаупт и трудился, создавая Орден. Многие смеются и иронизируют: дескать, если в кране нет воды, значит, выпили жида! Но ведь на самом деле так оно и есть. Чтобы на Земле не происходило, иудеи самые активные. Вот и этот Вейсгаупт тоже. Хотя он выполнил заказ. Но в целом это дело не меняет. Масонские ложи на ступеньку ниже иллюминатов, так что о них говорить не будем.

— Но ты говорил, что хабадники управляются тёмным жречеством? — припомнил я.

— Ну а кто такие ватиканские апостолы? Они и есть видимая часть тёмного жречества. Его орган структурной и бесструктурной связи.

Дядя Ёша, глядя на меня, почему-то улыбался. Пальцы же его рук стучали по столу как по клавишам фортепиано. У него было явно хорошее настроение.

— С Сити и с Ватиканом, Гера, думаю, ты разобрался. Римский «чирей» — их духовно-идеологический центр, вернее — бездуховный. Лондонская опухоль — центр финансовый. Военным центром является Вашингтонская Колумбия. Она финансирует все их военные научные разработки, мировую разведку и ведение войн. В Колумбии заседают наряду с банкирами из избранного народа ещё и сионисты-христиане.

Я имею в виду дома Рокфеллеров и Морганов. И те, и другие демонюги похлеще евреев. У них особая хватка. Потому их и ценят хозяева проекта... О ватиканской заразе прочтёшь потом. Пойдём лучше попьём чайку и отдохнём от наших разговоров.

— С чего ты вдруг, дядя Ёша, стал таким весёлым? — спросил я его вставая, и направляясь к столу. — Улыбаешься, как майский жук!

— Как кто? — рассмеялся учёный.

— Как майский жук...

— Какое странное у тебя сравнение? Я наверное на самом деле похож на жука. Только не на майского, а на навозного!

— Как так? — растерялся я.

— Такой же толстый и неуклюжий, и копаюсь всё время в социальном дерьме! — продолжал подшучивать над собой историк. — А весёлый я от того, что мне пришло в голову подарить тебе все три свои папки. И никаких возражений! Тебе они нужнее...

— Я чувствую себя каким-то грабителем, — сказал я. — Как же ты?

— У меня остались и черновики, и другие распечатки, так что я не ущемлён. А ты, добравшись до дому, всё подробно изучишь. Потом этот материал для тебя станет ценнее золота. Представь, никому из простых смертных не приходит в голову, что самостоятельного государства Соединённых Штатов Америки на Земле нет, — разливая по кружкам чай, сказал учёный.

— А что же тогда есть? — открыл я от его утверждения рот.

— Корпорация, огромная военно-промышленная корпорация. Которая была создана Западом в противовес Российской Империи. И подчиняется она через колумбийских недолюдков Лондонскому Сити. Заметь, ни один американец, будь он даже президентом, не имеет право на дворянский титул. Не кажется тебе это странным?

Я задумался: то, что историк говорит правду, сомнения не вызывало.

— Так выходит, что Америка проиграла освободительную войну Британской Империи?

— На бумаге Соединённые Штаты победили, но фактически всё наоборот, Гера. Масоны,

отцы североамериканского государства и его конституции, обманули свой народ. Соединённые Штаты так и остались под пятой английской короны. Ты, я думаю, догадался, для чего был создан на Земле институт Британских коронованных особ? Получил подсказку от египетского символа власти — пчёл? Так? — посмотрел на меня учёный.

Я кивнул.

— Английская корона олицетворяет собой пчелиную матку, — продолжил свои объяснения дядя Ёша. — Всему миру внушается, что она не имеет власти. Дескать, занимает трон как дань традиции. Но это далеко не так. Да, британская королева сама не правит, но она делегирует власть. Королева стоит над властью. Вручает высшую власть достойным.

— Почти богиня? — спросил я.

— Догадка правильная. Британская королева и есть богиня Западного мира. Для жрецов, понятно, бутафорная, но не для банкиров, владельцев промышленных предприятий и лордов. Королева по конституции имеет право отправить в отставку премьер-министра и любого чиновника империи.

— Из твоих слов получается, что Британская империя всё ещё существует? — не переставал удивляться я.

— Империя рухнула только на бумаге, юноша. Для обывателей, но не для посвящённых. Представь, 44 страны Британского содружества приносят присягу не просто Лондону, но, прежде всего, самой королеве! Не народу, а пчелиной матке... В их числе находятся и США. И потом, что более всего впечатляет: все земли сотрудничества принадлежат не нациям и народам, а королеве Британии.

— Ничего себе! — искренне изумился я. — И это по конституции входящих в него государств?

— По конституциям стран составляющих сотрудничество земля принадлежит народам. Но дело в том, что законы государств Британского союза подчинены конституции метрополии. Английские же законы утверждают, что всей землёй в империи распоряжается королева. Видишь, как ловко? И ещё одна интересная деталь: налоги из США, Канады, Австралии и из других стран содружества поступают не в государственный Британский банк, который, кстати, контролируется главным «визирем» королевы — Ротшильдом, а самой британской королеве. И она передаёт их своему министру финансов — тому самому «визиру». Королева Британии может больше, чем любой президент, Гера. Только от простого народа это «за семью печатями». Людям внушают совсем другое... Например, королева может дать дворянский титул, но имеет право его и отнять. Может потребовать установления того или иного закона.

— А парламент тогда зачем? — спросил я.

— Для камуфляжа. Что-то вроде фигового листа — для прикрытия их лживой демократии... Только всегда надо помнить, что британская королева лицо управляемое. Она обладает властью в пределах дозволенного.

— Что-то вроде Хазарского кагана?

— Не совсем, — пододвинул ко мне тарелку с пирожным хлебосольный хозяин. — Хазарскими каганатами управляли беки или цари. Королевой же манипулируют те, кто её создал. Влияют на неё так, что она это всегда ощущает. В свою очередь, Елизавета II является признанным лидером чёрной европейской аристократии.

— Кто это ещё такие? — насторожился я.

— Мы о них с тобой уже говорили. Те самые, которые ещё с XII века стали смешивать свои арийские гены с семитскими. И теперь, важные как индюки, доказывают всему миру, что они являются потомками самого патриарха Авраама!

— Как ты говорил — вшивого и вонючего извращенца.

— Вшивого я не говорил, — засмеялся историк. — Насчёт вонючести было! Кочевники-скотоводы редко моются. Тем более, бань они не знают. Хочешь назову тебе фамилии чёрной аристократии Европы?

— Конечно хочу! — чуть не подавился я пирожным.

— Тогда слушай, — отодвинул от себя чашку выпитого чая искатель истины. — В Германии это Гоноверы, в Австрии — Габсбурги, в Нидерландах — Оранги, в Британии — Гвенсы. О более мелких «родственниках патриарха» ты найдёшь в моей папке. Запомни, самое главное, все вышеназванные господа не масоны, нет — все они, как и еврейские банкиры из Сити или Колумбии — иллюминаты. Королева Британии возглавляет 300 подобных семейств! Фактически это её евро-американское аристократическое окружение. Вся вышеназванная сатанинская гвардия составляет несколько групп влияния. Первую ты хорошо знаешь, это всем известный ООН. На каббалистическом языке — организация одной нации. Так как во главе её стоят в основном богоизбранные. Вторая мощная влиятельная группировка называется «Бильдербергским клубом». Она возникла в 1954 году, когда был взят окончательный курс на разрушение Варшавского блока. Третье сборище иллюминатов называется «Комитетом по международным отношениям». Четвёртое их банковское формирование — «Римским клубом». В Британии существует ещё и «Королевский исследовательский институт по международным отношениям». И завершает иллюминатские ложи так называемая «Трёхсторонняя комиссия». Заметь — шесть организаций. Ни больше, ни меньше. Сатанинское число. Я вижу, от моих слов у тебя пропал аппетит? А я ведь тебе почти ничего и не рассказал? Что же с тобой будет, когда начнёшь подробно изучать мои записи? Совсем есть откажешься? — пошутил историк, показывая на сыр и нарезанную колбасу.

— Извини, дядя Ёша, я немного задумался. Сейчас наверстаю.

— Как говорят — война войной, а еда едой. Одно другому мешать не должно, — продолжил он, подливая в мой стакан чаю.

— Мне действительно от твоих слов стало немного не по себе, — сказал я. — Неужели все эти ополоумевшие властолюбцы и паразиты загонят человечество в тупик?

— Они уже его загнали, Гера. Посмотри, что делается на Западе! Духовные ценности ни во что не ставятся, признаётся всё только материальное. А каким стало западное общество в результате знаменитой сексуальной революции? Стая беспорядочно совокупающихся между собой человекообразных обезьян. А западная массовая культура? Это же ужас! Полное отсутствие всякой культуры... Ещё немного и весь этот кошмар подобно цунами хлынет на нас. Выдержит ли природная русская духовность этот удар, вот о чём я думаю. Хочется верить, что выдержит. Но потери будут огромные, Гера.

— Что же нам тогда делать? — задал я свой любимый вопрос.

Несколько секунд учёный, наслаждаясь горячим чаем, молчал. Он

смотрел перед собой и о чём-то думал. Потом, поставив подстаканник на стол, сказал:

— Для начала давай подытожим, какие вопросы мы с тобой разобрали, юноша. А потом вместе решим, что делать? Со второй половины XX века Запад взял курс на уничтожение на планете белой расы. Фактически, против потомков ариев ведётся генетическая война. В Европе и Америке пропагандируются межрасовые браки. У нас, в Советском Союзе, межнациональные. Этот вопрос мы подробно с тобой разобрали. Более того, коснулись отношения с Китаем. Рассмотрели «Поднебесную» как придаток Запада. Более того, разобрались с подлинной её историей. И на примере хронологических событий пришли к выводу, что китайский этнос тысячи лет черпает энергию, которая поступает к нему из эгрегориальной системы Амона. Перед нами стал вопрос, зачем Китай так нужен тёмным? И без особого труда выяснили, что из китайцев получают лучшие в мире рабы. Ими в будущем тёмные и намерены заменить

русских. Причём на нашей же земле. Путём мирного переселения и генетического смешения. Чтобы процесс пошёл побыстрее, русским девчонкам относительно китайцев будет проводиться тотальная промывка мозгов. Дескать, китайские мужики не пьют, они более трудолюбивые и сексуальны. Русские же мужчины все пьяницы и лентяи. На эту тему на нашем Дальнем Востоке разговоры уже ведутся. Дела, как видишь, идут.

— Положим, такие подробности мы с тобой не разбирали, — покосился я на историка.

— Ну и что? Мы их подразумевали. Потому что все свои действия тёмные творят посредством управления сознанием. Это их главное оружие, — оборвал меня дядя Ёша. — Ты лучше не перебивай, а вспоминай наши занятия. О чём мы с тобой ещё говорили?

— О Сатане! Как он устроен и каким образом взаимодействуют между собой его ветви.

— То, что эгрегор Амона и Дьявол одна и та же полевая структура заметил ещё Иисус, знал бы он, что к иудейскому стволу пристроят ветвь с его именем?! — задумчиво сказал эзотерик. — Хорошо! Думаю, с искусственно созданной, постоянно требующей человеческих жертв полевой энергоцентральной, тебе всё ясно.

— Дальше мы коснулись накопления «избранным народом» своих несметных капиталов. Разобрали торговлю китайским шёлком и рабами. Потом занимались русской хронологией. Ты подробно рассказал мне о гибели Русского каганата. Кто такой был Гостомysl и зачем он пригласил на Русь братьев лютичей, сыновей своей дочери. Но больше всего мне понравилось, как ты разобрался с правлением равноапостольной Ольги. Кто она была на самом деле и кому служила, — стал перечислять я разобранные нами темы.

— А что скажешь о Светославе? — спросил историк.

— Насчёт Светослава Игоревича — полностью с тобой согласен. Он являлся великой личностью! Жаль, что о нём, каким он был на самом деле, почти никто ничего не знает.

— Светослав, Светослав! Где ты, Светослав? Как ты нужен сейчас своему народу! — подымаясь из-за стола, вздохнул учёный. — С тобой всё ясно: ты усвоил материал не хуже меня. Пойдём, я тебе что-то покажу.

Мы вместе вошли в кабинет к историку и дядя Ёша, кивнув мне на кресло, вытащил из-за шкафа какой-то свёрток. Когда он его развернул, я увидел перед собой длинноствольное новенькое курковое ружьё.

— Это бельгийской фирмы «Пипер-Баярд», калибр 20 — оно теперь твоё! — протянул мне стальную вороненую игрушку учёный.

— Ты что делаешь, дядя Ёша?! Такой подарок я не имею права взять! — растерялся я. — Тем более оно на тебя записано...

— Ружьё на мне не записано. В милиции числится давным-давно утопленным. Так что забирай, не стесняйся! С ним я немало походил по Кольским тундрам. Ружьё только с виду новое... На самом деле лет этой двадцатке как и мне. Главное, ты береги его! Дарю ружьё тебе на память. Чтобы ты не забыл меня...

Я не знал что делать. Дядя Ёша протягивал мне своё драгоценное ружьё, и я понимал, что отказываться от такого подарка нельзя. Но и взять его я тоже не мог. Передо мной было оружие, которому не было цены! Такие подарки не дарят...

— Тебе оно нужнее, чем мне, Гера. Ты же сибиряк. И путешествовать тебе по этой первозданной земле придётся ещё долго.

— Но у меня есть ружья...

— Такого, наверняка, нет! — улыбнулся историк. — Оно лёгкое и посмотри, какие стволы! Хоть и двадцатка, а бьёт не хуже двенадцатого калибра.

Что было делать? Я взял из рук историка бельгийку и в знак благодарности обнял его.

— Спасибо тебе за подарок, дядя Ёша, но мне право так неудобно... Хоть и не хочу, а

граблю тебя!

— Совсем не грабишь, просто ружьё приобретёт новую осмысленную жизнь. Перестанет быть металлоломом, — обрадовано сказал учёный.

— У меня к тебе просьба, дядя Ёша, — перевёл я разговор на другую тему.

— Всегда к твоим услугам, — посмотрел он на меня.

— Что-то мне не хочется уезжать завтра из Колы. Разреши побыть ещё пару деньков? Я бы хотел познакомиться с твоими книгами «Антибиблии». О трёх папках ты мне кое-что поведал, но что у тебя собрано в двух последних книгах не знаю?

— Честно говоря, я и сам тебе хотел предложить остаться, — обрадованно сверкнул своими чёрными глазами учёный. — Потому и намекал, что тебе надо многое прочесть. Прекрасно! Тогда жаренные цыплята в маце со специями у нас будут на ужин! Будем обмывать подарок и решение продолжать работу.

Поздно вечером, после царской трапезы и долгих разговоров о жизни, дядя Ёша, обратившись ко мне, сказал:

— У меня, Гера, к тебе немаловажная просьба. Когда познакомишься с моими работами, немного подожди. Не торопись с поездкой по другому адресу. Я чувствую, что тебе захочется ещё куда-нибудь махнуть. Дай своему сознанию привыкнуть к тому, что от меня услышал и ещё узнаешь. Так будет лучше и тебе, и тем, к кому ты собрался. К тому же, в стране вскоре грянут такие перемены, что станет какое-то время не до путешествий... Подожди хотя бы года два-три. Я согласно кивнул учёному.

Неожиданный бой часов вернул меня к действительности. Улетучившиеся воспоминания оставили в глубине души след чего-то навсегда утраченного и в то же время необыкновенно дорогого и близкого. Я взглянул на стенные куранты и не поверил своим глазам: прошло не многим более получаса! За такое короткое время я вспомнил буквально всё, чем жил тогда в Коле. О чём мы с дядей Ёшей говорили, и что я прочёл в его книгах и рукописях...

«Интересно, чем он сейчас занят, этот еврей-отступник? Наверное, продолжает работать со своей «Антиторой». Хотя вряд ли: той фактологии, которую ему удалось собрать и обобщить, и так вполне достаточно, чтобы свести с ума любого традиционалиста!» — невольно улыбнулся я, вспоминая свои впечатления и эмоции во время работы с материалами историка. Чтобы описать то, что я у него нашёл, потребуется целая жизнь! Удивляло то, что антрополог почему-то не собирался публиковать свои открытия. На мой вопрос он коротко сказал:

— Рано, Гера! Лет эдак через 50 может кто-нибудь и опубликует, а сейчас рано. Обыватели к тому, — он указал пальцем на «Антибиблию», — что здесь написано, ещё не готовы, а про учёных мужей и говорить нечего. Узнай ортодоксы, чем я занимаюсь, они закопают меня заживо!

«Дядя Ёша был прав. Фактология, собранная учёным, рушила все привычные стереотипы! И я был очень благодарен ему, что он позволил мне прикоснуться к своему самому сокровенному».

С этими мыслями я поднялся из-за стола и вышел на крыльцо дома.

Всё также крупными хлопьями валил снег. На противоположной стороне реки горели огни ночного города. Было удивительно темно и тихо.

«Вот какая первая ночь зимнего солнцестояния двухтысячного?! Сказка да и только!» — думал я, подставляя разгоряченное лицо падающим снежинкам.

Снежинки падали, таяли на щеках и каплями воды катились за ворот рубахи. Но мне было почему-то приятно.

«Ночь воспоминаний прожитого семнадцатилетия! Семнадцатилетия дорог и странствий! Но какие они сегодня яркие, мои воспоминания! Странно, почему? Наверное, что-то в природе всё-таки меняется. И душа это почувствовала. Поэтому и воссоздает такие яркие образы прошлого. Своего рода итог оставленного позади, — думал я. — А всё-таки хитрюга историк: на мой вопрос: «Что же делать?» так и не ответил. Как он мне сказал тогда на прощание: «Этот вопрос задаёте, как правило, вы, русичи, но не мы, русские евреи, татары или армяне, поэтому ответить тебе я на него не могу. Ответ ты должен найти сам! Только тогда ты поверишь в будущее». Конечно же, дядя Ёша был прав. Ну что он мне мог посоветовать? Только пойти повеситься или удавиться?»

Подышав свежим воздухом, я снова вернулся в дом и, подойдя к открытому сейфу, вынул из него подарок учёного. Вот уже как семнадцать лет бельгийка Пипера служит мне верой и правдой! Чудо- ружье и лёгкое, и мощное! Самое то, для экспедиций и дальних походов. Бывший хозяин двустволки мне тогда сказал:

— Чтобы я его, русского еврея, не забыл. Да разве можно забыть тебя, дядя Ёша? Таких как ты не забывают!

На столе всё также горели свечи. И я поднеся двадцатку к свету, стал рассматривать её вороненую сталь. Как я её ни берёг бельгийку, но следы от наших общих дорог на ней всё-таки остались. Заметно побелели курки, и на ореховой ложе появились новые царапины. Я помнил на оружии каждую потертость и ссадину. Вот эта появилась на Большом Югане, когда в районе юрт Ярцевовых я добывал на зиму глухарей. Тогда неаккуратно прислонённая к стене бельгийка

упала на пол и задела рядом стоящую кастрюлю. Вот эта царапина появилась на её ложе в вершине Таза — в районе посёлка Рагта. А эта уже на Колыме, когда течением перевернуло лодку и ружьё утонуло. Я его нашёл тогда на гальке, среди донных валунов и острых камней.

— Ты ведь не стояло у меня в шкафу, — обратился я к оружию. — Так что извини! А потом шрамы война только украшают, — положил я На место подарок историка.

«Вспоминать так вспоминать, — подумал я про себя. — Таков сегодня день, вернее ночь. В новое тысячелетие я должен забрать из предыдущего всё позитивное и нужное, негативное же постараюсь забыть».

Налив себе бокал гранатового сока и поудобнее усевшись в кресло, я снова погрузился в прошлое.

«Что же там было ещё замечательного, на Мурмане? — стал перебирать я в памяти. — Пожалуй, после прощания с дядей Ёшей ничего... Хотя нет, кое-что было! Удивил один странный пассажир. Студент-третьекурсник, ехавший из Мурманска в Ленинград на учёбу».

Мальчишка, сидя напротив, с увлечением дочитывал «Порт-Артур» Степанова. По его лицу было видно, что юноша искренне переживает гибель любимых героев и сдачу крепости японцам. Закончив последнюю страницу, он закрыл книгу и, увидев, что я с интересом за ним наблюдаю, спросил:

— Вы читали Степанова?

— Читал, — кивнул я.

— Тогда объясните мне, пожалуйста, если, конечно, можете, зачем некоторые русские офицеры, такие, как, например Фок, Сахаров и другие, желали поражения России в войне с Японией?

Вопрос был не в бровь, а в глаз. Прямой и по существу.

— Как тебя звать? — спросил я студента.

— Ярославом, — почему-то покраснел юноша.

— Подходящее имя! — улыбнулся я. — Тут вот какое дело, Ярослав. Все эти офицеры, скорее всего, были потомками русского дворянства, — начал я свои объяснения. — Потомками бывших помещиков-крепостников, которых из поколения в поколение учили ненавидеть свой же народ. Это с одной стороны. С другой, все они, как и их предки, пресмыкались перед Западом и вообще перед иностранщиной. Страдали чужебесием! Есть такая у нас болезнь, у русских... И, в третьих, они люто ненавидели царскую фамилию. Ведь это она, в лице Александра II, отняла у них крепостных... Заставила из паразитов превратиться в социально активных, фактически в тружеников. Все эти факторы и толкнули потомков дворян в масонские ложи. Масоны же служат не Родине, а ордену, а на кого работает орден, ты, я думаю, догадываешься.

— Смутно, но догадываюсь, — сказал Ярослав. — На того, кто его создал и финансирует...

Последние слова юноши меня удивили. Парень, как я понял, был не промах. Тут либо интуиция, либо откуда-то полученное знание.

— Теперь я понимаю, почему к русской интеллигенции у большевиков было такое презрительное отношение... Почему Менделеев, Попов, Бутлеров, Егор Клаееен и даже Лев Гумилёв себя к ней не относили.

Упоминание имени Егора Классена меня искренне удивило.

— Неужели ты читал Классена? — спросил я Ярослава.

— Кое-что из того, что нашла для меня мама, — сказал он просто.

— А кто она у тебя? — не замедлил я с новым вопросом.

— Учитель истории в одной из школ Мурманска. Кстати, она хорошо знает того дяденьку, который вас провожал, — заулыбался студент.

«Так вот оно что? — отметил я про себя. — Теперь понятно, откуда у твоей мамы,

Ярославушка, появился Егор Классен! Дядя Ёша, как всегда, в своём репертуаре! Подсунул кому нужно работы русского антинорманиста...»

— А папа твой кто? — снова спросил я интересного парня.

— Папа у меня работает на Кольской Сверхглубокой, — с гордостью в голосе сказал Ярослав. — Он иногда такие интересные вещи рассказывает, что аж не верится...

— А кто он у тебя?

— Учёный, геолог! Таких, как он, там много. На Сверхглубокой работает целый институт. Но у моего «Па» своя тема, и она серьёзная!

— Расскажи, если не секрет, — попросил я разговорчивого попутчика.

— Секретов никаких нет. Раньше, правда, дела на Сверхглубокой были «за семью печатями», — начал повествование о работе своего отца юноша. — Но после смерти Андропова всё резко изменилось. В наши дни можно говорить о многом. Вы должны знать, что на Кольском полуострове слой осадочных пород не толстый. Потому на нём и была запущена Сверхглубокая.

— По образованию я ещё и геолог, поэтому то, о чём ты сейчас сказал, мне известно, — кивнул я.

— Но вы наверняка не знаете, что с глубины полтора километра здесь на Мурмане были подняты породы, идентичные лунным! Вы представляете, какое это открытие?!

— Представляю, Ярослав, хорошо это представляю, — к явному огорчению студента, спокойно сказал я. — Скажу тебе больше, что по всей видимости, Луна — наш естественный спутник — рукотворна!

— Надо же! — открыл от удивления рот Ярослав. — Мой папа утверждает то же самое.

— Какое же у твоего папы задание? — спросил я, уверенный, что оно ему спущено сверху, к тому же противоречит убеждениям инженера-геолога.

— А как вы догадались о задании? — посмотрел на меня со страхом студент.

— Догадался из твоих слов, — улыбнулся я.

— Доказать, что лунный грунт и образцы, поднятые буровой с глубины полутора километров, абсолютно разные. А мой папа хочет сделать всё наоборот — сказать людям правду...

— Твой папа — герой! Так ему и передай, — сказал я юноше. — И ещё расскажи ему то, что сейчас от меня узнаешь.

В купе мы были двое. И я, понимая, что студент-мальчишка одарённый и умный, поведал ему удивительное предание о строительстве Луны. Для чего Луна была создана, и какую роль она выполняет. Юноша, не перебивая, внимательно выслушал меня, а потом задумчиво сказал:

— Теперь я понимаю, почему базальты Луны и Земли должны быть разными. Чтобы скрыть подлинную историю человечества. Доказать недоказуемое, что мы все произошли от обезьяны...

Интересно, что студент не спросил, откуда у меня поразившее его знание... Он смотрел мне в глаза как человек, который всё понял, и теперь он просто радуется встрече. Единственный вопрос, который юноша мне задал, так это относительно своего отца. Что ему в такой ситуации делать?

— Проще всего внезапно заболеть и перевестись на другую работу, — посоветовал я студенту. — Уговори, чтобы он это сделал. Своим научно-гражданским подвигом твой папа ничего и никому не докажет. «Они» найдут других. Продажных и запуганных, которые сделают то, что «они» сейчас ждут от твоего отца. Плетью обух не перешибить! Во всяком случае на официальном уровне. Пусть проведёт свои исследования и опубликует их в среде молодёжи и студентов. Подпольно, самиздатом. Лучше под псевдонимом, — посмотрел я на озадаченное лицо юноши.

— Я ему всё это передам, — грустно сказал он. — Но захочет ли па идти этим путём? Вот вопрос!

— Если он умный, то захочет, — попытался я его успокоить.

— Что же, как говаривал когда-то Сталин: «попытка не пытка», — улыбнулся глазами Ярослав. — Попробую его уговорить....

— Надо это сделать. Иначе коллеги твоего па подымут на смех, а то, чего доброго, попытаются спровадить и в «жёлтый дом».

От последних моих слов студент вздрогнул.

— Неужели «они» могут пойти и на такое? — тихо спросил он.

— Эти бесы от политики и науки могут всё. Относительно них иллюзий не надо... Лучше от прямого столкновения уклониться. Делать своё дело с умом, никого специально не раздражая.

— Но ведь «в мешке шила всё равно не утаишь»: когда-нибудь всё потаённое становится явным, — грустно заметил умный мальчик.

— Это так, — согласился я. — Но когда ты всё сказал и тебе больше сказать уже нечего, пусть беснуются! Дело-то сделано!

— Вы правы, — согласился Ярослав. — Если уж идти на рожон, то с пользой для дела!

Глядя на попутчика, я понял, что надо срочно поменять тему. Иначе парень может соскочить на ближайшей станции и отправиться назад в Мурманск.

— Ты вот что, — сказал я ему. — Пока не пори горячку. Будет окно в учёбе, приедешь и всё отцу объяснишь. А ещё лучше возьми и позови его к себе в Ленинград.

— Правильно! — обрадовался Ярослав. — Я так и сделаю. Отец ко мне часто приезжает... А вы кто будете? — задал он мне наконец свой вопрос. — Вроде не похожи на профессора, но владеете серьёзным знанием.

Пришлось юноше рассказать немного о себе. О том, что я из Сибири и направляюсь снова туда. В Мурманске же был в командировке. И с приятелем его матери познакомился случайно. Когда я коснулся еврея-отступника, в глазах Ярослава мелькнула усмешка. Я понял, что всему тому, что я ему рассказал, юноша не поверил.

«Почему? — невольно мелькнуло в сознании. — Наверное, что-то мальчишка об историке знает? Ну что же — тем лучше! Думаю, он меня понял. И, конечно же, не осудит».

Остальную часть пути до Ленинграда мы говорили с Ярославом о нашей современной науке и об искусстве, коснулись даже восточных единоборств. В основном он задавал вопросы, а я старался на них обстоятельно ответить. Перед тем как расстаться, Ярослав, посмотрев на меня, вдруг сказал:

— Знаешь, Георгий (мы к этому времени перешли на «ты»), я бы хотел найти тебя в Сибири. Ты можешь дать мне свои примерные координаты? Мне осталось доучиться всего два года. Постараюсь получить свободный диплом и приехать...

— Зачем? — чуть не выпалил я, растерявшись. — Тебе что, делать больше нечего как удовлетворять посредством моей персоны инстинкт своего любопытства?

— Не подумай обо мне плохо, — опустив глаза, сказал Ярослав. — Если я и приеду, то ненадолго. И мешать я не буду. Наоборот, постараюсь помогать. Если бы ты знал, Георгий, насколько в жизни я одинок. Чужой даже в своей семье. Почему-то вижу всё не так! И делаю тоже! Так уж получилось, что обывателем я не родился. Знаешь, как мне с тобою было легко! И потом, я тебя один раз во сне видел. Какие-то горы, озеро, ты и ещё кто-то...

Взглянув в глаза Ярославу, я понял, что парень не врёт. Он говорит правду. И, решившись, я дал ему томский адрес своего друга.

— Знаешь, студент, — сказал я ему. — Точно, где я буду через два года, даже Богу

неизвестно. Но этот человек нас с тобой свяжет. Не потеряй, — протянул я ему бумажку.

— Нет, не потеряю, — пожал он мне руку, спрыгивая на перрон.

— Сообщи, как пойдут дела у твоего отца, — махнул я ему рукой на прощание.

Глава 19. Загадочная смерть

«Интересно, где этот парень, и жив ли он вообще? — размышлял я о Ярославе. — Прошло с нашей встречи почти 17 лет. И я тоже молодец' дал ему адрес человека, который через год неизвестно куда исчез, а его старинный деревянный дом вскоре попал под снос... Может, Ярослав что-то и писал? Хотелось узнать о судьбе его отца. Последовал он моему совету или нет?»

Ночь размышлений и воспоминаний. Ночь прощания с прошлым. Но Ярослава забывать почему-то желания не было. Его яркий образ до сих пор стоял в памяти. Особенно последние слова об одиночестве.

«Неужели его жизнь всё-таки подмяла? — закрадывалось сомнение. — Если нет, и он жив, то мы наверняка встретимся, и пусть мои намерения о будущей встрече продолжат своё действие и в новом тысячелетии... С кем бы я ещё хотел повидаться? — спросил я себя. — Сколько прекрасных друзей подарила мне жизнь! Людей самой высокой пробы. Именно они, эти люди, пробудили во мне жажду познать и понять происходящее. А с чего всё началось? Со знакомства с Юрием Петровичем Суровым. Бывшим главным лесничим Алтайского Государственного заповедника. С человеком очень образованным и умным».

Он тогда возглавлял лабораторию ресурсоведения при Томском НИИББ. Это Юрий Петрович уговорил меня после окончания геолого-географического факультета получить ещё и биологическое образование. И я в том далёком 1974 году, следуя его совету, перевёлся на заочное отделение биолого-почвенного факультета. Осенью того же года меня взяли охотоведом в Белоярский КЗПХ. И я переехал из Томска на северо-восток области. Именно работа охотоведа с её охото-устроительными поездками по незаселённым местам Среднего Приобья и столкнула меня лицом к лицу с тайной белой расы Сибири. Будучи человеком по своей природе любознательным, я стал интересоваться фольклором местного населения. Их древней культурой, в особенности, преданиями обских угров, селькупов и эвенков о приходе их Монголоидных предков на север. И что же я услышал? О людях, которые молились вместо духов Солнцу! Сначала в такие предания я не верил. Но получилось так, что поверить мне всё-таки пришлось. Через год как я перебрался из Томска в Верхнюю Кеть, в середине сентября ко мне нагрянул Юрий Петрович Суров. Завлабораторией хотел осмотреть старые Орловские гари. Обычно на них хорошо разрастался брусничник и подымались целые плантации «медвежьих ушек». Поездку вверх по реке мы намеревались совершить примерно через неделю. Но так получилось, что уже через два дня наши приготовления закончились. И мы бы благополучно уехали, если бы не звонок конторы. Меня срочно вызывали в Белый Яр. Загрузив лодку бензином и наказав Юрию Петровичу обязательно меня дожидаться и самому вверх по Орловке не ездить, я помчался на своей дюральке в районный центр. Пробыл я в Белом Яру всего два дня. Но когда вернулся, Сурова в моём доме не оказалось. На столе лежала записка: «Георгий, прости, приехали с озера Турэ эвенки, поеду на их лодке. Найдёшь меня у них на стойбище. Юрий». То, что Юрий Петрович уехал вверх по реке с эвенками, меня успокоило. Эти люди учёному всегда помогут. Но в душе почему-то несмотря ни на что было тревожно... Два дня я занимал себя различной работой. Но тревога моя почему-то всё равно не утихала. На третий день какая-то сила подняла меня в четыре утра. Я почувствовал, что случилась беда и надо срочно ехать. Собрался я за 15 минут. Почти бегом перенёс в лодку баки с бензином, отцепил с поводка свою охотничью лайку и, прыгнув в «казанку», завёл мотор. Двадцатка работала исправно. Дюралька, рассекая гладь Орловки, летела как птица. Поворот сменился новым поворотом, но мне казалось, что лодка еле тащится.

«Скорей! Скорей! — рвалось что-то внутри. — Надо успеть! Обязательно успеть!»

Промчавшись больше 80 километров, я увидел впереди себя первый залом.

«Всё, дальше хода не будет, — припомнил я объяснения одного из охотников эвенков. —

Теперь придётся идти пешком».

За кустами я увидел стоящие у берега долблётки.

«На одной из них доехал сюда Юрий Петрович, — отметило сознание. — Ничего, до озера здесь рядом. Вот исток! Места знакомые, добегу, — подумал я, на ходу набрасывая на плечо ремень своего «зауэра».

К чумам эвенков я не шёл, скорее бежал. Подгоняла нарастающая тревога. Выйдя из своих берестяных жилищ, оленеводы и охотники меня даже испугались.

— Ты почто такой возбуждённый, Георгий? Неужели посёлок Центральный сгорел? — подошёл ко мне, протягивая руку для приветствия, Борис Леонтич — старший рода.

— С Центральным всё нормально. Пока ещё не горит. Скажите мне, где Юрий Петрович? Среди вас я его что-то не вижу!

— У него что, жена умерла? — участливо посмотрел на меня брат

Бориса Леонтича.

— С женой не знаю, ответьте, где Суров? Почему не можете? — окинул я раздражённым взглядом столпившихся эвенков.

— Вчера утром он с Колей, моим сыном, ушёл вверх по Орловке, — показал своей единственной рукой на речку Борис Леонтич. — Пойдём к нам, попьём чаю, а потом говорить будем, — добавил глава стойбища.

Пить чай у эвенков означает обильный обед до вечера — я это уже знал. Поэтому, поблагодарив за приглашение и отдав в подарок охотникам несколько пачек тозовских патронов, я сразу же отправился вслед за ушедшими. Выше эвенкийского стойбища бывать мне ещё не приходилось. Но в голове была карта местности, к тому же рядом среди бескрайних беломошных боров текла Орловка. Кроме того, я знал, что в 30 километрах от озера на одном из ручьёв рядом с речкой стоит охотничья избушка.

«Скорее всего, — думал я, — туда и ушёл Юрий Петрович со своим проводником. Коля Лихачёв охотник-олeneвод эту избушку знает, как свои пять пальцев, к ней он и увёл учёного».

До самого вечера я шёл по объединённым оленями ягельникам вдоль Орловки, не обращая внимания ни на взлетающих с земли глухарей, ни на мелькающих между соснами тетеревов. Моя собака то и дело принималась облаивать усаживающихся на вековые сосны птиц, но, видя, что меня они не интересуют, бросала свою затею и мчалась вперёд в поисках другой добычи. Один раз Стрелка в галопе убежала за мелькнувшим между соснами лосем. Через несколько минут раздался её лай. Лайка остановила зверя, но ненадолго. Очевидно, лось был опытный и чувствовал, что следом за собакой может появиться его враг — человек. Поэтому лай вскоре прекратился. Раздался он через минут двадцать и так далеко, что еле был слышен. Избушку я нашёл поздно вечером без собаки. Она пришла к ней только под утро. Уставшая и голодная... Я не знал, что и думать: в зимовье никого не было! То, что в нём недавно кто-то ночевал, я сразу понял. В жилище сохранилось тепло, в нём лежали свежие дрова, на столе стояли три стреляные гильзы... Утром на чердаке я нашёл трёх глухарей... Ни Юрия Петровича, ни Лихачёва Коли нигде не было. Куда отправились эти два романтика, я не знал. Но был уверен, что что-то стряслось. И я им обоим необходим. Несколько часов я лежал на скамейке, дожидаясь Стрелку и думая о происходящем. На душе было скверно. К тому же, на дворе стало моросить. Начался затяжной осенний дождь... Очнулся я от того, что заскулила собака!

«Может, пришла одна из лаек Юрия Петровича?» — подумал я, вскакивая со своей лежанки.

Но, открыв дверь, пропустил в избушку мокрую и еле живую от усталости Стрелку.

— Где тебя столько носило?! — проворчал я на неё. — Давай, скорее ешь и сушишь. Ты должна до утра отдохнуть. Теперь вся надежда на тебя, дорогая. Где-то в вершине Орловки пропали люди, и нам надо обязательно их найти.

Я снова растопил буржуйку и попытался уснуть... В душе я надеялся, что дождь всё-таки прекратится, но, проснувшись, понял, что надежды мои были напрасными: тяжёлые свинцовые тучи заволокли всё небо, и из них всё также накрапывал мелкий дождь. Наскоро позавтракав и накинув на себя лёгкий плащ, я двинулся навстречу неведомому. То, что что-то произошло, сомнения не было. Теперь важно было найти пусть не самих людей, но их следы.

«У Юрия Петровича две неплохие лайки. Если собаки живы, то они обязательно отыщутся и, благодаря им многое прояснится», — думал я.

Мой путь лежал на северо-восток вдоль русла Орловки. Кругом стояли всё те же девственные беломошные бора. Кроны гигантских сосен уходили в серое осеннее небо, из туч которого шёл этот нудный холодный дождь. Отдохнувшая Стрелка, чувствуя своим нутром настроение хозяина, далеко от меня не отходила. Она бежала впереди меня метров на сто — сто пятьдесят — двести и уже не обращала внимания на то и дело взлетающих с ягодников копылух и чернышей-глухарей. Ближе к вечеру дождь усилился. К тому же, он пошёл со снегом. Плащ от такого ливня уже не спасал. Если что на мне и было сухим, так это ноги. Но вода, струящаяся по телу, вскоре стала заливать и мои сапоги. Неумолимо наступал вечер, и нужно было подумать о предстоящем ночлеге. Сосняк давным-давно кончился. Теперь я шёл по голой бесконечной гари. Кругом валялись обугленные и сгоревшие деревья. Приходилось их либо обходить, либо перепрыгивать. Наконец я увидел от огня впереди себя полоску живого леса. Подойдя ближе, я понял, что этот лес спас небольшой текущий в сторону Орловки ручей. Речушка несла свои воды среди кочек вытянутого вдоль неё болотца. На болотце и уцелели живые деревья. Удивило то, что на промхозовской карте этого ручейка не было. Карту своего участка я хорошо знал...

— Ну что же, — усмехнулся я. — Мне посчастливилось тебя открыть, обратился я к маленькой речушке. — Значит, по закону, я имею право дать тебе название.

Перейдя ручей и поднявшись на его противоположный берег, я увидел что гарь не кончилась. Она простиралась до горизонта всё такая-же угрюмая и неприветливая... Пересечь её я решил уже завтра. Скинув рюкзак, я по-быстрому из бересты поваленной берёзы соорудил что-то похожее на балаган. И рядом с ним натаскал горельника на надью. Когда разгорелся костёр, на землю легли густые сумерки. Радовало то, что вместо дождя повалил мелкий снег. Высушивая свою одежду и перекусывая, я думал, что снег дело хорошее! Особенно в моей ситуации, когда надо найти следы пропавших. Рядом со мной у огня грелась Стрелка. Она мирно дремала, посматривая на пламя своими умными глазами. По всему было видно, что собака получает удовольствие. Согрившись под треск надьи и шелест падающего снега, я тоже задремал. Но вдруг сквозь сон до моих ушей донеслось злобное рычание собаки. Мгновенно проснувшись, я увидел, что Стрелки рядом со мной уже нет. По неистовому её лаю и рычанию зверя до меня дошло, что в темноте недалеко от гаснущего костра идёт яростная схватка собаки с медведем! Бросив в надью свежего хвороста, босиком по свежеснеговому снегу с ружьём в руках я выбежал из своего укрытия. В темноте в тридцати метрах от лагеря по снегу перемещался какой-то огромный чёрный ком. Вокруг него металось что-то поменьше.

«Это умница собачонка!» — отметил я про себя. х

Я вскинул «зауэр», но стрелять не стал. Медведь убежал в сторону речушки под защиту кустов и кочек огромными прыжками!

«До чего же ты умный! — опустил я оружие. — И наглый! Надо же — подошёл вплотную. Не будь собаки...»

От такой мысли по телу пробежала невольная дрожь.

«Стрелка спасла мне жизнь, это однозначно! А теперь надо спасать её».

Я накинул на себя подсохшую куртку, натянул носки и не одевая сапог, что есть сил побежал на звуки рычания и лая.

«Ах ты, падаль! — ругался я на медведя. — До чего же умная тварь! Заскочил в кочкарник и мечтаешь в нём накрыть собаку?! Ты по согре носишься как бешеный, а для лайки кочки — ловушка! Нет, не дам я тебе её зацепить! От меня ты из кочек сбежишь! На снегу я тебя, подлюка, всё равно увижу!»

С такими мыслями, продираясь на лай Стрелки сквозь чащобу кочкарника, до меня, наконец, дошло, что мы имеем дело с необычным медведем. Поняв мои намерения, он заскочил в ручей и помчался по его руслу вниз к слиянию речушки с Орловкой. За ним сквозь кочки ринулась и моя верная Стрелка. Но, завязнув в кустах и услышав мои крики: «назад», остановилась и, выбежав снова на гарь, вернулась к тлеющему костру. Вся шерсть на собаке от начала хвоста до ушей стояла дыбом! Она тяжело дышала, а из рваной раны на её боку сочилась густая кровь.

— Ну что? — обнял я её. — Если б не ты, мне бы пришёл каюк! Теперь до самой смерти я у тебя в долгу! Давай-ка, посмотрим твою рану?

К счастью, царапина оказалась неглубокой. Скорее всего, собака её получила не от лапы медведя, а от какого-то острого сучка.

Мне не терпелось посмотреть, как близко подошёл медведь к нашему биваку. Но до рассвета было ещё далеко. Поэтому, соорудив импровизированный факел, я отправился искать на снегу следы медведя. Каково было моё удивление, когда я их нашёл в восьми шагах от балагана!

«Подкрался вплотную! — думал я. — И неслышно. Очевидно, собака тоже спала, иначе бы она раньше почувствовала опасность...»

То, что я имею дело с шатуном, сомнений не вызывало.

«Зверь не боится человека! Мало этого — человек для него является дичью. Или тем, кому он за что-то должен отомстить... Может, парней он ухлопал? — думал я, разглядывая на снегу огромный след зверя. — Ну и дела! Во всяком случае, кое-что начинает проясняться».

Я подошёл к костру, подзывая убежавшую вниз по речушке Стрелку, и начал потихоньку готовиться к завтрашнему походу. То, что надо пересечь гарь, я знал твёрдо.

«На гари пропавших искать нечего. Они где-то впереди за ней. Но где? Если медведь их убил, то должны уцелеть собаки. Хотя бы одна. И она не должна уйти от трупа хозяина... День-два лайка будет крутиться рядом. Хорошо, что выпал снег. Все следы как на ладони», — раздумывал я, собираясь в дорогу...

Через несколько часов стало понемногу светать, и мы опять двинулись по старому маршруту. После нескольких часов интенсивной ходьбы гарь кончилась. За болотом начался всё тот же беломошный бор. Сосны, усыпанные свежим снегом, ходили на какие-то сказочные неземные изваяния. Вот на снегу мелькнул свежий след соболя. И Стрелка, взяв его, опрометью бросилась в погоню. Я попытался её отозвать, но не тут-то было. Собака исчезла, и через пять минут раздался её призывной лай. Хорошо, что лайка не где-то, а прямо на моём пути. И я волею-неволей шёл на её лай. Собачонка кружилась вокруг матёрой старой дуплистой сосны. Посмотрев наверх, я увидел в стволе отверстие. Очевидно, туда и спрятался зверёк.

«Молодец, так и надо! — про себя похвалил я его. — Ты такой ушлый, что будешь жить долго!»

Для собаки я сделал вид, что озабочен её добычей. Походил вокруг дерева, постучал палкой по пустому стволу и разведя руками сказал:

— Видишь, бесполезно! Он нас с тобой обманул. Сидит себе в дереве и посмеивается над нами. А срубить мне такую махину, — показал я на старое дерево, — нечем. Моим маленьким топором — не получится. Так что давай, пойдём дальше!

Видя, что я намерен уйти от убежища, Стрелка взвыла!

— Ничего не поделаешь, соболь оказался хитрее нас. Так что пойдём, — настаивал я.

Но собака у логова зверька осталась. Она догнала меня через полчаса. Прибежала на мой выстрел по летящему глухарю.

— Видишь, вот наш ужин, — показал я на крупную рыжую птицу. — Я вот охочусь, а тебя где-то носит!

После своего выстрела я несколько минут прислушивался, не раздастся ли где-нибудь ответный выстрел? Но тайга молчала.

«Никого в радиусе трёх километров вокруг меня нет, — Думал я, шагая по бору. — Что же всё-таки произошло?»

Вокруг была масса следов. Вот прошёл табун диких оленей. Паслись совсем недавно. За ними тут же убежала неугомонная Стрелка. Через полкилометра я пересёк следы крупного медведя. Зверь, выкапывая мордой из-под снега спелую бруснику, некоторое время косолапил параллельно моему курсу. Потом, очевидно, почувствовав меня, ушёл под прикрытие леса. Следы были не ночного призрака. Поэтому, поглядывая на них, я был вполне спокоен. Но тут внезапно раздался лай Стрелки. Очевидно, собака столкнулась с хозяином следов, потому что раздалось и его рычание. Потом лай стал быстро удаляться. Несколько часов я шёл без собаки. Мои глаза цеплялись за следы птиц и зверей в надежде увидеть хотя бы какой-то человека след собаки. Но усилия мои были тщетными. Никаких признаков пропавших! К вечеру я подошёл ещё к одному ручью. Эта речушка на карте была, и я её помнил. Удивило то, что за три дня поисков я покрыл более ста километров!

«Ещё сотня вёрст и дойду до вершины Орловки, — отметил я про себя. — А там куда? В Туруханский край, через водораздельное болото? Но туда пропавшие уйти не могли. Они потерялись где-то здесь. Но где? И самое главное — почему? Что произошло?»

В это время ко мне подбежала запыхавшаяся Стрелка.

— Ты опять меня бросила?! Дался тебе этот косолапый? Он не злой. Вполне мирный медведь. За что ты в него вцепилась? Наверное, заику из него сделала... — смеялся я, глядя на жмущуюся к ноге лайку. — Скоро вечер, и нам надо найти надёжный ночлег!

По упавшему дереву мы перешли ручей и поднялись на его противоположный берег. В километре, вниз по течению речушки, виднелась пойма Орловки. А в двухстах метрах выше, среди деревьев, показалась крыша какой-то неизвестной избушки.

— Ничего себе?! Я и не знал, что тут есть какое-то строение! — обрадовало меня. — Может, ребята сидят сейчас там и попивают чай, а я как угорелый прыжками ношусь по ягельникам? — невольно обозлился я. — Ох, и отругаю же их, если это на самом деле так!

И я почти бегом бросился к странному зимовью. Но подойдя к избушке, понял, что она пуста... Войдя в неё, я увидел на столе огарок свечи и эвенкийский национальный нож. Стало ясно, что пропавшие в избушке ночевали. И недавно. Примерно три дня назад, когда я отправился на их поиск. Я внимательно осмотрел помещение: приличный запас дров говорил, что люди намерены были в зимовье вернуться. Но почему-то не вернулись.

«Что им помешало? И вообще, где они? Почему на столе остался охотничий нож Лихачёва? Вопросы, одни вопросы!»

На дворе стало смеркаться. И я, ещё раз осмотрев жильё, растопил на ночь буржуйку. Забравшись на лабаз, отыскал в углу его бутылку с соляной.

— Теперь у нас с тобой будет свет, — посмотрел я на Стрелку, зажигая керосинку. — Давай

будем готовить ужин.

Я быстро снял с глухаря вместе с перьями шкуру. И нарубив его на куски, залил ручьевой водой.

— Всё, осталось посолить и на печь, — сказал я собаке. — Через час будет готово! — Тут на полке есть ещё и крупа... Интересно, сколько ей лет? И почему до неё не добрались мыши, — дотянулся я до тугого мешочка. — Может, заварить кашу? Как ты думаешь? — спросил я Стрелку.

Было видно, что идея с кашей собаке понравилась. И через час у нас был потрясающий ужин!

— Этого монстра-глухаря нам хватит дня на два, — подкладывал я лакомые кусочки собаке. — За такое время ребят мы найдём. А если задержимся, то добудем кого-нибудь ещё. С нашими способностями мы всё сможем!

Мой план был прост: сделать из избушки базу для поисков. Обшарить вокруг неё всю местность.

«Если никого найти мне не удастся, привести сюда людей. Прежде всего, родственников Коли Лихачёва, эвенков».

С такими мыслями, погасив лампу и забравшись на топчан, я крепко уснул. Было далеко за полночь, когда всполошилась Стрелка. Она соскочила со своего места и с лаем кинулась к двери. За дверью в ответ раздалось рычание какой-то собаки! Открыв дверь, я запустил в избушку уставшего и измученного кобеля эвенка.

— Хедька! — позвал я его. — А где твой хозяин?

«Оказывается, у ребят было не две, а три собаки! Это дело меняет,

— Хедьку я знал, кобель был не хуже моей Стрелки, медведей не боялся. — Значит, дело не в шатуне».

— Я здесь, Гера, здесь, — раздался из темноты голос Лихачёва. — Как хорошо что ты пришёл! Стряслась беда! — перешагнул порог избушки эвенка.

— Давай, Коля, сюда к столу и рассказывай, — зажёл я керосинку. — Ты же весь мокрый, скидывай с себя всё и садись!

— Я потерял Юрия Петровича! — как маленький заплакал охотник.

— Два дня ищу и не могу его найти! — рухнул, не раздеваясь на лавку эвенка. — Как сквозь землю провалился вместе с собаками!

От слов Лихачёва я опешил: чтобы эвенк-охотник и следопыт не нашёл следы пропавшего человека? Это было слишком!

— Давай по порядку, — стаскивая с Николая промокшую одежду, успокоил я его. — И не рыдай. Может, вместе Сурова мы и найдём? Где-нибудь ногу себе вывихнул и сидит у костра. И собаки с ним, а ты в панику.

— Я почему-то думаю, что Юрия Петровича нет в живых, — вздохнул охотник. — Иначе бы он подал знак выстрелами.

— Как это произошло? — спросил я эвенка.

— Три дня назад мы ночевали в этой избушке, — начал свой рассказ пришедший.

— За каким Дьяволом вы сюда припёрлись? — перебил я его.

— Эти места захотел посмотреть Юрий Петрович.

— Но ведь это ты ему рассказал, что за гарью дичи видимо-невидимо? — начал я свой допрос.

— Я, — согласился эвенк. — Наверное, я во всё и виноват?! — повесил он свою мокрую взлохмаченную голову.

— Ты что его, Юрия Петровича, зажарил и сожрал, да ещё и вместе с собаками? —

подступил я к растерявшемуся рассказчику.

— Да нет! Ты говоришь какие-то страшные вещи! — взглянул на меня испуганными глазами охотник.

— Тогда себя не вини. Давай, как всё было.

— Отсюда километрах в двадцати собаки, вернее мой Хедька, остановил старого лося. Мы оба — и я, и Юрий Петрович в него стреляли, — опять приступил к своему повествованию эвенка. — Раненый зверь добежал до озера и упал на его берегу. Когда мы бежали за лосём, то сбросили на землю свои рюкзаки... Я стал разделывать добытого зверя, а Юрий Петрович пошёл за рюкзаками. За ним побежали и его собаки.

— А чем ты лося разделывал? Ты же свой нож забыл в избушке? — показал я на лежащий на столе охотничий нож эвенка.

— Юрий Петрович мне отдал свой.

— Ну, а дальше что? — спросил я.

— Твой друг, Гера, исчез!

— Как исчез?

— Просто исчез и всё. До рюкзаков он не дошёл. Они остались на месте.

— А далеко ему было до них идти?

— Шагов двести, не больше! Завтра пойдём — я тебе всё покажу.

От слов эвенка в душе что-то сжалось. Я понимал, что охотник говорит правду.

«Таёжные люди врать не умеют. Но то, что он рассказал, было выше моего понимания. Просто так исчез человек! Такого не бывает!»

— Да! — почесал я затылок. — Ну и страсти тут у вас были! А зачем лося-то шваркнули? Кто его на такое расстояние таскать будет? «Чулукана» нанять хотели?

От слов «чулукан» по-эвенкийски — дикий лесной человек — моего Николая буквально затрясло. Бледный, вытаращенными глазами он смотрел на меня, и мне стало ясно, что эвенк крайне перепуган.

— Ты чего трясешься? Хоть я и охотовед, но за браконьерство штрафовать тебя не буду. Или ты чулукана так боишься? Они что здесь живут? Давай успокаивайся, садись, ешь и пей чай, — поставил я перед гостем кастрюлю с глухорятиной. — А потом спать! Как говорят, утро вечера мудренее. Завтра пойдём искать пропавшего. Может, и сами заодно пропадём, — успокоил я ещё не пришедшего в себя эвенка.

Проснулись мы, когда совсем рассвело. Решено было перед длительным походом хорошенько выспаться. Более всего в отдыхе нуждался Николай. Оказывается, он две ночи не сомкнул глаз. Всё никак не мог понять, куда мог подеваться его спутник с собаками? Взглянув в окно, я увидел, что наконец-то показалось Солнце! Период непогоды прошёл, и на душе стало немного веселее. Перепрыгнув через спящих собак, я вышел из зимовья и, набрав пригоршнями снег, стал им умываться. Вокруг бело! Снежинки на травинках, хвое и на поверхности снежного покрывала в лучах солнца искрились всеми цветами радуги! Я взглянул на бескрайнее холодное синее небо — ни облачка!

— Потому и приморозило, — рассуждал я.

Но вдруг мои радужные мысли нарушил какой-то посторонний звук. Я быстро обернулся и замер — в двух шагах от меня стоял огромный медведь! Светло-бурой масти, около полутора метров в холке, лобастый, но, по всей видимости, молодой. На его морде было написано любопытство и удивление. Своими пронзительными маленькими глазками, то и дело поворачивая голову, он рассматривал меня как что-то диковинное, чего он ещё не видел. У меня возникло ощущение, что медведю очень хочется подойти и это страшное двуногое понюхать. Но из деликатности на такой шаг он пока ещё не решился.

— Коля, открой дверь, выпусти собак, — тихо сказал я, не делая резких движений.

Услышав мой голос, зверь на шаг отступил. И любопытство на его морде сменилось выражением осторожности.

— Коля, выпусти собак! — сказал я громче.

— Сейчас! — раздался заспанный голос за дверью зимовья.

Но лайки, почуяв неладное, не дожидаясь эвенка, сами распахнули дверь лапами и тут же сходу вцепились в опешившего лохматого визитёра. Похоже, молодой Михайло Потапыч в своём диком бору никогда не встречал не только людей, но и этих небольших, но таких злобных бестий. Я взглянул на медведя и не поверил своим глазам: под рычание и лай собак огромный зверь взлетел в воздух, левитируя, сделал поворот на 180° и, упав на землю, пулей, что есть силы, бросился бежать от окончательно осатаневших неведомых ему кусающих тварей. Всё это произошло за какие-то две-три секунды!

— Что тут у нас такое? — услышал я рядом с собой голос эвенка.

Он стоял с мало кал иберкой в одних трусах и босиком, в позе попавшего в засаду снайпера.

— Ты в кого собрался стрелять? — расхохотался я, глядя на его живописный вид.

— Так ведь собаки? Они так лают только на амикана... — крутя головой во все стороны, отозвался Коля.

— Этот амикан сейчас от нас за тридевять земель! И потом, ты что всерьёз решил его завалить из тозовки? Не мог взять мой двенадцатый? Ладно медведь оказался покладистый и собаки хорошие, иначе была бы у зверюги из нас обоих знатная закуска! — подтолкнул я голого эвенка к входу в избушку.

— Не хватало, чтобы ты ещё заболел! Давай одевайся, поклюём и пойдём. Времени у нас в обрез! До вечера надо успеть добраться до места, где ты потерял Сурова. Поиск начнём отсюда.

Николай не возражал. Он по-быстрому облачился в свой охотничий наряд, пододвинул к себе миску и молча стал есть.

— Ну вот, кажется, и «заморил червячка», — сказал я, подымаясь из-за стола. — Давай заканчивай и вперёд! Чаи будем распивать на месте.

— У тебя там не червячок, а целая змея, — покосился на мою пустую чашку эвенк.

Слова охотника, несмотря на внутреннюю тревогу, меня рассмешили.

— С тобой не соскучишься, Коля. От одного твоего вида медведь дал такого дёру, что придётся теперь идти без собак.

— Они нас догонят. Никуда не денутся, — пробурчал охотник, накидывая на плечи потку.

До тех мест, где Николай потерял Юрия Петровича, мы добрались без приключений. Собаки нас догнали по следу на полпути. По мелкому снегу идти было легко и приятно. Пересекая ягельники, мы набрали для себя немного брусники, выкопали из-под снега несколько мёрзлых белых грибов и, придя на бивак эвенка, тут же стали готовить ужин. Николай нарезал ломтиками лосиное мясо, отогрел его на огне разведённого костра и стал нанизывать на берёзовые шампуры. Я, наблюдая за его суетой, протянул ему нарезанные грибы и наказал будущий шашлык посолить.

— Оленью еду ешь, — взглянул на белые грибы эвенк. — Я такое не кушаю.

— Ты ешь вот такое, — показал я ему на накрытую снятой шкурой грудку лосиного мяса. — И мне на вопрос так и не ответил: зачем добыли зверя? Неужели намеревались вдвоём зажевать такую тушу? И запора не побоялись!

— От лосятины запора не бывает, скорее понос, — отвернулся охотник.

— Какая разница? — продолжал наступать я на него. — Ты вот у меня в животе змею обнаружил, а у самого в пузырьке крокодил! Здесь килограммов триста, не меньше, — показал я на сложенное мясо.

— Однако, будет больше, чем три центнера...

— Вот видишь! — перебил я охотника. — У кого аппетит: у меня или у тебя? Я вот и грибами наестся могу. А тебе лося подавай, да поздоровее! Наверняка затея добыть зверя была твоя, а не Петровича?

— Моя, — согласно кивнул охотник.

— Я не пойму, зачем?

— Домой хотел отправить, на стойбище...

— Как? — изумился я. — Здесь вертолёт нужен!

— У меня тут недалеко берестянка. Пока речка не замёрзла и мясо можно отвести, и глухарей пол-лодки на ярах настрелять...

— Ах, вот оно что! Тогда всё понятно. Только вот какое дело — про добытого вами лося никому ни слова. Ты ведь знаешь, какие у нас законы. И я его не видел. Просто потерялся человек, а как значения не имеет... Иначе тебя оштрафуют, а Юрию Петровичу прилепят ярлык браконьера. Договорились?

— А с мясом что делать? — спросил эвенк.

— Как что? Вместе дотащим его до твоей лодки. Ты отправишься по воде, а я пешком по борам. Вот и всё. Привезёшь свою добычу своим. Сколько тебе придётся пройти заломов?

— Пять.

— Ничего себе! Пять раз будешь разгружать и снова загружать свою лодку! Если окажусь рядом, то помогу.

— Ты уйдешь вперёд, Гера, речка на одном месте крутит... Пока я доберусь, ты уже будешь пить чай у себя в Центральном. Но всё равно спасибо тебе, что ты отдал мне лося! — с благодарностью посмотрел на меня охотник.

— За что? — опешил я. — За что ты меня благодаришь? Не я же его добыл?! И потом, если бы я его и застрелил, то всё равно отдал бы его тебе. Он мне не нужен.

— Ты совсем другой, — задумчиво проговорил эвенк, глядя на свет пламени. — Все, кто до тебя у нас работал, что бы мы для себя ни добыли, у нас забирали. Говорили, что если мы им добровольно не отдадим, то на нас будет составлен протокол. И нас будут штрафовать, а то и посадят в тюрьму. Тюрьма для эвенка хуже смерти, — вздохнул молодой тунгус.

— Неужели всё, что ты сейчас мне сказал, правда? — спросил я его.

— А зачем мне врать? Ты ведь знаешь, Гера, нашего участкового Клешнёва?

— Как не знать? В одном посёлке живём.

— Он с нас и со староверов дань берёт, — грустно усмехнулся рассказчик.

— Какую ещё дань?! Ты говоришь какие-то странные вещи! — подал я готовый шашлык Николаю. — Ну-ка расскажи поподробнее?

— Только ты никому, что от меня сейчас узнаешь, не рассказывай. Особенно участковому. Иначе он меня посадит.

— Как так посадит?! Да у него и прав-то таких нет! Ты что несёшь? Почему ты его так боишься?

— Его все эвенки боятся. И чудиновские староверы тоже.

— Ты мне про дань расскажи, — напомнил я ему.

— Дань мы ему платим за то, что он знает, какие у кого ружья.

— Но ведь вы охотники, и у вас должно быть оружие. Без него в тайге никак, — недоумевал я.

— С гладкоствольными всё в порядке. К ним Клешнёв не цепляется. Беда от того, что он знает о наших винтовках. Вот она тозовка промхозовская. Её выдают только на охотничий сезон, — показал на свою малокалиберку эвенк. — Но у меня есть ещё и своя. За неё мне и

приходится платить.

— И сколько с тебя берёт наш участковый? — посмотрел я на Лихачёва, поворачивая над углями шомпол с лосятиной.

— Три хвоста в год, — грустно улыбнулся охотник.

— И сколько же у него таких, как ты?

— Со староверами человек тридцать.

— И с каждого в год по три соболя! Неплохо у него получается, у участкового: около сотни одних только соболей! Плюс ещё мясо!

— За мясом тоже часто навевывается. Ходит, высматривает, что мы едим. Ему ведь не докажешь, что олень домашний. Говорит, бьёте дикарей. Значит, браконьеры... Забирает мясо и уезжает.

— Но вы же на самом деле добываете диких?

— Конечно, — согласился охотник. — Одними домашними нам не выжить. Оленей у нас осталось совсем мало. Раньше было несколько тысяч, — вздохнул он.

— И куда же делись ваши олени? — спросил я Николая.

— В тридцатые годы забрали в колхоз, а потом — война! Мужиков всех на фронт. А что могут бабы? Тогда и потеряли последних оленей. Да и мужики с войны не вернулись...

Я смотрел на погрустневшего эвенка и думал.

«Вот она судьба этого маленького народа. Сначала приложило руку государство, а сейчас, когда вроде бы всё наладилось, на их труде жируют такие вот Клешнёвы. И сколько подобных ему по заброшенным сибирским таёжным посёлкам? Берут дань, вымогают, пользуясь своей властью, последнее. Может, и правы американцы, что создали для своих индейцев резервации? По крайней мере, у них там самоуправление, которое не позволяет шириться таким вот Клешнёвым, — подумал я, доставая из своего рюкзака буханку чёрствого хлеба. — Хотя, возможно, это тоже не выход».

Я смотрел на молодого эвенка и понимал, что жить в вечном страхе, как он, долго невозможно.

— Ты объясни мне, зачем твой отец откочевал с вершины речки на озеро Турэ? Сюда до вас сам чёрт бы не добрался? И дичи здесь... Сам видишь сколько.

Но на мой вопрос Николай не ответил. Он сидел, съевшись у костра, ел лосятину и молчал.

— Ты что и сам не знаешь? — опять спросил я его.

— Так надо было... — сказал охотник нехотя. — Вообще-то эти места наши. Отсюда недалеко и я родился...

— Ваши места, а вы отсюда ушли? — не понял я его. — Что-то до меня не доходит.

— Я же тебе сказал, — посмотрел на меня эвенк. — Так надо было! Больше я тебе ничего не скажу, не имею права. Если хочешь узнать, спроси моего отца, а лучше его мать, бабушку Нюру.

— Я что-то не припомню такой? — удивился я.

— Бабушка Нюра Тугундина живёт не с нами. Её чум стоит на Чурбиге, — повернулся ко мне эвенк. — После того, как погиб её муж, мой дедушка, она предпочитает жить одна.

— А что случилось с твоим дедом? Ты говоришь, что он погиб... Сколько у вас здесь работаю, о нём никогда ничего не слышал, — задал я новый вопрос Николаю.

— Такие вещи люди рассказывать не любят, глядя в темноту ночи, тихо проговорил эвенк. — Тем более, таким, как ты.

— А что у меня не так? — поинтересовался я.

— Ты добрый и честный, и кое-кто в Белом Яру тебя боится. Когда-нибудь ты догадаешься

сам, кого я имею в виду, — начал свой рассказ охотник. — Тут вот какое дело, Гера, мой дедушка был сильным шаманом. Поэтому он всю жизнь сохранял законы наших предков. Он никогда не пил водку и даже не курил. Жил он, как и живут шаманы, отдельно от своего рода. Моего деда многие боялись. Боялся его и заготовитель промхоза и даже Клешнёв. При нём он к нам за ясаком не ездил.

— Ну и что же произошло? — поторопил я рассказчика.

— Моего деда убили очень злые люди. Говорят, что приехали они из Новосибирска. Останавливались у заготовителя... Думай сам, чьи они друзья...

— А что им от твоего дедушки было надо?

— Они хотели от него узнать месторождение золота...

— Золота? — переспросил я.

— Да, золота. Мой дед знал, где в этих краях можно найти этот металл смерти. Я видел у него в кожаном мешочке самородки... Они такие маленькие с глухариный зрачок, — бросил сухие ветки в догорающий костёр Коля.

— Из твоих слов получается, что твой дед не раскрыл своей тайны.

— Не раскрыл, — кивнул головой эвенк. — Эти люди его страшно пытали. Жгли огнём и ломали кости. А потом, прибыв на сорокаградусном морозе гвоздями к сосне, уехали восвояси. Бабушка сняла его с дерева, но было поздно. Дедушка вскоре умер.

— А почему он молчал? Пусть бы подавились этим золотом мерзавцы! — обозлился я. — Не понимаю, ради чего он перенёс такие пытки? Неужели твой дед был фанатом проклятого металла? На эвенка это что-то непохоже.

— Перед смертью дедушка всё объяснил, — тяжело вздохнул охотник. — Он потому не показал новосибирцам, где лежат золотые самородки, чтобы сохранить этот край. Чтобы сюда не пришли машины и люди. Чтобы сохранить жизнь нашему маленькому народу.

После своего грустного рассказа эвенк замолчал. Молчал и я. Спрашивать молодого тунгуса больше ни о чём не хотелось. Чтобы он ни рассказал, всё наводило в душе тоску и боль.

«Вот она закулиса сибирского севера, — думал я. — Настоящее средневековье. И ясак с аборигенов дерут и пытаются, и просто так убивают...»

— Моя бабушка тоже немного шаманит, но она ещё очень многое знает. Я поговорю с ней о тебе. Думаю, ты ей понравишься и она ответит на твои вопросы, — повернулся ко мне мой новый друг.

— Спасибо, Николай, если меня с ней познакомишь, — сказал я ему. Завтра у нас трудный день. Давай ложиться.

— Давай, — согласился эвенк.

Назавтра, с раннего утра до позднего вечера, мы колесили по заснеженным борам в поисках пропавшего, как и говорил эвенк, следы человека испарились. Их просто не было. Зная психологию заблудившихся, которые всегда стремятся выйти к реке, мы направили свой поиск вдоль поймы Орловки. За день обошли гигантское расстояние. Но все наши усилия оказались тщетными. Мы пересекали следы диких оленей, лосей, несколько раз натыкались на жирующих в бору медведей. Но ни человеческих следов, ни брошенного бивака так и не встретили. На собак мы уже махнули рукой. Те с остервенением гонялись за зверями, облаивали глухарей, тетеревов. Но нам было не до них. В голове стоял вопрос:

«Куда мог деться Юрий Петрович? Не мог же он провалиться сквозь землю или испариться?»

Переночевав у речки на невысоком, со всех сторон закрытом от ветра яру мы чуть свет двинулись на север к озеру Якынр. По словам эвенка, если дух леса или Хозяин начнёт водить человека, то он обязательно уведёт его подальше от ручья или речки. Либо затащит в болото,

либо на берег озера. Я не стал спорить с охотником. Якыр, так Якыр! Тем более мне и самому хотелось увидеть это гигантское озеро.

«А может, Николай, прав: чем чёрт не шутит, вдруг и вправду найдём на водоразделе пропавшего?»

Решено было тем же маршрутом идти вдоль Орловки до самого её истока. Мы двигались по припорошенному осенним снегом бору, изредка посматривая на превратившуюся в ручей речку. Незадолго до заката, пройдя неширокое моховое болото, наконец, увидели Якыр. Огромное озеро, искрясь в лучах заходящего солнца, показалось нам целым морем. Далёкий противоположный берег из-за лёгкого тумана был почти невидим. Над гладью воды кружили стайки серых северных уток, а в метрах двухстах от берега белыми снежными комьями отдыхал на воде табун лебедей. До воды от нас было метров сто, не более, но мы к озеру не пошли. Не хотелось своим присутствием нарушать покой кормящихся на его глади пернатых.

— Красота-то, какая! — не выдержал я. — Аж, глазам не верится! Тишь да благодать!

— Давай лучше уйдём отсюда. Где-нибудь на гриве переночуем, — посмотрел на меня эвенк.

И в его глазах я увидел тревогу.

— Интересно, кого ты боишься? — поинтересовался я, собираясь последовать его совету. — Водяного или русалок?

— У озера ни водяных, ни русалок я не встречал. Может, они в нём и живут... Скорее всего, так оно и есть. Дедушка что-то на эту тему рассказывал, — серьёзно сказал Коля. — Я не их имею в виду.

— А кого же ещё? — спросил я.

— Если я тебе расскажу, ты чего доброго начнёшь смеяться...

— Честное слово, не буду! — заверил я его.

— Тогда послушай, — подошёл ко мне поближе охотник. — Старики рассказывают, что Якыр всего лишь видимое небольшое окно другого озера, которое всё под землёй!

— Ничего себе небольшое! — покачал я головой. — Страшно смотреть!

— Старики правду говорят, Гера. Не сомневайся! Из-под земли к поверхности озера подымается тёплая вода, поэтому на поверхности Якыр даже в самые сильные морозы много проталин. Из-за этого поздно осенью по Орловке в озеро и идёт на зимовку рыба...

— Да ведь здесь же настоящий рай! Не пойму, зачем вы ушли с этих мест? — сбросил я с плеч свой рюкзак, намереваясь начать разбивку лагеря.

— Просто ты многого не знаешь, Гера, — положил на землю свою потку эвенк. — Рыбы в озере видимо-невидимо и своей. Щуки до двух с лишним метров! В некоторых местах неопытная утка не успеет сесть — её уж и нет! Только круги по воде!

— Так вы что, щуки боитесь? — засмеялся я.

— Иногда и щуки бывают опасны. У нас были такие случаи. Нападали в воде на людей рыбины. Но я не про щуку. Есть кое-что и похуже...

— Что же? — насторожился я.

— Как тебе сказать? Только не смейся...

— Я же сказал, что не буду.

— В Якыр и в других, что вокруг него озёрах, живут водяные звери. Они похожи на ящериц. Но очень большие. По рассказам стариков, в длину достигают четырёх метров! Ящеры живут в воде, но иногда в жаркие дни выходят на берег. Тогда их можно увидеть. И ещё если они захотят, то по земле очень быстро бегают. Догоняют даже оленей! Потому олени к Якыру и к другим близ него озёрам не подходят. Наши шаманы этого зверя изобразили даже на шаманских костюмах. Если бабашка согласится, то она тебе на своём нагруднике его покажет, — закончил

свой рассказ о загадке озера охотник.

— Потому ты и ушёл подальше от воды? — с пониманием спросил я его.

— Как вы русские говорите: «на Бога надейся, а сам не плошай», — улыбнулся Коля.

— В такую холодрыгу зверюга не вылезет, — заверил я его. — Если честно, я сейчас во что угодно поверю. То, что произошло с Юрием Петровичем, тоже ведь чудо! Человек исчез и никаких следов!

— Когда снег растает, может, отец, что заметит, — вздохнул охотник.

— Что же пойдём завтра назад и заберём твоего лося, а то его, пока нас здесь носит, растащат росомахи.

— Там моя нижняя рубаха и гильзы. Побоятся, — буркнул, устраиваясь поближе к костру, эвенк.

«До чего же жизнь интересна! — думал я засыпая. — Вот, пожалуйста, местный Якынрский Несси! И в него верят! И ещё как, если его образ оказался на шаманском костюме. Впрочем, кованое изображение ящера я видел почти на всех шаманских изображениях. И не обязательно на эвенкийских. Что-то здесь не так. Скорее всего, ящер олицетворяет собой дух подземного мира. Но почему именно ящер, а не крот? Или ещё какой зверёк? К тому же живёт он по рассказам стариков эвенков, в подземном озере. И таких озёр по Сибири, наверное, немало...»

Проснулся я затемно от рычания собак. Николай уже не спал. Он сидел, держа в руках свою винтовку, и вглядывался в темноту. Надья всё ещё излучала тепло, но большого костра рядом с нашей лежанкой не было. Не успел я подняться, как собаки с лаем бросились куда-то в ночь и исчезли. Метрах в двухстах раздался их лай, потом всё стихло.

— Что это? — не понял я. — На кого? Похоже, не медведь. Неужели к нам подкрался твой ящер? Наверное, псов он уже проглотил. Теперь очередь за нами. Ты готов к нему на закуску? — взял в руки я свой «зауэр».

— Не ящер это, — повернул голову в мою сторону Коля.

— Но и не медведь, — прислушался я. — Иначе сейчас там бы, куда убежали собаки, стояла такая какофония!

— Не медведь, — согласился со мной охотник.

— Тогда кто?! Ты же наверняка знаешь, но молчишь! — проворчал я. — Пойду, поищу собак...

— Не ходи, они скоро сами придут... — тихо, глядя куда-то в небо, сказал эвенк.

— Откуда ты знаешь? — тряхнул я его за плечо.

Но тут к костру, как ни в чём не бывало, выбежали обе лайки. Вид У них был весёлый и довольный. Покрутившись вокруг нас, они беспокойно улеглись на подстилку.

«Чудеса продолжают, — отметил я про себя, укладывая в надью новое бревно. — Интересно, когда они кончатся?»

Наутро мне захотелось по следам посмотреть, куда это ночью наши собаки бегали и на кого они лаяли? Но мой спутник от такой идеи почему-то пришёл в ужас. Он наотрез отказался со мной идти, заявив, что собак позвал к себе Хозяин и что духа леса гневить грех! Видя, что Николай серьёзно относится к духам, я растерялся и удивился.

«Парень воспитывался в интернате, служил в армии. И так боится Хозяина?! А может, дело совсем и не в Хозяине? — закралась мысль. — Ладно, со временем разберусь, — подумал я, забрасывая на плечо ремень своей двустволки. — Когда-нибудь он мне сам всё расскажет».

Теперь к озеру, где лежало мясо и был наш долгосрочный лагерь, мы шли не по берегу речки, а напрямик борами. Шагали налегке, быстро, поэтому ночь нас настигла совсем недалеко от лагеря.

— Что будем делать? — спросил я эвенка. — Ты как считаешь?

— Однако, ночевать надо, — задумавшись сказал он. — В темноте ничего не видно. Завтра до обеда дойдём...

Мы быстро разбили бивак, разожгли жаркий костёр и стали готовить ужин.

— Ты сколько медведей зарезал своим тесаком? — разглядывая слоёное лезвие эвенкийского ножа, спросил я охотника.

— Ни одного, — нехотя ответил Николай. — Я ведь не дикий эвенк, а вполне цивилизованный, с ножом наголо на аминаков не нападаю...

— Но всё равно вид у твоего кинжала свирепый! — не унимался я.

— У него, может, и свирепый, — кивнул охотник на свой нож, — зато я человек спокойный...

— Ещё два — три дня поисков, и мы с тобой озвереем, — заверил я его. — Ты меня научил верить в озёрного ящера. И в Хозяина тоже...

От слова «Хозяин» охотник вздрогнул.

«Что-то за этим понятием у эвенков скрыто? — невольно подумал я. — Вот бы разобраться? Может, и Юрий Петрович исчез не просто так? Неужели его взял в гости Хозяин?»

От такой мысли стало как-то не по себе.

«Ещё немного и я точно сойду с ума! Всерьёз стал думать о Хозяине... Что же будет дальше?»

— Какие у тебя планы? — посмотрел я на притихшего Николая.

— Надо идти на стойбище и звать сюда людей, — коротко сказал он. — Юрия Петровича будем искать, иначе меня могут обвинить в его убийстве...

— Нас обоих... — усмехнулся я. — Но запомни, пока не найден труп, нас не обвинят. Ты прав, надо найти Петровича...

— Значит, всё равно найдём, — пододвинулся к теплу охотник, зевая.

Николай оказался прав. До обеда мы были на месте своего долгосрочного лагеря. Нас обрадовало, что мясо оказалось на месте. Этой ночью у стана кружилась росомаха. Но её, по-видимому, отпугнул запах Колиной рубахи.

— Ты останься, Гера, а я схожу, поищу берестянку. К вечеру вернусь, — сказал эвенк.

— Только не исчезай, — кивнул я ему.

— Если не приду, всё расскажешь нашим, — сказал он серьёзно.

— Ну и шутки у тебя, Коля, — покачал я головой. — Знаешь, оставь свою винтовку со мной и возьми мой «зауэр». Так мне будет за тебя спокойнее.

Немного подумав, эвенк положил к моим ногам свою тозовку, накинул на плечо ремень моей двустволки и, не оглядываясь, пошёл в сторону Орловки. За ним поплёлся его Хедька. Николай появился в лагере поздно ночью. Сначала из темноты подошла к костру его собака, потом появился и он сам.

— Всё, лодку я пригнал, — сказал он, сбрасывая с плеч ружьё. — Ну и тяжёлое же оно у тебя! Как ты с таким ходишь?

— Зато надёжное, — сказал я ему.

— Отсюда до лодки километра три, не меньше, — вздохнул парень. — Так, что нам завтра таскать часа три-четыре!

— Ничего, справимся, — успокоил я его. — Где наша не пропадала! И потом у меня идея, Коля. Скажи, сколько заломов до избушки?

— Один, — не понял меня эвенк.

— Давай так, этот залом пройдем вместе. На нём я тебя дождусь, а потом у избушки разгрузим лодку и сложим мясо в лабаз! Твои всё равно сюда придут. Будет их чем потчевать. А что останется, на оленях борами вывезете. И Клешнёв будет с носом! — засмеялся я.

— Однако, ты прав, — оживился молодой тунгус. — Так и сделаем!

Завтрашний день весь у нас ушёл на перекочёвку. Мы перенесли в лодку не только мясо, но и камусы, шкуру и даже голову зверя. На заломе я дождался эвенка и помог ему его пройти. А вечером, когда он подплыл к устью ручья, где стояла избушка, мы вместе разгрузили лодку и перенесли его добычу в лабаз.

— Видишь, как славно получилось, — сказал я ему перед сном. — Завтра вместе пойдём на Турэ к твоим. А потом я в посёлок, сообщить о случившемся...

— А вдруг меня обвинят? — вздохнул Коля.

— За что?

— За то, что послал Юрия Петровича к брошенным рюкзакам.

— До которых тот не дошёл и испарился? И расстояние-то всего ничего. Давай спи и о плохом не думай! Так можно и меня обвинить.

Утром мы решили идти не вместе, а на расстоянии друг от друга примерно в километре. Эвенк вдоль речки, а я по гари. Вдруг натолкнёмся на след Юрия? Хотя если бы он был жив, то мимо избушки вряд ли бы прошёл. Но всё равно мы постановили, что если кто-то что-то найдёт, то тут же оповестит другого двумя выстрелами. Но не успел я перейти речку и выйти на гарь, как со стороны Орловки раздались два винтовочных выстрела!

«Николай что-то нашёл!» — взорвалось в сознании, и я бегом бросился в сторону Орловки.

Когда я оказался рядом с эвенком, то парня не узнал. Охотник был так перепуган, что с трудом мог говорить.

— Во...от, посмотри — следы! — показал он рукой на снег. — Тут их нет, а здесь: и следы человека, и собак!

Я взглянул, куда показывал перепуганный Коля. И с трудом поверил своим глазам. Чистый заснеженный берег речки и вдруг рядом с нами след человека! Как будто он спрыгнул с неба или вылез из-под земли!

— Вчера в ста метрах от этого места мы разгружали лодку, — шепотом проговорил охотник.

— Ну, а ты что по этому поводу думаешь? — показал я на чудо.

— И Юрий Петрович и его собаки вышли из мира духов, — с дрожью в голосе сказал Николай.

— Когда? — спросил я его.

— Судя по следам, два дня назад. Когда мы искали Юрия в вершине.

— Мне тоже так кажется, — осмотрел я следы человека. — У тебя здесь какой-то край чудес. И цирка не надо! — стал приходить я в себя от увиденного. — Надо радоваться, что Юра жив! Интересно, что он нам расскажет? Три дня с духами пропьянствовал, — попытался я как-то успокоить охотника.

— Я только не пойму, — сказал последний, — почему Юрий Петрович не пришёл в избушку? Её же отсюда видно, — посмотрел на меня перепуганными глазами Николай.

— Когда его встретим, может, нам и объяснит. Давай-ка за ним по следам. Похоже, Петрович не шёл, а бежал, — заключил я, разглядывая след человека. — Значит, что-то его сильно перепугало...

Мы вместе перешли устье ручья и по следам Юрия Петровича и его собак направились по кромке гари. Три километра, а то и более Петрович бежал, потом перешёл на шаг и метров через двести побежал снова.

— Ты можешь понять, от кого он так улепётывает? — показал я на следы Юрия эвенку.

— От самого себя, — буркнул Коля. — Что-то у него с головой. «Оттуда» нормальными возвращаются только шаманы.

Слова охотника меня насторожили. Значит, тунгус не верит, что всё хорошо кончится. И у него на это есть основание. Пройдя ещё пару часов по следам Юрия, мы увидели впереди на снегу его вязаную шапку. Очевидно, она упала с головы во время бега, но Петрович это даже не заметил. Я положил шапку в свой рюкзак и почувствовал, что на меня накатила волна страха.

«Неужели я считал информацию с его шапки?» — невольно пронеслось в сознании.

Прошёл ещё один час напряжённой ходьбы, и вдруг где-то далеко впереди, куда умчались наши собаки, раздался еле слышный их лай.

— Собаки лают не на человека, — остановился эвенк. — Скорее всего, амикан!

— Здесь владение шатуна, — напомнил я ему.

— Значит, они с ним и дерутся.

— Но почему днём?

— Придём, всё увидим, — посерьёзnel эвенк. — Зря собаки лаять не будут.

После его слов мы оба, не сговариваясь, побежали. Через несколько минут лай усилился. Было ясно, что собаки затеяли драку с медведем. К их гавканью примешивалось и его рычание.

«Почему Михайло Потапыч не убегает? — недоумевал я. — Он что, самоубийца? Не понимает, что вслед за собаками могут прийти люди?»

Когда мы, наконец, оказались рядом с тем местом, откуда раздавались звуки потасовки, то в растерянности остановились. Перед нами на снегу, свернувшись клубочком, лежали обе лайки Петровича. Рядом с ними валялось его ружьё и верхняя одежда. Снег же вокруг был утоптан следами отчаянной борьбы человека и зверя. Туда, откуда раздавалось медвежье рычание и лай наших собак, по снегу вёл кровавый потаск.

«Вот оно что, почему медведь не убегает? Он охраняет свою добычу, убитого им человека!» — стиснул я от злобы зубы.

Мы посмотрели на собак Юрия. Обе лайки подняли в нашу сторону свои головы, но остались лежать на месте.

«Какой стресс перенесли животные! На их глазах погиб их хозяин. И помочь ему они не сумели. Хотя по следам было видно, что пытались. Теперь же им всё равно...»

Мы сбросили рядом с лежащими собаками свои рюкзаки и, переглянувшись, не спеша пошли на звуки драки.

— Когда «тырда» на нас кинется, — сказал я эвенку, — не спеши, дай мне возможность хорошо прицелиться, всё равно из твоего оружия сразу его не убить.

Николай молча кивнул. Не прошло и двух минут, как в согре, откуда доносились звуки борьбы собак с медведем, всё изменилось. Лай стал быстро приближаться в нашу сторону.

— Всё! — остановился я. — Зверь нас почувствовал — ринулся в бой!

И в этот момент между стволами берёз мелькнула медвежья спина.

Через секунду зверь оказался в трёх метрах! Его маленькие глазки глядели на нас с такой злобой, что казалось, из них вот-вот ударят молнии. Мушка моего ружья легла между ними, и я плавно спустил курок. Пуля остановила зверя в прыжке. Он перевернулся в воздухе и рухнул на бок. И сразу же на нём оказались обе наши лайки. Они рвали своего врага с такой злобой, что казалось, немедля растащат его на куски. Я обернулся к эвенку. Тот стоял без винтовки, держа в руке свой топор.

«Вот она храбрость и сила духа! — думал я. — Фактически против такой зверюги безоружный...»

Я подошёл к Николаю и обнял его.

— Молодец! Такими, как ты, твой народ должен гордиться! В этом амикане килограммов 500, а то и более. На него страшно смотреть. А ты на него со своим топориком! Так и скажу твоему отцу, что сын у него настоящий богатырь!

— Да я за тебя боялся... — пробормотал смущённый эвенк.

— За меня?

— Погибать так вместе, — добавил он.

— Ну что, Коля, пойдём искать Юрия. Где-то здесь эта бестия его закопала, — показал я на тушу громадного медведя.

Оставив собак разбираться с косолапым, мы отправились туда, откуда прибежал шатун. Вскоре в кустах вместе со штанами нашли сапоги Сурова, потом его рубаху, свитер и наконец его самого. Зверь раздел человека догола, выел его грудную клетку, а то, что осталось, присыпал землёй. Мы смотрели на изуродованное шатуном лицо Юрия Петровича и не могли поверить своим глазам. Наш погибший друг был абсолютно седым!

«Не мог же он поседеть во время нападения на него медведя? Значит, всё-таки что-то произошло. Но что?»

Ещё раз взглянув на закопанного зверем человека, мы пошли обратно. Собаки всё ещё вертелись рядом с убитым шатуном и всё никак не могли успокоиться. Не обращая на них внимания и я, и Николай стали выбираться из согры на место гибели Юрия. Когда мы, наконец, вышли на кромку гари, то услышали голоса людей. И вскоре среди соснового мелкача показались головы ехавших верхами на учагах эвенков.

«У них хорошая интуиция, — подумал я. — Молодцы! Приехали вовремя. Теперь мне можно смело отправиться в посёлок и сообщить о случившемся... Николай один не останется...»

Спешившись и мать, и отец Николая, это к радости молодого эвенка были они, сразу же по следам поняли, в чём дело. Эвенки молча, посмотрев друг на друга и о чём-то между собой поговорив, подошли ко мне.

— Тебе духи вперёд нас сообщили, что беда, — сказал Борис Леонтич. — А мы тебе не поверили. Ладно, что сами живы остались. Шибко умный медведь. Мы видели место, где ты ночевал. Подкрался к твоему костру вплотную. И нападал быстро, очень быстро! Из-за этого Юрий Петрович в него и промазал. Два раза стрелял, — поднял с земли отец Николая «Тоз-34» Юрия.

Борис Леонтич был прав: в ружье оказались две стреляные гильзы.

— А как вы поняли, что Юрий в медведя стрелял и промазал? — спросил я старого охотника.

— Да вот, на пригорке по снегу, обе его пули! Посмотри сам.

Я взглянул туда, куда указал Борис Леонтич и сразу всё понял. Медведь бросился на человека внезапно и на большой скорости. И Юрий Петрович растерялся, а перезарядить оружие не успел.

— Мне надо срочно в посёлок — сообщить о случившемся, — сказал я эвенкам. — Можно вас попросить, чтобы вы здесь побыли, пока я привезу сюда кого-нибудь из прокуратуры?

— Пошто спрашиваешь, мы будем тебя ждать. Раз надо, значит надо, — сказал Борис Леонтич. — А сейчас пока светло, айда к медведю. До ночи его ободрать и сказать духу аминака, чтобы шёл восвояси и больше не вредил людям.

Когда мы все вместе снова зашли в согру и остановились рядом с застреленным шатуном, Борис Леонтич, осмотрев зверя, сказал:

— Откуда-то пришёл, наверное, с Туруханского края из-за болот. Уж очень здоровый. И это не шатун. Непонятно, почему такой злой?

Все вместе к вечеру со зверя сняли шкуру. Медведь оказался очень жирным. На шатуна он, действительно, не походил. Эвенки, глядя на огромную жирную тушу аминака, о чём-то между собой переговаривались. У костра вечером ко мне подошёл Борис Леонтич и, глядя на своего

сына, сказал:

— Спроси у него, Геша, кушать мясо людоеда-аминака нельзя — грех!

— А я что настаиваю, чтобы его съесть? — посмотрел я на него с удивлением. — Можете мясо сжечь, утопить, что хотите, то и делайте.

— Я тебе сказал потому, что оно твоё. Твоя пуля остановила аминака.

— Оно также принадлежит и Николаю. Вместе били. А что касается меня, то я завтра подамся в жилуху. Так что делайте со зверем, что находите нужным.

— До твоего приезда мясо людоеда мы не тронем. Когда приедешь, по обычаю придадим его огню...

Назавтра, захватив с собой собак Юрия Петровича, я отправился в обратный путь. На душе было скверно.

«Что я скажу жене Сурова? Человек приехал ко мне в гости, а я его не сберёг! Но с другой стороны, в чём моя вина? Неужели не поймёт?»

Без особых приключений я добрался до озера Турэ и от него на своей казанке помчался вниз по Орловке. Приехав в посёлок, я сразу же о случившемся сообщил в промхоз и в местную районную прокуратуру... Из прокуратуры мне ответили, чтобы я никуда из посёлка не уезжал и ждал вертолёт с прокурором и следователем. Ночью ко мне заявился на квартиру раздосадованный участковый Клешнёв.

— Ты почему развёл партизанщину?! — сходу начал он. — Приехал и давай звонить!

— Без доклада вам? — усмехнулся я. — Думал, у вас и своих забот хватает. А позвонить нетрудно...

— А медведь-то здоровый? — несколько смягчился участковый инспектор.

— Центнеров пять, а может и более. Пока обдирали — надорвались vorочить, — подзадорил я его.

— И теперь что? — спросил он.

— Да вот жду вертолёт. Просили, чтобы никуда из посёлка я пока не уезжал.

— Вместо тебя полечу я, — отрезал участковый.

— Но нужны прокурору не вы, а я. Я ведь свидетель и непосредственный участник событий.

— Я тебе сказал, гнида, значит, слушай, — зло посмотрел на меня Клешнёв, выходя в сенки.

«Похоже, эвенк рассказал о нём правду, — проводил я инспектора взглядом. — Что ж, буду ждать вертолёт, а там посмотрим», — закрыл я за ним дверь.

Ми-2 закружился над посёлком через сутки. У меня всё к его прилёту было готово. Я накинул на плечи рюкзак, взял на поводок Стрелку и побежал навстречу садящемуся вертолёту. Когда я подошёл к вертолётной площадке, то увидел готового к полёту участкового. Он стоял в сапогах, с ружьём, здоровенным рюкзаком и с двумя полиэтиленовыми мешками в руках. Инспектор собрался нагрузиться дармовым мясом. Когда открылась дверца вертолёта, то пилоты показали, что могут взять всего одного человека, не более. Больше мест не было.

— Кто охотовед? — спросил кто-то. — Кто нам звонил?

Но Клешнёв, не слыша вопросов, опрометью бросился к ступеням вертолёта, пытаясь скорее залезть. И тогда, не помня себя от возмущения, я подошёл к нему и, схватив за шиворот, вышвырнул из вертолёта. Не обращая внимания на вытаращенные от злобы глаза милиционера, я заскочил в аппарат и, представившись, сел на свободное место. Рядом со мною примостилась Стрелка. Взяв меня, борт тут же пошёл в гору. И через несколько минут под вертолётном закачался зелёный океан тайги.

Услышав звук вертушки, эвенки у своего стана разожгли сигнальный костёр. Когда мы сели, приезжие из прокуратуры и администрации района своими глазами увидели случившееся, ко мне подошёл Виктор Алексеевич Девятое — прокурор Верхнекетского района.

— У меня просьба к вам, Георгий Алексеевич, — сказал он. — Нам придётся забрать труп погибшего. К сожалению, больше в вертолётe мест нет. Хорошо, что хоть собак покойного вы забрали. Поэтому придётся вам добираться до посёлка как-то самим. Но вы не беспокойтесь. Из Белого Яра я лично позвоню вашему участковому и попрошу его приехать за вами на лодке... Для страховки ему позвонит начальник районной милиции.

— Да я и не собирался назад с вами, — улыбнулся я прокурору, — По тому и собаку взял. А Клешнёв за мной принципиально не приедет я же его в шею из вертолётa вытолкнул.

— Это он за мясом собрался? — просто спросил прокурор.

— За мясом! — засмеялся я.

— А вы молодец, участкового не боитесь! Чуть что — сразу ко мне — протянул он свою крепкую руку.

Как я и предполагал, участковый за мной не приехал. После обряда отпущения духа медведя-людоеда и сжигания его плоти, эвенки дали мне напрокат один из своих обласков, на нём я и вернулся в посёлок. Улетел я в вершину реки осенью. Вернулся почти зимой. Последние километры облас шёл по сплошной шуге. Своих ног в резиновых сапогах я почти не чувствовал. Свежая медвежья шкура, которой я пытался их укрыть, плохо грела. Но холод и биваки у костров меня не угнетали. Из головы не выходило странное исчезновение и трагическая смерть Юрия Петровича. То, что в этом скрыта какая-то закономерность, я не сомневался.

«Но какая? И куда бегали ночью на озере Якынр наши собаки? На кого они лаяли? И почему эвенк так не хотел, чтобы я пошёл по следу собак? Вопросы, сплошные вопросы! Как найти на них ответы? Вся надежда на бабушку-шаманку. Интересно, что она мне расскажет? В среде эвенков я стал почти своим. Но, может, это мне просто кажется?» — про себя рассуждал я.

Глава 20. Костюм шамана Квельжбат-Гула

Незаметно пролетел октябрь, за ним ноябрь. На работе я исправно исполнял свои обязанности. Всё, что требовала от меня контора и даже более. Но удовлетворения от службы я не испытывал. Видел, как государство в лице промхоза обдирает охотников, как наживаются на их нелёгком труде местные чиновники из района. Как левые сотни соболиных щурок по давно отработанным каналам утекают в Москву. А оттуда, наверняка, и за границу. Меня угнетало, что я волею случая оказался встроенным в эту порочную систему и другого выхода, кроме как всё бросить и уехать, не находил. Удивляло то, что всей этой пушной мафией заправлял обычный промхозовский заготовитель. Человек с четырьмя классами образования, но хорошо умеющий делать деньги. Как он вышел на московских клиентов, оставалось загадкой. Но через этого человека пушнина уходила не только из района, но и из России. Именно у него останавливались те самые любители золота, которые распяли дедушку моего друга эвенка. Скорее всего, это были не новосибирцы. Сибирякам, какие бы они ни были злые и жадные, не придет в голову обратиться к библейской казни.

«Они бы его ещё распилили, как некогда сделал святой царь Давид с амонитянами! — думал я, перебирая в памяти услышанное от эвенка. Скорее всего, это москвичи. Почерк не сибирский. Немыслимо не по-русски жестокие. Уж не с сектантской ли какой московской организацией связан наш уважаемый начальник Орловского участка и заготовитель? — закралась у меня мысль. — Если так, то многое, само собой, становилось понятным. Например, почему ни с того ни с сего покончила жизнь самоубийством его дочь? Девушка узнала про отца что-то такое, чего не смогла пережить... Почему заготовителя побаивается руководство промхоза? Практически КЗПХ руководит он, а не директор...»

Это я понял с первых дней своей работы. И мне оставалось в основном стать наблюдателем. Ни в какие сомнительные дела не вмешиваться, как можно больше видеть и, по возможности, стараться меньше о себе говорить. Разобравшись, что происходит в районе, я сделал для себя установку: понять трагедию Юрия Петровича, а потом рассчитаться и уехать. И вот, наконец, в середине декабря начало сбываться то, ради чего в таёжном посёлке я жил и работал.

Поздно вечером ко мне пришла сестрёнка Коли, ученица восьмого класса — Лиля. Она жила у своего дяди по матери и старалась окончить школу не в интернате, а рядом с родными. Девочка сообщила мне, что только что в Центральный на оленях приехала её бабушка. И что она, старая шаманка, желает меня видеть. Но так, чтобы никто не знал о нашей с ней встрече.

— Где бабушке Нюше удобнее, туда я и приду, — сказал я Лиле.

— Ходить не надо, — улыбнулась девочка. — Лучше чай поставь. Часа через два, когда посёлок уснёт, мы с ней придём.

Я обрадованно кивнул.

Через два часа, как и говорила Лиля, в дверь тихо постучали.

— Да, да, входите! — сказал я, идя навстречу гостям.

Первой в открытую дверь вошла Лиля, за ней её бабушка. Когда я взглянул на старую шаманку, то обомлел: на ней был зимний праздничный национальный костюм. Орнаментированный женский нагрудник переливался бисером! Аккуратно сшитая оленья кырняжка и капор были украшены белыми и чёрными костяными и роговыми украшениями. Высокие новые, сшитые из голубого оленьего камуса чеколмы на подошве красовались ещё не вытертой оленьей щеткой! Сама старушка оказалась ниже своей внучки почти на голову. Маленькая и щупленькая, но полная какого-то особенного национального достоинства. Её цепкие карие глаза скользнули по моей фигуре и упёрлись в точку чуть выше моих бровей.

Секунду старушка молчала, потом, ответив на приветствие, начала снимать с себя верхнюю одежду. Я помог гостям раздеться и пригласил их к столу. На нём были все, какие я только смог отыскать у себя яства: свежий хлеб, жаренные с яйцами макароны, нарезанный на ломтики кусок отварной лосятины. К чаю я поставил заветную банку мёда и тарелку с налитой в неё сгущёнкой. Когда гости уселись за стол, бабушка Ньюра сказала:

— Я не кушать к тебе пришла, лючи — друг моего народа. А рассказать тебе великую тайну этой вот земли. Наверное, здесь на Кети и Сыме только я знаю её... Этим, — показала она на свою внучку, — уже ничего не надо. Только курить да пить! Да ещё на себя тряпки разные вешать, как в телевизоре. Давай, бери бумагу и запиши, что я скажу тебе.

— Но меня интересует исчезновение и смерть...

— Твоего друга? — перебила меня эвенкийка. — О том сам догадаешься, когда меня выслушаешь. Поэтому не перебивай, а запоминай. Может, когда-нибудь тебе это всё понадобится. И меня добром помянешь.

Я принёс чистую тетрадь, карандаш и, раскрыв её, стал слушать.

— Тунгусы народ древний, — начала своё повествование сказительница. — Когда-то нас было много, как звёзд на небе. Но то, о чём я говорю, было давно. Очень давно. Ещё до великого горя.

— А что вы имеете в виду, говоря о великом горе? — посмотрел я на сказительницу.

— Время страшного несчастья — время гибели мира! Легенды говорят, что качалась земля, с неба падали звёзды и всё вокруг горело. А потом исчезло на несколько лет Солнце, и наступили великие холода. Тогда весь народ тунгусов и вымер. А те, что уцелели, пошли с мёртвой земли искать землю живую. Сказания шаманов повествуют, что в те далёкие времена наши предки жили далеко на юге, и на север они пришли, чтобы спастись от голодной смерти и от преследующих их врагов. Несколько столетий жили предки эвенков — орочёны на Большой реке, которую называют теперь Амуром, а потом, попросив разрешение, двинулись к Сибирскому морю Ламе. На Ламе орочёнов стали называть ламутам.

— А у кого вы спросили разрешение перейти Амур? Насколько я знаю, Сибирь несколько тысяч лет тому назад была незаселённым краем.

— Это в твоих дурацких книгах так написано, а ты, лючи, им веришь! Верить надо тому, что помнят предки, а не писанине, — показала шаманка корявым пальцем на полку с книгами. — Когда орочёны переходили Амур, здесь, в Сибири, было большое царство!

— Царство? — опешил я. Мне показалось, что старушка спятила.

— Да, Геша, царство голубоглазого и русоволосого сильного народа эндри. Эндри на реку Амур пришли после Великой Беды откуда-то с севера. Предания говорят, что у них там тоже было царство, но его поглотили наступившие холодные воды.

Шаманка несла какую-то чепуху, но я, чтобы не обидеть гостью, сделал вид, что ей верю.

— Я тебе рассказываю про царство эндри, чтобы ты знал, что Сибирь никогда не принадлежала ни остякам, ни дяндрим-кетам, ни юракам, ни одулам. Все эти народы пришли с юга и эндри дали им место и научили жить на севере. Раньше всех в Сибири появились маленькие чури. Предания рассказывают, что они очень давно жили по берегам северного Ламы, но с приходом туда юраков ушли под землю.

«Вот, началось, — подумал я, — чуть что, сразу же под землю, и концы в воду! Несёт какую-то несуряицу».

А между тем бабушка, закрыв глаза, продолжала:

— Все пришедшие с юга роды были малочисленны. Если бы эндри не пустили их под своё покровительство, южные враги их бы всех убили. Предания шаманов повествуют, что темнолицые злые народы охотились на предков эвенков и одулов как на дичь. Они ели

человеческое мясо. И не будь сильных эндри, пришли бы и в Сибирь. Ты должен знать, Геша, что предки эвенков во времена великого кочевья знали только собак. Разводить оленей они не умели. Жили только охотой. И поэтому часто голодали. Хорошими оленеводами были белоглазые эндри. Это они подарили ламутам оленей и научили их разводить. Научили эндри оленеводству и предков юраков. Ты видел, какие у нас большие и сильные олени? Почти такие, как лоси! Неужели ты думаешь, что эвенки смогли вывести такую породу? Мы умеем ухаживать за оленями, пасти их, охранять от волков, но и только. Говорят, что на востоке у тунгусов олени ещё больше наших. Но это все равно одна порода. Предания рассказывают, что и запорному рыболовству эндри научили наших предков. В древности ловить рыбу они не умели. Стреляли её из луков, но разве это рыбалка?

То, что рассказывала старая шаманка, меня стало почему-то захватывать. И я её спросил:

— Расскажите, что сохранили ваши легенды об этих самых эндри? Кто они были такие?

— Я же тебе сказала, что они пришли с севера, люди сильные и добрые. С белой кожей, светловолосые... Такие же, как ты.

— А как они жили? — задал я вопрос.

— Легенды шаманов говорят, что жили эндри по берегам рек. На высоких ярах строили себе большие города. Дома делали из брёвен с печами, разводили на юге, там, где нет беломошников, коров и лошадей, а севернее лосей и оленей.

— Как лосей? — удивился я.

— Не знаю, — пожалла плечами старушка. — Об этом надо спрашивать предков. Они всё знали. Если легенды говорят, что у эндри были домашние лоси, значит, так и было. В некоторых сказаниях и не такое рассказывается, — на секунду задумалась шаманка.

— Что же? — не удержался я.

— То, что эндри держали ещё и волосатых эндриков...

— Кого, кого? — не понял я.

— По-вашему — мамунтов, — невозмутимо ответила эвенка. — Само название «эндри» так и понимается, племя, разводящее мамунтов. Или мамунтовый народ.

«Может, поэтому столько мамонтовых костей и находят учёные на палеолитических стоянках в Сибири, — невольно подумал я. — Если мамонты были ручными, то это многое объясняет».

— Летом эндри любили передвигаться по воде на лодках, — продолжала свой рассказ сказительница. — Зимой на лошадях и оленях. Эндри и показали свои дороги нашим далёким предкам и научили ими пользоваться. Их кочевые дороги пересекали всю Сибирь с юга на север и с востока на запад. Пользуясь ими, ламуты и стали расселяться по необжитым местам Севера. Без таких дорог никуда бы наши предки не ушли. Так бы и крутились на месте, где есть дичь и корм для оленей. Часть тунгусов по горным тропам ушла от Ламы на восток. Их и сейчас называют ламутами. Другая часть — на север и запад. Знаешь, как появились на Сыму, Вахе, Тыму и Кети эвенки? — хитро улыбнулась бабушка.

— Откуда же мне это знать? — покосился я на неё.

— После зимних аргишей с реки Иньзя-Енисея они ходили на пермскую пушную ярмарку.

— Что?! — не поверил я своим ушам. — Так ведь это же минимум пара тысяч километров! Такое невозможно!

— Просто так, напрямую через урманы — нет! Но по старинной кочевой дороге эвенки в Пермь на своих оленях ходили... Эта дорога начиналась с Чуньки, за рекой Иньзя шла Ваховскими борами, потом борами Сальма и так до Камня. Везде корм оленям, везде сплошные ягельники. Иногда, правда, если весна приходила ранняя, то вернуться не успевали и до тёплой воды приходилось жить с оленями либо на Вахе, либо на Сыму. Потом переправлялись на

лодках, олени — вплавь.

То, что поведала старая шаманка, в голове у меня никак не хотело укладываться. Я смотрел на неё и думал: «Сидит, плетёт, что попало и разыгрывает меня... Но, с другой стороны, зачем ей это? Похоже, всё-таки говорит правду...»

— Со временем эвенки с Катанги решили переселиться на Вах и Сым. Тем более, места уже были знакомые. Так и сделали...

— Но на Сыму и Вахе жили остяки? — заметил я.

— С нандри и дяндри началась война, — кивнула головой старушка.

— С кетами и селькупамии, — пояснила Лиля.

— И что же?

— Эвенки оказались сильнее... Но то произошло совсем недавно, Царские люди запретили воевать...

Потом, подождав несколько минут, поев моих разносолов и попив чаю, шаманка сказала:

— Твой друг, Геша, потерялся как раз на такой вот кочевой дороге. Только эта дорога проложена эндри на север. На берега Ледяной Ламы. Она также идёт сплошными беломошными борами и болотами... Начинается она где-то с берегов Ингары.

— Так эвенки называют Чулым, — объяснила Лиля.

— Но почему он пропал? Почему исчез Юрий Петрович, как будто растворился? — задал я мучающий меня вопрос.

— Потому, что вошёл в место входа в наш мир духов. Он оказался на шаманском месте. Там, где когда-то общался с духами великий шаман эндри.

— А почему он все-таки вернулся? Духи его не приняли? — снова задал я вопрос.

— Его вернул назад шаман, — спокойно ответила, попивая горячий чай, бабушка. — Вернул вблизи избушки. И ему надо было не бежать, куда попало сломя голову, а зайти в зимовьё, растопить печь и дожидаться вас.

— А медведь? Почему на него налетел тот злобный амикан? Есть здесь какая-то связь? — посмотрел я на свою гостью.

— Есть, конечно, — вздохнула она. — Будь у Юрия Петровича с головой всё в порядке, он был бы жив. Но твой друг не перенёс того, что увидел. Сказалось современное воспитание. И духи решили его убить.

— Но ведь это же жестоко! Почему так?

— Ты думаешь, для Юрия лучше было бы оказаться в сумасшедшем доме? Кто бы ему поверил в его рассказы об увиденном? Не жестокость, однако, а наоборот... Если бы он дождался вас и вы бы его успокоили или, наконец, привезли бы его ко мне, всё было бы, наверное, хорошо. Но у твоего друга оказались слишком слабые нервы... И потом, у него был долг. И он его должен был отдать.

— Что ещё за долг? — спросил я недоверчиво старушку.

— Плохое отношение к амиканам. Стрелял их ради удовольствия... — закончила своё объяснение шаманка.

— Пойдите! С ваших слов получается, что шаман эндри жив?! Эти загадочные эндри где-то в тайге живут?

— Основная их часть много веков назад откочевала далеко на юг. А потом, говорят, ушла на запад, — первый раз посмотрев на меня, улыбнулась шаманка. — Но многие семьи того народа остались. Они управляли племенами Сибири вплоть до прихода сюда из-за Камня лючи, — поднялась из-за стола сказительница.

— Всё, нам пора, — сказала Лиля, помогая своей бабушке одеться. — Спасибо за чай!

— Спасибо вам за повествование! — растерянно пробурчал я. — Я столько от вас узнал!

— Запомни, — перед уходом посмотрела на меня шаманка, — по берегам рек, здесь на Кети, на Сыму, на Вахе, Оби и Енисее и дальше на восток, вплоть до Великой Ламы, стоят сотни брошенных городов. Городов ушедшего на юг великого народа. Не мы, эвенки, и не якуты хозяева этой земли. Все мы на ней гости. Только гости, которых когда-то пустили сюда пожить. Подлинные хозяева Сибири вы, лючи — прямые потомки великих эндри. Но вы об этом ничего не знаете!

Когда эвенки ушли, я никак не мог поверить в то, что услышал. Сотни городов! Дороги! Прирученные лоси и мамонты! И до сих пор живущие среди лесов ведические жрецы! Сказка, да и только! Но что-то подсказывало, что я прикоснулся к истине. К тому бесценному знанию, которое почему-то тщательно скрывается от русского народа. То, о чём поведала старая шаманка, из моей головы никак не выходило. Властелины севера, легендарные русоволосые эндри? Люди, некогда приручившие лосей и мамонтов! Кто они? Припомнились однажды увиденные мною Ленские писанницы. На них были изображены погонщики, сидящие на громадных лосях, и бегущие за мамонтами охотники. Может, писанницы рассказывают о жизни эндри? По словам шаманки, о русских людях, некогда живших в Сибири? А может, и не русских, но всё равно, людей белой расы.

«Интересно, — думал я, — сохранились древние кочевые дороги эндри в наши дни или нет? Вот бы побывать на одной из них и своими глазами убедиться, что всё, о чём я услышал, — правда. Но скорее всего, кочевые дороги давным-давно заросли лесом. А если за ними кто-то ухаживает? Например, на севере селькупы и ненцы, южнее те же эвенки или кеты? Хотя вряд ли. Слишком много прошло времени. Древняя традиция, наверняка, прервалась. Но тогда почему шаманка определила, что Юрий Петрович потерялся как раз на одной из таких дорог? И потом, старушка рассказала об оставленных жителями сотнях северных городов. Что это за города? Где они? Я ни разу их не видел».

И мне опять захотелось встретиться со старой эвенкией. В конце декабря, когда школьники из эвенкийского стойбища решили отправиться к родным на каникулы, я, как человек более или менее свободный, к радости директора школы согласился их проводить. Ребят было всего пятеро. И все они были хорошими лыжниками, поэтому проблем в дороге с ними не было. Переночевали в одной из пустующих охотничьих избышек и к вечеру следующего дня были на месте.

На стойбище ребяташек ждали. Над чумами висел запах свежееиспечённого хлеба и жареного мяса. Когда я подошёл к чуму Николая то навстречу высыпали все его обитатели. Борис Леонтич протянул мне свою крепкую руку и, пожав мою, сказал:

— Молодец, что пришёл, Геша! Теперь у нас будет настоящий праздник — все в сборе!

«Все», как я понял, относилось и ко мне.

— Он что и вправду? — повернулся я к улыбающемуся Николаю.

— Конечно! — кивнул головой молодой эвенк. — Ты для нас как свой, хоть и лючи. Тебе женщины и костюм наш сшили, а мы с отцом лыжи настоящие кысовые склеили... А то ходишь на чём попало, — показал охотник на мои подшитые шкурой лошади подволоки.

— Чем тебе не нравятся мои лыжи? — обнял я эвенка. — Такие же лёгкие, как и ваши, только камус не тот. Зато никто не придирается. У нас есть один в Центральном, ты его знаешь — Рычагов! Так он, за неимением камусов, собрал в посёлке бродячих котов, из их шкуры сделал себе лыжи лучше ваших — в любой мороз катятся!

— Ха-ха-ха! — засмеялись над моим рассказом про Рычагова эвенки.

— На лыжах у Рычагова коты! Ха-ха-ха!

— Ну, ты нас и насмешил! — хлопнул меня по плечу Борис Леонтич. — Айда в чум, будем чай пить!

Это означало — есть до упаду, потом, завернувшись в оленью одеяло, спать, а потом снова есть... Перспектива не весёлая. Но с дороги она вполне годилась. Я, улыбнувшись, кивнул. Через несколько минут, услышав, что я на стойбище, в чум вошла бабушка Ньюра. Она молча сбросила с себя кырняжку и, посмотрев на огонь, сказала:

— Пошто не снимаешь чирки? Ты же пришёл в семью, значит, надо одеваться по-нашему: на ноги — лукду или чиколмы, на плечи — кырняжку. Вот твой нагрудник, — протянула она мне сшитую эвенками одежду. — Его Лиля для тебя ещё осенью вышила...

Я взял в руки разложенные передо мной подарки и, растерявшись, не знал, что с ними делать.

— Бери-бери, не стесняйся, — подбадривал меня Борис Леонтич. — Зимой надо ходить по-нашему, тогда не замёрзнешь. Что твоя фуфайка? Она не для леса...

— По крайней мере, будем за тебя спокойны, — сказал Николаи серьёзно. — В нашем обмундировании, — применил он армейский термин, — можешь спать без костра прямо на снегу.

— Спасибо, друзья! — посмотрел я на добродушно улыбающиеся лица эвенков. — Таких сердечных людей, как вы, я, право, ещё не встречал.

— Это наш долг, вот и всё, — посерьёзнела баба Ньюра. — А людей хороших на свете много, и ты их ещё встретишь.

Через несколько минут я был уже в эвенкийской одежде. Обувь оказалась как раз! Олений кафтан под мышками немного давил, но большой беды не было. Он тоже вполне годился.

— Завтра лыжи померяешь. Юксы подойдут, — осмотрел меня со всех сторон Борис Леонтич. — А сейчас все за стол! Надо обмыть обновку, — снял он с огня казан с кипящим чаем.

Поздно ночью, когда все стали укладываться спать, бабушка Ньюра засобиралась к себе.

— Я тут недалеко, в двух километрах. Там у меня Лиля, наверное, девчонка совсем заждалась.

— Давайте я вас провожу, — вызвался я. — Всё равно спать неохота.

— Ну что же, пойдём, — согласилась шаманка. — Если отдыхать неохота, я тебе кое-что расскажу, — посмотрела она на меня, улыбаясь, очевидно, читая мои мысли.

Мы вышли на мороз и, надев лыжи, молча отправились в сторону бора. На чёрном бархатном зимнем небе горели звёзды. Стоял трескучий мороз. Где-то вокруг нас хоркали, разгребая снег, олени. А впереди чёрными колоннами вздымались к небу вековые сосны. Через полчаса мы подошли к чуму бабушки. В жилище нас встретила Лиля. Девочка сидела у горящего огня и что-то шила.

— Посмотри, какого эвенка я привела! — показала на меня баба Ньюша. — Давай ставь чай, у нас разговор будет, — обратилась она к девочке.

— Он давно вскипел, — улынулась Лиля.

— Тогда тащи оленью лопатку, соль и перец. Будем кормить Гешу национальным.

Накинув на себя верхнюю одежду, Лиля вышла на улицу. Было слышно, как она открыла рядом стоящий лабаз.

— У тебя накопились ко мне вопросы? — уселась, скрестив ноги на оленью шкуру, шаманка. Не стесняйся, что смогу, то тебе расскажу. Только сможешь ли ты меня понять?

— Постараюсь, — ответил я.

В этот момент в чум вошла Лиля. Она положила на низенький стол замороженную оленью лопатку. Насыпала в берестяную миску соль, смешала её с перцем и протянула мне узкий острый нож.

— Бери, ешь не стесняйся, — кивнула головой бабушка.

— Сколько же можно есть? — взмолился я. — Так ведь лопнуть недолго.

Но для приличия я отрезал кусочек мороженого мяса, макнул его в соль с перцем и положил в рот. К строганине я был давно привычен, поэтому, хоть есть и не хотелось, кушал с аппетитом. Видя, как я расправляюсь с мясом, эвенки, одобрительно кивнув головами, отрезали и себе по кусочку.

— У нас на севере, если не будешь кушать сырое, скоро помрёшь, — сказала бабушка.

— А потом вкусно! — добавил я. — Разве можно сравнить с варёным или жареным?

— Обычно оленину готовим приезжим. Мёртвое мясо есть мёртвое. Оно ничего не даёт. В животе что камень. Но вы, лючи, к нему более привычны.

— Старая сибирская традиция забыта, — сказал я. — В сибирской русской кухне строганина тоже была. Потому русские сибиряки цингой никогда и не болели.

— Если ты говоришь, значит так, — кивнула головой шаманка. — Но, давай перейдём к делу. Какие у тебя ко мне вопросы?

— Вы в прошлый раз сказали, что на берегах наших рек стоят развалины родов мамонтового народа — эндри. Но я ни разу развалин этих не видал. Мне бы хоть раз взглянуть?

— Значит, плохо смотрел, — кинула себе на плечи оленью кырняжку шаманка. — Глаза есть, но не видят. И потом, ты должен знать, что эндри из камня и кирпича ничего не строили. Всё у них было сделано из дерева и из земли. Дерево гниёт и горит. Так что со временем, на месте жилищ остаются одни земляные валы. И ещё ямы. На этих валах давно выросла тайга. Потому ты ничего и не заметил. А города были большие. По несколько километров в поперечнике! Местные остяки эндри называют квелями. Или берёзовыми людьми. Потому что у эндри священным деревом считалась берёза. Съезди на Кеть в Олипку к остякам, спроси места, где жили квели. Они тебе покажут. Когда-то на Кети стоял острог. В детстве я в нём была. От его стен почти ничего не осталось. Сгнили и упали. Но остяки моему отцу рассказали, что этот острог лючи построили на месте города квелей или эндри. Так вот, Кетский город лючи был намного меньше древнего, на котором стоял. Найди это место и сам убедись, — посмотрела на меня шаманка. — На Кети, слышала я от стариков, стояло пять больших городов эндри и ещё несколько поменьше. И на Орловке есть место, где жили эндри, недалеко от её устья. Весной ты можешь туда съездить. Там видны места, где стояли деревянные дома и валы крепости. В тех борах остяки находили железные кольчуги, потерянные топоры и даже стальные мечи. Правда, всё ржавое и негодное. Но ты должен знать, что остяки железо не плавил. Они до прихода сюда лючи всё делали из кости и камня. Железо знали только мы, тунгусы, но нас здесь тогда не было.

— Ты ещё упомянула про какие-то храмы у эндри. Как они, эти капища, выглядят? — припомнил я.

— С местами силы всё просто. Их проще увидеть, чем города, — начала объяснять шаманка. — Обычно это высокие насыпи, на них стояли, по рассказам остяков, стены, а вокруг хорошо видны три круговых вала. Дай-ка, Лиля, мне кусочек бумаги или бересты, я ему нарисую, — позвала внучку бабушка.

Девочка быстро выполнила просьбу сказительницы. И шаманка, положив тетрадный лист на столик, нарисовала на нём огрызком карандаша схему столицы Атлантиды! Ту, которую описал в своих диалогах Платон! Три концентрических земляных кольца, а в центре насыпь, где в древности стояло какое-то строение...

«Получается, что столица легендарной Атлантиды являлась городом-храмом, — пронеслось в голове. — Налицо одна и та же традиция».

— А ты случайно не знаешь, каким богам молились эндри? — с надеждой в голосе спросил я шаманку.

— Слышала от стариков, что у эндри в большом почёте было Солнце. И ещё Огды.

— Кто это? Я о нём ничего не знаю.

— Это наш повелитель неба. Который порождает всё живое и неживое, в том числе и звёзды. Когда-то эндри учили и предков эвенков обращаться к Солнцу и к высшим духам неба. Но со временем многое забылось, — вздохнула старая эвенка. — Мы живём в трёх мирах. Но знаем, что Огды ими повелевает, — добавила она.

«Огды, Огды! Так ведь он является эвенкийским абсолют! Высшей силой мироздания. И эндри его почитали... Что же получается? Ни что иное, как представление о единобожии! Такое же, как и у ариев? А Солнце — дающая свет и тепло звезда, всего лишь проявление высшего... Ну и открытие! От такого ум за разум зайти может! То, что рассказала старая шаманка о религиозных представлениях легендарного народа, доказывало, что они, эти самые эндри, или квели были точно такими же ариями, какие когда-то покорили Индию, Иран и всю Европу!»

Я смотрел на старую шаманку и думал:

«Ведь ты же меня разбудила, бабушка. В моей душе всерьёз возник интерес к прошлому. С одной стороны, это здорово! Но с другой, как мне теперь жить — никому и ничему не веря?! Особенно ортодоксам-учёным-историкам. Интересно, с какой целью они, все эти академики от исторической науки, придумывают мифы о том, чего не было? Наверняка здесь замешана политика и какие-то далеко идущие планы... Узнать бы какие? Доказать всему миру, что мы, русские, в Сибири всего лишь гости? Получается, что кому-то позарез нужна эта земля? — все эти мысли чередой пронеслись в моём сознании. — Уж не потому ли шаманка на первой нашей встрече обратила моё внимание на то, что мы, лючи, потомки древних эндри, но только не знаем об этом? Масштабно мыслишь, бабушка, масштабно! И что более всего интересно — современно!»

— Ты сказала, что из потустороннего мира отпустил Юрия Петровича шаман. Он что с того света это сделал? — задал я новый вопрос шаманке.

— Пошто с того света? — улыбнулась старая эвенка. — С этого.

— Получается, что шаманы эндри где-то по урманам живут? — удивился я.

— По лесам да болотам. Там скитаются старообрядцы. Всё от власти спасаются. Раньше от попов, сейчас — от коммунистов. Белые шаманы живут рядом с вами, лючи. В посёлках или даже в городах. И власти не знают об этом. Иногда они посещают старинные места силы. В особо важных случаях. Но такое бывает редко. В основном, во время общения с предками и посвящения молодёжи.

— И эвенкам приходилось с ними встречаться? — меня от слов старушки бросило в пот!

— Приходилось, — спокойно сказала баба Ньюра. — Потому мой покойный муж и увёл стойбище из вершины Орловки к Турэ. Хотя нам не запрещено там бывать. Зимой за дикарями мы ходим в те места. Но предпочитаем жить здесь, — старая эвенка, посматривая на меня, замолчала.

— Можно ещё вопрос? — спросил я.

— Конечно, Геша, для того мы и собрались здесь, — кивнула головой бабушка.

— Получается, что Юрий Петрович столкнулся с шаманом эндри?

— Пошто столкнулся?! — из-за моего непонимания с расстроенным видом повернулась в мою сторону шаманка. — Никакого шамана твой Юрий не видел. Это белый шаман его узрел в нижнем мире и помог ему из него выбраться.

— А где тогда был шаман?! —

— Где-где! — оборвала меня на полуслове бабушка. — Какая разница _ где? Может, он живёт в Белом Яру, а может, где ещё? Разницы нет!

Насчёт шамана я почти ничего не понял. Но сделал вид, что до меня всё-таки дошло, подсел

к столу и принялся снова за строганину.

— Можно чайку? — посмотрел я через несколько минут на Лилю.

— О чём думаешь, лючи? — улыбнулась, глядя на меня, шаманка.

— Да вот, захотелось чаю... — схватил я обеими руками протянутую мне кружку.

— Не о чае ты думаешь, а мечтаешь, как бы встретить тебе шамана эндри, — прочла мои мысли бабушка.

— Это, наверное, невозможно? — спросил я её.

— В жизни всё возможно, Геша. Если ты не изменишь истине, то такой белый шаман сам тебя отыщет.

— А что вы имеете в виду под словом «истина»?

— Предания предков — в них есть ответы на все вопросы, — давая знак Лиле, чтобы девочка расстелила постели, тихо почти шёпотом проворчала шаманка. — Изучай предания у всех народов. Потом попробуй их сравнивать и тогда многое поймёшь.

— Что? — задал я глупый вопрос.

— То, что все они рассказывают об одном и том же. Это и есть истина. Учись её искать.

— А вы можете мне что-нибудь рассказать, если, конечно, можно? — спросил я старую сказительницу, зарываясь в оленьё одеяло.

— Конечно, могу. Только ты запиши, чтобы я не зря тебе говорила, иначе забудешь.

— Лиля, ты найдёшь мне завтра тетрадку? — обратился я.

— Найду, — отозвалась из своего угла девочка.

Вскоре маленький костёр в центре чума почти погас, и зимняя стужа со всех сторон проникла в берестяное жилище. Но я знал, что эвенки ночью огонь не поддерживают. Такова традиция. Сушняк надо беречь, его в тайге не так много. Под оленьим одеялом было и тепло и уютно. Забравшись под него с головой, я думал о разговоре.

«Неужели старая шаманка рассказала о белых жрецах народа эндри правду? Неужели они ещё живы и хранят древнюю традицию ариев? Вопрос: зачем они её хранят? Для будущих поколений? Выходит, что на Земле не всё ладно и она, эта традиция, народам планеты нужна? — роились мысли. — И что же мне завтра поведаёт старая шаманка? Она сказала, чтобы я изучал древние народные предания? Как она права! Этим я теперь и займусь», — подумал я, засыпая.

Когда я проснулся, то было уже совсем светло. Выбравшись из-под одеяла, я увидел, что в чуме никого, кроме меня, нет. В жилище тлел костёр и рядом с огнём стоял вскипяченный чайник. Выйдя на улицу и умывшись снегом, я понял, что женщины пошли собирать по бору сушняк. Накинув на ноги лыжи и взяв топор, я отправился вслед за ними. Вскоре на небольшом болоте я обнаружил массу сухостоя и взялся его срубить и стаскивать в кучу.

— Тебе помочь? — вдруг раздался знакомый окрик.

Я обрадованно поднял голову и увидел идущего по моей лыжне улыбающегося Николая.

— Мои тебя совсем потеряли — послали тебя искать. Ждут чай пить, — выпалил он скороговоркой.

— Я у вас вчера наелся на три дня, — протянул я ему свою руку. — Вот, хочу бабушке помочь. Похоже, они с Лилей сейчас дрова возят на нартах.

— Ты давай руби и вот сюда сушняк складывай, — показал Николай на кромку болота, — а я скоро вернусь.

И развернувшись на месте, эвенк бегом умчался назад к стойбищу. Через час он появился на оленьей упряжи.

— Я тебя ещё на оленях не катал? — посмотрел он на меня с гордым видом. — Сейчас буду катать.

Мы нагрузили сушняк на нарты и, взяв оленей под уздцы, повели их к чуму Колиной бабушки. В жилище нас уже ждали, за убранным столом сидела старая шаманка и Лиля.

— Что же делать? — развёл руками Николай. — Сначала чай здесь, потом поедem к нам! Ты ведь ещё наши лыжи не обкатал. Нехорошо!

Эвенк разгрузил сушняк, привязал оленей и подсел к столу. Через несколько минут, поблагодарив хозяйку, все трое: Лиля, Николай и я помчались на оленях к стойбищу.

— Вечером я тебя жду, — сказала мне на прощание бабушка. — И захвати бумагу...

Целых три ночи с вечера до четырёх утра я записывал то, что мне пела старая эвенка. Не зная эвенкийского языка, я был вынужден записывать сымский эпос по-русски. Переводчицей мне служила внучка бабушки Лиля. То, что я узнал, поражало. Основные события, о чём пела бабушка, происходили на Сыму, Кети, Тьме, в верховьях Ваха и на Тазу. Оба этих огромных региона, как я понял из эпоса, связывала древняя кочевая дорога народа эндри. И враги эвенков самодийцы, юраки и сами эвенки двигались по ней с юга на север и с севера на юг. В эпосе рассказывалось о похищении женщин, о борьбе шаманов и богатырей... Слушая это предание, мне захотелось самому побывать в тех местах. Увидеть воочию этот легендарный кочевой путь с Ингары-Чульма к ледяному ламе.

«Может, для того мне и спела свой эпос старая шаманка, чтобы у меня возникло такое желание?»

Так это или нет, я тогда не понял.

Я вернулся в посёлок вместе с учениками на своих лыжах и в своей одежде. Всё, что подарили мне друзья эвенки, я оставил у них на стойбище.

— Когда буду у вас в гостях или пойду в вершину реки, оденусь по-эвенкийски, — заверил я их. — В жилухе же национальная одежда мне ни к чему. Лесорубы меня не поймут. Чего доброго решат, что я вас ограбил. В феврале я снова появлюсь на стойбище, так что скоро увидимся, — махнул я на прощание рукой оленеводам.

К моей радости, в Центральном меня ждал сюрприз: руководство промхоза посылало меня в Томск, в командировку.

«Слава богу! — думал я. — Наконец-то увижусь с друзьями. Почти два года прошло как расстались. И о трагедии с Суровым рассказать надо. Иначе придумают такое, от чего в век не отмыться, хоть и не виноват вовсе. До меня стали доходить слухи, что наш участковый Клешнёв намекнул Гуте, жене Юрия Петровича, что я виноват в смерти её мужа?! Только вот он, инспектор, пока доказать это не может. И хотя прокурор района Виктор Алексеевич Девятков подобные сплетни в районе пресёк и предупредил участкового Клешнёва, чтобы тот их не распускал, в городе недоброжелатели во главе с женой Сурова болтали всякое. Но особенно мне хотелось увидеть замечательного парня — своего единственного и самого надёжного друга Н.Л. Ему я хотел рассказать все свои приключения и что произошло с Суровым. Попытаться его уговорить отправиться со мной в конце зимы на шаманское место, где потерялся наш общий друг. И оттуда пересечь по Древней кочевой дороге, если, конечно, нам удастся её найти, водораздельное болото. Потом войти в вершину Тьма и, перейдя его, попасть в Ваховские беломощные сосняки на границе с Северными Увалами. Н.Л. был тем человеком, которому можно было рассказать всё как есть без утайки. Он интуитивно чувствовал истину и свои мысли насчёт неё всегда высказывал.

— Ну что же — вперёд, только вперёд! — поднялся со своего кресла, выслушав мой подробный отчёт о пережитом и услышанном, Н.Л. — Историкам не надо, ну и бог с ними! По крайней мере, мы знать будем. А потом посмотрим, может, что в нашей науке со временем и изменится? Мы вот что с тобой сделаем, — продолжил он. — Я съезжу в облохотуправление, хорошо, что со всеми чиновниками я знаком, и возьму разрешение о проведении на твоём

участке учёта соболя. Тогда твои промхозовские хапуги тебя обязательно со мной отпустят.

— Если бы? — усомнился я. — Они могут кем-нибудь меня заменить. Например, старшим охотоведом промхоза Локосовым. Его у нас в районе «Ловкочёвым» кличат. Мужик он ушлый, не дай бог, если так получится!

— Да...а! Ты меня озадачил! — почесал затылок Н.Л. — Что же делать?

— Может, ты, как работник научной организации, которая взялась за проведение в районе учёта нужных зверей, сможешь настоять, чтобы с тобой отправился не кто-нибудь, а именно я? — посмотрел я на него с надеждой.

— Настаивать я, конечно, могу, но что это даст?

— Знаешь что? — пришла мне в голову идея. — Давай так: если тебя зацепят с Ловкочёвым или с кем-то другим, я сразу же напишу заявление на расчёт. Всё равно мне в промхозе не работать. Как ты сейчас сказал — с хапугами! Один наш заготовитель чего стоит! Против него и директор, и старший охотовед — мелюзга! Похоже, он их всех кормит, потому и вертит ими как хочет!

— Тогда в чём дело?! Проблем нет! Давай, назначай срок, когда выступаем, — потирая ладонями, улыбнулся Н.Л. — Я почти готов. Кое-что по работе улажу и всё! Да, ты лыжи-то мне какие-нибудь найдёшь, настоящие таёжные?

— Думаю, да, — засмеялся я. — Или у староверов, или возьмёшь мои. На стойбище у меня новые, национальные эвенкийские!

— А до стойбища я что, по пояс в снегу пешком?

— Да найду я тебе лыжи, не переживай, — сделал я серьёзную физиономию, видя чудачество Н.Л.

— Тогда решено, жди меня в начале февраля.

— Но мне, кажется, что нас двое и твой эвенк — всё-таки маловато? — озабоченно посмотрел на меня мой друг. — Хорошо бы ещё кого привлечь? Мало ли что в тайге может быть, да ещё зимой?

— У меня есть хороший знакомый учитель физкультуры из нашей поселковой школы. Думаю, Сергея уговаривать не придётся. С его директором у меня отношения отличные. Он умный и всё поймёт.

— Ну, тогда другое дело! — развёл руками Н.Л. — Оказывается, ты уже всё обдумал и дело только за мной?

Как я и предполагал, промхозовское начальство, заподозрив что-то неладное, вместо меня предложило Н.Л. в помощники по учёту пушных зверей на Орловском участке, старшего охотоведа Локосова. И мне ничего не осталось, как написать заявление об уходе с работы. Освободившись, таким образом, от опеки коллег из района, я по-быстрому собрал две ручные нарты, закупил на дорогу все необходимые продукты и стал поджидать приезда своего друга. С третьим участником нашей тайной экспедиции вопрос решился в один день. Директор поселковой школы порядочный и умный человек, понимающий многие вещи без слов, выслушав мою просьбу, дал добро.

— Что же, я сам буду вести физподготовку, забирай парня, если надо! — коротко заключил он.

— Молодец Люткевич! — вышел я из его кабинета. — Умница! Не любопытный... Надо, значит, надо. Все бы директора такие были!

Когда приехал Н.Л., у нас с Сергеем Старковым, так звали молодого учителя физкультуры, всё уже было готово. Оставалось последнее, постараться незаметно исчезнуть из посёлка. Почему мне хотелось сделать это тайно, я и сам не знал, но интуиция подсказывала, что так надо. Иначе может случиться непоправимое. Мой дом, где я тогда жил, стоял на краю

заболоченного бора. И, подумав, мы решили, что лучше всего нам уйти через него не на Орловку, а на её приток — на Чурбигу. Уйти по старой моей лыжне, чтобы новых следов лыж на снегу вокруг посёлка не было. По пойме Чурбиги, где невозможно проехать снегоходом, добраться до Яр-Маракана — гигантского бора междуречья. И по нему выйти на озеро Турэ к стойбищу. Этот план был хорош тем, что по нашим следам экспедицию на технике было не догнать. А пешком на лыжах промхозовские начальники ходить не любили. И вот в ночь на 12 февраля 1975 года, надев лыжи и впрягшись в нарты, мы двинулись по моей старой лыжне в неведомое. С экипировкой у нас было всё в порядке. На всех троих красовались Добротные стёганые куртки, на ногах с длинными суконными голяшками кожаные чирки. В нартах лежало сменное бельё, одеяла и продукты. Все трое шли на настоящих камусных лыжах: и Н.Л., и Сергею я взял лыжи у местных старообрядцев. До самого утра мы двигались молча, каждый думал о своём. Спать не хотелось. Тусклого света неполной Луны нам вполне хватало. Когда лыжня кончилась и путь лёг по целику, мы стали по очереди меняться. Обычно тот, кто шёл без нарты, торил дорогу, когда начинал уставать, его заменял тот, кто только что тянул нарты. Такая смена нагрузки позволила за ночь пройти больше тридцати километров. Когда рассвело, мы решили сделать, наконец, привал. Выйдя на кромку болота, натаскали побольше сушняка, разожгли из него костёр и, утоптав снег, устроили первый свой подходный лагерь. Пока я кормил двух наших лаек, ребята вскипятили чай и накрыли на стол.

— Наверняка, в посёлке ещё не знают, что мы ушли! — оттаивая у огня булку хлеба, предположил Сергей.

— Завтра уже догадаются, — сказал я. — Есть люди, которым всё интересно...

— Пусть догадываются, догадываться не вредно, — открывая банку со сгущёнкой, засмеялся Н.Л. — Пускай попробуют проехать за нами на «буранах» по такой чащобе! Это же не бор, где сосна от сосны на десять метров!

— А зачем они, собственно, могут за нами увязаться? — поинтересовался Старков. — Мы им что, мешаем?

— Как зачем? — удивился Н.Л. — Чтобы нас всех вернуть. Хоть промхоз и арендатор, но чувствует себя на госугодьях хозяином. Раз я не взял на проведение учётов их, как его там? Ловкачёва, значит, уже не порядок! Мы все, как они считают, на их угодьях вне закона...

— Так что, нас могут втихаря и кокнуть? — покосился на Н.Л. Серёжа.

— Всё может быть, — задумчиво попивая чай, ответил командированный госохотуправлением. — Если испугаются, что наша работа нацелена для того, чтобы изъять Орловский участок из аренды. Фактически, если лишит промхоз возможности добывать здесь пушнину, то администрация его может пойти и на крайние меры. Насколько нам известно, — кивнул Н.Л. в мою сторону, — именно с этого участка и утекает пушнина в Москву. Если прервётся аренда, то пострадает не столько промхоз, сколько карман местного заготовителя. Так что нас всех вполне могут и заготовить, — закрыл глаза от удовольствия, попивая чай, Н.Л.

— Ничего себе! — вытаращил на него глаза Стариков. — Вы этого вначале мне ничего не говорили?

— Если испугался, то можешь идти назад по лыжне, не заблудишься, — посмотрел я на него.

— Ничего я не испугался, мне даже интересно! В переплётах я ещё не был... — сконфузился Серёжа.

— Вот и побываешь, — философски заметил Н.Л.

— Не падай духом — обойдётся! Главное добраться незаметно до эвенков. На стойбище Ловкачёвы не сунутся. Один раз Борис Леонтич этого Локосова прямо в промхозе чуть не зарезал. Охотовед хотел старика оленей лишить. Загнать его со стадом туда, где нет для них

ягельника, — как мог успокоил я Сергея. — К эвенкам они не приедут.

— Может, вздремнём чуток? — предложил Н.Л.

— Думаю, что можем отдохнуть до завтрашнего утра, — продолжил я мысль своего друга. — Завтра утром чуть свет в дорогу.

И день и половина ночи прошли в разговорах. О тех, кому мы мешаем, больше не вспоминали. Я рассказал ребятам о предстоящем маршруте по пойме Чурбиги и о переходе через гигантский сосновый бор междуречья. Сказал, что в это время в борах появляются северные олени, что проблем с питанием у нас не будет.

— Хочется тебе верить, — сказал перед сном Н.Л. — Иначе, кого-нибудь с голодухи зажуём.

— Начнём с собак, — отозвался я из своего спальника.

— А кем закончим? — спросил Серёжа.

— Тобой! Кем же ещё, — хихикнул Н.Л. — Ты у нас самый молодой и сочный.

Утром следующего дня экспедиция двинулась по пойме Чурбиги. Нас вскоре обступил вековой ельник, пробивать лыжню в котором было очень трудно. И лыжи, и нарты то и дело цеплялись за прутняк. Приходилось из-за этого часто останавливаться, а иногда и прорубать топорами дорогу. В этих дебрях мы потеряли два дня. А прошли всего ничего — каких-то, по моим подсчётам, 25–30 километров!

— Ещё десяток километров, и мы перейдём речку и войдём в Яр-Маракан, — подбадривал я своих спутников, сидя у очередного костра. — Завтра будем в бору.

— Хорошо бы, — отозвался Серёжа. — Честно говоря, мне эти ели и пихты надоели до тошноты. Смотреть на них не хочется!

— А ты смотри больше под ноги, — посоветовал учителю Н.Л. — Меньше будешь падать и спотыкаться.

— Постараюсь, — вздохнул последний, засыпая.

По всему было видно, что Сергей с непривычки стал уставать.

— Ничего, скоро втянется, — показал глазами на спальник Старкова Н.Л. — Ты скажи мне правду, скоро мы вылезем из этих дебрей? — спросил он меня прямо.

— Зачем мне врать? — пожал я плечами. — Можно перейти реку, и через три километра бор! Но мы тогда окажемся на озере Минка. На нём сейчас работают подсочники. Нас увидят. Начнутся разговоры: куда да зачем? Есть ли у вас согревательное и т. д. Тебе это надо?

— Нет, конечно, — вздохнул Н.Л.

— Тогда придётся немного потерпеть.

— Что же будем терпеть, раз надо, — накрылся он своим одеялом. — Только давай дадим Сергею немного отдохнуть. С нартами справимся сами.

— Если он захочет, — положил я пару брёвен в горящую надью. — Самый трудный участок мы прошли, завтра будет полегче.

И действительно, на завтра к обеду мы вышли на тропу, ведущую на озеро Турэ.

— Всё! — показал я на неё. — Сворачиваем и идём в междуречье. Скоро дорога наша станет идеальной! В бору снег твёрдый, и собаки от лыжни немного отдохнут. А то от неё никуда — сразу по уши!

Через час, перейдя речку, мы углубились в вековой бор.

— Вот он, знаменитый Яр-Маракан! Почему-то эти места так зовут остяки и эвенки, — показал я на уходящие в небо вековые сосны.

— А что означает Яр-Маракан? — спросил Сергей.

— Честно говоря, не знаю, — улыбнулся я. — Придём, надо будет спросить.

Через несколько минут из-под ног идущего впереди Н.Л. выпорхнул, поднимая снежную

пыль, огромный глухарь. За ним с визгом бросилась со своей подружкой Стрелка.

— Ну и напугал же он меня! — уселся на лыжи мой друг. — Я думал, граната взорвалась!

— В тайге надо обязательно иметь запасные штаны! — раздался сзади назидательный голос Сергея. — Я захватил с собой ажно две пары.

— Думаю, ты мне должен выделить из своего арсенала... — осматривая себя, поднялся на ноги Н.Л.

Глядя на чудачество друзей, я расхохотался.

— Всё нормально! Раз настроение хорошее — значит, коллектив сложился.

Осталось принять в группу Колю Лихачёва. Но за эвенка я не беспокоился. Что-что, а вести себя Николай умеет. И выдержка у него отменная. Через несколько минут, увязая в снегу, на лыжню возвратились собаки.

— Ну что, Стрелочка, это тебе не осень, так что советую за глухарями не гоняться. Лучше иди по лыжне сзади. Когда станет наст, тогда и набегаешься.

Собака, как будто понимая меня, улеглась на лыжню и стала интенсивно выгрызать набившийся между пальцами снег.

Пройдя по бору с десяток километров, мы навалили сушняка и разбили лагерь.

— Отсюда до стойбища два дня ходьбы, не больше. Так что скоро придём! — подбадривал я своих друзей.

— Хоть десять! — улыбнулся Старков. — По бору идти одно удовольствие.

— Не скажи! — засмеялся я. — Нам везёт, что нет оленьих покопов, иначе придётся снимать лыжи и идти пешком. Сплошные ямы! Всё это, Серёжа, у нас впереди.

— Не хотелось бы! — проворчал тот.

— Ничего, нет худа без добра, — заметил Н.Л. — Хоть браконьерить мы и не имеем права, но в экстренных случаях, чтобы не стать людоедами, — он многозначительно посмотрел на Сергея, — нам надо попробовать добыть мясо. Во-первых, чтобы не стать нахлебниками у эвенков и, во-вторых, быть с мясом самим. Иначе голодовки нам и вправду не миновать. В бору глухарей полно, но я не вижу их на нашем столе, — теперь это уже относилось ко мне.

— Ладно, так и быть, — взглянул я на своего друга, доставая из своей нарты «Тоз-8». — Глухарь у нас в рационе скоро появится.

— Вон оно что? — опешил Серёжа. — А я и не знал!

— Ты много чего не знаешь, — улыбнулся Н.Л. — Винтовку для тебя взяли. Чтобы когда нас окружают медведи, тебе было чем застрелиться.

— Это зачем? — не понял юмора учитель.

— Чтобы им не сдаться, — надзирательным тоном сказал Н.Л.

— Но ведь медведи ещё спят, — сел на своего «конька» Серёжа.

— Ты что, шуток не понимаешь?! — схватился за живот Н.Л.

Видя такой вот цирковой номер, я засмеялся тоже.

«Это не к добру, — думал я, вытирая слёзы. — Слишком много в последнее время хохочем. Но кто знает, может, как говорит Н.Л., всё и обойдётся...»

Назавтра рано утром вторым выстрелом из винтовки я сбил здоровенного петуха-глухаря.

— Кто говорил, что мы помрём с голоду? — бросил я его у догорающего костра. — Нам его хватит дня на два, а то и больше. И собаки ещё поедят.

— А кто будет готовить? — высунул нос из-под своего одеяла Н.Л. — Я сразу говорю, что не буду, потому что я ответственное лицо, так сказать государственное...

— Я его стготовлю! — согласился Серёжа.

— Да я пошутил, — засмеялся Н.Л., вставая. — Давай вместе по-быстрому. Плотно позавтракаем и пойдём.

Как я и предполагал, к концу второго дня пути мы увидели покопы домашних оленей, а через час ходьбы почти в темноте подошли к эвенкийскому стойбищу. Услышав наше приближение, залаяли привязанные рядом с чумами собаки, и навстречу нам вышли настороженные люди. Приближение со стороны Чурбиги из бора трёх вооружённых мужчин их озадачило. Но, узнав в неожиданных гостях меня, все сразу повеселели.

— Добро пожаловать, Геша! — вышел навстречу нам старший из Лихачёвых. — Ты, как я вижу, человек слова, делаешь, как говоришь. Это хорошо! — протянул Борис Леонтич мне свою руку. — А как звать твоих друзей? Если они твои друзья, значит, друзья и наши. Давайте-ка, сбрасывайте лыжи и все ко мне в чум.

— А где Николай? — искал я своего друга глазами.

— Он ушёл с Пашей Тугундиным дикарей скрадывать. Скоро должны вернуться.

Скоро означало либо завтра, либо через день. Услышав, что Николай на охоте, я немного расстроился. В наши планы это не входило. Я отвязал от нарт своих собак, нашёл им место рядом с жилищем отца Николая и, сбросив лыжи, вошёл в чум. У огня, озираясь во все стороны, сидели Старков и Н.Л. Они впервые видели эвенков и в первый раз оказались в чуме. Понятно, что им всё, начиная с запахов и кончая нехитрой окружающей их утварью, казалось экзотическим и странным. Предыдущим днём нам повезло с охотой и на нарте у нас лежало четыре глухаря. Поэтому, взглянув на растерянное лицо Старкова, я спросил:

— Ты, я думаю, не забыл пару птиц отдать нашим хозяевам?

— Мы им вручили трёх, — повернул в мою сторону голову Н.Л. — От каждого из нас по глухарю.

— Просто горжусь вами! — улыбнулся я. — И не жадные, и весёлые.

— И не обжоры, — добавил Н.Л.

Вскоре в чум вошла мать Николая с бумажным мешком, наполненным покупными сушками.

— Это у нас ещё с осени, бережём для гостей, — сказала она, насыпая сахар в берестяной туес. — Сейчас Борис придёт с олениной, и я вам что-нибудь приготовлю.

— Да мы ещё и не проголодались, недавно обедали, — сказал я.

— Уже вечер, надо кушать, иначе спать будет холодно, — высыпала на столик из своего мешка Колина мама бублики. — Скоро чай закипит, согреетесь, а там и ужин поспеет.

— Зачем глухарей нам отдали? Мы всегда с мясом живём, — зашёл в чум Борис Леонтич с двумя увесистыми кусками оленины. — Этот, хозяйка, готовь, — протянул он своей жене кусок побольше. А из этого мы с Гешей строганину сделаем. То, что ты ешь строганину, я знаю, а твои друзья её едят? — посмотрел хозяин на притихших членов экспедиции.

— Я не пробовал, — посмотрел на лежащее на столе мороженое мясо Н.Л.

— И я тоже, — отозвался Старков.

— Но вы не беспокойтесь, есть мы будем не хуже вашего, — улыбнулся Колиному отцу Н.Л. — Георгий так нам расхваливал мороженную оленину, что при виде её у меня побежали слюнки.

— Вот и хорошо, — засмеялся хозяин, насыпая перец в плошку с солью. — Давайте, доставайте свои ножи и поближе к столу!

Не успел я нарезать несколько тонких длинных стружек мороженого деликатеса, как в чум вошла бабушка Нюра.

— Она мне ещё утром сказала, что ты придёшь с друзьями, — показал на свою тещу Борис Леонтич.

— Здравствуйте, тётя Нюра! Вот мы и опять увиделись! — подошёл я к ней.

— Здравствуй, здравствуй, Гера! — посмотрела она на меня строго и как-то по-матерински. — Зачем решил снова увидеть Якыр? Вижу, не дают тебе покоя мои рассказы, —

уселась бабушка Нюра на шкуру рядом с нами. — А как твои друзья? Дай-ка я на них погляжу.

После её слов в чуме наступила тишина. Все смотрели на шаманку и ждали, что она скажет.

— Ничего, парни хорошие! — улыбнулась она через минуту. — Вот этот очень много знает, — показала она на Н.Л. — У него мысли из головы как тетерева из-под снега, вроде бы все разные, но глядишь ты — собираются в единую стаю. А этого парня — одного не оставляйте. Не напоритесь на чулукана, плохо ему может стать. А так он надёжный и сильный.

— А кто такой чулукан? — спросил Серёжа.

— Лучше тебе его не встречать. Он тебя сразу в лесу запутает, даже по своему следу не выберешься.

— Это что такой дух? — спросил шаманку Н.Л.

— Не дух это, а лесной человек. Большой такой! Старообрядцы его чулуком кличат.

— Наш сибирский йети, — пояснил я.

— Тогда понятно! — кивнул головой Н.Л., пробуя первый кусочек строганины. — Оказывается, и у нас в Томской области такие встречаются. А я думал, что только на Урале...

— Но как же они зимой-то живут? Морозы-то какие! — спросил Серёжа бабушку.

— Старики сказывают, что чулуканы знают дороги в мир духов, поэтому морозы им и бескормица не страшны. Но лучше бы вам с чулуканом не встречаться.

— А мы сами наподобие Юрия Петровича в мир духов не угодим? — спросил я.

— На то место, где он потерялся, не ходите. Да и я за вами смотреть буду, — сказала старушка, подливая себе чаю. — Так что не бойтесь...

— У меня к вам вопрос, — посмотрел я на неё. — Что по-эвенкийски означает слово Яр-Маракан? Тот бор, через который мы сюда пришли?

— Ничего это слово на нашем языке не означает. Жаль, что ты, лючи, меня об этом спрашиваешь, — покачала головой старая сказительница.

— Почему жаль? — не понял я.

— Потому, что ты должен знать сам значение этого слова. Тебе лень подумать, Геша, проще у меня спросить.

Я видел, что старушка почему-то расстроилась, но не понимал почему.

— Постой, Гера! — поднял руку Н.Л. — Если бабушка, — показал мой друг на шаманку, — считает, что ты должен сам знать значение слова Яр-Маракан, значит, этот термин из нашего языка, только окончание у него эвенкийское. Если так, то давай подумаем, что же оно значит?

— Подумайте, подумайте, а я чай пока попью, — начала успокаиваться старая эвенка.

— «Яр» походит на название Солнца древними славянами. Они весеннее светило называли Ярилой, — начал я копаться в своей памяти.

— Но Ярью называли ещё и жизненную силу! — добавил Н.Л. — А Маракан чем-то походит на слово мор?

— Постой, всё понятно! — чуть не закричал я. — «Кан» — окончание эвенкийское, а само слово русское — Мара! Это же имя богини смерти! Ничего себе, ну и название у бора! Дословный смысл таков.

— Сила Мары, или бор смерти, — дополнил меня Н.Л.

— Да, бор, где живёт смерть. Но это на языке эндри, — посмотрела на нас шаманка своими выцветшими глазами. — Здесь в наших краях много что называется на языке эндри. Та же Орловка или река Лисица, речка Росомаха или Окунёвка.

— Но ведь это же чисто русские названия! — встрепнулся Старков.

— Но тогда, откуда они здесь взялись в крае, где до сих пор русские почти не живут? — вступил в нашу дискуссию Борис Леонтич.

— Какая-то загадка, — сказал Н.Л.

— Никакой загадки нет, — взяла слово старая шаманка. — Эндри, или, по-остяцки берёзовые люди-квели, разговаривали, как и вы, лючи. Поэтому название боров, рек, озёр, на востоке — гор произносится на одном и том же языке.

С этими словами старая женщина поднялась на ноги и, накинув на плечи кырняжку, ушла в чум к своей другой дочери.

— Она многое знает, — качнул в её сторону головой Борис Леонтич. — Вся её жизнь — сплошной аргиш. Родилась на Чуньке, вышла замуж на Катанге. Много лет жила на Сыму и вот сейчас кочует на Кети.

Слова шаманки в сознании Сергея и Н.Л. оставили, как я понял, серьёзный след. Ребята сидели, задумавшись, и рассматривали языки пламени костра, как будто в первый раз их видели.

— Что-то я вижу вам вдруг взгрустнулось, — прервал я воцарившееся молчание.

— Тут взгрустнётся, — отозвался Н.Л. — Бабушке бы у нас в университете лекции читать, а она с духами общается.

— Духи будут, пожалуй, поважнее вашего университета! — раздался с оленьей лежанки голос хозяина чума. — Они подчиняются только особым людям. Скажите, вашим профессорам духи повинуются?

— Пожалуй, нет, — подымаясь на ноги, вздохнул Н.Л.

Но в этот момент в чум, держа полукруглый чугунный казан в руках, вошла жена Бориса Леонтича.

— Всё, сварилось! — сказала она, ставя казан на землю. — Готовила мясо оленя на костре, так оно вкуснее будет. Доставайте и ешьте. Мы поблагодарили хлебосольную женщину и её мужа, но ещё раз садиться за стол нам не хотелось. Было уже поздно, и нас устраивал не столько предстоявший второй ужин, сколько сон.

Коля Лихачёв появился на стойбище в обед следующего дня. Увидев нас, молодой эвенк обрадовался.

— Четырёх дикарей добыли! — вместо приветствия высказался он, протягивая руку.

— Мяса теперь много, своих оленей можно и не резать. Паша остался с мясом, а я пришёл за упряжкой.

— Но может, кто-нибудь другой за мясом вместо тебя скатается? — спросил я его после приветствия. — Ты нам нужен. У нас маршрут снова на Якыр, а там через водораздел и на Тым.

— Так, наоборот, хорошо! Дикарей мы складывали за гарью, где избушка. Чем снег лыжами месить, на оленях туда и уедем. Только возьмём не одну упряжку, а две, чтобы всем вместиться, — засмеялся охотник. — Я там с вами и останусь, а нарты к Турэ приведут Паша с Витькой.

— Что же, это нам вполне подходит, — обрадовались ребята.

— В жизни на оленьих упряжках не катался! — сказал Н.Л.

— Видишь, это твой тёзка, — показал я эвенку на своего друга. — Ты, Николай Лихачёв, значит кратко — Н.Л. и он тоже Н.Л. Так что прошу вас любить друг друга!

— Да я вроде серчать на людей просто так, от скуки, ещё не научился, — сконфузился эвенк.

— И я тоже! — засмеялся Н.Л.

— Значит, всё будет нормально! — посмотрел на нас Старков. — Так, когда же мы выступаем? Если честно, я в чуме все бока себе отлежал!

— Завтра утром, — подумав, сказал Николай. — Надо немного отдохнуть, поймать упряжных оленей, а потом собраться. Я же ещё не собран. А ты почему не переделся в нашенское? — посмотрел он на меня.

— Да вот тебя дожидался, говорят, где-то у тебя мои вещи.

— Не у меня, а у бабушки. Пока я займусь своими делами, сходи к ней и забери своё. Нам с тобой за водоразделом придётся побывать на мёртвом городе. Бабушка просила тебе его показать. Там стоят ещё и огромные курганы... Поэтому ночевать придётся на снегу не раз и не два. Может и без костра. Потому что за озёрами чистые болота, растёт там только мох, сушняка не сыскать, — скороговоркой сказал охотник.

— Слушаюсь и повинуюсь! — засмеялся я, надевая лыжи. — Всё, поскакал к твоей бабушке.

— А нам что делать? — спросил с растерянным видом Серёжа.

— Отлживать в чуме бока и учиться есть строганину, — махнул я своим друзьям рукой.

Когда я подошёл к жилищу старой шаманки, её в чуме не оказалось. Старушка чем-то занималась в стоящем в 30 метрах от её дома лабазе. Не останавливаясь, я сразу направился к хозяйке дома.

— На-ка, возьми, — протянула старая эвенка череп медведя.

Я взял в руки череп и, не понимая, посмотрел на спустившуюся с лабаза бабушку.

— Пойдём, — наклонилась она, надевая свои маленькие лыжи.

Мне ничего не оставалось, как молча последовать за эвенкой. Когда мы подошли к её чуму, старушка, показывая на череп медведя, сказала:

— Вынь правый клык, Геша, и дай его мне.

Ударами обратной стороны ножа я расшатал клык и, вынув его, подал шаманке.

— Всё, ты мне больше не нужен, — сказала она сурово. — Забирай свою одежду. — Она в чуме, в мешке и ступай на стойбище. Я должна остаться одна...

Ничего не спрашивая, я взял свои вещи и, не попрощавшись, по-эвенкийски, отправился назад. Через несколько минут, к радости своих друзей, я был уже на стойбище.

— Ничего себе носишься! — покосился в мою сторону Старков. — Вроде никуда и не уходил!

— Ну-ка, давай, приоденься, — откинулся на подушки Н.Л. — Хочу посмотреть, похож ты на эвенка или нет?

По просьбе друзей я сбросил с себя своё походное, потом по очереди надел эвенкийский нагрудник, натазники, на ноги с оленьими носками камусные чиколмы, а сверху кырняжку. Венчал мой экзотический наряд, расшитый бисером и оленьей шерстью, капор.

— Ну и как? — спросил я своих друзей.

— Борода мешает, — поморщился Н.Л.

— И нос немного большеват, — добавил Старков. — А так, похож.

— На кого? — посмотрел я на ребят.

— На русского матёрого мужика, которому вздумалось натянуть на себя эвенкийское одеяние, — ухмыльнулся Н.Л.

— Надо же, ещё и с красным крашеным волосяным хвостом! — показал на низ кырняжки Серёжа.

— Знаешь что? Тебе надо в Томск ночью под мост. Как оттуда вылезешь в таком вот убранстве, тебе не только деньги — трусы в сорокоградусный мороз отдадут! — продолжал надо мною подтрунивать Н.Л.

— Неужели у меня такой дикий вид? — растерялся я.

— Да мы смеёмся, всё нормально. Только, что ты станешь делать, когда начнутся оттепели?

— В марте температуры будут уже не те? — спросил Н.Л.

— В нарту брошу своё, тепло станет — переоденусь, — сказал я.

Облачённый во всё национальное, я вышел из чума на мороз и лицом к лицу столкнулся с идущим к нам Борисом Леонтичем. На то, что я переодет, старейшина не обратил никакого внимания.

«Как будто так и должно быть», — невольно подумал я.

— Николай пошёл ловить оленей, а мне наказал, чтобы я отсыпал вам в дорогу муки. Будете в горячем песке печь колобки.

— Как это? — удивился я.

— Увидишь! — хитро прищурился эвенк. — Колька умеет, — подал он мне мешок с мукой. — Дорога у вас, как говорит бабушка Ньюра, будет длинная. Печёные колобки тоже могут пригодиться.

Я поблагодарил отца Николая за заботу, и тут мне пришло в голову спросить его, что означает на эвенкийском языке слово «Турэ». Почему такое название у рядом лежащего озера? Выслушав мой вопрос, пожилой эвенк задумался.

— Надо бы спросить бабушку, — начал он, но потом, что-то вспомнив, сказал:

— Я вспомнил, это имя древнего богатыря. В честь него и назвали озеро.

— Богатыря селькупского?

— С чего ты взял, что остяцкого? Нет, конечно! Но и не нашего.

— Тогда какого?

— Бабушка же тебе рассказывала, скорее всего, богатыря народа эндри. Здесь ведь давным-давно эндри жили — железные богатыри.

— А почему железные? — задал я новый вопрос.

— Потому что железо на себя надевали. Их ни пальмой, ни стрелой нельзя было взять.

«Вот так новость? — подумал я. — Имя богатыря! Получается, что его быком, туром звали! Имя-то вполне русское! Русских вроде бы в этих местах в древности никогда и не было. А топонимы и многие гидронимы наши, славянские!»

— Пойдёмте, вместе посидим за столом, — пригласил я хозяина в его же чум. — А то дом свой нам отдали, а сами переселились.

— Чтобы гостей не стеснять — таков обычай, — улыбнулся Борис Леонтич, принимая моё приглашение.

Поздно вечером на оленьей упряжке у чума остановился Николай.

— Всё! Завтра в дорогу! — с порога весело заявил он. — А сейчас спать, встаём рано...

Мы по-быстрому разложили постели и уж было собрались в них залечь, как в чум вошла старая шаманка. Николай, видя такое дело, подкинул в огонь сушняк и взялся за приготовление чая.

— Не надо, — остановила его жестом бабушка. — Я скоро уйду. Я пришла к Геше. — На, возьми, — протянула она мне что-то.

Я машинально вытянул руку, и на мою ладонь упал надетый на толстую капроновую нитку медвежий клык.

— Надень и носи! — посмотрела она мне в глаза. — Снимешь в посёлке или в городе. А в лесу клык носи... В нём сила того аминака, которого ты убил осенью. Есть в нём, — показала она на странное ожерелье, — и моя сила. Если бы не ты, погиб бы тогда и мой внук, аминак тот был не простой... Не шатун, а на людей охотился. Помогли с ним справиться твои предки, поэтому сила зверя тебе должна принадлежать по праву.

И ребята, и молодой эвенк, и я — все смотрели на старую шаманку и не знали, как себя вести и что ей сказать? Слишком необычным был ее поздний визит.

«Она подарила мне оберег, но зачем? Выходит, бабушка знает то, о чём мы и не догадываемся», — невольно возникло в сознании.

Я взглянул на Николая, эвенк выглядел предельно серьёзным и озабоченным.

— Не знаю, как вас за это и благодарить, — надевая на себя клык медведя, обратился я к шаманке.

— Благодарить будешь потом, когда узнаешь его силу, — перебила меня бабушка.

И, повернувшись к своему внуку, сказала:

— Ты как проводник смотри за парнями. За второй речкой, пока не доберётесь до вершины, друг от друга далеко не расходитесь. За водоразделом, другое дело.

Выслушав её наставление, Николай молча кивнул.

— Коля мне сказал, что покажет место древнего города, — обратился я к шаманке с вопросом. — Разве можно зимой что-то разглядеть?

— Увидишь! Там валы такие, что их и из-под снега видно. Город стоит рядом с кочевой дорогой на берегу речки Чудовой, недалеко от её впадения в Тым. Его найти просто.

— А курганы? Неужели и вправду в тайге стоят курганы? — снова я задал вопрос.

— Большие такие холмы, поросшие лесом, — прищурила свои выцветшие глаза старушка. — Они рядами стоят прямо на болоте. Мимо них пойдёте — увидите.

— Вот чудеса, так чудеса! Раньше я считал, что курганы возводили только в степи. Наверное, когда их насыпали, вместо тайги и болот здесь простирались степи, — подумав, сказал Н.Л. — На моховом болоте курган не построишь...

— Лет 30 назад тымские старообрядцы один такой курган раскапывали, — сказала, выслушав нашу дискуссию, бабушка.

— И что же они в нём нашли? — не удержался я.

— А ничего. Внутри насыпной горы оказался сруб. Сруб из толстых брёвен, даже топоры не брали — камень камнем! Так и бросили свою затею.

— Если внутри был найден сруб, значит, земляные горы рукотворные! — заключил Н.Л. — Это уже серьёзно. Вот так дела! А где же наши знаменитые историки?

— Они боятся и развалин городов, и тем более курганов, — сказал я. — Если, как ты говоришь, земляные пирамиды были насыпаны тогда, когда здесь на севере тайги ещё не было, то это пахнет минимум семью, а то и десятью тысячами лет! Представь, какой скандал может получиться в науке, если кто-то это докажет!

— Грандиозный! — кивнул головой Н.Л. — Тогда надо будет переписывать всю мировую историю...

— Скорее бы всё это увидеть! — загорелся я.

— Скоро увидите, только берегите себя, — направила к выходу из чума бабушка.

— Ты когда-нибудь предполагал такое услышать об этой земле? — спросил я Н.Л.

— Нет, конечно! Мне и в голову не приходило, что здесь была какая-то цивилизация.

— Да ещё и славян.

— Скорее всего, предков славян, — поправил он меня. — А может быть, прапрадедов индоиранцев, германцев и кельтов...

— Если взять во внимание то, о чём мне рассказала Колина бабушка, что легендарные эндри пришли с севера, с какой-то загадочной погибшей земли, то получается, что они являются предками всей белой расы?!

— Чем просто так болтать, вы бы лучше колыбельную нам с Николаем спели, — раздался из-под оленьего одеяла голос Старкова.

— Да, да! — поддержал Сергея эвенк. — Я люблю колыбельные. Особенно на эвенкийском.

— Может, тебе на китайском спеть? — запустил я в Николая подушкой.

— Ты пошто так на меня осерчал? — спросил тот, хохоча и зарываясь поглубже в одеяло...

Чуть свет на двух оленьих упряжках мы понеслись на север в вершину реки. Ехали той же дорогой, какой осенью я пересекал бор в поисках пропавших. Олени бежали резво, так что собаки еле за ними поспевали. Наши вещи и продукты были переложены в олени нарты, наши же таёжные походные сани катились на привязи сзади. Палатку Паши, охотника, с которым

Николай Лихачёв добывал диких северных оленей, мы увидели издали. Кажется, хозяин был на месте, так как из жестяной трубы, что торчала из её крыши, шёл лёгкий дымок.

— Эй, Паша, хватит спать! — крикнул по-русски Николай. — Встречай гостей!

— Я сейчас, — раздалось из-за брезентового клапана.

И из палатки на четвереньках выполз Паша.

— Э-э-э, да ты я вижу, напился?! — наклонился над ним Лихачёв. — Где же ты взял пойло?

Со мной не пьёшь, но как только я в отъезде, ты сразу рога в землю! Давайте посмотрим, где у него водка? — обратился к нам проводник, привязывая оленей.

Я соскочил с нарты и заглянул в палатку. Рядом с примитивной, сделанной из куска железа печью на сосновом лапнике лежало оленьё одеяло, а рядом с ним стоял открытый термос. Я взял его в руки и, понюхав содержимое, протянул Николаю.

— Литровый термос, а в нём чистый спирт. Разводит в кружке и пьёт, — показал я на стоящую на печке наполненную снегом кружку.

— Придётся подождать, пока придёт в себя, — выливая на землю спирт, с горечью в голосе сказал охотник. — Такого с собой брать нельзя. Витька Ивичин на обратном пути с ним не совладеет.

— Ну что же, давай подождём, — развёл я руками. — Только в палатке всем будет тесно.

— Я у костра переночую, — вздохнул Николай. — Виноват перед вами, не посмотрел, что у Пашки в термосе.

— Ладно, не переживай, — положил на плечо эвенка свою руку Н.Л., — всякое бывает.

— Плохо то, что олени долго будут голодные, их ведь сейчас не отпустишь.

— А если их покормить хлебом? — спросил Сергей. — У нас его мешок и ещё мука, что твой отец нам выделил. Они его есть будут?

— Ещё как будут! Хлеб все едят, — отозвался Н.Л.

— Пожалуй, пойдёт, — согласился эвенк. — Хлебом, значит хлебом! От трёх булок от нас не убудет. Тем более, есть мука. Только сначала их надо оттаять.

— Но это дело поправимое, — усмехнулся Старков, доставая из мешка буханки. — Сейчас печь натопим, жара в палатке будет!

— А с этим что делать? — показал я на стоящего в экзотической позе Пашу.

— Уложим в палатку и пусть спит. Когда выпится, придёт в себя, тогда и поговорим... — взглянул на своего напарника Николай. — Скоро совсем сопьётся, хоть в посёлок не отпускай вовсе. Уйдёт туда, как человек, на оленях, в одежде, а возвращается из Центрального в майке, трусах и пешком по снегу. Оленей, лыжи и одежду свою — всё за пойло отдаст! Беда с ним! — сокрушался Николай.

Из-за Паши нам пришлось на целый день задержаться. Такая остановка не входила в наши планы. Но что было делать? Все понимали, что другого выхода нет. Только назавтра утром наш аргиш снова двинулся к намеченной цели. На соседней нарте нахохленный, с головной болью восседал Паша Тугундин. С ним никто не разговаривал, и он тоже молчал. Добравшись до места гибели Юрия Петровича, мы отпустили обе оленьи упряжки и, встав на лыжи, пошли пешком. Хоть наш путь и шёл по ровному месту, но перегруженные нарты разогнаться не давали. Поэтому мы пришли к избушке, где я осенью встретил Николая, только назавтра вечером. Уже в темноте мы откопали от снега дверь и разожгли в печке огонь.

— Ну вот, первый этап нашего пути пройден, — сказал я членам команды. — Здесь, в избушке, оставим часть продуктов, так что завтра идти будет веселее.

— Через два дня мы снова выйдем к избушке. Это на речке Язёвой, — продолжил за меня эвенк. — И там тоже оставим часть продуктов. Через водораздел пойдём налегке. А за ним совсем глухие места. В том краю и лося много, и оленей табуны, и птица есть, так что голодать

не придётся...

— Это хорошо, что не придётся, — многозначительно посмотрел на Николая Н.Л. — Иначе начнём тянуть жребий.

— Зачем? — поинтересовался Николай.

— Как зачем? Неужели ты не понял? Впрочем, глядя на тебя, обойдёмся и без жребия. Ты как самый жирный из нас...

— Да я самый худенький! Это у меня лицо кажется жирным! — понял шутку эвенк.

— Ха, ха, ха! — засмеялся, глядя на эту сцену, Сергей. — Два дня назад он меня намеревался зажарить, — показал он на Н.Л., — а теперь на тебя переключился.

Согревшись, мы быстро поели, накормили собак и легли на лежанки. Хоть все и устали, а спать не хотелось.

— Вот что, — сказал Н.Л. — Надо бы заняться учётами. Я же в командировке. Поэтому думаю, что завтра идти нам никуда не придётся. Мы пойдём с Георгием закладывать площадки, а вы, — посмотрел он на Николая и Серёжу, — будете домовничать.

— Я согласен, — зевнул Старков.

— А я нет, — со своего места проговорил эвенк. — Я лучше пойду за глухарями. Свежее мясо нам не помешает.

— Делайте, как хотите... — проворчал я, закрывая глаза.

Меня разбудил неистовый лай собак. Я вскочил со своего места, нащупал в темноте свой «зауэр» и бросился к двери. Не успел я её открыть, как лайки, чуть не сбив меня с ног, бросились куда-то в темноту ночи!

— Что ещё за напасть? — со своего места спросил Н.Л.

— Убей, не знаю! — прошептал я. — Собаки как сумасшедшие куда-то убежали. Повезло им, что снег в бору твёрдый...

В это время далеко раздался собачий лай, потом опять всё стихло.

— Коля, — позвал я эвенка, — ты можешь что-нибудь объяснить?

— Не знаю, — раздалось в темноте.

— Помнишь, осенью у нас с тобой точно так же собаки убежали от костра?!

— Может, им что-нибудь приснилось? — предположил Серёжа.

— А потом, они что, свой сон облаивали? — спросил Н.Л.

— Так ты можешь мне ответить, что происходит? — снова я обратился к эвенку.

— Думаю, что нами заинтересовался Хозяин...

— Опять твой Хозяин! Кто это такой?

— Ты бы спросил лучше мою бабушку. Пошто не спрашивал, а сейчас ко мне пристаёшь? — раздался из темноты голос охотника.

Но в этот момент за дверью заскулили вернувшиеся из леса лайки. Они вбежали в избушку довольные и весёлые и как ни в чём не бывало улеглись на свои места.

— Вот те на! — посмотрел я на них, зажигая спичку. — Что же произошло?

— Ладно, утром разберёмся, — философски заметил Н.Л. — Что касается меня, то я хочу досмотреть прерванный сон.

Все снова улеглись на свои места, но мне спать уже не хотелось.

«То же самое! — думал я. — Тогда осенью ни с того ни с сего собаки вскочили, с лаем куда-то убежали, а через полчаса вернулись и так же снова спокойно улеглись... Как будто им что-то приснилось. Но если бы это был всего лишь сон, они бы далеко в лесу на кого-то не лаяли? Как узнать? Пойти завтра по их следу? Но вдруг я своим поступком спугну Николая? Эвенк что-то знает, но молчит. Узнать бы, что? Может, со временем он нам всё-таки объяснит? Что ж, придётся пока ждать, — заключил я. — По-другому то никак. Спросить бы собак — кого

они, интересно, видели? Но собачьего языка я, к сожалению, не знаю.

Утром после завтрака мы с Н.Л. отправились на закладку учётных площадок, а молодой эвенк, захватив мою «Тоз-8», ушёл на другую сторону Орловки в поисках диких оленей или птицы. Короткий февральский день уже подходил к концу, когда мы с Н.Л., закончив свои дела, вышли на лыжню, ведущую к нашему зимовью.

— Наверняка Николай парочку глухарей припёр, — мечтательно пробасил Н.Л. — Сейчас они с Сергеем жарят их на вертеле... Нас дожидаются.

— Хорошо бы, — поддержал я его. — Обеда-то у нас не было.

Когда мы подошли к избушке, то никакого костра рядом с ней не увидели, не заметили мы и из трубы дыма...

«Неужели, что-то произошло? — тревожно сжалось сердце. — Опять беда и снова в этом краю?!»

Я сбросил лыжи и бегом заскочил в избушку. То, что я увидел, меня одновременно и успокоило и перепугало: с лежанки, забравшись под два одеяла, на меня выглядывал Серёжа. Он был бледный, и в глазах стоял такой ужас, что у меня подкосились ноги. Я мешком упал на подвернувшуюся скамейку и, глядя в его перепуганные глаза, спросил:

— Скажи, что произошло? Неужели начался Армагеддон? И скоро всё человечество погибнет? — показал я на стоящий у окна «альпинист».

— А Николай где? — озираясь по сторонам, ввалился в избушку Н.Л.

— Коля ещё не пришёл, а мне очень страшно! Я чуть от страха не умер, — пролепетал из-под одеяла знакомый голос.

— Вот те раз! Как это, от страха? — не понял я. — Кого ты боишься?

— Сам не знаю! — с дрожью в голосе сказал Старков. — Вскоре после вашего ухода на меня навалился страх. Думал, вот-вот от него сердце остановится.

— Он, наверное, спятил, — показал на шевелящиеся одеяла с выглядывающим из-под них глазами Сергея Н.Л.

— Вроде бы нет, — засомневался я. — Говорит-то разумно.

— Ладно, сиди, не вылезай, — обратился к одеялам Н.Л. — Сейчас печь растоплю, тогда и выберешься.

— И всё подробно нам расскажешь, — добавил я от себя.

— Мне и рассказывать-то вам нечего, — начал Старков, опуская с лежанки ноги. — Вы ушли, и всё началось.

— Что началось?! — чуть не закричал я. — Ты толком-то можешь объяснить?

— Пришёл страх и всё.

Было видно, что с Сергеем всё в порядке. «Крыша» у него не поехала, он нормальный. Но откуда на него свалился этот панический ужас?

— Ты крепкий парень, — сказал, обращаясь к Старкову, Н.Л. — Молодец, что никуда из избушки не убежал. Иначе бы замёрз.

Очевидно, Н.Л. вперёд меня понял, какая беда грозила нашему другу.

— Давай, садись, грейся, — показал я Старкову на разгоревшуюся печку. Будем считать, что ты с того света вернулся.

— А что же с нашим Николаем? — посмотрел на меня Н.Л. — Неужели и с ним то же самое? Тогда эвенку конец. Бабушка же нам наказывала, чтобы мы в этих местах, вплоть до водораздельного болота, были вместе. А мы что, её послушали?

Упрёк Н.Л. не относился ко мне, но я всё равно почувствовал себя виноватым.

«Вместе, значит, вместе! И учётные площадки можно было закладывать всем табором... А я что? Фактически, людей разделил! Что теперь нам осталось? Надеяться, что с Николаем ничего

не случится».

Хоть интуиция мне и подсказывала, что беда миновала и эвенк скоро появится, но на душе было тревожно. Наконец, услышав скрип приближающихся лыж, залаяли наши собаки.

— Слава Богу! Гора с плеч! — выскочил я из избышки. — Живой, здоровый!

— А что со мной могло произойти? — бросив на снег четырёх тетеревов, спросил эвенк.

— Наверное, ты в чести у своего Хозяина? — спросил стоящий за моей спиной Н.Л. Неужели Хозяин вам как-то навредил? — посмотрел на наш загадочный вид охотник.

— Да тут без тебя и без нас Серёга от страха чуть Богу душу не отдал, — сказал, я изучая выражение лица эвенка.

От моих слов у Николая в глазах промелькнула тень тревоги. Он молча снял лыжи и, войдя в избышку, внимательно посмотрел на Сергея.

— Зря мы тебя оставили. Бабушка говорила, чтобы все держались вместе.

— Так ведь это ты вздумал отправиться на охоту, не я, — напомнил я ему.

— Наверное, я виноват, — согласился эвенк. — Больше не повторится. Буду тебя слушать.

— И повиноваться! — проворчал Н.Л.

— Ладно, — опустил голову проводник. — На той стороне наткнулся на стадо дикарей. Сотни три, не меньше. Часа четыре за ними шёл, но не догнал, — начал рассказывать о своих приключениях эвенк. — Олени перешли Орловку, и теперь они прямо на нашем пути. Хорошо бы одного для себя добыть.

— Мы сюда обжираться пришли? — спросил его Н.Л. — Если так, как ты говоришь дело пойдёт, мы все станем жирными, как ты. Вот с такими пузами, — показал Н.Л. объём живота руками.

— У меня что, такой мамонище? — возмутился эвенк.

— Даже больше, если ты намереваешься сожрать целого оленя, — не моргнув, посмотрел на него Н.Л. — У нас продуктов девать некуда, а тебе всё мало?!

— Неплохо бы мясо оставить на Язёвой. Когда возвращаться с водораздела будем, настанет весна, в тайге в такое время голодно... — не сдался охотник.

— Ладно, делай как знаешь, — не стал спорить с Николаем Н.Л. — Вижу, боишься, что с голодухи займёмся людоедством?!

— Да не боюсь я, просто думаю о весне, — уселся за стол эвенк.

На следующее утро мы снова двинулись на север. Эвенк шёл впереди, торя дорогу, а мы, по очереди сменяя друг друга, тянули нарты.

На этот раз везти сани было полегче. Часть поклажи мы оставили в избышке, да и снег не был таким рыхлым, как за гарью. Шли без особых приключений. Остановливались редко, мало говорили. Каждый погрузился в свои мысли. Первая ночь у костра посреди бора прошла без эксцессов. И в душе у меня возникла надежда, что Хозяин от нас отстал, и больше мы с ним не пересечёмся. Но как показало будущее, я крупно ошибся... Мы подошли к Язёвой только к концу третьего дня. Помешали встретившиеся на нашем пути покопы северных оленей. По ним идти с нартами было практически невозможно. Пришлось искать обходные пути по мелкачу ближе к реке, на что ушла уйма времени.

Маленькая избышка на Язёвой могла вместить только двоих, поэтому было решено Лихачёва Колю положить с худосочным Сергеем, а мне улечься на полу. Быстро натопив ветхое помещение, мы наскоро поели, попили чаю и, обсудив планы на завтра, улеглись на ночной отдых. Сунув под себя какой-то старый мешок, я улёгся в своей кырняжке на пол, а голову в капоре положил на порог жилища. Замёрзнуть я не боялся, в такой одежде можно было спать прямо на улице. Но не успели мы задремать, как из-под лежанок с громким лаем выскочили наши собаки. Обе лайки, пробежав по мне, открыли лапами дверь и с визгом и лаем

устремилась под яр на реку. Минут через десять где-то ниже по Орловке еле слышно раздался их лай.

— Ну, что будем делать? — прозвучал в темноте голос Н.Л.

Я зажёл спичку и увидел своего друга сидящим на лежанке, в руках с оружием.

— Что будем делать? — опять повторил он свой вопрос, глядя пристально на Лихачёва. —

Ты можешь объяснить, что происходит?

Очевидно, тон и настойчивость спрашивающего на эвенка подействовали.

— Или те, или эти! — проронил он крылатую фразу.

— Кто такие те или эти? — поднялся я на ноги. — Можешь ты нам сказать или нет?

Мы зажгли свечу и все трое обступили эвенка. Несчастный охотник как затравленный зверёк съёжился на своей постели. Его глаза смотрели на наши лица, и в них было столько мольбы и ужаса, что и я, и Сергей невольно от него отступили. Не сдавался только Н.Л. Он демонстративно достал из кармана коробок спичек, поднёс его к огню и подсчитал.

— Семьдесят штук, Коля. Сейчас спустим с тебя штаны, достанем твоё хозяйство, а я буду поджигать спички, — для наглядности он зажёл одну из них, — и подносить к тебе... Интересно, сколько ты вытерпишь? Думаю, на двадцатой заговоришь. Если не на двадцатой, то на семидесятой точно расколешься! Иначе останешься без шутильника.

От слов Н.Л. узкие глаза эвенка округлились и полезли на лоб. Видя такую картину, несмотря на серьёзность положения, я схватился за живот.

— Он шутит, Коля, шутит! — успокоил я эвенка. — Не думай, что он всерьёз. Но поверь, мы должны знать, что происходит!

— Я не могу вам сказать, иначе потеряюсь в лесу и умру — такое поверье, — чуть не плача прошептал Лихачёв.

— Всё ясно! — обнял его Н.Л. — Прости! Ты я вижу, совсем не понимаешь шуток. Больше я так шутить не буду.

Но в этот момент как ни в чём не бывало в избушку вернулись наши собаки.

— Ну что же, заходите — милости прошу, — показал я им на их место под лежанкой.

— Могли бы они рассказать, мы бы не гадали, — заметил Старков.

— Думаю, что сегодняшней концерт окончен, теперь можно спокойно спать, — сказал я, укладываясь на своё место. — Утро вечера мудренее.

Когда все улеглись и огонь в избушке погас, я спросил Николая:

— Сколько нам ещё до Якынр, Коля?

— Километров двадцать, не больше, — нехотя ответил тот.

— Я вспомнил, что в озере живут какие-то зверюги, что-то вроде ящеров. Неужели и вправду оно не замерзает?

— Не замерзает, потому туда и уходят на зиму выдры, — сказал эвенк. — Скоро сам увидишь.

Я встал ещё затемно, чтобы за мною не увязались собаки, подпёр в избушке дверь и, захватив ружьё, пошёл на лыжах по еле заметному в предутреннем мареве собачьему следу. Вот лайки спустились на лёд речки. Я шёл тихо крадучись, часто останавливаясь и прислушиваясь. Здесь собаки почему-то припустили галопом!

«Куда это они?» — промелькнуло в голове.

Я прошёл поворот, потом второй. Уже совсем рассвело, когда я стал огибать поворот третий. Стараясь скользить по снегу неслышно, я вышел на небольшой плёс. И то, что увидел на противоположной его стороне, меня потрясло, напугало и привело в ярость.

— Так вот ты каков, так называемый «Хозяин»?

Меня метров с пятидесяти спокойно рассматривало огромное лохматое существо. Оно было

около двух с половиной — трёх метров росту, одетое в тёмно-бурую густую шерсть, чуть сутулое и по виду очень мощное.

— Вот и встретились! — сказал я ему. — Ну что же попробуй меня напугать! Что, не могёшь? — вскинул я свой «зауэр», но спустить курок почему-то не смог.

Гнев куда-то сам по себе исчез. Я смотрел на разглядывающее меня чудовище, и мне захотелось ему сказать: «Пойдём, напою тебя чаем, накормлю. Ты кору краснотала грызёшь, у нас там вкуснее...»

Но сказал совсем другое.

— Оставь нас в покое, мы тебе не враги, чулукан. У меня своя дорога, у тебя своя.

Зверюга, слушая мои слова, перестала двигаться, некоторое время он стоял, наклонив голову, а потом, повернувшись, спокойно пошёл по заснеженному кочкарнику в ельник. Если бы я захотел, то легко мог бы уложить его выстрелом в спину. Но чудовище было уверено, что этого не произойдёт.

«Значит, ты ещё и телепат, — послал я ему свою мысль вдогонку. — А вообще, я рад знакомству! Удачи тебе!»

По следам я увидел, что наши собаки подходили к пасущемуся сибирскому йети метров на десять. Сначала, видимо, облаивали его, а потом, поняв, что он им не враг, а скорее знакомый из леса, успокоились. Я нашёл место, где чулук объел целую заросль краснотала.

«Надо же, ест всё подряд, даже кору, — подумал я. — А может, он и не ел, а от чего-нибудь этой корой лечился? В этих краях с мясом у такого, наверняка, проблем нет... С его телепатическими способностями можно, наверное, всё. Сергея чуть на тот свет не отправил! Но почему на меня не подействовала его магия? Я ведь не испугался. Может, сработал бабушкин оберег? Скорее всего, так оно и есть. Поэтому чулукан и стоял такой растерянный. И выслушав мои претензии, счёл нужным уступить мне дорогу. Ну и шаманка! Ну и бабушка! Вот это уровень!» — восхищался я про себя, возвращаясь в избушку.

Когда я подошёл к домику, никто уже не спал, дверь была настежь открыта, и в избушке горела «буржуйка».

ж, — Ну что, видел кого-нибудь? — задал мне вопрос Н.Л. — Кто их, — показал он на привязанных собак, — каждую ночь выманивает?

— Николай прав, — качнул я головой в сторону побледневшего эвенка. — Хозяин леса! Здесь владения очень сильного духа. Очевидно, он собакам снится.

— И они на него потом в лес бегают полаять, да? — покачал, глядя на меня, головой Н.Л., дескать, с тобой всё ясно — тоже решил поиграть в тайну.

Но что мне было делать? Рассказать всё как есть? Наверняка сделают вид, что поверили, но между собой перемигнутся, мол, парень спятил...

— Вообще-то я духу сказал, чтобы он нас больше не беспокоил, — добавил я.

— И он тебе пообещал, да? — съехидничал Н.Л.

— В общем-то, пообещал.

— Слышали, сорока прострекотала — наверное, это голос духа... Голос сороки-белобоки. Давай к столу и пойдём закладывать новые площадки, — улыбнулся своей весёлой улыбкой Н.Л.

Когда вечером мы остались наедине с Колей, я ему сказал:

— Видел я твоего Хозяина, даже поговорил с ним. Правда, за Серёгу и за бессонные ночи чуть его картечью не полосанул. Но потом раздумал. Не захотел стать Геростратом.

— А этот Герострат что, чулукана застрелил? — вытаращив на меня глаза, спросил эвенк.

— Да нет. Он чулуканов не убивал. Просто сделал одно паскудное дело. Я чулуку прямо сказал, чтобы к нам больше не лез.

— И он тебя стоял и слушал?! — волосы у эвенка встали дыбом.

— Стоял и спокойно слушал. А куда ему деться, если мы встретились?

— Но ведь он легко мог тебя убить!

— Это я его мог навывлет! — не понял я эвенка.

— Тебя спас от смерти бабушкин оберег! Чулуканы, если захотят, могут мыслью остановить наше сердце, сделать человека дураком.

— Наверное, он не захотел? — предположил я.

— Не смог! — твёрдо сказал эвенк. — Не справился ни с тобой, ни с бабушкой!

— Ни с духом амикана, — напомнил я.

— Дух амикана тут ни при чём. Ни один медведь не может противостоять чулукану. Противиться его воле может только сильный шаман, очень сильный! Моя бабушка шаманит, но она слабая шаманка. Дедушка был сильнее её, но и он боялся чулуканов.

— Так выходит, я у тебя шаман?

— Нет, ты не шаман, но в тебе что-то такое, чего боятся даже шаманы. Например, моя бабушка тебя уважает, но и боится.

— Это почему? Неужели я такой жуткий? — к горлу подступила обида.

— Ты не жуткий, но тот, кто стоит за тобой, сильнее самых сильных духов. Так сказала моя бабушка. И дело не столько в обереге, Гера, сколько в тебе.

С этими словами эвенк дал понять, что разговор окончен. Полночи я лежал и думал над услышанным. В метре от меня мирно дремали наши собаки. Никто их больше не беспокоил. И я знал, что теперь так и будет. Чулук меня отлично понял и уверен, что мы, посетившие его лес люди, ему не враги. С этими мыслями под утро я кое-как уснул.

К озеру Якынр мы вышли через день. Николай ошибся, до него было не двадцать километров, а все сорок, потому что идти из-за оленьих покопов нам пришлось не по борам, а по пойме вдоль Орловки. Мы обошли стороной место силы и двинулись на север. По словам эвенка, там, где потерялся Юрий Петрович, видны на земле какие-то концентрические круги. Высотой они сантиметров двадцать пять — тридцать. И заметны они в основном благодаря ягельнику: на кругах олений мох почти отсутствует.

— Тогда, — сказал Николай, — осенью из-за снега мы ничего не увидели. Сейчас тем более не увидим. На место силы надо идти весной или летом.

— Мне что-то не очень хочется, — припомнил я исчезновение Сурова. — И мы хорошо сделали, что стороной обошли тот бор.

— Нам ещё долго? — спросил Старков эвенка.

— Подходим к кочевой дороге. Ещё немного, и мы будем на ней.

— А как ты узнаешь, что пришли туда, куда надо? — посмотрел на него Н.Л.

— По затёсам, — просто сказал проводник. — Они там особенные. Скоро сами увидите.

И, действительно, примерно через час Николай показал на старую сосну, с вырезанной на её коре стрелкой. У стрелки было два конца, один указывал на юг, другой — на север.

— Туда — путь на Ингару, по-теперешнему на Чулым, — показал охотник. — А сюда, прямо на полюс! Для интереса проверьте по компасу.

Н.Л. достал из кармана свой старинный дореволюционный компас и, сверив с ним направление стрелки, пробасил:

— Дороги я не вижу, но стрела на самом деле показывает направление юг-север. Ну что, разворачиваемся?

— Мы уже повернули, — сказал я.

— Справа от нас озеро, впереди водораздел. Ночевать будем на северной стороне Якынр, там есть сушняк. А дальше придётся туго. Дров на болоте почти не будет, — добавил Николай.

— Что же тогда делать? Мороз-то по ночам за тридцать, — погрустнел Серёжа.

— От ветра сделаем снежный заслон, тогда и маленького костерка вполне хватит, — успокоил его эвенк. — На небольшой огонь дров всё равно наберём.

Через несколько минут в просветы между вековыми соснами мы увидели озеро. Гигантская покрытая льдом и снегом гладь!

— Ну и где твои проталины? — спросил я проводника.

— Когда пойдём по его берегу, ты их увидишь, — невозмутимо сказал охотник.

Через полчаса мы на самом деле оказались на берегу озера. Идти стало совсем легко. Уплотнённый ветрами снег легко мог держать человека. Наши собаки с радостью убежали далеко вперёд, и через несколько минут на озере раздался их еле слышный лай.

— Однако выдру держат, — прислушался Лихачёв. — Больше некого.

— Выдру! — отозвался Н.Л. — Ёе же спасти придётся, иначе заедят! Вот не было печали — так черти накачали!

— Зачем спасать? Из неё же шапка, какая! А если лыжи подшить? — не понял эвенк.

— Шапки у нас, Коля, у всех есть, да и с лыжами в порядке, а сырая шкура, хоть и не много, но весит. Пусть себе живёт, если, конечно, от собак сумеет отбиться, — схватил я поводки лаек.

Когда я прибежал на место драки, то увидел крупную выдру, которая, забравшись на наклонённое над водой дерево, с отчаянием обречённого отбивалась от наседавших на неё со всех сторон лаек. Зверя спасало только то, что собаки никак не могли её достать. Не позволяла высота дерева, куда она забралась. Не будь этой старой ветлы, зверьку бы давно пришёл конец. Кое-как поймав собак и посадив их на привязь, я повернулся к выдре. Та сидела на своём месте и с интересом наблюдала за моими действиями.

— Ну вот ты и спасена, можешь идти своей дорогой, — потащил я за собой упирающихся собак.

«Интересно, куда же она шла, эта выдра?» — возник в голове естественный вопрос.

И я взглянул на озеро. В двухстах метрах от берега виднелась огромная чёрная полынья. В метрах ста от первой — вторая!

— Так вот куда ты спешила! — ещё раз посмотрел я на сидящую на ветле выдру. — Выходит, что эвенки правы. Озеро дышит! Оно всё в огромных полыньях. Живут в нём ящеры или нет, не важно. Удивительно то, что в лютые морозы его гладь не замерзает!

Сделав для себя такое открытие, я направился догонять ребят.

Как и говорил наш проводник, первую ночь на древней кочевой дороге мы провели на северной оконечности озера. Здесь было много сушняка, и надья у нас получилась как полагается.

Но второй ночлег на чистом, плоском, без единого деревца бескрайнем болоте сулил быть мучительным.

— Надо наломать мелкой сухой сосны, хоть редко, но она есть, — распорядился Николай, останавливаясь. — Здесь всегда ветра, даже в мороз, поэтому давайте готовить серьёзный бивак. Если ночью начнёт дуть, нам несдобровать.

Ребята, бросив нарты, занялись поисками мелкого болотного хвороста, а мы с Николаем, достав из мешка ножовку, занялись приготовлением снеговых кирпичей. У эвенка была идея построить четыре стенки и внутри них развести маленький костёр. Но в ходе работы мне удалось подкинуть ему идею о возведении круглого помещения наподобие эскимосской иглу.

— Ты давай строй, а я буду тебе таскать снег, — согласился эвенк. — Я тунгус, в эскимосы записался ты. Так что, давай, — подбодрил он меня.

Нечто подобное раньше я уже возводил, поэтому, быстро начертив на плотном снегу круг, я начал строительство. Через час ко мне присоединился Н.Л.

— Всё равно в округе нескольких километров сушняка нет. То, что было, вон! — показал он

на небольшую горку хвороста. — Вся надежда на твою иглу. Поэтому давай сооружать её вместе.

На закате наше убежище фактически было готово. В отличие от эскимосского, на сферическом его потолке для выхода дыма мы оставили небольшое отверстие.

— Давайте возьмём снеговой камень и, когда дрова прогорят, им заткнём нашу дырку, — сказал Старков. — Как никак будет немного теплее.

— И здоровенной снежной плитой закроем вход, — развил я его МЫСЛЬ.

Помещение было небольшим. Каких-то четыре шага в диаметре. Но оно нас вполне устраивало. Правда, от нашего сушняка дым стоял в нём такой, что мы не знали куда от него деться. Почему-то тяги никакой не было. Он наполнил иглу, и дышать можно было только лёжа.

Ну и придумал же ты хоромы! — ворчал эвенк. — Поставили бы стенки из снега и хватило бы.

— Но мы же, фактически, без дров! — оправдывался я. — Так дыры заткнём, надышим, понятно, что будет не тепло, но всё равно, не как на улице...

Мы кое-как вскипятили чай и даже обрадовались, когда, наконец, наши дрова закончились.

— Лучше в холоде, но хоть можно дышать, — философски заметил Н.Л.

— Я за всю жизнь столько не плакал, сколько сегодня, — вытирая воспалённые глаза, улыбнулся Сергей.

— В таком случае, затыкаем дыры и превращаемся в эскимосов! — скомандовал я.

— Это вы с Николаем у нас заделались эскимосами, так одеты, что вам и на улице можно, а что с нами к утру будет? — погрузился Н.Л.

— Думаю, что все нормально, сейчас мы принесём всем наши одеяла и ещё мою куртку. Под всем двойным да на оленьей шкуре с собаками под боком — вам будет не хуже, чем нам! — успокоил я ребят.

Через несколько минут, запаяв все щели в снежной хижине, мы улеглись рядом друг с другом с намерением поскорее уснуть. На самом деле в иглу с каждой минутой становилось всё теплее и теплее.

— Надо же, — сказал Н.Л. — И вправду жить можно! Самое большое минус десять, а за стеной все тридцать, а то и больше!

— Вот видишь, — сказал я. — А вы не верили! Завтра встанем как огурчики!

Но ни назавтра, ни напослезавтра мы из своей снежной хижины так и не ушли. Ночью над тайгой начал бушевать сильный ветер, а под утро разразилась такая пурга, что невозможно было выйти из хижины. Ветер валил с ног, а снег забивал глаза и проникал во все отвороты на одежде.

— Что бы мы делали за твоими эвенкийскими стенками без топлива? — кольнул Николая Н.Л. — То ли дело — эскимосская хижина! Скоро мы в ней все обэскимосимся, обратно придём, на эскимосском разговаривать будем...

— Бабушка говорит, что и предков эвенков, и предков остяков, и предков всех других народов Сибири научили жить на Севере древние эндри. Потому ты и стал строить снежный чум, что знал, как он делается, и знания о его строительстве у тебя в крови. Н.Л. тебе помогал, как будто всю жизнь лепил такие вот хижины. А мы, — показал он на холодные снежные стены норы, — в снегу рыть не умеем...

От сказанного эвенком мы все растерялись. Николай указал нам на родовую память! И на самом деле мы строили с Н.Л. снежный домик ни как попало, а именно таким, каким он должен быть. А кто нас учил? Просто взяли в состоянии стресса.

— Так что, не обэскимоситесь! — заключил эвенк. — Это когда-то предки эскимосов обэндрились. Или обрусилась...

— У тебя не бабушка, а настоящий профессор по истории Сибири, — сказал Н.Л. — Да и ты не так прост, уж очень внимательный.

Под слоем снега и завывание ветра мы спали, ели и разговаривали. Безделье всех сильно угнетало. Но делать было нечего. Пурга на безбрежной равнине — страшнее не придумать! Идти в такую погоду было невозможно. Но, наконец, под утро третьего дня ветер стих. Вместо него ударил мороз. Поэтому, наскоро собравшись, мы, как говорил эвенк, погнали свой аргиш дальше. Решено было на обратном пути снова заночевать в снежной хижине. Наш проводник намеревался к вечеру пересечь болото и выйти к тымским борам. Ночевать снова без дров нам не хотелось.

— А где те курганы, о которых рассказывала твоя бабушка? — видя перед собой сплошную равнину, спросил я Николая.

— По её рассказам, они будут от нас справа на границе с борами, мы как раз туда и идём.

По свежему снегу в мороз нарты шли тяжело, поэтому нам приходилось часто меняться. Но, несмотря на это, все быстро устали.

— Что же делать? — спросил у проводника Старков. — Неужели ты надеешься дойти до леса?

— Другого выхода у нас нет. Если до бора не доберёмся, то в такую стужу ночевать придётся, как в прошлый раз.

— Впереди, похоже, сквозь морозную дымку виден лес? — всматриваясь вдаль, высказался я. — До него километров десять, но время ещё есть — должны успеть...

И, действительно, где-то через час, на пути стали попадаться редкие маленькие сухостои. Потом их стало всё больше и больше, и постепенно они перешли в сплошной сухой мёртвый лес.

— Здесь сушняка море! — огляделся Н.Л. — Теперь всё в порядке. Можно ночевать.

Через несколько минут запылал большой жаркий костёр. Стал кипятиться чай и готовиться ужин.

— Завтра пойдём к курганам, — сказал эвенк. — Они по приметам рядом. Кругом, вокруг них, должна быть мёртвая, как здесь, сосна, а на холмах зелёная. Так что мы эти курганы отыщем легко.

На самом деле так и произошло. Когда сквозь частокол мёртвого погибшего леса я увидел высокий, поросший зелёной сосной холм, у меня от волнения чуть не выскочило из груди сердце. Огромный, вытянутый с востока на запад курган с идеальными ровными очертаниями.

— Несомненно, перед нами холм рукотворный, — оглядывая его крутые склоны, констатировал Н.Л. — И родовой, я где-то читал, что в длинные курганы хоронили людей из одного рода. Подобные насыпи стоят не то на Псковщине, не то на Смоленщине... Только этот намного больше тех, о которых я читал. Какая у него высота?

— Метров двадцать, не меньше, — прикинул я. — А каким он был, когда его возводили!

Мы обошли курган и увидели, что в метрах двустах от него стоит точно такой же! Я почти бегом бросился к нему и, обежав насыпь, убедился, что за ней на таком же расстоянии стоит ещё один.

— Да тут целый лес курганов! — догнал меня Н.Л. — Наверняка за ним будет ещё.

— Сейчас узнаю! — махнул нам Старков, направляясь к дальней насыпи.

Обойдя её, он вернулся и жестом показал, что там за курганом тоже самое.

— Мы, похоже, находимся на древнем некрополе! Сколько ему лет, если сейчас вокруг него сплошное болото?

— Я тебе скажу, — посмотрел на меня Н.Л. — Самое маленькое — 8 тысяч! На эту цифру указывают расчёты бурения торфяников. Работая над диссертацией, я интересовался возрастом болот. Отсюда и данные. Давайте посчитаем, сколько же всего здесь курганов?

— И хорошо бы составить план.

— Хочешь заняться научной работой? Одобряю! Но как только попытаешься её

опубликовать, тебя тут же смешают с грязью, — положил мне на плечо свою крепкую руку Н.Л.

— Хотя бы для себя, а не для публикации, — посмотрел я на него.

— Тогда мы с тобой! Пойдём считать и составлять план, — оглянулся Н.Л. на членов экспедиции.

Для того чтобы сосчитать и описать все найденные нами курганы, потребовалось два дня. насыпей оказалось двенадцать. Расположенные в ряд по три, все вместе они составили громадный квадрат. Каждая сторона квадрата, по нашим измерениям, протянулась примерно на полтора километра.

— Вот это да! — восхищался Н.Л. — Какая грандиозная работа! Интересно, откуда строители взяли столько грунта? Не шуточное дело: высота курганов метров двадцать, ширина около сорока, а длина все восемьдесят, а то и сто!

— Интересно, что внутри курганов? — спросил Сергей. — Неужели одни только кости?

— Я слышал, что один такой курган раскопали у нас в Колпашевском районе на речке Ёлтырева.

— Кто? — спросил я Старкова.

— Я их не знаю. Это было лет пять назад.

— И что в нём нашли?

— Когда взломали брёвна зарытого в курган сруба, то внутри обнаружили три громадные залитые воском книги.

— Книги?! — не поверил я услышанному.

— Да, книги.

— И куда их дёта? — спросил внимательно слушающий Сергея Н.Л.

— Сообщили куда следует.

— Это куда же?

— Понятно, что в КГБ.

— А причём здесь КГБ? — удивился Н.Л.

— Не знаю! — развёл руками Серёжа. — Слышал, что место сразу же оцепили и туда прилетели вертолёты.

— А что потом стало с теми, кто эти книги нашёл, ты знаешь? — спросил я Сергея.

Услышав мой вопрос, Старков почему-то растерялся.

— Один вскоре утонул, а другого, я слышал, убила собственная же жена. Так получается, смерти были не случайны? — спросил он.

— А ты как думаешь? — усмехнулся Н.Л. — Случайностей, дорогуша, в мире не бывает! Пора бы для себя нам это уяснить...

— Что же нам делать с этими курганами? — оглядел я своих спутников.

— Бабушка говорит, что о холмах рассказывать никому не надо, иначе найдутся люди, которые эти насыпи разрушат, — показал на курганы эвенк.

— Что же, последуем совету твоей потрясающей бабушки. Она на самом деле намного мудрее всех нас, — сделал я из услышанного от Старкова вывод. — Будем молчать и копить факты, да такие, чтобы от них нельзя было отвертеться.

— Отвертеться-то от них будет нельзя, но можно сделать вид, что никаких фактов нет и никогда не было, — горько усмехнулся Н.Л. — Старая надёжная технология, принятая консерваторами науки

— Пусть будет так, но мы всё равно станем работать. Копить и копить то, что сможем. Думаю, что в общей копилке новых фактов наш вклад займёт какое-то место.

— Что же я полностью с тобой согласен, — протянул мне руку Н.Л.

— Осталось посмотреть город. Вернее, то, что от него уцелело. Когда мы его увидим? —

обратился я к проводнику.

— Завтра вечером, — уверенно сказал охотник.

На закате следующего дня мы на самом деле подошли к тому, что эвенки и селькупы называют городом. Впереди нас возвышался покрытый снегом вал, и когда мы на него поднялись, то поняли, что перед нами погребённые под почву и снег руины древнего города. Вал, на котором мы стояли, опоясывал то, что когда-то было внутри него, уходя куда-то далеко в бор.

— Интересно, каков периметр этой крепости и какой высоты в древности был её вал? — высказал вслух свои мысли Н.Л.

— Длину стен мы сможем завтра измерить, — сказал я. — Но и только. Всё остальное для нас загадка.

Мы долго сидели ночью у горящего костра, думали и разговаривали о том времени, когда здесь, рядом с вершиной Тыма, бурлила жизнь в этом городе.

— Интересно, чем они занимались, как их там — эндри? — спросил сам себя Н.Л.

— Наверное, климат был другой, — сказал я. — Во всяком случае, таких вот болот, как сейчас, тогда, когда жил этот город, здесь не было.

— А что было? — спросил Сергей.

— Скорее всего, холодная северная степь. Лес рос только вдоль рек, да и то редкий. По степи бродили большерогие олени, овцебыки, носороги и мамонты. Мясного зверья хватало, но, наверное, были у жителей этих мест и домашние животные, например, прирученные туры, лошади и собаки. Колина бабушка считает, что ещё и мамонты, — качнул я головой в сторону эвенка.

— Значит, в основном занимались скотоводством, рыболовством и охотой, — сделал заключение Н.Л.

— Может, что и выращивали, как викинги в Гренландии — тот же ячмень.

— Или бананы! — рассмеялся над своей шуткой Н.Л.

Утром мы занялись обследованием вала. Удивило то, что он шёл чётко по окружности.

Обойдя по валу крепость, мы отыскивали места, где по-видимому, когда-то были ворота.

— Интересно, с кем они воевали? — не переставал удивляться Н.Л.

— Либо между собой, либо с родами неандертальцев?

— А может, это всего лишь периметр защиты от диких животных, — сказал Старков.

— Ничего себе защита! Сейчас высота не менее пяти метров, а тогда было все десять! — покачал головой Н.Л.

Длина вала оказалась по нашим меркам не менее четырёх километров

— Не маленький! — заключил эвенк. — Были бы валы покругче, в этом городе оленей можно пасти, они из него никуда не убегут.

— Только на проходы ограду поставить и всё, — добавил Старков.

— Ну что, завтра переходим Тым и идём в сторону Ваха? — обратился я к членам нашей маленькой экспедиции. — Хочется убедиться, идёт кочевая дорога дальше на север или нет.

— Смотри, февраль уже на исходе, — заметил Н.Л. — Во второй половине марта могут начаться оттепели. Как бы нам по воде не пришлось вылазите.

— Март в этих местах ещё зимний месяц, — сказал эвенк. — Тепло не придёт.

— Тогда идём дальше, я только за! — кивнул головой Н.Л.

— Ты дорогу завтра найдёшь? — спросил я эвенка.

— Конечно! — удивился тот моему вопросу. — Надо увидеть стрелу, а дальше по затёсам и старой просеке. На ней либо сосновый мелкач, либо березняк.

— Ну что же, ещё раз здесь у города переночуем и завтра на Вах.

— Хорошо бы баньку организовать, — вздохнул Старков. — Вот бы избушку встретить!

— Может, повезёт, и найдём избушку. Тут ведь тоже кто-то охотится, а то у меня от грязи на голове колтун вот-вот заведётся, — засмеялся я.

Переночевав на старом месте, мы перешли Тым и к середине дня вышли на пустую охотничью избушку, рядом с которой стояла и маленькая банька.

— Как по заказу! — обрадовался я. — Нас, наверное, Хозяин к баньке вывел?

— Не к баньке, а на дорогу, — показал на стоящие берёзы эвенк. — Эти берёзы растут на древней кочевой тропе. Посмотри, слева и справа от них сосняки. Завтра по ним и двинемся.

— А где же стрелка?

— Стрелку ты ещё увидишь, и не одну, — заверил меня охотник.

В баньке пришлось мыться только по одному, вдвоём в ней было не повернуться. Зато избушка оказалась просторной, с полом и хорошей глинобитной печью. Поэтому на общем собрании решили после бани хорошо выспаться. Утром, внимательно осмотрев зимовье, эвенк сделал странное заключение. По его мнению, избушку построил не охотник, а кто-то другой. В избушке не оказалось ничего, что обычно оставляют в своих жилищах охотники. Ни старых патронов, ни гильз, ни капканов.

— Странно, — почесал затылок Николай. — Зачем она вообще здесь стоит? Кто её построил?

Так и не разобравшись, чьи эти хоромы, двинулись дальше. Мы шли по бору рядом с берёзовым насаждением, которое иногда переходило в сосновый мелкач. Через пару часов хода у кромки болота эвенк остановился и показал на вставленную в старый сосновый пень деревянную стрелу.

— Вот вам и стрела! Всё как обещал! — засмеялся он своей удаче.

— Сколько же ей лет? — удивился Н.Л.

— Не много. Самое большое три или пять, — подумав, сказал охотник.

— Значит, кто-то здесь бывает и продолжает хранить этот путь. — констатировал факт Старков.

— Получается, что бывает! — сказал я. — Но кто?

— Может, старообрядцы? — предположил Н.Л. — Или сымские эвенки?

— После коллективизации все эвенки осели, и эта дорога опустела, — повернулся к Н.Л. Николай. — Но стрела-то стоит, и там, за водоразделом, то же самое! Как объяснить такое?

— Меня интересует другое: кому нужна в наше время эта древняя кочевая дорога? — перебил я Н.Л.

— Действительно, кому она нужна? — пожал плечами Старков. — Олени и лоси в дорогах не нуждаются.

— Похоже, мы столкнулись с чем-то таким, чего не в состоянии понять, — сказал Н.Л. — Если так, то советую на эту тему голову не ломать. Если эта меридиональная тропа уходит и за Сым, то можно считать, что мы со своей задачей справились. Не идти же нам по ней до океана?

С логикой Н.Л. все согласились. Решено было выйти на Сым и оттуда повернуть назад по своей же накатанной лыжне.

— Если её не занесёт снегом, — проворчал эвенк.

— Жаль, что не сможем увидеть Ваховские бора, — потужил я.

— Отсюда до Ваха километров двести, не меньше, а то и поболее, — остудил меня Н.Л. — Нам всё равно не успеть. Вот-вот начнутся оттепели, и что тогда? Придётся идти по ночам, а днём отсыпаться?

— Я же говорил вам, что в марте здесь, в Сымском крае, зима, — напомнил эвенк. — Но я согласен, до Ваха слишком далеко, а до Сыма километров пятьдесят, не больше.

— На Сым, так на Сым! Лишь бы не сидеть на месте, — засмеялся я.

Через несколько часов ходу мы опять вышли на олени поковы, и

нам пришлось снова делать изрядный крюк. Сразу на кочевую дорогу выйти не удалось, поэтому ночевали где попало. Дров было вдоволь, шёл мелкий снег, в воздухе чувствовалось приближение весны, но настроение почему-то было подавленное. Все осознавали, что скоро наши приключения закончатся, и мы по своей лыжне устремимся назад в суету мелких обыденных событий.

Назавтра в поисках старого маршрута мы набрели на стадо пасущихся оленей, и Николай выстрелом из своей винтовки добыл небольшого молодого быка.

— Мяса у нас теперь сколько хош! — веселился он, снимая с оленя камусы.

— Ну, а куда мы его денем? — охладил радость эвенка Н.Л.

— Как куда?! Есть будем!

— А ты что, голодный? Почти каждый день по глухарю уписываем, а то и больше, и ты всё наесться никак не можешь?

— Зато глухарей стрелять не надо будет, — защищался тот. — Мясо заморозим и разложим по нартам.

— А тянуть их нам! — не унимался Н.Л.

— Я тоже их тащить буду, — буркнул Николай.

— Сразу обе! — продолжал своё наступление Н.Л.

— Хватит вам зубоскалить! — вмешался я. — Хорошо, что мяса вдоволь, нам ещё идти и идти.

Но двигаться на север далеко не пришлось. Через день мы перешли Сым и, убедившись, что кочевая дорога всё так же уходит в сторону океана, скрепя сердцем повернули на юг. Когда мы снова подошли к странной избушке, то после бани и обильного ужина наш проводник сказал:

— Покойный дедушка мне как-то поведал, что западнее кочевой тропы на водоразделе островами стоят сосняки. Давайте пойдём через них, а не через нашу иглу.

— А найти мы их сможем? — спросил Н.Л.

— Конечно! — чуть не обиделся эвенк. — Мы сюда шли по заросшему сверху озеру, потому и не было леса. А свернём — всё изменится. Там будет так — грива — болото, потом опять грива. Идти веселее! И оленей там полно, а на гривах зимние отстой лосей.

— Тебе бы только олени да лоси! Какой же ты всё-таки кровожадный? — снова задел эвенка Н.Л.

— Ничего себе озеро! — перевёл я разговор на другую тему. — Закрытое моховым сводом море!

— А откуда ты знаешь, что мы шли по заросшему озеру? — снова обратился к Николаю Н.Л.

— Потому что, когда летом по тропе идёшь, мох под ногами качается и прогибается. И оттуда выступает вода. И такая чистая, как в озере. А когда пробьёшь мох палкой, она уходит в глубину в воду. Некоторые кержаки, по рассказам стариков, там, где мы ночевали, даже рыбачили. Пробивали мох и таскали щук в рост человека.

— Так получается, что на самом деле Якырн всего лишь небольшая лужа! Выход громадного озера на дневную поверхность?

— Факты говорят сами за себя...

— Что же пойдём назад борами, — согласился с эвенком Н.Л. — А то не дай бог местный Несси чего доброго захочет тобой закусить, ему пробить лёд и мох раз плюнуть. Сгребёт ночью спящего и спасибо не скажет!

Все поняли, что Н.Л. шутит, но он сделал такую тоскливую мину, от которой на голове

зашевелился волос.

— Всё, решено, уходим борами, — поставил я последнюю точку в разговоре.

И на самом деле, идти по своей старой дороге было не интересно. Мы это поняли сразу же, как повернули назад. То ли дело: новый маршрут! Опять свежие впечатления. Другие пейзажи, другой — даже надоевший снег. Эвенк нас не обманул: вскоре на горизонте снежной равнины мы увидели поросшую сосняком гриву, за ней в километре другую, потом третью.

У одной из таких грив, натаскав сушняку, мы заночевали.

— Я вот что думаю насчёт озера: когда-то город, который мы видели, стоял на его берегу, и речка Чудинка, рядом с которой он находится, — древняя протока, соединяющая это гигантское озеро с Тымом, а точнее, Чудинка и его, Тыма, вершина! И она до сих пор течёт из этого безымянного подземного пресного моря.

— Всё, ни в Тыму, ни в Кети я больше купаться не буду, — заявил Н.Л.

— Это почему? — спросил Старков.

— Чтобы мною не закусил местный Несси.

— Как же он тобою закусит? — удивился Серёжа.

— Очень просто, — сделал скорбную физиономию Н.Л. — Из Якынр вытекает Орловка, так? А из подземного, продолжением которого является Якынр, Чудинка или вершина Тыма.

— Ну и что? — не понял Старков.

— Поймите! — остановил я чудачество ребят. — Вот оно что? Водораздельное гигантское озеро в древности было ещё больше, и оно соединяло сразу две реки — Кеть по Орловке и вершину Тыма.

— И ещё Сым, — добавил эвенк.

— Это почему? — спросил я.

— Потому что из подземного озера берёт начало Кольчум и Южный Лунчес.

Услышав от эвенка, что из водораздельного озера берут начало речки, впадающие в Сым, от волнения я вскочил.

— Вы представляете, в каком месте стоял открытый нами древний город! Он соединял собой два бассейна великих рек. Через Орловку, Кеть и Тым — бассейн Оби, а через Кольчум и Сым — бассейн Енисея!

— Значит, и в Сыму купаться не буду, — грустно посмотрел на нас Н.Л.

— Тогда не будешь купаться и в Оби, и в Томи, и в Енисее, — засмеялся Старков.

— В древности летом все пути шли по воде, из открытого нами города можно было попасть хоть на юг, хоть на север — вплоть до океана! Так же, как на восток до самого Байкала и на запад до Урала!

— Заметьте, — посерьёзнул Н.Л. — И зимний кочевой путь проходил с ним рядом, и не только с юга на север, но и с запада на восток. Им и пользовались многие столетия кочевники-оленеводы.

— Вот это открытие, так открытие! — чуть не заплясал я от радости.

— Всё налицо: и курганы, и город, и путь по воде, и зимой по снегу.

— И храм на южном берегу озера, — добавил Н.Л.

— Что за храм? — сразу не понял я.

— В том месте силы, где пропал Юрий Петрович.

— Но ведь капище далеко от Якынр?

— Ты же сам сказал, что озеро было больше, — невозмутимо напомнил Н.Л.

Логика Н.Л была железной, получается, что мы нашли и место древнего храма.

— Там сохранились какие-то земляные насыпи и круги, — сказал я.

— Всё удалось! Даже то, о чём и не мечтали, — глядя мне в глаза, улыбнулся Н.Л.

— Что же теперь с таким богатством нам делать? — оглядел я ребят.

— То, что посоветовала нам Колина бабушка, — напомнил Старков. — Ничего в научных кругах пока не разглашать. Иначе найдут причину, как уничтожить курганы и город...

— Вот-вот — устами младенца глаголет истина! — показал на Сергея Н.Л.

— Значит, решено! — согласился я с общим мнением.

Назавтра мороз спал, пришлось оленью кырняжку положить на нарты и одеться в свою старую куртку.

«Скоро нас догонит весна, — думал я, налегая плечом на ремни упряжки. — Хоть бы температура не скакнула выше нуля. Тогда на самом деле придётся идти только ночью».

Мы шли по болоту прямо на виднеющуюся впереди гриву. Ещё издали было видно, что сосняк на гриве весь выгорел. Часть деревьев упала, а другие обгорелые кое-как стояли.

— Что ты можешь предложить? — спросил я эвенка. — Неужели придётся эту гриву обходить? Была бы она поменьше, а так потратим на обходные маневры целый день.

— Обходить не станем! — сказал Николай. — Попробуем прорваться напрямик. Всё равно так будет быстрее.

— Что же, тогда вперёд! — скомандовал я.

По завалам из деревьев, благодаря глубокому снегу, идти было можно, хотя и трудно. Особенно тяжело приходилось тем, кто тянул гружёные нарты. Медленно продвигаясь, километр за километром, мы упорно пересекали выгоревшую гриву, невольно думая, когда же она всё-таки закончится?

Наконец усталость взяла своё. И мы решили передохнуть. Усевшись на нарты, развели костёр, но попить чаю нам так и не удалось.

— Что это там за деревом? — вдруг показал мне рукою Старков. — Похоже, какая-то покосившаяся избушка.

Я взглянул в ту сторону, куда он указывал, и увидел упавший на землю охотничий лабаз.

— Ты не знаешь, чей это лабаз? — спросил я Николая.

— И не остяков, и не эвенков, — издали определил амбарчик охотник.

Мы подошли к лежащему на боку строению и стали его изучать.

Лабаз стоял не на двух, как обычно, а на четырёх столбах. Срублен он был в чашку добротнo. Потому от удара падающего дерева он и не развалился. Удивило другое: вокруг лабаза всё сгорело. Превратились в пепел сырые живые деревья, а он, давным-давно срубленный, сухой, уцелел? Как это могло случиться? От удивления мы не знали, что и думать.

— Интересно, кто его построил? — обошёл со всех сторон амбарчик эвенк. — И кержаки так тоже не делают. У них крыши, как у эвенков, — односкатные, а здесь два ската.

— И нет дверей, — заглянул под лабаз Н.Л. — Наверное, дверью служит крыша?

— Это специально, чтобы в амбар не залез медведь, — сказал Николай. — Он так крепче. Потому от удара и уцелел...

— Что же в нём хранится? — задал актуальный вопрос Старков.

— Сейчас посмотрим, — скинул лыжи Николай.

— Может, у него есть хозяин? — попытался остановить я его.

— Хозяин наверняка есть, — согласился со мной эвенк. — Но лабаз ему больше не нужен. Он его давным-давно бросил. С того момента, как выгорела грива. Очевидно, решил, что амбарчик тоже сгорел, а может, по другой причине.

— А когда, по-твоему, был пожар? — задал я охотнику вопрос.

— Лет пять назад, не меньше. На некоторых горелых брёвнах стал расти лишайник, — высказал он своё мнение.

— Тогда открывай, посмотрим, — кивнул головой Н.Л.

Мы сняли лыжи, и все окружили лабаз. Николай с Сергеем отодвинули покрытую берестой крышу. И первыми заглянули внутрь.

— Там что-то лежит, — сказал Старков. — Посмотрите сами.

— Неужели, правда? Неужто такое может быть? — побледнел эвенк отходя прочь от лабаза.

— Что ты там такое увидел? — оттащил я подальше крышку.

— Там лежит целиком шаманский костюм! — показал эвенк на лабаз.

— Ну и что? — подошёл я к озадаченному Старкову.

— Костюм не наш, не эвенкийский и не остяцкий.

— Тогда чей же? — заглянул я в открытый лабаз.

— Не знаю! О таких шаманах я слышал только в сказках, — уселся на поваленный ствол охотник.

— Давайте достанем и здесь как следует рассмотрим, — предложил Н.Л.

Пока мы доставали и раскладывали на снегу содержимое лабаза, эвенк сидел в какой-то прострации. Его глаза смотрели в одну точку, и было видно, что он сильно напуган и расстроен, наконец, всё, что лежало в заброшенном лабазе, оказалось перед нами: поразил отлично сработанный, обклеенный берестой охотничий лук. С ним в сшитом из бересты туле лежало десять оперённых со стальными наконечниками стрел.

— Вот диво! — показал на лук со стрелами Старков. — Никогда бы не подумал, что их ещё делают!

— Смотри, ещё одно чудо! — развернул какой-то свёрток Н.Л.

В руках у него оказалась старинная кремнёвая малокалиберная винтовка. К винтовке был приложен шомпол и запас кремней.

— Смотри-ка! В хорошем состоянии! Засыпай порох, пулю и стреляй! — изумился Н.Л.

— А вот какие-то кузнечные принадлежности, — показал на щипцы, маленькую наковальню и молоток Серёжа.

— Всё это нам понятно, — сказал я. — Но кто мне объяснит, что сшито из медвежьей шкуры?

— Николай сказал, что вроде бы чей-то шаманский костюм? — посмотрел на сидящего в прострации эвенка Старков.

Перед нами на самом деле было какое-то странное одеяние. Оно представляло сшитый из медвежьей шкуры длинный кафтан. С головой медведя в качестве накидки и с медвежьими лапами вместо обуви. Ни бубна, ни колотушки рядом с костюмом не было.

— С чего ты взял, что это шаманский костюм? — подошёл я к Николаю. — Скорее всего, маскарадный какой-то. Ни бубна, ни колотушки. И нагрудника шаманского тоже нет!

— Для таких шаманов, как хозяин этого костюма, не нужен ни нагрудник, ни бубен, ни колотушка, — нехотя сказал Лихачёв. — Они входят в свои миры молча, без камлания, но сильнее всех других!

— Что же это за шаманы? — снова спросил я эвенка. — Кто они, какого народа?

— Может, это костюм кетского шамана? — спросил подошедший Н.Л. — В этих местах когда-то и кеты жили.

— Узнаете у моей бабушки, — сказал эвенк, вставая. — Я вам не рассказчик. Всё, что я помню о таких вот шаманах-медведях, — из старинных сказок...

— Придётся забрать с собой всё, что нашли. По крайней мере, лук и кузнечные принадлежности можно передать в университетский музей, наверняка и этот странный костюм тоже, — сказал я. — Во всяком случае, всё это сохранится, а здесь со временем наверняка пропадёт.

Найденные нами вещи мы погрузили на нарты и, преодолев горелую гриву, снова вышли на

чистый снег болота. После того, как нашли странный лабаз, стало заметно, что настроение у нашего проводника изменилось. Николай замкнулся: мало стал говорить и почти совсем перестал улыбаться.

— Что-то его гнетёт, — как-то кивнул головой в его сторону Н.Л. — Может, можно помочь?

— Вряд ли, — сказал я. — Похоже, чего-то он боится. Дойдём до стойбища, думаю, всё изменится. Бабушка-шаманка ему поможет лучше нашего.

Обратный путь у нас прошёл без особых происшествий. Через неделю мы оказались в избушке у второй речки. А ещё через два дня, перейдя гарь, поздно ночью мы вошли в эвенкийское стойбище.

— Всё, после такой гонки пару дней отдыхаем, — сказал я, снимая лыжи, — потом двинемся в жилуху. Уже конец марта, и, на самом деле, идти придётся в основном ночью.

— Ночью, так ночью! — согласился Н.Л. — Если мы из Туруханского края благополучно вернулись, то здесь дойдём.

Родные Николая и все остальные эвенки, как всегда, встретили нас радушно. Много было расспросов о передвижении диких оленей и о зимних отстоях лосей. Большой интерес вызвал наш поход в Вершину Тьма и на Сым. Многие пожилые эвенки переселились на Кеть из тех мест и поэтому услышать о родине им было приятно. Но, узнав, что мы не встретили ни на Тьму ни на Сыму никого из их родственников и даже не видели следов эвенкийских лыж, они расстроились.

— Однако, померли там все, — вздохнула Глаша Ивигина, старенькая маленькая старушка, родственница Николая.

— Не померли, — отозвался Борис Леонтич. — Просто, как и мы, перестали кочевать. Оленей сейчас у них мало, живут себе на одном месте, а то и вовсе в посёлки подались.

Хорошо отоспавшись и отдохнув, я, захватив с собой странный шаманский костюм, направился в чум к Колиной бабушке. Как я понял, шаманка меня давно поджидала.

— Ну что, Геша, видел то, о чём я тебе говорила? — не здороваясь, спросила она меня.

— Видел, — сказал я сдержанно. — Даже больше того, что от вас слышал.

— Чулукана хотел стрелить? — косо посмотрела она на меня. — Нехорошо!

— Николай уже успел рассказать! — сконфузился я.

— Он тебя оправдывал. Он твой друг. Чтобы ты ни сделал, для него всё хорошо. Но ты мог согрешить!

— Не согрешил же?

— Не согрешил... За что молодец! — наконец, улыбнулась шаманка.

— А почему нельзя трогать чулуканов? — задал я ей вопрос.

— Трогать их — вредить себе, — сказала бабушка уклончиво. — Вообще, редкий человек может им навредить, ты как раз из таких. Поэтому гломни: они тоже дети Огды и тоже имеют право на жизнь. Николай сказал, что чулукан тебя послушал и перестал за вами следить.

— Перестал, — кивнул я головой.

— Надо же, не всякого человека чулуканы слушают.

— Наверное, я ему понравился.

— Тем, что поднял на него ружьё?

— Может, и так!

— Наверное, потому, что ты его не испугался и стал с ним разговаривать... — сделала вывод шаманка.

— О костюме, который мы нашли, Коля вам тоже рассказал?

— Рассказал, — спокойно сказала бабушка.

— Он со мной, мы решили его вам показать, — вынул я из мешка странное одеяние.

Наклонившись над костюмом, старушка внимательно осматривала все его части, изучив даже швы, потом, подняв голову, сказала:

— Однако одежда того шамана, который вызволил вашего друга из другого мира.

— Шамана эндри?!

Такое известие чуть не сбило меня с ног.

— Да, шамана народа эндри.

Только теперь я почувствовал дрожь в голосе эвенки.

— Но это не шаманский костюм, — продолжила она.

— А что же тогда?

— Одеяние для предсказаний. Для обращения к далёким предкам. Шаманы эндри не шаманят, как это делаем мы, — продолжила Колина бабушка. — Вместо трёх, они знают двенадцать миров. И могут входить в любой из них. Они не нуждаются в бубне, но всегда пользуются местами силы.

Шаманка говорила о мифических жрецах эндри как о чём-то вполне реальном, что не может вызывать никаких сомнений.

«Сказка какая-то, — думал я, слушая её. — Народ давным-давно исчез. То ли ушёл, то ли вымер, не ясно. От мест его поселений остались одни земляные валы, но старая шаманка говорит о жрецах этого народа так, как будто они всё ещё живы!»

— Николай сказывал, что за водоразделом вы нашли странную избушку с баней, — донёсся до меня голос эвенкинской знахарки. — Та избушка хозяина этой одежды, — показала она на лежащий перед ней медвежий костюм. Значит, он жил либо в Сыму, либо в Ярцево. Скорее всего, в среде старообрядцев-кержаков, — сделала она заключение.

— А почему жил? Вы считаете, что его уже нет, он умер? — спросил я.

— Пошто умер? Это мы ждём смерти, они — эндри, её не ждут. Он из этих мест уехал.

— С чего вы так решили? — не унимался я.

— В лабазе лежало письмо. Оно понятно каждому шаману, — продолжила свой рассказ бабушка.

— Никакого письма мы не нашли.

— Да оно не на бумаге, а в вещах, — улыбнулась моей наивности ведунья. — Лук лежал в направлении восход-закат. На закат смотрели и наконечники стрел. Так?

— Точно не помню, но, кажется, так, — сказал я.

— В берестяном туле десять стрел. Значит, уехал на запад на десять лет.

— А что означает кремневая винтовка?

— То, что он остаётся навсегда хозяином своего места силы.

— А наковальня, клещи и молоток?

— Здесь всё просто, — засмеялась шаманка, глядя на мой ошалелый вид. — Этими вещами он рассказал, чем будет заниматься после переезда. Очевидно, где-то далеко, в одном ему известном месте, по какой-то причине погиб такой же, как и он, хранитель выхода силы. И теперь надо за двадцать лет подготовить другого такого же шамана.

— Откуда вы узнали, что за двадцать?

— А ты видел наконечники стрел? Они же все двойные вилкой. Такими стрелами стрелять только птицу, но не зверя. Однако, все стрелы одинаковые. Растолковать послание можно так: я уехал на запад, места мои остаются за мной. За ними буду следить. Вернусь через десять лет с тем, кого буду десять лет учить...

— А мы всё из лабазы забрали! — пришёл я в ужас.

— И хорошо сделали, — успокоила меня шаманка. — До меня же дошло письмо, значит,

всё в порядке. Я его передам кому надо.

— Кому? — само собой вырвалось у меня.

— Шаману остяков. Чтобы он знал, что квельжбат-гула, так селькупы называют людей-медведей эндри, скоро вернётся и не надо никого пускать в его бор у Якынр-озера, — нисколько не раздражаясь, спокойно ответила мне шаманка.

«Квельжбат-гула — вот как зовут жрецов эндри или квелей селькупы», — думал я.

— А как по-селькупски будет мамонт? — задал я новый вопрос Колиной бабаушке.

— Кволи-кожар, — не задумываясь, ответила ведунья.

«Значит, название квели, как и эндри, происходит от слова мамонт. Смысл один и тот же: мамонтовые люди. Или люди, приручившие мамонтов... Одно к одному, что у эвенков, то и у селькупов. Если разное совпадает, значит, здесь истина, — вспомнил я сказанное мне зимой Колиной бабушкой. — Всё оказывается так просто! Было бы желание что-то узнать и понять. Но у простых людей такое желание почему-то исчезло. Все заняты только материальными делами. Совсем как насекомые».

От таких мыслей мне стало тоскливо.

«Мы четверо организовали маленькую экспедицию и за два месяца дорог сделали столько открытий! — думал я. — Что мешает другим, вместо того, чтобы слоняться по ресторанам или пялиться в теле-меле, самим попробовать найти ответы на мучающие вопросы? Скорее всего, у пустых людей вопросов просто не возникает. Они и так всем довольны. Проглатывают подsunутую им ложь и рады без памяти! Шутка ли, нам удалось открыть следы древней сибирской цивилизации людей белой расы. Людей, которые, как и мы, говорили на русском языке. Но что теперь с таким духовным грузом делать? Как с ним жить, когда ты знаешь совсем другое? Может, для упрощения жизни взять и всё, что увидели и узнали, забыть? Но сможем ли? Вот вопрос».

В посёлок Центральный мы пришли, как и планировали, ночью. За нами увязался Николай Лихачёв, якобы для покупки продуктов. Утром он ушёл в магазин и, вернувшись, рассказал, что охотовед Локосов, то бишь Ловкачёв и сын заготовителя, молодой парень, только что вернувшийся из армии, узнав о том, что мы ушли в тайгу, поехали на буранах нас искать. Где они были, неизвестно. Но случилась беда. Оба ночью чуть не замёрзли. В настоящее время сын заготовителя лежит в тяжёлом состоянии в больнице Белого Яра. Нам было искренне жаль молодого недалёкого парня, который попал под влияние своего отморозка папаши. И теперь неизвестно, чем для него это всё кончится. Но, с другой стороны, виноватыми в его беде себя мы не считали.

Через неделю мы оба: и я, и Н.Л. были в Томске. Я, рассчитавшись с работы, вернулся в город, а Н.Л. торопился к себе на службу.

— Ну, что будем делать с шаманскими вещами? — спросил я его.

— Наверное, их все можно отдать в наш университетский историко-этнографический музей. Они там, по крайней мере, хоть сохранятся, — посоветовал он.

Я с ним согласился. И мы привезли найденный нами лук, стрелы, кузнечные принадлежности и шаманское одеяние ворожея квельжбатгула в наш музей. И лук, и железки пошли на ура! Но с шаманским костюмом получилась заминка. Осмотрев его, специалисты по сибирской истории вдруг заявили, что костюм — не что иное, как подделка! И в подделке обвинили меня. Дескать, я решил завести в заблуждение науку: принёс в музей шаманский костюм шамана легендарных квелей, которые жили в Западной Сибири тысячу лет назад! Короче, наш подарок музей ТГУ отверг. А из меня сделал специалиста по фальсификации. По мнению некоторых учёных, я как человек, неплохо знающий историю Сибири, заказал местным аборигенам изготовить это шаманское облачение. Все мои просьбы провести экспертизу кожи

костюма были с раздражением отвергнуты. И тогда мы решили оставить нашу находку у себя. Н.Л. забрал костюм на дачу, так сказать, до лучших времён. В конце октября, когда выпал первый снег, мы с Н.Л. в отместку за нелепое обвинение решили подшутить над нашими академиками. И в шесть утра, надев на себя мокасины с медвежьими лапами, я прогулялся по университетской роще и обошёл главный корпус. Сколько было у студентов, когда они пришли на занятия, радости, можно себе представить! Никто из них не испугался, все хотели увидеть Мишу, желающего получить университетское образование. Трухнули некоторые препода, по рассказам, и те музейные работнички, которые так и не смогли догадаться о происхождении в центре города следов громадного медведя.

Глава 21. Рассказ старого фельдшера

Из наивного мальчика, верившего во всё написанное на бумаге, я превратился в другого человека именно тогда, во время первой своей самостоятельной экспедиции.

Толчком всему, что произошло, послужила смерть Юрия Петровича Сурова. Не случись её, может быть, я так бы никогда и не узнал ни о народе эндри, ни о древних кочевых дорогах, ни о городах погибшей цивилизации. О своей экспедиции я как-то поведал «пасечнику». Он внимательно меня выслушал и сказал, что о мёртвом городе на вершине Тыма ему известно и таких городов по притокам Оби и Иртыша множество. Удивила его шаманка-бабушка.

— Похоже, твоя баба Нюра получила свои знания от хозяина медвежьего наряда, — засмеялся седоголовый. — Она знает то, о чём аборигены в своих преданиях обычно умалчивают. Похвально, что она тебя сразу раскусила и стала с тобой работать. Но пока не пойму, зачем? — задумался он.

После приезда из Колы домой в Сургут, сидя на диване и обнимая соскучившихся по мне собак, я во всех подробностях вспомнил тот зимний поход.

«Жив ли Николай Лихачёв? — думал я. — Что сейчас с Сергеем Старковым? Нелохо бы его найти. И чем занят самый надёжный из моих друзей незабвенный Н.Л.? Хранится ли у него тот шаманский костюм? После нашей встречи прошёл целый год, неплохо бы его навестить и об этом спросить. Шаманский медвежий костюм, наряд жрецов-предсказателей легендарных эндри или квелей. Странно, почему именно медвежий? — ломал я себе голову. — И никакой другой? Что-то в этом есть, но что? Вот бы понять?»

Долго не видевшие меня собаки ласкались и что-то пытались сказать на своём собачьем. Но я их не понимал, просто гладил и теребил родные лохматые морды.

— Даю слово, больше так долго от вас не уеду! Я и сам без вас соскучился. Но что делать: так было надо, — говорил я им.

Дядя Ёша просил год-два отдохнуть от свежей информации. Заняться чтением книг и осознанием того, что уже удалось постичь и понять. Но для этого надо было найти такую работу, которая бы позволила всё это сделать. Бесконечные командировки, в которые я ездил, не годились. В конце концов, надо было пересмотреть и своё отношение к собакам.

«Сколько можно их оставлять на попечение соседей? Но куда податься? На буровую нельзя, это ещё хуже, чем моя работа. Тогда куда? Может, вообще уехать из Сургута? Например, в Новосибирск или опять в Томск? Но и там, и там будут проблемы с квартирой. К тому же я не один: у меня эти вот два лохматых красавца. Что же делать?»

Интуитивно я почувствовал, что ответ на вопрос, куда пойти работать, от меня совсем рядом, и он как-то связан с тем, что меня волнует. И тут я внезапно вспомнил рассказ одного старого больного фельдшера. Случилось это через год после моего переезда из Верхнекетского района Томской области в областной центр. От своего знакомого я услышал, что в районе села Нарымского пробурена скважина, из которой стала поступать на поверхность горячая морская вода. Очевидно, вода древнего, ныне исчезнувшего моря. И мне захотелось побывать на той скважине и самому убедиться, так ли это. Я взял напрокат у друга «Казанку», поставил на неё свой старый проверенный временем «Вихрь», запасся до отказа топливом и, зацепившись за идущий вниз по Оби «Ярославец», отправился в район Нарыма к заинтересовавшей меня скважине. Через пару суток я был на месте. Отцепившись от «Ярославца», я завёл свой мотор и, махнув капитану катера рукой, пристал к Чистому Яру — к месту, где геологи пробурили странную скважину. Меня удивило, что у берега стояло десятка полтора разных лодок, а на берегу маячили палатки. Через несколько минут я узнал, что на скважину приезжают лечиться

люди. Оказывается, бьющая из-под земли горячая вода запросто лечит многие болезни. Хотя я и был здоров, но искупаться в целебном источнике мне, естественно, захотелось. И я принял решение несколько дней пожить рядом со скважиной. Поискав свободное место, я поставил на берегу свою палатку и отправился купаться и принимать грязевые ванны. В одной из самодельных ям, куда люди наливали шлангом горячую воду, я заметил старого человека. Он сидел одиноко в своей ямке и правой рукой поддерживал висящую у плеча на коже левую руку. Мельком взглянув на зажившую страшную рану, я понял, что человека изуродовал медведь, тем более, что на его шее были видны шрамы от его страшных когтей. Как человек не умер от таких ран, было непонятно. Повалявшись в грязи и приняв ванну, я искупался в чистой воде ближайшего озера и направился к себе в палатку. Подойдя к ней, я увидел снова того старичка, который одной рукой безуспешно пытался развести рядом со своей палаткой маленький костёр. По-быстрому я наломал тонкого сухого хвороста, и вскоре костёр у палатки старого человека запылал. Старик поблагодарил меня за помощь и спросил, где я так профессионально научился разжигать костры? Я сказал ему, что ещё недавно работал охотоведом, приходилось по работе много путешествовать. В бесконечных дорогах и научился этой премудрости. У своей палатки я тоже разжёл костёр и стал готовить себе ужин. Увидев, что таким же делом занят мой сосед, я решил, что будет лучше пригласить старичка к себе.

— Пойдёмте ко мне, — подошёл я к нему. — У меня уже всё готово, и за компанию будет веселее.

— Мне как-то неудобно, — посмотрел он на меня. — Я лучше сам по себе...

— Не стесняйтесь, — сказал я ему. — Мы же соседи, в следующий раз чай пойдём пить к вам. А сегодня за мой приезд.

— Тогда я возьму вот свои булочки, правда, они не свежие, — сконфузился старик, доставая из палатки какой-то пакет. — Вчера внук привозил, за ночь успели высохнуть.

— А вы сами откуда? — спросил я его, когда мы подошли к моей палатке.

— Из Парабели, я местный. Отсюда на посёлок идёт дорога: по ней ко мне иногда приезжает на газике мой внучек.

У старика легкий низкий голос, приятное доброе лицо и умные открытые глаза. Он сел напротив меня и положил свою повисшую на сухожилиях и коже левую руку себе на колени.

— Меня звать Василием Петровичем, — представился он.

— А меня Юрием, — протянул я свою руку для рукопожатия. — Хотя я и не употребляю, но у меня в шакше кое-что есть. Вы что предпочитаете: вино или «столичную»? — засуетился я.

— Сегодня самый раз — слабозаваренный чай. Я же после процедуры, — улыбнулся старик.

— В таком случае он уже перед вами, — показал я на чайник. — Но сначала надо хорошенько покушать.

— Есть я тоже не хочу, — сказал Василий Петрович. — Разве что за компанию?

Наступила светлая северная ночь. Рядом с разбросанными вокруг палатками дымили костры, оттуда слышались глухие голоса и смех. Сидя напротив друг друга, мы не спеша поели, попили чаю и постепенно разговорились.

— Ты, Юра, где работал охотоведом? — спросил меня Василий Петрович.

— На Орловке в Верхнекетском районе.

— Понятно, — задумчиво посмотрел на меня старик. — А ты когда-нибудь бывал на Васюгане?

— Нет, не бывал.

— Хорошая река, красивая, — почему-то вздохнул Василий Петрович. — Я там был, но давно... А вообще-то я омский. Но всю жизнь прожил в Нарымском крае.

— Попали когда-то по распределению? — спросил я.

— По своей воле. Другое тогда было время. Люди во что-то верили, к чему-то стремились. Это сейчас живут одним днём как жуки-пауки... — опасаясь, что его слова могли меня обидеть, старик замолчал.

— Я с вами согласен, — поддержал я его мнение. — Так оно и есть. Каждый старается жить только для себя. И ему наплевать, что происходит в обществе и куда оно катится.

— Тогда мы думали иначе, — посмотрел на светлое ночное небо Василий Петрович. — Стремилась быть полезными своей стране, своему народу. Красивое время было!

— Вы, наверное, страстно любили охоту? — намекнул я старому человеку на его травму. — Это ведь медведь... Удивительно, как вы живы-то остались?

— Медведь, — посмотрел на неподвижно лежащую на колене руку старик. — Но охотником я страстным не был. И выжил я чудом. До сих пор удивляюсь, почему я тогда не умер. Просто какая-то сила меня удержала в этом мире.

С этими словами Василий Петрович поднялся, поблагодарил меня за ужин и компанию и собрался идти к себе.

— Вы уже на боковую? — спросил я его.

— Да нет, я так рано не ложусь. Просто думаю, Юра, пора отдохнуть тебе... Ты ведь с дороги.

— Я на катере проспал двое суток, — засмеялся я. — Так что не беспокойтесь.

— Я вижу, тебе хочется узнать, как это случилось? — качнул он оторванной рукой. — Я понимаю, тебе как охотнику это интересно. И я бы, пожалуй, тебе это рассказал, но не могу. Никто не знает, что со мною произошло. Так надо, Юра. Иначе может случиться беда с тем, кто узнает, — сказал он странную и загадочную фразу.

— Со мной не случится. Я «в рубаше» родился, — заверил я его.

— Нет, не могу! Моя тайна должна уйти со мною. Слишком большая ответственность... Юра.

Старик нёс какую-то чушь, но лицо у него было серьёзным и грустным.

— Я на самом деле родился под счастливой звездой, я не вру. И ваша тайна мне вреда не причинит. Возможно, как раз я и могу оказаться вам в том, что вас гнетёт, полезным.

Мои слова, сказанные наугад, старика взволновали. Он посмотрел на меня и спросил:

— Как ты догадался, Юра, что меня что-то гнетёт?

— Сам не знаю, — признался я. — Наверное, интуиция.

— Ты вот что, Юра, пару дней хорошенько подумай. Потому что я на самом деле расскажу тебе такие вещи, которые могут отправить тебя на тот свет. Я не шучу. Если дашь добро, то я тебя посвящу в свою тайну. Но учти, потом винить будешь только себя, — погрозил он на прощание пальцем.

Своим поведением и словами старик не на шутку меня заинтриговал. И поразмыслив, я решил, что двух смертей не бывает, а одной всё равно не миновать.

«Ну что он мне предложит? Охоту на медведей-садистов, которые у живых людей отрывают руки?! Интересно, где эти косолапые обитают?»

Незаметно пролетело два дня. Каждый вечер, встречаясь со стариком у костра, мы говорили о чём угодно, только не о его тайне. Наши разговоры касались прошлой довоенной и послевоенной жизни, эпохи хрущёвских реформ, когда в стране по приказу кремлёвских идиотов было вырезано почти всё племенное стадо крупного рогатого скота, и за одну овцу крестьянин обязан был сдать государству две шкуры. Старик, вспоминая некоторые художества Никиты Сергеевича, тяжело вздыхал и говорил, что про Брежнева он не знает, но Хрущ — явный ставленник Запада. За каких-то десять лет сумел разорить великую державу. Когда я спросил его о Сталине, он, посмотрев на меня, сказал:

— То, что смог Иосиф Виссарионович сделать для своего народа, не под силу ни одному человеку.

— Кто же, по-вашему, был Сталин, он что человеком не был? — удивился я.

— Посуди сам, — улыбнулся своей доброй улыбкой Василий Петрович. — Сталин спал всего по четыре, а то и по три часа в сутки. Всё остальное время он работал. Жил на зарплату первого секретаря, которая была меньше, чем у сталевара или шахтёра-проходчика. Он не был казнокрадом, ничего не брал из музеев. Наоборот, всё украденное другими большевиками, типа Троцкого или Бухарина, пытался вернуть России. Он не брал даже подарков, которые ему преподносили друзья или союзники. Сталин из подаренных ему вещей организовал музей. А по их стоимости в СССР были выпущены деньги. И, наконец, Сталиным не могла управлять ни одна женщина. Чего нельзя сказать о других членах нашего правительства. Говорят, что Иосиф Виссарионович застрелил Аллилуеву? Так это или нет, не знаю. Но если она от него требовала, чтобы Крым отдали евреям...

— Вы считаете, что за дело? — закончил я за него.

— Да, считаю, — сказал Василий Петрович просто. — Это не жена вождя, если исконно русские земли намеревалась подарить дяде Абраму... Теперь сам подумай, Сталин был человеком или нет?

— Ну, а кем же он всё-таки был, по-вашему?

— Какой-то, в образе человека, мощной космической сущностью.

— Интересно? — почесал я затылок. — Осталось только выяснить: светлой или тёмной?

— А ты как думаешь? — спросил Василий Петрович.

— Думаю, что светлой! — сказал я. — Хотя после хрущёвского трёпа в его адрес многие считают, что Сталин был мракобесом.

— Пусть считают, — грустно улыбнулся старик. — Не будь его, наверняка не было бы и нашей родины, России. Очень хорошо, что ты нутром чувствуешь истину. Ну, так как? Рассказывать мне тебе о том, что я пережил или нет? Или, может, у тебя сейчас на этот счёт иное мнение? — вдруг, переключившись со Сталина, спросил меня собеседник.

— Конечно, рассказывать! Я весь во внимании, будьте спокойны, со мною всё будет в порядке.

— Если что, винить будешь не меня. Запомнил?

— Запомнил, — уселся я на валежник поудобнее.

— Мне много лет, это на вид я такой бодрый и молодой, — начал своё повествование Василий Петрович. — В тридцать первом, когда я справил своё двадцатисемилетие, меня, как фельдшера, Омский ЦК направил на работу в Нарым. В то время на Обь, Парабель и Васюган под конвоем на баржах и пароходах везли тысячи спецпереселенцев. Местные сибирские власти как могли, так и уничтожали свой собственный народ, не думая, что через несколько лет их всех поставят к стенке. В это страшное и кровавое время на Кульёгане, что течёт на северо-запад от Васюгана, среди местного населения началась эпидемия оспы. Оспа грозила гибелью не только хантам, но и местным русским, особенно спецпереселенцам. Видя такое дело, губернские власти решили провести срочную вакцинацию. В Нарым из Томска была завезена противооспая вакцина, и нам, фельдшерам, поручили привить ею всё местное население края. Меня, как старшего, послали в центр эпидемии на Кульёган. Из Каргаска по зимнику и льду реки я добрался до Среднего Васюгана. Тогда это была маленькая русско-остяцкая деревенька. Двадцать-двадцать пять домов, не больше. В ней и в Тевризе я должен был приобрести хорошие собачьи нарты, местных ездовых собак и найти себе проводника до вершины Кульёгана. Замысел моего Нарымского начальства был таков: я должен был выйти в начале февраля на собачьей упряжке из Среднего Васюгана, добраться до первых хантейских юрт у вершины Кульёгана. И

потом, ставя хантам прививки, от юрт к юртам пройти за февраль и март весь Кульёган. Когда же работа будет закончена, выйти на зимник Сургут-Томск и по нему добраться через Каргасок до Нарыма. С нартами я вопрос решил в первый же день. Я купил их у местного кержака-охотника. С собаками получилась небольшая заминка. Ни у кого лишних лаек не оказалось. Мне пришлось их доставать у местных остяков за полета километров от Среднего. Прошла пара недель — этот вопрос у меня с трудом, но решился. Теперь можно было бы и выступать. Осталось найти хорошего проводника. Но вот тут-то и начались проблемы. Люди готовы были меня проводить через тайгу до Пудина, до вершины Васюгана, но не на Кульёган. На северо-запад через водораздельное болото никто со мной идти не хотел. Русские говорили, что у них нет времени. А ханты и селькупы упорно твердили, что в тех местах живёт маячка и они туда не ходят ни за какие деньги, потому что боятся. Что такое маячка, они мне не говорили. Но было видно, что страх у них неподдельный. Видя такое дело, я по радиации вызвал Нарым и попросил, чтобы мне дали добро идти на Кульёган без проводника. Сейчас бы одного не отпустили, но тогда всё было иначе. Я изучил карту и, сверив свой компас, рано утром, как сейчас помню, тринадцатого февраля отправился через водораздел на Кульёган. Мороз стоял под сорок. Деревья все были в инее, над сугробами стелился туман. Я шёл впереди своих собак, пробивая лыжами дорогу, а они, запряжённые цепочкой по две, шли по моей лыжне и тянули за собой нарту. Мне удалось достать шесть неплохих лаек. Нарта была длинная, удобная и нетяжёлая. Поэтому в первый день я легко прошёл более тридцати километров.

Выйдя на болото, я поставил для себя палатку, накормил собак и стал готовить себе на завтра. На душе было немного неприятно, потому что именно этих мест люди с Васюгана почему-то боялись. Перед сном я взглянул на болото, на стоящую рядом сосновую гриву. Лес как лес, ничего страшного. Успокоившись, я залез с головой в олений спальник и спокойно заснул. Назавтра я вообще забыл про маячку. Шёл по болоту напрямую от гривы к гриве, и когда настал вечер, я спокойно, уже ничего не опасаясь, разбил свой маленький лагерь и, сидя у костра и попивая чай, прикидывал, сколько же мне ещё осталось до вершины Кульёгана. Вдруг, ни с того ни с сего, спящие вокруг меня собаки стали просыпаться. Одна за одной, они поднимали головы, вскакивая, и смотрели на соседнюю кедровую гриву. Что их насторожило, я сразу не понял. Светила Луна, болото, на котором был разбит лагерь, просматривалось на несколько сот метров. Как я ни всматривался в ту сторону, куда глядели собаки, всё равно ничего не видел. И вдруг все лайки как по команде стали рваться с привязи. Они хрипели, задыхались на ошейниках, но упорно старались освободиться и сбежать. Двум псам это удалось. Перекусив ремни, они опрометью, с завыванием помчались по плотному снегу болота. Ужас собак стал передаваться и мне. Я почувствовал, что чего-то боюсь, но чего — не понимал. И тут, взглянув на болото перед кедровой гривой, я пришёл в ужас. Наверняка больший, чем испытывали мои собаки: к моему костру шли призраки людей, оленей и огромных как волки лаек! В лунном свете я видел отчётливо их одежду, даже лица. Но в то же время они были ещё и прозрачные: сквозь людей и животных проступала кедровая грива и просвечивали отдельно стоящие деревья. Первой мыслью было: «Куда-то бежать? Но куда? Разве от духов можно укрыться?» Вторая мысль оказалась более реальной: начертить вокруг своего лагеря круг и читать «Отче наш». Я так и сделал. Схватив какую-то палку, я начертил на снегу вокруг костра и палатки круг и, не попадая от ужаса зуб на зуб, стал, заикаясь, читать молитву. В тот момент я забыл, что недавно вступил в партию, что никакого Бога нет и всё то, что мне внушали. Я читал «Отче наш» и про себя думал: «Хорошо, что я знаю молитву, она должна помочь! Пока вроде бы они меня не хватают». Оглядевшись вокруг, я увидел, что подошедшие к костру души людей и на самом деле меня потеряли. Они ходили вокруг моего лагеря, всматриваясь в разные стороны, и протягивали вперёд руки. Через несколько минут мне стало ясно, что угрозы никакой нет. Души есть души,

они бестелесные и поэтому забрать меня к себе не смогут. К тому же, мои собаки тоже успокоились. Они рассматривали визитёров с интересом и без страха. Взглянув на успокоившихся собак, я тоже занялся изучением странного общества. Меня удивило то, что и мужчины, и женщины, и старики, и даже дети: все были одеты в очень богатые зимние одежды. На мужчинах я разглядел расшитые орнаментами оленин дохи, на головах у них находились нарядные опушённые лисьим мехом не то малахай, не то шапки. На ногах у мужчин, женщин и детей красовались добротные камусные пимы. Поразили меня лыжи призраков. Таких лыж я не видел ни у эвенков, ни у хантов, ни у селькупов. Лыжи имели под ногами высокие деревянные подставки и были выгнуты наподобие боевых луков. Кроме того, на них виднелся сложный растительный орнамент. Такие лыжи увеличивали длину ног, что несомненно влияло на скорость движения. Удивили меня и луки призраков. Они были не большие и даже изящные, но, похоже, собранные из рога и сухожилий. Потому что стрелы к ним выглядели целыми копьями. Длинные и оперенные, они внушали страх одним своим видом. Ещё на поясе у мужчин виднелись массивные ножи и зачехлённые с выгнутыми резными рукоятками топоры. На женщинах я разглядел сшитые из птичьих шкур очень красивые и нарядные шапки. Точно такие же шапки были и на детях. Изучая окружающих мой лагерь призраков, я никак не мог понять, что это за народ? В лицах ни мужчин, ни женщин ничего не было монголоидного. Передо мной маячили души чистокровных европеоидов! «Откуда они здесь, в Сибири, в краю, где испокон веков живут монголоидные племена и народы?» А между тем общество призраков развьючило своих громадных, как лоси, оленей, уселось на шкуры зверей и разожгло несколько таких же призрачных костров. Костры горели без дыма и без жара, потому что снег под ними не таял. Прошло часа три или четыре. Мой костёр погас. Но пойти за дровами я не решился. В то же время, очевидно, от волнения я не ощущал холода. Наконец, около четырёх часов ночи табор призраков стал собираться. Погасли холодные костры, снова были навьючены олени, и души странных людей направились в ту сторону, откуда пришли. Когда призраки исчезли, я с горем пополам забрался в свой спальник и кое-как уснул. Проснулся я, когда совсем рассвело. Первая мысль была о сбежавших неизвестно куда собаках. «Может, они всё-таки вернулись?» — думал я, выбираясь из палатки. Но исчезнувшие лайки к палатке не пришли. Это меня, конечно, огорчило. «Придётся теперь самому тянуть нарту по глубокому снегу. Четыре пса с ней не справятся». Свернув лагерь и сложив свои вещи на нарту, я связал для себя лямку. И надев её на плечи, вместе с оставшимися собаками стал тянуть по лыжне груженные сани. В тот день я прошёл не более десяти-пятнадцати километров. Наученный опытом прошедшей ночи, я наломал побольше сушняку и заранее сделал вокруг своего лагеря бережный круг. Как я и предполагал, призраки меня не оставили. Не успел я поужинать и забраться в спальник, чтобы хоть немного поспать, как лайки снова стали нервничать. «Что же, придётся опять всю ночь читать «Отче наш», — подумал я, вылезая из палатки. — Иначе собаки не успокоятся. Не дай Бог, ещё и отвяжутся». Оглядевшись, я увидел, что по моему следу, без оленей и собак, на лыжах, подобно снежной позёмке, скользят призраки. На этот раз без женщин, стариков и детей, одни мужчины. Опять страх сжал моё сердце, и я снова взялся за чтение молитвы. Видя, что призраки меня потеряли и их попытки найти место моего пребывания тщетны, я немного приободрился. Перестав читать молитву, я с интересом стал наблюдать за происходящим. Вскоре до меня дошло, что призраками управляет один бородатый человек. На спине у него меховой одежды виднелась аппликация тёмной летящей птицы, а с малахая, который закрывал плечи и верхнюю часть груди, свешивались хвосты горностаев и какие-то костяные украшения. Мужчины, очевидно, по его приказу, бросили на снег свои луки и зачехлённые пальмы. А потом, став ко мне лицом, вытянули вперёд безоружные руки. Очевидно, этим они хотели мне сказать, чтобы я их не боялся и вышел из своего круга. «Врёте, — сказал я им. — Не выйду! И вообще: чё вы ко

мне привязались? Зачем я вам нужен? Хотите забрать с собой? Я ещё не помер, когда помру, тогда другое дело». Но мои слова призраки не слышали. Видя, что я их боюсь, они сбросили лыжи, снова разожгли свои холодные костры и, усевшись вокруг них, стали о чём-то между собой переговариваться. Голосов я их не слышал, но было видно, что люди о чём-то совещаются. Наблюдая за ними, я ждал, что будет дальше. Через несколько часов мужчины как по команде встали, погасили свои странные костры, надев лыжи и взяв оружие, пошли в сторону соседней сосновой гривы. Проводив их взглядом, вконец успокоившийся, я залез в свой спальник, но уснул не сразу. Жаль было потерянных двух собак. «Куда они их дели? — думал я. — И вообще, как могут бестелесные души причинить вред тем, кто во плоти? Неужели и со мной произошло бы тоже самое, если б я к ним вышел?» Уснул я только под утро. Вконец разбитый и измотанный бессонными ночами, я решил, невзирая ни на что, пройти за день как можно больше. А потом, когда маячка отстанет, сутки проспять. Следуя своему намерению, я шёл без остановки целый день и остановился только тогда, когда окончательно выбился из сил. Не разжигая костра, я накормил вяленой рыбой собак и, начертив на всякий случай вокруг лагеря бережный круг, забрался в свой спальник. Не успел я закрыть глаза, как тут же сразу уснул. Но спал я недолго. Разбудил собачий испуганный визг. «Неужели опять притащились? — подумал я, просыпаясь. — Узнать бы, что им надо? Сколько можно преследовать человека?!» Вылезать из нагретого спальника на мороз не хотелось. Но скулящие собаки заставили это сделать. «Что же, прочту ещё разочек-два «Отче наш», — ворчал я, выбираясь из палатки на четвереньках. — Когда-нибудь должны же они от меня отстать?» Я встал на ноги и, взглянув в направлении своего следа, увидел всего одного призрака. К моему биваку подходил на лыжах тот, кого я принял за их предводителя. Видя одного бестелесного, я не испугался. «Что он мне может сделать? — расхрабрился я. — Какой-то дух живому человеку?! Молитву читать не стоит, хорошо бы с ним поговорить, — вдруг пришло в голову. — Узнать бы, куда они дели моих псов? Не могли же призраки их освежевать?» А между тем, бестелесный, подойдя к моему укрытию, бросил на снег свою пальму, колчан со стрелами, лук и отстегнул вместе с топором и ножом свой пояс. Потом он стал на колени и протянул ко мне свои руки.

То, что рассказывал старый фельдшер, было крайне интересно. Но я никак не мог понять: всерьёз он или нет?

«Может, вздумал меня разыграть? Но тогда почему так волнуется?»

По Василию Петровичу было видно, что он крайне взволнован, похоже, всё заново переживает.

— Видя такой жест просьбы о встрече, пришлось рискнуть: сунув ноги в крепления лыж, я выкатился из своего бережного круга навстречу неизвестности. Увидев меня, призрак поднялся на ноги и, подойдя поближе, жестом показал, что в руках у него ничего нет и что бояться его незачем. Что он не враг, а человеческая душа, просящая о помощи. Когда послышался его тихий, еле слышный голос, я подумал, что мне чудится. Призрак говорил со мной на вполне понятном русском языке. То, что до меня не доходило, компенсировалось смыслом. Суть была ясна, и в этом я не сомневался. А поведал он мне вот что: двадцать веков назад всем этим краем между речья Оби и Иртыша управлял совет колдунов-шаманов или жрецов. Во главе их стоял выбранный советом сильный маг, который владел тайнами будущего.

Все вожди племён и родов подчинялись колдовскому совету, а сам совет повиновался тому, кто обладал даром прорицания. Но случилось так, что многие роды, объединившись в два могучих племени, решили уйти из этих мест далеко на юг. К горам, откуда берут начало большие реки. Решение вождей племён колдовской совет одобрил, но с условием, что ушедшие никогда не будут забывать, где их родина, и если на юге им не понравится, то снова вернуться сюда в край бескрайних лесов, могучих рек и озёр. На том и порешили, оба племени через некоторое

время, покинув свои селения и деревни, ушли к южным горам. Первые несколько лет нам там нравилось, но после одного засушливого лета, когда чуть не вымер от бескормицы скот, вожди племён решили, что будет лучше, если некоторые роды откочуют снова на север. Выбор пал и на мой род, — показал на себя призрак. — Я тогда был молодым и многого не понимал. Мне казалось, что такое решение несправедливо. Зачем уходить на север, когда можно было двинуться на запад или на восток? Может, там нет затяжных засух? Степь есть степь, в ней разводиться скот проще, чем в лесу. В лесах хорошо живут только оленеводы и охотники, но не коневоды. Я решил нарушить данное моим народом слово совету. Однажды весной я поднял свой род и повёл его на закат Солнца. Вождь племени догнал нас, но уговорить вернуться назад не смог. И тогда он пригрозил, что сам приедет на совет колдунов и расскажет, как мы нарушили свою клятву. Но его угроза ни на меня, ни на моих сторонников не подействовала. Мы продолжали уходить от родного народа всё дальше и дальше. Но вождь племени свою угрозу выполнил. Со своим родом он сам вернулся на север и всё рассказал совету жрецов. И тогда глава совета решил заглянуть в наше будущее. Он сказал так: если нарушивший своё слово род найдёт новые благодатные земли, надо будет его простить. Значит такова воля богов. Но если случится, что ушедшие от родного племени люди в поисках новой родины погибнут, то придётся вернуть на родную землю души ушедших. И пусть эти души научатся любить свою землю. Любить так, как должен любить её настоящий человек. С этими словами колдун-прорицатель заглянул в наше будущее и увидел неминуемую гибель ушедшего рода. Ночью на наш стан напало злое сильное племя. Часть моих людей погибла на месте. Другую уцелевшую часть своего рода я повёл на север к спасительным лесам. Но спасти своих людей мне так и не удалось. Враги нас всех перебили. Шаман-прорицатель вернул нас на родину, но как призраков в форме душ. В назидание и наказание нам он вдохнул в нас вечность. У одного из притоков Кульёгана, на склоне насыпной горы, его люди вырезали из дерева лица всех людей моего рода и вкопали этих деревянных идолов в землю так, чтобы Луна во время полнолуния освещала эти лики. Сила Луны своим светом и возвращает нас на землю. В период полнолуний и зимой, и летом мы обитаем на земле. Там, где когда-то жили наши роды и племена, где многие тысячи лет жил наш народ. В остальное время находимся с предками. Но за наш поступок они от нас отвернулись. Мы давно, многие сотни лет назад, поняли, как надо любить родину, но, если каждое полнолуние продолжается возвращением на землю, нам всё равно веры нет. Поэтому прошу тебя, соплеменник и путник, помоги нам! Наше страдание ужасно. Оно длится слишком долго. Спаси нас! Дай нам возможность навсегда уйти в мир теней! — Но как я могу вам помочь? — спросил я призрака. — Что я должен для этого сделать? — Найти речку, которую ханты зовут Вуя-Яны, у её устья, недалеко от впадения в Кульёган, стоит та насыпная гора. На ней застыли вросшие в землю лица наших идолов. Сруби их, добрый человек, и ты тогда освободишь нас. — Но мне нужен чертёж. Ты сможешь мне его дать? — обратился я к говорящей со мною душе. — Попробую, — сказал призрак, беря в руки тоненький прутик. Кое-как на снегу прутиком он начертил мне схему. Утром я перерисовал её в свою тетрадь. — Заранее благодарю тебя, — снова опустился на колени призрак. — Не надо, — остановил я его. — Я ещё не дал тебе слова. Меня волнуют сбежавшие к вам мои собаки. — Завтра они придут к твоему костру, — сказал призрак. — В таком случае, я даю вам слово! — протянул я ему руку. — Представляешь, Юра, я за руку держал призрака — душу человека! Кто может таким похвастать?!

Я посмотрел на перевозбуждённого Василия Петровича и понял, что напротив меня сидит, если не совсем потерявший рассудок, то близкий к этому.

— Признаться, никто! — кивнул ему я.

«С ненормальными надо во всём соглашаться...» — припомнилась чья-то мудрость.

— Но прежде, чем от меня уйти, дух древнего вождя, посмотрев на меня, сказал, — сделал долгую паузу старый фельдшер. — Будь осторожен, воин, тот холм с вырезанными из дерева лицами охраняет дух жреца-прорицателя. Он на земле бродит в образе огромного чёрного медведя. Тому зверю не страшны ни морозы, ни стрелы. Я тебе рассказал о нашей беде, и медведь о том, что мы встретились, теперь тоже знает. — Думаю, что против современного оружия он не устоит, — уверенно сказал я. — Но всё равно будь готов к самому худшему, — прощаясь, сказал призрак. — Постой! — обратился я к нему. — Как могли деревянные идолы простоять столько лет? Они давно должны были сгнить. — Наши изображения превратились в камень, — услышал я в ответ. Дух вождя сказал правду. Утром пропавшие собаки вернулись. И теперь можно было не напрягаясь, идти дальше. Тогда я не придавал особого значения предупреждению об огромном чёрном медведе, — продолжил свой рассказ Василий Петрович. — В кобуре на боку у меня висел револьвер, в нарте лежала трёхлинейка, рядом со мной находились собаки. А потом зима, стояли трескучие морозы. Откуда взяться медведю в такое время? Мне удалось справиться со своей работой на Кульёгане за пять недель. В середине марта с прививками от оспы всё было закончено. И теперь мой путь лежал по зимнику до Каргаска, где нужно было отчитаться и оставить собак, а потом и до Нарыма. Отправиться на Кульёган в поисках идолов я намеревался в свой отпуск осенью следующего года. Но совершить это мероприятие мне так и не удалось. По зимнику я ехал, сидя на своей нарте. Собаки тянули её по накатанной дороге резво. И я, и они понимали, что скоро закончатся наши мучения. Но для меня они только начинались. До Каргаска оставалось не более 10 километров, дорога от устья Васюгана по пойме Оби. И вдруг из кустов тальника прямо на нарту, не обращая внимания на собак, бросился огромный медведь. Нарта перевернулась, и я оказался под ней, поэтому он и не оторвал мне голову, а зацепил только плечо. Но всё равно, если б не собаки, я бы погиб. Все шесть лаек остервенело вцепились в зверя, когда он пытался вытащить меня из-под саней. Они облепили его со всех сторон. Бросив меня, он стал от них отбиваться. Тут послышался звон колокольчика, и на зимнике показалась тройка лошадей. Медведь тут же бросился наутёк, а подъехавшие люди довели меня до местной больницы. Как я не истёк кровью — не знаю. Очевидно, так было кому-то там наверху надо.

Бывший фельдшер взглянул на небо.

— Может быть для того, чтобы свою историю я рассказал тебе. Потому что ты первый человек, кому я её рассказываю, — закончил своё повествование Василий Петрович.

— Как я понимаю, вы хотите, чтобы я совершил то, что не удалось вам, потому и поведали мне этот случай? — спросил я старого фельдшера прямо.

— Да, именно так, Юра, — сказал он спокойно. — Я много раз присматривался к людям, но почему-то доверия к ним у меня не было. А ты мне сам сказал, что «в рубaxe» родился... А потом, я дал слово помочь. И не смог. С таким грузом уходить из жизни трудно... Ты уж прости!

— Не за что мне вас прощать! — засмеялся я. — Я сам виноват. Так получается, что чёрный медведь-оборотень начнёт охотиться на меня?

— Пока у тебя не возникло желание найти в тайге идолов — нет. Но как только оно у тебя появится — ты его клиент. Помни об этом, — погрустнел бывший медик.

— Если так, то вы должны мне передать свою схему. Тот рисунок, который перерисовали в свою тетрадь. Он у вас уцелел?

— Сегодня за мной приедет мой внучек, лечение своё я закончил, — посмотрел на меня старик. — Завтра я найду свою тетрадку и вечером к тебе снова приеду. Думаю, внука уговорю, — закончил разговор на мистическую тему Василий Петрович.

И на самом деле, вечером к старику на «Газ-69» приехал его внук. Молодой красивый парень. Он помог своему деду разобрать палатку и сложить вещи.

— Всё, до завтра! — махнул мне Василий Петрович. — Миша меня привезёт, — показал дед на своего внука.

Когда машина укатила, я не знал, что думать.

«Неужели приедет и привезёт свою тетрадку? — невольно лезло в голову. — Тетрадь начала сороковых! Если так, то получается, что не соврал? Хотя каких только шутников на Земле нет? Но с другой стороны — зачем ему так со мной шутить? Чтобы всю жизнь боялся медведей? Злая шутка. Так не шутят! И потом, — размышлял я. — Старый фельдшер обрисовал мне души европеоидов. Не просто людей с европейской внешностью, но тех, чей язык он понимал. Как объяснить такое? Допустим, откуда-то он узнал предания про эндри или квелей? Но ведь ему было бы проще мне врать, повествуя про души хантов или селькупов? Тогда его рассказ был бы более правдоподобным».

И всё-таки слова старого о маячке, о человеческих душах, скитающихся среди бесконечной сибирской тайги, в моём сознании ни как не укладывались.

«Что-то с психикой у Василия Петровича не так? — думал я. — Но тогда как объяснить нападение на него медведя? Да ещё в марте? А может это случилось в другое время? Если фельдшер шутник, то он наверняка не приедет и никакой тетрадки не привезёт, — сделал я для себя вывод. — А если всё-таки приедет, да ещё и с тетрадкой, что тогда? Тогда либо он ненормальный, либо все что мне рассказал, является чистой правдой. Осталось подождать до завтра...

К моему удивлению и даже радости, вечером следующего дня у моей палатки остановился «Газ-69». Из него вышел улыбающийся Василий Петрович и подал мне в руки свою заветную тетрадку.

— Ты, наверное, подумал, Юра, что я чокнутый? — спросил он. — Как видишь, нет. Тетрадь 1930 года. Можешь отдать записи в ней на экспертизу.

— Честно говоря, посчитал, что у вас не всё в порядке, — сознался я.

— Положа руку на сердце, когда я вспоминаю о мною виденном и пережитом, то тоже так думаю, — кивнул он мне на прощание.

Глава 22. Тайна идолов или ещё одно посвящение

Вся эта странная история с фельдшером пронеслась в моём сознании за несколько секунд. Раньше, вспоминая её, я невольно ловил себя на мысли, что старый фельдшер рассказал мне то же самое, что и бабушка-шаманка. Он поведал словами призрака, по сути, о тех же легендарных эндри или о квелиях. Единственное, что меня смущало, так это мистическая упаковка повествования.

«А если её отбросить? — думал я. — Тогда речь пойдёт об одной и той же северной культуре. А также об одном и том же народе. Кстати, совершенно неизвестном старому фельдшеру».

Когда из Томска мне пришлось переехать в Сургут, я всерьёз стал думать о том, что хорошо бы поискать странных идолов. Тем более, что рисунок, где их можно найти, старик мне передал. Но на поиск у меня никак не оставалось времени. Всегда находилась какая-то срочная работа, которую невозможно было оставить. Честно говоря, я до конца не смог поверить старику. Поэтому найти идолов мне хотелось не для того, чтобы освободить чьи-то несчастные души от гнева жрецов-шаманов, а для того, чтобы убедиться самому, что они оставлены где-то в тайге людьми совершенно иной культуры. Естественно, о чёрном медведе, хранителе этих идолов, я тоже не думал. Тем более в тайге я бывал часто и никакие медведи на меня не охотились.

— Вот что, — обратился я к своим лохматым друзьям, — в эту осень остаёмся дома. Ни на какой промысел не поедём. Придётся вам просидеть зиму в своей вольере. Но весной постараемся перебраться в Угут. Думаю, что это удастся. Меня директор Югаиского заповедника давным-давно приглашает к себе на работу. Там хорошая тайга. Рядом с заповедником много и лося, и соболя. Но самое главное в том, что с Малого Югана мы организуем экспедицию на Кульёган. И постараемся найти земляную пирамиду со вкопанными в её склон идолами. Если она на самом деле существует, мы её обязательно отыщем.

Зверовые лайки, слушая меня, смотрели в глаза, и мне казалось, что они понимают каждое моё слово.

— Если же этой пирамиды нет — тоже хорошо! По крайней мере мы будем знать, что искать нечего, и старый фельдшер со мною некрасиво пошутил. Кстати, моя затея без вас может просто не осуществиться, — продолжал я свой разговор с собаками. — По легенде, пирамиду с идолами охраняет оборотень-медведь. Этот зверь будет пытаться убить вашего хозяина. И вам предстоит меня защитить. Это не простой косолапый, а очень коварный и страшный. Человек, только в медвежьем облике и таким как вы придётся нелегко.

Решение было принято! Вечером я написал письмо директору Юганского заповедника Игорю Кулешову, моему старому знакомому, и попросил его найти мне место в штате его ведомства. Через пару недель пришло от него послание, где Игорь предложил мне место в научном отделе. Теперь надо было благополучно доработать до весны, законсервировать свою квартиру и написать заявление на расчёт. В конце марта я был уже в Угутае. Маленький посёлок Угут, расположенный на правом берегу Большого Югана, недалеко от устья речки Угутки, оказался очень живописным. Вокруг него раскинулся величественный сосновый бор, рядом с ним чистое рямовое болото, а вверх по реке огромный старый кедр. Директор заповедника нашёл для меня в качестве квартиры типовой старый хантейский домик. На первый случай он вполне годился. Но было ясно, что зимовать в нём будет туго. От такого жилья отказались даже ханты. Поэтому вместе с Игорем Кулешовым мы решили, что к зиме мне надо будет построить свой собственный дом. Кулешов, по моей просьбе, нашёл мне место под дом на берегу Югана, заплатил местным лесникам за лес, и с мая я взялся за строительство. Своим собакам рядом с

домиком, где я жил, была возведена большая вольера. К тому же я часто их брал на стройку. Так что надолго мы не расставались. За собаками приходилось смотреть, потому что на нарядных чёрных лаек сразу же обратили внимание местные охотники.

— Смотри, чтобы не отравили, — предупредил меня Игорь. — Такое у нас иногда случается. Хороших собак не терпят, тем более привозных.

— Они у меня декоративные, для красоты! — ответил я, смеясь.

— Опытных охотников не проведёшь, — покачал головой директор заповедника. — Они определяют собак по виду.

С мая месяца тихий Угутский край нарушила своим появлением Юганская экспедиция. Нефтяники прибыли из Сургуга внезапно на нескольких гигантских Ми-6 и сразу же занялись строительством своего экспедиционного посёлка. За два месяца рядом с Угутом были поставлены чехословацкие общежития У.Н.И.М.О., срублена большая баня. Стала работать мощная электростанция. Прошло немногим более полугода и население Угута удвоилось. Кто только в геологический посёлок ни приехал: несколько бригад азербайджанцев, нефтяники из Татарии, Башкирии, Оренбургской области. Прибыли специалисты из Белоруссии, Украины, Молдавии. Мало было своих — сибиряков: два-три тюменца и человек пять из Омска. В короткий срок власть на территории Угутского сельского совета стала принадлежать не местному выбранному органу, а начальнику Юганской экспедиции Грязину и его замам. Такой вот тихий переворот сразу же отразился на местном населении. Молодые горячие парни из Украины и Азербайджана с первых же дней своего пребывания взялись за наивных хантейских и местных русских девушек, а те, кто повзрослее и поопытнее, занялись интенсивной скупкой у охотников не сданной государству пушнины. Директор угутского отделения Сургутского КЗПХ Александр Логинов понимал, что теперь основное количество добытого соболя окажется не у него, а у тех кто «дюже гроши любит». А потом самолётами улетит на Украину или в Молдавию. Но что он мог, этот несчастный директор пушно-меховой артели? Практически ничего. Таковы были новые реалии, и с ними приходилось считаться. Администрация Юганского заповедника во главе с Игорем Кулешовым хорошо понимала, что очень скоро заповедник окажется в положении осаждённой крепости. Вокруг него вырастут десятки буровых. И если не дай Бог под Юганским заповедником окажется нефть, то что его ждёт, ещё неизвестно.

Я наблюдал за всем, что происходило в посёлке и вокруг заповедника и торопился к зиме успеть построить свой дом. В него я хотел перевезти свою библиотеку и зимой засесть за чтение тех книг, список которых составил для меня дядя Ёша. Работа в заповеднике, которой я занимался, меня не угнетала. Она была достаточно интересной и занимала совсем немного времени. Параллельно с ней я, следуя совету бабушки Нюры, занимался сбором хантейских легенд и сказок. Сначала ханты меня сторонились. Но поняв, что я сибиряк и никакого отношения к деятелям экспедиции не имею, стали охотно мне их рассказывать. Я записывал местный фольклор в толстую коричневую общую тетрадь. Вскоре все угутские ханты хорошо знали: если Алексееч пришёл с тетрадкой, надо ему что-то рассказать, он уважает хантов. К тому же сам из Томской области — значит почти свой. Никто, ни русские, ни местные ханты не догадывались, что по сути я веду двойную жизнь. Днём работаю в заповеднике, вечером рублю сруб своего дома, но всё это только фон, главное для меня был сбор информации о реках, впадающих в Кульёган. От малоюганских хантов я узнал, что на Кульёгане почти всё хантейское население давным-давно вымерло, а те, кого пощадила болезнь, переселились на Малый Юган, Вах и Ларьёган.

«Значит, всё-таки был фельдшер, — думал я. — Оспа и туберкулёз на Кульёгане свирепствовали. Осталось выяснить последнее: узнать имеются ли сведения о маячке? Местных угутских хантов на эту тему спрашивать было бесполезно. Если они что-то и слышали, то от

людей, которых сейчас уже нет, поэтому сослаться не на кого. Следовательно, лучше пожать плечами и сделать вид, что их это не касается. И тогда я рискнул: решил спросить директора заповедника. В Угута он живёт давно, ханты его уважают, может он что-нибудь слышал? На мой вопрос охотятся ли малоюганские ханты в урманах Кульёгана Игорь Иванович просто сказал:

— Ни Киняминские, ни Сурлумкинские, ни Асмановские ханты на Кульёган никогда не ходят, хотя угожья там, я слышал, хорошие. По их убеждению, на притоках Кульёгана иногда маячит.

— Что это значит? — поинтересовался я.

— Говорят, что людей иногда по ночам преследуют души потерявшихся, — засмеялся Кулешов.

— Что за потерявшиеся?

— Те, которые якобы заблудились. Это, конечно, трёп. Я здесь полжизни прожил и не помню, чтобы хант или местный кержак потерялись. У одного малоюганского шамана я как-то спросил про маячку. И знаешь, что он мне ответил? — серьёзно взглянул на меня Игорь Иванович. — Что маячка — не ушедшие в потусторонний мир души людей «аус-ях».

— Кого-кого? — переспросил я.

— «Аус-ях» — железных людей далёкого прошлого. Они, по хантейским преданиям, жили тогда, когда хантов здесь ещё не было.

Посмотрев на директора заповедника, я понял, что Игорь Иванович в то что ему рассказал хантейский шаман, искренне верит.

— Это интересно, Георгий Алесеевич, хорошо бы с ней, с маячкой встретиться и самому понять о каких «аус-ях» идёт речь, — продолжил Кулешов.

— Неужели такое можно организовать? — не скрывая своего интереса к странной легенде, спросил я его.

— Знаешь что, — поняв мои намерения, сказал директор. — Как только в Угута появится Николай Кинямин из юрт Киняминых, что на Малом Югане, я тебя с ним познакомлю. Парень — молодец! После армии, без предрассудков. Вы друг другу понравитесь. В этом я уверен. Он тебе и про маячку расскажет и свозит туда, где она водится. Кстати, в заповедник должны на днях придти «Бураны» и «Казанки» с моторами. Так что ставь рядом со своим домом ещё и гараж, — закончил он разговор.

И действительно, через неделю катером из Сургута пришли в заповедник и снегоходы и мотолодки. Так я получил от своей администрации и «Буран», и с мотором «Вихрь-30» «Казанку 5-м». Теперь можно было и летом по воде, а зимой по снегу ехать куда угодно. Но из Угута я пока не торопился. По словам Кулешова, вот-вот в посёлке должны появиться Киняминские ханты. Те самые, охотничьи угожья которых доходят на востоке до Кульёгана.

И вот в середине июля вместе с директором заповедника ко мне на работу пришёл крепкий, красивый, молодой хант. Он был одет по-летнему во всё национальное: лёгкая сукодная куртка, такие же штаны и на ногах, вместо традиционных сапог, кожаные лёгкие нырики.

— Знакомься! — представил гостя Игорь Иванович. — Это Николай Кинямин, один из лучших охотников нашего промхоза.

— Николай! — протянул мне свою руку молодой хант.

— Вы тут беседуйте, а я пошёл по делам, — раскланялся директор заповедника.

Я предложил Николаю сесть. По-быстрому вскипятил чай.

— Как будешь пить? — спросил я его. — По-купечески или как мы?

— По-купечески, — улыбнулся гость.

Я пододвинул ему заварку и спросил:

— До вас ещё экспедиция не добралась?

— Пока нет, но по плану через год-два собираются ставить буровую рядом с юртами, — вздохнул охотник. — Тогда нашим девкам — конец!

— Это почему? — поинтересовался я.

— Как почему? — удивился Николай. — Киняминские мужики все охотники, осенью пойдём на промысел. А буровики с водкой к дочерям и жёнам... Они так всегда делают. И на Торум-Ягуне, и на Агане.

— Тогда оставьте кого-нибудь для охраны юрт!

— Буровики с него и начнут спаивать посёлок, — засмеялся охотник. — Он их сам и приведёт в наши дома.

— Вот так дела! — растерялся я. — Что же тогда делать?

— Пока не знаю, — попивая чай сказал мой новый знакомый. — Может уйти придётся.

— Куда?

— Или вниз, или вверх. Лишь бы подальше от буровых.

— Но у нефтяников под рукой вездеходы — ГТТ или газушки, — напомнил я. — А то и вертолёты.

— Это так, — вздохнул охотник, — пока экспедиции не было, мы жили хорошо. А сейчас не знаю, что будет.

— А если переехать на Кульёган? — посмотрел я на задумавшегося ханта. — Это уже Нижневартовский район и там нет никаких экспедиций.

— На Кульёган никто из наших не поедет, — сказал Николай. — Знаешь, как переводится с хантейского «Кульёган»?

— Откуда же мне знать? Я ведь не хант.

— Кульёган переводится как река духов. «Куль» — это злой дух или чёрт.

«Вот оно что? — подумал я про себя. — Оказывается даже реку ханты назвали по маячке. Однако пытались на ней жить...»

Не прошло и часа, как, поняв друг друга, мы с Николаем Киняминым стали друзьями. Я подарил ему ненужные мне бочки под топливо и поделился кое-каким нужным ему столярным инструментом. Он в свою очередь пригласил меня к себе в гости и пообещал познакомить со стариком-сказателем народных хантейских сказок...

Из беседы со своим новым товарищем я понял, что Николай никакой маячки не боится. Побаивается он только жадных до пушнины и молодых красивых женщин — работников буровых. Но больше всего меня обрадовало то, что Николай Кинямин — абсолютный трезвенник.

«Если так, то он человек вполне надёжный, — думал я про себя. — И не зря Игорь Кулешов мне его посоветовал. Умный директор всё, выходит, обдумал. Какой же он молодец!»

Кроме Кинямина у меня появились ещё три друга. На этот раз из экспедиции. Одного звали Гриша, другого Федя. Оба парня оказались честные, простые и не привязанные, как молдаване или азеры к деньгам. Они приехали в Сургутский район, как говорится в известной песне — за туманом и за запахом тайги. Третьим моим другом оказался переселенец из Ирана, чистокровный перс по имени Бежан. Он приехал в Сургутский район зарабатывать и не скрывал этого. Но с другой стороны, Бежан не был жадным, давал всем без разбора взаймы, и порой сам забывал кому. Он был трудолюбивым, весёлым и не падким на местных девчонок. Один раз Бежан мне сказал:

— Я, Георгий, настоящий мусульманин. Предпочитаю жить по Корану, а не по тому, как его истолковывают. А Коран говорит, что надо относиться к людям какой бы они ни были веры честно и справедливо, тогда и Аллах к тебе тоже расположится.

Все трое моих друзей после своей работы часто приходили ко мне, чтобы помочь со

строительством. Благодаря им, мой дом уже к июлю был под крышей. Осталось сделать окна, двери и сложить печь.

Однажды, в разгар работы, ко мне подошли мужчина и незнакомая женщина.

— Антропологи из Москвы, — представились они. — Семья Яблоневых. Занимаемся обскими уграми. Нас послал к вам директор заповедника. Сказал, что вы тоже антрополог, хотя и не имеете специального диплома,

— Учился антропологии на дому, — улыбнулся я им. — У профессора Розова.

— У Василия Сергеевича? — оживились муж с женой. — Мы его хорошо знаем! Он из ТГУ.

— Разве вы не слышали, что в Томском университете больше нет кафедры антропологии? — спросил я их.

— Потому вы и учились у Розова в частном порядке? — спросила женщина.

— Совершенно верно, — спрыгнул я с лесов.

— Моё имя Пётр Данилыч, а её Татьяна Владимировна, — представил себя и жену старший Яблонев. — Можно просто Петя и Таня.

— Моё имя Георгий или Юрий — всё равно, как вам больше понравится, — поклонился я гостям.

— В таком случае давайте сразу к делу, чтобы у вас не отнимать времени, — посмотрел на жену Пётр Васильевич. — У нас к вам такой вопрос, — обратился он ко мне. — Вы в Ханты-Мансийском округе живёте несколько лет, и у вас должно было сложиться своё мнение относительно антропологии местных угров. Нас интересует ваше мнение.

— Моё? — удивился я.

— Да, ваше, потому что мы читали обе ваши статьи на счёт генетических связей телеутов с алтайцами.

— Но там больше генетики, чем антропологии.

— Тем не менее, без знаний полученных от Розова вы бы их не написали, — улыбнулась Татьяна Владимировна.

— Надо же, как мир тесен? — удивился я. — Вы даже мои статьи сумели прочесть.

— Нам их порекомендовали умные люди. Ну а каково ваше мнение?

— Видите ли, я кранологическими измерениями не занимался, поэтому всё, что скажу, будет на глаз, — растерялся я.

— Это не менее важно, — подбодрила меня Татьяна Владимировна.

— На мой взгляд, у хантов единый антропологический тип до сих пор не сложился, — подумав, сказал я. — На некоторых реках живут хантейские семьи очень похожие на североамериканских индейцев. Эпикантус почти не выражен, горбоносые, высокие с длинными конечностями и шеями. Таких хантов я встречал на Сольме. В других местах у местного населения преобладают монголоидные признаки: низкий лоб, выраженный эпикантус, короткая шея, и небольшой рост. Такие ханты живут здесь на обоих Юганах. Но есть среди них и такие, которые ничем не отличаются от нас русских. Хотя уверен, что русских предков у них не было. Почему так, ещё не понял, — закончил я свой монолог.

— То же самое видим и мы, — сказал Пётр Данилыч. — И не можем понять, почему такая разница? Более всего удивляет типично европеоидный тип.

— Надо привлечь генетиков, — посоветовал я.

— В том-то и дело, что привлекли, — улыбнулась Татьяна Владимировна.

— Ну и что? — посмотрел я на антрополога.

— А то, что у хантов с европеоидными признаками даже кровь первой или второй группы. И по генетике они типичные славяне или германцы.

— Может всё-таки межрасовые гибриды? — спросил я.

— Возможно, — согласились антропологи. — Но вот в чём загвоздка. По легендам этой группы, они живут на Тромагане, Агане и Вахе, их далёкие предки пришли на эти реки, но не с юга, а с севера и тогда, когда никаких новгородцев в Сибири ещё не было. Потому что в преданиях рассказывается об охотах на овцебыков и мамонтов. Сказания же остальных хантов и манси говорят, что их предки когда-то кочевали в степях и были кочевниками, как современные монголы или буряты.

— Вы рассказали мне удивительные вещи, — поблагодарил я своих гостей. — Я совсем недавно занялся местным фольклором, с этого момента займусь ими вплотную.

— Только не торопитесь публиковать, — посерьёзней Пётр Данилович. — Иначе можно наклепать такую на себя беду, что и из заповедника выгонят.

— На Луну что ли? — спросил я.

— И на Луну! Вы просто не знаете, какие в науке подводные камни.

— Запомните, — сказала Татьяна Владимировна. — Нас, историков, из всех сил заставляют признать, что к востоку от Урала, на севере и в Сибири белой расы никогда не было. С Афанасьевской и Андроновской культурами наши контролируемые с Запада научные круги кое-как смирились, слишком много находок, от них никуда не денешься! Но всё, что касается севера Азии и Америки — настоящее табу! Артефактов здесь больше, чем в степях и на юге. Но среди болот в тайге отыскать их намного сложнее. К тому же, государство неофициально запретило ими заниматься.

— Как это? — не понял я.

— Очень просто — оно не финансирует такие изыскания и всё тут, — вздохнула Татьяна Владимировна. — Поэтому, чтобы вы не нашли, до поры до времени, придержите при себе. Афишировать не надо. В крайнем случае можете вызвать нас, — кивнула она на мужа. — Мы всё бросим и приедем.

— Хорошо, — сказал я. — Мне нужен только ваш адрес.

— Вот он, не потеряйте, — протянул мне заранее написанный листок бумаги Пётр Данилыч.

Ещё немного поговорив ни о чём, супруги Яблоневы удалились.

«Вот те раз! — думал я. — Оказывается в научных кругах тоже не всё ладно. Явный раскол. То, о чём говорил дядя Ёша Солганик. Эти двое представители параллельной науки. Пытаются грести против течения или что-то хотят понять для себя? Скорее последнее, иначе бы меня не предупреждали».

Перед своим отъездом Яблоневы ещё раз навестили меня и попросили посетить юрты Рускинские и Кочевые на Тромагане.

— И хорошо бы вам побывать на озере Пикучто, — добавила Татьяна Владимировна. — Вы там убедитесь в том, о чём мы вам говорили.

Я им пообещал, что когда-нибудь обязательно в тех местах побываю.

Всё это произошло через месяц после отъезда в Москву моих знакомых антропологов. Рано утром ко мне на работу пришли двое незнакомых хантов.

— Тут, Юра, вот какое дело, — сказал тот, что постарше. — Нас послали к тебе сказать, что надо похоронить людей.

— Каких людей? — спросил я. — Кто ещё умер?

— Умерли люди давно...

— Ничего не понимаю? Объясните толком! — потребовал я.

— В десяти километрах выше юрт Коганчиных обвалился яр, — начал свой рассказ незнакомец. — И из него показались деревянные долблёные гробы, а в них люди.

— Ну и что? Возьмите их и похороните по обычаю!

— Мы не можем их похоронить, — сказал хант помоложе.

— Почему? У вас что, рук нету? — возмутился я. — Ко мне, за двадцать километров приехали, чтобы я чьи-то кости похоронил!

— Мы не имеем право хоронить тех людей потому, что это не ханты, — наконец закончил свою мысль старший посланник.

— А кто же они? Если русские, то идите в сельский совет, при чём здесь я?

— Они не русские и похоронены давно, когда ни хантов, ни русских на Югане ещё не было, — сказал хант помладше.

— Вот те раз! — вскочил я как ошарашенный. — Где это? Я сейчас же еду!

— Правая сторона Югана, перед юртами Каюковыми. Мы из этих юрт, поэтому тебя проводим, — обрадовались ханты.

— А кто вас ко мне послал? — спросил я.

Услышав мой вопрос, ханты тут же отвернулись.

«Непонятно, — подумал я. — Послал тот, который не хочет, чтобы я его знал. Но по всему видно, человек, который меня понял. Оказывается, я нахожусь под пристальным наблюдением. И кого? Кого-то из хантов! Чего не ожидал, того не ожидал! Чудеса да и только!» — смеялся я над собой, собираясь в дорогу.

Через несколько минут на двух дюральках я и два моих знакомых ханта помчались вверх по Большому Югану.

«Что же меня ждёт? — волновался я. — Неужели ханты не соврали? Может им показалось?»

За кормой ревели «тридцатка», впереди на полных оборотах мчалась «Казанка» моих проводников. Но вот, наконец, и долгожданный яр! Ханты не соврали. Всё было так, как они мне рассказали. На песке у моих ног лежал разрушившийся от падения человеческий скелет.

«Кости почти чёрные! Сколько же им лет?» — пришла в голову мысль.

От колоды-гроба почти ничего не осталось, а из песка пустыми глазницами смотрел на меня абсолютно европеоидный череп!

«Надо же! — осмотрел я его. — Умеренно круглоголовый, высокий лоб, большие глазницы, выступающие носовые кости и абсолютное отсутствие скуластости! Типичный череп сармата, или скифа, а может киммерийца...»

Я стал осторожно вынимать из воды и песка разбросанные разрозненные кости. Молодые ханты увидев, что я занялся делом, пожелали мне удачи и поехали к себе в юрты. Через час я собрал почти весь скелет. Были потеряны фаланги пальцев рук и частично ног. Очевидно, их унесло водой. Но меня это не огорчило. Перебирая и просеивая руками песок, я извлёк из него бронзовый втульчатый наконечник!

«Тагарская культура! А может какая-то другая, ещё более древняя? — размышлял я. — Ведь тагарцы так далеко на севере не жили. Может усть-полуйская или потчевашская? Но обе эти культуры представлены людьми уральской расы. Во всяком случае, так доказывают ортодоксальные историки. Но если я нашёл бронзовый наконечник стрелы рядом со скелетом европеоида, значит историки врут: и потчевашцы, и усть-полуйцы не могли быть с монголоидными признаками уральской расы. Хорошо бы отыскать ещё что-нибудь, — думал я, копаясь в песке.

Наконец, мне повезло: мои пальцы нащупали бронзовую пряжку и ещё один наконечник стрелы. Больше я ничего не нашёл.

«Откуда же мог выпасть этот гроб со скелетом?» — взглянул я на вершину яра и вдруг увидел ещё две колоды-гроба, которые показались из песка сантиметров на двадцать-тридцать.

От времени дерево колод почернело. Поэтому на белом песке их было хорошо видно. Но

меня удивило другое: от колод до вершины яра было метров пятнадцать-двадцать!

«Они что, на такую глубину закапывали своих мертвецов? — поразился я. — Или здесь что-то не то?»

Почти по отвесной стене яра я вскарабкался на его вершину и стал его изучать. Хоть берег и был покрыт мелким сосняком, но мне всё равно удалось увидеть очертания упирающегося в реку огромного кургана. Длинного и высокого, точно такого, какие я видел на водораздельном болоте недалеко от поймы Тьма.

«Теперь всё ясно! Ханты абсолютно правы, их предками здесь и не пахнет, — обрадовался я своему открытию. — А скелет оказался в воде по причине подвижки реки. Когда-то курган стоял от Югана далеко. Но шли века или даже тысячи лет и река подступила к кургану и стала его мыть. Часть насыпи обвалилась и обнажила захоронение. С Югана курган кажется высоким яром. На самом же деле в этом месте яра никакого и нет».

Я опустил к своей лодке, положил мешок с найденными костями в шакшу. Завёл мотор и помчался стрелюю в Угут.

Приехав в посёлок и вызволив Яблоневого на переговоры, я кратко рассказал им о своей находке.

— Георгий Алексеевич, ждите, вылетаем, — послышался взволнованный голос из трубки Петра Данилыча.

Через два дня оба антрополога были уже в Угуте.

— Надеюсь, вы никому не рассказали о том, что нашли, — вместо приветствия, подавая мне руку спросил Яблонев.

— Нет, конечно! — улыбнулся я. — Знают только каюковские ханты, но у них принято помалкивать.

— Хорошо! А теперь покажите найденные кости, — стали доставать из чемодана свои измерительные приборы антропологи.

Я раскрыл мешок и вынув из него череп, поставил его перед учёными.

— Вот это да! — ахнула Татьяна Владимировна. — На вид череп киммерийца или сармата, аланы были более длинноголовы.

— Долихокефальное строение черепов указывает на южные гены. Этот, — указал на стоящий перед ним череп Пётр Данилыч. — Типичный представитель севера.

Через несколько минут антропологи измерили найденный мною череп и стали рассматривать остальные кости.

— Вот, посмотрите, — показала на какие-то еле заметные бурые пятнышки на костях Татьяна Владимировна. — Это ведь охра! О чём это говорит? Да о том, что покойника перед похоронами покрыли красной охрой. Часть краски осела на его костях. Обычай, который сохранился со времён Верхнего палеолита! Причём, двадцать пять-тридцать тысяч лет назад он был распространён по всему северу Евразии. Вы, наверное, помните захоронения палеолитического князя в Сунгире? Его скелет тоже был весь покрыт красной охрой, — посмотрела на меня Татьяна Владимировна.

— Взгляните, какой интересный наконечник стрелы, — показал жене мою находку Пётр Данилыч. — Похож на классический скифский. Также втульчатый, но длиннее и тяжелее скифского.

— Какие же луки у них были, чтобы стрелять такими мощными стрелами?

— Думаю, мы их луки увидим, вернее то, что от них осталось.

— Из размытого кургана торчат ещё два гроба-колоды, — сказал я.

— Знаете что, коллеги, — смерил меня и жену своими пронзительными глазами учёный. — О находке пока ни слова. Нас всё равно не поймут, а курган сравнивают с землёй! И за одно могут

начать по всей Сибири поиски таких вот родовых курганов. Для их уничтожения средства обязательно найдутся. Надо вот что сделать: взять одну-две косточки для радиоуглеродного анализа. Чтобы определить возраст. Это очень важно. А остальные кости предать земле. Лучше всего в том же родовом кургане, только с другой стороны, где не моет.

«Надо же, — подумал я. — Антрополог сказал то же самое на что намекали ханты. Их лидер видимо не лыком шит, знает что делать! Вот бы его отыскать?»

— Нам надо будет перезахоронить ещё два гроба, — напомнил я.

— Что же, перезахороним, — согласилась со мной Татьяна Владимировна. — Вскроем, посмотрим, сфотографируем и уберём подальше от реки.

— Подальше от злых и жадных человеческих глаз, — уточнил её муж.

— Мы пойдём уговаривать, чтобы вас отпустили, вашего директора, — сказала Татьяна Владимировна. — А вы попробуйте найти где-нибудь палатку, лопаты и всё остальное.

— Игоря Ивановича уговаривать не надо, — засмеялся я. — Он человек с понятием, догадается без слов. Я к нему сам схожу. А что касается палатки и лопат — всё это нас ждёт в лодке. Так что переодевайтесь и готовьтесь к поездке. А я сбегаю к Кулешову.

К размытому кургану мы подъехали под вечер. Наскоро поставили палатку, натаскали хворосту на костёр и направились изучать захоронения.

— Действительно, курган! — не переставал удивляться Пётр Данилыч. — Но громадный-то какой! Намного больше степных аналогов. Интересно, сколько же ему лет?

— По костям или по дереву колод узнаем, — успокаивала его Татьяна Владимировна.

Я показал, в каком месте был найден скелет, показал уцелевшие куски колоды.

— Похоже лиственница, — попробовал ногтем обломок гроба антрополог. — Но почему она всё-таки сгнила?

— Дело всё в песке, — показал я на склон. — Он выделяет что-то такое, что съедает любое дерево и кости. Скелет уцелел только благодаря колоде.

Назавтра, забравшись на яр, мы выкопали из песка обе колоды-гроба. И с помощью верёвки и наскоро сооружённого ворота вытянули их на вершину яра. На всё это дело у нас ушло около четырёх часов.

— Ну что, готовь фотоаппарат! — обратился к жене Пётр Данилыч. — Будем вскрывать.

Я тоже достал свой «Зенит» и, подойдя к антропологу, взялся за крышку. Сначала верхняя часть колоды не шевелилась, пришлось приложить некоторое усилие. Но вот она поддалась и мы увидели разрушенное временем захоронение воина. В верхней части колоды лежал в согнутой позе на правом боку покрытый краской скелет. Рядом с его черепом виднелись груды каких-то мелких косточек. Очевидно, они когда-то были нашиты на одежде. Сбоку от скелета лежали остатки лука. Чтобы изучить их Пётр Данилыч осторожно перебрал пальцами всё что уцелело. В этой позе и сняла его Татьяна Владимировна.

— Фотографии передашь в КГБ или в Академию наук? — спросил антрополог, поднимая голову.

— Ни туда, и ни туда, — улыбнулась она шутке мужа. — Фото сохранится для нашего семейного архива.

— А если кто в него залезет? — посмотрел на жену серьёзно Пётр Данилыч.

— И пусть попробуют доказать, что захоронение это прямых потомков древних арктов. Скажем, одно из андроновских захоронений. Труп на боку, всё как надо.

Во время своей полемики муж с женой на секунду забыли, что они не одни. И теперь смотрели на меня, раскрыв глаза и не зная, что сказать.

— Понимаете, Георгий Алексеевич! — опомнилась Татьяна Владимировна. — Про арктов и что вот они, — показала она на скелет, — их прямые потомки, вы ничего не слышали.

— Да, конечно, — сказал я. — Мне в детстве медведь на ухо наступил.

— Это наше личное мнение, — дополнил её муж. — Не научное.

— А что значит научное? — спросил я. — Где муссируется несусветная ложь? И эта ложь силовыми методами навязывается массам? Я знаю столько следов древней сибирской цивилизации потомков ариев, что вам и не снилось. В одном месте своими глазами видел и даже обмерил двенадцать таких вот курганов. Целый некрополь! И даже побывал на развалинах сибирского города. Так что меня не бойтесь. Не сдам. И смеяться не буду, — закончил я.

Выслушав меня, муж с женой переглянулись. И переводя разговор на другую тему, Пётр Данилыч сказал:

— Лук-то сложно-составной. Из рога, дерева и сухожилий. Потому и наконечники такие тяжёлые. Андроновцы делали их из кремня. А эти бронзовые! Но по виду, время одно. Где-то три тысячи лет до н. э. Хотя точно может сказать только радиоуглеродный анализ...

Мы осмотрели наконечники стрел. Рядом с ними нашли изящный бронзовый топор и лезвие ножа.

— Нож и топор из чёрной бронзы, — заметил доктор наук. — Вот бы взять анализ всех этих изделий.

— Так возьмите, что вам мешает? — не понял я учёного. — Вы ведь в столице живёте. Это я — у чёрта на куличках!

— Ты, молодой человек, живёшь по сравнению с нами на свободе. Кто тебя контролирует? Кулешов? Да он сам такой же, как ты. А мы всю жизнь под микроскопом. Анализ, конечно, сделаем, но не в Москве. Может в Болгарии или в Польше. Словом подпольно.

— А меня с ним познакомите? Простите за наглость, — спросил я историков.

— По тому, что ты нам сейчас рассказал, мы обязаны тебя с ним познакомить, — улыгнулись москвичи. — Мы видим, что ты наш союзник.

— Второй гроб вскрывать будем? — спросил я учёных.

— Наверное не стоит, — решили они.

— Зря беспокоить не надо. Керамика и в этом захоронении неплохо представлена, — осмотрела Татьяна Владимировна стоящие у ног скелета горшочки. Так что давайте будем хоронить.

Мы закрыли колоду и перенесли её на пятьдесят шагов в начало кургана. Потом там же оказался и второй гроб.

— А что будем делать со скелетом? — спросил я своих союзников.

— Хорошо бы что-нибудь соорудить для него наподобие гроба? — посмотрела на меня с надеждой Татьяна Владимировна.

— Из бересты пойдёт?

— Конечно! — обрадовалась женщина.

Я взял топор, нашёл старую трухлявую берёзу, без труда снял с неё кору и сделал из бересты что-то наподобие тубуса, наполнил его костями.

— Всё, думаю наши предки будут довольны, — закончил я работу. — Давайте предадим их земле.

— Мы только «за»! — отозвались доктора наук.

Через три часа интенсивной работы с перезахоронением было покончено.

— Если из кургана вывалятся ещё гробы, думаю ты и без нас справишься, — сидя у горящего костра, заметил Пётр Данилыч.

— Надеюсь, что справлюсь, — кивнул я головой. — Дело не хитрое. Но может так случиться, что я скоро отсюда уеду.

— Это куда же? — глядя в огонь, спросил меня Яблонев.

— Сам пока не знаю, — пожал я плечами.

— А зачем дом строишь? — перешла на ты Татьяна Владимировна.

— Наверное, людям. Тем кто меня заменит.

— Вот оно что? Значит, ты намного серьезнее, чем мы думали, — посмотрел мне в глаза Пётр Данилыч. — Вот что, с этого момента ты тоже с нами на «ты». Будешь «выкать», обидимся, — серьезно сказал он. — А теперь послушай: есть в мировой политике круги, которые превратили науку в средство достижения цели. Эти круги, используя авторитет продажных учёных, не важно на Западе или у нас в СССР, стараются скрыть от общества то истинное прошлое, которое может превратить обманутых и забытых рабов в свободных людей. Нашей задачей является сохранение для будущих поколений истинного. Ты же знаешь: кто помнит прошлое, тот владеет и будущим. Мы, — кивнул на свою соратницу жену. — Являемся хранителями пути к будущему. Трудная задача, очень трудная, особенно в условиях тотальной лжи, но выполняемая! Надо только научиться беречь крупицы знаний. Не показывать их тем, кто может многие факты легко уничтожить. Думаю, что когда-нибудь наступит рассвет! Придёт наше время. И тогда всё, что мы накопим, станет достоянием всего человечества. И мировую историю придётся переписать заново! Грандиозная задача, но мы должны идти в этом направлении!

Стояла тихая летняя ночь. У воды суежилась мошка, звенели комары. На небе горели миллиарды звёзд. А у пылающего костра сидели трое искателей истины и рассуждали о будущем человечества.

Через три дня антропологи укатили в Москву. А через полтора месяца на моё имя в Угут пришла от них телеграмма: «две с половиной — три тысячи лет до н. э. Афанасьевское время. Вся бронза таймырская. Желаем успеха! Твои друзья Петя и Таня».

Глава 23. Дух Югана

В начале октября я закончил свой дом и теперь обдумывал поездку в юрты Кинямины к Николаю. Говорить о том, что поведал мне старый нарымский фельдшер, я не хотел. Вдруг и вправду идолов охраняет дух жреца-шамана. Пусть лучше чёрный медведь на меня охотится. В конце концов я имею шаманский оберег — клык убитого мною медведя-людоеда. Размышляя таким образом, я стал готовиться к зимней охоте.

Если помогу выполнить план Николаю, это будет только плюс, да и собаки засиделись. Пусть хоть набегаются вдоволь. И я занялся изготовлением к своему «Бурану» длинной деревянной вместительной нарты. За этой работой меня и застал пришедший в обеденный перерыв Бежан. У иранца был взволнованный вид. И я усадив его за стол, прямо спросил:

— Что у тебя, дружище? Ты чего такой взъерошенный? Наверное, получил известие с Родины, что сбежал к другому твой гарем?

Но моя шутка на иранца не подействовала.

— О чём ты говоришь, Гера! Какой у меня ещё гарем?

— Жён так на полсотни, — вставил я.

— Был бы гарем, я бы половину тебе подарил. А то копаешься один целыми днями со своим хозяйством, а работы не видно. А так бы бригаду молодых красавиц в твои хоромы и двор — мигом бы всё сделали... Да и тебя по посёлку на руках носили...

— Все бы до одной к вам в экспедицию сбежали, — засмеялся я. — Посмотри, что с поселковыми девчонками делается? Они у вас там и днюют, и ночуют.

— Беда с вашими женщинами! — покачал головой Бежан. — Они сами не знают, что хотят. Но я с тобой не болтать пришёл, — посерьёзнул молодой перс. — А посоветоваться, что делать? Ко мне вчера вечером пришла на минуту секретарша Грязина, нашего начальника, и как бы между прочим, рассказала, что кто-то из местных хантов в пьяном угаре поведал Грязину, что юганские ханты в прошлом году сшили идолу своего духа новый сак. Это что-то наподобие шубы. На него ушла тысяча соболей...

«Ничего себе идол!» — подумал я.

— Все соболя отборные — чёрные.

— Ну и что?

— А то, что Грязин знает, где хранится этот идол. И теперь ждёт когда придут морозы.

— А причём тут морозы? — не понял я.

— Как причём?! — удивился моей недогадливости Бежан. — Замёрзнет река, в камень превратятся болота и тогда он, Грязин, со своими людьми запросто доберётся на вездеходе до священного места и ограбит идола Юган-Ики.

— Он что с ума сошёл?! — вскочил я из-за стола.

— Есть среди ваших людей такие же как на Западе, — вздохнул перс. — Ради денег готовы на любую подлость!

— К сожалению, есть такие, Бежан, — обнял я иранца за плечи. — Но пока не они решают, как нам всем жить! Спасибо, дружище, что сообщил.

— Тут не меня благодарить надо, а секретаршу Грязина. Она специально мне всё рассказала, чтобы я тебе передал.

— И ей при встрече скажи спасибо. Так и передай — ничего у этого Грязина и его приспешников с ограблением капища хантов не выйдет.

Ещё раз поблагодарив за информацию Бежана, я чуть не бегом помчался искать директора заповедника.

— Тебе надо срочно куда-то ехать? — посмотрел мне в глаза Игорь Иванович. — Так в чём же дело? Езжай! Сколько надо, столько и катайся, только себя береги. А о работе не думай — я тебя в командировку послал, лады?

— Лады! — пожал я ему руку.

«С таким директором можно хоть к черту на рога! Тыл всегда прикроет. И ни о чём не спросит. До чего же умён! — радовался я идее с незапланированным отпуском.

На ходу созрел план действий.

«Надо попробовать найти хранителя капища, — думал я. — Если повезёт, тогда юганские ханты уцелеют. Если же спасти капище не удастся и кумир Югана-Ики будет ограблен и уничтожен, с потерей своего покровителя ханты не справятся. Они быстро сопьются и вымрут. Нечто подобное случилось с местным населением Казыма. После ограбления святилища, ханты Казыма мрут как мухи! Может это тоже политика Кремлёвского дома престарелых? — размышлял я. — Один из способов избавиться от местного населения. Чтобы завладеть родовыми угодьями под буровые?»

Когда моя казанка для похода в вершину реки была готова, на берег пришли мои друзья белорусы.

— Не переживай, — сказал Гриша. — Мы за твоим хозяйством посмотрим. Федя будет ночевать в доме, а мы с Бежаном после работы займёмся твоими дровами. Ты ведь их ещё не готовил.

— Было некогда! — улыбнулся я.

— Нам Бежан всё рассказал, — взглянул на меня Федя, укладывая в шакшу пакет с продуктами.

— Вы только молчите! — погрозил я им пальцем. — А то и Бежана погубите, и себя.

— Да и тебя тоже, — кивнул головой Гриша.

Привязав собак к сиденью, я завёл мотор и, махнув друзьям рукой, взял курс на юрты Когончины.

С моего отъезда из Угута прошло три дня. За это время я побывал в юртах Когончиных, Каюковых и Тауровых. И везде к кому бы я ни обращался насчёт беды, нависшей над капищем Юган-Ики, мои слова не слышали. Ханты приветливо меня встречали, но стоило мне завести разговор насчёт того, что надо спасти от ограбления их кумира, как сразу же разговор заканчивался. Лица хозяев становились непроницаемыми и я понимал, что здесь мне больше делать нечего. Крайне расстроенный я гнал лодку от юрт Тауровых снова к Угуту.

«Что же предпринять? — вертелось в голове. — Как хантам объяснить, что я не враг, а друг? Что я тоже, как и они, с точки зрения христиан — язычник, значит, мне можно верить. Всё уперлось в то, что я русский... Вот камень преткновения?! Наверное, надо было отправиться на Малый Юган к Николаю Кинямину. Того бы они послушали.

Наступил вечер. На небе стали зажигаться редкие звёзды. До Угута оставалось ещё километров семьдесят. Надо было подумать об очередном ночлеге. И тут на яру я увидел свет далёкого костра.

«Кто-то готовится к ночи, — подумал я. — Наверное ханты-рыбаки».

Через несколько минут я подрулил к одиноко стоящей лодке и поднялся на яр. Меня у костра встретили два каких-то странных ханта. Оба были стройные высокие, сухие. Но что меня больше всего поразило — русоволосые! Тут же вспомнилась лекция Яблоневого о европеоидных хантах севера.

— Мы из юрт Ярцевовых, — представился старший. — Меня звать Фёдором, а это мой сын — Пётр, — показал он на молодого парня.

— Моё имя Георгий, живу в Угуте. — протянул я свою руку.

— Давай-ка к нашему костру, — пригласил меня Федя. — О тебе мы слышали...

Я сбегал к своей лодке, принёс кое-что из своих припасов и подсел к костру.

— Таких собак мы не держим, — посмотрел на бегущих по берегу моих лаек Фёдор, — У нас они поменьше и, в основном, серые, а твои здоровые как волки и чёрные. Они наверное едят много?

— Едят они ещё меньше, чем ваши, — засмеялся я. — А привезены они на Юган издалека — с Конды.

— Но у манси таких собак тоже нет?! — посмотрел на меня с удивлением хант.

— На Конду они попали из Эвенкии.

— Деды рассказывали, что через наши бора, очень давно правда, на Урал и обратно эвенки кочевали, — припомнил старший Ярцемов.

«Вот опять упоминание о древней кочевой дороге, — подумал я. — Эвенкийская шаманка, бабушка Нюра говорила правду».

— И вы их через свои земли пускали? — задал я вопрос.

— Они шли по Салымским борам и дальше ходом, нам не вредили. Деды так сказывали, — подал мне кружку с кипятком Фёдор. — Вот заварка, давай заваривай купеческий, — пододвинул он ко мне коробку с чаем. — Ты никак в Тауровых был? — спросил меня Пётр.

— Был один день у друзей, а вообще-то, я по пескам глухарей промышляю, — не стал посвящать я в истинную цель поездки своих знакомых.

— Ну и сколько добыл? — улыбаясь посмотрел на меня Фёдор.

— Не густо — двух петухов, — сказал я.

— Надо же, столько проехал и всего двух добыл?

— Да я больше птиц по пескам и не видел.

— Знаешь что, поехали завтра к нам, в Ярцемовых. У нас там глухарей много. Если твои собаки на них лают, за день десяток добудешь. — пригласил меня Фёдор.

— Спасибо вам, но боюсь, что вот-вот стукнут морозы и пойдёт по реке шуга. И тогда до дому мне не добраться, — посмотрел я на звёздное осеннее небо.

— Зима ещё не скоро, — засмеялся старший Ярцемов. — Добрых две недели такая погода стоять будет, так что не бойся.

— Если так, то я только «за». Тем более что в юртах Ярцемовых мне быть не приходилось. На реке их нет. Я даже не знаю, где они?

— Они на протоке, от Югана километров двенадцать. Мы как раз стоим напротив неё, — показал рукой на ту сторону реки Фёдор.

Какая сила меня толкнула принять приглашение хантов, я так и не понял. Мне, ни с того ни с сего, захотелось побывать в их селении, и я с нетерпением ждал, когда это случится.

Утром на двух лодках мы въехали в Ярцемовскую протоку и помчались вверх по ней через пойму. Вскоре лодку со всех сторон обступил сосновый бор. Протока сузилась, но идущая впереди меня лодка Ярцемовских хантов ход не сбавила. И теперь мне приходилось изо всех сил стараться вписываться, чтобы не вылететь с ходу на берег, во все немыслимые повороты протоки. От напряжения я весь вспотел. Временами казалось, что вот-вот не справлюсь с управлением и врежусь либо в корчу, либо в берег. Но каждый раз каким-то чудом обходилось, и моя «Казанка» неслась всё дальше и дальше. Наконец передняя лодка ткнулась в берег.

— Слава тебе, Господи! Наконец-то, слалом кончился! — обрадовался я.

Пристав к берегу и привязав лодки, мы по тропе отправились к юртам.

— Ничего себе, юрта! — удивился я, увидев здоровенный русский дом среди бора.

Рядом с добротнo срубленным строением стояло два амбара. Оба лабаза покоились на четырёх столбах и были тоже рубленные. По дому и амбарам мне стало ясно, что здесь живут

люди не бедные. За амбарами я увидел навес, доверху забитый огромными поротыми щуками.

— Мы здесь рыбу вялим, — пояснил Петя.

— А где вы таких монстров, — показал я на щук, — здесь ловите, кругом же бор?

— Отсюда шагов двести озеро. Оно огромное, мы туда ходим, я тебе его покажу, — отозвался парень.

Когда я вошёл в дом, то лицом к лицу столкнулся с его хозяйкой. Мать Петра женщина средних лет, оказалась на удивление привлекательной. Таких красивых хантеек я ещё не видел: рост у неё был выше среднего. Она имела каноническое лицо, большие серые глаза и удивительно чистую белую кожу. Хозяйка дома предстала одетой во всё национальное: на ней, подчёркивая совершенные линии фигуры и поблёскивая бисерной вышивкой, красовалось хантейское платье, а на тёмно-русых косах поблёскивали серебряные царские монеты.

— Проходите к столу, — сказала она по-русски. — Я давно услышала моторы и чай уже готов!

— Спасибо! — поклонился я ей, снимая свои сапоги.

Войдя в помещение и присев на нары, я огляделся: перегородок в доме не было. С одной стороны, от стены до стены, застеленные лосиными шкурами, находились низкие нары. В углу стояла небольшая буржуйка, а у окна стол.

«Вот и вся мебель! — подумал я. — Очевидно, всё остальное хранится в амбарах».

Я посмотрел на пол. Он был собран из широких сосновых плах. Ни шкур, ни ковров, но нет и щели.

— Молодцы строители! — показал я на плахи пола. — Таких полов я ещё не видел. — Чем такие доски пилили?

— «Уралом», — улыбнулся Фёдор. — Эти дома мы рубили сами. Отсюда метров двести, — показал он в сторону бора. — Стоит ещё дом, в нём живёт мой брат. Да и ты скоро увидишь. А сейчас давай, не стесняйся, ешь, — пододвинул он деревянный поднос с отварной лосятиной. — Неделию назад Петька лося стрелял. Мясо в леднике, хватит надолго. В нашем краю всё есть. И птица, и лось, и дикий олень, но мы зазря не охотимся, — продолжил Ярцемов старший. — А зачем? У нас своих оленей больше пятисот! Так что мяса хватит.

— А где вы их пасёте? — удивился я.

— В сторону Большого Салыма — сплошные бора, беломошника много!

— Интересно, как это власти у вас оленей не отобрали, а вас не превратили в пастухов-колхозников?

— Мы штатные охотники Угутского ПОХА, и про наших оленей в Сургуте никто не знает, — засмеялся Фёдор.

— А вдруг я возьму и расскажу? — посмотрел я на него.

— Не расскажешь, — махнул он рукой. — Мы в людях понимаем, таких как ты, бояться нечего!

Уверенность ханта меня удивила.

— Верно, не расскажу! И вообще, скажу, что в юртах Ярцемовых я никогда не был, — улыбнулся я.

— А мы это знаем, потому и пригласили тебя в гости, — пододвинул ко мне кружку с чаем Петя.

«Ничего себе физиономисты?!» — невольно подумал я.

— Вы вот что, — перевёл разговор на другую тему Фёдор. — Идите-ка в бор вместе, — посмотрел он на своего сына. — Покажешь Георгию наши юрты, кайм для оленей, озеро. На обратном пути к брату зайдёте. Он рад будет.

— Только я своих собак брать не буду. А то у него кобель чего доброго какого-нибудь

нашего задавит.

— А где ваши собаки? — спросил я.

— Сидят в вольере, чтобы лосей зря не гоняли, — сказал Фёдор. — Вольера большая, не обезножат. Ты хорошо сделал, что своих чёрных волков привязал.

— А что же вы не предупредили, что у вас олени? — спросил я. — Вот был бы концерт! Разогнали бы весь ваш скот.

— Ничего, олени как разбегутся, так и соберутся, — засмеялся Пётр. — А за глухарями пойдём не в сторону стада, а на юг. Там нет беломошников, значит и оленей, — поднялся он из-за стола.

Через несколько минут мы подошли к вольере, где жили собаки хантов. То, что я увидел, меня приятно удивило: за оградой бегали чистокровные без всяких примесей хантейские лайки!

— Надо же, — спросил я Петра. — Как вам удалось сохранить таких собак?

— Эти лайки нашего рода. Щенков отдаём только своим друзьям и родственникам и других собак не завозим.

— Ты видишь, — показал я парню. — Они похожи на моих чёрных, только меньше размерами и серые. По сути-то, одна порода.

— Вообще-то, ходят, — согласился молодой хант — Особенно головы.

— Я забыл спросить твоего отца, где та кочевая дорога, по которой когда-то эвенки ходили вашими борами? — перевёл я разговор на интересующую меня тему.

— Мы как раз туда и идём. Но она дальше, на болотах, — сказал молодой Ярцёмов.

— А ты откуда знаешь? — спросил я его.

— Деды рассказывали. Там на сосновых гривах до сих пор и лабазы тунгусов стоят, я правда не видел.

«Как интересно получилось? — подумал я про себя. — В Томской области про эту кочевую дорогу я только слышал, а здесь в Тюменской нахожусь с ней уже рядом. Там о ней рассказывали эвенки, а здесь то же самое, но уже ханты».

Размышляя таким образом, я и не заметил, как мои собаки, умчавшись куда-то вперёд, подняли с земли выводок глухарей.

— Петя, — обратился я к ханту. — У тебя «тозовка», сбегай, подсоби собакам.

— А ты как же? — обрадовался молодой охотник.

— Я ещё настреляюсь, — махнул я рукой.

Петя убежал на лай, а через несколько минут раздались три винтовочных выстрела. Когда я подошёл к Петру, тот стоял с тремя петухами.

— Я самых здоровых стрелял, как же нам их таскать? — спросил он растерянно.

— А мы пойдём назад этой дорогой, или другой? — посмотрел я на него.

— Можно этой, можно и другой.

— Если этой, то глухарей мы повесим на сосну, а на обратном пути заберём, — посоветовал я.

— Тогда давай так и сделаем, — обрадовался разгорячённый Ярцёмов.

— А почему копылух не стал стрелять? — спросил я молодого парня.

Мы шли по бору, прислушиваясь, не залают ли где снова собаки.

— А зачем? — удивился он. — Мы в своих угодьях ни тетёрок, ни копылух не стреляем. Оттого и птицы у нас полно.

В этот момент сбоку от нас опять раздался собачий лай.

— Сейчас твоя очередь добывать глухаря, — запротестовал Петя, видя, что я хочу снова предложить ему показать свою меткость.

«Ну что же придётся идти», — вздохнул я.

К вечеру у нас набралось двадцать птиц. Под таким грузом на обратном пути нам было уже не до разговоров. Мы шли по звериной тропе часто отдыхая и ругая себя за жадность.

— Ничего, — ворчал Петя. — Зима длинная, считай, до Нового года ты уже с мясом и лося не надо...

— Добычу пополам! — настаивал я. — Мне с глухарями одни хлопоты. Жены у меня нет, щипать и обдирать их некому, так что договорились.

— А ты мою сестрёнку возьми в жёны, — предложил мой новый товарищ. — Она всё умеет: и шить, и готовить, и шкуры выделывать. Да и красивее её никого на Югане нет. А может и во всём районе!

— Сколько же ей лет? — спросил я.

— Всего четырнадцать. Она в Сургуте в интернате сейчас. Через два года как школу окончит, можешь забирать!

— А она за меня пойдёт? — засмеялся я. — Посмотри какой я страшный: бородатый, с виду свирепый, а потом, зачем я ей, русский? Ей хант нужен...

— Хороших хантов уже не осталось, — погрустнел парень. — Люди спиваются и умирают. Это мы, Ярцевовы, не пьём. А что творится в тех же Когончиных?! На двадцать пять юрт каждую неделю вертолётом по тридцать ящиков водки завозят!

Молодой охотник говорил правду. И от этого на душе стало тоскливо.

— Вас намеренно убивают, — согласился я с ним. — И виноваты в этом власти, Петя. Подонки, сидящие в Кремле, и здесь, в Сибири. О людях они не думают. В голове у них нефть и газ. А вас травят пойлом, чтобы прибрать под нефтепромыслы ваши родовые угодья. Чтобы под ногами не путались. Такая политика нашего государства...

Мы присели на валёжину и замолчали. Больше говорить ни о чём не хотелось. Но вдруг молодой охотник оживился и, посмотрев на меня долгим оценивающим взглядом, спросил:

— А ты ведь не на охоту по Югану ездил и к нам приехал не за глухарями? Мой отец это сразу понял, потому тебя к нам и пригласил.

Взглянув в открытые честные глаза ханта, я прямо сказал:

— Всё правильно, Петя, только я не знаю, что делать? Грязин хочет ограбить ваше капище. Ждёт холодов, когда застынут реки и болота. А я никому из хантов не могу объяснить, какая беда нависла над кумиром Юган-Ики!! Меня не слышат! Побывал в трёх юртах — ваши уже четвёртые.

— Ты точно знаешь, что задумал начальник экспедиции? — изменился в лице младший Ярцевов.

— Конечно! — сказал я вставая. — Предупредили надёжные люди.

— Тогда пойдём и как можно скорее, — вскочил со своего места охотник. — Всё расскажем отцу. А потом поедем к его двоюродному брату Лисаку Павловичу Каюкову — хранителю Юган-Ики.

Без остановок на одном дыхании мы дошли до стойбища и сложив свою добычу в рядом стоящий амбарчик, возбуждённые предстали перед удивлёнными хозяевами.

— Ну-ка, рассказывайте, что у вас там произошло? — смерил нас взглядом глава семейства. — Неужто мангики* встретили?

— Не мангики, вот он, Георгий, — показал на меня Пётр, — говорит, что начальство экспедиции задумало ограбить нашего Юган-Ики. Для этого он и ездил по хантейским юртам, чтобы предупредить нас.

— Давай-ка всё подробно, — помрачнел Ярцевов старший.

Мы сели за стол, и я рассказал о визите Бежана и о своём путешествии к юртам Тауровым.

Хороший однако этот парень, твой друг Бежан, — отметил Фёдор. — Не боится своего

начальства.

— К тому же он не из СССР, а из Персии, — добавил я. — Казалось бы, какое ему дело до наших проблем? Ну так что же будем делать?

— Сейчас кушать и отдыхать. А завтра чуть свет поедете к Лисаку Павловичу, надо его предупредить. Через пару недель начнутся морозы и тогда может быть поздно, — сказал Ярцев старший.

Рано утром, наскоро поев и собравшись, мы с Петей завели лодочные моторы и, махнув рукой на прощание провожавшему нас Фёдору, отправились по протоке к Югану. Наконец-то, на душе стало спокойнее.

«Лёд тронулся, — думал я. — Всё-таки достучался! Ну что, товарищ Грязин? Будет у тебя теперь дырка от бублика!»

Через несколько минут мы были уже на Югане, а ещё через полчаса свернули в устье какой-то небольшой речушки. Прошло немного времени, и за поворотом речки показался одинокий домик. Когда мы подъехали к берегу нас встретил его хозяин. Высокий, сухопарый, средних лет хант с европеоидными чертами лица и серыми глазами.

«Этот тоже похож на русского, — отметил я про себя. — Монголоидности в нём меньше, чем в чуваше или сибирском татарине».

— Добро пожаловать! — послышался баритон хозяина домика. — С чем приехали? — протянул он мне руку. — Неужто стряслось что-то?

— Стряслось! — прикалывая свою лодку к берегу, посмотрел на него Петя. — Вот он, Георгий, всё расскажет, — показал парень на меня.

— Ну так здравствуй, Георгий! — пожал мою руку хранитель Юган-Ики. — Вот ты какой, оказывается?

В словах Лисака Павловича чувствовалось, что он обо мне давно знает.

— Ну так что же, пойдёмте в дом, там и поговорим.

Когда мы вошли в домик, то от удивления я остолбенел: до самого потолка он был завален стеллажами с книгами и подшивками старых газет!

— Ничего себе! — вырвалось у меня. — Да тут целая библиотека!

— А чему ты удивляешься? — усаживаясь за стол, сказал Петя. — Мы хоть и ханты, но читать, тоже горазды. Особенно наш Лисак Павлович.

— Но книг у вас я не видел? — припомнил я.

— Они у нас в особом лабазе. И старых газет тоже хватает. Отец любит их перечитывать.

Осматривая открывшееся передо мной книжное богатство, я услышал голос хозяина.

— Давай-ка за стол, Георгий, сначала я вас накормлю, а потом расскажете, с чем приехали.

— Мы недавно из-за стола, — повернулся я к нему. — Поедим потом, лучше давайте сразу к делу.

— А к делу, так к делу, — показал он мне жестом на скамейку.

Усевшись напротив, я подробно рассказал хранителю капища Юган-Ики о том, что услышал от Бежана.

— Вот оно что? — помрачнел Лисак Павлович. — Кто-то из наших пьяниц проболтался. Ну что же — спасибо! — сказал он вставая. — Надо ехать ребята, и срочно. Через полмесяца придут сильные холода. Будем торопиться. Вот что, Петя, — обратился хранитель к своему племяннику, — оставайтесь-ка вы у меня хозяевами. Через три дня я приду. В лабазе найдёте и крупы, и муку. Хлеба не хватит — кор за домом. Натопите, испечёте лепёшек.

— У нас в лодке стрелянные глухари, не беспокойтесь, с голоду не умрём, — сказал я собравшемуся в поездку хозяину.

— Вот и хорошо! Тогда до встречи через три дня.

С этими словами Каюков, накинув на себя оленью куртку, направился к своей лодке. Через несколько минут с речушки раздался удаляющийся гул мотора.

— Он что, всё время здесь живёт? — спросил я Петра. — Ни собак, ни ружья...

— Вот видишь, — показал парень на стоящий между книжными стеллажами обклеенный берестой тяжёлый охотничий лук. — И стрел у моего дядьки с полсотни! А знаешь, как он из него стреляет? Так, как я из винтовки! А живёт он не здесь. Семья у него в Каюковых, есть домик и у нас. Тут он уединяется, чтобы почитать. И подумать о жизни...

«Молодец! — решил я про себя. — Одновременно везде и нигде!»

— Он что, ещё и шаман? — спросил я Петра прямо.

— Среди всех Салымских и Юганских шаманов Лисак Павлович самый сильный шаман! Он может вылечить любую болезнь, способен предсказать даже погоду! Синоптики врут, а моего дядьку духи не обманывают. Иногда по радию о погоде его запрашивает Сургут... И ни разу не было такого, чтобы он ошибся! — сказал молодой Ярцевов с гордостью. — Знаешь, кто к тебе послал парней из юрт Каюковых, чтобы ты перезахоронил гробы с остатками людей «аус-ях»? Мой дядька! Он в людях, как видишь, тоже не ошибается!

Сказанное хантом в моём сознании всё поставило на место.

«Вот оказывается, кто из хантов меня понял? Кого я хотел встретить! И вот встреча состоялась».

— Ну ты меня и удивил! — посмотрел я на Петра. — Оказывается, вы меня давно знаете? Только я с вами не был знаком.

— Мы тебя с отцом и встретили на Югане, чтобы ты рассказал всё как есть. Это наше правило: за язык никого не тянуть. Нам передали, что у тебя к Лисаку Павловичу есть дело. Но какое, ты должен рассказать сам.

— А как вы вообще на меня вышли? Почему мною твой дядька стал интересоваться? — задал я новый вопрос ханту.

— Всё просто, — засмеялся Петя. — Ты обратил на себя внимание тем, что стал у угутских хантов записывать наши сказки. Как правило, русские хантами интересуются только как поставщиками дармовой пушнины. Тебя же интересовали наши легенды и предания. Про пушнину ты не спрашивал.

— Что тут такого? — не понял я.

— А то, что мы догадались, что тебя интересует наша история и культура. Значит, ты друг хантам. Вот я даже свою сестру тебе в жёны предложил.

— Но ведь это наверняка не твоя идея? — улыбнулся я.

— И моя, и не моя, — сконфузился Петя. — Первым высказал её Лисак Павлович, а мы с отцом поддержали. Ты видел мою мать? Красивая, правда?!

— Очень! — согласился я.

— Лизка ещё красивее! Но самое главное, не это. Она у нас умная! Намного умнее меня. Когда увидишь, поймёшь. Теперь понял?

— Понял, что даже женить меня хотите! Причём без моего согласия, — вздохнул я.

— Это твоё дело, — начал объяснять Петя. — Мы заботимся не о Лизе. Она и без тебя счастливой будет. Просто у тебя такие жизненные установки, что ты можешь остаться в жизни одиноким.

— Это какие же у меня жизненные установки? — удивился я.

— Деньги и вещи тебя мало интересуют. Так?

— Предположим, — согласился я.

— Тебя волнуют культурные ценности и прошлое народов Сибири. Вот ты меня про кочевую дорогу эвенков недавно спрашивал, что уводит на Камень? Кому-нибудь, кроме тебя,

это надо? — посмотрел на меня молодой хант.

— Право не знаю? — растерялся я.

— Вот видишь! То, чем ты живёшь, русским девкам не интересно. Им подавай квартиру в городе, «Волгу» в гараже и денег побольше! Так? На другое они не согласны. С тобой в лес комаров кормить ни одна из них не пойдёт. Зимой тем более. Разве я не прав?

— Прав, наверное, — пожал я плечами.

— А Лизка за тобой может пойти хоть в Нижний мир! Такие у нас женщины. Они не умеют предавать. И всё, чем ты живёшь, ей тоже будет интересно. Знаешь, сколько она читает? Её ведь Лисак Павлович воспитывал...

— Всё, уговорил. Согласен! Если она такая, как ты говоришь, я «за»! Годиков через четыре-пять... Только с условием, если она меня полюбит....

— Она тебя считай, что уже полюбила! — выпалил не задумываясь Петька.

— Как так? Ты что несёшь? Это парень, уже слишком! — обозлился я.

— Когда ты рубил сруб своего дома рядом со взлётным полем. Это было в конце мая, помнишь, к тебе подходила молоденькая девчонка?

То, что припомнил Петя, я забыть, естественно, не мог. То было как сон: по взлётному полю шла молоденькая девчонка подросток. На ней было жёлтое коротенькое платице, ветер то и дело подымал его подол, оголяя необыкновенно красивые, стройные ноги.

«Уже не девочка, но ещё не девушка, но до чего же красива!» — думал я, посматривая в её сторону.

Когда она подошла поближе, я разглядел её иконописное лицо. Большие чуть раскосые зелёные глаза! Красивые малиновые губы!

«Наверное, это воплощение самой Сорни Най! — думал я про себя. — Разгуливает себе в одиночестве по взлётному полю и не знает, что от её совершенства и красоты у меня голова кружится».

— Постой! — прервал я Петю. — Я помню ту девчонку, что подошла ко мне на срубе. Но ведь она была русской! У неё же рост почти как у тебя. Да и волосы светлее.

— Это была моя сестра, — засмеялся Пётр. — Она специально ходила взглянуть на странного русского. И ты ей очень понравился!

— «Вот тебе и Сорни Эква! Всё вокруг меня и я ничего не знаю?»

— Только теперь до меня дошло, почему я больше ни разу эту молоденькую девушку в Угуте не видел.

— Лизка в конце мая из Сургута домой ехала, ей рассказали про русского ненормального, который в одиночку дом решил построить. И про то, как ты интересуешься нашими преданиями. Вот она и решила взглянуть на угутскую достопримечательность. Ну и как она тебе?

— Я думал, что это сама Сорни Най, — признался я.

— А мы её промеж себя так и зовём! — рассмеялся молодой хант.

— Я вот что не пойму, Петя, почему ваши Ярцемовские ханты так внешне отличаются от всех остальных? Вас ведь от нас, русских, не отличишь. Тебя, например, или твою сестру?

— Об этом надо спрашивать моего дядьку, он знает многое о родах северного народа. Я же могу сказать только то, что слышал. Есть легенда, Гера, которую не любят ханты рассказывать. Она повествует о том, что основная часть нашего народа, когда-то очень давно, пришла на север из южных степей.

— А почему ханты не любят эту легенду? — поинтересовался я.

— Потому, что в ней говорится, что место, куда они пришли, уже было занято. Здесь жили люди «аус-ях» или железные богатыри. Они сюда пришли с далёкого севера. И предки хантов, несмотря на то, что их было больше, вынуждены были им подчиниться.

— А почему «аус-ях» вы называете железными? — задал я новый вопрос.

— Легенда гласит, что они надевали на себя чешуйчатые, как у рыб панцири, которые пробить ничем было невозможно. Мы, Ярцевовские ханты Большого Югана, ещё часть Каюковских и являемся потомками железных «аус-ях». И мы до сих пор не смешиваемся с другими родами. Своих дочерей ни за Малоюганских, ни за Тайлаковских, ни за Тауровских не отдаём. И не берём от них себе в жёны.

— Как же вы тогда живёте? — невольно вырвалось у меня. — Так ведь можно и совсем выродиться?

— Не выродимся! — уверенно сказал Петя. — Такие же как мы живут на Большом Салыме. Правда они давно родственники. Но всё равно. А моя мать вообще с Колик Ёгана, что на Вахе. Там точно полным-полно потомков «аус-ях».

Всё, что говорил Петя, в точности совпадало с теми данными, с которыми меня познакомили московские учёные.

«Так вот почему антропологически ханты далеко не однородны? — подумал я. — Потомки родов, пришедших с севера, не хотят смешиваться с потомками родов пришедших с юга».

— Мы, как бы считаемся в среде хантов их правящей верхушкой. Из нашей среды выходили самые сильные шаманы, а в прошлом и вожди племён.

«И сейчас то же самое», — подумал я про себя.

— Твой отец, Петя, выполняет функции племенного вождя, и ты это хорошо знаешь, а дядя — самый сильный на Югане шаман — хранитель мужа Сорни Най, духа Югана.

— Мы, как потомки людей, пришедших с севера, — продолжил свой рассказ молодой Ярцевов. — Считаем, что по крови являемся родственниками вам, русским. Наши шаманы когда-то говорили, что у нас с вами были общие предки. Мы и дома строим такие же как вы, большие и тёплые, и оленей разводим, и пасти их не ленимся. Ты ведь заметил, что из хантов мы самые богатые?

— Заметил! — кивнул я головой. — Ладно, Петя, спасибо за твой рассказ, когда придет Лисак Павлович, я его попрошу что-нибудь мне рассказать о северных родах, а сейчас можно мне посмотреть некоторые книги? — прервал я его.

— Конечно! — согласился молодой Ярцевов.

Когда я подошёл к стеллажу, меня поразило то, что много книг было дореволюционных изданий.

«Откуда он их взял? — ломал я голову. — Может из сургутских библиотек? Или даже из самого Тобольска?»

На глаза попала «Божественная комедия» Данте. Рядом стояла XIX века Библия. Я открыл обе книги и увидел, что иллюстрированы они великим итальянским графиком Дорэ.

«Ну и Лисак Павлович! У него здесь такое собрание, — оглядел я другие книги, — какого в наше время нет ни в одной библиотеке! Разве что где-нибудь в Москве, куда пускают только по пропускам».

Пока я изучал библиотеку, Петя занимался хозяйством. Он распотрошил одного глухаря и растопил на улице кор.

— Будем готовить глухаря по-хантейски в клюкве, — сообщил он мне радостно.

Но меня радовал не глухарь, а знакомство с некоторыми книгами, о которых раньше я только слышал.

Незаметно один за другим пролетели три дня. В душе я верил, что погода особо не должна измениться, но всё равно боялся.

«А вдруг прогноз окажется не враньём? Что тогда? Скуёт реку, а потом и Юган. Как мне добраться до посёлка?» — размышлял я.

Иногда хотелось, не дожидаясь шамана, сесть в свою «Казанку» и отправиться в Угут. Там непочатый край работы! Брошенный дом... А потом я собирался посетить юрты Кинямины и напроситься с Николаем на охоту. В мыслях была история с призраками. Надо было как-то её решить. Тем более, что после знакомства с Ярцевовскими хантами в голове многое стало на место. Появилась какая-никакая, но система. По крайней мере, я знал, куда делась часть людей белой расы, которая пришла в таёжную зону Западной Сибири с севера.

Но, как и говорил хранитель главного капища, к концу третьего дня раздался со стороны реки гул его лодочного мотора.

— Дядька едет! — радостно кивнул молодой Ярцевов.

И мы оба пошли встречать прибывшего.

— Всё нормально, мы успели, перенесли кумир в другое место. Об этом знают только три человека, включая и меня, — окинул нас взглядом шаман. — А теперь давайте в дом, надо попить чаю.

После ужина и крепкого чая Лисак Павлович подозвал к себе своего племянника и велел ему подготовить на ярке у речки костёр.

— У меня разговор с Георгием, — посмотрел он на него строго, — до утра. Поэтому дров привези на лодке и побольше, — наказал он ему.

Я хотел было помочь Пете, но Лисак Павлович меня остановил.

— Не ходи, я его отослал, чтобы поговорить с тобою о делах. Так и есть, хотели ограбить! Им мало своих бешенных заработков. Решили продать в музей и наше капище. Но прежде всего чёрных соболей с кумира — и не в музей.

— А, правда, что их на саке тысяча? — спросил я.

— Нет, конечно, всего триста! Но дело не в них, не в соболях, а в людской жадности и подлости.

— До чего же есть люди ненасытные! На мой взгляд, психически больные.

— Я с тобою согласен! — кивнул головой хранитель духа. — Но о них не будем, они понесут своё наказание и скоро. Как тебе мои книги? — спросил меня шаман, переводя разговор на другую тему.

— До сих пор не могу поверить, что я их видел и кое-что из них читал, — сказал я.

— Значит, понравились! Это хорошо, — посмотрел он на меня. — А теперь, вот что, Гера, ты конечно прости, что я поинтересовался событиями твоего будущего. Подтолкнула интуиция: я давно чувствую над твоей головой беду. Не знаю, как это выразить, но ты в серьёзной опасности. И враг твой намного сильнее меня!

— Что это ещё за враг? — искренне удивился я.

— Дух давным-давно умершего шамана народа «аус-ях». Железных людей, которые здесь когда-то жили до прихода хантов.

— Чьими потомками вы Ярцевовы являетесь? — спросил я Лисака Павловича.

— Значит кое-что Петька тебе поведал, — улыбнулся хранитель духа. — Это хорошо, мне меньше придётся тебе объяснять. Да, мы потомки того народа. В нас, правда, много ещё и угорской крови. Как ты понимаешь, чистота относительная. Но дело не в нас, а в тебе. Объясни, как тебя угораздило навлечь на себя гнев мёртвого? Это ведь надо умудриться! С таким явлением в своей жизни я ещё не встречался. Смерть за тобой ходит по пятам. Годами ходит, но себя никак не проявляет?! Такого я тоже не понимаю! Может от того, что ты обладаешь силой? Рядом с тобой проявляет себя дух какого-то медведя... И сила человека... С медведем мне всё ясно, тебе помог с оберегом шаман.

— Эвенкийская шаманка, — поправил я.

— Но сила человека, прямо скажу тебе, нечеловеческая! Не будь её, ты у нас здесь в

угутских лесах давно бы погиб... Причём раньше такой враждебности относительно тебя не было. Всё началось с твоего приезда в Угут? Ты мне можешь объяснить, что происходит?

— Пожалуй, что могу, — вздохнул я. — Только боюсь навлечь на вас беду. Ту самую, в какой я нахожусь сейчас сам.

— Ничего, переживу! — ответил Лисак Павлович. — Давай рассказывай.

Помолчав немного, я поведал ему всё, что услышал от старого фельдшера. Во время моего рассказа Лисак Павлович кивал головой и одни раз даже закрыл глаза. Когда я закончил, воцарилось долгое молчание.

— Вот теперь вы знаете всё, — сказал я.

— А что это за человек? С таким духовным потенциалом людей просто не может быть?! — посмотрел шаман на меня вопросительно.

— Это не моя тайна, поэтому простите, поведать её я вам не могу.

— И не надо. Важно, что сила его с тобою присутствует. Это главное, — сказал Лисак Павлович. — Ты, я надеюсь, Коле Кинямину ничего про маячку не сказывал? — спросил он меня, вспомнив о моих намерениях.

— Нет, конечно! Это он мне про неё больше рассказывал.

— Вот и хорошо! А теперь слушай, что я тебе скажу: всё, что поведал тебе фельдшер из Нарыма, правда, Гера. И зря, что ты до конца в его рассказ не поверил. Может поэтому и живой остался. Шаманское прикрытие тебя бы не спасло, — взглянул он на висящий на моей шее медвежий клык. — Тебя прикрывает сила того, о ком ты предпочитаешь молчать. Откуда он взялся и как ты с ним познакомился, меня не касается. Не будь его, тебя бы уже не было. Но запомни, сила мёртвого сложена из множества, а тебя прикрывает один.

— К тому же, он тоже погиб, — сказал я со вздохом.

— Погиб? Я не вижу его мёртвым. Ну да ладно, считай, что погиб! Я вот к чему: похоже, ты не посвятил этого человека в то, о чём только что мне поведал. Иначе всё могло сложиться не так. И помощь тебе не нужна была бы. У него сработала интуиция, что ты можешь оказаться в опасности. И он тебя на всякий случай прикрыл. Но сейчас этого мало. Почему ты не рассказал ему про то, что услышал от фельдшера?

— Потому, что не поверил ему. Посчитал, что нападение медведя на него было случайным.

— Запомни, случайностей в жизни не бывает. Везде присутствует скрытая закономерность. Просто сложно её уловить, — поднялся из-за стола Лисак Павлович. — Пойдём на улицу, нам сейчас нужен огонь. Огонь всегда защита от тёмных. Поэтому, все серьёзные разговоры должны вестись у огня.

Мы вышли из домика и направились к речке. На яру недалеко от воды нас ждал разгорающийся костёр.

— Ты, Петя, ступай домой и ложись спать, — посмотрел на своего племянника хранитель духа. — А ты, Георгий, садись и слушай.

— Можно мне один вопрос? — обратился я к шаману.

— Конечно! — кивнул он.

— В чём заключается защита, о которой вы только что говорили?

— Во-первых, — обратился ко мне Лисак Павлович. — На «вы» не стоит! Мы должны стать с тобой единым целым — так надо. И, во-вторых, «вы» всегда притягивает к себе силу тёмных. А защита заключается в том, что дух мёртвого о тебе знает, но не может тебя точно вычислить. Ты из его, если можно так сказать, поля зрения исчез. До прикрытия он тебя видел и чувствовал, но ты тогда был не опасен. Сейчас твои намерения изменились, и он это знает, но найти тебя стало чрезвычайно трудно.

— Он живёт в сознании медведя, это дух? — задал я ещё один вопрос.

— Отнюдь нет. Его место в потустороннем мире. Но он может в любой момент вселиться в нужного медведя. В того, который ближе к тебе. И таким образом материализоваться. Беда в том, что ты, поиском кургана с идолами сам себя ему откроешь. Идолы, которых на самом деле надо уничтожить, являются для тебя приманкой. Тут-то дух мёртвого тебя и накроет.

— Что же мне делать? С одной стороны надо, а с другой — нельзя, — спросил я его.

— Есть выход, но мне придётся пообщаться с духом реки. Если Юган-Ики придёт к тебе на помощь, всё решится.

— А если он откажется мне помочь? — спросил я шамана.

— Не должен, — подумав, сказал Лисак Павлович. — Ты показал себя как друг. В том, что получишь от него поддержку, я уверен. Главное, не суетись. Приедешь в Угут, ни на какую охоту не ходи. Вообще в тайгу ни шагу! Понял?

Я молча кивнул.

— Займись работой. Приводи в порядок свой дом, читай книги и жди меня. Я приеду к тебе в середине марта. В Угута купишь женский платок. Запомни: на чёрном фоне должны быть красные цветы. Наш платок, который любят носить хантейские женщины. Когда приеду, этот платок должен быть у тебя под рукой. Чтобы не искал. Появлюсь я в четыре утра. И ещё: твой «Буран» должен быть заправлен, на картекрепишь канистру с бензином для дозаправки. Литров двадцать хватит. В Угута никто не должен знать, что я приеду. Появлюсь ночью, в темноте вместе и уедем. Вернёшься назад один. Всё понял? — спросил меня хранитель духа.

— Всё, — кивнул я головой.

— А теперь я тебе расскажу одно старинное хантейское предание. Его знают только некоторые шаманы. В основном, потомки северных родов, — пошевелил палкой горящий костёр Лисак Павлович.

Глава 24. Сказание о гибели мира

— Случилось это очень давно, — начал хранитель своё повествование. — Как говорит легенда, несколько десятков тысяч лет назад. Тогда, когда здесь в Сибири леса росли только вдоль рек, а все остальные просторы занимали широкие холодные степи. Моховых болот тогда не было. Везде росли одни только травы и мелкий кустарник. На тех пастбищах паслись табуны диких лошадей, бизонов, туров, огромных оленей и мамонтов.

«Это уже не легенда, — подумал я про себя. — А научный экскурс во времена плейстоцена».

— Людей на этой земле, — показал вокруг себя рукой рассказчик, было очень мало. В основном здесь обитали лохматые мангики и «тунгу».

— Мангики, я знаю, кто такие, а что из себя представляют «тунгу»?

— То же лохматые, но небольшого роста. Их сейчас очень мало. И живут они в наше время, в основном, в горах. За Енисеем на плато Путорана и далее на восток. Знаешь, кто такие неандертальцы?

— Конечно! — удивился я вопросу.

— Скорее всего, это и есть «тунгу». И вот однажды далеко на севере, — продолжил свой рассказ Лисак Павлович, — разгневанный Номи Торум сумел разжечь небо. Зачем он это сделал, никто толком не знает. Но есть одно полузабытое предание, в котором говорится, что божество сильно обиделось на переселившихся на Землю с одной из звёзд небесного Лося** людей. Те люди далёкого прошлого поставили свои юрты под Полярной звездой. Вот над их жилищами и стало гореть небо. Несколько лет пылали северные небеса. Сколько ни пытались люди далёкого прошлого их погасить, так у них ничего и не получилось. Тогда часть из них ушла под землю. А другая стала переселяться на юг, на суровые и холодные просторы Сибири. Но земли эти были уже заняты: дикие злобные «мангики» и низкорослые, но очень сильные «тунгу», встретили переселенцев враждебно. Началась долгая и упорная война. В этой тысячелетней войне победили люди «далёкого прошлого». Они были сильнее своих противников вооружением и организованностью. И вот, пришельцы дошли до далёких южных гор. Вся Сибирь теперь стала их краем — новой родиной. Лохматые же люди вынуждены были уйти в горы, в пустыни и под землю. Они и сейчас там живут и редко попадают на глаза. Шли тысячи лет, «люди далёкого прошлого» научились разводить лосей и оленей, они приручили лошадей и даже мамонтов. На всей Земле был тогда один язык. Тот язык, который их предки принесли с собой с одной из звёзд. Тебе известно, Гера, какой на Земле язык самый древний? — прервал хантейский шаман свой рассказ.

— Говорят, что древнееврейский, во всяком случае, так утверждают сионисты, — засмеялся я.

— Зачем ты мне про психически больных напоминаешь? Говори, знаешь или нет?

— Наверное, санскрит? Так доказывает наука.

— Санскрит мёртвый язык, он не в счёт. К тому же, от какого языка он происходит?

— От древнерусского, — сдался я. — Из него и вышел санскрит и древнеиранский и языки европейские.

— Хитрец же ты! Меня провести захотел? Только тот является настоящим шаманом, который владеет серьёзным знанием. Тогда он способен понимать духов. Духи очень мудры. Чтобы с ними общаться, надо многое знать, — прочёл мне короткую лекцию Лисак Павлович. — Теперь ты понимаешь, о каком языке идёт речь?

— Понимаю, — сконфузился я. — Прости Лисак Павлович, больше так шутить не буду.

— Это была не шутка, а проверка, ну да ладно — слушай дальше. Многие тысячи лет на земле между родами «людей далёкого прошлого» царил мир. Был один язык, одна культура. И всего тогда хватало: и рыбы, и мяса. А людей на Земле было немного. Счастливо жили среди равнин и гор Сибири «люди далёкого прошлого».

— Наши с тобой предки! — от радости мне захотелось запеть.

А он продолжал:

— На берегах рек они строили свои города, по водоразделам прокладывались кочевые дороги. О дорогах ты уже слышал. Умели «люди далёкого прошлого» делать отличные большие лодки и корабли. На них они пускались в дорогу не только по рекам, но и по далёкому северному морю. Впоследствии, через много лет такие лодки научили они строить хантов — «хетагур», бывших степняков-скотоводов. Но чем богаче и счастливее жили на землях Сибири «люди далёкого прошлого», тем больше злился на них Номи Торум. И решил он однажды посеять вражду между дружественными родами. Для этого вызвал к себе Торум своих верных слуг: Лебедя, Гуся, Медведя и Орла, и велел им отправиться на Землю к «людям далёкого прошлого». Каждый из слуг-наставников должен был научить счастливых обитателей Сибири своему языку и своим обычаям. Чтобы забыли «люди далёкого прошлого» свой родной язык и свою культуру. Когда такое произойдёт, то по замыслу Номи Торума, они, эти обманутые, должны начать между собой непримиримую вражду.

— Постой! — остановил я рассказ ханта. — Легенда — не в бровь, а в глаз! В ней показана древняя сатанинская технология разделения. Интересно, какое подлинное имя у вашего Номи Торума?

— У тебя на плечах голова есть? Вот и думай! — разглядывая огонь, сказал шаман. — А моё дело тебе передать то, что ты обязан знать.

— И что же дальше? — поинтересовался я.

— Древняя легенда гласит, что посланный Торумом Гусь сел на озеро в тундре, Лебедь опустился на одну из пустынных рек, Медведь очутился в кедраче у озера, а Орёл сел на скалу в далёких южных горах. С великой радостью встретили посланников Торума «люди далёкого прошлого». В честь их на высоких ярах и на священных местах загорелись костры, люди дарили гостям дорогие подарки, пели им песни и водили вокруг них хороводы. Видя такое дело, посланники божества отказались выполнить его приказ. Вместо того, чтобы учить людей ненавидеть друг друга, они рассказали им о замысле Торума и просили их не следовать его советам. Ещё учили посланцы бога «людей далёкого прошлого» чувствовать приближение зла и не верить лживым словам. Говорили, что скоро грядёт эпоха разделения. И чтобы люди были к ней готовы. Видя, что все его планы порушены, страшно разгневался Номи Торум на своих посланников. Ужасным громом разродился он с небес, созывая к себе своих неверных слуг. Но не послушали небесное божество Гусь, Лебедь, Медведь и Орёл. Не захотели они возвращаться к злему своему хозяину. И тогда, придя в ярость, сорвал Номи Торум с неба самую большую пылающую звезду и бросил её на людей и на своих непокорных слуг. С рёвом понеслась к Земле горящая звезда. От её нестерпимого жара загорелись леса и закипели реки. В ужасе бросились «люди далёкого прошлого» к своим Друзьям и пришельцам с неба, прося их о помощи. И тогда подняли навстречу падающей звезде свои богатырские луки слуги Торума и одну за другой пустили свои стрелы. Четыре стрелы вонзились в падающую смерть. И распалась горящая звезда на множество мелких осколков. Обрушились они огненным дождём на истерзанную Землю. И погасли на её равнинах, в реках и озёрах. Видя, что ничего не произошло ни с людьми, ни со слугами, ещё пуще рассвирепел Номи Торум, захотел он обрушить на Землю... Луну. Сорвал он её с небосвода и замахнулся, чтобы бросить — пошли тогда на Земле великие волны, стали они топить и заливать сушу. Зашаталась Земля под напором воды, затряслась как раненое животное.

Но не дали бывшие слуги Торума бросить Луну на Землю разгневанному богу. Обратились они к Светилу за помощью. Попросили они Солнце вступить за род Людской. И услышало оно их просьбу. Вонзило Светило свои светлые лучи-копья в разбушевавшегося Торума. И пустился он прочь от Земли на край звёздного урмана. Луну же поставило Солнышко на старое место. Схлынули воды с пустынной Земли опять в океан. Но немного уцелело от рода человеческого. Много погибло людей в волнах потопа. Но благодаря своим друзьям и заступникам, большая часть «людей далёкого прошлого» выжила. Эти люди впоследствии и двинулись на юг подальше от выжженной земли, поближе к спасительному Солнцу. А на их место пришли племена с юга, — закончил свой рассказ Лисак Павлович.

— Ты не шаман, — посмотрел я на ханта. — А настоящий друид. В том, что ты сейчас мне поведал, имею в виду миф, скрыта гигантская информация.

— Интересно, какая? — улыбнулся Лисак Павлович.

— В предании сказано о приходе «людей далёкого прошлого» из космоса. С одной из звёзд созвездия Большая Медведица, — начал перечислять я. — Говорится, что они поселились под Полярной Звездой на севере. Потом — этот Номи Торум. Похоже, его именем назван древний эгрегор смерти. То же самое, что современный иудо-исламо-христианский.

После моих последних слов Лисак Павлович заёрзал на своём месте.

— Где, интересно, ты такие глубины постиг? — невольно вырвалось у него.

— Места знать надо! — улыбнулся я. — Идём дальше: этот убийца-эгрегор организовал первую великую войну. Над Орианой-Гипербореей горело небо. В мифе ничего об этом нет, но также небо горело и над Атлантикой. Там располагалась тогда древняя доплатоновская Атлантида, соперница Северной цивилизации. Война заставила ориан переселиться на Большую землю. В мифе они названы «людьми далёкого прошлого». Переселенцы вытеснили с севера Евразии архантролов, создали своеобразную цивилизацию, очевидно, каменного века. Собственно, они и есть, так называемые, кроманьонцы. Но потом эгрегор смерти опять заработал. Кто такие его посланцы: эти Гусь, Лебедь, Медведь и Орёл? В их названиях что-то зашифровано? Может быть ты, как друид, знаешь? — спросил я Лисака Павловича.

— Честно слово, не знаю. Это стоит выше моего понимания. Ясно одно — посланцы тёмной стороны, но почему-то принявшие светлую сторону.

— Будем считать, что агенты оппонентов, — сказал я.

— Из Атлантиды?

— Скорее всего так. Их отступничество и погубило в конечном счёте тёмный эгрегор. Может быть светлыми с самого начала так было задумано, — размышлял я. — Вместо курса на разложение и конфронтацию, они взяли курс на созидание. А потом не захотели вернуться. Этим вот поступком и была спровоцирована вторая война, та, которая погубила к этому времени и платоновскую Атлантиду, и Ориану-Гиперборею. В мифе прямо указывается на применение против Сибирской Руси Космического оружия. Возможно астероид развалился от удара об атмосферу. Но если вспомнить богатырские стрелы, то получается, что от удара какого-то сверхмощного оружия. Может и от атомных ракет, запущенных с территории Сибири.

От моих слов у Лисака Павловича загорелись глаза.

— Молодец, мыслишь в корень. Я тоже так думаю.

— А вот с Луной неясно, — задумался я. — Может основная борьба между империями началась на ней, и наш естественный спутник стал менять свою орбиту? Из-за этого и начался Всемирный потоп? А может начало работать сейсмическое оружие? Поэтому океаны начали заливать сушу, а Луна сместилась со своего места. Это пока трудно объясняется, — вздохнул я.

— А роль Солнца? — спросил шаман.

— Наверняка, это объяснить можно, — подумав, сказал я. — Здесь показали оккультный

поединок между эгрегором смерти и эгрегором жизни. Солнце победило осатаневшего Номи Торума и он сбежал на край Вселенной.

— Чтобы потом снова вернуться? — спросил Лисак Павлович.

— Разгромленный эгрегор уже не вернулся. Если и вернулась, то незначительная его часть. Чтобы здесь, на Земле, обрасти новой силой. Его ведь заново создавали! Тысячи лет над ним трудилось тёмное Жречество. Ты ведь это знаешь, не хуже меня, — обратился я к шаману.

— Да, знаю, — бесстрастно ответил он. — И сейчас его всё ещё укрепляют. Он их надежда, та сила, от которой «они» получают свои злыдни — имею в виду материальные блага.

Шаман на несколько секунд замолчал.

— Скажи мне, Лисак Павлович, миф, что ты мне сейчас рассказал, ведь не хантейский? — спросил я его. — Его составили для будущих поколений те самые «люди далёкого прошлого», так?

— Так, — ответил хантейский друид. — Предание это на самом деле не хантейское. Оно досталось хантам по наследству. А подлинные его хозяева те, кого ханты называют людьми «аус-ях», или верховскими богатырями. Потому что со временем они ушли в верховья рек. И оттуда в эти края, на свою древнюю родину, приходили брать дань.

— У тех, кого когда-то пустили?

— Да, у тех кого пустили когда-то на север Сибири, — кивнул головой шаман. — О похождениях верховских богатырей я могу тебе рассказывать предания неделями. Тебе их не переслушать. О них знают и наши соседи ненцы и томские селькупы. Всем от них досталось. Пока не пришли в Сибирь из-за Камня русские Московиты.

— А на каком языке говорили верховские богатыри? — спросил я Лисака Павловича.

— На сибирском диалекте древнерусского. Кроме того, они знали ещё и язык татар и наш язык. Лабазы верховских и сейчас можно найти в тайге.

— Мне пришлось, — улыбнулся я.

Глава 25. Род Ворона

— Мне вот что тебе хочется поведать, — следя за подымающимися в ночное небо искрами, сказал хантейский друид. — Та земля, откуда пришли в Сибирь «люди далёкого прошлого», сразу не опустела. Это в легенде говорится о том, что часть её населения ушла под землю, а другая переселилась на юг. На самом деле, были и те, которые остались. Они смогли защитить себя от небесного огня и ужасных волн потопа. Прошло немало времени, прежде чем те люди покинули свою прародину. Отступить на юг их вынудило начавшееся наводнение. Предания рода Ворона начинаются с того, что беда пришла из глубины моря. Вода начала своё наступление на землю звёздных людей после Великого похолодания. Сначала под воду стали уходить равнины, потом пришла очередь и холмов. Погружались в пучину города и селения.

— Неужели в предании рода Ворона, так прямо говорится о городах? — усомнился я.

— Говорится, Гера, говорится, — спокойно, без раздражения, сказал Дрсак Павлович. — В легенде о наступлении Великой воды сказано и другое: о том времени, когда люди не жили ни племенами, ни родами. И даже больше — о древней звёздной эпохе, когда люди умели летать до звёзд.

— Вот бы услышать этот цикл преданий! — посмотрел я вопросительно на шамана.

— И услышишь, но всему своё время. Его же у тебя сейчас нет. А пока я попробую передать главное, чтобы ты знал, кого тебе надо найти, чтобы постичь прошлое. Без знания прошлого человек слеп. Только на нём можно построить будущее. Зачем нужно заново изобретать то, что люди когда-то хорошо знали? Однако, изобретают, потому что не знают прошлого... Этот вот англичанин Дарвин придумал, что человек произошёл от обезьяны. Даже «мангики» и «тунгу» не являются потомками обезьян. Скорее наоборот — от них появились современные шимпанзе и гориллы. Брошенный камень всегда катится с горы вниз, а не наоборот. Так и человеческий род. Если его не вести, не тратить на это силы, он своим внутренним покатится подобно камню вниз. А так как внутреннее всегда связано с внешним, то со временем обростёт Шерстью. Потому людям и не дают истинного знания о прошедшем, чтобы мы на примере обезьян не знали, что нас ждёт.

— Ты считаешь, что человечество уже «отпущено», что духовный вектор силами тьмы уничтожен? — спросил я хантейского друида.

— Безусловно, Гера. Незаметно для людей произошла полная переориентация Сознания. Для большинства накопление материального стало в жизни главным. О духовном пути люди забыли. Животные, как ты знаешь, тоже заботятся только о том, чтобы поесть, и чтобы гнездо было потеплее. Так что камень брошен. И он катится вниз. Но давай, вернёмся к моему рассказу.

Сравнение инволюции современного социума с катящимся под горку камнем, которое привел в своём рассуждении шаман, удивило.

«До чего же точно подметил! — подумал я. — И над теорией Дарвина посмеялся. По его представлению, древние расы людей породили на Земле обезьян... Вот, что значит эзотерическое знание! А наши именитые академики? Шаманы понимают суть жизни, а они нет... До них никак не доходит!»

А между тем Лисак Павлович продолжал:

— Видя, что родная земля медленно и неуклонно опускается под воду, люди приняли решение её покинуть. Но это явилось для них самым тяжёлым испытанием. Дело в том, что от низких температур вода, наступающая на сушу очень скоро превратилась в лёд. Со временем, надвигающаяся со стороны океана ледяная стена становилась всё выше и грознее. Теперь уже главной бедой была не вода, а ледяная ловушка, стены которой напоздали на сушу со всех

сторон. И людям, чтобы покинуть гибнущий континент, надо было преодолеть эти чудовищные ледяные преграды. Вот почему после первого великого исхода, когда были заселены все земли, — рассказчик жестом показал в сторону леса. — На пустынные дикие берега Оби, Енисея и других рек, а также на Урал-Камень стали проникать не тысячи и даже не сотни, а горстки измученных стужей и голодом людей. Все остальные нашли свою смерть во льдах океана. Но то были люди совсем другие. Они принесли с собой великие знания, а также книги.

— Ты не ошибаешься, Лисак Павлович? О каких книгах ты ведёшь речь, неужели такое возможно? — заволновался я.

— А почему нет? — улыбнулся шаман.

— Ну и где эти книги? — задал я новый вопрос.

— В надёжных местах, под землёй. Иногда ханты их находили и даже хранили эти книги в своих лабазах. Но со временем, на воздухе они превратились в труху, — погрустнел рассказчик. — Поэтому хантейскими и самоедскими шаманами было принято решение никаких курганов больше не копать. Особенно после похода в Сибирь московских властей и попов.

— Мудрое решение, — заметил я.

— Да, мудрое, — согласился со мною шаман. — Иначе бы все книги давно повыкопали и передали попам. А потом и власти продали бы их за границу. В Московии власть всегда была продажной, так уж заведено.

— А кто-нибудь знает в наше время о древних книгохранилищах? — спросил я.

— Конечно знает, — не моргнув, кивнул головой Лисак Павлович. — Только не ханты, и не самоеды, и даже не старообрядцы.

— Тогда кто же? — удивился я.

— Потомки хранителей первой и второй волны переселенцев. Только им известны тайны Сибири, Севера Европы и Америки.

— А ты уверен, что они, эти жрецы или шаманы, до сих пор живы? — с надеждой в голосе спросил я.

— Конечно, уверен! С одним таким мне посчастливилось даже встретиться. Мы разговаривали с ним, вот как с тобою, всю ночь. Пришёл ко мне по делу, а когда мы его закончили, он снова исчез. Интересно, что предупредил о своём визите во сне. И сила от него шла также как и от того, кем ты прикрыт.

— Хочешь сказать, что нечеловеческая? — припомнил я выражение.

— Да, нечеловеческая, — согласился шаман. — Этих людей в среде сибирских шаманов называют хранителями мест силы. На самом же деле они хранители древних кладов. Но речь идёт не о сокровищах, Гера.

— Понятно, — кивнул я.

— Что же дальше? — продолжил Лисак Павлович свой захватывающий рассказ. — Часть людей, из второй волны переселенцев, смешиваясь с теми, кто пришёл сюда раньше, двинулась на Солнце, но большая группа людей осталась. А когда через несколько тысяч лет на эти земли стали подкочёвывать с юга самоеды и угры, они стали и тем, и другим помогать жить в условиях севера. Это они научили предков угров и самоедов шить добротную зимнюю одежду, ловить рыбу и разводить охотничье-ездовых лаек. А позднее и домашних оленей. Но не успели ненцы расселиться со своими стадами по тундрам, а обские угры освоить рыбные места на реках, как с севера пришла третья волна переселенцев. Откуда они взялись? И вообще, как они смогли столько лет бороться за жизнь в сплошных льдах и в условиях полярной ночи? О жизни этой последней группы белой расы под Полярной звездой смутно повествует всего одна легенда рода Ворона. Но ей верить сложно. В мифе говорится, что голубоглазые и светловолосые люди севера долгое время жили на бескрайней ледяной равнине. Летом они добывали себе в море китов,

моржей и тюленей, а зимой, забравшись в снег впадали в спячку, как бурые медведи. Но со временем, на север пришло тепло и их ледяная равнина начала таять. И тогда начали они переселяться на острова, а с островов и на материк. В ужасе увидели предки самоедов пришедших с севера бородатых огромных богатырей. Но бородатые их не тронули, они стали расселяться по рекам на юг, туда, где жили в своих городах их кровные братья. Часть этих людей, постепенно смешавшись с северными хантами, забыла свой язык, но сохранила древнее предание об исходе с сурового севера. Из той смешанной группы и возник род Ворона, чьи легенды я тебе сейчас рассказал.

— Значит, было три волны переселенцев? — уточнил я.

— Может и больше. Я говорю только то, что знаю, — подкинул в костёр сухого валежника Лисак Павлович.

— Ты не можешь мне вкратце сказать, что случилось с европеоидным населением Сибири?

— С теми, что пришли с севера и расселились по берегам рек?

— И не откочевали на юг и на запад, — уточнил я.

— Могу, конечно, но уж шибко грустный рассказ получается.

— Ничего, как-нибудь выслушаю, — сказал я.

— Это сейчас хантов где-то одиннадцать тысяч, а манси, если мне не изменяет память, пять. Примерно также и ненцев. Эвенков, долган и чукчей тоже очень мало. Только якутов полмиллиона. Тогда, в те далёкие времена, все пришлые с юга народы составляли совсем немного — может тысячу, может две, и только подлинными хозяевами севера и Сибири были по-нашему железные «аус-ях», по-селькупски «квели», а по-эвенкийски — «эндри». Они жили по берегам рек в деревянных больших городах, ловили рыбу, охотились. На севере разводили оленей, на юге лошадей.

— В глубокой древности, предположительно, и мамонтов, — вставил я.

— Верно, есть в хантейских и ненецких мифах указание и на это, — кивнул головой шаман. — Кроме того, железные «аус-ях» выращивали ячмень, а местами и рожь. Их было много, очень много. Десятки тысяч, а может и больше. Потому наши общины предки и пустили на свои земли маленькие забитые сильными южными племенами народы. Точно так же, как когда-то Россия пустила калмыков... Именно отсюда, из Сибири шло завоевание степи и далёких южных гор. Отсюда шло завоевание и Урала, и Европы. Север Восточно-Европейской равнины тоже был заселён в своё время выходцами с погибшего континента, но в связи с тем, что там другой климат, исхода к югу не было. Весь север Европы от Урала до Балтики был заселён людьми, которые в русских летописях упоминаются, как чудь белоглазая. Их продажные историки относят к финно-уграм. Но это были и не финны, и не угры, а потомки северного народа, которые впоследствии стали называться на западе словенами и кривичами, а на востоке поморами, ладожанами, белозёрцами и владимирцами... С севера Европы была заселена только Скандинавия, а с юга Сибири вся остальная Европа, вплоть до Испании.

Я слушал шамана и не верил своим ушам. Лисак Павлович оперировал географическими терминами, названиями рек, озёр, как будто он всю жизнь читал лекции по истории в каком-нибудь вузе. В трёх словах шаман рассказал, каков был хозяйственный уклад у голубоглазых властелинов севера, чем они жили, куда расселялись и какие земли завоёвывали. А рассказчик тем временем продолжал:

— Здесь на севере, в лесостепной зоне Урала и Сибири ещё за тысячи лет до прихода в Среднее Приобье предков хантов и самоедов, возникло первое после потопа великое царство. Из него и шло движение, как на юг, в сторону Индии и Китая, так и на запад, в сторону Европы. После гибели этого царства, на его руинах через сотни лет возникло государство второе.

— Постой! — остановил я шамана. — А ты не скажешь, почему погибло первое царство?

Есть что-нибудь на эту тему в ваших преданиях?

— В сказках и песнях хантов о гибели первого объединения племенных союзов белой расы ничего нет. То было давно и далеко где-то на юге. Но вот в легендах зырян кое-что есть.

— Ты что же интересуешься ещё и преданиями народа коми? — удивился я.

— Они же наши соседи, на севере в лесотундре их полно. С восточного Урала зыряне ещё сто лет назад вытеснили и манси, и ненцев. Тут волей-неволей будешь ими интересоваться. А потом, мифы коми можно найти и в книгах. Но я не о книжных мифах. Одна старая сказительница много лет назад мне поведала, что предки коми пришли на Урал с юга, спасаясь от великой войны. Судя по тому, что зыряне на севере живут очень давно, можно предположить, что их уход был связан с гибелью того первого царства.

— Конечно! — сказал я. — Но у меня опять возник вопрос. Если то великое царство белой расы на земле было единственным, с кем оно могло воевать?

— Получается, что у него был враг. Враг в нём самом, — поднялся со своего места Лисак Павлович. — Как правило, великие империи гибнут не от внешних врагов, а от внутренних смут. Вспомни тот же Рим? — повесил он на таган свой котелок.

— Его что, варвары разрушили?

— Он сам себя погубил.

И тут у меня всплыла в памяти Махабхарата. Поэтическое изложение о гибели единой величайшей на Земле империи. Уж не о том ли блистательном гигантском царстве братьев Пандавов упоминается в мифе обских угров? Тем более причиной гибели его стала гражданская война. Сколько же лет тогда этому преданию?

— Ты, Лисак Павлович, упомянул, что на руинах первого царства возникло второе? — снова обратился я к рассказчику.

— Да второе, но оно тоже, со временем, погибло как и первое. Потом где-то на востоке Сибири возникло третье царство белого голубоглазого народа. Та империя не погибла, а переселилась целиком куда-то за Урал на запад. В его состав и входили предки обских угров. Тогда их вожди отказались идти в неведомое. Они решили остаться со своим народом на Камне. Ты должен знать, что большая часть хантов на Оби пришла с восточных склонов Урала, — пододвинул ко мне кружку с налитым чаем, рассказчик.

— Я это знаю, Лисак Павлович, но мне интересно, как смогли люди сохранить память о таких далёких временах, ещё и в чёткой последовательности? Чего не найти ни в одном учебнике истории!

— То что не найти ни в одном учебнике — это правда! — согласился со мною шаман. — А что касается человеческой памяти, да ещё в поэтической или сказочной форме, то она может сохранять подлинные события на протяжении миллионов лет. Есть немало подтверждений этому. Но у нас другая тема, поэтому не перебивай и слушай. На смену третьему царству через некоторое время на юге Сибири поднялось царство четвёртое. Именно со стороны четвёртого царства и начались походы на север верховских богатырей. Часть железных людей оставалась со своими кровными родственниками на Оби и её притоках. Другая часть снова возвращалась в южные степи, чтобы через год-два опять нахлынуть на север. С верховскими богатырями пришла к нам война. Она длилась до гибели четвёртого царства.

— А почему погибло четвёртое царство? — задал я вопрос.

— По причине междоусобиц, — усмехнулся моей наивности шаман. — Кто мог эти могучие империи погубить? Таких сил на Земле в те времена не было. Царства разрушал раздор. Борьба за власть между тойонами... Пятое царство было последним. Оно опять объединило под своей властью всю землю, но во время его верховские богатыри на север с войной уже не хаживали. Народы Сибири платили ему дань пушниной и торговали с его купцами. При нём наступил

долгожданный мир. Через несколько веков внутренняя смута погубила и это царство. К тому же из пустынь на его земли прикочевали южные дикие народы. Со временем они и стали расселяться по Сибири.

— Ты кого имеешь в виду? — спросил я Лисака Павловича.

— Предков якутов, тувинцев и бурят. Сюда можно отнести и алтайцев.

— А что стало с белой расой, с теми, кто остался в своих городах и сёлах на берегах сибирских рек?

— Из лесостепи, во времена империи, сметая всё на своём пути, железные люди устремились на запад. Назад вернулось их совсем немного. А те, что возвращались, ввязались в междоусобицу, в войны на юге и на востоке. А потом началась эпоха смешения белых с людьми жёлтой расы. Так и получились сибирские татары. Белые же люди севера никуда со своих рек не уходили. Они веками жили в своих крепостях и городах на ярах, рядом с хантами, манси и тунгусами. После гибели пятого царства предки современных челдонов создали по всей Сибири свои княжества и стали собирать с угров, самоедов и тунгусов дань пушниной.

— Так выходит, что чел доны, коренные русские сибиряки — потомки «аус-ях»? — задал я очередной вопрос шаману.

— Зачем спрашиваешь, если и так знаешь? — покачал он головой. — Со старого сибирского диалекта «чел-дон» переводится как «человек реки». Белые голубоглазые потомки «аус-ях» на реках и жили. Ещё их называют кержаками, это за привязанность к старо-сибирской или древнерусской традиции. Потом кержаками стали обзывать старообрядцев.

— А как перевести с древне-сибирского диалекта слово «кержак»?

— Оно, это слово, состоит из трёх слов, — подумав, сказал Лисак Павлович. — «К» — одно, «ир» — второе, «жа» — третье. Теперь попробуй сам перевести.

— «Ир» — наверное указывает на Ирий — древнерусский рай, — сказал я. — С «К» тоже понятно. А что означает слово «жа»?

— Есть в русском языке синоним слова «любить» — слово «жалеть», — улыбнулся шаман. — Теперь понял?

— Понял! Получается, что-то вроде любящий Ирий или стремящийся к Ирию...

— Точнее, идущие путём своего божественного духа к высшему, — уточнил Лисак Павлович.

— В нашем обыденном понимании кержак обозначает что-то заскорузлое и несовершенное, на самом же деле всё иначе.

— Да, как видишь, иначе. Но я ещё не рассказал, что произошло с нашими сибирскими чёлдонами-кержаками впоследствии.

— Что же? — посмотрел я на шамана.

— Как ты уже понял, чёлдоны от своей древней северной религии не отказались. Поэтому они автоматически стали врагами и христиан, и мусульман. На востоке только буддисты к ним относились по-дружески, понятно, что хорошо к сибирским русам относились мы, русские угры, а также ненцы, тунгусы, якуты и одулы-юкагиры. Сибирское же ханство, как мусульманское государственное образование, сразу же после своего возникновения объявило войну русской Сибири. Но та война для него сложилась неудачно. Именно по этой причине искерские князья Алей и Бекбулат начали искать поддержки у царя Ивана Грозного. Боясь удара язычества Сибирской Руси с востока, они и послали своё посольство с просьбой о принятии их государства под высокую царственную руку. В плане обоих ханов было объединёнными усилиями Москвы, Тюмени и Искера разгромить своего языческого противника и подобрать под себя его земли.

Слушая рассказ ханта, от волнения я даже встал. Мои уши отказывались верить. Шаман говорил такие вещи, о которых я никогда нигде не читал и не слышал.

— Но царь Иван Васильевич, — продолжил хантейский друид, — понял замысел сибирских ханов и сделал вид, что помочь им в этом деле не может. Тогда Алей с Бекбулатом отправили своё посольство на юг в Бухару и попросили эмира прислать им помощь. Кроме того, по их просьбе две казахские орды двинулись против сибирских русских княжеств через степи Алтая. Но обе эти армии Сибирской Русью были вскоре разгромлены. А пришедший из Бухары в Искер Кучум, прежде чем начать войну с язычниками убил и Алея, и Бекбулата. Новому хану эти двое стали теперь не нужны. Очень скоро Кучум подчинил себе все татарские улусы, смял оппозицию в Искере и начал войну с союзниками Сибирской Руси — обскими уграми. Но больших побед в этой войне бухарский ставленник не добился. Хантам и манси помогли их союзники — сибирские русские князья. Армия Кучума достигла успеха только на восточных склонах Урала. Там ему подчинялись Каменские манси. У сибирских русских князей на Урале были надежные союзники — я имею в виду купцов Строгановых. Эти купцы всю торговали с Сибирской Русью.

— Подожди! — остановил я жестом ханта. — Ты знаешь имена, о ком говоришь, имена тех самых русских князей?

— Конечно! — удивился моему вопросу Лисак Павлович.

— Тогда почему ты ни разу их мне не назвал?

— А зачем? Ты всё равно о них нигде не прочтёшь. Этим имён нет ни в одном историческом справочнике?

— Просто я хочу их услышать. Понимаешь, для себя.

— Тогда слушай. По Оби самым сильным из них был Иван Таюн. Ему подчинились русские чёлдоны, карагасы, томские зушгинцы и обские селькупы. Это про него сочинили сказку о князе селькупов Боне, который командовал «Пегой ордой». А его сын под именем князя Тояна попросил придти русских казаков на Томскую землю.

— Получается, что русская элита управляла томскими татарами? — задал я глупый вопрос.

— Своя бы чужаков на свою землю не пригласила, — засмеялся шаман.

— А откуда правил этот Иван Таюн, как называлась его столица и где она была?

— Звалась она Грасиной, стояла где-то по Оби, но, по легенде, недалеко от древнего разрушенного стольного града.

От слов рассказчика, я потерял дар речи!

— Знаешь, я её видел, был на валах! — пришёл я, наконец, в себя. — Сначала не мог ничего понять, почему рядом находятся две крепости? Про древнюю столицу Грасиану я знал, про вторую слышу от тебя впервые.

— У Ивана была ещё одна столица где-то недалеко от устья Кети. На том месте впоследствии возник Нарымский острог. Иногда старинные сибирские города с согласия их жителей царские власти превращали в административные центры.

— Потому с такой небывалой скоростью по Сибири остроги и строились! — догадался я.

— И вся Сибирь была присоединена к Московии за каких-то сорок с лишним лет, — добавил Лисак Павлович. — Вторым сильным сибирским князем был Пуркей Обдорский. Ему подчинён был весь север.

Начиная от Урала, кончая рекой Енисеем. Это его воины не пустили армию Кучума дальше реки Демьянки и остановили грабительский поход сподвижника Ермака, Брязги в устье Иртыша. Про других князей я не буду рассказывать, займёт слишком много времени. А про этих, я думаю, ты где-нибудь да услышишь. Всё равно о них кто-нибудь вспомнит.

— И на этом спасибо! — поклонился я шаману. — Кое-что лучше, чем совсем ничего.

— Ты понимаешь, что толкнуло купцов Строгановых направить на борьбу с Кучумом Ермака Тимофеевича?

— Наверное, решили прибрать к своей вотчине на Урале ещё и часть Сибири? — высказал я своё предположение.

— О Сибири купцы не думали. Им того, что получили на Урале вполне хватило. Строгановы стремились сокрушить «мусульман» Искера для восстановления нарушенных торговых связей с чёлдонами Сибири и местными инородцами. Ты должен знать, что чёлдонские князья брали с обских угров, самоедов и тунгусов ясак пушниной для торговли. Они торговали соболями с Китаем, Средней Азией и Русью. Сибирские меха через Строгановых по Волге и Каспию уходили в Персию, Турцию и Индию. А Кучум со своими предшественниками нарушил торговые связи. И потом, Строгановы были людьми русскими и хорошо понимали, если в Сибирь не будет притока русского населения из-за Камня, то через некоторое время воины южных азиатов сомнут и растворят в себе последних сибирских русских. И тогда некого здесь будет спасать. К тому же, вся эта огромная земля может оказаться под властью либо джунгар, либо Китая. И тогда присоединить её к Русскому государству будет чрезвычайно трудно. Теперь ты должен понять ещё одну вещь — почему Ермак Тимофеевич, имея такую маленькую армию, всего около трёх тысяч казаков, сумел разгромить двадцать пять тысяч бухарцев! В учебниках пишут о превосходстве русского огнестрельного оружия. Ты видел мой лук?

— Видел, — кивнул я.

— Даже в наше время, когда высокая скорострельность у ружей, я люблю с ним охотиться. Знаешь, почему?

— Нет, — признался я.

— Не надо ни капсулей, ни гильз, ни пороха. Рана же от стрелы страшнее, чем от пули. Стрела парализует зверя, пуля нет. А в ту эпоху? Когда были кремнёвки и шомполки? Сибирское ханство завоевали не самопалами, а стрелами и саблями.

— Тогда объясни мне, Лисак Павлович, почему казаки Ермака Тимофеевича победили? — остановил я рассказчика.

— Победили они, потому что освобождали от мусульман-бухарцев свою родную землю.

— Что-то я не пойму? — удивился я.

— В хантейских преданиях и легендах тобольских татар говорится, что Ермак Тимофеевич был наследником одного Тавдинского русского князя, которого разорили местные тюменские мурзы и он вынужден был бежать со своим сыном на Волгу. Потому казачий атаман и знал все дороги на Урале и в Сибири. И не нуждался в проводниках. И половина его отряда была из сибиряков и уральцев.

— До меня это дошло, хотя и с трудом, — посмотрел я на шамана. — Но ведь их всё равно было очень мало.

— В том-то и дело, что немало. Не знаю, о чём глаголют ваши хвалёные исторические справочники, но в нашей легенде о Ермаке прямо сказано, что победитель Кучума ещё до своего выступления за Камень сумел известить о походе своих сибирских союзников, тех чёлдонов, которые оказались под властью мусульман. Они и пополнили его армию. У Ермака в битве при Искере или Кашлыке рати было около десяти тысяч, это одних только русских, не считая союзников манси и татар.

— Об этом нигде ничего не написано, — сказал я хантейскому друиду.

— И не мудрено, если ты у сибирского шамана получаешь знания о том, что известно каждому хантейскому ребёнку.

— Всё, о чём ты мне сейчас рассказал, есть в ваших сказках? — спросил я Лисака Павловича.

— Не только в наших, но и в татарских. О Ермаке Тимофеевиче много сложено. И песни о нём поют, и легенды рассказывают. На Иртыше, Оби и её притоках он стал почти святым. Его

именем ханты раньше даже клялись.

— То, что Ермак Тимофеевич по своему происхождению был сибирским князем, многое объясняет, — высказал вслух я свои мысли. — Прежде всего, становится понятным его отношение к местному населению не как к завоёванному, а как к своему собственному.

— При Ермаке ни тобольские татары, ни манси, ни ханты, тем более чёлдоны, не подвергались никаким притеснениям. Все они были равны между собой, один закон был для всех. Точно также как и в любом другом русско-сибирском княжестве, — закончил мою мысль хант. — Кучума в Барабинских степях настигли и окончательно разбили не Царские стрельцы, а местные сибирские русские, которым он насолил не меньше, чем Ермаку. Ваши сибирские летописи либо изменены, либо переписаны. Кое-какие выдержки я из той писанницы нашёл и прочёл, и не пойму, их писали дураки или вралы? — посмотрел на огонь Лисак Павлович. — Посадить бы их сюда, — показал шаман на костёр, — голой задницей и спросить, зачем всё это написали? Понимаешь, сразу после постройки Данилой Чулковым Тобольска по всей Сибири, от Урала-Камня до Байкала, начался подъём сибирского русского казачества. В служилые люди шли и омусульманенные русские. Но о тех и других в летописях написано, как о татарах. Хотя никаких татар среди сибирских казаков никогда не было. Их не брали на военную службу из-за боязни предательства. Дело в том, что в сибирские степи с юга рвались орды мусульман, джунгар и казахов. Это от них сибирским казакам приходилось ставить крепости. Интересные у вас летописцы, — засмеялся шаман. — С одной стороны они пишут, что сибиряки татар стали принимать в казаки, с другой — нигде не упомянуто ни одного татарского казачьего имени. Как это объяснить?

— Не знаю, — пожал я плечами.

— А я тебе объясню, чтобы скрыть от русского народа всякую память о Сибирской Руси. О пяти великих империях, которые возникали и набирали силу здесь на этой вот земле.

Я посмотрел на Лисака Павловича, глаза его горели, а лицо приняло жёсткое выражение.

— Ты когда-нибудь задумывался, почему джунгарский хан в XVII веке выселил из Минусинской котловины в Среднюю Азию енисейских кыргызов? — вдруг спросил меня шаман.

— Нет, не задумывался, а что тут особенного?

— Именно кыргызов, а не тувинцев или западных бурят?

— Что-то я пока не понял, на что ты намекаешь?

— А тут и понимать-то нечего — Минусинская котловина всегда была центром распространения Сибирской Руси на юг в Монголию и Китай, а также на запад.

— Вплоть до Испании? — спросил я.

— До Африки, — серьёзно сказал Лисак Павлович. — Поэтому на всякий случай её население и переселили подальше от продвигающихся на восток москвитов и их союзников. Чтобы народная память кыргызов не передала пытливым сибирским казакам информацию о великом прошлом этого края. Чтобы вы, русские, никогда не узнали из каких степей поднялось могучее воинство того, кого называют Чингисханом...

— Ты сейчас говоришь о пятом царстве?

— Да, о пятом, Гера. Пятое царство было последним. Оно ушло на Куг в далёкий Китай и на Запад — в Среднюю Азию, Иран и Европу. Ушло, чтобы воинской доблестью восстановить на земле справедливость.

«Ничего себе справедливость! — невольно подумал я. — Океан крови!»

— Ты наверное удивлён тому, что от меня услышал? — спросил Лисак Павлович.

— Не пойму, о какой справедливости ты говоришь?

— А ты вспомни, кем по вероисповеданию был Чингис-хан? И с какой великой бедой он на земле боролся?

— Ну с какой? С буддистами и конфуцианцами в Китае, с мусульманами в Азии и христианами в Европе, — припомнил я.

— С последователями ложных религиозных представлений сражались воины великого царя и полководца. С людьми, которые пустили в свои сердца ложь и с оружием в руках встали на её защиту. Я говорю тебе это не как язычник, а как видящий суть человек. Впрочем, у тебя может быть относительно пятой империи и своё мнение. Думаю, ты понимаешь теперь их демонический замысел?

— Если это не простая случайность, то переселение целого народа ради разрушения его духовной традиции — что-то в голове не укладывается!

— Однако это так! — погрустнел шаман.

— Неужели джунгары получили приказ о переселении кыргызов с Запада?

— Какая разница с Запада или с Востока? Разве это что-то меняет? Важно то, что получили, и духовное наследие своими репрессиями и переселением разрушили. В наше время среднеазиатские кыргызы уверены, что они ни откуда не переселялись. Всё забыто, так-то! — подкинул в костёр новую сушину рассказчик.

— А что стало дальше с сибирскими язычниками? — поинтересовался я. — Где они сейчас? Куда они подевались?

— Я же тебе сказал, что сначала чёлдоны составили сильное сибирское казачье войско. Его отряды разгромили казахов, потом джунгар, позднее на Усури и Амуре китайцев, потом корейцев и на Курилах японцев. Часть сибирских казаков попала с русскими купцами на Аляску. Ты это без меня должен знать. Их потомки, наверное, и сейчас там здравствуют.

— Почему ты не говоришь мне, куда делось остальное русское сибирское казачество? Что, есть какая-то тайна? — спросил я шамана прямо.

— Тайны никакой нет, просто не хочется тебя лишний раз расстраивать.

— Мы же с тобой договорились. Переживу!

— Когда все воины за присоединение Сибири к Русскому государству закончились, сибирским русским язычникам попами был предъявлен ультиматум: либо они принимают христианство, либо оказываются вне закона. Это произошло при Алексее Михайловиче Романове одновременно с Никонианской реформой. Делать нечего, часть казаков, скрепя сердце, приняла христианство. Другую же часть царские чиновники и попы стали жестоко истреблять. Причём убивали и женщин, и детей — всех под корень! Их города и сёла предавали огню. Очевидно, царской власти эта прослойка русского населения стала мешать.

— Интересно, чем? — поинтересовался я.

— Наверное, своим великим прошлым. Памятью о северной прародине... Чем же ещё! Всё это мракобесие началось при царе Алексее Михайловиче. Закончилось же при Петре I. Очевидно, цари выполняли заказ Запада. По-иному их поведение по отношению к своему народу не объяснить. Помнишь, когда началась Никонианская смута?

— В 1666 году, — сказал я.

— Цифра — 666 число зверя, каббалистическое число смерти. Нам известно, что в этом году начались репрессии против возрождения исконно русского православия и подмена его греческим. И число, и церковная реформа указывают на явный заказ. Но было ещё одно тайное предписание Запада. Почему тайное? Да потому что, официально христиане всех давным-давно убедили, что с язычеством покончено. Что их победа над ним состоялась. А тут на тебе, оказывается в Сибири живут себе и здравствуют нехристи! И не инородцы, типа нас, хантов, а чистокровные русские люди. Потому в сибирских летописях русских чёлдонов и называют татарами, тунгусами и якутами... Но шила, как известно, в мешке не утаишь. Запад внимательно следил за событиями на востоке России. И в 1666 году русскому царю было приказано очистить

свою землю и от христианства Сергия Радонежского, и, конечно же, от хранителей древней северной традиции. Возрождения последней Запад боялся более всего. Вот и началось: в России запылали тысячи костров, на которых сжигали старинные рукописные книги. А в Сибири стали гореть города и сёла чёлдонов. Хозяев же их хладнокровно расстреливали и вешали. Завершил это злодеяние царь Пётр I. В основном он и занимался русскими кержаками. Считается, что реформы Петра I унесли на хот свет треть населения России. На мой взгляд, намного больше. Ведь того, что происходило в его царствование в Сибири, никто не учитывал. Всё делалось тайно, без огласки. Вот кто уничтожил Русь Сибирскую, не китайцы и не монголы. Её искоренили свои же русские цари, — вздохнул Лисак Павлович.

— Да какие они были русские? — возмутился я. — Когда ненавидели свой же собственный народ и относились к нему как к порабощённой завоёванной нации. Взять ту же теорию норманизма, которая навязывает мнение, что государственность на Русь принесли скандинавы. Династия Романовых эту ложную антинаучную доктрину всегда поддерживала. Спрашивается, почему? Да потому, что не считала себя русской.

— Хорошо, что ты вспомнил о норманистской теории, Гера, — поднялся со своего места хантейский друид. — Я сейчас.

С этими словами Лисак Павлович направился к своему домику и через несколько минут вернулся с какой-то книгой.

— На, забирай, я тебе дарю, — протянул он мне её. — Она наверняка может тебе пригодиться.

Я взял в руки книгу.

— Это История Сибири Миллера, того самого, который изобрёл норманистскую теорию, — пояснил шаман.

Я взглянул на дату издания, книга оказалась вполне современной.

— Где ты её выкопал? — удивился я.

— Не спрашивай, она теперь твоя.

Как и предполагал Лисак Павлович, мы проговорили с ним всю ночь. Перед рассветом он посоветовал мне часа четыре поспать, а сам, сев в обласок, поехал на соседнее озеро проверить сети. Я лёг на нары, но спать не хотелось. Рядом со мною, лежа на лосиной шкуре сладко посапывал Петя, за окном гасли звёзды.

«Как интересно, — думал я. — Шаманы эвенков и хантов помнят о прошлом своего народа и этой земли, а мы русские всё забыли. Из нас с корнем выдирали тот институт сохранения информации, который называется летописными источниками, они, по убеждению «пасечника», не раз переписывались и переделывались не только в угоду той власти, которая пытается навязать свою волю всему земному социуму. Неужели среди нашего простого народа не осталось людей, сохраняющих из поколения в поколение древнее истинное знание? Маги-хранители, конечно, не в счёт. Речь не о них. Шаман упомянул в своём рассказе «чудь белоглазую». Людей, пришедших с севера, и заселивших Восточно-Европейскую равнину и Скандинавию. На Скандинавском полуострове их наверняка давно уже нет. — рассуждал я. — Вторая волна переселенцев из Азии во главе с легендарным Одином либо светлоглазых истребила, либо ассимилировала. Но они могли уцелеть на Русском Севере. Где-нибудь должны же сохраниться их группы. На Двине, Пинеге или среди коми-зырян на Печоре? Вот бы попробовать отыскать светлоглазых. Ломоносов считал, что чудь белоглазая — те же русские, только старожилы лесной зоны. Пришедшие с севера, а не с юга. А ведь у меня есть адрес в Архангельской области. Старик мне его оставил не зря. Может, он меня и приведёт к белоглазым? — подумал я, засыпая.

Глава 26. Пять сибирских царств

В Угут я приехал поздно вечером.

— Ну как, удачно съездил? — спросил меня директор заповедника, здороваясь.

Он сидел в моём доме, вместе с Гришей и Федей пил чай.

— Мы тебя как раз сегодня и ждали.

— А как вы узнали, что я именно сегодня должен приехать? — посмотрел я на них.

— Вчера какой-то Каюковский хант сообщил, что ты в юртах гостишь и ждать тебя надо сегодня, — сказал Игорь Иванович.

«Вот так чудеса! — подумал я. — Меня никто нигде последние четыре дня не видел, но знают обо мне буквально всё!»

— Ты на охоту поедешь? — спросил меня директор. — Если да, то пиши заявление на отпуск.

— Не поеду, — подумав, сказал я ему. — Дома уйма работы да и в заповеднике тоже.

Мои слова Игоря Ивановича удивили.

— Ну, как знаешь, — пожал он плечами. — Тут три дня назад Коля Кинямин в гостях у тебя был, к себе в ноябре на охоту звал.

— Не поеду, а потом какой я промысловик? Так, за столом поболтать, — засмеялся я.

— Тогда я пошёл! — раскланялся директор заповедника.

Когда Игорь Иванович закрыл за собой дверь, я обнял обоих братьев, и на их вопрос — удалось или нет — сказал:

— Всё нормально, парни, Грязин теперь останется с носом! А за помощь спасибо!

Как и предсказывал Лисак Павлович, через несколько дней осень закончилась, повалил снег и наступила зима. Все охотники — и ханты, и русские уехали на свои угодья. В посёлке остались только мы, работники заповедника, люди из администрации, учителя школы и те, кто работал в экспедиции. Но мне, несмотря на то, что некоторые мои знакомые уехали, скучать не пришлось. Работы хватало дома по хозяйству и в заповеднике. На работе я взялся за «Летопись природы», а долгие зимние вечера посвятил книгам. Мне хотелось понять, о каких сибирских царствах рассказывал хантейский сказитель? Народная память обских угров сохранила воспоминания о пяти великих империях белой расы. В преданиях хантов говорится и об их гибели. Причём вполне конкретно. Но как связать народные легенды с данными исторической науки? Если учесть, в чём я уже не сомневался, что очень многие факты в угоду политикам историки либо переписали, либо просто умолчали. Если предположить, что великая первая империя, о которой рассказывал Лисак Павлович, является той самой, о которой говорится в Махабхарате, то должно быть хоть что-то, хоть какой-то намёк в исторической литературе и на вторую империю, и мне мучительно хотелось его отыскать.

«Судя по ведической литературе, вторая империя, которую после победы на Курукшетре возглавили братья Пандавы, должна быть не менее могущественной, — рассуждал я. — И след от неё наверняка должен остаться».

И тут мне пришло в голову:

«А не является ли китайское предание о прибытии к предкам китайского народа великих Ян-ди и Хуан-ди тем самым следом? Это произошло, по подсчётам современных учёных, примерно 2400–2500 лет до н. э. Фактически в ту же самую эпоху, когда белая раса новой могучей волной заселила Закавказье, Переднюю Азию и Шумер. Ко всему прочему данные науки утверждают, что 2400–2500 лет до н. э. состоялось самое грандиозное переселение ариев на Иранское нагорье и Индостан. Что это, если не экспансия? Движение с севера на юго-запад,

юг и юго-восток — границ единой неведомой современному человечеству, могущественной арийской империи? Другое объяснение вряд ли можно отыскать. Дядя Ёша был абсолютно прав, утверждая, что намного проще захватывать опустевшие после ухода хозяев земли, чем вести завоевание новых. Если бы это были просто, пускай даже родственные племена, то они бы прежде всего вели борьбу за территории между собой. Как, например, италийские народы до образования Римского государства в Италии. Но здесь мы видим одновременно движение племенных союзов белой расы по всем возможным направлениям. Как такое можно объяснить? Случайность не подходит. Резкое изменение климата? Но тогда почему в разных направлениях, а не в одну какую-то приглянувшуюся сторону? Ответ может быть только один. Вторая, возникшая в Южно-Уральских и Сибирских степях из руин погибшей древней империи новая империя ариев стала раздвигать свои границы на потерянные во время смуты свои бывшие территории. Тем более, что на всех тех землях, начиная от Шумера и кончая китайской равниной, проживали племена белой расы первой волны переселения. На это указывают многочисленные археологические находки».

В том, что моя догадка верна, я нисколько не сомневался. Теперь сам себе я мог объяснить, почему древне-селькупские и кетские орнаменты совпадают один к одному с шумерскими. О совпадении орнаментов Нарыма и Шумера хорошо написала в великолепной монографии «Происхождение селькупов» (ТГУ, 1972 г.) доктор наук, этнограф Галина Ивановна Пелих. Но объяснить она этот феномен так и не сумела. Хотя и высказала предположение исхода шумеров из Сибири.

«Интересно, где же стояли древние столицы двух могучих сибирских империй? — думал я. — Конечно же, не на Индостане. В Махабхарате прямо говорится о великой степи. О том, как по бескрайней равнине бродит белый жеребец, а за ним следует войско Ютшхитхирь-царя и победителя битвы на Курукшетре. И все отпавшие во время великой смуты от центральной власти князья и цари при виде белого коня императора присягают Ютшхитхире в верности. Непокорных же наголову разбивает его армия. Но конь — всего лишь поэтический образ. На самом деле, с севера, раздвигая границы нового мощного арийского государства на юго-запад, юг и на юго-восток, двигались войска, а за ними волны голубоглазых и русоволосых переселенцев. Точно так же, как и во времена присоединения к Московскому государству Сибири: впереди шли воинские контингенты. К ним присоединились местные русские сибирские ассы, или казаки, за войсками продвигались на вновь присоединённые белой расе земли переселенцы

— пахари, скотоводы и ремесленники. И скорее всего, не одну и даже не две столицы имела та великая вторая империя ариев. Из одной должна была идти коррекция продвижения племенных союзов на юго-запад и запад, из другой столицы — то же самое, но в направлении юго-востока. А из центрального стольного града должно было идти управление всей империей. Коррекция всех её двигающихся границ. Точно так же, как и в России, в соврем недалёкие от нас времена. Северная столица — Великий Новгород смотрел всегда на Запад, позднее его заменил Петербург. Столица Сибири, Тобольск отвечал за земли востока, а Москва являлась столицей. Может быть, Геродотов град Гелон, или Голунь, и являлся западной столицей второй империи? — думал я.

— Откуда было знать грекам, когда он был основан? Но где тогда столица востока? И главный град двух Великих империй? Может, и вправду, как повествуют индийские веды, где-то рядом с современным Дели? Хотя вряд ли. Скорее всего, древнюю мать арийских городов надо искать на юге Сибири или в Средней Азии, — размышлял я. — А может, на месте поздней Грастианы?! — спросил я сам себя. — Ведь никто не знает, когда она была основана? Научные круги не представляют даже, где её развалины. А точнее, и знать не хотят! Для них Грастиана —

просто мифическая Сибирская Грустина. То, что о ней написано в некоторых летописях и она отмечена на старинных сибирских картах, никого не волнует. Но, может быть, не она, не Грастиана, являлась столицей второй империи, а какой-то другой город, — думал я. — Скорее всего, он должен находиться где-то в Минусинской котловине или на юге Кузбасса, там, где много каменного угля и железной руды. Ведь древние города, как и современные, были местом сосредоточения промышленности. В данном случае сталеплавильной и кузнечной. Интересно, знал о местонахождении столиц второго царства белой расы «пасечник»? Наверняка знал. Но рассказал мне о сибирской империи ариев вскользь и только то, что я мог тогда осознать и усвоить. Хантейские предания говорят, что второе великое царство, как и первое, погибло от внутренней смуты. Но эта смута, по-видимому, пришла не сразу. Вторая империя ариев, судя по всему, оказалась довольно долговечной. Если судить по Китаю, то только через 800 лет пала династия культуртрегеров волны Хуан-ди. И Китай превратился в самостоятельную державу. Очевидно, в ту же эпоху приобрёл самостоятельность от северной метрополии и Иран. Что касается Передней Азии, то там отделение от Урало-Сибирского ядра белой расы произошло ещё раньше (XVIII век до н. э.). На это указывают поздние поселения семитов в Шумере и Месопотамии. Очевидно, местные отделившиеся от центральной власти князьки изменили курс развития подвластных им территорий. И вместо того чтобы разгромить и отбросить наступление из Аравийских степей гибридных этносов, они стали давать пришельцам гражданство, что в конце концов привело к генетическому смешению двух рас. И наверняка спровоцировало в будущем ещё один удар окрепшей со временем северной империи в направлении Закавказья, Сирии и Месопотамии. Этот удар исследователями, начиная с отца исторической науки Геродота, считается войной скифов и киммерийцев против государств Малой Азии, Мидии и Ассирии. Только никому в голову не приходит, зачем всё это нужно было скифам и их кровным родственникам киммерийцам. Ведь и в древности просто так никто никогда не воевал».

Изучая историю, с учётом наличия великой Северной арийской империи, я стал понимать и осознавать многие, казалось бы, абсолютно нелогичные поступки некоторых царей древности. Если о первой Северной империи ариев какие-то факты можно было взять из Махабхараты, то о второй империи даже дядя Еша только догадывался, прямых данных у историка не было. Поэтому учёный-еврей, опираясь на свою незаурядную логику, показал мне её контуры намёком. Конкретно о втором царстве мне поведал хантейский шаман. Но этого оказалось достаточно: мозаика в моём сознании сама по себе невольно стала складываться. Теперь я узнал и время рассвета второго царства, и периоды его ослабления, и набора новой силы. На востоке — падение династии Хуан-ди, отделение от Северной метрополии Индии, Ирана и Передней Азии произошло в эпоху крайнего ослабления империи (XVI век до н. э.). Но через 500 лет (XI век до н. э.) Урало-Сибирское царство снова окрепло. И свой первый удар оно нанесло на юго-востоке. Очевидно, события, происходившие в Китае, заставляли властелинов севера поторопиться. Это время по китайским летописям известно как эпоха движения на Китай голубоглазых и русоволосых чжоу. В XI веке до н. э. Китай был снова завоёван белой расой. И северная элита, как и во времена легендарного Хуан-ди, стала управлять «Поднебесной». Дядя Еша рассказывая о завоевании Китая племенами чжоу, намекнул, что те события произошли фактически в одно и то же время с наступлением скифов и киммерийцев в Закавказье, Малой и Передней Азии.

«Антрополог, очевидно, округлил, — раздумывал я над словами учёного. — Поход на юго-восток был осуществлён скифо-киммерийским союзом в конце УШ века до н. э. Это почти через 300 лет после разгрома Китая чжоунцами. Интересно, чем же занималась два с лишним века до своего похода на юго-запад Северная империя?» — задал я себе вопрос.

Засев за книги, я очень скоро нашёл и ответ. Как раз начиная с XII века до н. э. происходит заселение дарийцами ахейской Греции. В то же время начинается нашествие в Малой и

Передней Азии «народов моря».

«Что это за странные «народы моря» и откуда они взялись, историческая наука не знает. Ясно одно, что кто-то их сдвинул с насиженных мест. Скорее всего, из Прибалтики. Оттуда «народы моря» на своих кораблях ринулись на поиски в Средиземном море новой для себя родины. Значит, какая-то сила, придя с востока, начала теснить на юг и запад автохтонов Центральной Европы. Что это была за сила и откуда она взялась? Конечно же, из-за Истра, или Дуная».

Теперь мне стал понятен ещё один аспект.

«Почему северное Урало-Сибирское царство не пришло на помощь осаждённой палеоевропейским союзом ахейских полисов Трои? В XIV веке до н. э., когда разгорелась Троянская война, воинские подразделения Урало-Сибирского царства вели борьбу с палеоевропейскими племенами-союзами в Центральной и Западной Европе. Прийти на помощь своему союзному городу — государству в Малой Азии северная империя просто не успела. Она нанесла удар по ахейской Греции, но позднее это завоевание и названо историками дарийским нашествием на Ахейю. Точнее, арийским. Вот почему черноволосые и темноглазые ахейцы после дарийского завоевания снова посветлели. Фактически дядя Ёша был прав: Урало-Сибирская империя одновременно вела две войны. На востоке с Китаем, на Западе ею проводилось второе завоевание Европы. И только в конце УШ века до н. э. её войска под предводительством Портатуэя, или Прототея, двинулись на Урарту и Мидию в Закавказье и на осемитившуюся Ассирию в Месопотамии. Примечательно, что в это время, как раз в VII веке до н. э. Урало-Сибирская империя снова начала войну с восставшим против неё Китаем. Восточные летописи северных завоевателей называют динлинами, а западных — жужанами. И на западе, и на севере китайские войска снова были разгромлены, и «Поднебесная» опять попадает в зависимость. Работая с историческими справочниками и монографиями учёных, я для себя выяснил один факт: второе северное царство в былом величии так и не возродилось. Его напор на востоке и западе не был столь мощным, как когда-то в 2400 году до н. э., как во времена Хуан-ди и завоевании Ирана и Индии. Очевидно, сказались процессы децентрализации — распада на мелкие царства и княжества. Хантейское предание о гибели второго Великого царства рассказывает правду. Империя погибла из-за внутренних смут. Примером может служить странная война сарматов со скифами (III век до н. э.) в Причерноморье, возникновение на западе Китая независимого государства Лаолунь, борьба массагетов между собой, с согдами и бактрами. Но, несмотря на крайний упадок, Урало-Сибирское ядро империи устояло. У второго царства хватило сил разгромить и отбросить от своих границ армии Александра Великого, о чём свидетельствует сохранившейся до нашего времени договор о разделе Евразии между его владениями и землями северной империи. Этот договор каким-то чудом уцелел в архиве Константинополя. Интересно, как до него не докопались в начале XIII века католики, — размышлял я. — Ведь он прямо говорит о том, что Северное царство даже в период своего упадка было несколько не слабее империи македонской. С договором Александра Великого со своим урало-сибирским противником и у массагетов, и у иезуитов получился явный прокол. Остаётся теперь тупо твердить, что договор о разделе — всего лишь подделка. Но вопрос, зачем она была сделана? Тем более за 2500 века до н. э.»

Размышляя о втором Великом Урало-Сибирском царстве, созданном белой расой, а точнее древними русами, я наконец понял ту чудовищную ложь, в которую погрузили историки сознание не только нас, русских, но и понимание прошлого всем человечеством. А технология, как всегда, проще пареной репы: первую великую мировую империю белой расы, которая описана в Махабхарате, научные исторические круги отнесли к фантазии. Вторую империю, которая возникла на руинах первой, все вместе проигнорировали. Для того чтобы ввести массы в

заблуждение (кто-то ведь завоевал Китай, Индию и Иран; разгромил наголову непобедимых Урарту и Ассирию), были придуманы племена скифов, сарматов, массагетов, племена чжоу, динлиней, жужан. Якобы всё это творили на исторической арене осатаневшие от злобы и жадности отдельные племенные объединения. С гуннской же империей, которая возникла на юге Сибири сразу же после заката второй, поступили ещё проще. Заявили, что гунны по расе были монголоиды и говорили не на древнерусском языке, а на тюркском и угорском. Только теперь мне стало понятно, зачем китайский император (III век до н. э.) Цинь-ши-Хуанди, тот, который смог освободить Китай от динлиней и объединить его в одно целое, приказал сжечь все без исключения старинные китайские летописи. Мало этого, по его приказу были заживо закопаны в землю четыре сотни лучших китайских учёных. То, что мы сейчас называем китайскими летописями, оказались написаны в XVIII веке итальянскими иезуитами, которые скопировали историю «Поднебесной» с древнеримского прошлого. Уцелело только несколько даосских летописей и всего три буддистские. Ясно одно, Цинь-ши-Хуанди уничтожил прошлое своего народа по чьей-то указке. Понятно, что по указке с Запада. А точнее, по указке тех, кто во времена могущества Римской империи знал о её будущем падении, видел победу новой, уже создающейся религиозной (христианской) идеологии и понимал, что в исторической науке будущего не должно быть и намёка о Великой северной империи потомков звёздных ориан-арктов.

«Вот он, жреческий взгляд в будущее, умение строить сверхдолгосрочные планы. Ничего не скажешь, серьёзные ребята стоят у кормила земной цивилизации! Как бы их оттеснить от этого руля? — невольно подумал я. — Наверняка это возможно. Главное, надо дать понять людям, что на Земле происходит».

О третьей могучей сибирской империи людей белой расы Лисак Павлович Каюков сказал, что она постепенно сместилась куда-то на Запад. Хантейские предания помнят о передвижении верховских богатырей в сторону Камня. Что потом происходило с ними за Уралом, легенды обских угров не повествуют. Я понял одно: третье сибирское царство из угорских преданий — это, несомненно, воспоминания о гуннском времени. И я стал снова копаться в исторической литературе. Мне хотелось понять, откуда взяли современные учёные, что гунны являлись представителями монголоидной расы. Антропологические находки не в счёт. На них не написано, что они именно гуннские. Монголоидные черепа могут оказаться китайскими или предков бурят или тувинцев. То, что монголоидные черепа в захоронениях могут находиться с предметами гуннской культуры тоже не является доказательством, так как всегда имеет место культурное заимствование, тем более народы Азии вели торговлю. И что же я нашёл, работая с исторической литературой? То, что гунны или племена «хун-ну» являлись одной из ветвей народа «чи-ди», или динлиней. Тех самых голубоглазых и русоволосых представителей тагарской культуры, которые вместе с западными союзниками, людьми белой расы — жужанами, в VII веке до н. э., нанеся ряд поражений Китаю, заселили долину реки Хуанхэ и всю северную часть китайской равнины. Следовательно, гунны, как представители народа чи-ди, или динлиней, не могли быть племенами монголоидной расы. Из этого следует, что и тюркский, и угорский языки не были их родными языками. Получается так, что наши современные историки оказались редакторами католических составителей китайской истории, которые считали гуннов дикарями, но людьми народа чи-ди белой расы. На такие вот странности, по отношению к гуннскому союзу племён с изменением их расовой принадлежности, пошли учёные конца XIX-XХ века. Что это, если не заказ?

«Подумали бы они своими продажными мозгами, как объяснить факт переселения гуннской империи на южный Урал, в Причерноморье, а затем и в Центральную Европу без всплеска местным этносам крови монголоидной расы? — думал я о фальсификаторах

исторического прошлого. — Хантейские шаманы помнят, что гуннская северная империя являлась царством народа «аус-ях» — верховских богатырей, а наши учёные мужи утверждают обратное. Изученные антропологами гуннские черепа больше походят на сарматские, чем на тувинские или монгольские. Они, как и славянские черепа, брахикефальны — в меру круглоголовы, у них высокие лобные кости, большие глазницы и нет ярко выраженной скуластости. Но тогда почему их относят к монголоидным? — ломал я голову. — Эдак можно и всех нас, русских, отнести к китайцам, было бы желание и команда сверху. У Н.Я. Бигунина в его монографии «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (1950 г. изд.) высказано утверждение, что гунны и их родственники — «чи-ди», или динлины, являлись поздними представителями скифо-сибирского мира. То же самое предположил в своей работе «Исторический очерк уйгуров» и Д. Позднеев. Но если и динлины, и гунны были представителями скифского рода-племени, откуда взялось утверждение, что гунны являлись людьми монголоидной расы? Огромный народ переселился в Европу, и генетически от него не осталось и следа?! — не переставал удивляться я. — Где их потомки?! Куда они подевались? Центром гуннского каганата стала Панония. Но, как известно, на территории Венгрии, Словакии, юге Польши и Чехии живёт точно такая же белая раса, как в Германии или Прибалтике. Пришедшие в IX веке на равнины Панонии мадьяры оставили свой генетический след. Его видно и сейчас: это некоторая монголоидность, тёмный цвет глаз, чёрный волос. Но ведь венгров-мадьяр была, по сравнению с гуннами, горстка. Но гуннского генетического следа нигде в Европе нет! Очевидно, его никогда и не было, потому что гунны были точно такими же представителями белой европеоидной расы, как их родственники — славяне или германцы», — сделал я для себя заключение.

Невольно припомнился средневековый германский эпос о Нибелунгах, где прямо говорится, что гунны царя Этцала (Атилы) были красивым, сильным народом, антропологически ничем не отличающимся от бургундов короля Гюнтера.

«Разве это не доказательство? — удивлялся я. — Почему историки, когда им выгодно, вполне доверяют бредням Библии или скандинавским сагам, но когда народная память противоречит их представлениям о прошедшем, они такое повествование объявляют вымыслом? Если так, тогда выходит, что историческая наука создана на Земле, чтобы сочинять наукоподобные мифы!»

От подобных мыслей мне стало страшно.

«Кругом ложь! Океан лжи... Земная цивилизация людей утонула в этом океане и бредёт по его дну в сумерках, не зная куда. Продажные историки сделали из скифов, сарматов, гуннов, тюрков, хазар, печенегов, половцев и жителей Золотой Орды кочевые народы. Когда даже мне, не профессионалу историку, удалось разобраться, что ни одно из выше названных племенных объединений в чистом виде кочевым скотоводством не занималось. Все эти народы имели многоукладный характер хозяйствования: часть населения, в основном по поймам рек, занималась земледелием, другая группа вела полукочевое пастбищное скотоводство. Третья часть была занята ремесленничеством и строительством зимних укрепленных городов. Ещё одна группа всегда и зимой, и летом занималась рыбным промыслом. Мифические кочевники, как и славяне на зиму для своего скота готовили сено, и зимовали за стенами своих городов в саманных или рубленых добротных домах. В настоящее время археологам в Причерноморье и на Дону известно несколько десятков печенежских и половецких городов. В некоторых летописях указаны даже их названия. Но миф о том, что все этносы южнорусских степей были кочевниками, никуда не делся. Он кочует из одного учебника в другой. Вот кто истинный кочевник! — усмехнулся я про себя. — Блуждает себе по времени, вправляет мозги молодым поколениям, вкупе с норманнским мифом, о том что государственность на Руси пришла из

Скандинавии. Из всего прочитанного и изученного, в том числе и из источников, переданных мне дядей Ёшей, я пришёл к странному выводу: до меня дошло, что, начиная с киммерийского времени, а может и намного раньше, ещё со времён трипольской культуры, жители Великой степи, лесостепной и граничащей с ней лесной зоны Евразии, неизменно следовали проверенному веками одному и тому же многоотраслевому принципу хозяйствования. Именно он позволял им сравнительно легко переносить не только капризы природы, но и частые военные столкновения с южными, а со временем, и западными соседями. Если гибли по каким-либо причинам на полях земледельческие культуры, то общество киммерийцев, скифов, динлиней, или тех же гуннов, позднее так называемых, тюрков, выживало за счёт скотоводства. Если беда касалась ещё и стада, то спасало положение рыболовство, охота и собирательство. Фактически, точно таким же многоотраслевым жизненным укладом, вплоть до XX века, жили российские и сибирские казаки. Это тот самый, древне-арийский способ производства, где каждое направление хозяйствования имело равное значение для общества. Именно он дал возможность без проблем рассеяться на громадные расстояния арийским народам: были бы пастбища, куда можно угнать скот, были бы реки, или озера, где достаточно рыбы, и был бы благодатный климат и почва для выращивания урожаев. Если рассматривать «кочевников» Великой Евразийской степи с точки зрения их передовой многоукладной экономики, то получается, что все они являются предельно приспособленной к расселению цивилизацией: арийские племенные союзы, разбросанные друг от друга на гигантские расстояния. Современным языком — древнее и средневековое казачество, которое, благодаря универсальности своего хозяйственного уклада, сумело без изменения дожить до нашего времени. Вот кем стали потомки легендарных скифов, сарматов, аллан, гуннов и голубоглазых, русоволосых печенегов и половцев — казаками! — думал я. — Такие вот «кочевники» научили хозяйствовать на земле охотничье-собирательские племена Европы, а не наоборот. От них, от первых европейских ариев, переняли земледелие и скотоводство племена палеоевропейцев и финнов. В Сибири же и на севере Европы тысячи лет тому назад ариями было освоено оленеводство. В некоторых скифских погребениях археологи к своему удивлению, находят костяные принадлежности оленьей упряжи. И нет никаких сомнений в том, что северные арии, по-эвенкийски голубоглазые «эндри», по-хантейски могущественные «аус-ях», по-ламутски «нгомэндри» и по-юкагирски — «омоки», научили переселившиеся на север южные народы приёмам оленеводства. Иначе бы эти племена давным-давно вымерли. В эвенкийских преданиях прямо говорится, что до встречи с «эндри» предки эвенков были пешими таёжными охотниками. Это легендарные русоволосые богатыри дали им оленей и научили их разводить. То же самое говорится и в самодийских преданиях. Только обских угров не учили голубоглазые бородатые оленеводству. Ханты и манси переняли его у ненцев».

Разобравшись с третьим великим Сибирским царством, которое несомненно являлось могущественной гуннской империей, я занялся поисками в исторической литературе следов четвёртого царства. Если бы не лекции дяди Ёши, я его никогда бы не нашёл. Учёные-ортодоксы так ловко и с таким искусством закамouflировали эту империю, что нормальному человеку, тем более исторически неподкованному и в голову не пришло бы её отождествлять с тюркским каганатом.

«Тюрки есть тюрки — типичные представители монголоидной расы, народ иной крови и культуры... К тому же в летописях телесских племён они названы прямыми потомками гуннов. О гуннах же давным-давно сложена сказка, что их племенной союз относился к монголоидам. Спасибо дяде Ёше, который ткнул меня носом в китайские летописи, в которых чёрным по белому написано, что гунны являлись одним из объединений племён чи-ди, или динлиней. Лихо у ортодоксов получается, — думал я, — чжоунцы и динлини типичные представители

европеоидной расы. Но одно из их племенных объединений (гунны) вдруг стали монголоидными? Вот задача! Как же такое могло произойти? — смеялся я про себя. — Наверное, заболели горемычные, какой-то неизлечимой генетической болезнью. И рост сразу уменьшился, скулы повылезли и глаза сузились. Понятно, что с такой же антропологией должны быть и тюрки, ведь они произошли от гуннов».

Занимаясь тюрками, я стал изучать известную в научных кругах Суйскую летопись. В ней говорилось, что тюкую были варварами «смешанного происхождения», что предками их являлись гунны и что обычаи у них такие же, как и у их предков гуннов. Вот оно доказательство, что ещё надо? То, что племенные союзы тюкую и теле говорили на тюркском языке, равным счётом ни на что не указывает. По мнению дяди Ёши, который посвятил изучению древнетюркского языка много лет, тюркский язык был когда-то создан искусственно, причём, из древнерусского. По убеждению историка, для общения между собой и с белой расой всех центрально-азиатских народов. В те времена, зная свой родной язык, любой житель пустыни Гоби или Такла-Макан говорил ещё и на азиатском эсперанто. Потому тюркский язык и стал впоследствии языком двух рас. Но древние тюкую и теле говорили не только на тюркском, они отлично знали и свой родной язык — русский. И это легко доказать. Достаточно заглянуть в наши славянские летописи: ни в одной из них не сказано, что печенеги или половцы не говорили по-русски. И те, и другие знали русский точно также как жители Киева или Чернигова. О факте знания русского языка половцами хорошо сказано и в «Слове о полку Игореве». В поэме все половцы свободно общаются по-русски. И переводчики ни той, ни другой стороне не нужны. И потом, прямые наследники роксалан, гуннов, печенегов, половцев и неких странных «бродников», донские казаки говорили и до сих пор говорят на прекрасном русском языке. Но есть одно «но»: по старой казачьей традиции, до конца XIX века все донские казаки говорили ещё и на тюркском. Знали тюркский язык и гребенские казаки, волжские и яицкие. С чего бы это? И почему именно тюркский? Всё просто, как атавизм, память о своём сибирском прошлом. Мне припомнился рассказ отца, как мой дед, донской казак, переселившийся с Дона перед Первой мировой на Иртыш, поехал в степь к «киргизам», современным казахам, найти потерявшихся лошадей. Вместе со своим братом верхами они заскочили в «киргизский» аул и по-русски спросили, не видел ли кто из пастухов казачьих лошадей другой породы? Киргизы ответили, что чужих коней они якобы не видели. Но подошедший на разговор аксакал на своём языке сказал молодым киргизским парням, чтобы те спрятанных коней перегнали в другое место. За это мой дед нахлестал аксакала нагайкой и на татарском пригрозил, что если «киргизы» красть коней не прекратят, казаки устроят такое, от чего им, киргизам, не поздоровится. Тогда я спросил отца, откуда мой дед знал татарский? Отец ответил, что такова была в среде казаков традиция, говорить не только на русском языке, но и на татарском. А почему не знал. Тюркский каганат оказался ещё более мощной державой, чем гуннский, но стать таким же могущественным, как империя, описанная в Махабхарате или второе царство сибирских ариев, он так и не смог. Как повествуют китайские летописи, в 630 году Хели-каган был разбит китайцами, восточная часть каганата прекратила своё существование. Но в 692 году каганат снова возродился. На этот раз могущественная скифская империя тюрков победила не только Китай, но и союзные ему другие рвущиеся на север племена и народы. На востоке тюрки вышли к Тихому океану, на западе к Дунаю. Но внутренняя смута сгубила и это мощное государство. В 745 году восточно-тюркский каганат в результате междоусобицы был уничтожен. На смену ему пришло государство уйгуров. Западный же каганат сибирских скифов распался в Прикаспии и степном Дагестане на Хазарский, а в бассейне Дона на Русский. То, что Русский каганат на западе граничил с родственными ему племенами славян сообщает арабский хронист Аль-Масуди. Он пишет о Киеве и князе Дире: «*Первым из славянских царей есть царь Дира, он имеет обширные города*

и многие обитаемые страны; мусульманские купцы прибывают в столицу его государства с разного рода товарами. Подле этого царя из славянских князей живёт князь Аванджа, имеющий города и обширные области, много войска и военных припасов. Он воюет с Румом, Ифраджем, Нукабардом и с другими народами, но войны эти не решительны. Затем с этим славянским царём граничит царь Турка. Это племя красивейшее из славян лицом, большее иных числом и храбрейшее из них стой». Пожалуйста, арабский путешественник отождествляет тюрков со славянами. К тому же считает их красивейшим и храбрейшим народом. На мой взгляд, комментарии излишни.

«Вот откуда проросла империя Тимуджина-Чингисхана — из сибирского скифо-тюрского мира, — рассуждал я. — Точнее, из племенных объединений центрально-азиатских и сибирских ариев, и монголы — полудикие племена халху, никакого отношения к ней не имели. И не могли иметь, потому что как раз они и были в чистом виде кочевниками. Кочевое же скотоводство, без земледелия и рыболовства никакой армии прокормить не в состоянии. Дай бог, чтобы оно спасало от голодной смерти самих пастухов. Да и то, в благополучные годы одеть, накормить и вооружить мощную армию, способно только то хозяйствование, которым традиционно занимались арийские народы. Та многоотраслевая экономика, где разведение скота, земледелия, добыча рыбы и ремесленничество были развиты в равной степени и дополняли друг друга. А жители строили небольшие укрепленные земляным валом деревянные города, где зимовали со своим племенным поголовьем скотоводы, и где ремесленники занимались изготовлением посуды, выплавкой металлов, кузнечным и ювелирным делом. Именно многоукладность хозяйствования позволяла не только прокормить, но и хорошо вооружить армию».

В дяди Ёшиных папках я нашёл исследования некоторых, неизвестных мне учёных, относительно вооружения степного воинства. И что же я прочёл? То, что в сибирской лесостепи и степи местные арии разводили три породы лошадей. Одна порода была чисто мясной. Она и сейчас сохранилась в Бурятии и Монголии. Это маленькие, полудикие, агрессивные по своему характеру лошади, способные добывать себе корм даже из-под глубокого снега. Они живут круглый год в степи под открытым небом табунами, неприхотливые и очень выносливые. Другие две породы в наше время уже не встречаются. Предположительно они исчезли в XVI–XVII веке. Обе породы являлись расами боевых коней. Одна высоконогая, сухая, поджарая с длинной лебединой шеей и маленькой головой по виду чем-то напоминала ахалтекинскую. Но судя по наскальным писаницам, она была более приспособлена для высоких широт и наверняка более выносливая. Именно такие кони прославили на весь мир кавалерию Тимчака-Чингисхана. Они приносили ей победу, а не те монголки, о которых пишут некоторые авторы в своих романах. Сибирская лошадь была намного резвее и выносливее своего далёкого родственника — представителя арабской верховой породы. Об этом упоминают и иранские летописи и арабские. Ни разу кавалерия иранцев или арабов не смогла победить конницу Чингисхана. Египетским мамелюкам, правда, такое удалось. Но разбили они всей своей армией небольшой отряд. Однако догнать на своих знаменитых арабских скакунах отступающего противника так и не сумели. В том знаменитом соревновании народов победили кони сибирских всадников. Оказывается, всё это можно найти в летописях. В том числе и арабских, было бы желание.

«Но вот его-то у людей как раз и нет, — думал я про себя. — Вопрос: почему? Ведь это так здорово, прикоснуться к истине! Правильно говорил седоголовый: если сознание человека, его обыденный ум, подчинено добыче материального, власти и получению чувственных удовольствий, то такое состояние надо рассматривать как духовное безумие. С виду человек здоровый, но только с виду. На самом деле, это уже не человек, так как утратил свои духовные ориентиры».

Последняя, вторая порода боевых сибирских скакунов, не отличалась резвостью. Но она

была предельно выносливой и очень сильной. То были крупные тяжёлые кони. Они чем-то напоминали современных тяжеловозов, но выглядели суше последних, выше в холке и поджаристее. Их изображения встречаются на енисейских писаницах в Минусинской котловине. То была порода специально выведенная для тяжёлого степного рыцарства — могучих всадников, закованных в непроницаемую металлическую или кожаную броню. Кони степных рыцарей тоже были покрыты специальными панцирями. Настолько крепкими, что даже копыта не пробивали их защиту. Тяжёлая кавалерия ариев, читал я в подборках антрополога, использовалась в основном для мощного лобового копейного удара и для прорыва рядов противника. Она не была самой многочисленной ни в войсках сарматов, ни в армии гуннов, тюрков или сибирских воителей войска Тимчака-Тимуджина. Но такая конница часто решала исход битвы. Её ударов не выдерживали даже стройные ряды европейского хваленного орденового рыцарства. Именно тяжёлую ордынскую конницу и привёл на лёд Чудского озера под знамёна князя Александра Ярославовича, его названный татарский брат, сын царя Золотой Орды полководец Сартак. Это она взломала правое крыло немецкой «свињи» и обратила его в бегство. Очевидно, сказалось и превосходство над конями ливонцев мощных сибирских скакунов. Потому что тяжесть и сила коня во время копейного удара играет первостепенное значение. В том же 1242 году мощная кавалерия сибирского рыцарства вместе с быстрой и средне-скоростной, но тоже хорошо вооружённой конницей, наголову разбила католические войска поляков, немцев, сербов и хорватов.

«Жаль, что в наше время обеих боевых пород сибирских лошадей уже нет, — думал я. — Интересно было бы на них взглянуть. А ещё лучше покататься!»

Заинтересовала меня статья про вооружение сибирских ариев. Автор, археолог по образованию, консультировался по этому вопросу у военных и пришёл к интересному выводу: оказывается, каждый сибирский арийский конник имел два вида доспеха. Один вид традиционный — тот, который обычно изображают на рисунках, он делался, как правило, из металла. На востоке — это ламинарные наборные панцири и оплечья, в Центральной Азии и в Европе — кольчуги в сочетании с пластинчатым набором. И там, и там — стальные клёпаные остроконечные сферические шлемы. Но, оказывается дорогой металлический доспех имеет массу недостатков. В нём очень трудно сражаться в жару. Он так раскаляется на солнце, что человек начинает в металлической защите буквально гореть. Зимой же в таком доспехе очень холодно. Поэтому арийские народы Великих Сибирских равнин имели ещё один вид защитного вооружения. В бою он был несколько не хуже металлического, но делался из дерева и кожи. Деревянная рама из дуба или ясеня обтягивалась вываренной в воске кожей. По такой технологии производились щиты, панцири, шлемы и защита на лошадей. Как известно, средняя конница сибирских ариев тоже покрывала своих коней непроницаемой попоной, но более лёгкой, не металлической, а с обклеенными вощёной кожей деревянными или роговыми пластинами. В таком кожано-деревянном доспехе и человеку, и коню можно было сражаться и находиться в дороге и в жару, и в лютый холод. Кожа и дерево на солнце не раскалялись, а на морозе даже согревали. Но чтобы производить первоклассное булатное оружие, защитные доспехи на коней и людей, стальные кованые оси для походных кибиток и наверхия таранов, нужна была промышленная база. И база немалая. Понятно, что кочевые народы располагать сталеплавильной и кузнечной промышленностью при всем своём желании не могли. Огромные стада постоянно требуют новых пастбищ. В походной кибитке можно только жить, но не работать. Для производства железных поделок, поделок из дерева, кожи и тканей нужны особые условия, которые могут быть созданы только в городах при многоотраслевой традиционной арийской экономике.

«Как могли учёные-ортодоксы додуматься, что жалкие средневековые, жившие почти в

каменном веке, не имевшие ни деревень, ни городов, кочевники халху, смогли завоевать Азию до Индии, а Европу до Адриатики? — недоумевал я. — Это надо быть совсем безголовым! Сами монголы оказались куда честнее европейских историков-ортодоксов: сначала, услышав о Чингисхане, они долго не могли понять, кто он такой и откуда взялся?»

Но когда их всё-таки убедили, что это бывший монгольский царь, они всё равно остались уверены, что никакого монгольского ига над русью никогда не было. «Может быть, наши предки и воевали с русскими, но о монгольском иге над вами мы ничего не знаем. Поэтому, пожалуйста, уберите из своих учебников то, о чём нам, в Монголии, неизвестно». Не раз обращались их учёные в Академию наук СССР. Ортодоксальный миф рассказывает, что ставкой Чингисхана был город в Западном Гоби под названием Каракорум. С тюркского, означает «чёрные камни». Действительно, арийский город с названием Харахор в предгорьях монгольского Алтая стоял. И он, на самом деле, являлся восточной столицей Сибирской империи. Название же его означает — «место высокого собрания», но не с тюркского, а с древнерусского. Из этой столицы и двинулись когда-то армии сибирских ариев на присоединение к империи восточных жузов (чжурдженей), а после чжурдженской войны и на выступивший против возродившейся северной империи Китай.

На несколько минут оторвавшись от дяди Ёшиной папки, я припомнил свой разговор с Лисаком Павловичем. Мудрый хант намекнул, что война Чингисхана с мусульманским и христианским мирами была, с его точки зрения, чем-то вроде хирургической операции по уничтожению мировой раковой опухоли. Видя, что меня его убеждения шокируют, шаман не стал развивать свои мысли дальше. Он предоставил мне самому многое понять. И вот сейчас, сидя за дяди Ёшиными папками и читая его подборки, высказывания многих неизвестных и маститых исследователей, я волей-неволей задумался.

«Ну хорошо, если верить ортодоксам, Сибирская Русь, или, по их убеждению, монголы, завоевала в семьдесят раз больше народов, чем было всё её население. Пусть будет так. Но куда тогда подевались несметные богатства завоёванных племён и народов? Они что, испарились? Были завоёваны Хорезм, Иран, Афганистан, территория современного Ирака, Закавказье, юг Восточной Европы, на западе Балканы, на востоке Маньчжурия и весь Китай, но о богатствах монголов никто ничего не знает. Все без исключения летописцы пишут о страшных погромах, о пожарах, о том что ужасные татары забирают себе буквально всё. Но где, это «всё»? Куда оно делось? Допустим, ткани со временем могут сгнить. Но золото, драгоценности? Они-то куда могли деться? Ведь наверняка завоеватели растащили их себе видимо-невидимо. Сотни, а может и тысячи тонн! С таким богатством можно было построить сотню роскошных городов. Собрать в них потрясающие произведения мирового искусства. Но где эти города, где новые столицы? Небольшой город царя Сарай? Но как показали археологические раскопки, он в два раза меньше хазарского Семендера. Обычная зимняя ставка арийского правителя, вот и всё. Ясно одно, что после завоевания гигантских территорий и крушения могущественных государств, ни простые, так называемые, монгольские воины, ни их военачальники не стали богаче. Во всяком случае, и Карпини, и Марко Поло особых у татар богатств не увидели. Тогда может быть, всё это золото присвоил себе каган или его родственники? Но, как известно, из тех же китайских летописей, великий полководец севера не любил дворцов. Он предпочитал жить в походных условиях, как и его воины. Точно так же вёл себя внук Тимуджина-Чингисхана известный на Руси как Бату, или Бага. Он тоже не любил роскоши. Но удивляет ещё одна деталь: это дань с покорённых племён. Одно дело ограбление, другое — настоящий доход посредством дани. В учебниках истории написано, что Батыю платили дань многие покорённые народы, в том числе и Русь. Платили десятину. Но куда она подевалась, эта десятина? Целых три сотни лет одна десятая дохода уходила в Орду, а там, что — испарилась? Почему-то Орда не богатела, а продолжала жить в том

самом ключе, в каком она всегда жила. На подвластных ей территориях сохранялся традиционный арийский уклад хозяйствования, он потом и достался в наследство российскому казачеству. Куда же делось всё накопленное и присвоенное у подвластных народов? А может прав Лисак Павлович, не ради захвата несметных богатств вела свои войны Сибирская Русь, по хантейским преданиям пятое великое царство белой расы. Но тогда ради чего? Ради чего было пролито столько человеческой крови? Как понять Чингисхана и тех невидимых и неизвестных, кто помогал ему в его долгих войнах?»

Я невольно стал припоминать, какие государства были завоёваны Сибирской империей? В Азии разгрому подверглись почти все, кроме Индии.

«Интересно, почему Тимчак-Тимуджин не двинул свои армии на Индию? — задал я себе вопрос. — Что его остановило? Как известно, Индия была одной из самых богатых стран того времени. Мусульманские и буддистские страны вокруг неё все были завоёваны, индуистская Индия — нет? Он что, Чингисхан, испугался индусов? Раздробленная Индия сильного сопротивления оказать ему бы не смогла», — не мог понять я мысли и устремления великого полководца.

И тут мне припомнилась одна статья, где говорилось, что татары, идя в Европу по правому притоку Днепра реке Россе, не сожгли и не ограбили ни одной деревни, не обидели ни одной девушки и ни одного ребёнка. И только потому, что в этой местности не жили христиане, а населяли её недобитые церковниками «язычники». Так, может быть, вот где ответ? Ведическим обществом являлась в те времена и древняя Индия, и Великое Литовское княжество, которое «татары» в XIII веке завоёвывать тоже не собирались.

«Так что же получается? Неужели прав Лисак Павлович, считая, что пятое Сибирское царство объявило войну христианскому, мусульманскому и буддистскому миру не ради грабежа и насилия, а ради чего-то другого, более значимого? — невольно пришло мне в голову. — Если так? Тогда что же могло явиться той основной ценностью, ради которой началось завоевание «Вселенной»? Неужели Тимчак-Чингисхан понимал пагубность для будущего населения Земли искусственно созданных религиозных идеологий? Согласиться с этим, значит признать кагана пятой арийской империи сверхгением. — рассуждал я. — Впрочем, кто знает, может он таковым и был? Но скорее всего за великим полководцем кто-то стоял. Наверняка, совет жрецов и старейшин тех людей, которые хорошо понимали, что происходит в управляемом деструктивными силами социуме. И именно они подготовили из сословия тружеников воина и полководца, способного встать на пути расползающейся по Земле иудео-христианской и исламской заразы, — от такой неожиданной догадки мне стало не по себе. — Наверное схожу с ума. — усмехнулся я про себя. — Чингисхан и вдруг в роли духовного подвижника?! Но как сказал в одном из разговоров дядя Ёша: «Не было бы Светослава, то мог бы не состояться и феномен Чингисхана». Значит, обе фигуры: и Светослав и Тимчак-Чингисхан в сознании антрополога являются звеньями одной цепи. По его убеждению, Светослав, уничтожив Хазарию, тем самым нарушил вековые связи Запада с Китаем. И этим помог возродиться и набрать полную силу Сибирской Руси. Светослав как военный человек и правитель восточных славян тоже как мог противился наступлению на земной социум и, в частности, на Русь, южных идеологических концепций. И боролся он, как с иудаизмом, так и с христианством, не убеждениями и уговорами, а оружием. Но русский князь не был грабителем, даже христианские летописи всячески ругая Светослава, не отрицают, что великий славянский полководец презирал богатство и роскошь, — припомнил я известные факты. — Разгромив Хазарию, русский правитель и полководец не польстился на хазарское золото. Ни одна летопись не говорит, что Светослав вывез из Итиля и Семендера огромное богатство. Светослав разоружил хазар — это так, разорил иудейских купцов-рахдонитов и еврейскую элиту, но простой народ не

ограбил. В Дунайской Болгарии Светослав вёл себя точно так же. К удивлению европейских королей-хищников, он отказался даже от византийского золота! Забрал только инструмент войны — драгоценное оружие. Потому русский князь-полководец и не был богат. Под стать ему были и его дружинники. Даже греки не отрицают такого феномена. Всё, что накапливал войной сын Игоря, шло на укрепление обороноспособности Руси. В частности её войска... На усиление ли своих армий потратил полководец «пятого царства», захваченное в войнах огромное богатство? — спросил я самого себя. — Потому «монгольских» кладов ни в Сибири, ни Центральной и Средней Азии не найдено. Все средства были брошены на войну. Все без остатка. Значит, великое завоевание велось Тимчаком-Чингисханом не ради ограбления завоёванных народов! Если так, то все трое: и хранитель древней традиции, и еврей-учёный, и хантейский шаман оказываются правы! — почесал я себе затылок. — Сибирская Русь во главе с непобедимыми полководцами в XIII веке сделала отчаянную попытку выдрать с корнем расплзающуюся по Земле иудо-христиано-мусульманскую раковую опухоль. Ценой невероятных усилий и огромного количества пролитой крови... Вот это вывод, так вывод! — подумал я про себя. — Попробуй, скажи кому-нибудь о том, что пришло в голову? Оплюют с ног до головы. Но именно он даёт ответ на многие загадки: почему «татары» не двинулись в Индию и не тронули ведических князей на Руси. Разгромив Владимиро-Суздальского прозападного князя христианина Юрия в битве при Сити, вручили власть над княжеством его родному брату, презиращему христианство — Ярославу. Мало этого, внук Тимчака-Чингисхана Бату или Бата по русскому ведическому обычаю породнился с Ярославом и даже усыновил его сына Александра. Как можно объяснить подобное? С чего это вдруг ордынцы воспылали такой нежной любовью к этим двум русским князьям? — думал я. — Как известно, царь Золотой Орды Батый, или Бата, вручил своему побратиму князю Ярославу не только власть над княжеством погибшего Юрия, но и пайзу великого князя всей Руси. Откуда такое доверие? Смоленское княжество, где христианство в XIII веке не являлось государственной религией, тоже не рассматривалось Ордой как враждебное. Также как и ведическая Литва. В 1242 году не на Смоленск, и не на полуведический Полоцк и Литву двинул свои армии ордынский царь, а на христианский Чернигов и рассадник всего прозападного Киев. Огнём и мечом, пройдя земли Галицкой Руси, армия Орды не тронула, однако, владения Карпатского, Волховского или Волоховского княжества. Кстати, Волховское ведическое княжество карпатских русинов наладило дружеские и союзные отношения с Сибирской империей ещё в 1223 году, когда «татары» нанесли поражение объединённым силам христианских русских княжеств и их союзникам орианам-половцам».

Просматривая исторические справочники и распечатки летописей, я невольно обратил внимание на союзнические отношения между Ордой и азово-донскими бродниками. И Татищев, и Карамзин, не зная арийской многоукладной экономики, считали бродников хранителями речных бродов. Им и в голову не приходило, что азово-донскими бродниками были люди, которые вели ту же самую жизнь, что и геро-дотовские скифы. Фактически занимались выпасом в летнее время по поймам рек своих лошадей и коров. Это была пастушеская группа, из-за которой всех степняков считали кочевниками. Оба российских историка недоумевают, почему войско бродников в составе тридцати тысяч не вступило в битву с «татарами» в момент, когда последние стали одолевать русских? Они стояли, построившись, во всеоружии, на конях и наблюдали сражение. Хроники повествуют, что предводитель бродников некий Плоския от лица «татар» вёл переговоры с окружённым со всех сторон киевским князем. По всему видно, что бродники являлись союзниками «татар». Но тогда, почему они не вступили в битву против русских князей вместе с «татарами»? Что за странная позиция: собрать войско для того, чтобы наблюдать за битвой? И почему бродники, судя по всему русскоязычные, вступили в союз с

пришедшими с востока азиатами? На эти два вопроса современная историческая наука ответить не может. Потому что не знает главного: того, что так называемые, бродники — предки донских казаков, в XIII веке не были христианами. Это была ведическая арийская группа, то, что уцелело в Приазовье от Русского и погибшего Хазарского каганатов. И как стало понятно мне из летописей, объединённое русско-половецкое христианское войско выступило не столько против пришедших в донские степи «татар», сколько против ведических, отказавшихся от принятия христианства половцев и их союзников земледельцев и скотоводов бродников. Именно поэтому армия вторжения русских князей была сформирована не на Днестре, а на Днепре рядом с владениями западных половцев-ориан. И по Днестру на кораблях она двинулась до Чёрного моря, а потом вошла в устье Днепра. Очевидно, русские князья готовили внезапный удар. И он бы привёл их к успеху, не приди в Донские степи воинский контингент Сибирской империи. Читая хроники, я не переставал удивляться: сибирских ариев было всего двадцать тысяч. Два тумена! Но они победили армии афганцев, персов, разгромили Грузию и взяли её столицу Тбилиси. Оба тумена пришли из Закавказья в степи Дагестана крайне уставшими и сильно обескровленными. Но тут на их пути встала христианская алланская армия. Алланы с трудом были побеждены. Правда, на Северном Кавказе к сибирским туменам присоединилось десятитысячное войско, недавно пришедших из Азии ведических кипчаков-половцев. И вот такой армии в донских степях пришлось столкнуться со свежим шестидесятитысячным войском союзников.

«Но тогда, почему полководцы Чингисхана Джебэ и Сабудай не захотели воспользоваться сильной армией своих новых союзников и друзей — бродников? — задал я себе вопрос. — Что их остановило? Сибиряки взвалили всю тяжесть новой битвы с христианами на себя. Логика здесь может быть одна: «татары» не захотели обескровить ведическую армию Дона. Они понимали, что после битвы войско уйдёт на восток, а бродники и их союзники азиатские половцы останутся. И им придётся один на один бороться со всей христианской не только Русью, но и Европой. Но в то же время полной уверенности в победе в битве на Калке у ордынских полководцев не было. Потому и стояла готовая к сражению армия бродников в качестве наблюдателя. И переговоры с русскими князьями вёл Плоския не только от имени «татар», но и от имени соплеменников», — сделал я окончательное заключение.

В голове всё стало на место: и странный договор о дружбе с Сибирской империей ведического Волоховского княжества, и союз Батя против Римского Папы с германским императором отступником Фридрихом II Гогенштауhenом.

«Как же так получилось? — думал я. — Почему идея тех высоких и знающих неизвестных, которые привели к власти над последним Сибирским скифским царством колоссальную личность Тимчака-Чингисхана, не увенчалась успехом? Что могло помешать? Ведь в военном плане армии сибирских скифов не знали поражений. К тому же, в лице непокорённой Западом Руси Орда получила надёжного союзника».

Я нашёл упоминание в летописях и у историков, что вместе с армией Батя в 1242 году в походе на католическую Европу приняли участие и тысячи княжеских русских дружинников. Правду сказал мне хранитель: Орда получила удар подлый, в спину, тот, который она не ожидала и к которому не была готова. Сначала один за одним, по неизвестным причинам, стали вымирать дети и внуки Чингисхана. Первым, ещё раньше отца, погиб его самый талантливый сын Джучи, потом, следом за великим полководцем, ушёл на тот свет его второй сын Удэгей, за ним отправился к предкам третий сын и внук Тимчака Бату, или Бата. За короткий срок смерть выкосила всех носителей идеи. Но это было ещё полбеда. Гибель полководцев можно было как-то пережить. Беда была в другом: тайные лазутчики Ватикана в лице тамплиеров и сбежавших на восток хазарских иудеев смогли дотянуться до сердца Сибирской империи — до корпуса её

жречества. Высших жрецов-хранителей древнего эзотерического знания уничтожить этой сворой шакалов было не под силу. Но они смогли проредить среднее звено, ведических жрецов, непосредственно работающих в народных массах. Это был очень серьёзный удар. Ведический жрец — не поп, и не мулла. На его подготовку уходят десятилетия. Как известно, «свято место пустым не бывает». После гибели просвящённой высшей воинской ордынской администрации никто в Орде уже не мог воспрепятствовать заполнению образовавшегося духовного вакуума. На Востоке в империю хлынули буддисты, в Центральной и Средней Азии мусульманские священники, в Европе христианские миссионеры. В результате чего гигантское царство в короткий срок, буквально за одно столетие, раскололось на три части. Три вторгшиеся идеологии сокрушили то, что не могли сделать никакие вражеские армии. Принимая буддизм, бывшие ведические сибирские русы автоматически переходили и в буддистскую культуру. Принимая ислам, по культуре становились мусульманами, почти арабами. Принимая христианство, превращались по культуре в западников, либо в византийцев, либо в католиков. Только небольшая группа ведических сибирских русов, видя, что происходит, откочевала из лесостепи на север в таёжную зону. Потомки её и превратились в XVII веке в сибирских казаков.

«Вот почему так переживал Александр Суворов за свой разгром ногайцев, — припомнил я биографию Суворова. Очевидно, великий русский полководец знал, что ногайцы — прямые потомки сибирских ариев. Это они, ногайцы, забыли о своём великом прошлом и стали называть себя в честь одного из своих ханов. Вот что сделала с русскими людьми внедрённая С.Т. чужая идеология. Всего-то за четыре века!»

То, что я наконец разобрался со всеми пятью великими сибирскими царствами меня не радовало. Все они погибли. И погибли не от вражеского оружия. А от информационного.

«Что же ждёт нашу последнюю империю? — думал я. — Не секрет, что её создало русское казачество. Те последние арийские общины, которые сложились. По её границе на юге и в Сибири. Именно благодаря им северное Причерноморье осталось нашим русским, а не турецким. Сколько же здесь пролилось крови! И казачьей, и крови крымских татар, и турецкой!».

Османская империя, начиная с середины XV века, стремилась превратить Чёрное, или Русское море, в своё внутреннее. Для этого ею было создано враждебное Руси Крымское ханство. Оно стало плацдармом для захвата северных территорий. Но из московских правителей один только Иван Грозный понимал намерения турок. Только он один и поддержал донское казачество в его войне с Османской империей. Наверное потому, что по матери Иван Васильевич был из донских казаков. Остальным московским властителям было наплевать на северное Причерноморье. Степи бассейна Дона они вообще называли Диким полем. Казачество же считали отсталым народом. Михаил Романов прямо писал турецкому султану, что на Дону и в Диком поле живут одни разбойники, которых он, «брат» русского правителя, имеет право всех уничтожить.

«Что это, как не официальное разрешение русского царя подарить Османской империи весь юг России? — спрашивал я себя. — И почему наши российские историки никак не хотят понять этого? Может они просто не желают понимать? Глаза у них вроде бы есть. Письма Михаила Романова тоже все целы. Что ещё надо? Или они от большого ума смотрят на бумагу, а видят вместо написанного комбинацию из трёх пальцев?! Сколько же им за такую вот слепоту заплатили, нашим ортодоксам? И интересно, кто? Не те ли, кто ещё во времена Хрущёва купил верхушку хваленного Советского КГБ. И сейчас руками этих продажных мерзавцев ведёт к гибели созданную Сталиным последнюю империю? — задавал я себе вопрос за вопросом. — Интересно, зачем нужно было первому Романову натравливать султана на «Дикое поле»? Причём как ловко: ты, дескать, «брат мой» приходи и уничтожь разбойников... Но если

защитники Дона погибли, под чьей властью окажутся их земли? Неужели Миша Романов был настолько глуп, считая, что турки подарят ему завоёванное? Просто руками османцев и крымских татар русский царь намеревался вырезать последних наследников некогда великой сибирской, а точнее мировой арийской империи. Предлагая северное Причерноморье Турции, правители Московии наверняка выполняли заказ Запада. Заказ своих закордонных хозяев, которые и привели их в русском обществе к власти».

Ответы, на спонтанно возникшие вопросы, лежали на поверхности. Всё и с царём Михаилом, и с Алексеем Михайловичем Тишайшим, и с дегенератом-палачом русского народа и сибирского казачества масоном шотландского обряда, царём Петром, мне было ясно.

Тогда с 1622 по 1635 годы с подачи Московского правительства Турецкая империя всей своей силой обрушилась на северное Причерноморье. Началась тотальная затяжная война Порты с донским и запорожским казачеством. Турки надеялись уничтожить и дончаков, и запорожцев, но все их усилия, несмотря на помощь Крыма, оказались тщетными. Донское и волжское казачество, практически, не получая помощи от Московского государства, разгромило турецкие и крымские армии. В это время их союзники запорожцы нанесли несколько тяжёлых поражений Черноморскому турецкому флоту. Потеряв боевые корабли, турки не смогли вовремя помочь своим войскам в доставке припасов. В результате большая часть крымских татар и турок погибла, либо была захвачена в плен. Это дало возможность в 1637 году донским и запорожским казакам осадить Азов. Осада началась 21 апреля, а 18 июня крепость была взята штурмом. Но в 1641 году гигантская турецкая армия осадил Азов и с суши, и с моря. В Азове тогда было 5,5 тысяч казаков и 800 женщин — казачек-воительниц. С мая по сентябрь длилась осада города. По некоторым хроникам осаждающих было от 100 до 240 тысяч. Но все усилия турок взять крепость штурмом оказались тщетными. Казаки за время осады отбили 24 приступа. Последний сентябрьский штурм длился непрерывно две недели. И всё-таки защитники крепости устояли. И тогда Михайло Шанович Татаринев, боевой казачий атаман, на кругу предложил ночью выйти из стен города и атаковать неприятеля в его лагере. Все понимали, что их ждёт верная неминуемая смерть, но никто не высказался против. Последние защитники города, их было не более трёх тысяч, разделившись на две равные половины, соблюдая древний арийский обычай духовного братания, пошли навстречу друг другу, обнимаясь и называя всех братьями, а женщин — сёстрами. В три часа ночи маленькое казачье войско было в лагере турок, но противника в нём уже не оказалось. Бросив осаду атаманцы, крымчаки, валахи и молдаване, все кто был в турецком войске ушли прочь от Азова. Но казаки на этом не успокоились. Они тут же организовали погоню, во время которой был убит и крымский хан и многие турецкие знатные вельможи. Понимая, что Азов силами донского казачества удержать не удастся, дончаки решили передать крепость Москве. И что же? А то, что правительство Романовых отказалось принять такой подарок. Обижать своего «брата» турецкого султана русский царь не захотел. А ведь ему был предложен «ключ» к Чёрному морю. К нашему Русскому морю!

«Вот она арийская доблесть потомков скифов, сарматов, тюрков и ордынцев! — думал я, ещё раз перечитывая хроники о взятии и защите Азова. — Мощная военная традиция. Где воинское искусство на голову превосходило любое японское или китайское. Несколько месяцев непрерывной рукопашной горстки защитников под пушечным огнём с многократно превосходящим противником! Сколько же потеряли казаки во время обороны Азова?»

И я начал искать по справочникам их потери. Получилось — две с половиной тысячи! Турки же и крымцы потеряли девяносто шесть. Ничего себе соотношение! Если учесть, что турки долбили Азов мощной корабельной и сухопутной артиллерией. Что-то невероятное! — думал я. — Но невероятным было и то, что донские, волжские, кубанские и запорожские казаки отбросили турок с северного Причерноморья назад в Малую Азию. Всё централизованное

государство — нет, а казацкие вольные дружины, точнее братство наследников пяти великих мировых империй. Под ударами турок дрожала вся Европа, сами турки боялись как огня дончаков и запорожцев. Западный проект уничтожения руками мусульман последних оставшихся на земле ариев в XVII и XVIII веках провалился. Западу оставалось только сломать арийский дух казачества внедрением в их среду византийской христианской идеологии. До XVIII века казаки только называли себя христианами, на самом деле атаманам и гетманам давали советы не попы, а так называемые «колдуны», которым казаки полностью доверяли. Без «колдуна» не совершался ни один казачий обряд. Позднее, по требованию христианской православной церкви, у казаков появились попы. Но опять же попы были выборными — своими. Они вместе с «колдунами» проводили обряды и давали советы атаманам. Церковная реформа среди казаков и породила восстание Степана Разина. По приказу Алексея Михайловича Тишайшего ведических жрецов или «колдунов» новая Никонианская церковь запретила. Отсюда и началось в их среде брожение, которое, со временем, переросло в восстание. Всё это я тоже нашёл в хрониках. И мне стало понятно, что европейских казаков, которых удалось накрепко привязать к христианской традиции, государство решило для себя сохранить. Теперь это были уже не потомки древних ариев, а христиане. К тому же на юге страны требовалась дармовая военная сила. А ту их часть, которая отказалась принимать христианство, это прежде всего коснулось сибирских чёлдонов, решено было силами государства тихой сапой поголовно вырезать. Этим-то и занялась в Сибири администрация царя Алексея Михайловича и его сына масона Петра I. Но для Запада христианизации казачества и управления им посредством церкви, оказалось мало. Казаки никак не отказывались от своего традиционного арийского самоуправления и той подлинной демократии, где любая власть обязана отчитываться за свои дела перед народом. Именно страх возрождения арийского духа и древней скифо-сарматской ордынской традиции, после упразднения в Советском государстве русско-православной церкви, и заставлял Лёву Бронштейна-Троцкого и его напарника Свердлова разработать указ 1920 года о полном истреблении казачества. То, что не удалось Романовым, намеревались проделать с потомками ариев захватившие власть в Российской империи иудеи. Как сказал Троцкий на одном из своих выступлений: «Казаки — единственная прослойка русского народа, способная к самоорганизации, поэтому она должна быть полностью уничтожена». Что имел в виду один из лидеров большевистского переворота? Конечно же, возрождение подлинно русского духа и той древней арийской традиции, которая может в любой момент объединить под единым знаменем всех потомков ариев. И тогда западная технология «разделяй и властвуй» уже не может работать. «Расстреливайте их, батенька, расстреливайте, — обращался уже больной Ленин из Горок в письмах к Ф.Э. Дзержинскому. — Расстреливайте казаков по миллиону в год!»

От того, что придумали большевики, мне стало страшно. Расстреливать просто так миллионами! Кто же остановил уничтожение казачества? Конечно же, Иосиф Виссарионович. Сначала он саботировал приказы Ленина, а после смерти вождя отменил изуверский указ.

Разобравшись с потомками ордынцев, я отбросил в сторону конспект дяди Ёши, стопки книг, учебников и справочников. Потом погасил свет, и одевшись, вышел на улицу. Было три часа ночи. На чёрном небе сквозь мерцающий туман горели тысячи звёзд. Я смотрел на их свет и спрашивал себя, что ждёт нашу Советскую империю в будущем? Как предполагал дядя Ёша, Черненко долго не процарствовал. Он умер год назад. Новый же генсек объявил перестройку. Что это такое и с чем её едят, никто не знал. Ясно было только то, что впереди Россию ждут немалые испытания.

«Чем они для неё кончатся? — думал я. — Неужели погибелью? Если верить дяде Ёше, то будет всем туго. Более оптимистическим был Хранитель. Но и он не отрицал трудностей».

Заканчивался февраль.

«Когда же приедет Лисак Павлович? — вспомнил я про шамана. — Наверное скоро. Хорошо что у меня к его приезду всё готово».

Попытка разобраться, что это за пять мифических царств могущественных верховских богатырей, отняла у меня много сил. В конце зимы я чувствовал себя «выжатым лимоном».

«Наверняка не только в хантейских и эвенкийских преданиях остался след о могущественных сибирских империях. О них наверняка известно в сказаниях кетов, ненцев, возможно, якутов и даже чукчей. Просто надо выйти на хранителей народной памяти. И памяти о потомках, чуди белоглазой или чёлдонов. Но где найти и тех, и других?»

Я слышал от хранителя, что потомки чуди белоглазой, живущей на Двине, Пинеге, Мезене, Печоре, в настоящее время выдают себя за сбежавших от Никонианской реформы старообрядцев. Такой камуфляж позволяет им хранить тайну своего происхождения. Заодно это давало им возможность в дореволюционное время обходиться без попов и церквей. И в советскую эпоху оставаться самими собой: не завозить в свои селения ни табак, ни водку, ни глупые пустые расхваливающие всё советское книги.

«Вот бы найти таких людей, — мечтал я. — Сколько бы они смогли мне поведать? То, чего не расскажет ни один сибирский шаман, но как их найти? Может список адресов мне оставил «пасечник» как раз для этого? — в очередной раз пришло мне в голову. — Если так, то впереди меня ждёт такая школа, о которой не может мечтать ни один ортодокс-академик. Но я, следуя совету дяди Ёши, вернувшись с Кольского полуострова, угодил в Угут. И вот заканчивается второй год моего пребывания в этой добровольной ссылке! Но зато я встретил Лисака Павловича — шамана и хранителя хантейских народных преданий, классного эзотерика и очень образованного человека. От него я услышал о роде Ворона, сказание о гибели мира и повествование о пяти великих Сибирских царствах людей белой расы! Кто бы мне поведал без него хантейскую версию о прошлом Сибири? Наверное, всё правильно, так и должно быть, — успокаивал я себя. — Наверняка, хранитель предусмотрел и такой вариант получения мною информации».

Я вспомнил, как однажды седоголовый поставил передо мной старинную матрёшку и, разобрав её до основания, показал мне на первую малюсенькую куклу.

— Видишь, отрок, это вот истина. То, что на самом деле. А это, — накрыв он её двойником большего размера, — первый уровень лжи.

Вот, второй уровень, — взял он в руки ещё одну пустотелую матрёшку. — Это третий уровень. И так все семь матрёшек. Как говорят: «истина за семью печатями». Теперь понимаешь, что собой представляют «печати» с точки зрения психологии? Это различные варианты искажения истинного. У С.Т. их обычно семь. Такого количества для обывателя вполне хватает. Он блуждает в семивариантности и не понимает, что она создана для того, чтобы морочить ему голову.

— И что же делать простому человеку с такой бедою? — спросил я тогда хранителя.

— Развивать у себя объёмное мышление. Видеть не поверхность, которую подсовывают, а весь объём. Чувствовать надо то, что внутри, а не снаружи, — снова разобрал матрёшку старый. — Вот это видеть, — показал он на первую фигурку, а не скрывающий её разрисованный камуфляж. Я показал тебе на примере матрёшки все основные уровни лжи, хотя она изображает совсем другое, — поставил хранитель на место игрушку. — Беда в том, — продолжил он, — что нас с детства учат поверхностному мышлению. Скользить сознанием по видимой плоскости проблем, не вдаваясь во внутреннее. В суть. Подобное мышление навязано С.Т. всему человечеству. И, прежде всего, политикам и современным деятелям науки. Отсюда, все наши беды. Дальше своего носа мы не видим. Те же люди, психика которых не испорчена, подвергаются шельмованию, а в науке и политике даже уничтожению. Вспомни Михайло

Ломоносова. Он ведь не погиб своей смертью, так же как и Виноградов, отец русского фарфора, или Никола Тесла и другие известные, но опасные для С.Т. люди.

Та маленькая лекция хранителя врезалась в мою память. Зимой, разбирая летописи и монографии исследователей, я понял, почему серьёзные и вполне порядочные учёные не в состоянии увидеть то, что казалось бы историку должно быть ясно и понятно. Всё дело в его ущербности и однобокости.

«Да, я понял скрытое от социума прошлое пяти арийских царств. Разобрался я и с происхождением российского казачества. Но что делать с таким вот знанием? Как передать его людям? Да и поверят ли они тому, что от меня узнают?» — думал я в ту зимнюю ночь, разгуливая по спящему Угуту.

Глава 27. Посвящение

15 марта днём я почувствовал непривычный зуд правой ладони.

«Кто-то должен приехать!» — обрадовался я.

Подсознание, таким образом, всегда давало мне знать о предстоящей встрече с кем-либо. Дав своему глубинному мысленный запрос, я вскоре увидел образ Лисака Павловича Каюкова.

«Значит, надо быть готовым», — заволновался я.

Повстречав после работы директора заповедника, я сказал ему, что должен на несколько дней уехать.

— С Богом! — кивнул мне Кулешов. — Только смотри не пропади. Захвати с собой лыжи. Сломается «Буран», на них выйдешь.

Я пожал ему руку и взялся за подготовку к встрече с шаманом. Привязал на нарту некогда подаренные мне эвенками камусные лыжи, бросил на них ватный спальник и положил на него топор.

«Вроде бы всё, — решил я про себя. — С топливом всё в порядке. Нагрузился до отказа. Одежда тоже у меня добротная. На этот раз хантейская, но не хуже оленьей эвенкийской. Продуть не должно».

Я сбегал в магазин, купил всё: и к чаю, и в дорогу. А когда закончил приготовления, отправился к своим друзьям белорусам в экспедицию. И Гришу, и Федю я застал вместе с Бежаном. Все трое сидели и просматривали подшивки «Северных просторов».

— Ну и как твои исследования? — поднялись они со своих мест обрадованно. — Неужели, ты решил отдохнуть? Наверное, книги всё-таки надоели? — засыпали они меня вопросами.

Когда я работал с информацией, чтобы не отвлекать, ребята навещали моё «логово» на берегу Югана редко. И увидев меня, пришедшего к ним в гости, искренне обрадовались.

— С книгами на время покончено! — засмеялся я. — Завтра опять уезжаю. Так надо, хочу попросить кого-нибудь из вас подомовничать: посмотреть за домом и за собаками.

Услышав мою просьбу, парни переглянулись и заявили, что все трое будут жить в моём доме.

— Переезжайте завтра с обеда, где ключи, вы знаете, — обнял я всех троих.

«Интересно получается, — подумал я про себя. — Из всех работяг экспедиции эти трое — как белые вороны: не пьяницы и не забулдыги!

Предельно честные и передовики. И все трое — нездешние. Два блондина белоруса и один жгучий брюнет иранец. Но как все они друг на друга похожи! Вот, что значит один уровень духовности!»

Поблагодарив друзей, я вернулся в свой дом и, накрыв на стол, лёг в постель, чтобы успеть выспаться.

Глаза открылись сами собой. Я всматривался в темноту спальни и слушал тишину. Было такое чувство, что шаман где-то совсем рядом. Вот-вот раздастся стук в дверь и я услышу его голос. Прележав в постели минут пять, я поднялся, зажёл свет и стал неторопливо одеваться. В это время до слуха долетел далёкий еле уловимый гул мотора. Чей-то «Буран» переезжал Юган.

«Лисак Павлович уже в посёлке, — сделал я заключение. — Через несколько минут он будет здесь».

И я поставил на плитку полный чайник. Гул мотора приближался. Вот он напряжённо забасил на крутизне яра и ворча стал приближаться вдоль улицы к моему дому.

Я распахнул дверь и в чём был выбежал за калитку. «Буран» ехал с выключенной фарой. Очевидно, шаман не желал привлекать к своему приезду лишнего внимания. Спрыгнув со

снегохода, Лисак Павлович хлопнул по дружески меня по плечу и приказал:

— Немедленно иди в дом. Ты почему раздетый? Ну-ка давай домой. Морозюка какая, а он в майке! — стал возмущаться хант.

Пока я бегал домой и искал, что на себя накинуть, мой гость затащил в сенки два мешка мяса.

— Добыл лося в начале февраля и всё не с кем было тебе отправить, — извиняющимся тоном сказал он, показывая на привезённое.

— Что же ты делаешь, Лисак Павлович! — возмутился я. — Кто есть-то будет? У меня с осени столько рыбы, что не знаю, куда её девать! Одного язя сухого посола мешков с десятков и мохтика для собак свежего — гора!

— Мясо для разнообразия тоже нужно, — сказал улыбаясь гость, входя в избу.

Шаман был одет по походному: в оленью малицу и высокие привязанные к поясу кисы. Одним движением он сбросил с себя покрытую синим сукном верхнюю одежду и, подойдя к печи, стал согрывать об неё свои озябшие руки.

— Шесть часов ехал, и дорога была хорошей, но устал, и руки стало сводить от мороза. Особенно правую, — пожаловался Лисак Павлович.

У тебя как — всё готово? — взглянул он на меня.

— Сначала горячий чай, хорошая еда, а потом о делах, — сказал я, наливая в кружку гостю кипятка. — У нас же один обычай, что у русских и что у хантов: все вопросы после хорошего застолья.

— Понятно, — улыбнулся гость. — Сразу о делах даже негры не ведут разговоров.

Через несколько минут шаман уселся за стол и после кружки «купеческого чая» снова спросил о моей готовности.

Пришлось сказать ему, что национальный цветастый платок я купил ещё осенью и с бензином тоже все в порядке.

— Заправим до отказа оба «бурана».

— Ну что же, хорошо! — кивнул головой шаман. — Тогда через час выступаем. Сейчас четыре утра, — взглянул он на стенные ходики. — Выйдем в пять или полшестого, будет в самый раз! Скажи, чем ты занимался всю эту зиму? — перевёл гость разговор на другую тему.

— Искал в доступной мне исторической литературе сведения о пяти великих сибирских империях.

— Ну и как? — спросил меня хранитель древних хантейских преданий. — Что-нибудь нашёл?

— Всё что ты мне тогда рассказал, является правдой, Лисак Павлович.

— Народная память никогда не врёт, Гера, а то, что ты нашёл, всему, что от меня услышал, является научным подтверждением.

— Понимаешь, Лисак Павлович, благодаря твоей подсказке, я стал разбираться с экономикой племён сибирских ариев и понял, что их живучесть, сила и способность к переселению на огромные расстояния заключалась в её многоукладности. Где скотоводство не противопоставлялось земледелию, а земледелие — рыболовству и охоте.

— Прежде всего рыболовству, — поднял руку шаман. — Твои предки были великими рыбаками, это они научили добывать рыбу первых хантов. Охота для них была не главным занятием. А насчёт скотоводства я скажу тебе вот что: железные богатыри не были мясоедами.

— Но тогда зачем они держали огромное количество коров и баранов? — удивился я.

— Мясо белые люди степи ели, — откинулся на спинку стула шаман. — Но разводили они скот не столько для получения мяса, сколько для получения молока. Вот в чём секрет. Молоко и молочные продукты составляли основу их питания с одной стороны, добыча рыбы с другой, и с

третьей стороны — выращивание ржи, ячменя, в том числе, и тибетского, проса и других культур. Ты же знаешь, сколько можно приготовить продуктов из молока. Даже из овечьего. Молочное производство позволяет сохранить стадо. И в то же время быть сытыми. Понимаешь?

— «И волки сыты, и овцы целы!» — констатировал я.

— Вот именно! — кивнул головой шаман, вставая. — Я согрелся, давай собирайся. Нам пора.

Через полчаса мы мчались на своих «Буранах» по спящему Угуту в направлении переправы. Впереди ехал снегоход Лисака Павловича, я держался за ним следом. Сначала наш путь лежал в направлении юрт Коганчиных, потом мы помчались на юрты Каюковых, но, не доезжая их, шаман свернул на какую-то другую бураницу и мы оказались в дремучем кедраче. До рассвета было ещё далеко, и как Лисак Павлович находил дорогу между деревьями в непроглядной темноте, для меня оставалось загадкой. Я изо всех сил старался не отставать. Но мне это удавалось с большим трудом. Примерно через час кедрач перешёл в высокоствольный старый сосняк. Стало заметно светлее. Теперь дорога понемногу выпрямилась и то непомерное напряжение, с которым пришлось ехать через кедрач, мало-помалу исчезло. Рассвет нас застал в мелкаче.

«Наверное, это старая гарь, — подумал я. — Уж очень густой этот соснячок».

Но было видно, что «Буран» шамана едет сквозь него по прямой.

«Наверное мы на просеке, — отметил я. — Иначе сквозь такую чащобу на снегоходе не пробраться. Через пару часов езды по заросшей сосняком гари, когда совсем рассвело, «Буран» Лисака Павловича выехал на чистое болото. На его кромке шаман остановил свой снегоход и жестом велел мне сделать то же самое.

— Всё, дальше пойдём пешком, снимай с нарт лыжи и бери свой платок, — скомандовал он.

Когда я сбросил на снег подарок эвенков и стал развязывать юксы, хант сказал:

— Лыжи — целое состояние! Сколько веков прошло, а подобные ханты делать так и не научились. У нас хорошие подволоки, но без двойного изгиба и к тому же сделаны они не из ели, как твои, а из кедра. На твоих лыжах стоят лосиные жилы? — спросил он меня.

— Стоят, — кивнул я головой.

— На наших лыжах жил нет. Вот уже тысячу лет как пришли в тайгу ханты, а настоящими таёжниками, так и не стали, — не то сожалая, не то, наоборот, радуясь, сказал шаман. Когда мы надели лыжи, Лисак Павлович, осмотрев мой подарок Юган-Ики, чётко проговаривая каждое слово, стал объяснять.

— Лабазы капища стоят за болотом на небольшой поляне. Я туда пойду первым, ты по моей лыжне отправишься через минут десять. Подойдёшь к открытому самому большому лабазу. Меня на священном месте не будет. И ты меня не жди. Я тебе больше не нужен. Общайся с духом без посредника. Это традиция. Юган-Ики тебя ждёт.

— А что мне делать с платком? — посмотрел я на серьёзное сосредоточенное лицо шамана.

— Перед кумиром будет стоять деревянная подставка с вырезанными из корней дерева рогами оленя, — продолжил он своё объяснение. — На них ты увидишь несколько таких же, как твой платков. Они лежат в развилках рогов. Твоя задача, после общения с духом, положить свой платок на развилку сверху и вынуть платок снизу. В нижний платок вложена сила духа реки мужа Сорни Най. Сколько он тебе её даст, не знаю. Но думаю, что достаточно. Всё понял? — спросил меня шаман после своего наставничества.

И не дожидаясь ответа, пошёл на лыжах через болото.

«О чём же мне говорить с духом?» — думал я.

То, что мне вскоре предстоит общаться с очень могущественной стихией, я осознавал.

Но беда была в том, что я не знал о чём её просить. Да и надо ли просить сущность, которая и так знает все мои проблемы?

«Поблагодарю духа за оказанное доверие и наверняка хватит», — размышлял я.

Прошло десять минут и, как говорил Лисак Павлович, я отправился по его лыжне через болото. И вдруг я почувствовал тормоз: ноги перестали мне повиноваться, а в грудь упёрлась какая-то неведомая сила! Меня стало толкать назад. Сжав зубы, я сделал шаг вперёд, но это мне стоило стольких усилий, что я покрылся потом.

«Смотри-ка ты, не хочет моей встречи с духом реки! — возмутился я про себя. — Не нравится! Но ведь ты меня всё равно не остановишь!»

И я сделал ещё шаг, потом ещё и ещё. Никакого сильного ветра на болоте не было, но я шёл по открытому пространству, как будто навстречу мне дул ураган. Я падал на колени, снова вставал и опять заставлял себя идти вперёд. Кое-как добравшись до середины болота, я упал на снег и минут пять лежал в полной прострации.

«Что же делать? — размышлял я над создавшимся положением. — Может обратиться к предкам? Или вызвать на помощь дух хранителя? А может пора мысленно обратиться за помощью к самому духу Югана? В конце концов, я ведь к нему иду в гости».

Не придя к решению, я снова встал на ноги и опять полез грудью на невидимую силу.

«Всё-таки пройду! — твердил я сам себе. — Кишка у тебя тонка, удержать меня. Был бы ты сильнее, я бы с места не сдвинулся. А раз иду, значит, ты не так силён. И твой напор можно преодолеть».

Сколько мне пришлось тащиться через болото, я не знал. Как потом сказал шаман, он дожидался меня более часа. Я думал, что за болотом сопротивление только усилится, но ошибся. В лесу неведомая сила отступила. Переведя дыхание, я вышел по лыжне Лисака Павловича на снежную поляну, успокоился и стал готовым к общению с духом. Передо мной стоял высокий с открытыми дверьми лабаз, а за ним огромный, более двух метров высоты, одетый в сак из чёрных отборных соболей идол. Я подошёл поближе, чтобы разглядеть лицо кумира: горбоносое с тонкими губами и большими глазами, оно не походило на лицо ханта или ненца. Голова кумира было явно европеоидной.

«Вот ещё одна загадка, на которую ответ найден, — подумал я про себя. — В прошлом даже Чернецов заметил, что хантейские идолы имеют явно европеоидные черты. Подойдя ещё ближе, я поприветствовал стихией поклоном и мысленно поблагодарил за оказанное высокое доверие. И вдруг, мне показалось, что в глазах идола мелькнула добрая усмешка.

«Неужели, я не всё сказал? — возник вопрос в сознании. — Ну что ж, скажу то, что меня беспокоит, но не мысленно, а на словах».

Я отступил на шаг от лабаза и в лицо идолу, как живому человеку, сказал:

— Тебе, конечно, известно, что только что со мной на болоте было. Знаешь ты и то, что в лесу меня поджидает вселившийся в медведя Дух древнего шамана. Если ты ко мне хорошо относишься, то прошу тебя, дай силу мне выжить и выручить проклятых людей. Сколько веков они ждут помощи, а никто им её дать не может.

Закончив свой монолог, я посмотрел в лицо кумира, и мне опять показалось, что идол на секунду ожил. Я увидел своими глазами кивок его горбоносой головы! Перестав всему удивляться и невольно поклонившись кумиру, я подошёл к подставке с оленьими рогами и положил свой платок на другие, лежащие на развилке деревянных рогов, такие же чёрные с яркими цветами платки. Потом из стопки достал нижний и, сложив, сунул его за пазуху. Отойдя на несколько шагов, я ещё раз поклонился кумиру и мысленно поблагодарил его за помощь.

Когда я переходил болото мне показалось, что вокруг него стали выть волки и раздались душераздирающие крики. Подойдя к «Буранам», я увидел сидящим на одном из них Лисака

Павловича. Взглянув на меня, шаман встал и покачал головой:

— Я всего ожидал, Гера, но не такой реакции тёмного!

— Что ты имеешь в виду? — спросил я его.

— Ты вот что мне скажи, — не обращая внимания на мой вопрос, посмотрел мне в глаза

Лисак Павлович. — Как так случилось, что уцелело на болоте твоё сердце? Ты же не шёл, а полз! И сердце такую нагрузку вынесло?!

— Не знаю, — пожал я плечами. — Как-то оно у меня устояло. Хотя трудно было...

— Не трудно, а вообще невозможно. Но ты «концы» не отдал? То, что тебе удалось преодолеть не под силу ни одному человеку. Видел бы ты, что на болоте когда ты шёл, творилось! Я пытался тебе помочь, но где там! Укатало и меня, еле отдышался.

— Что же ты не обратился за помощью к Юган-Ики? — спросил я шамана.

— А ты почему не обратился? — задал он мне встречный вопрос.

— Наверное, потому что чувствовал свою силу.

— Но откуда она у тебя?

— Может оберег старой эвенкийской шаманки? — посмотрел я на Лисака Павловича.

— Оберег у тебя хороший, но не в нём дело. Кто-то тебя вёл, дружище! Раздвигая впереди твоих лыж всю их свору, — кивнул головой шаман на болото, — прорисовалась сущность необычайной силы. Ты хоть знаешь, кто это был?

— Не знаю! — растерялся я. — И представления не имею.

— Конечно, не имеешь, — засмеялся Лисак Павлович. — Если это был ты сам из будущего.

От слов шамана я растерялся.

«Я сам, да ещё и из своего будущего? Что за абракадабра?»

— Вот что, подожди меня здесь, я скоро вернусь, — снова вставая на лыжи, сказал Лисак Павлович. — Схожу за твоим подарком от Юган-Ики.

— Что это ещё за подарок? — спросил я.

— Увидишь, без него тебе не выжить.

Сказав загадочные слова, шаман направился к капищу. Через минут сорок он вернулся с каким-то свёртком.

— Вот, забирай, оно теперь твоё, — подал он мне принесённое.

В руках у Лисака Павловича было старинное ружьё. Стволы из дамасской стали, массивные курки и красная из французского ореха ложа. Я взял раритетное ружьё в руки и прочитал золотыми буквами написанную на стволах надпись: «Его Величеству императору Российской империи Николаю II от германского императорского двора. Мастер Берела 1903 год». Буквы еле видны, но читать их было можно.

— Как оно оказалось в Сибири, а не в музее? — посмотрел я на шамана.

— Наверное, досталось хантам от белогвардейцев, — улыбнулся тот. — Двенадцатый калибр, ружьё мощное. В нём сила Юган-Ики. С него можно убить чёрного медведя, с другого ружья — нет. И благодари за подарок не меня, а духа реки, — сказал шаман серьёзно.

Глава 28. Чёрный медведь

Я расстался с Лисак Павловичем на берегу Югана. Ему было надо в направлении юрт Ярцевых, а мне на север, в Угут. На прощание шаман мне сказал:

— Если что непредвиденное, то сразу ко мне. Вместе решим что делать. И не подставь Колю Кинямина, ему расскажешь всё как есть, без утайки, только перед поездкой на Кульёган.

Пожимая руку хантейскому жрецу и философу, я спросил:

— Как ты думаешь, что ждёт СССР в ближайшем будущем?

— В ближайшем будущем ничего, — грустно улыбнулся шаман. — Но в начале следующего десятилетия страна развалится. Запад с помощью Горбачёва отделит от неё все союзные республики. Мало этого, попытается расчленить и саму Россию. И будет близок к этому. Очень близок. Но Россия устоит.

— Тебе что, духи обо всём этом поведали? — спросил я.

— И духи, и не духи. Попытайся сам разобраться в том, что происходит, не слушая ни радио, ни телевизора. И тебе духи то же самое скажут.

Я смотрел вслед удаляющемуся на своём снегоходе мудрому ханту и про себя думал:

«Там, в Москве и в других столицах мира строят тайные планы, придумывают многоуровневые системы защиты своих делишек от общества. Но от таких, как он — мой друг шаман, дядя Ёша и хранитель, никакие грифы «секретно» не спасают. Эти люди знают о будущем больше, чем кто его нам навязывает. По сути, все трое предсказали одно и то же».

— Что же, придётся ждать развязки, — вздохнул я, заводя свой снегоход.

Весна пришла незаметно. В апреле спали холода и зазвенели ручьи. Через несколько дней Юган взломал свой ледяной панцирь и понёс на своих плечах горы белоснежного сахарного льда. Многие местные охотники отправились вслед за идущим ледоходом на весеннюю охоту. Один я никуда не торопился. Продуктов у меня хватало, а стрелять уток и гусей ради забавы я считал подлостью. Свободное от работы время я проводил в обществе книг и своих верных друзей. После ледохода в Угут с отдалённых юрт стали приезжать ханты. И я терпеливо поджидал приезда Николая Кинямина. Разлившийся Юган плескался своими мутными и тёмными волнами совсем рядом с моим домом. На воде под яром стояли две моих лодки: казенная «казанка» и недавно прибывшая катером из Сургута деревянная «Амурка», та самая, которую мне несколько лет назад подарил хранитель. Поглядывая на них из окна, я ждал, когда под яр к моим лодкам пристанет и «Прогресс» Кинямина. В конце мая Николай всё-таки приехал. Приколов свой «Прогресс», он быстрыми шагами поднялся к моему дому, и мы обнялись.

— Ты почему так поздно? — спросил я его.

— Без мотора я теперь: осенью ездил за покупками в Сургут, сняли тридцатку с «Прогресса» прямо днём, кое-как до дому на «Ветерке» допиллил.

— А это что? — показал я на мотор, виднеющийся на его лодке.

— Из юрт Каймысовых привёз, от дядьки. У него этот «Нептун» лет пять как валяется. Вот он мне его и отдал. Потому и запоздал, что побывал у Каймысовых.

Позднее, за столом Николай рассказал о своей зимней охоте. Добавил, что хорошего соболевания не получилось. И виною всему оказался его отец Спиридон, который не пошёл на родовые уголья, боясь «маячки».

— Но ведь «маячку», как правило, видят на Кульёгане да и то в лунные ночи, ваши-то уголья от Кульёгана в ста с лишним километрах? — удивился я.

— Так-то оно так, — развёл руками Николай, — но души каких-то фей стали появляться и в

наших урманых. Петро Асманов из юрт лумкиных утверждает, что видел «маячку» на своих родовых угодьях. Он так перепугался, что вообще после Нового года на охоту не пошёл. Потому и отец мой заупрямился.

— Ну а ты как считаешь? Может «маячка» навредить охотнику? — Спросил я Николая.

— Думаю, что нет. Но разве можно что-то объяснить таким, как мой отец? Он сам не знает, чего боится.

— Знаешь, Коля, давай сделаем так, — сказал я ханту. — У меня месячный отпуск, и я поеду с вами, но не в район юрт Киняминых, а на ваши родовые. Думаю, твой отец, если ты за мной последуешь, с нами поедет. Ты как, не против? Тем более мне пушнина не нужна, просто хочу тебе помочь.

— Конечно, я только «за», — засмеялся Николай. — Может, вместе старого и уговорим...

— Скажи, когда мне к вам в юрты приехать?

— Что сейчас решать? — отмахнулся молодой охотник. — В августе или сентябре я в У гуте всё равно появлюсь, там и решим.

Через несколько дней Коля Кинямин снова уехал к себе на стойбище, и я взялся за подготовку к предстоящей экспедиции. Первым делом мне пришлось смастерить себе лёгкую ручную нарту. Потом я заказал в экспедиции зимнюю палатку. В Сургутском охотсоюзе приобрёл к ней железную печь. Изготовил из стриженной лосиной шкуры сменные тёплые нырики и достал зимний меховой спальный мешок. К августу все приготовления были закончены. Оставалось дожидаться приезда своего друга ханта. Николай появился в середине сентября и сообщил, что меня он ждёт в юртах Киняминых в конце октября.

— Как только выпадет мало-мальски снег, отправимся на «Буранах» к Кульёгану, — сказал он. — Там поставим палатку и займёмся промыслом.

— А как Спиридон? — спросил я молодого охотника.

— Долго отнекивался, потом решил ехать с нами. Палатка у нас большая — места всем хватит, — закончил он про своего отца.

— Вот и хорошо! — обрадовался я. — Ты как, «маячку» сильно боишься?

— Я её не боюсь, это она меня боится, сколько по урманам ни хожу, никогда ничего не видел, — засмеялся охотник. — А ты хоть и русский, но принимаешь всерьёз наши поверья?

— Это не поверья, Николай. Мы имеем дело с реальностью. И хотелось бы с ней разобраться.

— Если повезёт, может, и разберёмся, — посмотрел на меня охотник.

Я помог Николаю закупить на промысел кое-какие продукты и попросил его взять с собой ещё одну бочку бензина.

— У меня же «утюг». «Нептун» его и так еле таскает, — возмущался охотник, глядя на свою тяжёлую «шлюпку». — А ты хочешь, чтобы я впихнул в неё ещё двести литров!

— Заберёшь мою «тридцатку», она мне всё равно не нужна. На казённой катаюсь, — успокоил я его. — А бензин нам на охоте ой, как может понадобиться.

— Однако, что-то ты задумал, Георгий, — смекнул Николай. — Наверное, хочешь до самого Кульёгана махнуть? Я только «за», но что делать со Спиридоном?

— На месте что-нибудь придумаем. Как говорят в таких случаях — время покажет.

В конце октября после сильного мороза наконец пошёл снег.

— Всё — началось! — сказал я сам себе. — Завтра директор подпишет отпуск, а через день буду в юртах Киняминых. Скоро должна начаться ещё одна моя экспедиция. Чем она закончится, неизвестно. Хорошо, что всё к ней у меня готово.

Я приехал в юрты поздно вечером. Последние километры почти вслепую. Ладно подвернулся чей-то буранный след, он и привёл меня к стойбищу хантов. Маленькие

засыпанные молодым снегом хантейские домики стояли на яру один за другим вдоль берега Малого Югана. Какой из них Николая Кинямина, я не знал. Оглядевшись по сторонам и привязав к «Бурану» своих собак, я пошёл по улице вдоль домов к единственному на всём малом Югане Киняминскому магазину. Около него тарахтела АБэшка, и горела, зазывая народ, одинокая лампочка. Директора и одновременно продавца этого магазина я хорошо знал. Его фамилия была Нечипас. Володя Нечипас — юганский бендеровец, как его звали жители Угута. Этот человек уроженец Западной Украины, жил в юртах Киняминых больше 10 лет. Он устроился в местный райпотребсоюз и спокойно, со знанием дела, «стриг» в своём магазине и по всему Малому Югану неплохие «гроши».

— Дюже гроши люблю, — признавался он своим знакомым. — Потому и живу среди хантов.

Все хорошо знали, что, кроме своих прямых обязанностей, Володя Нечипас занимается по всему Малому Югану интенсивной скупкой пушнины. Но что толку от такого знания? Володю никто не трогал. Наоборот, в районном центре у него было много друзей. Как говорится: «У нас всё схвачено, за всё заплачено...»

Я открыл дверь в магазин, но в нём никого не оказалось. Тогда я вошёл во вторую половину магазина, где жил его продавец и директор. И что же я увидел? На диване рядом с печью валялся пьяный Нечипас, а его голые пятки упирались в ещё тёплые кирпичи кладки.

— Ты кто такой? — не узнал он меня. — Ты знаешь, к кому пришёл?! Эй, «Генсек», иди-ка сюда, будем разбираться с этим!

Из соседней комнаты, еле стоя на ногах, появился «Генсек». Это был щуплый хантик, средних лет, которого Нечипас использовал как грузчика и дармовую рабочую силу по заготовке дров. Оба: и Володя, и «Генсек» уставились на меня, не понимая, откуда я взялся? Так и не поняв, кто я такой, Нечипас достал из-за печи топор, а «Генсек» выдернул из ножен свой национальный охотничий нож. Дело ни с того ни с сего приняло крутой оборот. Мне пришлось отобрать у обоих оружие и пригрозить скорой расправой, если опять вздумают за что-нибудь хвататься.

— Это же ты! — наконец узнал меня местный торговый божок. — Посмотри, «Генсек», так это же Георгий, что работает в заповеднике! Не узнал я тебя сразу, не узнал! Зачем это ты по-хантейски вырядился? — полез ко мне обниматься Володя.

— Я к вам на «Буране» прикатил, потому и одет как положено, но не знаю, где живёт Коля Кинямин, — сказал я пришедшим в себя собутыльникам.

— Кинямин что, твой друг?! Тебе сейчас покажет мой «Генсек»! — пролепетал слова Нечипас.

Я вышел на улицу. За мной через несколько секунд из дома магазина выполз и «Генсек».

— Пойдём! — махнул он мне жестом.

Поняв, где живёт Николай, я направился к своему снегоходу.

«Вот она действительность, — думал я над тем, что увидел, — какой-то жалкий продавец, но имеющий деньги и дефицит воображает себя местным богом! «Генсек» у него на побегушках, в качестве сторожевого пса и бесплатного рабочего. Чем не модель нашего агонизирующего земного социума. Боги — торгаши и банкиры. А генсеки у них и президенты в качестве говорящей живой скотины.

Встретив меня, Николай тут же велел своей молодой симпатичной жене накрывать на стол.

— Это Георгий, — представил он меня. — С дороги из Угута, подавай скорее чай и что-нибудь перекусить.

После ужина и обильного чаепития я сказал Николаю, что есть у меня к нему разговор. И разговор серьёзный. Одевшись, мы вышли на улицу, и я, как посоветовал Лисак Павлович,

рассказал молодому ханту историю бывшего фельдшера. О том, как он встретил души «давно погибших» «железных людей» и как попал в лапы медведю.

— Ты хочешь, чтобы и меня «пупи» ^[2]скушал? — посматривая на чёрное зимнее небо, спросил Николай.

— Что, испугался?

— Да нет!

— Это почему? — удивился я.

— Потому что слышал о твоей дружбе с Лисаком Павловичем. Знаю, как ты помог ему укрыть от людей Грязина нашего кумира. Наверняка ты ему тоже поведал про духа шамана.

— Да, я рассказал ему всю эту историю.

— Но раз он тебя не отговорил, значит, не так всё плохо...

— Ты прав, Коля, есть надежда. Но дело тут не в шамане, а в самом Юган-Ики.

— Как это? — не понял охотник.

И тогда я рассказал ему о своём посвящении.

— Можно мне взглянуть на ружьё — подарок духа? — спросил Николай.

— Конечно! — засмеялся я. — Пойдём, покажу.

Через день к домику Николая подъехало ещё два «Бурана». На одном прикатил его отец Спиридон, на другом — младший брат Ванюшка.

— Питя ^[3]! — протянул свою крепкую руку отец Николая, здороваясь,

— Значит, с нами на соболёвку?

— Ненадолго, всего на месяц, может полтора, — сказал я. — Хочу помочь. А то мои лайки совсем застоялись. Прошлый год весь сезон в вольере просидели.

— Какие-то у тебя странные собаки. Уж очень большие, таких мы не держим... Вон лапы какие! Как у волков. На таких они всю зиму по сугробам могут бегать, — разглядывал Спиридон странных чёрных лаек.

— А «пупи» они тоже не боятся? — вдруг спросил он, как бы невзначай.

— Это медведь от них в ужас приходит. Некоторые аж на деревья заскакивают, — улыбнулся я.

— Тогда, однако, собаки хорошие. — заключил отец Николая.

Рано утром на четырёх «Буранах» мы двинулись в направлении родовых угодий семьи Киняминых. Впереди на своём стареньком снегоходе ехал Спиридон, за ним Николай, мой «Буран» замыкал колонну. К вечеру наш караван добрался до места охоты Ванюшки. Быстро была поставлена палатка. Затоплена в ней печь, и когда вытаял под её белой тканью снег, всё дно крест-накрест заложили молодым лапником. В палатке места хватило всем. На снегу вокруг неё спали только наши охотничьи лайки. Собаки между собой очень скоро нашли общий язык, и поэтому проблем с ними не было. Наутро поредевший караван двинулся дальше. Проехать предстояло ещё 40 с лишним километров. Снега было пока мало, поэтому наши снегоходы еле тащились. Мы добрались до места лагеря только после обеда. Когда поставили палатку и затопили в ней печь, у нас пошёл разговор о местах охоты.

Спиридон заявил, что его территория ведёт в направлении участка Ванюшки — на запад, в сторону Кульёгана он не пойдёт. Николай взял себе участок южнее в междуречье малого Югана и Кульёгана. Мне достался северо-восток, та территория, на которую Спиридон боялся и ступить. За разговорами прошёл вечер, наступила морозная ночь. Но спать мне не хотелось. Накинув на себя верхнюю одежду, я вышел из палатки на морозный воздух. Звёзд не было видно. Над головой висело тяжёлое чёрное небо. Было тихо и тревожно. Ко мне подбежал Халзан. Встав на задние лапы и упёршись передними в мою грудь, кобель языком дотянулся до моего лица.

— Нам предстоит серьёзное дело, — обнял я его. — Очень серьёзное. Вся надежда на тебя и на твою подругу. Тут либо он, либо мы. Другого не дано. Сможете остановить зверя, хотя бы на секунду задержать, дать возможность хорошо прицелиться, значит, останемся жить, если не получится, то как знать, может, и погибнем.

Было такое чувство, что умное животное меня поняло. Кобель заскулил и ткнулся головой мне в грудь, дескать, сделаем всё от нас зависящее, не переживай, хозяин. Видели мы косолапых — не испугаемся.

Через минуту ко мне подошёл Коля.

— Что-то не спится, — сказал он. — Интересно, что нас ждёт? Ты веришь, что мы найдём земляную гору с идолами?

— У меня с собой карта, Николай, если она не врёт, то обязательно найдём.

— Ты вот что, будь в лесу осторожен, смотри в оба! — напутствовал он меня. — Не все медведи ещё легли. Некоторые будут бродить до сильных морозов.

— Это к тебе тоже относится, — сказал я ханту.

— Отец Спиридон через месяц поедет в юрты, — продолжил Николай. — Он долго без спиртного не может, вот мы тогда на Кульёган и отправимся. Будем искать идолов, пока не найдём. Идёт?

— Идёт, — ткнул я его ладонью в грудь. — Хорошо, что я с Кулешовым договорился об отпуске без содержания...

— Ты молодец, что уговорил меня взять ещё одну бочку бензина, — добавил Николай.

Назавтра мы отправились на свои участки. Ушли рано утром и вернулись поздно вечером. Я пришёл с двумя соболями и чернышом — молодым глухарём. Заниматься белками своим собакам я запретил. Поэтому, твякнув на белку раз или два, они её бросали и мчались искать свежий след соболя. Ханты на двоих добыли одного соболя и с десяток белок. Я отдал свою добычу Спиридону и, позвав Николая за дровами, стал его расспрашивать, что он видел.

— Следов «лупи» не встретил, — ответил на мой вопрос молодой хант. — Видать всё-таки легли, мишки-то. И Спиридону медвежий след даже старый не попадался.

— Наверное, спят косолапые, — сделал я вывод. И я, кроме беличьих да соболиных следов, других не встретил.

— Это к сильным морозам, — заключил Николай. — Хотя, кто знает, может, я и ошибаюсь. Но молодой охотник оказался прав. Через пару дней ударил мороз под тридцать.

«Теперь мишки точно все спят, — думал я. — Это хорошо! Хотя и силен древний шаман, но против природы и он наверняка слабак. Поднять медведя в такой мороз, ой как сложно!»

А морозы с каждым днём становились всё сильнее и сильнее. Через неделю по ночам температура стала опускаться до сорока и даже ниже. Пришедшие морозы тормознули и наш промысел. Пушные зверьки ходили мало. Больше грелись в своих убежищах и дуплах. Стало складываться впечатление, что тайга совсем опустела. Но такая погода простояла дней пять, потом стало заметно теплеть. На небе появились тёмные облака, и пошёл мелкий снег. И тогда я решил идти с ночёвкой подальше от лагеря.

— Надеешься, увидим «маячку»? — прямо задал мне вопрос Николай. — Поди ночевать будешь где-нибудь на болоте. Сейчас как раз полнолуние.

— Если честно, на эту тему не думал, — усмехнулся я. — Но учту. Просто захотелось пробить дорогу подальше в сторону Кульёгана.

Ушёл я, когда было совсем темно. Взяв направление по компасу, я шёл напрямик через сосняки и моховые болота, через старые гари и осинники. Снега было для лыж достаточно, и я с удовольствием топтал дорогу для снегоходов. Вечер застал меня, как и предполагал Николай, посреди водораздельного широкого болота.

Я утоптал лыжами снег, натаскал побольше сушняку и, сделав две параллельные надьи, улёгся между ними хорошенько поспать. О «маячке» не думал. До Кульёгана было ещё далеко.

«Никакой чертовщины здесь быть не должно», — успокоил я себя.

За дорогу мне удалось добыть трёх соболей. Теперь после отдыха Предстояло с них снять шкурки. Занятие не из приятных, но что делать, не тащить же тушки назад в лагерь? Соболей мне было не жаль.

Хищные зверьки, охотящиеся, начиная с мышей и заканчивая зайцами и глухарями, не вызывали у меня симпатии. Я знал, что соболь не терпит на своём участке ни горностаю, ни колонку. Но если горностаю от соболя имеет шанс улизнуть, то колонок, как правило, погибает. Мне не раз приходилось находить колонков, загрызенных соболем. Вспоминая хищные подвиги куниц и соболей, я не сразу услышал тихое рычание собак. Когда я вскочил со своей лежанки, было уже поздно. Собаки с яростным лаем бросились по болоту к ближайшему рямю.

«На кого это они?» — метнулись в голове мысли.

Я стоял между двух костров, держа в руках ружьё-подарок Юган-Ики и не знал, что делать? Вокруг меня была непроглядная ночь, Луна ещё не взошла. Я ничего не видел, зато меня было хорошо видно! А между тем, в ряме на краю сосновой гривы собаки с кем-то яростно вели бой.

«Кто же это такой? — терялся я в догадках. — Может, зажали росوماху?»

И в этот момент над заснеженными просторами северной тайги раздался злобный рёв медведя! От этого рёва на лбу у меня выступил холодный пот.

«Прав был фельдшер, — вспомнил я про старика. — Сила тёмного жреца способна поднять медведя в любой мороз. Не будь у меня стариковских лаек, этой ночью мне пришёл бы конец. Михайло Потапыч выгацил бы меня из-под одеяла, и костры бы его не испугали. Потому что это уже не медведь, а человек в образе медведя. Самый настоящий оборотень».

А между тем лай стал мало-помалу удаляться. Медведь убежал на сосновую гриву.

«Надо же как близко подошёл! Буквально вплотную! Три-четыре прыжка и он был бы у костров».

Собаки пришли через четыре часа уставшие и замученные. Они упали на лапник и тут же уснули. У Халзана из рваной раны на голове текла кровь. Не лучше выглядела и его боевая подруга. У сучонки сочилась кровь с загривка.

«Да, досталось вам из-за моей глупости, — разглядывая их, думал я. — Чёрт дёрнул остаться на ночь в лесу! Завтра идём к лагерю и как можно быстрее».

Поспать мне удалось не более часа. И то, когда собаки проснулись и сталилизывать друг у друга раны.

«Хорошо, что снег мелкий, — размышлял я над случившимся. — Был бы он поглубже — собакам конец! От мишки они бы не увернулись».

Я тронулся назад, когда совсем рассвело. По накатанной лыжне идти было легко. Но измученным ночной дракой собакам было уже не до охоты. Они плелись сзади меня, то и дело поскуливая и останавливаясь.

— Ничего, — подбадривал я их. — Скоро придём в лагерь и отдохнете как следует. Больше я ночевать в лесу не буду. Если у вас бледный вид, представляю, как вы отделали косолапого! Он, наверное, состоит из сплошной раны.

Но, проходя мелкий сосняк, собаки вновь насторожились, и с громким лаем снова бросились за деревья.

«Вот паскуда! — пришёл я в ярость. — Не унимается! Устроил засаду!»

А между тем, за стеной небольших пушистых сосен началась новая драка. Я со всех ног бросился на помощь собакам. Но когда я прибежал к месту схватки, никого там уже не было. Яростный лай и злобный звериный рёв раздавались где-то впереди в двухстах метрах от меня. Я

взглянул на следы медведя и пришёл в ужас. Таких огромных следов я давно не видел.

«Ну и махину поднял тёмный из берлоги! Потому он и не мёрзнет. Такую массу заморозить не так-то просто!» — сделал я вывод.

И я снова побежал что есть силы на лай. Услышав моё приближение, собаки атаковали медведя ещё с большей яростью. Но зверь, подмяв под себя кого-то из них, это я понял по визгу, бросился дальше в чащобу.

«Заманиваешь, мразь! — думал я, понимая манёвр зверя. — Хочешь заставить меня подойти к тебе вплотную. Лезешь в непроходимые дебри. Значит, боишься!»

И я стал, идя по следам и клочкам разброшенной шерсти, звать к себе собак.

«Неужели кто-то из них попал под удар!» — тревожился я, хотя до слуха долетал лай обоих.

Это меня успокоило. Прошло минут двадцать, лай утих, и через некоторое время ко мне подбежала измученная и задыхающаяся израненная Дамка.

— А где Халзан?! — спросил я её. — Ну-ка, пойдём его искать!

От мысли, что Халзана уже нет, у меня до боли сжалось сердце. Я как бешеный побежал по следам собак и медведя, раздвигая кусты и ища глазами своего любимца. Но собаки не было видно. Тогда я стал звать Халзана. И вдруг услышал позади себя визг. Оглянувшись, я увидел и Халзана, и Дамку идущих на некотором расстоянии следом за мной. Кобель еле передвигал ноги. Было видно, что каждый шаг даётся ему с трудом. Откуда он взялся, я так и не понял. Главное, что был жив! Подъехав к собакам, я стал на колени и обнял обоих, прижав к себе.

— Вы два раза спасли мне жизнь там, на болоте, и здесь, в этом мелкаче! Сейчас нам надо выбираться на нашу лыжню и скорее уходить. Иначе зверь успеет устроить ещё одну ловушку.

Я ощупал Халзана. Рёбра у собаки были целы, но на плече и боку зияли две рваные раны, ещё одна царапина была на голове. Дамка выглядела несколько лучше. Новых травм у неё не прибавилось. Но глубокая царапина на загривке вызывала беспокойство.

— Пойдёмте, пойдёмте, — подбадривал я собак. — Нам бы перейти эту старую гарь, дальше зверь будет не страшен. Вплотную ему уже не подкрасться.

Выбравшись на дорогу, мы двинулись в сторону лагеря. Впереди бежала Дамка, за ней на перевес с ружьём шёл я, за мной плёлся, поскуливая, Халзан. Не прошли мы и двух километров, как бежавшая впереди Дамка остановилась и стала прислушиваться. Потом злобно зарычав, молнией метнулась за стоящие впереди сосенки. За ними опять началась драка. Снова раздался холодящий душу рёв зверя и яростный лай собак! Как рядом с Дамкой оказался Халзан, я не видел. Прижав приклад «Берелы» к плечу, я помчался на помощь своим лайкам.

«Только бы тебя увидеть, миша! — думал я. — До чего же ты настёрный! Хочешь меня убить. И одновременно боишься, значит, понимаешь, что я и сам могу тебя прикончить».

Подойдя к месту, где лежал в засаде Михайло Потапыч, я понял, что имею дело с невероятно умным и хитрым противником. Лёжка зверя была в трёх метрах от моей лыжни.

Не будь впереди Дамки, неизвестно, чем бы для меня всё кончилось. Я прислушался. Судя по удаляющимся звукам борьбы, медведь снова тянул в мелкач.

«За дурака меня держишь, думаешь, от ненависти к тебе ослепну?» — усмехнулся я про себя.

И я, давая собакам понять, что пора возвращаться, выстрелил в воздух. Впереди виднелся высокоствольный сосняк.

«В нём зверю ко мне не подойти, — подумал я. — Кажется, побеждаем, только бы никто из собак не погиб!».

Выйдя на чистое место, я стал поджидать своих лаек. Первой прибежала Дамка, за ней через несколько минут на лыжне показался, ковыляя, Халзан. Подойдя ко мне, кобель лёг на снег и заскулил. Я понял, что последняя драка со зверем отняла у моего любимца последние

силы.

— Вот что, дружище, — сказал я ему. — Давай-ка сделаем так: ты пока лежи, а я через несколько минут свяжу волокушу. И потом мы с Дамкой на ней тебя увезём».

Срубив охотничьим ножом две молодые сосенки, я сделал из них нечто подобное полозий. На перекладыны накидал лапнику и осторожно положил на него Халзана.

— Лежи, не вставай, потихоньку тебя довезу, — наказал я собаке.

Умный пёс меня понял. Заскулив, он свернулся клубком, и мы

снова двинулись по лыжне к лагерю. Тянуть волокушу с лежащей на ней собакой было дело непростое. Через каждые двести метров приходилось останавливаться, поправлять лежанку и отдыхать. Через пару часов такой езды я понял, что к вечеру добраться до лагеря мы не успеем. Значит, надо подыскать безопасное место для ночлега. Но когда я бросив волокушу, занялся сбором сушняка на костёр, до моего слуха долетел винтовочный выстрел.

— Кто-то идёт по моей лыжне! — обрадовался я. — Наверное, Николай.

И вставив в ствол ружья сигнальную ракету, я выстрелил в воздух.

Через десять минут ко мне подошёл Коля Кинямин. Взглянув на меня и на собак, он всё понял.

— Почувствовал беду, вот и пошёл по твоему следу. Видать, правильно сделал. До палатки отсюда ещё далеко, а до вечера близко. Давай здесь заночуем, а завтра вместе пройдем, — предложил молодой охотник.

Крайне уставший, я был согласен на всё что угодно, только не на дорогу к лагерю. Вместе мы разожгли большой хороший костёр. И напившись чаю, стали думать, что делать дальше.

— Если б не они, мне бы конец, — показал я на лежащих на лапнике собак. — Халзан совсем плох, еле стоит на ногах. На волокуше тащил его километров пять.

— Ничего, к завтрашнему дню он отойдёт. А то что не ест, это хорошо, скорее выздоровеет, — посмотрел на собаку охотник. — Главное, кости целы.

— А то что «пупи» ему все внутренности отбил, ничего? — спросил я его.

— Не отбил, отлежится, завтра встанет. Лучше расскажи, как всё было.

— Никакие морозы его не взяли, — начал я свой рассказ. — Три раза пытался напасть.

— Ничего себе! — удивился Николай.

— Три раза подряд. Это не медведь. Мы имеем дело с оборотнем! Он где-то рядом бродит. Хорошо, что кругом чистоган. Я специально выбрал это место.

— Я вот почему забеспокоился, — перебил меня Николай. — В то утро как ты ушёл, отец обнаружил след медведя рядом с нашей палаткой. След очень большого медведя. И, не говоря ни слова, собрался и отправился к Ванюшке.

— Скоро же он сбежал!

— Ты бы видел, как Спиридон торопился. Как будто палатка загорелась. Скорей, скорей, и по газам! И мне сказал, чтобы я не задерживался.

— А обо мне что-нибудь говорил? — спросил я ханта.

— О тебе ничего. Как будто тебя и нет вовсе.

— Похоже, твой отец многое знает, — подумав над случившимся, сказал я. — Про медведя точно! Ну и что будем делать? — спросил я Николая.

— Как только собаки придут в себя, на двух «Буранах» поедем искать идолов и надо добыть этого бешеного медведя. По-другому нам никак нельзя. Либо он нас, либо мы его, — спокойно, без тени страха, озвучил свои соображения молодой охотник.

— Что-то я за Халзана боюсь, за весь вечер он ни разу не поднялся,

— подошёл я к своей собаке. — Ну что, Халзан? — склонился я над ним.

— Не дай бог, если ты покинешь своего хозяина, нам без тебя будет совсем плохо.

К лежащему на лапнике израненному кобелю подошла Дамка. Она стала лизать его морду, раны на плече и шее. В этот момент бегающая вокруг костра собака Николая — Дымок с лаем кинулся к стоящим невдалеке соснам. За Дымком к группе деревьев птицей полетела Дамка. А за ней мгновенно выздоровевший Халзан...

— Вот это у тебя собака! — закричал в восторге Николай, хватая свою «Белку». — Минуту назад лежал при смерти, а сейчас смотри-ка, он там впереди!

Завидев трёх собак, медведь рывкнул и бросился в спасительный мелкач.

— Это уже четвёртая попытка, — сказал я, подымая вверх стволы «берелы». — Надо выстрелами вернуть собак, — попросил я Николая.

Но вскоре все три лайки вернулись. Халзан, подойдя к костру, улёгся на своё место и закрыл глаза.

— Уже отходит. Просто надо кобелю хорошо отоспаться, — посмотрел на меня мой друг.

— А я думал, что ты про тот свет, — засмеялся я.

Утром волокуша Халзану уже не понадобилась. Очевидно, ночной стресс вернул ему силы. Кобель семенил вслед за нами, опустив хвост, но уже не скулил. Когда мы подошли к лагерю, то не узнали места, где он был. От палатки остались одни клочья, жестяная печь оказалась смятой, мешки с продуктами все порваны и мука, и крупы смешаны со снегом. Раскиданы были даже заготовленные дрова. Собаки ходили по разорённому лагерю и злобно рычали.

— Эта бестия побывала здесь рано утром, — осмотрев следы разбоя, сделал я вывод.

— Я с тобой согласен, — кивнул хант.

— Надо же сколько у него злобы! Интересно, сожрал он наши консервы? — посмотрел я на перевернутый ящик.

— Он их не сожрал, а раскидал и закопал в снег, — выпинывая из сугроба банку со сгущёнкой, сказал Николай.

— Ну и дела! Надо собрать что уцелело, ведь нам ещё жить да жить! Хорошо, что в моей нарте лежит ещё одна палатка с печкой. До неё зверь не добрался. В ней Н.З. продуктов.

— Смотри-ка, ты, оказывается, всё предусмотрел, — удивился охотник.

На то, чтобы отыскать все разбросанные консервы и собрать мало-мальски сахар и крупу, у нас ушло два часа. В темноте мы поставили вторую палатку и затопили в ней печь.

— На дежурстве пусть будет Дымок, — сказал Николай. — Твоих, однако, надо в тепло, так они скорее придут в себя. Если начнут есть, то придётся кормить их как следует. Плохо то, что медведь закусил почти всей нашей рыбой.

— Не всей, я вон на дерево мешок как повесил, так он там и висит. В нём мороженая щука. Так что живём!

— Живём! — согласился Николай.

Через трое суток обе мои собаки совсем оклемались. Они стали хорошо есть и даже между собой играть. Медведь больше нас не беспокоил. Было даже как-то странно. Он как будто исчез.

— Ну что, завтра отчаливаем? — спросил я Николая.

— Думаю, что надо, иначе опять стукнут морозы и на «буранах» ехать станет опасно, — кивнул головой Николай.

Глава 29. Идолы

День ушёл у нас на сборы. Мы в кучу сложили рваную палатку и накрыли её мятой печью. И, на всякий случай, написали записку Спиридону.

— Наверняка отец через пару дней сюда приедет, — усмехнулся Николай. — Представляю, какой у него будет вид, когда до него дойдёт, что натворил здесь шатун?

— Скажет себе спасибо, что сбежал, — прикалывая на сосну послание, добавил я.

— Как бы они с Ванюшкой вообще в юрты не уехали, — погрустнел Коля.

— Не переживай, план ты уже сделал, а охота только началась. До весны ещё столько всего будет! — успокоил я его.

— Да я не о себе, а о них. Если сбегут, чем жить будут? Останется только ершей собирать по заторам да у родни клянчить.

— Не будь таким пессимистом, — засмеялся я, складывая на нарту свои вещи. — Побирушек из них не получится. Не у кого будет просить, ты же понимаешь, что назад мы уже не вернёмся?

— Я полагаю, пупи нами подавится, — проворчал хант.

— Как ты понял, это не простой медведь, а оборотень, он проглотит нас обоих и не поперхнётся! — обнадёжил я охотника. — Неплохо было бы перед отъездом хорошенько помыться.

— Это зачем? — удивился хант.

— Чтобы у миши всё было нормально с пищеварением. А то мы так потом провоняли, что у бедняги может начаться воспаление кишечника.

— Не начнётся, — засмеялся над моей шуткой Кинямин. — Медведи тухлячок кушают и ничего.

Мы выехали на поиски забытых идолов рано утром. Сначала наш путь шёл по моей лыжне. Но за болотом нам пришлось сбавить скорость. В пойме Кульёгана снега оказалось несколько больше, и передний снегоход теперь вынужден был топтать для второго дорогу. Хуже всего стало, когда мы угодили в старый кедрач. Теперь нам приходилось часто останавливаться и прорубать для «Буранов» в пролеске просеки.

«Будет совсем плохо, если к вечеру мы не выберемся на чистоган, — размышлял я. — В такой чащобе зверюга подойдёт вплотную. Опять вся надежда на собак. Хорошо, что под деревьями снега мало».

Но постепенно кедрач перешёл в высокоствольный сосняк. Стало заметно светлее. И через пару часов вечерние сумерки нас застали на просеке болота.

— Всё, разбиваем лагерь, — сказал я сам себе, останавливая «Буран». — Дальше нельзя. Видишь, начинается густой рям, — кивнул я подъехавшему Николаю.

Мы быстро разбили лагерь, но палатку ставить не стали. В палатке человек для медведя как в ловушке, понимая это, мы улеглись отдыхать у нады под открытым небом. Недалеко от нас устроились на снегу и три наши лайки. На удивление собаки вели себя спокойно.

«Значит, вокруг нас пока никого нет», — отметил я, засыпая.

Ночь прошла без происшествий. На рассвете в километре от костра лайки облаяли соболя. На этом все их охотничьи страсти закончились.

— Сколько нам ещё осталось? — спросил я ханта, изучая карту фельдшера.

— Однако километров полета до Кульёгана будет, — отозвался Коля. — А там придётся сориентироваться на местности.

— Хорошо, если карта нам поможет, — сказал я.

— Меня беспокоит шатун. Он неспроста притих, — собирая вещи, посмотрел на меня охотник.

— Вся река в тальниках. Вот там он нас и ждёт.

— Кто ждёт, тот дождётся, — усмехнулся хант, — пулю под лопатку.

Теперь дорога наша шла борами и широким болотом. На плотном снегу снегоходы бежали ходко и к вечеру мы подъехали к Кульёгану. Переночевав в березняке у небольшого озера, мы оставили свои «бураны» в лагере и надев лыжи, отправились изучать реку пешком.

— Надо посмотреть, есть ли на Кульёгане полыньи, — сказал Николай.

— Какие ещё полыньи? — удивился я. — Морозы-то стояли зверские!

— Кульёган не Юган, на нём полыньи стоят иногда до середины декабря.

— Наверное, из-за подземных тёплых ключей, — сделал я вывод.

— Не знаю! Но если они замерзли, то считай нам повезло — можно будет по льду на «Буранах» ехать, — сказал охотник.

Спустившись с невысокого яра, мы скатились на лёд реки и рядом с берегом отправились в нужном направлении. Но, пройдя пару километров, увидели за поворотом огромную покрытую туманом полынью.

— Видишь, я же говорил, — посмотрел на открытую воду молодой хант. — Что же нам делать?

— Может, удастся объехать это окно берегом, — подумав сказал я. — Надо проверить толщину льда.

Прорубив лёд, мы пришли к выводу, что на снегоходах ехать можно, и довольные пришли в свой лагерь. Вечером, сидя у костра, мы стали ещё раз сравнивать карту реки с той картой, которую мне дал фельдшер. Получилось, что до кургана с идолами от места, где мы остановились, примерно 30–35 километров.

— Если, конечно, карта верная, — посмотрел на неё охотник.

— Может, повезёт, тогда на «Буранах» это расстояние мы проедем за день, — высказал я надежду.

— А если не повезёт? — спросил Коля.

— Тогда оставим технику и пойдём дальше на лыжах, — пожал я плечами. — Другого выхода у нас нет.

Как и предполагал Николай, нам не повезло. И не потому, что влетели в полынью, а по причине того, что снегоход ханта сломался.

— Наверное, прогорел поршень, — высказал предположение охотник. — Как так получилось? Перед охотой поставил новые поршни, и на тебе!

— Что же ты старые-то не захватил? — укорил я его. — Они бы тебя что, утянули?

— Что-то не подумал!

— Тогда придётся твой снегоход оставить здесь. Обрато вернёмся на моём, потом с запчастями скатаемся за твоим, — сделал я деловое предложение.

Николай кивнул и, оставив оба «Бурана» на льду реки, мы опять встали на лыжи. В дальнейший путь было решено взять с собой ручную нарту.

— Вернёмся сегодня назад или нет, неизвестно, — сказал я. — Лучше будет, если захватим с собой печь, палатку и спальники — может, на кургане нам жить придётся.

Захватив всё необходимое, мы снова двинулись вверх по Кульёгану. Прошло не более часа такой дороги, и я стал узнавать местность: вокруг нас всё было так, как и на карте старого фельдшера.

— Здесь за поворотом должен быть урий ^[4], — посмотрел я на рисунок. — За ним ещё

поворот, но уже направо. Там исток, а на берегу истока стоит рукотворный холм или курган с идолами. Нам осталось километра два, не больше!

— Ты забыл сказать, что тот курган охраняет зверюга с лапами огромного старого лоза [\[5\]](#), и она нас ждёт, — добавил Николай.

— К тому же смеркается, а кругом вдоль реки сплошная красноталовая чащоба, так? — спросил я его.

— Так-так! — кивнул головой промысловик-охотник.

— Короче, мы в западне, ладно что вовремя спохватились. Кстати, где наши собаки? — оглянулся я по сторонам.

— Они идут лесом по берегу, исчезли сразу же как мы остановились, — припомнил Николай.

— Плохо, что их с нами нет, давай-ка назад, к снегоходам. Завтра утром сюда снова придём. Не успел я развернуть свои лыжи, как на берегу реки в прутьяке раздался треск, и на лёд выскочил Дымок — кобель Николая. Моих собак пока не было.

«Никуда не денутся — придут, — подумал я, направляясь к снегоходам.

Мы подошли к своей технике. Взяли с неё всё необходимое и, выкарабкавшись на яр в молодой соснячок, развели костёр. Вскоре вечер превратился в тёмную непроглядную ночь.

Шло время, мы наскоро поужинали и стали думать о создавшемся положении. В душе с каждой секундой всё больше нарастала тревога. На страже вокруг лагеря остался один Дымок. Он бродил между сосенками, прислушиваясь и нюхая воздух. По собаке было видно, что она нервничает.

«Куда же делись Халзан с Дамкой? — думал я. — Неужели с ними что-то случилось? Но что? Тем более, сразу с обоими? Не могли же они провалиться сквозь землю?» — терялись мы в догадках.

Вдруг у меня ни с того ни с сего сжалось сердце, и я почувствовал пустоту в области солнечного сплетения.

«Эта тварь меня видит! — пронеслось в сознании. — Она совсем рядом!»

Я инстинктивно подтянул к себе «Берелу». Краем глаза взглянув на Николая, я увидел, что тот сидит, озираясь по сторонам, согнувшись со своей неизменной «Белкой» на коленях.

«Значит, и он чувствует», — отметил я про себя.

И вдруг за моей спиной раздался треск и одновременно с ним яростный лай собак. Как я оказался на другой стороне костра и как на ходу успел взвести курки ружья, я так и не понял. Единственное, что осталось в памяти, так это огромный медведь, хватающий лапами пустоту того места, где я только что находился. Обе мои собаки рвали его со всех сторон, а вокруг них с лаем носился ошалелый Дымок.

Какая-то доля секунды, и зверь бросился на меня через огонь костра. В это время сбитый с ног Николай нажал на курок своей «Белки».

Но звук его ружья заглушили два моих выстрела. Пули поймали зверя в его прыжке. Медведь рухнул рядом с костром, разметал лапами горящие поленья и, вскочив на ноги, бросился на меня снова. Как я успел перезарядить своё оружие, для меня и сейчас остаётся загадкой. Очевидно, те доли секунды, на которые удалось задержать зверя моим собакам, и решили исход всего, что происходило. Сунув в разъярённую пасть зверя стволы, я опять спустил оба курка. Но отскочить в сторону уже не успел. Мёртвая зверюга сбила меня с ног, и я оказался задавленный всей её тушей.

Из-под медведя меня вытащил Николай.

— Боялся, что ты задохнёшься, — заикаясь сказал хант. — Он же мог тебя раздавить! Смотри какой! Я таких больших пупи ещё не видел! — показал он на лежащую тушу гигантского

зверя.

Медведь, освещаемый углями костра, казался очень большим.

— Хорошо, что ты разнёс ему голову, это тебя и спасло, — продолжал охотник. — Если бы ты угодил ему в другое место, то он бы тебя убил. До чего же живучая тварь! — пнул он зверя. — Давайте, давайте, потеревите его сильнее! — подбодрил Николай остервеневших лаек.

Собаки всё так же неумолимо продолжали рвать мёртвое тело зверя.

— Откуда же взялись мои лайки? И почему они напали на медведя буквально за секунду до его прыжка? — недоумевал я.

— Что, не поймёшь, как это произошло? — подошёл ко мне Николай.

— Не пойму, — честно признался я.

— Если бы не они, — показал на моих чёрно-белых Кинямин, — нам обоим сегодня у костра была бы «крышка». Они на секунду опередили медведя и сорвали его бросок. Дали тебе возможность выстрелить да и мне тоже, хотя мои пули вряд ли что решили.

— Но откуда они взялись? — задал я вопрос Николаю.

— А ты вот у него спроси, — показал хант на тушу зверя. — Собаки ушли по его следу, — стал объяснять тактику медведя охотник. — Он этот демон, специально его им подсунул. И подсунул в конце светового дня. Чтобы атаковать нас у костра ночью.

— Без собак? — догадался я.

— Да, без собак. Он накрутил по тайге много километров и заставил собак себя догонять. Сам же, имея преимущество во времени, подошёл к нашему костру. Подобрался так, что мы и не слышали, против ветра, по всем правилам. Потому Дымок и нервничал, но обнаружить зверя не смог. Некоторое время медведь лежал и наблюдал за нами.

— Я почувствовал его взгляд — мороз по коже! — признался я.

— Я тоже, — кивнул головой Николай. — Но долго наблюдать за лагерем зверь тоже не мог. Он знал, что его скоро догонят твои собаки. Поэтому, выбрав удобный момент, он рискнул. Дымку зверюга в счёт не брала. Это не зверовая лайка. Но твои волки оказались проворнее, чем он думал. Они вцепились в него чуть раньше, теперь ты всё понял?

— Догадался, — сказал я. — Вот это бес! — посмотрел я на лежащего зверя. — Медведь с сознанием человека! Такому и огонь не страшен.

Я успокоился только тогда, когда лапы медведя одеревенели и стали холодными. Всё казалось, что он вот-вот вскочит и снова кинется.

— У тебя как в штанах, всё ладно? — посмотрел я на задумчивого ханта.

— А при чём тут штаны? — не понял он меня.

— Да я вот сходил за кусты и свои поменял, и ты можешь последовать моему примеру. Не переживай, в юртах я ничего никому не скажу.

— Ха-ха-ха! — закатился от смеха Коля. — А я-то думал, что ты о чём-то серьёзном. Честно говоря, я испугался, и здорово. Особенно, когда зверь через костёр на тебя прыгнул. Думаю, ты перезарядить ружьё не успел. А за себя испугаться? Что-то не испугался!

— Всё-таки вы взяли над ним верх! — обнял я своих собак. — Сначала он вас чуть не уколошил, а теперь все вместе мы его отправили на тот свет. Чудо произошло. И если б не вы, лежать бы нам с Николаем у костра, вместо него, — показал я на зверя.

— Что же нам с ним делать? — собирая раскиданные угли, спросил я ханта.

— Утром, однако, обдирать и грузить мясо на твой «Буран». Это не шатун, поэтому в юртах соберём медвежий праздник.

— По-мансийски он зовётся «Тулыглап», — припомнил я книгу Ювана Шесталова «Югорская колыбель».

— Совсем не так, — улыбнулся Николай. — У манси он называется «Пупихийнь», а у нас

«Вэй-ях».

— Но насколько мне известно, русских на шаманские ритуальные праздники не приглашают, значит, мне не светит.

— С чего это? — удивился молодой хант. — Не приглашают христиан и коммунистов, а ты что в партии состоишь?

— Даже комсомольцем никогда не был.

— Ну так вот! И потом, ты, как и мы, чтить духов. Тебя избрал своим другом сам Юган-Ики. Не будь с тобой его силы, ты бы этого даже не ранил, — показал Николай на медведя. — Ханты обоих Юганов считают тебя своим — последним из железных людей. Поэтому выкинь из головы, что тебе не место на медвежьем игрище. Без тебя оно просто не состоится.

— Выходит, что железные «аус-ях» и древние ханты были хорошими друзьями? — спросил я Николая.

— Все наши легенды говорят об этом. Многие хантейские роды произошли от верховских богатырей.

— Ну тогда давай укладываться. Надеюсь, второй пупи к нам ночью не пожалует, — предложил я охотнику.

После перенесённого стресса смертельно хотелось спать. Сильно болело ушибленное плечо, и чувствовалась боль в рёбрах. Поэтому, едва коснувшись постеленного на лапник спальника, я погрузился в глубокий сон.

Утром мы разглядели убитого зверя: тёмно-бурый гигантский медведь с седой грудью и огромной головой казался всё ещё живым.

— Шкуру снимать будем для праздника вместе с головой, — сказал Николай. — А мясо разрубим на куски и уложим на твою нарту.

— А то, что это оборотень, ничего? — посмотрел я на молодого ханта.

— Дух его покинул. Теперь он просто медведь. Несчастный, глупый, который подчинился злой воле духа тёмного. Чтобы душа его в нашем мире не страдала, надо её отпустить и попросить у неё прощения. Всё это мы и должны сделать на игрище.

Николай был прав, убитый нами медведь не был шатуном. Под шкурой у зверя оказалось столько жира, что ему могла позавидовать любая раскормленная свинья.

— Смотри-ка, он что облупленное яйцо — весь белый! — не переставал удивляться я.

— И толщина жира на спине в четверть! А ведь до того как поднялся из берлоги, он был ещё жирнее, — рассматривая освежеванного зверя, рассуждал хант.

Кое-как втиснув добытого медведя в нарту снегохода, мы во второй половине дня отправились к тому месту, где на карте фельдшера был изображён холм с идолами. В ручной маленькой нарте у нас лежала палатка, печь и немного продуктов. Свой поисковый лагерь мы разбили на яру в высокоствольном сосняке. Где-то здесь, совсем рядом, должен находиться курган. И завтра нам предстояло его отыскать. В эту ночь мы спали уже в палатке. От горящей печи было тепло и уютно.

«Что же нас ждёт? — думал я, засыпая. — Если действительно завтра мы найдём курган и на нём окаменевших от времени не угорских, а совсем иных идолов, то что с ними делать? Уничтожить их, как говорил старик-фельдшер, значит, уподобиться Герострату. А не уничтожить, получается — заставить души людей страдать и дальше. Какой же выход?»

И тут я вспомнил, что приход человеческих душ на землю связан с фазами Луны. Когда в полнолуние свет Луны освещает лица идолов, тогда и совершается переход. Значит, Луна даёт проклятым и наказанным человеческим душам энергию перехода из потустороннего мира в наш. Из пятимерного пространства в четырёхмерное. Следовательно, надо лишить магию отождествления её лунной силы. Для этого не так много и требуется: достаточно собрать все

кумиры и спрятать подальше от лунного света.

Найдя выход, я со спокойной душой уснул. Рано утром, после короткого завтрака, надев лыжи, мы отправились на поиски кургана. Первым на рукотворную гору натолкнулся Николай. Когда я пришёл на его сигнальный выстрел, то от увиденного у меня закружилась голова. Молодой хант стоял у подножия точно такого же огромного вытянутого кургана, какие я видел в вершине Тьма.

«Та же самая культура, — отметил я про себя. — Наверняка, где-то поблизости стоят точно такие же заросшие лесом курганы. Скорее всего, мы натолкнулись на древний родовой, а может, и племенной некрополь».

— Ну что, поздравляю! — пожал я руку ханту. — Мы почти у цели. Это, бесспорно, курган. Давай-ка по компасу проверим его ориентацию.

Я достал из кармана свой компас и убедился, что вытянутый на сотню шагов курган ориентирован строго с юга на север. Нарисовав насыпь на карте, мы занялись её исследованием. К великому разочарованию, идолов на кургане мы не обнаружили.

— Что же делать? — спросил Николай. — Неужели все наши труды зря? Либо фельдшера обманули, либо он тебя.

— Ни то, ни другое, — сказал я. — Вспомни медведя. Он что, случайность, по-твоему? Просто надо поискать другие такие же курганы. Их должно быть здесь несколько. На одном из них и стоят древние идолы. Лично я в этом убеждён.

И мы снова отправились на поиск. Не прошло и десяти минут, как я натолкнулся на ещё одну насыпь. Второй курган оказался чуть меньше первого, по высоте он был такой же и точно так же сориентирован. Но никаких идолов на нём мы опять не нашли. Через некоторое время нам удалось отыскать среди леса ещё один огромный курган. Но он тоже оказался пустым. И тогда я стал лихорадочно соображать.

«Все найденные нами курганы стоят в сосняке. Сосняк довольно густой. О чём это говорит? Да о том, что сила луны нейтрализуется деревьями. И до земли почти не доходит. Следовательно, надо искать курган с идолами, который стоит не в лесу, а на открытом месте».

— Коля, — обернулся я к ханту. — Как ты думаешь, в какой стороне отсюда болото?

— А зачем оно тебе? — удивился охотник.

— Я думаю, наш курган стоит на болоте. В лесу он быть не может. Иначе Луна его не осветит.

— Правильно, — согласился со мной молодой охотник. — Я забыл, что идолов должна осветить Луна. Болото, я думаю, должно быть в той стороне, — показал на северо-запад Кинямин.

И мы направились в указанную хантом сторону. На пути нам встретилась ещё одна рукотворная насыпь. Когда мы её обошли, то увидели перед собой мелкоствольный болотный рям, а на его фоне заросший старой могучей сосной вытянутый в меридиональном направлении курган.

— Кажется, мы у цели, — показал я на рукотворный холм. — Наверняка, на нём стоят идолы. Больше им негде быть.

Когда мы пересекли рям и стали подходить к подножию кургана, моё сердце чуть не выпрыгнуло от волнения».

«Неужели я сейчас увижу атрибутику древнего магического обряда отождествления? — думал я. — Идолы как раз ею и являются».

Предчувствие меня не обмануло. Поднявшись на несколько шагов на курган, я увидел выступающего из-под снега первого идола. Он стоял рядом с комелем огромной сосны и его большие круглые глаза смотрели в небо.

«Это не идол, а скорее деревянная скульптура, — удивился я находке. — На голове виднеется что-то наподобие малахая, правильные черты лица и окладистая борода!»

— Это не наше изображение духа, такого я ещё не видел, — сказал Николай, осматривая скульптуру.

— Мне думается, что это чей-то портрет, — предположил я. — Посмотри, он как живой! По выражению его лица можно судить о характере.

И мы стали искать другие подобные изображения. Вскоре нам удалось найти ещё двух идолов, потом ещё четырёх. Через час интенсивных поисков нами было обнаружено 52 деревянных портрета. Кроме мужских лиц, нам попадались красивые женские и детские лица и даже лица стариков.

— Как видишь, всё, что говорил фельдшер, правда, — посмотрел я на растерянного ханта.

— Да, я вижу, — согласился тот. — Но что нам делать с портретами? Похоже, их тут несколько сотен!

— «Утро вечера мудренее», — сказал я, подумав. — Сейчас вечер. Что-нибудь решим.

Утром мы с Николаем стали рубить на вершине кургана лабаз.

— Ломать изображения людей нельзя, — решили мы. — Значит, надо их собрать и аккуратно сложить в сухом тёмном месте. Пусть они лежат ещё сотню лет. Может, кто их в будущем и найдёт. По крайней мере, в лабазе они лучше сохранятся.

Через два дня сруб у нас был готов. Стены его мы сложили из брёвен, на пол постелили побольше лапника, а крышу соорудили из колотых сосновых досок.

— Ну что, пойдём собирать идолов? — обратился я к молодому ханту. — Думаю, за пару дней мы управимся.

— Бруснику собирал, — улыбнулся Коля. — Клюкву собирал, и чернику, и морошку, и голубику собирал, но ни разу не собирал идолов.

— Как видишь, дело поправимое, — засмеялся я над шуткой ханта. — Будем осваивать с тобой и это занятие.

Взяв топоры, мы занялись прочёсыванием кургана. Удивило то, что изображения людей на самом деле походили на каменные. Изнутри все они были пустыми, но оболочка, очевидно, в древности чем-то пропитанная, представляла собой самый настоящий камень. Об неё сразу же затупились наши топоры.

— Посмотри, какая интересная технология, — показал я срубленное изображение ханту. — Когда-то идол был вырезан из дерева, очень давно, сотни лет назад. Потом его покрыли каким-то раствором. Этот неизвестный раствор законсервировал верхний слой древесины. Изнутри дерево со временем всё выгнило. Но каменная оболочка уцелела. В таком виде идолы могут стоять тысячи лет!

— Сколько древние «аус-ях» знали! — удивился мой друг. — Вот как они насыпали такие курганы? И зачем?

— Зачем понятно: в них они хоронили своих умерших. А вот как они сооружали такие горы, на самом деле, загадка. И её в наше время уже не отгадать.

К вечеру следующего дня лабаз был до самой крыши наполнен странными изображениями. Их оказалось 162. Мы аккуратно накрыли его колотыми досками и сверху завалили, на всякий случай, толстым слоем лапника.

— Потому они и не сгорели, — показал на лабаз Коля, высказывая своё предположение, — что идолы были поставлены на курган, вокруг которого сейчас болото. Болото и тогда, наверное, было, ведь кумиры без силы Луны не работают.

— Всё, Николай, больше «маячки» в крае Кульёгана не будет. И пусть твои соплеменники скажут тебе спасибо.

— Скорее тебе!

— Мне не обязательно, я ведь не хант, а приезжий. Как ты говоришь, последний из железных людей.

Чтобы вывезти с Кульёгана кое-что из вещей, нам пришлось прицепить к нарте с мясом ещё и сани Николая. За снегоходом Кинямина было решено съездить после нового года. Но случилось так, что собаки на обратном пути наткнулись на лосиное стойло и остановили старого громадного лося. Взглянув на следы зверя, Николай решил его добыть.

— Тебе что, мяса мало? — спросил я. — Его у нас полтонны.

— Дело не в мясе, — стал объяснять молодой хант, надевая лыжи. — Нужны камусы, шкура и лоб лося нужен. А потом, лось-то совсем старый, посмотри на следы. Такой потомство не даёт, а молодых быков от маток гоняет. От него больше вреда.

— Но ведь придётся опять лабаз строить, нам же мяса не увезти, — попытался отговорить ханта.

— Построим, всё равно делать нечего, — отмахнулся охотник, убегая на собачий лай.

Спрыгнув со снегохода, я упал навзничь на Николаеву нарту и стал разминать затёкшую от долгого сидения спину. Собаки лаяли в районе какой-то мелкой речушки на расстоянии двух километров от нашей буралицы. Но ни о лосе, ни о Николае думать мне не хотелось. Хант в своей стихии — пусть занимается. Мешать ему не надо.

Я вспоминал недавно пережитое: опять громадный некрополь, почти такой же, как и в вершине Тьма, значит, где-то рядом должны быть и земляные валы мёртвого древнего города. И никому из ортодоксов до прошлого Сибири нет дела. Они с удовольствием изучают культуру ненцев, хантов, эвенков и других некоренных народов севера, а на подлинных хозяев всех этих просторов им наплевать. Что это — определённая в науке установка или близорукость научных мужей, граничащая с тупостью? Неужели трудно собрать хантейские или самоедские предания о верховских богатырях? Или поинтересоваться, кто же эти «железные люди», некогда жившие по берегам рек в огромных городах? Задать себе вопрос, к какой расе они относились эти «аус-ях», «квели», эвенкийские «эндри» и юкагирские «омоки»? И потом попытаться хотя бы для себя объяснить, почему основные топонимы и гидронимы Сибири, Восточной и Западной Европы звучат на древнерусском языке, или, как говорят индусы, на пракрите? Хотя, по убеждению ортодоксов, на севере Азии белой расы, тем более предков русов никогда не было, то же самое и в Восточной Европе, где, по утверждению современной науки, жили племена фино-угров. Нет, скорее всего, мы имеем дело не с тупостью учёных, а со спецзаказом. Историческая наука давным-давно обслуживает тех, кто возмнил себя хозяином всего земного социума. Всё было бы у них гладко, если бы не получился прокол с динлинами: как ни описывали динлинов сочинители китайской истории — иезуиты, как ни придумывали, что они были и дикими, и свирепыми, но не смогли утаить, что динлины являются представителями белой европеоидной расы. Отсюда и пошла цепь правдивых повествований, потому что даосские китайские предания прямо говорят, что от динлинов произошли гунны, а от гуннов позднее тюрки, уйгуры и кыргызы. Вот и пришлось в XIX веке продажным сказочникам от науки выдумывать, что гунны были представителями монголоидной расы и говорили на тюркском и угорском языках. А то, что они являлись племенами дин линей, в научных кругах постарались забыть. В XX веке, когда набрала силу антропология, опять продажные столкнулись с проблемой: что делать, если по всей Центральной, Средней и Северной Азии вплоть до XV века в захоронениях лежат, в основном, черепа европеоидов? И тогда был применён подлый приём: стали насильно заставлять антропологов объявлять европеоидные черепа монголоидными. Как, например, это произошло с черепом того же Тамерлана: сколько Герасимов ни доказывал, что Тимур был чистокровным европеоидом, никто этого не услышал. И пришлось антропологу вылепить его

портрет монголоидным. Но это всего лишь один из приёмов. Вторым оказался криминальнее первого: за гуннские и древнетюркские черепа стали выдавать черепа тувинцев, бурят и монголов. Бумага всё стерпит, главное, чтобы надпись была, что это череп гунна или тюрка. О таких грязных делишках в современной науке хорошо мне поведал дядя Ёша. Потому честный еврей и сбежал из антропологии в воспитатели. Что же произошло? А произошло ужасное: у всех представителей белой расы планеты было украдено её прошлое. Скрыто и искажено подлинное. Отсюда и уверенность европейцев, тех же англичан, немцев или французов, что их корни, надо же — не азиатские! Они и не догадываются, что само название Азия обозначает — страна ассов, земля белой европеоидной расы, ядром которой долгое время являлись гигантские арийские конфедерации племенных союзов. Она, эта конфедерация, и создала в своё время на Урале в Сибири, Средней и Центральной Азии пять могущественных империй, следы которых в виде курганов, земляных валов и фундаментов видны и в наше время. Правильно охарактеризовал мне когда-то Сибирскую Русь хранитель: по его мнению, то была в экологическом плане абсолютная цивилизация. Все постройки: и хозяйственные и жилые люди делали из земли и дерева. Камень использовался в редких случаях. После ухода такие города очень скоро полностью поглощались природой. Если в лесостепи и степной зоне валы и фундаменты ещё можно увидеть, то в таёжной, где всё заросло деревьями, найти их очень сложно. Но кто знает, может быть, как раз благодаря деревьям очень многое от той великой цивилизации и сохранилось.

Мне невольно вспомнилось недоумение некоторых исследователей юга Кузбасса, Хакасии и Алтая: они находили на вышеупомянутых территориях огромные кучи железоплавильного шлака, встречали десятки разрушенных домниц, древних кузниц и карьеров, где когда-то шла интенсивная добыча руды, но не натыкались ни на жилища, ни на города странных металлургов. Почему? Да потому, что поселения кузнецов и сталеваров были у них, у этих незадачливых исследователей, на виду. Буквально под носом. Им и в голову не приходило, что древние поселения, вернее всё, что от них осталось, заросли лесом и травой. А следов от них нет потому, что «динлины» их никогда не строили из камня.

Да, пять империй! Пять могущественных объединений племенных союзов белой расы. Своего рода мощнейший этнический котёл, из которого 3500 тысячи лет назад началось завоевание Европы и юга Азии. Именно тогда древние арии с южного Урала и севера Европы продвинулись вплоть до Пиренеев, высадились в Ирландии и Британии. Именно тогда палеоевропейские народы вынуждены были спасаться от движения белых голубоглазых завоевателей в горах Кавказа, на Балканах, Альпах и Пиренеях.

Но современные европейские народы и не предполагают, что их далёкие предки пришли с севера Европы, Урала и Сибири. Что их корни находятся здесь, в краю великой Оби, Енисея, Лены, стремительной Яны, порожистой Индигирки, Колымы и Амура. Они уверены, что колыбелью европейской расы является Европа. Так им внушили, вбили в голову с детства. И этим, фактически, отняли у европейских народов их прошлое. Цель же понятна: превратить католиков и протестантов Европы в послушное себе стадо — зомби-команду. Для такого мероприятия закулисе необходимо было скрыть от западноевропейцев их кровное родство со славянским миром и русами, а через последних и с орианами-арктами, победителями Атлантиды.

«Знали бы европейские народы, за кого их держат хозяева? Вот что значит власть хитро сочинённого мифа, а точнее сила информационного оружия! — думал я. — Но в целом, благодаря эвенкийским и хантейским преданиям, мне многое удалось. В двух своих экспедициях я вплотную прикоснулся к тому, что скрывает от человечества наша продажная историческая наука. Мне посчастливилось изнутри постичь то, что недоступно ни одному ортодоксу-учёному.

Интересно, как бы повёл себя кто-нибудь из них, окажись он на моём месте? Наверняка, бедного безрукого фельдшера объявили бы сумасшедшим».

Но тут до меня стало доходить, что сам того не подозревая, я становлюсь хранителем. Прикоснуться к древней скрываемой от всего человечества тайне, только полдела. Вторая половина его — понимание, осознание и передача тем, кто вслепую пытается эту тайну отыскать. Кто внутренне не удовлетворён наукообразными мифами историков-ортодоксов. От такой мысли мне стало страшно. Получилось, что незаметно для себя я переступил черту, отделяющую обычного человека от того, кто видит намного дальше своего носа.

«Что же теперь делать? — думал я. — Назад пути нет. Теперь только вперёд! Но куда такая дорога меня приведёт? Неужели в будущем придётся вечно скрываться и играть роль обычного человека, как это делают все посвящённые! Собственно, мне уже сейчас пора это делать, иначе признают умалишённым».

В этот момент мои мысли оборвал далёкий выстрел. И вместе с ним прекратился собачий лай.

«Николай завалил лося, — отметил я про себя. — Ещё одна гора мяса! Был бы на ходу второй «Буран» — бог с ним! А так придётся строить лабаз».

Я встал на лыжи и пошёл помогать ханту.

Только через два дня мы доползли до нашего разорённого лагеря. Записки на дереве не было, и на снегу виднелись следы «Бурана» Спиридона.

— Всё-таки отец приезжал! — улыбнулся молодой хант. — И недавно. Значит, в юрты он не уехал... Если так, то есть надежда съездить и за моим «Бураном» и забрать из лабаза мясо лося.

— Выходит, мы зря рубили лабаз?

— Не зря, — изучая следы на снегу, сказал Кинямин. — Пока мы до добытого лося доберёмся, неделя пройдёт. За это время росомаха его так испоганит, что даже ворону оно станет противно.

Переночевав на месте бывшего лагеря, по буранице Спиридона мы отправились к палатке Ванюшки. По хорошо утоптанной дороге ехать было одно удовольствие, и мы добрались до лагеря хантов ещё засветло. Ванюшка со Спиридоном встретили нас в метрах ста от своей палатки. Как потом выяснилось, оба охотника решили, что мы погибли и уже думали отправиться в юрты, чтобы организовать поиски того, что от нас могло остаться. Увидев накрытую огромной медвежьей шкурой нарту с мясом, оба: и отец и сын растерялись.

— Вы всё-таки его добыли? — ткнул пальцем Спиридон в направлении лохматой бурой шкуры.

По всему было видно, что он не верит своим глазам.

— Как видишь, — кивнул головой Николай. — Тот самый, который разорил нашу палатку.

Я думал, что он добавит: «от которого ты, папа, сбежал», но молодой хант промолчал.

— Надо за Колиным «Бураном» съездить и разобранного лося привезти, — сказал я хантам. — Лось не так далеко, его мясо мы сложили в лабаз, а снегоход остался на Кульёгане. Похоже, прогорел поршень.

— Запасные поршни у меня есть. Завтра же поедем, — отозвался обрадованный Ванюшка.

Было видно, что за добытым мясом оба охотника готовы поехать куда угодно. Был бы бензин. К счастью, он у нас был. Лишние двести литров, которые мы с собой захватили, оказались как раз кстати.

Только через полторы недели мы наконец добрались до юрт Киняминных. Весть о нашем подвиге и о том, что добыт огромный медведь, через день облетела все ближайшие юрты. И на медвежий праздник собрались ханты не только Киняминские, но кое-кто и из юрт Сурлумкиных и даже Каймысовых. Многим хотелось взглянуть на шкуру загадочного медведя. Но больше всего

хотелось посмотреть на тех, кто его одолел. Поэтому мы с Николаем на медвежьем игрище оказались в центре внимания. Интересно было смотреть, как ханты-актёры обыграли сцену нашей войны со зверем. Старый, но ещё крепкий охотник из юрт Асмановых, рослый и кряжистый, разыгрывал роль медведя. Он превратился в такого свирепого зверя, что маленькие дети, глядя на него, даже стали от страха всхлипывать. Нас с Колей изображали два подростка. А дети постарше прекрасно сыграли роль наших собак. Они лаяли, рычали, понарошку кусали медведя. Всё, что мне удалось увидеть на медвежьем празднике, невозможно описать! Сам обряд не входит в рамки понимания современного обычного человека. Медвежье игрище погружает душу в совсем иной мир, отдаёт её во власть древней первобытной охотничьей магии. Этот праздник нельзя передать словами, его надо видеть, слышать и быть его участником. Чтобы постичь суть игрища, надо самому петь вместе с хантом древние охотничьи песни, вместе с ним водить вокруг медвежьей головы хороводы и быть участником пляски масок. Всё это я прошёл, поразительно, не зная хантейского языка, на празднике я разговаривал по-хантейски и запросто понимал, о чём поют и говорят ханты. Это неопишимо, но факт. Но больше всего меня потрясло другое: на чувственном уровне я осознал, что сами ханты к медвежьему игрищу никакого отношения не имеют. Они скопировали его у другого, жившего до них в Сибирской тайге народа. Тотемом того племени был медведь. Могучий «бэр». Потому что в священных песнях хантов до сих пор звучит его арийское название. А медвежий народ у нас на земле один. Он и в наши дни является нацией медведя. Это русский народ. Недаром во всех анекдотах и сказках, в противовес британскому льву или китайскому тигру, выступает русский медведь. Потрясение от осознанного прошло у меня только через месяц после приезда в Угут. До меня наконец дошло, что подлинное знание может быть только прямым или чувственным. Логика же может быть разной, потому хитрецы и говорят, что у каждого человека своя правда. С точки зрения логики это так. Но не с точки зрения чувства истинного. И пониманию сути подлинного, глубинной связи сознания человека с тем, что имеет место быть, а не с иллюзией, меня научило древнее медвежье игрище. Как я потом понял, главным организатором медвежьего праздника явился Лисак Павлович. Хотя сам он на нём не был. Шаман дал мне возможность встать на ещё одну ступень понимания правды. Не навязчиво, но тонко и глубоко.

Лисак Павлович Каюков появился в Угуте 25 декабря. Он зашёл в мой дом как старый знакомый среди белого дня, чтобы все видели, к кому он пришёл.

Выслушав за традиционным чаем, что нам пришлось пережить, он, улыбаясь, сказал:

— Я всё это видел, Гера, но скажу прямо, временами мне казалось, что послал вас на верную смерть. Чаша весов клонилась то туда, то сюда. Тёмный, понимая, что проигрывает, нашёл себе могучего союзника. Такого сильного, что даже дух Юган-Ики не смог с ним справиться. Единственное, что сделал дух реки, так это на себя забрал часть силы тёмных, но только часть. Вы ведь не нашли пули Николая в медведе?

— Не нашли, — кивнул я. — А он промахнуться не мог. Но тогда, почему мои выстрелы оказались верными?

— Не столько верными, сколько точными, — поправил меня шаман. — И скажу тебе прямо, — опять вмешалась непонятная мне сила. Не будь её, вы бы погибли, а идолы на кургане так бы и остались стоять. Скажи мне откровенно, — посмотрел на меня Лисак Павлович, — ты случайно не знаком с хранителем мест силы — древним жрецом звёздного народа?

— Я же говорил, что такого не знаю. Мне старая шаманка рассказала, что эти люди всё ещё живут, но сам я их не видел, — сказал я Лисаку Павловичу.

— Значит, нет, но тогда, почему его сила с тобой всегда рядом?

— Может, он меня где-то видел, например, в одной из моих самодельных экспедиций и я ему чем-то понравился, — предположил я.

— Может, — задумчиво, сказал шаман.

— А ты можешь мне сказать, что за союзника приобрёл себе мёртвый?

— Подключился к силе иудо-христианского сверхдуха.

— К самому эгрегору Амона! — пришёл я в ужас.

— К самому, — виновато склонил голову хант. — Знал бы, что такое случится, я бы отговорил тебя. Как-то не подумал о крайнем случае.

— И всё-таки души отпущены, и пули погиб! — улыбнулся я.

— Такое трудно поддаётся объяснению. Но оно произошло, — накрыл своей сильной ладонью мою руку шаман. — Вот что для нас главное!

Через несколько минут Лисак Павлович сказал:

— На Югане, Салыме и Демьянке в тайге стоят несколько мёртвых городов. Города очень древние. От них остались только еле заметные следы. Весной я тебе их покажу. Воды будет много, и мы подъедем к ним вплотную. Тебе надо хорошо изучить и старый Сургут. Ты, наверное, не знаешь, что только в 1962 году новый город вошёл в границы древнего. Когда-то Сургут был основан железными «аус-ях». Он намного древнее царского острога. Так что, давай занимайся. Это очень важно, знать правду о нашем крае. Но мне вот что хочется: чтобы ты побывал на Тром-Агане и Агане. Там, на Торум-Ягуне в районе юрт Ермаковых, стоит древняя крепость. Её называют шаманской горой. От неё укрепления идут до юрт Рускиных и даже дальше. Эти древние стены тянутся более 70 километров, они построены хантами от набегов самоедов. Но дело в том, что стены соединяют собой два огромных древних города. Благодаря укреплениям города ты найдёшь. На увалах, откуда текут Тром-Аган с Аганом, стоит огромная пирамида. И ненцы, и ханты боятся её. Считают, что на ней живут очень сильные духи. Ты должен всё это найти и увидеть. Не только увидеть, но и нанести на карту. Но карту никому нельзя показывать. Иначе все твои находки погибнут.

— Я это знаю, — остановил я шамана.

— Это хорошо, что знаешь. Тогда я спокоен. Пойми, Гера, чем ты сейчас занимаешься, очень важно для будущей России. Ты и представить себе не можешь, как это важно.

Я слушал и не верил своим ушам, мне говорил о важности того, чем я занимаюсь, не член партии и не какой-нибудь функционер из подхалимов-перестройщиков, и даже не русский человек, а хантейский шаман! Его волнует будущее России! Интересно, почему? Не всё ли ему равно?

— Скажи мне, Лисак Павлович, какая разница хантам, что будет в будущем с Россией? — спросил я его прямо.

— Малые народы Сибири заинтересованы, чтобы в России было всё нормально для того, чтобы у них было будущее, Гера, — вздохнул шаман. — Если на эти земли придут американцы или европейцы, то и хантов, и ненцев, и тунгусов, и якутов, чтобы не пугались под ногами, сразу же загонят в резервации. Для нас это хуже смерти. Поэтому вы, русские, должны твёрдо знать, что Сибирь — это ваша земля! И вы здесь самый древний коренной народ. Понимаешь — коренной! Если вы из Сибири не уйдёте, то рядом с вами выживут и все малые народы севера Азии.

— А с чего ты взял, что Сибирь может оказаться под властью американцев или европейцев? — удивился я.

— Горбачёв, Гера, тот человек, на которого сделал ставку Запад. Он затеял под названием «перестройка» великую в СССР смуту. Если Горбачёва никто не остановит, то наше отечество распадётся на множество мелких государств. Посмотри, всё идёт к этому. По всей вероятности, — продолжил Лисак Павлович, — Брежнева убрал Андропов, возможно, по приказу Запада. Но придя к власти, Андропов попытался остановить процесс разложения и

распада. Он затеял борьбу с коррупцией и воровством. Поэтому и его скоро отправили к предкам. Таким образом освободили дорогу к власти Горбачёву, Гера. Неужели ты этого не понял? А теперь Горбач, как рябуха с рябчонкой, носится со своей перестройкой. А перестройка его, ты послушай радио, нацелена на гибель нашей страны. На её распад. Значит, и на отделение Сибири от России. Как известно: «Свято место пустым не бывает». Уйдут русские из Сибири — припрутся либо китайцы, либо американцы. Помнишь, как произошло с Аляской? Пока русская власть там была и эскимосы, и индейцы, и алеуты жили нормальной жизнью. Их никто не притеснял. Они владели своей землёй и угрозы, их гибели не было. Но как только в 1867 году в Новоархангельске был спущен российский флаг, сразу всё и началось. И теперь на Аляске почти не осталось ни эскимосов, ни индейцев, ни алеутов. Думаю, ты меня понимаешь? — закончил свой монолог хантейский шаман.

— Понимаю, — кивнул я растерянно. — Но что-то от твоих слов мне стало страшно! Неужели всё так серьёзно?

— Серьёзнее некуда, Гера. Надвигается беда. Великая беда. Поэтому ты должен воочию убедиться, что это твоя земля, — показал Лисак Павлович в замороженное окно. — Просторы твоих далёких предков. Они были здесь подлинными хозяевами, а не мы и ненцы, тем более якуты. Ты должен увидеть развалины давно забытых городов белых богатырей, их могилы и всё, что уцелело от древних храмов. Но увидеть мало, ты обязан о том, что узнал, рассказать своему народу. Передать так, чтобы тебе поверили!

— Дорогой Лисак Павлович, — посмотрел я на взволнованного ханта. — Да кто же мне поверит? Скажут, что я сошёл с ума и на этом всё закончится. С детства ведь вбито в голову, что в Сибири никогда русского народа не было.

— Для того чтобы в будущем у России отнять север Азии, — продолжил за меня шаман. — Но я, вот что тебе поведаю, — почти шёпотом сказал он. — Ты обладаешь силой. Всё, что ты говоришь, наполнено ею. Другим не поверят, это так, но тебе люди станут верить. Тем более, если ты кое-что покажешь вашим учёным...

— Нашим зомби научным работникам?! — удивился я.

— Да-да, им, — кивнул головой Лисак Павлович.

— Но что это даст? — спросил я его.

— Кое у кого из них проснётся сомнение в том, чему его учили и что даёт людям он сам. Отсюда и может начаться новое в понимании современной истории...

Лисак Павлович был прав. Зародить сомнение, вот на первых порах что просто необходимо. А потом будет уже намного проще.

— Хорошо, я попробую. Сначала ты мне покажешь священные места здесь на Югане и Салыме, а потом я поеду на Торум-Ягун.

— На реке Торума, — поднял руку шаман, останавливая меня жестом, — ты отыщешь, это недалеко от юрт Ермаковых, озеро Косын-лор. На том огромном озере живёт мой старый знакомый, он последний из хранителей тех мест. Его имя — Николай Константинович Кеченов. Он, как и я, такого же роста и у него серые глаза. От русского не отличишь. Как ты уже догадался, Николай Константинович тоже из рода Ворона. Живёт на озере он один уже более десяти лет. Вокруг его чума только могилы соплеменников. Кеченов очень сильный шаман. Поэтому проблем с ним у тебя не будет. Вы очень скоро найдёте общий язык. Он тебе и покажет укрепления Тром-Агана. Заодно мёртвые города древнего народа, и расскажет, как отыскать в вершине реки заросшие лесом пирамиды. И ещё, — добавил Лисак Павлович, хитро улыбаясь. — Николай Константинович знает легенд и сказок больше, чем я...

Решение было принято. Моя поездка на Беломорье снова откладывалась. Но я не жалел об этом. Надо было увидеть то, о чём рассказал шаман.

«Это действительно важно, — думал я. — Лисак Павлович абсолютно прав».

Прошло ещё пять лет моих странствий по Среднему Приобью. Два года по бескрайним таёжным просторам Салыма, Демьянки и обоих Юганов. И три года по северной утопающей в озёрах и болотах тайге Агана и «Торум-Ягуна».

Параллельно со своими исследованиями я взялся за кандидатскую диссертацию. Она служила мне отличным прикрытием. Никому и в голову не приходило, чем я на самом деле интересуюсь. Зато, благодаря ей, командировки мне были обеспечены по всему Тюменскому северу. Чтобы описать то, что мне посчастливилось увидеть на Юганах, Салыме и Демьянке, потребуется отдельная книга. Каюков Лисак Павлович меня не обманул. Хантейский хранитель традиции и жрец показал мне древние заросшие лесом валы оставленных людьми городов, стоящие среди болот курганы и концентрические соляные насыпи мест силы, где стояли когда-то храмы людей белой северной расы.

— Смотри, — говорил он мне. — Всё это не наших рук дело. И не дело рук самоедов, племён сейгула и соргула, которые в этих местах жили до прихода хантов. Ни один малый северный народ городов не строил, тем более огромных капищ и храмов.

Концентрические валы древних ритуальных мест просто потрясали. Обычно в центре круговой земляной насыпи стоял круглый храм. Вокруг него, как правило, шёл ров, потом снова — вал, за валом ров и опять вал, третий самый глубокий ров и широкий вал опоясывали всё строение. Такие комплексы в диаметре достигали ста с лишним метров. Однажды, стоя на таком валу, я припомнил описание Платоном столицы легендарной Атлантиды. И был поражён: то, что описал Платон, находилось у меня под ногами. Точная копия! Только не город, а храм.

«Наверное, и столица атлантов являлась городом-храмом», — сделал я вывод.

— Ты мне открыл, Лисак Павлович, три таких места, — показал я на концентрические земляные насыпи. — А есть ещё, кроме них, где-нибудь подобные?

— Есть, конечно, — спокойно сказал шаман. — Просто я тебя привёл к наиболее доступным. Среди тайги, обычно вдали от рек, в глухих местах стоят даже насыпные пирамиды. Но чтобы до них добраться, требуется уйма времени. А у нас его, как всегда, мало. Можно попробовать зимой на «Буране» к ним съездить.

— Но зимой, Лисак Павлович, не то. Ничего не видно, всё под снегом, — расстроился я.

— Ничего, — успокоил меня тогда шаман. — В вершине Торум-Ягуна на холмах ты увидишь три огромные пирамиды и рядом с ними земляные валы древнего города. По рассказам Ермаковских хантов, большого. И ещё, — добавил Лисак Павлович, — мне хочется, чтобы ты посмотрел внимательно на берега озера Пикуто.

— Там что, тоже есть следы каких-то древних строений? — спросил я шамана.

— Следы поселения есть, но речь не о них. По одной из легенд, озеро Пикуто образовалось в результате мощного взрыва. И не только оно одно, есть и другие озёра, берега которых напоминают воронки.

— Неужели ты предполагаешь, что в этих местах когда-то взорвались мощные атомные заряды? — спросил я ханта.

— Древние легенды достались хантам от рода Ворона. Род Ворона, как ты уже знаешь, пришёл в эти места с севера. По национальности «вороны» превратились в хантов совсем недавно, — начал рассказывать шаман. — Так вот, люди рода Ворона помнят, что когда-то здесь горели и земля, и небо. Скорее всего, перед нами воспоминания о великой древней войне. В настоящее время воронки от взрывов наполнены водой. Теперь это озёра, но видны вокруг таких озёр насыпи. И озёра очень глубокие. Ты скоро сам в этом убедишься.

То, о чём рассказал Лисак Павлович, я очень скоро увидел своими глазами: озёра, напоминающие собой заполненные водой лунные кратеры, мне встречались в бассейне Югана, Тром-Агана, Агана и на Ямале. Воронкообразные озёра, как правило, имели чистую воду и были очень глубокими.

«Вот бы узнать время образования этих озёр, — думал я. — Наверняка оно совпадёт со временем появления таких же озёр на Кольском полуострове. Если так, то здесь явные следы допотопной войны. Надо же, как утюжили друг друга сверхмощным оружием атланты с орианами! — размышлял я над тем, что приходилось видеть.

В одной из своих командировок в юрты Ермаковы на «Торун-Ягун» я отправился разыскивать Кечемова Николая Константиновича. Оставив свою лодку в одном из уриев, я по карте сосновым бором дошёл до озера Косын-Лор. Но, идя берегом гигантского водоёма, ничего, кроме накрытых ветхими обласками хантейских могил, я не встретил. Пройдя кладбище, я наткнулся на то место, где когда-то стоял посёлок хантов. Домиков уже не было, но ещё стояли закрытые пустые старинные лабазы. Вокруг меня была тишина, и царил дух разрушения и смерти. Но в этот момент метрах в двухстах впереди меня залаял Халзан. Судя по лаю, кобель наткнулся на человека. И я быстрым шагом направился на его лай. Подойдя поближе, я понял, что передо мной тот, кого я ищу. Разговаривая в полголоса с собакой, стоял высокий одетый во всё национальное пожилой человек. На поясе у него висел традиционный отточенный нож, а в руках он сжимал длинный посох. Было видно, что человек собаку не боится. Он с интересом её рассматривал, и на лице его сияла улыбка.

— Пошто так долго не приезжал? — не здороваясь, поднял он на меня свои серые большие глаза. — Я давно жду, а тебя нет.

— Вам что, Николай Константинович, обо мне Лисак Павлович сообщил? — растерялся я.

— Лисака Павловича я не видел больше десяти лет, — тихо сказал старый хант.

— Тогда я не понимаю?

— Ты пока не понял, как устроено всё, что нас окружает, — показал старик вокруг себя своим посохом. — Но скоро поймёшь. Разберёшься в единстве сущего. В том, что ничего не проходит бесследно, и всё имеет своё и только своё направление.

— Куда? — Не понял я монолог ханта.

— Либо в мир Верхний, либо в Нижний, — посмотрел он на меня.

Ничего не поняв, я замолчал.

— Вот твоя собака, — показал старик кивком головы на Халзана. — Она потомок древних звёздных собак, но тебе это неизвестно. Потому что твой мир пока состоит из несвязанных между собой кусков. Ты же о том, что я тебе сейчас говорю, никогда не слышал. Потому и спрашиваешь меня, каким образом я узнал о тебе.

— То, что знание едино, я понимаю. Но не представляю, как этим можно пользоваться. И столь конкретно, — подошёл я поближе к старику.

— Когда-нибудь поймёшь, — улыбнулся хант. — Пойдём, хорошо, что приехал. У меня в чуме к твоему приезду всё готово.

Изучая Николая Константиновича, я невольно вспомнил хранителя. Для того тоже не существовало никаких тайн. Он знал все мои дела, всегда чувствовал мой приезд. Но седоголовый умел читать мысли.

«Интересно, а этот умеет? — подумал я.

— И читать мысли я тоже умею, — ответил на мой вопрос хозяин озера. — У обычных людей это несложно. Вот ты уже и закрылся, — остановился он, улыбаясь. — Школа-то у тебя хорошая, но Каюков здесь ни при чём, кто-то с тобой другой работал, — стал размышлять старик вслух.

Наконец мы подошли к одинокому берестяному чуму.

— Заходи, будь как дома, — показал на чум палкой хозяин.

Я зашёл в ветхое жилище и, сбросив у входа сапоги, уселся на оленьи шкуры.

— Ну что, ты так и не догадался, как я узнал о тебе и почему ждал тебя? — ставя передо мной низенький стол, посмотрел на меня хант.

— Смутно догадываюсь. Но тогда получается, что ты больше живёшь в мире духов, чем вот в этом плотном, — показал я на стенки чума.

— Так оно и есть, — тихо сказал старик. — Мне там интереснее. Плотная окружающая действительность скучна и однообразна. И ещё очень жестока.

Несколько минут хозяин чума молчал, а потом продолжил:

— А с тобою всё просто: когда ты приобрёл силу духа реки, я тебя увидел. Потом стал наблюдать, чем ты занят. Мне было интересно, зачем тебе Юган-Ики дал столько силы? Потом всё понял. Но не будь рядом с тобой духа твоего учителя, ты бы погиб.

— Духа моего учителя?

— Да-да, того, кто всегда приходит к тебе в трудную минуту.

— О присутствии какой-то силы мне говорил и Лисак Павлович, но он не понял, откуда она взялась.

— Каюков иногда не верит сам себе, — задумчиво сказал Николай Константинович. — Теперь ты понимаешь, что твоя сила и привела тебя ко мне. Сила магнит, часто она ведёт человека по жизни.

Николай Константинович налил в кружки горячий чай, разложил на столе откуда-то взявшиеся баранки и пододвинул ко мне сковороду с жареными щучьими потрохами.

Я, в свою очередь, опорожнил на пол чума свой дорожный мешок. Увидев пачки с индийским чаем, старый хант обрадовался.

— Хорошо, что чай привёз. По ночам можно долго будет беседовать, — сверкнул он своими серыми глазами.

К остальным продуктам старик был на удивление равнодушен.

— Скажи мне, Николай Константинович, куда делись с берега Косын-Лор все ханты? — открывая банку со сгущёнкой, спросил я хозяина.

— Почти все умерли, — спокойным голосом сказал он. — А кто уцелел, те уехали.

— Как это случилось? — задал я мучающий меня вопрос.

— Двадцать с лишним лет назад рядом с озером поставили буровую, — начал рассказывать старый хант грустную историю. — Буровики сразу поняли, что у хантов за водку можно добыть и пушнину, и рыбу. Вот и начался такой обмен. Через пару лет все в юртах спились, даже женщины и дети. И стали умирать. Никто уже не шёл ни на охоту, ни на рыбалку. Даже своих оленей на водку поменяли ханты. А на буровую вертолётами возили её ящиками. А когда буровой не стало, началась повальная чахотка. Её нам буровики привезли вместе с водкой. Вот и всё, — вздохнул старик. — Ты ведь шёл через кладбище, видел какое оно большое?

— Видел, — кивнул я. — Произошло страшное. Сейчас то же самое началось на Югане...

— Да, началось, — согласился со мною старик. — Скоро и Юган опустеет, как Торум-Ягун. Скоро все мы вырем.

— Неужели ты никак не мог остановить своих соплеменников? — спросил я погрустневшего старика.

— Как их остановишь? Молодые взрослых не хотят слушать. Вот сейчас все они и лежат в могилах.

— А куда делись ваши дома? — задал я вопрос.

— В домах болели люди, после того как хозяев относили на кладбище, домики сжигались...

— Но почему вы не обратились к врачам в Сургут? Умирили от туберкулёза и молчали?

— Мы не молчали, мы просили о помощи, но нам никто не хотел помочь. В больнице говорили, что наши юрты слишком далеко, а буровой, чтобы к нам летать на вертолётках геологов, больше нет...

— Мерзавцы! — сжал я кулаки. — Деньги на вертолётки для обслуживания буровых у них есть. Но для помощи больным людям денег у государства не нашлось.

— Врачи несколько раз к нам прилетали, забирали больных детей и привозили лекарства.

— Но остальных бросили на произвол судьбы! — перебил я старика.

— Бросили! — кивнул он своей седой головой. — Так, Геша, вымер мой род. Последние люди Ворона, — посмотрел на меня своими пронизывающими глазами хранитель кладбища. Знал бы ты, кто мы на самом деле — люди Ворона?! Откуда мы пришли, и какие знания хранили наши шаманы?!

— Кое-что я слышал от Лисака Павловича. Ведь он тоже причисляет себя к роду Ворона.

— То боковая юганская ветвь хранителей знаний. Это не то, Геша. Лисак Павлович во многое посвящён, но не во всё, — отхлёбывая свежесваренный чай, сказал хозяин чума. — Сегодня ночью я расскажу тебе, как появился на Земле род Ворона. Ты должен это знать, потому что и сам ты почти Ворон, — сказал загадочную фразу хозяин озера.

— А почему ты назвал мою собаку звёздной? — вспомнил я слова ханта.

— Сегодня ночью ты и об этом узнаешь. Потерпи немного. После чая я тебе покажу здешние бора. Место, где стояли юрты и свои ловушки на рыбу. Покажу тебе и своих оленей. У меня их осталось всего шесть.

— А остальные куда делись? — невольно спросил я старика.

— Их постреляли шофёры на трассе. Отсюда в пятидесяти километрах дорога на Кагалым. Рядом с ней хороший беломошник. Туда мои олени и повадились ходить. Я им на шею и ошейники красные вязал. Напрасный труд. Всё равно всех постреляли. Осталось совсем немного. Теперь в загородке живут. Надо только твою собаку привязать.

— Сейчас привяжу, — сказал я, подымаясь из-за стола.

Мы вышли из чума и, привязав Халзана, направились исследовать владения Николая Константиновича.

— Нам когда-то здесь было хорошо, — остановился на пустынном берегу Косын-Лор старый хант. — В озере рыбы много, в лесу вокруг него птицы. И глухаря, и тетерева. Да и пастбища для оленей рядом хорошие.

Метров в ста от нас на чистой глади озера плеснула громадная Рыбина.

— Вот видишь! — показал глазами на воду Николай Константинович. — Здесь жить и сейчас можно. Но никого, кроме меня, не осталось.

— Тебе не кажется, — посмотрел я на задумавшегося ханта, — что твой род специально убили? Геофизики нефти здесь не отметили, но почему-то буровая была поставлена? Спрашивается, зачем? Тебе не кажется это странным?

— Наши старики говорили начальнику экспедиции, что зря он затеял на Косын-Лор буровую. Нет здесь никакой нефти, потому сюда деды и привели род Ворона. Но он стариков не послушал, — вздохнул хозяин озера.

— Вот видишь, — оживился я. — И болезнь на вас обрушилась после того, как буровую отсюда убрали. Но сначала вас всех споили, и это тоже неспроста. На мой взгляд, по чьей-то злой воле всё это и произошло. И медслужба от вас отказалась, не по причине удалённости, а по совсем иной причине. Так кому-то было надо.

— То, о чём ты говоришь, я понял с самого начала, — согласился с моим предположением старый хант. — Но остановить беду не смог. Подтверждением всему явилось то, что дети,

которых у нас забрали, больше сюда не вернулись. Следов их я не нашёл ни в Сургуте, ни в Тюмени...

От услышанного мне стало не по себе.

«Страшная злая сила! В обход государственной политики по отношению к малым народам... Непосвященному трагедия, которая здесь произошла, может показаться цепью не связанных между собой явлений. На самом же деле всё не так», — думал я.

— Род Ворона уничтожила не экспедиция и не служба здравоохранения, — читая мои мысли, медленно проговорил мой спутник. — Он погиб по воле великой злой силы. Мощного многоголового духа, управляющего медленно умирающим земным миром. Сейчас наступило время гибели и твоего народа. Потому я и ждал тебя, Геша, чтобы рассказать тайну рода Ворона, — повернулся ко мне Николай Константинович. — От тебя она дойдёт до других людей. И кто знает? Может, благодаря ей уцелеет и твой народ.

Старый хант стал говорить загадками. Но я его не перебивал. Одинокому человеку необходимо было выговориться. Мы шли по оленьей тропе вдоль берега озера, и я думал о той силе, что нависла над земным социумом.

«До чего же чётко работает! Дотянулась даже до угрозных потомков ориан. Посчитала их наследие для себя опасным. Куда ни взгляни, везде она! И остановить её пока нечем! Даже этот старый хант знает свойства эгрегора Амона. А наши разрушители, что засели в Кремле, и не подозревают, что являются проводниками его воли».

Под вечер я помог натаскать к чуму Николая Константиновича побольше сушняка и, взяв топор, занялся приготовлением из него дров для жестяной печки чума. Но работа меня так и не отвлекла от мыслей об услышанном. Из головы не выходило:

«Зачем надо было ставить буровую, если на геологических картах это место было отмечено как неперспективное? Ведь начальник экспедиции заранее знал, что ничего здесь он не найдёт? И всё-таки что-то подтолкнуло его к действию? Но почему сразу после ухода буровиков среди хантов вспыхнула эпидемия туберкулёза? Той болезни, которой давным-давно, даже в скученных и крайне запылённых наших городах, мало кто болеет? Но больше всего меня удивило халатное отношение районной медицинской службы к повальному заболеванию на стойбище. Обычно медики себя так не ведут. Насколько мне известно, любую эпидемию наши советские врачи всегда старались искоренить и, по возможности, как можно скорее. Такое впечатление, что все, начиная с начальника геолого-разведочной экспедиции и кончая сургутскими работниками ЦРБ, посходили с ума. Но если они были вменяемыми, тогда получается, что сработал сговор? Возникает вопрос: а причина? Неужели местные ханты умудрились и буровикам, и медикам так насолить, что одни решили их сподить, а другие известить болезнью? Конечно же, ничего подобного не могло быть, — думал я. — Но почему же тогда вымерла целая деревня? Вымерла на глазах у всех, и людям никто не помог. Сложилась роковая цепь странных необъяснимых событий?»

Николай Константинович людей не обвиняет. Он оправдывает даже халатность врачей. Виной всему он считает мощное полевое воздействие. Как ни странно, и я пришёл к такому же выводу. Причём, сразу же, как только услышал от ханта его грустную повесть.

«Но если на Земле возможны такие вот открытые, прямо скажем наглые оккультные операции, то что же ждёт в будущем наш земной социум? Кто на самом деле управляет всеми нами? Конечно же, не генсеки и не президенты. А те неизвестные, которые в течение долгих тысячелетий создавали для себя мощную полевую энергоцентральный эгрегор Амона-Яхве-Тетраграматона. И теперь не ясно, кто кем управляет — они им или она ими? Скорее всего, случилось последнее. Дети-Ще превратилось в монстра, который не терпит над собой никакой власти. Даже власти своих создателей. Искусственно созданная полевая структура начала жить,

выкачивая энергии из социума, вполне самостоятельной жизнью. Всё это хорошо видно по поведению иудо-протестанского банковского клана. Им, банкирам, тем же Ротшильдам, Рокфеллерам или Морганам, наверняка, многое происходящее в социуме не нравится. Ведь и у них есть дети, и они также без будущего, как и дети простых людей, — размышлял я. — Но ничего поделать с происходящим ни функционеры Ватикана, ни Сити или округа Колумбии уже не могут. Так же, как и масоны всех без исключения и высших тайных, и всем известных популярных клубов и компаний. Высшая масонская элита надеялась, что сможет управлять своим детищем. Как бы не так! Потому и банкиры, и масоны занервничали. Мир людей валится в бездну, остановить же этот процесс невозможно».

Из раздумий меня вывел голос Николая Константиновича:

— Великий злой дух управляет нами, лживыми речами Горбачёва, Геша. Он давно свил гнездо в Кремле. Ещё со времён царя Никитки. Потому я и говорю, что настало трудное время больших испытаний.

— А почему ваши духи, например, дух Торум-Ягуна не защитил твой народ от влияния Великого злого духа? — спросил я ханта.

— Дух зла намного сильнее наших духов, — опустил голову Николай Константинович. — Они с ним не могли справиться. Я тогда не раз шаманил. Но всё напрасно...

Мне стало искренне жаль проигравшего оккультную битву шамана. И я, подойдя к Николаю Константиновичу, спросил:

— Ты ведь выжил? Как я понимаю, твоя воля боролась с волей самого Сатаны. И он с тобой не справился?!

— Но других спасти я не смог.

— Потому что они себя сами спасти не захотели, и ты тут ни при чём, — посмотрел я в умные глаза шамана. — Значит, у нас у всех есть надежда. Знать бы куда идти? Никто не знает дороги — вот в чём беда!

— Дорога, Геша, никуда не подевалась, — присел на сушину Николай Константинович. — Это уход к нашим корням. Туда, откуда мы все пришли. Если люди это поймут — жизнь на земле не погибнет. И зверьё, и люди уцелеют.

Что имел в виду старый хант, я не понял. Но уточнять не стал. Очевидно, шаман намекнул, что есть в природе сила, способная всё исправить. И надо снова к ней возвратиться.

Когда мы поужинали, Николай Константинович сказал:

— Сегодня, как обещал, я расскажу тебе, откуда произошёл род Ворона. Познакомлю тебя с нашим поверьем или легендой что ли. Твоя задача слушать и истолковывать. Дело в том, что были рода Ворона повествуют не только о моих предках, но и о твоих. И ты это скоро поймёшь.

— А почему ты назвал предание рода Ворона былью?

— Потому что они рассказывают правду, Геша. Правду, которую должен знать каждый на Земле человек.

«За которую вас всех и прикончили», — про себя подумал я.

— Можно вопрос? — посмотрел я на старого ханта.

— Конечно, — кивнул Николай Константинович.

— Мы оба знаем, что Великий дух зла диктует свою волю всем правительствам земли. И генсеки, и короли, и президенты, сами того не подозревая, играют те роли, которые он им отводит. В руках этого Всепланетарного демона они что куклы? Он ими движет: хочет, приводит к власти, если не справляются — убирает, заменяет другими пешками. Я правильно понимаю?

— Да, правильно, — кивнул головой Николай Константинович.

— Но скажи мне, а этим Великим духом зла управляет кто-нибудь? Что-то не верится, что

он отсебятину гонит. Допустим, через своих ставленников он уничтожит человечество, но ведь и сам загнётся. Откуда ему потом черпать силу? Он же из людей её сосёт?

Выслушав мой вопрос, старый шаман несколько минут молчал, потом, посмотрев на меня, сказал:

— Ты знаешь намного больше, чем я думал. Тебе известно, как на Земле Великий дух зла был создан и какой силой он наполнен. Тебе ведомо, что у него есть свой хозяин... Я не пойму, зачем ты меня о нём спрашиваешь?

— Не обижайся, Николай Константинович, — сказал я ханту. — Я потому задал тебе вопрос, что ты знаешь намного больше меня. Ты же наверняка видишь тех, кому подчинена эта злая сила.

— Лучше бы их не видеть! — вздохнул шаман. — Скажу тебе одно — они не духи, но живут в Нижнем мире, и они нелюди.

«Точнее некуда, — подумал я про себя. — Не духи, но живут в Нижнем мире и нелюди!»

— Они влияют на человечество посредством Великого духа зла. Дух их главное оружие. Без него они не опасны.

— Почему?

— Потому что боятся гнева Создателя, того, кто создал этот мир, — проступила на лице ханта улыбка.

— Всё-таки на Земле есть сила, с которой эти бестии считаются?! — искренне обрадовался я. — Значит, у человечества есть надежда.

— Есть-то она есть, но сначала надо человечеству вернуться к этой доброй силе. Глупые люди давным-давно её предали. Оторвавшись от своих корней, от небесного огня и отца, что их создал, — вздохнул шаман.

— Вот мы с тобой им и поможем вернуться к Творцу, — улыбнулся я ханту.

— Последний из рода Ворона и последний из железных людей? — покачал седой головой шаман. — Хорошая компания!

— Хороша не хороша, но надо что-то делать! Иначе от всего человечества останется одно воспоминание. Земля превратится в сплошное кладбище. Как на моём озере, — добавил шаман.

Глава 31. Сказание о появлении рода Ворона

— Прости, что я отвлек тебя, Николай Константинович, мне на самом деле очень хочется узнать о происхождении рода Ворона. Расскажи, что обещал, — напомнил я ханту о его желании.

— Ну, тогда слушай и запоминай, — откинулся на оленью шкуру сказитель. — Эта легенда самая древняя из всех наших преданий. Ей много не веков, а тысяч лет! Она повествует о временах, когда люди не жили ни родами, ни племенами. В ту далёкую эпоху население Земли предпочитало жить в больших красивых городах. Люди тогда умели как птицы летать, поэтому дорог не строили. Они летали даже на далёкие видимые и невидимые звёзды.

То, что рассказывал Николай Константинович, меня буквально сразило! Легенда говорила о времени прошлой погибшей цивилизации прямым открытым текстом.

А между тем старый хант продолжал:

— В ту далёкую эпоху на Земле жило три великих народа. Один народ был белый, один — чёрный и один — красный. Самыми многочисленными и сильными являлись люди с белой кожей. Но жили эти люди в разных местах. Часть из них построила свои города на севере под звездой Торума. Они называли себя народом зимы. Другие люди с белой кожей предпочитали жить на юге. Их города и их столица располагались на огромной земле, которую окружали большие тёплые воды. Они называли себя людьми лета. Правили и тем, и другим народами, по-нашему, великие «отыры», по-русски — цари. Помогали им в этом звёздные огненные шаманы. Долгое время оба и зимний, и летний народы дружили друг с другом. Ничто не могло разрушить их дружбу. Люди зимы на своих небесных собаках, а летние люди на крылатых конях уносились на промысел в далёкие звёздные урманы. Все звёзды на небе принадлежали тем людям. На одних звёздах они вели промысел зверя, на других добывали себе небесную рыбу. Шли годы. У отыра-царя зимнего народа появилось пятеро детей. Четверо сыновей и одна красавица-дочь. У царя летнего народа два сына. Со временем дети царей стали, как и их отцы, дружить друг с другом. И всё было бы хорошо, если б не встретил в своих звёздных странствиях

царь летнего народа духа зла. Прикинулся дух Нижнего мира другом отыру и стал его убеждать, что несправедлив к царству людей лета правитель зимнего народа. Что владеет он многими звёздами, которые должны быть во владении южного народа. Поверил духу зла царь. Прилетел он к себе на Землю и рассказал обо всём своему главному шаману. Стал убеждать он шамана, что прав его небесный друг в отношении людей севера. Понял шаман, что обманул дух Нижнего мира его правителя, но сколько ни убеждал его в этом, убедить так и не смог. Замыслил вероломный отыр отнять часть звёздных владений у царя северного народа. Перестал он есть, спать, стал думать, как это сделать. И вот, когда владыка севера вернулся из своих далёких звёздных урманов и лёг, чтобы отдохнуть, пожаловал к нему отыр юга. Разбудил он спящего, и сказал: — «Зачем тебе Вечерняя звезда, мой друг, подари её моему народу. Она ближе к Солнцу, поэтому по справедливости должна принадлежать летнему племени, — так и быть, возьми её себе, — согласился спросонок отыр севера. — Но у меня есть к тебе ещё одна просьба, — не унимался царь южного народа. — Отдай мне три звезды небесного лоса. Они всё равно тебе не нужны. Ты знаешь, твои люди там почти не бывают. — Ладно, — согласился в полусне царь зимнего народа. — Я согласен, только дай мне отдохнуть. — Но у меня есть ещё одна просьба к тебе, — снова стал будить своего друга отыр людей лета. — Подари мне как другу ещё и Красную звезду! От последних слов правителя юга окончательно проснулся царь севера. — Почему я тебе её должен дарить, дружище? — посмотрел он на него. — Ведь это же несправедливо! Красная звезда холодная. Она далеко стоит от Солнца, к тому же на ней, как ты

знаешь, живёт моя любимая дочь со своим мужем... Нет, я тебе не могу подарить Красную звезду! Выслушав молча отказ о передаче летнему народу красной звезды, отыр юга сел на своих крылатых коней и улетел к себе в столицу. Долго не находил он себе покоя, возмущённый отказом, потом вышел на площадь своего города и приказал разжечь большой костёр войны. Попытался отговорить своего вождя от глупой идеи великий шаман, но усилия его оказались напрасными. И, когда костёр войны разгорелся, вошёл в него в знак протеста шаман и сгорел на глазах своего правителя. Видя уход своего великого шамана и советника к предкам, ещё пуще разгневался на царя севера владыка юга. В гневе он схватил из костра войны самую большую головню и бросил её на Красную звезду. Превратилась в костёр Красная звезда. Сгорели в пламени и дочь, и зять отыра зимнего народа. В ужасе смотрел на погибающий небесный мир царь севера. Горько заплакал он, видя, что произошло. Позвал он тогда своих сыновей и сказал им, чтобы готовились они к великой битве. И началось великое сражение между зимним народом и летним. Битва шла не только на Земле, но и на небесах, даже на Луне и на многих звёздах. Осыпали отыры друг друга из своих волшебных луков огненными стрелами, падали стрелы, сравнивая с землёй горы. Дрожала земля и стонала от огня и пламени. Наконец кончились стрелы у царей-воинов. И тогда сели на свои небесные колесницы люди юга, а на летающие нарты властители севера и устремились с конями и пальмами навстречу друг другу. Началась новая битва на небесах. Встретились в сражении друг с другом цари двух народов. Горели ненавистью их глаза, крепко сжимали они в своих руках смертоносное оружие. — Зачем ты убил мою любимую дочь? — спросил отыр зимнего племени своего противника. — Она не сделала тебе ничего дурного? — За то, что ты не отдал мне Красную звезду! — ответил его противник. Сошлись отыры в рукопашной схватке. Но перегрызли небесные собаки крылатым лошадям глотки. И полетела колесница царя юга кувырком на землю. Видя свою гибель, стал звать на помощь духа Нижнего мира поверженный отыр. Но не пришёл к нему дух раздора. Он только посмеялся над глупым царём. И тогда проклял владыка летнего народа своего противника. Упала на землю колесница. Удар был такой силы, что потрескалась земля и погрузилась на дно Великой воды. Так погибло царство летнего народа. Опустилось воинство севера на свою землю и увидело, что от проклятия южного царя стала она погружаться на дно холодного моря. Грусть охватила победителей. Не порадовались они своей победе. И тогда решено было покинуть Землю и переселиться на звёзды. Но когда подошли они к своим небесным нартам, то увидели, что у их звёздных собак Номи Торум отнял крылья. Решил Великий дух не отпускать с земли людей зимы. Не захотел он север своих владений оставлять без присмотра. И тогда созвал владыка и победитель отыр людей зимы народное собрание. И объявил на нём, что надо уходить с гибнущей родины на юг. Туда, где стоят покрытые лесами горы и зеленеют степи. Сам же он решил остаться на земле предков. Стали собираться люди зимы в дальнюю дорогу, стали запрягать в нарты бескрылых, бывших звёздных своих собак и домашних оленей.

— А почему ты назвал при встрече моего Халзана звёздной собакой? — остановил я рассказчика.

— Потому что потомком тех собак он и является, — просто сказал шаман. — Он чёрный с белой мордой и с жёлтыми бровями. Чёрный цвет — фон ночного неба, а жёлтые брови — память о звёздных предках. Отняв крылья, Торум оставил на мордах у северных собак в форме бровей жёлтые звёзды.

— Прости, что тебя перебил, слишком много я ещё не знаю.

— Ничего, слушай дальше, — улыбнулся рассказчик. — Позвал к себе своих сыновей царь зимнего народа и наказал старшему идти до конца земли на юг. Второму сыну вести своих людей на восток, третьему сыну найти край земли на западе. А четвертому сыну после его, отца,

погребения отправиться на поиски старшего брата. Со слезами на глазах покинули свою родину люди севера. Со слезами прощались со своим отцом уходящие в неведомое сыновья. А на Земле продолжали гореть леса, свирепствовали грозные ураганы, за облаками на несколько лет исчезло Солнце. Не успел зимний народ покинуть свою гибнущую родину, как на неё обрушились сильные холода. Наступающие на землю воды очень скоро превратились в лёд. Но на этом льду продолжали жить те, кто не хотел покидать свою землю. То были потомки четвёртого сына, ушедшего к предкам вождя севера. Они не пошли на поиски своих откочевавших на юг родственников. Те люди приспособились жить на льду и на голых мёртвых скалах северных островов. Их было совсем немного. Но они отличались выносливостью и силой. Как известно из всех живых существ самым выносливым является полярная птица — ворон. Поэтому люди, оставшиеся на севере, избрали себе имя людей Ворона. Так и возник мой род.

Несколько минут хант молчал, потом добавил:

— Прошли тысячи лет, Геша, и на севере стало теплее. Климат изменился, начали таять вечные полярные льды. Только новое наводнение заставило уйти на юг последних обитателей севера. Род Ворона переселился на новую родину не так давно. По легендам, три тысячи лет назад, а может, и позднее. Но Вороны не ушли в степь, а остались жить в тундре и урманах. Здесь они и повстречались сначала с самоедами, а позднее с хантами. Это вороны научили самоедов оленеводству, немного погодя, и хантов с вогулами. Хантов род Ворона научил строить большие лодки. Хетагур — ханты больших лодок учились плавать по рекам у Воронов, Геша. И железо научили добывать хантов и самоедов тоже Вороны. Теперь ты понял, почему я назвал тебя одним из нас, несмотря на то, что ты русский? Корень у нас один. И не только у нас с тобой, но и у всех людей с белой кожей и серыми или даже карими глазами... Все мы потомки одного великого северного зимнего племени.

— Хотя и говорим на разных языках, — закончил я за ханта повествование. — Скажи мне, — через несколько минут спросил я шамана, — только ли сюда, в Западную Сибирь, откочевали люди рода Ворона? Что об этом говорят ваши предания?

— Меньше всего Воронов ушло на Ямал, больше половины их откочевало совсем в другую сторону. На восток людей ушло больше, чем на юг.

— Вот откуда появились люди Ворона у юкагиров, чукчей и особенно, индейцев таннаков на Аляске, — подумал я вслух. — И везде Вороны учили народы, идущие на север, своей уникальной арктической культуре. Об этом рассказывают даже эскимосские легенды. По ним туниты и научили предков инуитов шить арктическую одежду и охотиться на морского зверя.

— Совсем как мы хантов, — улыбнулся Николай Константинович.

«Вот оно что, значит, в глубине души ты до сих пор считаешь себя другим?» — подумал я про себя.

— Да считаю, — прочёл мои мысли шаман. — И все мы так считали, потому с хантами особо и не смешивались. Другое дело с русскими...

В печке, стоящей в центре чума, горел огонь. Отсветы его через щели падали на берестяную крышку и на развешенную по стенам утварь. За стенкой жилища стояла тихая сентябрьская ночь. Николай Константинович мирно спал на своём месте. Но мне не спалось. То, что я услышал от ханта, было выше всех моих ожиданий.

«Вот почему хранитель так берёт своих чёрных с подпалинами и белыми масками собак! А ведь он мне говорил, что они самые древние лайки в мире. Что эта порода наша русская, пришедшая в современное время из погибшей Орианы. Но я тогда ничего из сказанного не осознал. А сам миф! В нём отражена гибель земной цивилизации на Луне, Марсе и где-то ещё, чего мы не знаем. И земная катастрофа. Опускание на дно континентов. Коротенькая небольшая сказка, а охватывает буквально всё. Кратко, сжато и предельно точно. Интересно, сколько ещё

знает этот спящий по ту сторону печки старик? Последний из рода Ворона!»

Очевидно, чувствуя, что мне никак не удаётся уснуть, Николай Константинович проснулся, посмотрел в мою сторону и, запалив керосинку, спросил:

— Никак не можешь уснуть? Что тебе мешает, Геша?

— У тебя тепло и уютно. А не могу уснуть я от того, что услышал. Ты рассказал мне потрясающую быль. Платон и тот не смог выдать миру того, что ты только что мне передал. Это похлеще предания «о гибели мира», которое поведал Лисак Павлович.

— Обе были дополняют друг друга. То, что рассказал я, создавалась на севере, она очень древняя. Вторая быль сложилась в этих краях. Но время у них одно. Правда, взгляд на одни и те же события с разных сторон. Но чтобы тебя немного отвлечь, я скажу тебе вот что: ты про Сорни Най слышал?

— Конечно, — кивнул я.

— Знаешь, как её из-за Камня на Енисей перевезли?

— В общих чертах.

— Это хорошо, что в общих чертах. Сейчас будешь знать конкретно, — засмеялся шаман. — Статую золотой богини здесь в Сибири от берегов Иртыша до Курейки на востоке перевозили люди рода Ворона. В частности, этим занимался прапрадед того, кого ты перед собой видишь... Он со своими людьми и остался на Енисее как один из хранителей путей.

— А кто управлял всей этой операцией? — поинтересовался я.

— Один из потомков древнего северного великого шамана, который увёл народ на юг вместе с сынами царя севера.

— Только теперь до меня дошло, почему ханты спасали в Сибири Сорни Най до самого Енисея.

— И даже дальше, — налил себе чаю Николай Константинович.

Вот так по крупицам всё разрозненное и, на первый взгляд, необъяснимое, наконец сложилось в моём сознании в целостное и вполне понятное. Ханты рода Ворона, потомки последних ориан-гипербореев, помня о своём великом прошлом, помогли русским жрецам-хранителям укрыть от жадных христианских ищек золотое изображение богини любви. А между тем Николай Константинович продолжал:

— Некоторое время тайное капище Сорни Най находилось неподалёку отсюда на речке Орт-Ягуне. Это потом богиню перенесли на Вах. Тогда, когда на месте древнего города «железных людей» христиане стали строить первый Сургут.

— Я хочу, Николай Константинович, увидеть на Торум-Ягуне Шаманскую гору и те места, где когда-то жили пришельцы с севера, — прервал я старого ханта. — Хочется посмотреть на озеро Пикуто и на пирамиды в вершине реки.

— Всё это я тебе покажу, может, не сразу, но обязательно покажу, — посмотрел на меня шаман рода Воронов. — Ты всё увидишь, но этого мало. Ты должен найти потомков северного народа среди русских. Они ещё сохранились. Вот кто тебе покажет древние дороги и крепости, да и стародавние времена они помнят лучше, чем мы, вороны.

— Скажи на милость, — пожал я плечами. — Где же мне их искать? Русские на севере не живут как вы юртами. Они предпочитают жить в городах и больших посёлках. А там, известное дело, со всех сторон влияние другого времени.

— Всё это так, — грустно улыбнулся хант. — Но ты забыл про кержацкие скиты. — А они до сих пор стоят и на земле самоедов и на земле хантов. И с теми, и с другими кержаки живут дружно, не чествуют они христиан и коммунистов. На Тазу и Пуре они подобно ненцам разводят оленей и на Оби, Казыме и других больших реках, как и мы, рыбачат.

— Но насколько я знаю, кержаки тоже христиане, только старообрядцы или

раскольники, — возразил я шаману.

— Верно, часть из них такая, как те, что пришли в Сибирь с запада из-за Камня, ты их сразу поймёшь: у них в скитах полно икон, и они двумя пальцами крестятся, — поднял руку с двумя сложенными пальцами шаман. — Тебе же надо отыскать других кержаков, о которых в посёлках говорят: «Живут в лесу и молятся колесу». Их мало, но они до сих пор встречаются. Когда-то мой род с такими людьми дружил. Они жили недалеко от юрт Рускинских здесь на Торум-Ягуне. Потому до сих пор и зовутся эти юрты Рускинскими, то есть — русскими.

— А потом куда они делись? — поинтересовался я.

— Когда на наши земли нахлынули нефтяники, они ушли на Казым, где нет буровых и можно разводить оленя, — погрустнел Николай Константинович. — И нас они звали с собой...

— Неужели они эти странные кержаки, и на самом деле молятся колесу? — отвлёк я своим вопросом ханта от грустных мыслей.

— Не колесу они поклоняются, а духу Солнца, — ответил мне шаман. — Солнце же представляют в виде колеса.

«Неужто, и вправду, до сих пор в Сибири живы ведические русские?» — невольно подумал я.

— Живы-живы, — прочёл мои мысли Николай Константинович. — Только их мало, но они ещё живы, это род Ворона вымер...

— Так как же мне их отыскать? — развёл я руками.

— Меня же нашёл?

— Благодаря Лисаку Павловичу, — напомнил я.

— Вот и я тебе помогу, главное, что у тебя есть желание, — закончил разговор шаман.

Чтобы исследовать Шаманскую гору у юрт Ермаковых и описать все древние укрепления на Тром-Ягуне, у меня ушло два года. А впереди было ещё озеро Пикучто и Северные увалы, где, по утверждению Николая Константиновича, стоят развалины древнего города и три заросшие лесом высокие пирамиды. Чтобы попасть на водораздельные холмы в вершину реки, мне пришлось организовать целую экспедицию. Помог мне в таком деле Сопочин Анатолий Семёнович, бывший депутат Верховного Совета СССР, который, поняв, что происходит в нашей стране, сбежав из Москвы и забрав свою семью, подался на оленях в скитание по лесотундре. С ним меня познакомил Николай Константинович. Хоть Анатолий Семёнович и не является представителем рода Ворона, но он сразу понял, что от него требуется. И именно благодаря ему, мне удалось описать и валы древнего допотопного города и стоящие рядом с ним гигантские громадины трёх пирамид. После всего того, что мне удалось увидеть, я решил обратить внимание на свои находки этнографа из Томского университета Галины Ивановны Пелих, автора замечательной монографии «Происхождение селькупов». По наивности мне тогда казалось, если доктор наук Г.И. Пелих нашла смелость опубликовать в своей работе, ссылаясь на идентичность нарымских и шумерских орнаментов, что древние шумеры пришли на юг Междуречья из Среднего Приобья, то известие, что среди тайги покоятся валы древних городов и даже пирамиды, её не шокирует. Но я ошибся. Галина Ивановна на моё подробное письмо не ответила. Написала мне несколько строчек её секретарь. Что, дескать, то, о чём я сообщил, скорее всего, мне показалось. Ни гигантских курганов, ни следов крупных поселений, тем более рукотворных холмов-пирамид в Сибири быть не может. Вывод один — я спятил! Не верь своим глазам, а верь дурацкому мнению ортодоксов! Письмо секретаря кафедры этнографии ТГУ меня заметно охладило.

«Ну что же? — решил я про себя. — Может, это и к лучшему. По крайней мере, следы древней цивилизации потомков ориан в Сибири сохраняются. Тем более наступило, как и предполагали «пасечник» с дядей Ёшей, смутное время».

И я целиком и полностью переключился на мифологию рода Ворона. Приезжая в командировки на озеро Косын-Лор, я слушал предания, которые мне рассказывал Николай Константинович, а по ночам записывал их в свои тетрадки. То было счастливое время: зимой за берестяной покрывшей чума трещали морозы или выли метели, летом же гудел не смолкая осатаневший гнус, но я слушал ханта, ничего этого не замечая. Моё сознание уносилось вдаль тысячелетий на бескрайнюю ледяную равнину севера, туда, где когда-то обитали уцелевшие от страшной катастрофы потомки арктов. Я видел картины их охоты на мамонтов и овцебыков, вместе с ними собирал по берегам рек плавник и строил из него остовы для зимних жилищ. А когда пришло тепло и ледник стал таять, и началось последнее наводнение, род уходил дальше на север, чтобы через несколько столетий вернуться на материк со стадами одомашненных оленей.

— Скажи мне, — спросил я один раз Николая Константиновича. — Откуда пришли на север предки нехристей кержаков? Как я понимаю, сначала белые люди севера ушли далеко на юг, а потом стали возвращаться.

— Ёе все ушли на юг, Геша, — улыбнулся моей наивности шаман. — Никогда, куда бы люди не переселялись, все не уходит. Часть всегда остаётся. И их не так мало. Они-то и построили первые здесь города. О том времени рассказывает предание о гибели мира, то с которым тебя познакомил Лисак Павлович. И после второй катастрофы немало людей здесь осталось. Правда, с далёкого севера они ушли. Вот почему род Ворона никого кроме хантов в горах на побережье большой воды и не встретил.

— Как в горах? Почему в горах? — удивился я.

— Потому что с севера мои предки уходили горами. Это потом они расселились по озёрам и рекам.

— Ты имеешь в виду Урал?

— Да, Камень и горы на востоке, — кивнул головой Николай Константинович.

— Всё-таки мне не понятно, почему люди севера на юг двигались по горным цепям?

— Потому что здесь тогда было много воды. Земля была, но легенды рассказывают, что даже реки иногда текли вспять. Проще пищу было добыть в горах, чем на равнине.

— Именно поэтому белые люди вынуждены были уйти с севера к югу. Но когда воды схлынули, они стали возвращаться по берегам многих рек. Остатки этих поселений видны хорошо. На Торум-Ягуне ты их как раз и видел.

— А кто построил город у пирамид на водоразделе? — спросил я ханта.

— Там не только город, там и курганы стоят, просто ты их не нашёл, — покосился на меня шаман. — Город же и пирамиды построили задолго до войны отыров. Он очень старый, потому и еле заметен. Видны только холмы с лесом. Кержаки же, поклоняющиеся духу Солнца, пришли в наши края с юга и с запада из-за Камня, через землю зырян и манси. С юга солнцепоклонники пришли давно. Однако столетий пять прошло с тех пор, а с заката или с запада пришли недавно, как они сами говорят, во времена царя Бориски.

— Бориса Годунова, что ли?

— Наверное, — пожал плечами старый хант. — Следом за ними через несколько десятилетий хлынули сюда христиане старообрядцы. А при царе Петре и за теми, и за другими началась настоящая охота. Христиан старообрядцев отдавали попам, а поклонников духу Солнца сразу убивали. Тогда и были сожжены их последние поселения. По рассказам дедов, страшное было время, — вздохнул Николай Константинович.

— Почему такая ненависть была к солнцепоклонникам? — невольно спросил я ханта. — Они же не угрожали Московской власти? В чём их обвиняли? В том, что они язычники? Но тогда надо было бы и вас хантов, и ненцев, и тунгусов всех перебить?

— Нас не трогали, — пробурчал шаман. — Наверное потому, что за людей не считали, а вот их били за многожёнство. Кержаки-солнцеклонники жён имели по две-три и даже больше.

— Ну и что?! — удивился я.

— Как что? Это ведь непорядок! Христиане так не живут. За то их и истребили, — посмотрел на меня Николай Константинович.

— А как насчёт многожёнства было у рода Воронов? — поинтересовался я.

— Так же как и у потомков «железных людей», — усмехнулся шаман. — И этот закон правильный. Главное, чтобы женщина сама выбирала себе мужа.

— И что, здесь на Косын-Лор, на вашем стойбище, оно сохранялось?! — от крамольной догадки у меня на лбу выступил пот.

— Конечно сохранялось, это ведь традиция, — спокойно сказал старый хант.

— Так вот почему вас уничтожили! — чуть не закричал я. — Как индейцев в Америке. В основном за то, что держались древней традиции многоженства.

— Возможно, — спокойно согласился со мной Николай Константинович. — Но лучше погибнуть, чем предать заветы своих предков. Так же рассуждали и русские солнцеклонники. Потому их и осталось совсем мало. Ты хочешь с ними встретиться? — задал мне вопрос шаман.

— Хочу, очень хочу, но не сейчас, — сказал я ему. — Вот ты только что упомянул, что часть кержаков-язычников со своими семьями перебрались во времена царя Бориса Годунова из-за Камня. И сказал, что никогда народы целиком не переселяются, кое-кто всё равно остаётся на старом месте. Из того, что я от тебя узнал, можно сделать вывод, что русских язычников я смогу найти и без твоей помощи, просто мне надо поехать на Русский Север, откуда сюда, в Сибирь, пришли те, о ком ты только что рассказал. Понимаешь, Николай Константинович, здесь ни на Торум-Ягуне, ни на Агане их нет. Значит, надо русских солнцеклонников искать либо на Казыме, либо на Пуре и Тазу. Так?

Тот молча кивнул.

— А теперь я точно знаю, что искать мне никого не придётся. У меня есть адрес к тем людям.

— И дал тебе его тот, чей дух всегда рядом с тобой, тот, от которого ты получил и свои знания о потустороннем, — рассказал за меня историю с адресами шаман.

— Всё так и есть, Николай Константинович, — согласился я с его дополнением.

— Значит, тебя я больше не увижу, — погрустнел хозяин озера.

— Я обязательно к тебе приеду, вот только побываю на Двине, Мезене и Печоре, — попытался я его успокоить.

— Ты, на самом деле, появишься на озере Косын-Лор, — посмотрел куда-то вдаль Николай Константинович. — Но меня здесь уже не будет.

— Ты что, собрался куда-то уехать? — спросил я его.

— Никуда я отсюда не поеду, просто скоро отправлюсь к предкам, Род Ворона давно ждёт своего последнего шамана.

Глава 32. Счастливые люди

Во время сборов на Русский Север мне невольно в голову пришла мысль, что еду в край того белого шамана, который смог в оккультном поединке одолеть западных каббалистов относительно продажи Британии Кольского полуострова. Этого человека безуспешно пытался найти дядя Ёша.

«Но может мне повезёт и я кое-что о нём узнаю? — думал я. — Вот бы встретить тех людей, кто его когда-то знал и у него чему-то учился!»

Я наизусть выучил нехитрый адрес, который оставил мне хранитель. Интуиция мне подсказывала, что я обязательно встречу с удивительными людьми и узнаю что-то такое, о чём пока и не догадываюсь. Видя с каким увлечением я собирался в командировку по русскому северу, директор заповедника И.И. Кулешов предложил мне на всякий случай взять ещё отпуск без содержания и оставить у него своих собак. Всё опять сложилось как нельзя лучше, и я со спокойным сердцем отправился в своё очередное путешествие. Стояла поздняя осень. Когда я вышел из самолёта в Архангельске, то понял, что сразу улететь туда, куда мне надо, не удастся. Явно была нелётная погода. С моря дул сильный ветер, шёл снег, его порывы срывали с головы шапку, забирались под полы демисезонного пальто и леденили тело.

«Я явно оделся не по сезону. Поэтому, пока стоит нелётная погода, надо что-то себе приобрести потеплее, — думал я, заходя в гостиницу. — Хорошо, что захватил с собой сшитые из лосиного камуса пимы! По крайней мере, когда их надену, ноги будут как в печи. А вместо своего пальто что-нибудь в магазине куплю посущественнее. Заодно и посмотрю этот старинный русский город...».

Когда я занял своё место на гостиничной койке, за окном стало совсем темно.

«Смотри-ка, здесь смеркается также как у нас в Берёзове, — отметил я про себя. — Только влаги в воздухе больше, оттого и зябко».

В комнате я пока был один, но через несколько минут в неё вошёл крепкого сложения коренастый человек лет пятидесяти. Он сдержанно поздоровался со мной и, бросив в октан свой рюкзак, стал разбирать постель. Улегшись на неё, посетитель стал бесцеремонно изучать отдыхающего напротив человека. По его глазам было видно, что он сгорает от любопытства. Мужчина смотрел то на меня, то на мои на рыбьем меху ботинки и очевидно силился понять, откуда я, такой горячий здесь взялся? Видя, что моя персона его чем-то заинтересовала, как более молодой я назвал ему своё имя и сказал, куда намерен добратся. Услышав, что мне надобно за тридевять земель, он уселся на кровати и открыл рот.

— Ты же в наших краях окочуришься в своих вот этих, — показал он на мои ботинки. — Там же сейчас снега по колено, а после метели хряпнет под двадцать, а то и более. Ты завтра иди и катанки себе купи в магазине. Зима на дворе!

Видя участие Василия Дементича Клокотова, так звали моего соседа, я достал из октана ^[6]свою поклажу и вынул из неё новенькие лосиные пимы.

— В ботинках я в ваш район не полечу, — сказал я соседу. — Иначе на самом деле без ног останусь, а вот своё пальто придётся на самом деле здесь в гостинице оставить, я уже сегодня пока шёл до гостиницы промёрз до основания.

— Смотри-ка, какие ладные! — взял в руки камусную обувь мой новый знакомый. — Нашенские таковые не шьют. Что-то на энто похожее носят зимой Кольчегорские и Вожгорские нехристи, они тоже предпочитают шить жилами. А нашенские камусы сшивают капроновой ниткой, — положил Василий Дементич на место мою обувь. — Сам-то ты откэндова? — начал он утолять своё любопытство.

— Из Сибири я, из Тюменской области.

— Едешь ничай в гости? — задал он тут же новый вопрос.

— Еду-то еду, но не знаю куда, — вздохнул я. — Деревня-то известна, но от неё ещё вёрст двадцать, а то и более. Я первый раз.

— То-то я и вижу, что несведущ ты о наших чашкобах. И о холодах, — посмотрел на меня с сочувствием собеседник. — Деревня-то как называется?

— Ценогора, — сказал я.

— А там к кому?

Я назвал имя и фамилию.

— Так ведь это ж на выселки к нехристям! Мы друг друга и на Пинеге, и на Мезене всех знаем. В Архангельске встречаемся, как свои

родственные. Но с нехристями из хуторов не дружим. Общаемся, но не дружим. Чужие они. А ты чай сам не из таких же? Может кто из твоих родных из наших мест? — стал допытываться до меня любопытный Дементич.

— А почему вы зовёте тех людей нехристями? — перевёл я разговор с себя на то, что меня интересовало.

— Потому, что энто было давеча — ещё до революции, те люди из выселок никогда в церкви и в соборы не хаживали. Даже в граде Архангельском в церкви не заходили. У них своя вера. За неё они сильно и страдали. С Двины, Пинеге и Мезени некоторые семьи нехристей уходили ажио на Печору к зырянам и ещё дальше к вогулам на Урал. Другие хоронились в наших лесах. До революции жили неслышно, тихо. Сейчас же их хутора зовутся выселками.

— А как к нехристям относилась советская власть? — задал я интересующий меня вопрос.

— После революции за них взялись совсем как за преступников. Но потом всё утряслось. Может потому, что чудные назвали свои артели колхозами. Но их перестали тревожить. А ты пошто меня спрашиваешь? Получается, едешь сам не знаешь куда? Уж не за девкой ли собрался? Что-что, а энто добро у них видное. Краше некуда! — улыбнулся сосед по комнате.

— Я этнограф, меня интересуют местные народные промыслы. Командировочный я.

Новый ответ ещё больше возбудил ко мне интерес Василия Дементича.

— Если рукоделием интересуешься, зачем на выселки-то к затворникам? Езжай к нам, в Лукошенье! До сих пор у нас посуду из дерева щегольскую режут, а какие лапти раньше плели — одно загляденье! В деревне Олёме на реке Вашке такие выдělывають чашки и ложки — берёшь в руки, ажио не верится, что эндокое люди своими руками делают! А в деревне Вашгора шьют и лодки, и карбасы, лучше вышгорцев их никто не делает — хоть сразу в музей! А рукавицы из разноцветной шерсти какие у нас вяжут? Одно загляденье! Жаль, что я сейчас не в таких, а то бы показал, — разошёлся не на шутку дядя Вася. — А какие рукодельницы живут в Кельчегоре, Нисогоре, Ценогоре, в посёлке Белогоре, в деревнях Кощелье и Палощелье! А он собрался к нехристям на выселки, будто кроме них никто ничего не умеет?! — посмотрел на меня с укоризной мой случайный попутчик.

— А почему все ваши деревни имеют корень «гора»? — задал я вопрос, чтобы перевести разговор в другое русло. — Неужто у вас там такая гористая местность?

— Ты што, какие там горы? Реки почти вровень с берегами! Как половодье, такмо не знаешь куда от воды деваться. Все эти названия дали, как сказывають деды, наши предки — новгородцы. Сюда русский народ пришёл в давние времена из Великого Новгорода. Энто новгородцы заложили и град Архангельский, и многие деревни по Двине, Пинеге, Мезене и другим рекам. Строили они свои деревни на пригорках. Метров 5–6 в вышину по местным меркам, уже гора! На местах же, где стоят наши деревни, давеча чудь белоглазая жила, так сказывають. До сих пор в огородах люди находят битые глиняные черепки и всякие бронзовые безделушки, то оленей, то

диких свиней, хотя кабаны у нас и не живут, то ломаные пряжки или наконечники копий и стрел. Отсюда и пошли деревни с названием гора. Например, Кельчегора, куда я сейчас еду.

— А куда после прихода новгородцев подевалась местная чудь? — не утерпел я с вопросом.

— Куда-куда? К потомкам этой вот чуди ты и собрался. Она укрылась от властей и церкви в лесах. Так укрылась, что на неё махнули рукой. Правда, когда крестили зырян, а позднее ненцев, до неё снова добрались. Но как только попы перестали злобствовать, чудь опять стала жить как и раньше, по своим неписанным законам. До революции церковь её не раз пыталась образумить. Частенько к ним на выселки через наши деревни попы наведывались. Но безуспешно.

— Как я вас понял, — посмотрел я на Василия Дементича, — нехристи такие же русские люди, которые жили в этих местах до прихода новгородской вольницы?

— Русские-то они русские, но не совсем. Они все друг на друга похожи, что бабы, что мужики. Их сразу видно. Вот у тебя глаза зелёные, а у меня голубые. А у них всегда серые под цвет нашего неба. И по повадке они другие. А по сложке скроены, пожалуй, лучше нашего. Я как-то побывал зараз в одном из хуторов на сенокосе, так до сих пор не могу забыть ихних бабёнок. До чего же все ладные! Глаза большие серые, волосы что золото!

По всему было видно, что мой собеседник к женской половине нехристей относится вполне лояльно.

— Знаешь что, — поднялся он с кровати. — В связи с непогодой здесь в гостинице и пинежских, и мезенских зараз густо, пойдём-ка в столовую я тебе покажу и тех, и других, а может и чудных встретим?

То, что я услышал от Василия Дементича, меня заинтриговало. И я, обувшись в свои лосиные пимы и, накинув пальто, двинулся туда, куда повёл меня мой знакомый.

Над Архангельском бушевала метель, летящий снег слепил глаза и забирался под воротник.

«Совсем как у нас в Сибири, только сырости побольше, — отметил я. — Интересно, какие здесь морозы? В сухом климате низкие температуры переносятся полегче».

Вскоре мы подошли к той столовой, в которой, со слов Василия Дементича, обычно любят собираться поморы-транзитники с Пинеги, Мезени и Печоры. Раздевшись, мы вошли в зал и стали в очередь за ужином. Очередь была небольшой, но мой спутник сразу же встретил в ней двух знакомых. Выяснилось, что они также как и мы застряли в Архангельске из-за непогоды и остановились в той же самой гостинице. Один знакомый дяди Васи добирался до своей деревни на Пинеге, другой летел до Конещелье на Мезене. Поговорив о погоде и о своих делах, вчетвером мы уселись за столом и стали неторопливо ужинать.

— Вот, Юра, опять нашенские, — через минуту кивнул головой Василий Дементич в сторону двух мужчин и одной вошедшей с ними в зал женщины. — Все палощельские, однако, — посмотрел на вошедших знакомый дяди Васи с Мезени. — Наверняка, они тоже остановились в нашей гостинице. Надобно к ним в гости зайтить...

— Время детское, сходим, — пробурчал под нос пинежец.

Через несколько минут в столовую вошли ещё знакомые моих собеседников. И те, и другие поприветствовали кивком головы друг друга и договорились жестами о встрече. Все вошедшие как на подбор были крепкого сложения с красивыми открытыми русскими лицами. Некоторые носили усы и бороды. В основном это были одни мужчины, женщин среди них было всего две, и как следует рассмотреть я их не успел. Наш ужин уже подходил к концу, когда мой взгляд привлекли три вошедшие в зал женщины. Судя по всему, это была мать со своими двумя дочерьми.

— Вот тебе и выселковские пожаловали, — толкнул меня локтем дядя Вася. — Смотри не пяль глаза, девки-то — мёд, да и мамаша подстать! Но это не наше.

— А мужики их что? Неуж-то — дёготь? — спросил я, смеясь.

— Хуже! — отрезал пинежец. — Тронешь девчушек — голову сразу оторвут. У них свои законы. Живут по старинке.

— И правильно делают! — отозвался знакомый дяди Васи с Мезени. — Так и надо жить. А то мы вон как перестроились — снова в буржуинстве оказались! А им наплевать — коммунизм, капитализм! Живут себе дедовским укладом: летом в море промышляют, зимой за скотом присматривают. И плевать им на все наши измы, — поднялся он из-за стола.

Его примеру последовал и пинежец. Но мы с Василием Дементичем пока уходить не торопились. Интуитивно мой спутник понял, что мне хочется получше рассмотреть «выселковских» и, откинувшись на своём стуле, улыбаясь, он посматривал то на меня, то на вошедших. На своём маленьком веку я много видел по-настоящему красивых женщин. И считал, что физическим совершенством линий и пропорций меня уже не удивишь. Но здесь все было иным: в очереди стояли не женщины, а облачённые в повседневную одежду богини! Канонические тонкие черты лица, огромные бездонные серые глаза, высокие лебединые шеи, аккуратные плавные, без тени угловатости, плечи, выступающие полные, несомненно очень красивые груди и осиные, просто так, от природы, безо всяких корсетов, талии! А ягодички и бёдра! Хоть их прелесть и скрывали толстые зимние юбки, но разве может абсолютное совершенство скрыть какая-то тряпка?! И точёные высокие голени! Все три красавицы были одеты в оленьи пимы и глубокие лисьи шапки. Они стояли с подносами и казалось никого вокруг себя не замечали. По виду было видно, что женщинам давно осточертело пристальное мужское внимание, поэтому на мужчин они не смотрели, не пытались позировать или кокетничать.

— Вот это да! — посмотрел я на дядю Васю. — Откуда они?

— Да наши мезенские. До рабочего центра я не раз летал с их мамой, а дочерей вижу в первый раз.

— Интересно, какие у них волосы, вот бы увидеть?

— Цвета тёмного золота и блестят как металл, можешь мне поверить, — улыбнулся собеседник. — У выселковских одного цвета и глаза, и волосы, и кожа. Ты видишь, какая она у них чистая и белая? Хуторские даже на Солнце не загорают, — показал глазами на стоящих поодаль женщин Василий Дементич.

Взглянув ещё раз на живое совершенство, я встал из-за стола, и мы отправились в гостиницу. Перед тем как заснуть, я расспросил своего попутчика, где здесь поблизости магазин, чтобы купить себе полушубок и хорошие варежки. Услышав ответ, я ещё раз перевёл разговор на хуторских.

— Интересно было бы взглянуть, что из себя представляют мужчины у выселковых?

— Что это тебя мужчины заинтересовали? — с поддельной подозрительностью посмотрел на меня дядя Вася, а потом, расхохотавшись, добавил. — Добрые они — и поморы, и таёжники. Красивые и честные. Волосы у них тёмно-русые, как у тебя, но есть и посветлее. И смотри, хуторские парни крутые. Обиду к себе перенесут, но если обидишь их девок, могут покалечить.

— Обижать я никого не собираюсь, и даже не знаю, как это делается, но чувствую, что поездка на Мезень у меня будет интересной.

— Ты, вот что, — вдруг посерьёзnel дядя Вася, — завтра нам до обеда делать будет нечего. Так что пойдём по магазинам скопом. Подберём для тебя и хорошую куртку, и варежки. Хорошо бы наши найти из разноцветной шерсти. Да и без лыж тебе, дружище, не обойтись. Ты говоришь, тебе от деревни километров двадцать топать до хуторских? Я в Ценгоре никогда не был, но знаю, что на севере двадцать километров могут оказаться сороковкой. Ценгорские мужики на хутор, куда ты едешь, скорее всего, тебя не повезут. Времена не те. Ни соляры, ни бензина на

наших реках давно уж нет. И моторы, и снегоходы стоят без пользы. Народ снова стал переходить на долблѣнки летом, а зимой на сани. Так что топать тебе придётся, скорее всего, пешком. Покажут дорогу и всё. Понял?

— Такой вариант я как раз и предусмотрел. У меня в багажном пара кысовых хангейских лыж. Я с ними сюда из Москвы добрался.

— Тогда ты парень не промах! — забрался под одеяло дядя Вася.

Наутро пурга только усилилась. Записавшись в очередь на билет, я со спокойной совестью отправился покупать себе зимнюю одежду. Василий Дементич посоветовал мне взять лёгкий и удобный пуховик, и от себя подарил красивый туристический нож.

— Это тебе на память о нашей встрече. Попадѣшь в Кольчегору, сразу ко мне. Меня там каждая собака знает. Я уже лет десять работаю бригадиром рыболовецкой артели. Угощу тебя и жирной треской, и сѣмгой, — улыбнулся дядя Вася.

Через два дня ветер с моря мало-помалу стал стихать. Сквозь рваные облака стало просвечивать низкое северное солнце.

— Непогода, кажется, проходит, — констатировал происходящее мой новый знакомый. — Скоро полетят самолѣты на Пинегу, Мезень, а может и на Сыктывкар.

За время вынужденного сидения в Архангельской аэропортовской гостинице я перезнакомился со многими жителями Пинеги, Мезени и Печоры. Знакомил меня в основном Василий Дементич. Это были рыбаки-поморы, бывалые таѣжники и северные строители дорог. Но никого больше из выселковских я не встретил.

Не встретил я ни в гостинице, ни в аэропорту и тех трёх красивых женщин, которые так поразили меня в столовой. Вечером не утерпев, я спросил дядю Васю, не видел ли он кого из них где-либо. Посмотрев внимательно на меня, мой знакомый мягко сказал:

— Бабѣнки эти не для таких как мы, Юра. У выселковских не мужики выбирают, а бабы. И такие, как мы, им не интересны. Хуторские живут шиворот-навыворот. Оттого они и выселковская чудь.

— Как это навыворот? — сделал я удивлѣнную физиономию, а у самого застучало от волнения сердце.

«Неужели эти люди здесь в лесах умудрились сохранить древнюю орианскую традицию? Ту, о которой мне когда-то мельком поведал хранитель?» — молнией пронеслось в сознании.

— Да очень просто, — стал отвечать на мой вопрос Василий Дементич. — Не мужики баб себе берут, а бабы мужиков. Некрасивых бабѣнок у выселковцев практически не водится. Все как на подбор, ты же сам убедился. Потому они и выбирают себе нашего брата. Не ждут, когда их заметят. Хотя бывает и так, что и женщин выбирают, но это токмо с согласия.

— С согласия кого? — не понял я.

— С согласия их, бабѣнок, значит.

— Так ведь и наши женщины выходят замуж по согласию. Кто же их насильно берѣт?

— Так-то оно так, — кивнул головой сосед по комнате. — Но дело в том, что у них, у нехристей, одного мужика могут выбрать две, а то и три и даже четыре девки. И если он не против, то получается такая вот семейка. Полный дом баб, потом детей, а он, как петух с косой. Страм один да и токмо! Понятно тебе, кто в их обществе заправляет? Бабѣ! Сколько толковых мужиков из их выселок по причине семейной непригодности по нашим деревням разъехалось! И ещё продолжает ехать. Ты наверное слышал, что у нас среди поморов полным полно многожѣнцев. Но тут ошибка вышла, не мы этим грешим, а выселковские. И всё по вине баб. То им курящие мужики не гожи, то выпивающие...

— То ленивые! — усмехнулся я.

Поняв мой сарказм, Василий Дементич задумался:

— Может что-то в этом и есть, Юра. Но как можно сразу жить с двумя или тремя бабами?

— Желание женщины — закон. Наверное, в этом и суть, — засмеялся я. — Поеду, может что и пойму.

— Жди, так они тебя и посветят в свои дела. Семейные отношения хуторские на показуху не ставят. На словах жена у них всегда одна, а на деле всё совсем не так. Если живут в одном доме с хозяином сёстры жены или племянницы, то надо понимать, что никакие тут не родственники. Так-то! — высказал свои наблюдения Василий Дементич.

«Теперь понятно, — подумал я про себя. — Почему Михайло Ломоносов назвал «чудь белоглазую» тем же русским народом, только более древним, чем славяне. Ему не надо было в летописях искать или копать в старинных лесных поселениях. «Чудь» была у него перед глазами, он её знал в лицо и был убеждён, что финские племена никакого к ней отношения не имеют. Русский гений был несомненно прав. Только современники его не услышали. Наверное, такова участь всех гениев. А может сам Ломоносов был сродни чудинам? — вдруг пришло мне в голову. — Не по отцу, но по матери такое могло быть», — припомнил я биографию учёного.

— Ты видишь срам, где его нет, — посмотрел я на своего собеседника. — Так когда-то жили на земле многие народы. У тибетцев в горах до сих пор точно такие же отношения. По несколько женщин не стесняясь живут с одним мужчиной, рожают от него умных и красивых детей, неполноценных же мужиков посылают от себя подальше.

— Что значит, неполноценных? — вдруг возмутился Василий Дементич. Если я вот курю, я что, по-твоему, неполноценный?!

— Не по-моему, а по убеждению выселковских женщин, они так считают, не я.

По поведению пожилого помора мне стало ясно, что мои слова задели его за живое. Наверное, понравилась ему когда-то хуторская девушка, но на его предложение ответила отказом. Я посмотрел на расстроенного дядю Васю, и мне его стало жаль. Наверное, сильно запала в его душу та девчонка. Потому и сказал он, что таких как мы поморки из маленьких лесных деревушек не выбирают.

Когда я проснулся, то увидел, что моего соседа в комнате не было. Он пришёл через минут десять очень довольный и без слов положил передо мной какой-то свёрток.

— Всё-таки я тебе их нашёл, — сказал он загадочно. — Забрал у земляка, он не обеднеет.

Я развернул свёрток и обомлел. В нём лежали вязаные из разноцветной шерсти необыкновенной красоты варежки. Я глядел и никак не мог от них оторваться. Поражала сложность работы. Огненный узор складывался в нечто подобие свастики и разбежался лучами во все стороны. Я смотрел на варежки и видел бездонное зимнее небо с пылающим на нём холодным, но ярким Солнцем!

— Это из села Лукошенского, — с гордостью в голосе сказал дядя Вася. — Тебе от меня подарок. Выселковские тебя по ним сразу за своего примут.

— Так ведь я же себе купил хорошие добротные рукавицы! А эти не носить, а на стену вешать вместо картины для красоты.

— Бери-бери и носи. Свои ты скоро сотрёшь и выбросишь, а энтих лет на десять хватит, — положил мне на плечо свою крепкую руку мой северный друг. — Я ведь не дурак и вижу, что ты парень интересный и едешь в наши края по делу. Поэнтому, должен выглядеть не как подстреленный — куда ветер подует, а как истинный помор. Рейс у нас один, до районного центра полетим вместе, а там я тебе помогу добраться до твоей Ценогоры. Мир не без добрых людей, может, кто и там тебе подсобит. А девок тех, что ты видел в столовой, я повстречал,

— улыбнулся грустной улыбкой Василий Дементич. — У них билеты на другой рейс. Но добираются все трое как и ты до Ценогоры...

«Вот когда ты, дорогой дядя Вася, ответил на мой вопрос, протянул часов двенадцать! Наверное, у поморов такое в порядке вещей...»,

— отметил я про себя.

Районный центр нас встретил зимним крепким морозцем. Восток есть восток, в Архангельске было заметно теплее.

Когда мы вошли с дядей Васей в аэропорт, он тут же собрал вокруг себя прилетевших и стал спрашивать, кто из них направляется в Ценогору. К большому его разочарованию, попутчиков у меня не нашлось.

— Вот чё, Юра, пойдём на районную администрацию, может тебя с почтарями удастся отправить? — показал он на дорогу в центр посёлка.

Оставив вещи в камере хранения, я налегке вслед за дядей Васей направился к зданию районной администрации.

До проклятой перестройки — обернулся ко мне Василий Дементич, — в нашенских местах, почти по всем мезенским деревням, «Конек-Горбунок» возил. Он и пассажиров частенько захватывал. Особливо таких как ты — одиноких и без тяжёлой поклажи. А сейчас нет его, нашего мезенского «Конька-Горбунка»! Отправили в Архангельский на ремонт, а там его областные власти кому-то продали, а может и себе прихватили.

— Что это такое, ваш «Конёк-Горбунок»? — с неподдельным интересом спросил я своего провожатого.

— Туполевская амфибия! Мощная машина и скорая. Ей всё равно что вода, что снег. Говорят, что лучшая в мире! Была бы она сейчас, ты бы до своей деревушки, куда путь держишь, с ветерком бы доехал. А сейчас пассажиров и почту на старенькой газушке возят, а дорога таёжная, сам знаешь какая, пока доедешь — все зубы себе переломаешь.

— А зубы-то причём, я что, в дороге что-то грызть должен? — не понял я.

— Да от трясушки энто, — улыбнулся Василий Дементич.

— Да я согласен хоть на чём, лишь бы поскорее. Уже две недели как в пути.

В районном центре нам сообщили, что мы опоздали. Только вчера вверх по реке ушла почтовая «газушка». Увезла она и нескольких пассажиров. Придётся тебе, Юра, теперь на перекладных, — вздохнул Василий Дементич. — Другого выхода нет. Сначала до одной деревушки, потом до другой.

— Ладно, — пожал я ему на прощание руку. — Как-нибудь доберусь.

У моего спутника в посёлке были какие-то дела, и я не стал его

больше беспокоить. Через день в районной гостинице я встретил человека, который ехал в мою сторону. Благодаря ему, я, наконец, оказался в Ценогоре.

Вид заснеженной деревни меня поразил. Огромные дома-терема, занесённые снегом, казались сказочными великанами.

«Вот это размах! Умеют здесь строить! Наши сибирские деревни поскромнее, — думал я, шагая по деревне. — А изгороди-то, какие! Местами тройные — почти крепости. Это, наверное, от строптивых местных быков, чтобы в огороды не прорывались».

Когда я зашёл в поселковый Совет и спросил, как мне добраться до маленькой соседней деревеньки, то меня тут же спросили, кто меня там ждёт. Естественно я ответил, что никто, просто я культуровед и занимаюсь сбором информации о народных промыслах. Для убедительности пришлось показать подаренные мне дядей Васей vareжки. Вид древнего вязания произвёл впечатление, мне явно поверили. Но

помочь ничем не могли. Посоветовали никуда не ездить, а заняться сбором информации о народном творчестве в самой Ценогоре. Понятно, такой поворот дела меня не устраивал. Видя, что я расстроился, секретарь Совета, приятная голубоглазая блондинка, сказала:

— Дня три назад на снегоходах за своими приезжал Мирослав Глебыч, я скажу своему мужу, чтобы он показал вам завтра дорогу и дал лыжи. По буранице и на лыжах вы быстро доберётесь до выселков. Переночевать можно у нас в Совете, для такого дела имеется специальная комната.

— Лыжи у меня есть свои, — улыбнулся я. — А за помощь спасибо. След снегохода — лучший указатель.

Вечером ко мне в гостевую комнату пришёл муж Веры Павловны, так звали секретаря Совета. Он принёс крынку молока, увесистый кусок сыра и краюху душистого хлеба.

— Здесь вам на вечер, — показал на деликатесы Мартын Фёдорович, муж секретарши. — А тут пироги с мясом, это в дорогу, — положил на стол рослый помор второй свёрток. — Обрато поедете, сразу к нам, — наказал он. — А завтра покажу вам дорогу.

— Зачем так беспокоиться? — смутился я. — У меты всё есть. Продуктов я накупил вдоволь.

— Ничего не знаю, — улыбнулся статный мужчина. — Поступил приказ, и я его выполняю. Назавтра, как и обещал, Мартын Фёдорович вывел меня на бураницу и, осмотрев мои лыжи, сказал:

— Раньше выселковские делали такие же, только поуже. И крепления у них были другие. Хорошие лыжи, на таких хоть куда! Дорогу мало-мальски припорошило, но вы к вечеру должны успеть. Нако, держите, — протянул он мне фонарик. — Это от меня, мало ли что, может темень застанет.

Через несколько минут, простившись с Мартыном Фёдоровичем, я направился через ельник в неизвестность.

«Что меня ждёт? — думал я. — Кого я там встречу? Сколько лет прошло с тех пор, как я получил заветный адрес? Может, никому я уже здесь не нужен?»

Я шёл по засыпанному снегом буранному следу, окружённый вековыми елями, как по туннелю. Лыжи скользили легко, но на душе было беспокойно. Прошёл час, другой, третий. Ельник сменился густым сосняком.

«Либо старая гарь, либо вырубка — подумал я про себя, — если рубка, то наверное тогда, когда строился хутор. Значит, идти осталось не так далеко, километров 10–15, не более».

И я не ошибся. На закате короткого северного дня впереди показался просвет. Когда я на него вышел, то увидел огромную окружённую вековыми соснами и елями поляну. На поляне подобно сказочным древним замкам возвышались окружённые множеством построек-башен семь гигантских изб. Больше всего меня поразили крыши строений. Сдалека они казались необыкновенно высокими и громоздкими. Когда я подошёл ближе, то увидел, что избы-терема сложены из толстых сосновых брёвен и срублены они не целиком, а по частям отдельными пристройками. Причём, на каждой пристройке была своя собственная крыша, которая плавно вписывалась в общий ансамбль покрытия. На крышах домов лежал снег, но по кромке было видно, что они тесовые, а на коньках у них красовались с изящными шеями конские головки. Все избы были окружены мощным бревёнчатым заплотом, вокруг которого шёл ещё и второй периметр забора. Заплот окружал избу и рядом стоящие строения, а забор из жердей — большущий простирающийся до самого леса огород.

«Настоящие замки, — думал я, разглядывая маленькую деревушку. — Это у них, наверное, переселившиеся на земли Беломорья новгородцы научились строить матёрые северные избы».

Я подошёл к ближайшей избе и стал невольно при тусклом свете заходящего солнца изучать резьбу её окон. Смысл резьбы завораживал: сверху на наличнике были изображены две взметнувшиеся навстречу друг другу волны, между которыми виднелась самая настоящая пирамида. Нечто подобное я видел на наличниках домов районного центра и в поморских

деревнях. Те же самые волны, но вместо пирамиды между ними были изображены какие-то постройки. Здесь же виднелась чётко вырезанная из дерева пирамида.

«Вот он, гибнущий центр древней орианской цивилизации: иранская «Хара», индийская «Меру», славянский «Бел горюч Алатырь-камень!»»

С наличников дома на меня смотрела информация о Великой трагедии древности. Информация вполне конкретная. Когда я перевёл взгляд на прируб, служащий избе сенками, то открыл от изумления рот: крыша сенок была выполнена фигурно. Нечто подобное обычно рисуют художники в русских народных сказках.

«В такой конструкции наверняка заложен какой-то смысл, — подумал я, — но какой?»

В этот момент из-за заплота на меня залаяла хозяйская собака, а через минуту, приоткрыв в воротах калитку, ко мне вышел хозяин дома. Это был человек выше среднего роста с красивым открытым лицом и серыми, как зимнее небо, умными глазами. Он был без шапки, в накинутом на плечи полушубке. Внимательно оглядев странного гостя, хозяин дома улыбнувшись, сказал:

— Ты не по адресу, парень, тебя ждут вон в той избе. И ждут давненько. Добран третьего дня за своими в посёлок ездил, ты по его следу и пришёл, только избу перепутал. Давай ступай, тебе будут рады.

Поблагодарив улыбчивого хозяина дома и скинув лыжи, по тропинке я направился к той избе, на которую мне указали. Только тут я обратил внимание, что рядом с избами нет палисадников. Ни одного деревца, даже кустика.

«Наверное устали люди от леса, — думал я, — взор хочет открытые пространства. А может в генах русских людей заложены не лесные просторы, а бескрайние степи?»

Подойдя к указанной мне избе, я увидел на окнах те же самые наличники с пирамидой и такую же, как у первой избы сказочную крышу над сенками. Второй увиденный мною в деревне дом был чем-то похож на первый только ещё больше.

Сдерживая волнение, я подошёл к высоким тесовым воротам, ухватился за кольцо на калитке и стал им стучать, вызывая хозяев. За крепостной стеной заплота раздался лай собаки, следом отозвалась другая в сенках дома. Через несколько секунд послышались торопливые шаги и отворилась калитка. Передо мной стоял плотный мужчина средних лет в белой до колен полотняной рубахе и меховых тапочках. Мгновенье он рассматривал своего гостя, потом с улыбкой жестом пригласил войти. Я с волнением переступил порог калитки и через несколько секунд оказался в темноте сеней. Хозяин дома, идя первым, убрал куда-то ворчащую собаку и отворил дверь своего дома.

— Милости просим дорогого гостя, — сказал он мягким басистым голосом.

— Эй, домочадцы, где вы там? К нам сибиряк пожаловал. Арий-Гор, наречённый батюшкой Георгием. Долго же мы тебя ждали! — протянул он мне свою крепкую руку. — Моё имя Добран Глебович, вот Мы, наконец, и встретились! Как говорится, лучше поздно, чем Никогда.

Меня поразило, что Добран Глебович говорил со мной на чистом русском языке без тени местного диалекта.

«Вот тебе и «чудь белоглазая»! — удивился я. — Чистый, литературный язык».

В этот момент из соседней комнаты в переднюю вошли те, кого позвал хозяин. Когда я взглянул на настороженных женщин, то у меня остановилось дыхание и подкосились ноги. Я узнал в них тех трёх красавиц, которыми пару недель назад любовался в Архангельской столовой!

— Вот он, наш гость! — представил меня им хозяин дома. — Настоящее его имя Арий, на русский манер — Юрий, в миру его знают как Георгия. Это о нём мне писал когда-то...

Тут Добран Глебович назвал одно из имён хранителя.

— Про письмо помню, — улыбнулась старшая из красавиц, очевидно супруга Добрана. —

Долго же ты к нам ехал, Юрий-Георгий.

— Так уж получилось, — смущённо ответил я, сбрасывая с себя верхнюю одежду.

— Вот это моя жена, её имя Ярослава Ивановна или просто Слава. — представил свою половину Добран Глебович. — А это мои дочурки, — подвёл за плечи двух юных девушек. — Имя её — Светлада, а её звать — Светлана. Мы их называем: Света первая — она чуть старше и Света вторая.

Оба совершенства наклонили свои головки. Мне вспомнилось, что в Архангельске я очень хотел увидеть цвет волос прелестниц. Но тогда на головках у них красовались пушистые шапки, сейчас в вечернем полумраке их волос я тоже не увидел. Но меня это уже не расстроило потому, что понимал, что красавиц теперь не только рассмотрю, но и нарисую их портреты.

— Пойдёмте в горницу, — пробасил хозяин. — Скоро заведут станцию, будет светло, и мы рассмотрим, каков ты есть, а ты увидишь всех нас.

— Мы его неплохо разглядели — засмеялась Ярослава Ивановна. — Ещё там, в Архангельской столовой. Обратили внимание на Юрины лосиные бурки. Они у него такие, каких в наших краях не шьют.

— Так вы оказывается встречались! — удивился хозяин дома. — А что же парня с собой не прихватили? Всех бы вас и привёз. А так ему пришлось целую неделю до нас добираться.

— Откуда же мы знали, что он к нам едет, — засмеялась мелодичным смехом его жена. — На лбу у Юры не было написано, куда собрался

— И к кому, — добавила поддерживая маму, Светлада.

В окружении хозяев я вошёл в горницу и сел у окна на широкую лавку.

— Зажгите-ка керосинки, — распорядился Добран Глебович. — Может что с УДЭшкой? Обычно её заводят на час раньше.

Но тут неожиданно вся горница озарилась ярким светом. Я невольно зажмурился, а когда открыл глаза, женщин в комнате уже не было, со мной остался только хозяин дома.

— Скоро пойдём ужинать, а потом, через пару часов — в баню. Ты с дороги, надо и согреться, и хорошо попариться. У нас климат похож на сибирский, но более влажный, акклиматизации тебе не избежать. Баня в таком вопросе — первое дело.

Только тут я полностью рассмотрел Добрана Глебовича. На самодельном тяжёлом резном стуле сидел красивый, атлетического крепкого сложения мужчина. Длинные аккуратно подстриженные тёмно-русые с серебряным отливом волосы спадали ему на плечи. Добран Глебович смотрел на меня глубоко посаженными умными серыми глазами и улыбался. Я смотрел на его открытое русское, украшенное седой ухоженной бородой, лицо и думал:

«Кто же ты, мой хозяин? Судя по тому, что светится в твоих глазах, ты необыкновенно мудр и знаешь то, о чём я и не догадываюсь».

— Ну что? — обратился ко мне, Добран Глебович. — Будем общаться мысленно или всё-таки перейдём на наш великолепный русский язык? Ты меня прочёл, да, я считаюсь старейшиной здешних «раскольников». И действительно могу ответить на многие твои вопросы. Думаю, общение у нас будет плодотворным. Но давай с уговора: мысли друг у друга не перехватывать. Иначе общения не получится.

— Согласен, — кивнул я. — Переходим целиком на лексику. Но вы ошиблись, я и не пытался вас читать. Как-то само собой получилось. Почувствовал потенциал и потенциал немалый.

— У тебя тоже немалый, — усмехнулся старейшина. — От твоей силы стены трещат, вижу, что зря время не терял. И вот ещё что: все мы здесь, — он указал на стены своего терема, — являемся частью единого целого. И делаем одно дело. Поэтому никаких «вы»! Ни со мной, ни с теми, кого среди наших лесов встретишь, договорились?

— Договорились, — смутился я. — Проклятая инерция поведения. Пока я до вас добирался, имею в виду годы, которые вынужден был Провести в Сибири, у меня накопилась масса вопросов, — посмотрел я На хозяина дома. — С ними я и приехал. Местные шаманы как смогли, так на некоторые из них ответили, но мне этого мало. Кое-что для меня так и осталось тайной за «семью печатями»...

— Думаю, что среди нас найдутся люди, которые тебе помогут, — улыбнулся старейшина. — Потому мы и живём хуторами и по скитам, чтобы сохранить древнее знание.

— А почему ты только что назвал своих людей «раскольниками»? — задал я интересующий меня вопрос.

— Потому, что местные попы нас всегда считали таковыми... За старообрядцев принимали нас и коммунисты. И мы их в этом не разубеждали. Иначе бы все погибли, — с грустью в голосе, сказал Добран Глебыч.

— А почему вас, хуторских, называют нехрестиями? — задал я новый вопрос.

— Здесь всё просто, — усмехнулся старейшина. — Потому что мы не считаем Иисуса Христа богом. Для нас он просто сильный эзотерик или маг, также неплохой учитель законов Прави. И потому мы не ходим в церкви. Ни в никонианскую, ни в старообрядческую. Потому о нас и говорят: «живут в лесу и молятся колесу». Очевидно, просочилось в мир, что колесо Мироздания для нас священно, а может кто-то подсмотрел наши праздничные игрища...

— Можно ещё один вопрос? — поднял я руку.

— Да хоть десять, только за столом не надо, — улыбнулся своей солнечной улыбкой Добран Глебович. — За столом у нас, так уж принято не говорят, а едят.

— Да знаю я это! — чуть не обиделся я.

— Тогда, извини, — пробасил хозяин.

— Меня заинтересовала крыша вашего дома, да и крыша того, что стоит у дороги на окраине.

— Крыша? — переспросил седобородый атлет.

— Да, крыша. Каждая часть строения имеет разную конструкцию. Наверняка, что-то в этом есть, как и в резьбе наличников ваших окон.

— А что ты увидел в резьбе наличников? — хитро улыбнулся Глебыч.

— Две нависшие волны над пирамидой — прямое указание на гибель древнего северного континента. Пирамида — не что иное, как легендарная «Меру» или наш русский «Бел горяч Алатырь-камень». Она сейчас, священная «Хараити», покоится на дне Ледовитого океана, — высказал я свои соображения.

— Что же, ты прав, — нараспев проговорил старейшина. — Но я не пойму, почему ты не видишь информационной составляющей в нашей архитектуре. В частности, в покрытии строений. Двойная или тройная тесовая ступенчатая черепица, что напоминает? Крону дерева! А раз так, то изба...

— Всё понял, изба представляет собой уменьшенную модель Древа Мира. Значит, каждое предназначенное для проживания людей строение — своего рода маленькая Вселенная?! — перебил я рассказчика.

— Где действуют в рамках отношений между людьми свои законы. Но эта Правь не выходит за пределы общих законов Мироздания, — добавил старейшина.

— Надо же, как умно! Каждая изба — целая Вселенная со своими законами эволюции. Но они не противоречат общим универсальным законам. И всю эту информацию можно почерпнуть из архитектуры. Взглянул на избу, и сразу становится понятным, какие живут в ней люди! — задохнулся я от восторга.

— А крыша сенок несёт информацию о великом горе! Когда наши предки на ладьях или

кораблях шли с гибнущей в водах океана Северной прародины. Ты понимаешь, о чём я говорю? — посмотрел на меня, Добран Глебыч.

— Кажется, догадываюсь, — качнул я головой. — Сени вашего дома накрыты сегментом перевёрнутого вверх килем корабля. Что же я раньше этого не увидел?

— Просто думал не в ту сторону, — улыбнулся старейшина. — Когда гибла Ориана, ревели ураганы, трескалась и стонала Земля, но самым страшным было то, что день превратился в ночь и на землю обрушился космический холод. И те люди, которым удалось добраться на своих ладьях с гибнущего континента до южной земли, чтобы не погибнуть от холода, стали превращать свои корабли в жилища. Обрезав высокие носы-волнорезы, они перевертывали суда вверх килями и установили такие вот импровизированные стены с крышами на каменные, земляные и деревянные фундаменты. Внутри подобных строений складывались из камня печи. В печах горел плавник, кости животных и торф. В память о таком вот спасении от лютых холодов в нашей архитектуре сохранились крыши в виде сегментов перевёрнутых вверх Килями ладьей. Кстати, до сих пор по всему Русскому Беломорскому Северу, по берегам Мурмана, по северным берегам Сибири и Америки можно встретить выложенные под перевёрнутые ладьи каменные фундаменты. Наши историки в упор их не замечают. Но это не значит, что каменных цоколей нет. Они стоят как память о былой трагедии.

На несколько секунд рассказчик замолчал, а потом добавил:

— Как и каменные письма ушедших с севера предков белой расы.

— Что за письма? — удивился я. — Неужели они уцелели?

— Уцелели. До сих пор стоят, только, как их читать никто не знает. Что только не пишут о них недоумки-историки. То придумают, что эти каменные столбы лопарские, то убеждают, что их складывали поморы. Будто поморам делать нечего.

— Так ты считаешь, сложенные из камня столбы или башни письмами арктов? — догадался я.

— Не считаю, как оно и есть. Это знаковое письмо, где каждый камень указывает на какое-то произошедшее в пути событие. В них, в каменных письменах, заключена удивительная информация. Откуда и сколько людей пришло, какое количество их в пути погибло, как они прожили зиму и куда ушли. Такие письма-башни оставались для последующих волн переселенцев. Люди покинули северный континент не сразу, переселение шло волнами. И всё оно запечатлено в каменных летописях.

— И ты можешь такие письма читать? — от волнения у меня перехватило дыхание.

— Конечно, — спокойно сказал старейшина. — Ничего сложного в этом нет. По укладке каменных плит и сейчас кое-что видно. Хотя время своё дело сделало. Камни со своих мест под действием погодных условий двигаются, и часть информации из-за этого утратилась. Что ты так на меня смотришь? — улыбнулся Добран Глебович. — Не веришь? Я тебя за неделю научу читать каменные скрижали. Сам увидишь, насколько всё просто.

В этот момент в горницу вошла разгорячённая Светлана и, окинув нас взглядом, пригласила на ужин в столовую.

— Пойдём, — поднялся со своего кресла старейшина, — соловья баснями не кормят.

Сидя за столом, я, наконец, разглядел и хозяйку, и её красавиц-дочерей. Передо мною сидели три необыкновенные блондинки. И у девушек, и у матери были, как и у их отца, такие же серые умные красивые глаза, а золотистые волосы, казалось, излучали особый свет.

«Вот она, порода! — думал я про себя, поглощая салат с грибами. — Никаких посторонних примесей! Чистокровные, как сказал бы дядя Ёша, русичи. Наверное, смотрят они на меня, как на изгоя. Волос у меня потемнел и глаза зелёные...»

Как бы угадав о чём я думаю, подавая на стол нарезанную пластами строганину и суется у

печи с самоваром, Добран Глебович сказал:

— Раньше и среди нас встречались люди с зелёными глазами. Потом как-то перевелись. Так что тебя примут в нашем обществе за своего. Но вот свой ли ты или нет скоро поймём.

Последние слова старейшины меня озадачили.

«Выходит, до конца мне пока не доверяют, — подумал я про себя. — Даже рекомендация хранителя этим людям не указ. Что же пусть присматриваются, я не против. Камня за пазухой не ношу, так что бояться меня нечего».

Поблагодарив за царский ужин и целебный чай из лекарственных трав, я в сопровождении хозяина направился осматривать избу-терем. Первое, что меня поразило в том огромном северном доме, так это то, что во всех его комнатах, а их я насчитал одиннадцать, были разной высоты потолки. Самый высокий потолок оказался в горнице, пониже в гостиной, ещё ниже в четырёх комнатах, которые занимали, со слов хозяина, женщины. В мужской половине дома потолки были средней высоты: не низкие, но и не очень высокие. На мой вопрос, почему такая архитектура, Добран Глебович ответил:

— Ещё триста лет назад в русских избах разной высоты потолки делали. Это сейчас упростили, лишь бы подешевле и поскорее. Понимаешь, — обратился он ко мне. — В доме, где разная высота потолков, намного уютнее. От такого жилья не устаёт психика. Ты должен знать, что однообразие всегда утомляет, разнообразие же — нет. Когда живёшь в избе не один десяток лет, это начинаешь волей-неволей понимать. Мы, в отличие от остальных потомков северной расы, древнюю строительную традицию не потеряли. У нас всё как и у предков: избы рубленые, никакой штукатурки и никакой краски. Хотя охру можно было бы и использовать. Эта краска естественная. До сих пор мы строим дома с разной высотой потолков в комнатах, отсюда и название: горница, светлица и т. д. Ставим свои избы без фундаментов на камни или сваи с торфяным вторым полом, — закончил свою маленькую лекцию по архитектуре Добран Глебыч.

Действительно, стены терема были сложены из хорошо очищенных от коры сосновых брёвен. Штукатурка отсутствовала, полы и потолки, собранные из распиленных пополам деревьев, не покрашены. Кругом только чистое дерево.

— Как видишь, перед тобой экологически здоровое, не загрязнённое ничем жильё, — добавил, читая мои мысли хозяин.

— Мне нравится, что все пристройки, которые рядом с избой, под одной крышей. У нас в Сибирских деревнях тоже такие строят. Это очень удобно, — высказал я своё отношение к увиденному. — На твоём крытом дворе в футбол играть можно!

— В футбол, не в футбол, а защищённый от снега и дождя двор дело хорошее, — улыбнулся Глебыч. — Ты видишь, что в нашей избе вся мебель сделана кустарно. Кое-что досталось от деда, даже от прадеда, кое-что от отца, многое смастерил сам. В этом есть преимущество: когда сам для себя её конструируешь, она тебя полностью удовлетворяет. И ковры у нас самотканые, как и дорожки. Конечно, можно на пол из натуральной шерсти кое-что и покупать, но и этого мы стараемся не делать. Часто вместо них на полах наших изб лежат медвежьи и волчьи шкуры. Ты видел?

Я кивнул, и мы направились снова в горницу.

— Знаешь, чем отличаются наши избы от изб потомков новгородской вольницы? — вдруг меня спросил хозяин дома. — И не потолками и крышами.

— Не знаю, — честно признался я.

— Вот этим, — показал хозяин на потолок зала.

Когда я поднял голову, то на трёхметровой высоте увидел вырезанную из дерева необыкновенную птицу. Крылья и хвост этой сказочной красавицы были настолько тонки и изящны, что казались прозрачными. Повинуясь струям тёплого воздуха, птица кружилась на

своей оси и казалась совсем живой.

— Ничего себе! — изумился я. — Когда был здесь в первый раз, её не заметил.

— Ты смотрел не туда! — засмеялся хозяин, намекая на девушек. — А потом я тебя отвлек разговором. Это птица счастья! Если поглубже — та птица, которая породила на заре истории наш народ — русичей, а точнее все племена белой расы. На Индостане её называют Гарудой, на нашей земле Гамаюном. Вообще-то птица Гамаюн, — снова сел на своё кресло Добран Глебыч. — Указывает на ту небесную силу, которая 12 миллионов лет назад привела космических скитальцев к нашему земному Солнцу. Отсюда и земное рождение белой расы. Смысл понятен?

— Более чем! — кивнул я, любуясь кружащей под потолком удивительной птицей.

— Ну что, собеседники ещё не наговорились? — зашла с улыбкой в горницу жена хозяина. — Девчурки, пока вы беседуете, растопили баньку. Через час можно будет идти.

— Неужели так быстро ваша баня натопится? — удивился я.

— Да мы недавно её топили. Она не остыла, — проворчал Добран Глебыч. — Так что готовься. Получишь от женщин полотенце.

— Оно уже висит на его кровати, — посмотрела на мужа Ярослава Ивановна.

— Но он не знает, где его кровать, — улыбнулся Добран Глебыч. — Покажи-ка Ару его комнату, — обратился хозяин к жене.

Мы прошли по тёмному коридору и оказались в небольшой спальне. На её полу лежала зимняя медвежья шкура, а у узкого высокого окна стояла тумбочка. В углу я заметил полку с какими-то книгами. Перед ней, привлекая на себя внимание, красовалось расписанное красными конями тяжёлое кресло.

— Это твоя койка, — показала на кровать хозяйка дома. — Здесь всё чистое и свежее. Из бани — чай и сюда на отдых. Будить тебя завтра никто не будет.

Я поблагодарил за заботу Ярославу Ивановну и, осмотрев принесённое мне широкое домотканое полотенце, вернулся в горницу. Там, просматривая альбом с какими-то фотографиями, меня ожидал Добран Глебыч.

«Наверняка начнёт знакомить с фото всех своих родных, — с грустью подумал я. — С таким явлением и в сибирских, и в уральских деревнях мне уже приходилось встречаться».

Увидев мой обречённый вид, хозяин дома бросил на стол свой альбом и, поудобнее устроившись в кресле улыбнулся.

— До бани час, а то и более, так что давай поговорим, — начал он издалека. — Я видел, как у тебя горели глаза, когда ты слушал о северной архитектуре и о каменных письменах арктов. Наверняка, ты об этом никогда не слышал.

— Не слышал, — согласился я.

— Вот почему я хочу тебе ещё кое-что сказать на тему северной прародины: есть в психологии человека такое понятие, как синдром севера. Ты о нём что-нибудь слышал?

— Вскользь, и, если честно, то мало в него верю, — сказал я.

— И напрасно, — сдвинул брови старейшина. — Синдром севера существует. И сила его огромная. Он движет не только птицами и стадами оленей, движет он и людьми, точнее человеком белой европеоидной расы и никакой другой. Какие только народы не работают в Заполярье: и среднеазиты, и японцы, и кавказцы, даже турки и негры, но возвращаются в высокие широты, причём, не временщиками, а постоянными жителями, только представители белой расы. В основном это русские, белорусы, украинцы, немцы, шведы, норвежцы и датчане. Изредка англо-саксы. Неофициально подобное явление называется зовом севера. Или магнитом Полярной звезды. Очень многие люди, один раз побывав на севере, не могут без него больше жить. Они не в состоянии объяснить, что с ними происходит. Некоторые говорят, что

притягивает их чистота здешних снегов, или северное сияние. Находятся такие, которые выдумывают, что на север их тянут необыкновенные краски здешней природы. На самом деле и славян, и германцев влечёт в Заполярье другое. Прежде всего — генетика. Проснувшееся в подсознательном воспоминание о погибшей прародине. Такое явление у нас в Беломорье называют голосом предков. Понимаешь, Ар, — медленно, выделяя каждое слово, проговорил старейшина, — белой расе необходимо пользоваться генетической памятью. Казалось бы, явление необъяснимое, но оно существует и, что самое главное, действует. О чём это говорит? Да о том, что все мы — представители белой расы, дети одного корня. И делить нам нечего.

Несколько секунд Добран Глебыч молчал, потом, посматривая на меня, добавил:

— Любопытный факт — дети ненцев, хантов, якутов, чукчей и долган, выросшие в Москве или в других наших городах, на север подобно русским не рвутся. Когда туда попадают, то стараются как можно скорее оттуда слинять. Вот тебе и северные народы! По генетике они южане. Только об этом не принято в научных кругах говорить.

— У нас много что не принято, — поддержал я рассказчика. — Например, то, что механизм отопления у нас русских и немцев сильнее, чем у эскимосов. Адаптированного к северным условиям помора труднее заморозить, чем эскимоса. Здесь тоже генетика. Мне об этом феномене рассказывал ещё покойник-хранитель.

От слова «покойник», Добран Глебыч вздрогнул.

— Я знаю, что произошло, — тихо сказал он, — Но прошу тебя никогда не называй этого человека покойником. Не важно, жив он или нет. Понял меня?

— Понял, — сконфузился я.

— Это очень важно, Ар, — взял со стола свой альбом с фотографиями старейшина.

Почему важно до меня сразу не дошло.

«Важно, так важно, пусть так и будет», — подумал я.

А между тем, полистав альбом, Добран Глебыч пробасил:

— Подойди и взгляни — это фотографии кекур. Всё что осталось от галереи статуй древних. Они стоят на Медвежьих островах, выветренные и разрушенные до неузнаваемости.

Я стал рассматривать протянутые мне фотографии. «Кекуры», так называют прибрежные чукчи до 17 метров в высоту базальтовые напоминающие людей столбы: о них я хорошо знал, но считал их причудой природы.

— А с чего ты взял, что кекуры когда-то были гигантскими скульптурами? — спросил я старейшину.

— А с того, Ар, что твёрдость их горной породы точно такая же как и вокруг. Однако кекуры не разрушились. Всё это противоречит и науке, и просто здравому смыслу. Кекурам много тысяч лет. От них остались только остовы, но до сих пор по ним можно угадать, что когда-то они представляли собой скульптуры. И потом, есть чукотская легенда, в которой прямо говорится, что каменные столбы когда-то были статуями людей, отсюда и их название — кекуры. С Медвежьими островами связано ещё одно чукотское предание. Прибрежные чукчи рассказывают, что до их прихода на Чукотку с далёкого юга, скорее всего, с Алданского нагорья и Станового, на землях полуострова жили так называемые шелаги или анкалы. То были люди совсем другой культуры. Они держали охотничье-ездовых собак, разводили домашних оленей, овцебыков, занимались охотой на морского зверя. Анкалы внешне не походили на чукчей. Они были высоки ростом, имели светлые волосы, серые или голубые глаза. Речь анкалов или шелагов чукчи не понимали. Академик Окладников и некоторые другие исследователи считали, что анкалы, шелаги или на одном из чукотских наречий онкилоны, были в основном оленеводы. Но это не так. Не будь они морскими зверобоями, им бы на Медвежьих островах не выжить. Онкилоны, как и все арии, вели многоукладное хозяйство. И их война с чукчами началась из-за

того, что последние стали промышленять их домашних овцебыков и оленей.

— Неужели когда-то овцебыки были домашними животными? — усомнился я.

— Овцебыка в Заполярье одомашнили раньше северного оленя, Ар. Потому что с ним проще, — улыбнулся старейшина. — Лохматый круторог в основном питается травами. Они растут, как ты знаешь, намного быстрее, чем беломошник-ягель. И потом этот зверь не бежит сломя голову от человека, и подобно оленю не болеет копыткой. Полторы тысячи лет назад, когда шло расселение по Корякскому нагорью и Чукотке предков чукчей, по Аргатасу и Анюйским хребтам юкагиров, онкилоны или шелаги были судя по чукотским и юкагирским преданиям, довольно большим и сильным народом. Сначала предки чукчей и одульские, или юкагирские роды, старались с ними не враждовать. Война началась позднее, когда в сендуге оказался на грани истребления местный овцебык и меньше стало дикого оленя. Тогда основная часть шелагов-онкилонов, или как их называли юкагиры — омоков, двинулась по поймам рек на солнце. Остались только небольшие их группы вдоль побережья океана. Эти вот онкилоны, по древним чукотским преданиям, и научили чукчей оленеводству. Естественно, что часть из них генетически смешалась с палеоазиатами. Вот почему некоторые чукотские роды, что заметно на побережье, внешне резко отличаются от остальной массы чукотского населения. У них выше по сравнению с материковыми чукчами рост, белее кожа, а черты лица больше напоминают европеоидные. Такое различие в чукотской антропологии было замечено даже Окладниковым. Русскими этнографами в начале XIX века была записана чукотская легенда о вражде онкилонского родового вождя Крехая с вождём оленных чукчей Пентауэном. Крехай со своими людьми был разбит и после своего поражения откочевал на мыс Рыркарпий. В настоящее время это мыс Шмидта. Там онкилоны построили свою последнюю на материке крепость. Оттуда они продолжили свою войну с чукчами. Но чукчей было намного больше. Крепость онкилонов оказалась в жёсткой осаде, и им пришлось переселяться на остров Шалаурова. На этот остров собрались все уцелевшие в войне онкилоны. Вскоре на байдарках и больших кожаных лодках шелаги с острова Шалаурова перебрались на Медвежьих острова. Сколько они там прожили неизвестно. На Медвежьих островах исследователями найдены следы, где когда-то стояли их посёлки. Например, на острове Четырёхстолбовом. Там гидрограф Ю.А. Иванов в середине XVIII века обнаружил 12 заброшенных землянок. На острове Крестовом полярники натолкнулись ещё на один, оставленный людьми посёлок. Следы поселений были обнаружены и на других островах архипелага. Чукотские предания повествуют, что онкилоны какое-то время на Медвежьих островах обитали, но недолго.

Потом, сев на свои байдары и большие кожаные лодки, они удалились на запад. Куда, неизвестно. Следы этого загадочного народа до сих пор не найдены. Но может их и не надо искать. Дело в том, что как раз в середине XV века, незадолго до того как произошли все эти события, в устье Индигирки возник русский посёлок. Он так и называется Русское устье. Возник вроде бы ниоткуда задолго до прихода в Сибирь казачьей вольницы. Так вот, у русскоустыинцев бытует предание, что часть его населения пришла на Индигирку не с запада, а с востока. Причём на кожаных лодках и байдарках. Приехавшие оказались во враждебных отношениях и с чукчами, и с юкагирами. Вскоре после их прибытия подстрекаемые чукчами юкагиры начали войну против русских. В предании рассказывается, как юкагиры были побеждены, и на месте битвы русскоустыинскими казаками был поставлен памятный крест. Правда, по просьбе тяжело раненного юкагирского вождя его вскоре убрали. А теперь давай вместе сделаем вывод. Что мы видим? — посмотрел на меня специалист по шелагам-онкилонам. — У шелагов как и у всех арийских племён было развито многоукладное хозяйство. Оно и позволяло безбедно жить в высоких широтах. Часть из них занималась рыболовством и морским зверобойным промыслом, другая часть пасла стада домашних овцебыков и оленей, третья их группа занималась

собираательством и охотой в лесотундре с собаками. Такая вот многоукладность хозяйствования и позволила онкилонам долгое время мирно уживаться с пришедшими на их землю палеоазиатами. Они вынуждены были защищаться, когда со стороны чукчей начался беспредел по отношению к их домашним животным: овцебыкам и оленям. Видя, что ни уговоры, ни война не помогают, вожди онкилонов решили уйти вслед за своими соплеменниками на юг. Они знали куда идти и помнили древние кочевые дороги. Некоторые предания тундровых юкагиров упоминают, что воинственные омоки откочевали в верховья рек. Но небольшая часть этого северного племени не захотела покидать родную землю. Вопрос: почему? С одной стороны шелаги, будучи прямыми потомками арктово-ориан, по своей природе остались верными своей древней погибшей прародине. Их поведение легко понять. Генетические связи рвутся с большим трудом. С другой стороны, судя по тому, как они учили пеших охотников чукчей оленеводству, шелаги пытались превратить северных дикарей в цивилизованный народ. В какой-то степени это им удалось. То, что ученики подняли против своих учителей бунт, ровным счётом ни о чём не говорит. После распада СССР мы видим то же самое по всей Средней

Азии. Здесь действует определённый закон, корни его прорастают из глубин коллективного бессознательного. То же самое произошло против людей Кецалькоатля в Мексике и белых виракочей в Перу. Но смотри как интересно: прежде чем навсегда покинуть Чукотку онкилоны-шелаги переселяются на пустынные Медвежьи острова и некоторые время живут на островах своего бывшего континента. Живут рядом с останками древних изваяний — кекурами. Что это как ни своеобразный акт прощания? Потом весь народ уходит на запад. И в низовьях Индигирки ему везёт: «онкаль» встречают родственных себе голубоглазых бородатых людей. Язык того и другого народов позволяет понимать друг друга, фактически, это два диалекта единого языка. И шелаги остаются на Индигирке. Вот почему до сих пор не найдено следов онкилонов; их следов, ушедших на запад представителей белой расы, и не найдут. Потому что такова политика сильных мира: признать переселенцев частью русскоамериканцев, значит согласиться, что шелаги близки к русскому народу. Сразу возникает вопрос: с чего бы это? Естественно, такого вопроса допускать нельзя. Именно по этой причине ортодоксальная наука пытается скрыть от всего мира, что до прихода на север эскимосов-инуитов по всему Заполярью и в Америке, и в Азии, и в Европе жили так называемые «туниты», или как их позднее назвали пришедшие с юга славяне — «белоглазые чудины». Потому что сами славяне в те времена были темнее нас.

— Из твоих слов получается, что вы тоже сродни онкилонам? — открыл я рот от удивления.

— Сродни, — спокойно кивнул головой старейшина. — Только наши предки пришли на берега великих сибирских и северных рек Европы на три тысячи лет раньше, чем чукотские шелаги и американские туниты. Только и всего.

В этот момент на пороге горницы появилась разгорячённая Светлана и объявила, что баня готова и мне пора в неё отправляться.

— Вот что, дочка, — позвал к себе Добран Глебыч девушку. — Он человек нашего круга, — показал старейшина на меня глазами. — Поэтому всё должно быть по полной программе: сначала сугрев, потом парная и массаж. Думаю вы с сестрой с такой задачей справитесь. А ты, — посмотрел на меня испытывающим взглядом хозяин. — Обязан, девчонок слушать.

Я кивнул и с растерянным видом поплёлся за своим полотенцем.

«Вот тебе и баня! — думал я. — Значит у них «по полной программе»? Зачем мне там его дочери? Придут в белых до пят балахонах с полотенцами на голове и с вениками в руках. Я и без них справлюсь, не ребёнок же!»

Взяв полотенце, я было направился из комнаты, как передо мной возникла в белой длинной рубахе с полотенцем на голове Светлана.

— Сестра переодевается, — улыбнулась она своей ангельской улыбкой, — и тебе надо здесь

переодеться. Всё с себя снимешь, понимаешь — всё, — стала она серьёзной. — И сложишь на кресло, потом завернёшься в полотенце. Встретимся с тобой в прихожей, я провожу тебя в баню.

Через секунду девушки в белом не стало.

— Вот первая команда, — отметил я про себя. — Что же, разденусь, может так на самом деле лучше.

Я сбросил с себя всю одежду, остался только в трусах и, завернувшись в полотенце, направился к сенкам. Там, как мы и договорились, меня поджидала Светлана.

— Пойдём, — осмотрела она меня с ног до головы придирчивым взглядом. — Сейчас увидишь, какая у нас баня.

Я хотел что-то одеть себе на ноги, но девушка меня остановила.

— Видишь, я босиком и ты ступай так же, так надо, тут недалеко, не простынешь.

Мы вышли в сенки и, пройдя их, оказались в освещённом небольшом лампой крытом дворе. Пройдя его босиком, мы подошли к солидному срубленному из толстых брёвен строению.

— Это наша баня, — открыла массивную дверь Светлана. — Заходи, не стесняйся.

Я переступил порог и оказался в обширном моечном помещении. Посреди его стояли две широченные скамейки, а на квадратной сложенной из кирпича печи возвышался объёмный бронзовый котёл с горячей водой. В бане было тепло и уютно.

— Здесь у нас парная, — толкнула дверь в соседнее помещение Светлана. — Иди, грейся, но смотри не обожгись, полки горячие.

— Я полью их холодной водой, — проворчал я, заходя в парную.

— Пока ты адаптируешься, мы успеем кое-что постирать. Веники можешь заварить сам — не обидимся, — заперла за мной дверь девушка.

«Наконец-то! — подумал я, оставшись наедине с собой. — Пока вы постираетесь, я успею и согреться, и попариться. И помощь ваша мне ни к чему».

Ополоснув верхнюю полку холодной водой, я, по-хозяйски плеснул на раскалённые камни воду от запаренного веника, и когда уши от пара стали сворачиваться в трубочку, забрался на полку. Через несколько секунд уставшее за дорогу тело погрузилось в блаженное тепло. Я лежал, носом вдыхая горячий пар, полностью расслабившись и закрыл глаза. В сознании проносились впечатления от увиденного и услышанного. Было такое чувство, что я снова оказался на далёкой Конде, в бане хранителя. Хотя баня совсем другая и даже другой запах пара.

«Что это? — думал я. — Неужели снова через столько лет оказался в ядре параллельной цивилизации?»

То, что в России продолжает жить древняя орианская ведическая традиция, сомнений не было. Интуиция подсказывала, что я снова в неё вернулся. И мне придётся многое понять и очень многому научиться. Что же было раньше, после того как я расстался со старым? Кольский полуостров, незабвенный дядя Ёша со своей антиторой и скитания по дебрям земли хантов. Но это время не прошло для меня даром: мощная школа еврея-отступника и потрясающие знания двух хантейских жрецов-хранителей дали немало. И всё-таки долгие годы я был в стороне от своего родного эгрегора. Теперь же, всеми своими фибрами души я ощущал, что снова нахожусь в его мощном поле. В глубине сознания было удивительно легко и спокойно. Пришло ощущение, что я дома и всё вокруг меня родное и близкое. Расслабление стало перетекать в полудрёму. Из-за двери до слуха доносились еле слышные голоса девушек, потом и они исчезли... В чувство меня привёл звук открывшейся двери.

— Посмотри-ка на него, Света! — раздался строгий голос Светланы. — Он в трусах! Ты бы ещё в тулупе в парную забрался! — возмутилась девушка.

— И в катанках! — подхватила Светлана. — Мы с ног сбились, куда он мог их припрятать, а он в семейниках! Ну-ка, давай их сюда! Мы всё твоё постирали, только трусов не нашли.

Я в растерянности уселся на полку.

«Какой ужас! — пронеслось в голове. — Они мои кальсоны стирали, пропотевшую нижнюю рубаху!»

От стыда я готов был провалиться сквозь землю.

— Девчонки, — пролепетал я. — Но ведь если отдам вам свои трусы, я же останусь голым!

— Неужели у вас в Сибири в баню ходят одетыми? — прищурилась одна из красавиц.

— Да я их сам постираю! — взмолился я.

— Не было печали, в доме полно женщин, а он стираться вздумал! — фыркнула Светлана. — Давай сейчас же трусы, а то мы отца сюда приведём!

Из-за пустяка дело стало принимать серьёзный оборот. До меня стало доходить, что я что-то недопонимаю. Надо подчиниться девчонкам, иначе из меня сделают посмешище.

— Он страдает ложным стыдом, — повернулась к сестре Светлада. — Внешнее преобладает над внутренним. Один из атавизмов позднего времени, пойдём, — кивнула она своей точёной головкой. — Снимешь и выбросишь их за дверь, — сказала, выходя из парной, девушка.

В голосе её я почувствовал пренебрежение. Выполнив приказ девчонок, я снова плеснул на камни и забрался на полку.

«Будь что будет, — думал я. — Только бы опять не попасть в неловкое положение».

Хорошо согревшись, я потянулся за веником, но тут открылась дверь и в парную впорхнули совершенно голые девушки! При их виде у меня отпала челюсть. За свою короткую жизнь я немало повидал на пляжах страны хорошо сложенных красавиц, даже очень красивых женщин, но то что было перед моими глазами ни шло ни в какое сравнение с тем, чем я когда-то восхищался: аккуратные, посаженные на лебединые шеи, украшенные золотистого цвета косами головки! С большими умными серыми глазами, необыкновенной красоты лица! А плечи девушек, руки! Развитые, сильные, но одновременно и изящные! Неповторимые линии плеч плавно перетекали на круглые упругие девичьи груди, причём, такой удивительной правильности, какой я не наблюдал ни у одной античной статуи! Девичьи талии были настолько тонки, что казалось при неосторожном движении девушки могут вот-вот по ним переломиться. А животы девчонок, округлые бёдра и шары коленей! И, наконец, голени и даже пальцы! Всё это было настолько правильным и прекрасным, что от охватившего меня восторга я чуть не полетел с полка.

— Что с ним? — улыбнулась своей неповторимой улыбкой Светлана. — Наверное, никогда голых девчонок не видел.

— Ну тогда пусть привыкает, — кивнула головкой Светлада.

И вдруг, обе красавицы, взлетев на цыпочки и взметнув руки к потолку, стали кружиться вокруг своей оси! Кружились они как в танце, навстречу друг другу. Дескать, смотри и любуйся, дубина, больше таких как мы красавиц, ты нигде не увидишь. — Со спины девушки оказались ещё прекраснее. Линии спины, талии, ягодиц, длинных развитых ног, казалось, излучали свет. И я невольно зажмурился. В поведении девушек не было никакого стыда. Они держали себя естественно, непринуждённо и явно дурачились.

— Смотри-ка, наша девица красная, закрыла свои зелёные глазки, ей наверное за наше поведение стало стыдно! — сделала скорбное выражение лица Светлана.

— Может со стыда сгорают, что восседает с нами, беззащитными? — добавила её сестрёнка.

— Он, наверное, решает, что с нами делать? С какой начать, смотри-ка, напыжился, — показала на меня Светлана.

— Просто до этого момента, — наконец подал я голос, — никогда не думал, что физическое совершенство женщины может оказаться столь высоким. Вы меня не знаете, поэтому вам трудно поверить, но я гляжу на вас не как похотливый мужчина, а как художник.

Просто моё сознание отказывается верить, что всё это происходит со мной. Мне кажется, что я сплю.

Услышав мои слова, девушки переглянулись и сразу стали серьёзными.

— Смотри-ка и вправду, — покосилась на сестру Светлана. — С «шутилой» у парня порядок. Мы для него не мясо. Выходит, он не хуже наших.

«Так вот оно что? — наконец до меня дошло. — В бане девушки устроили мне проверку на вшивость. Зверёк я или нормальный выдержанный мужчина. Скорее всего экзамен организовал их отец... Потому и послал со мной своих дочерей. Похоже, его я сдал на «отлично».

— Вот что, — подошла ко мне Светлана, — мы пришли тебя хорошенько попарить. И ещё, ты нам нравишься. Но запомни, как бы тебе девушка не приглянулась, никогда не раздевай её глазами. Ты тогда так вытаращился на нас в столовой, что мы после тебя перестали в неё ходить.

От слов красавицы стало стыдно.

— Мне действительно хотелось кое-что с вас снять, — честно признался я. — Но не юбки с рейтузами, а шапки. Хотелось взглянуть на цвет ваших волос.

— А мы не поняли, — переглянулись девушки.

— И не мудрено — сам виноват, — погрузился я.

— У мамы сложилось о тебе мнение — не очень, у нас почти то же самое. Только отец тебя правильно понял. Чтобы доказать нам что ты не животное, он и отправил нас с тобой в баню. А вообще-то в наших посёлках и мужчины, и женщины в банях и на купальнях друг друга не стесняются. Такова традиция.

— Я слышал, что раньше по деревням эта традиция была по всей России. Но постепенно христиане, а потом коммунисты её изжили, — сказал я, заваривая ещё два веника. — Она сейчас возродилась у хозяев жизни с девицами лёгкого поведения.

— Это уже извращение, — перебила меня Светлана. — Баня — храм очищения, здоровья и набора силы, поганить его — грех! Даже в мыслях нельзя это делать.

Взглянув на прекрасные и одновременно умные лица девушек, я понял, что имею дело с людьми далеко не ординарными. Передо мной были не просто две голенькие пустые прелестницы, а не по годам образованные и мудрые молодые женщины.

— Ну что же, веники запарены, мы друг друга поняли, у нас мир, поэтому кончай разговор и вперёд на третью полку! — скомандовал я. — Давайте так, сначала я вас попарю, а потом вы меня до одури, так будет честнее.

— Но отец нам дал задание сделать тебе массаж, — улыбнулась Светлана.

Но по её виду я понял, что моё предложение девушкам понравилось.

— И сделайте, если у вас останутся силы, а я против. Против потому, что сухожилия, суставы, позвоночник у меня на месте.

— Мы видим, — растянулись на верхней полке девушки, — мускулатура у тебя, как у циркового акробата, у наших парней подобных мышц мы не видели.

— Годы тренировок, — проворчал я, надевая шапку и рукавицы.

Теперь на душе было легко и спокойно. Я понял, что в лице этих юных богинь я приобрёл новых прекрасных друзей, и что с этого момента моя дружба с сёстрами будет только крепнуть. Я хлестал девушек с удовольствием сразу двумя вениками. Парил и никак не мог на них наглядеться.

«Всё-таки я счастливый! — отметил я про себя. — Наверное, редкие из мужчин имеют счастье видеть такую красоту, какой я сейчас люблюсь».

Когда от температуры стало захватывать дыхание и сердце готово было выскочить наружу, мы все трое выбежали во двор и кинулись в снежный сугроб. Секунду покатавшись в снегу, мы опять взяли за веники. Как я ни отбивался, девушки меня всё же напарили. После этой

процедуры опять оказались в сугробе.

— Вижу вы уже подружились, — внезапно из темноты раздался бархатный бас Добрана Глебовича. — Я так и знал, что всё будет хорошо, — вышел он на свет лампы. — Как вам парень? — поманил старейшина своих дочерей.

— Класс! — отозвались девушки. — С головой, как и должно быть — всё в порядке! А ты с мамой Ярой пойдёшь в баню? — спросила Светлана.

— Как вы придёте — пойдём. Баня это здоровье, грешно пропускать!

В моечной мы были недолго, после берёзовых веников и снега мылиться не хотелось. Поэтому промыв волосы и ополоснувшись, мы направились в избу. Мучительно хотелось чаю. И чего-нибудь сладкого. Когда мы накинули на себя рубахи и уселись, наконец за стол, ни Ярославы Ивановны, ни Глебыча в избе уже не оказалось.

— Они скоро тоже будут кататься по сугробам, — посмотрела в заледеневшее окно Светлада. — Пойдём в них снежками запустим для веселья. Пусть посмеются.

Я пил душистый травяной чай и продолжал любоваться девушками.

«Вот бы их нарисовать. А ещё лучше изваять из дерева, — думал я в эти минуты. — Не дай бог, если я в какую из них втюрюсь! И она мне ответит взаимностью. Для личной жизни будет праздник, но то, чем я занят, может и пострадать.

— Можно вопрос? — поднял я руку. — Почему ты, Светлана, назвала свою маму по имени?

Услышав мой вопрос, девушки замерли. Секунду они переглядывались между собой, а потом, поставив на стол кружки с чаем поднялись из-за стола.

— Простите, если я вас чем-то обидел! — взмолился я. — Объясните, что происходит? Что я такого сказал?

Видя мою растерянность, девушки заколебались.

— Ты здесь ни при чём, — снова уселась на своё место Светлана. — Это я лягнула, теперь придётся всё объяснить.

— Дело в том, — села рядом с сестрой Светлада. — Что у каждой из нас две матери. И мы до сих пор не знаем, какая мама какую из нас родила. Взрослые об этом нам не говорят, такова традиция. Поэтому одну маму мы зовём мама Яра, другую Валентина.

— А где сейчас мама Валентина? — растерянно спросил я.

— Она в гостях у нашего брата в Ленинграде, вернее в Петербурге. Скоро должна приехать. С ней наша младшая сестрёнка Милонечка. Сокращено — Мила.

— Получается, что у вашего папы две жены?

— А у детей целых две мамы, — хором ответили девушки.

— Но ведь остальные дети знают, кто их матери, имею в виду сестрёнку и младшего братишку.

— Знают, — кивнула Светлада. — Но это не важно. Главное, чтобы у нас, родившихся в один год, но в разные месяцы, было две мамы. И это справедливо, потому что наши матери своим молоком кормили нас обеих.

«Оказывается, я угодил в полигамную семью, — пронеслось в сознании. — Знакомство с древней орианской традицией продолжается. Bravo хранитель! Ты отлично знал, куда меня послать. Что ж, попробую понять, что из себя представляет арийское многоженство и в чём его преимущество над христианской моногамией».

— То, что ты от нас услышал тебя, наверное, шокировало? — посмотрели на меня сёстры.

— Нисколько! Если у вашего отца и ваших матерей родились и, что не маловажно, выросли такие дети как вы, то подобные браки можно только приветствовать! — сказал я искренне. — Полагаю, что начальное образование вы получили от своих матерей?

— Плюс от бабушек и дедушек, — добавили красавицы.

— А в районную школу пошли с пятого класса?

— Ты угадал — с пятого.

— Потому вы и сохранили свои души. Вам девчонки крупно повезло, что вы не видели ни ясель, ни детсадов и не пережили первых четырёх лет советской муштры в начальной школе. У вас великолепный генофонд плюс ко всему правильное воспитание. Фактически, до переломного возраста вы воспитывались в семье. Вам можно только завидовать.

Выслушав моё отношение к их семейной традиции, девушки оживились.

— Ты, Юра, очень многое знаешь. Папа тебя сразу раскусил. И о нашей русской ведической полигамии наслышан. Потому нормально и среагировал, — высказалась Светлана.

— Наслышан, — согласился я. — А вот о том, что многое знаю, не верно. Я к вам и приехал за тем, чтобы что-то почерпнуть и понять.

— Для этого тебе надо у нас пожить. Хотя бы месяц, а то и два, — немного подумав, сказала Светлада. — Познакомиться с нашим деревенским обществом, побывать в других таких же деревеньках. И конечно отпраздновать с нами все зимние праздники, начиная с Коляды. Вот ты нашёл нас со Светленой красавицами. На самом же деле, таких как мы среди выселковских много. Настоящих красавиц ты ещё не видел.

— Вы меня решили как следует разыграть? — засмеялся я. — Мне хочется к вам придрататься, но сделать этого, при всём своём желании, я не могу.

— Смотри как естественно льстит! — показала на меня глазами-озёрами Светлада. — Больше не льсти, а то мы можем и рассердиться.

— Когда ты увидишь наших красавиц, вот тогда и будешь судить, — добавила Светлана.

— Где же я их увижу? — изумился я.

— На празднике Коляды в дни солнцеворота, — стали рассказывать девушки. — Перед большими праздниками мы проводим всем миром банные очищения, это не в деревне, а в особом месте недалеко отсюда. Там стоит деревенская общая баня, рядом с ней огромная изба, где все собираются. Имеется площадка и для наших праздничных костров. Вот в той бане ты и увидишь всех наших красавиц.

— А почему вы решили, что меня туда пригласят? — спросил я.

— Ты такой же носитель традиции как и мы, поэтому нет причин тебе в чём-то отказывать, — улыбнулась Светлана, — И потом, тебя здесь ждали не только в нашем доме. Мой отец и все мы далеко не конечная инстанция.

«Вот те раз, — подумал я. — Выходит я ещё в пути. И не знаю самого главного».

— Мы с сестрой приехали в деревню раньше других, чтобы помочь по хозяйству. Учимся мы в Питере, только в разных вузах. Занятия ещё идут, но у нас зачётная неделя уже позади. Скоро подъедет и наш брат, он тоже хорошо учится.

— Теперь мне понятно, — перебил я Светлену. — Почему и Глебыч, и мама Яра, и вы говорите без местного акцента. Наверное, не только в вашем доме, но и у всех в этой деревушке высшее образование?

— Мы легко говорим и на поморском жаргоне, особенно с культуроведами и этнографами. Энтот народ, в основном Питерский или Московский, считает нас фольклорной группой. Местными лесными затворниками и чудаками. И мы не разубеждаем их в этом. Пусть себе считают. И пребывают в своём же собственном мифе.

«Умно!» — подумал я.

— Мне интересно вот что? — посмотрел я на юных красавиц. — Если в каждом дворе есть приличная баня, зачем всем вместе собираться где-то?

— Такое происходит только по большим праздникам: на Коляду, Купалу, перед днём Сварога или на Ладу, — стала объяснять мне Светлана. — Общий банный обряд очищения

принимают все, кроме совсем старых. Как говорит отец, такой ритуал необходим. Он воспитывает в людях правильное отношение полов друг к другу: мужчины, которые с детства привыкли видеть обнажённых девочек, девушек и женщин, перестают воспринимать их как самок. Они начинают нас ценить не только за обёртку, но и за душу. Тогда тяга к голому телу заменяется стремлением к общению другого рода. То же самое можно сказать и о женщинах. И потом, общая баня — это своеобразный конкурс красоты, где между собой соревнуются и мужчины, и женщины. Такое вот негласное соревнование, со стороны незаметное, но оно автоматически возникает, и продолжается всю жизнь. Если хочешь в нашем обществе как-то котироваться, то будь прекрасен и душой, и телом. Об этом каждый хуторской ребёнок знает с детства. Отсюда и внимание к своему, не только телу, но и здоровью... Наши парни развитые, красивые, сам увидишь. И с головой у них в порядке. Учатся в мегаполисах, но не курят, не пьют и проститутками себя не пачкают. Женятся они, как правило, на девушках с севера, в основном на наших.

— Где же им найти лучше? — засмеялся я.

— И женщины волей-неволей за своим телом вынуждены следить, — продолжила Светлана. — Можно превратиться в посмешище. И так по традиции из века в век — целые тысячелетия. Естественно, такое отношение людей к своему физическому и духовному потенциалу не могло не отразиться на генофонде.

— Оно и видно, — открыто любовался я сидящими за столом девушками. — По этой причине потомки «чуди белоглазой» так резко и отличаются от остального русского населения. Не только севера или центральных областей, но и русских Сибири, где ведическая традиция в среде челдонов сохранялась довольно долго.

— Неужели нас так заметно? — удивилась Светлана.

— Вспомни архангельскую столовую, — засмеялся я.

Наш разговор прервал приход из бани Добрана Глебыча и его несравненной жены Яры.

— Ну что, молодёжь? — пробасил хозяин дома. — Как дела? Вижу совсем подружились, даже о нас забыли. Кто грозился отца с матерью снежками закидать? — посмотрел он строго на девушек.

— Ещё успеем, — засмеялись юные красавицы.

— Это у нас такая семейная традиция, как взрослые из парной в снег — так дети в них снежками! — объяснил мне старейшина. — Они придумали, хулиганки! — показал он на дочерей.

— Как вы считаете, — вдруг посерьёзnel, Добран Глебыч, обращаясь к девушкам, — можно Ара взять весной на путину в море? Наш он парень?

— Наш-наш! — засмеялись девушки. — Всем наш, только глаза другие.

— До весны я вам так надоем, что вы меня с радостью выгоните! — улыбнулся я новой шутке хозяина.

— Не надоешь, и потом, тебя ждёт ещё один человек. Скоро я тебя с ним познакомлю, а сейчас марш в постель! Ты с дороги, а эти сороки, — погрозил пальцем своим дочерям, Добран Глебыч, — если дать им волю, всю ночь тебя не отпустят.

«Ну и в общество меня занесло, — думал я, засыпая. — Такое чувство, что я здесь родился и вырос. Интересно, что меня ждёт? И с кем меня хочет познакомить старейшина?»

После того, что увидел и пережил, спал я как убитый. Растолкали меня только к обеду.

— Пора вставать, герой, — зашла в мою комнату в хорошем настроении Ярослава Ивановна. — Девчонки давно коров подоили, всех накормили, убрались. Сейчас сидят в горнице и гадают, когда ты к ним явишься.

— Передайте, что скоро приду, — поднялся я с кровати. — Спасибо, что разбудили!

Когда я умылся и собрался было одеться, ко мне в комнату без стука вбежала Светлана и протянула мне льняную расшитую национальным орнаментом рубашу и шаровары.

— Это тебе от нас! — прямо сказала она. — Одевайся и к столу. Там тебя все ждут.

Сама девушка была одета во всё национальное и казалась в своём вышитом длинном сарафане сказочной прекрасной царевной.

— У нас что, праздник? — невольно спросил я её.

— Праздник! — улыбнулась красавица. — Будем принимать тебя в наше общество. Вчера к тебе присматривались — сегодня ты уже свой. Одевайся!

Удивительно, но всё, что мне принесла девушка, оказалось впору! Войдя в светлицу я как мог поблагодарил своих новых друзей за подарок и, посмотрев на улыбающиеся лица, сел на своё место. Взглянув на то, чем был накрыт стол, я ахнул: пельмени, творожники, красная икра, копчёная сёмга, кумжа, приготовленные в русской печи оленина и глухарятина.

— Ничего себе! — удивился я. — Кто есть-то будет?

— Тут не так много, — пробасил улыбающийся Добран Глебович. — Давай, садись и выпьем за твой к нам приезд!

— Я не употребляю.

— И мы тоже, — засмеялась хозяйка. — В графине не вино и не медовуха. Это всего лишь клюквенный морс. Так что не стесняйся!

После обеда Добран Глебович отправился во двор поколоть привезённый на днях из лесу сушняк. Понятно, я решил ему помочь. Через пару часов, когда с работой было покончено, нас напоили чаем и отправили в комнату-библиотеку.

— Ты бы показал Юре, какие у нас собраны книги, — сказала Ярослава Ивановна своему мужу. — О комнате с музыкальными инструментами и литературой он не знает. Пусть займётся, порадуй гостя.

— Что ж, порадуем, — улыбнулся старейшина. — Парень заслуживает доверия, поэтому скрывать от него что-то грех. Пойдём! — кивнул он мне.

Библиотека оказалась в том углу избы, где я ещё не был. Это была средней величины комната с одним окном и стоящим около него столом, вдоль стен её возвышались закрытые шкафы с книгами.

«Вот как надо хранить литературу!» — невольно подумал я, рассматривая высокие самодельные ящики.

— Дверцы здесь плотные, — открыл один из шкафов Глебыч. — В таких шкафах книгам не страшна ни влага, ни время. В этой библиотеке книги ещё моего прапрадеда. Эти два шкафа заполнены рукописными книгами. Они попали к нам от старообрядцев, — показал Добран Глебыч на стоящие перед ним ящики. — Бери, изучай. Из них ты узнаешь совсем о другой Руси. Со старорусским я тебе помогу. Сложного ничего нет, ты же не китаец. В том шкафу — полное собрание Глубинной книги, — кивнул головой хозяин библиотеки в сторону шкафа напротив. — Так что давай занимайся, бери всё, что тебя интересует.

— А книг IX или X века у вас не уцелело? — посмотрел я на старейшину.

Обдумывая мой вопрос несколько минут, Добран Глебыч молчал. Потом сказал:

— Часть древних книг мы сохранили, но по избам их никто не прячет. Слишком большой риск потерять. Осведомителей КГБ или, как его сейчас называют, ФСБ и на севере хватает. Сколько раз они пытались внедрить своих агентов в наше общество. Пытались вербовать даже наших детей. И сейчас пытаются. Мы выдаём себя за закрытый клан старообрядцев. Но в охранке этому не верят. Так что древние книги в другом месте.

— Главное чтобы они уцелели! — вздохнул я.

— Они сохранятся и придёт время, когда эти книги будут читать. Но ты не подозреваешь

ещё об одном богатстве, которое лежит в этой комнате, — загадочно улыбнулся хранитель уникальной библиотеки. — Подойди-ка сюда, — подозвал он меня к стоящему вертикально ящику. — Смотри! — и Добран Глебыч открыл его дверцы.

Я заглянул в ящик, надеясь увидеть какие-то особенные книги, но вместо них обнаружил нечто другое. На стенке ящика висели загадочные странные предметы. Ничего подобного я никогда не видел.

— Это рожки, — показал старейшина на вырезанные из дерева музыкальные инструменты. — Их три вида. Думаю, о гусях ты слышан. Вот здесь висит цимбал. Старинный струнный ударный инструмент. Это жалейка, это волынка, её ты тоже должен знать. А вот это — скрипица, это домбра, вот сопёлка, это тростниковый пищик, а это древний гудок — наша русская трёхструнная скрипка. Когда-нибудь я тебе на ней сыграю, — посмотрел на меня пристально хозяин уникальной коллекции. — Ты слышал о смутном времени, Ар, когда Запад в лице польской шляхты пытался подмять под себя Московию, — пригласил меня присесть Добран Глебыч. — Сначала при помощи преданного боярства отстранили от власти так называемых Рюриковичей, потом появился прозападный Годунов, за ним царевич Дмитрий, а там пошло: Вася Шуйский, Дмитрий Второй, семибоярщина. Закончилась смута приходом на московский престол Романовых. Людей безвольных, легко управляемых Западом. Через них силы тьмы и начали на Руси свои основные реформы. Первой из них был раскол русского христианства, Запад боялся возрождения в Московии церкви Сергия Радонежского, поэтому делал всё возможное, чтобы ведическое христианство на русской земле больше никогда не возродилось. Никонианская реформа только видимая часть айсберга. Невидимая же — полное искоренение на русской земле не только ведических летописей, но и правдивых христианских. Уничтожение сотен тысяч негодных власти книг и берестяных свитков. Но и это не всё. Московская прозападная власть по указке из-за бугра начала преследование не только христиан-раскольников, но и уцелевших ведических русов. На последних была устроена настоящая охота, их вылавливали и тысячами убивали. Убивали без суда и следствия. Творилось подобное безумие не только в Европейской части России, но и на Урале, и по всей Сибири. Сибирское коренное казачество удара в спину не ожидало, тем более от своей же власти. Потому большого сопротивления насилью оказать не сумело. Оно геройски с оружием в руках погибло на развалинах своих городов, сёл и деревень. Заодно сатанинская власть занялась преследованием народных сказителей и скоморохов: и тех, и других вешали и расстреливали. Но этого властям показалось мало. По приказу Алексея Тишайшего началось полное уничтожение в народе всех самобытных музыкальных инструментов. Специальные команды собирали по всему государству рожки, жалейки, гусли, гудки и другие «дьявольские» народные музыкальные инструменты, свозили их на площади городов и сжигали. Знаешь, зачем это делалось? — посмотрел мне в глаза рассказчик.

— Ума не приложу! — пожал я плечами. — Понятно, что уничтожалась русская народная культура, но зачем?

— Чтобы разорвать связь времён, Юрий, — назвал меня полным именем Добран Глебыч. — Чтобы навсегда разорвать связь настоящего с великим прошлым.

— А причём здесь музыкальные инструменты? — недоумевал я. — Причём здесь музыка?

— Музыка музыке рознь, — сказал загадочно собеседник, вставая. — Пойдём в горницу, Ар, скоро нас позовут к чаю. Потом поговорим о музыке.

Когда мы вошли в горницу, на пороге появилась Светлада и смущённо заявила, что с чаем придётся немного подождать. В последний момент женщины затеяли брусничный пирог, и он ещё не готов.

— Ничего, — успокоил её отец. — Можно вообще обойтись без чая, скоро и так ужин.

Воспользовавшись свободным временем, я решил спросить старейшину, что он думает о настоящем времени и о нашем, российском будущем.

Выслушав мой вопрос, Добран Глебыч задумался.

— Мог бы что-нибудь полегче спросить? — наконец проворчал он. — Чтобы ответить на твой вопрос, — посмотрел он куда-то вдаль, — надо многое припомнить. Два раза приходили на землю «Сумерки богов». За последние 50 тысяч лет два раза. Два раза тряслась от термоядерного и лучевого оружия Земля, два раза воды гигантских цунами накатывались на многострадальную сушу. Два раза опускались на дно океана сотни островов и даже целые континенты. Первый раз беда стряслась 43 тысячи лет тому назад. Но тогда биосфера Земли частично уцелела. Хотя потери были колоссальные. Второй раз мировая война прокатилась по нашей планете 12 тысяч лет тому назад. Она оказалась ещё более разрушительной, чем первая. В ней обе стороны применили и космическое оружие и мощное сейсмическое.

— Я слышал об этих двух войнах от хранителя. И знаю, чем всё закончилось: после первой великой борьбы атлантов с Северной империей на уцелевшие континенты хлынули тысячи беженцев. В науке их принято называть кроманьонцами. Людьями верхнего палеолита... — перебил я рассказчика.

— Хорошо, что ты это знаешь. Но материальный план, думаю, тебе это тоже известно, всего лишь отражение того, что происходит в поле. Поэтому поговорим о войне другого рода. И в первом, и во втором противостоянии допотопных империй шла жестокая битва ещё и между их эгрегорами. Таков закон Мироздания. Как видишь, всё просто. И побеждает в войне не тот, у кого больше живой силы или техники, а та сторона, у которой более мощный эгрегор. Но ты должен знать вот что, — задумался на секунду рассказчик. — Цари Атлантиды или как у нас говорят — Антиды, никогда бы не рискнули начать военные действия против своего северного врага, не будь у них в запасе ещё одна могучая полевая сила. Причём такая, какой они доверяли как самому Создателю. И на землю Ангов в течение нескольких тысяч лет, используя пси-технологии постепенности и последовательности, а также технологию разделения, пришла к власти третья сила. Сила, о присутствии которой на Земле жрецы Северной империи знали, но считали её нейтральной. Я имею в виду цивилизацию, которую в науке принято называть цивилизацией серпентоидов. Некоторые учёные выдвинули гипотезу, что на Земле ещё в Триасе, где-то двести с лишним миллионов лет тому назад, развились особые рептилии, которые стали обладать сознанием. И что эти вот человекоподобные существа живут на нашей планете по сию пору.

— О цивилизации серпентоидов мне известно, — вставил я. — Считается, что они ушли под землю. Потому все сказочные Змеи Горыныч и живут в пещерах.

— И горах, — кивнул старейшина. — Отсюда и Горынычи. Но мы несколько отвлеклись. Кто они такие, эти подземные и одновременно космические твари, одним им известно. Важно то, что они на Земле всегда присутствовали и до сих пор присутствуют, — вздохнул рассказчик. — С ними и связаны все предания о борьбе людей с драконами. Но это уже иная тема. Для нас важно знать другое: третья сила, обладая сверхмощным эзотерическим потенциалом, подмяла под себя царей Атлантиды, но подчинила умно, не связав при этом свой эгрегор с национальным эгрегором Атлантов. Зачем так было сделано, думаю, ты догадываешься. Для того чтобы в поле событий не оставить своего следа. Ты должен знать, что все действия третьей силы, какими бы они ни были, никогда не противоречат общим законам Мироздания. Свои деструктивные планы космическая цивилизация осуществляет нашими же руками. Поэтому она всегда в стороне. Вроде бы и не причём. Но стратеги третьей силы чётко знали (это уже из области особой технологии), что их союзникам в борьбе с Северной империей необходим ещё один полевой потенциал. Очень сильный деструктивный эгрегор. Принцип его

построения они и передали жрецам Атлантиды. Думаешь, Сет-Амон-Иегова-Саваоф, что-то новое? Технология разрушения земных человеческих цивилизаций стара как сама Земля. Как только жрецы-отступники начинают строить под себя эгрегор власти, считай, что на планете включился механизм уничтожения эволюции земного социума. Что это означает, ты догадываешься. Если останавливается процесс эволюции вида, вид гибнет. Пустышка должна уступить место кому-то другому. Весь фокус в том, что переставший эволюционировать какой-либо вид неважно кого: растения, животного или носителя высшего сознания, выключается из эволюционного процесса самим Создателем. Теперь ты понимаешь, почему атланты, как написал Платон, стремились подчинить своей власти всю нашу планету. Им нужен был человеческий ресурс для создания искусственного эгрегора власти. Для этого требовалось всего ничего — насильно внедрить всем племенам земли культ уничтожения себе подобных. Плюс культ ритуальных жертвоприношений. Но до первой великой войны, это сорок с лишним тысяч лет тому назад и в Европе, и в Азии, и в Африке жили в основном различные племена архантропов. Жалкие осколки некогда могущественных и процветающих земных рас. Их духовный материал не годился для построения нового полевого монстра. Ему требовался творческий потенциал людей, но не полуживотных. Поэтому в то далёкое время атланты были вынуждены внедрить кровавый культ жертвоприношений у себя на родине. Схема простая: жрецами Атлантиды была проведена религиозная реформа. Фактически, произошёл отказ от звёздной ведической традиции предков. Параллельно с культом языческих богов в Атлантиде появилась прослойка богоизбранных, которая признала своим единственным богом нарождающийся новый эгрегор смерти. Как видишь, Ар, культ Сатаны на Земле имеет очень древнюю традицию. Сверхдревнюю! — вздохнул старейшина. — Понятно, что эти богоизбранные, поддерживаемые тем, кого они избрали своим покровителем, очень скоро подобрали под себя все ресурсы страны и добрались до рычагов управления. Как видишь, не Сила их избрала, а они Силу. В этом скрыт большой смысл, — уточнил рассказчик. — Но чтобы управлять миром вольнолюбивых язычников, жрецам Атлантиды нужна была ещё одна религия. Религия, которая бы исповедовала повиновение и покорность власти. Нечто подобное нашему христианству. Она со временем и объединила в единое целое общество атлантов. А заодно, пополнило силой бога богоизбранных. Дело в том, что недовольных реформами язычников уничтожали тысячами. Вот почему атланты и в первой, и во второй войне с Орианой шли на борьбу со своим северным противником как на праздник. Их жрецам удалось превратить всю свою нацию в зомби.

— Можно вопрос? — поднял я руку. — Мне интересно, откуда у вас, у северян, такие подробности? Прошло немало времени, а ты мне, Добран Глебыч, рассказываешь так, как будто всё это было вчера.

— Твой вопрос уместен, Ар, — подумав, ответил старейшина. — Но это совсем другая тема. Хотя попробую тебя кое с чем познакомить. Ты знаешь, как рождаются мифы?

— В общих чертах, — развёл я руками.

— Значит, не знаешь. А мифы рождаются так: какие-то события либо записываются, либо какое-то время хранятся в памяти, — начал своё объяснение старейшина. — Фактически, после этого они становятся прошлым или хронологией. Но время, как ты знаешь, неумолимо. Первым делом оно уничтожает письменные источники. После их гибели память о произошедших некогда событиях становится легендой. Надо учесть ещё и фактор вырождения и изменения языков. А в случае гибели этноса, заимствования его легенд другими пришедшими на его место народами. Но время есть время, от него никуда не денешься, беда в том, что под его прессом легенды и сказки превращаются в неясные мифы, а мифы приобретают форму сказок. Но из всего того, что я тебе рассказал, ты должен уяснить для себя одну немаловажную деталь: как ты

понимаешь, легенды не вечны, мифы тоже, самыми долговечными могут быть только сказки. Потому что имеют свойство глубокого заимствования. Понятно, почему сказки, собранные Афанасьевым, до сих пор не изданы в России? Это не просто русские народные сказки, а сказки прямых потомков ориан-гипербореив. Для тёмных они очень опасны. Опасны тем, что на свете существуют технологии, которые позволяют от сказки перейти к мифу от мифа к легенде, а от легенды к подлинным событиям, — закончил свою короткую лекцию Добран Глебыч.

— Мне поведали, что для перевода сказочного смысла к истине существуют определённые «ключи», — обратился я к рассказчику.

— «Ключи» только часть технологий, — улыбнулся он мне. — Тебя скоро с ними познакомят, сейчас речь о другом. Ты задал мне вопрос, откуда у меня столь подробная информация и я ответил. Теперь вернёмся к нашей теме. Тебе я думаю известно, что первая война империй закончилась победой Орианы.

Я кивнул.

— Наши предки выиграли битву только потому, что в последний момент догадались обратиться за помощью к высшим сферам... Это и позволило им избавить Землю от эгрегора убийцы. Тогда, сорок тысяч лет тому назад, атлантический Сет-Амон был аннигилирован. Ты наверное слышал миф о миссии некоего Урана в Атлантиде.

— Я этот миф знаю.

— Хорошо, что ты его знаешь, — улыбнулся рассказчик. — Уран, по мифу, пришёл к атлантам с севера. Думаю, ты догадываешься откуда? Благодаря его усилиям, разрушенная и униженная страна снова воскресла. На несколько тысяч лет в ней, как и в далёком прошлом, пришло к власти светлое жречество. Казалось бы, на Земле снова наступил «золотой век». Ни войн, ни катастроф — одна благодать. Двенадцать тысяч лет тому назад семя зла снова проросло в империи. Об этом неплохо написано в диалогах Платона. Этот южный русич написал, что цари Атлантиды со временем утратили своё божественное начало и снова склонились к насилию. Им опять захотелось власти, причём над всей планетой. Спрашивается, зачем?

— Очевидно, в стране атлантов опять добрался до кормила клан Жрецов-деструкторов. Поэтому и произошли изменения в геополитике, — высказал я своё предположение.

— Ты прав, Ар. Так оно и произошло. Инопланетные твари снова нашли способ активировать в Атлантиде круг своих поклонников. Последние, придя к власти, лихорадочно взялись за восстановление в былой силе разрушенной войной сатанинской энергоцентрали. Поэтому атлантам и потребовался контроль над всем человечеством. Сет-Амон пожирает человеческие души. Точнее их творческий, накопленный за многие инкарнации, духовный потенциал. Без такого меню себя он построить не может, — поднялся с кресла увлечённый рассказчик. — Понимаешь, что произошло? — посмотрел он на меня.

— Очевидно, по всей земле начались межплеменные войны, плюс человеческие жертвоприношения, — поднялся я следом.

— Да ты сядь, мы ещё не кончили, — показал мне Добран Глебыч на кресло. — Я просто устал сидеть. И потом, мне удобнее говорить с тобой, стоя.

Я снова опустился на своё место, а старейшина продолжил:

— Вторая война между двумя империями была ещё более жестокой, чем первая. И ты это знаешь, Ар. Материк Атлантиды утонул, ушёл на дно Тихого океана и гигантский равнинный Му. Вытесненные погрузившимися материками воды мирового океана стали заливать и нашу прародину. Волна за волной уходили на уцелевшие материки, потерявшие свой кров и дом ориане. Когда лютые холода сковали поглотившие северный континент воды, на месте погибшей прародины на островах и ледяном щите осталось совсем немного уцелевших. Эти люди решили не покидать священное место. Их потомками мы и являемся, Ар. Уйти на юг всё-таки пришлось

после того, как наступило потепление и ледяной щит стал разрушаться. Но я немного уклонился от темы, — снова сел на своё место Добран Глебыч. — Речь у нас шла о другом: об искусственном эгрегоре смерти. Так вот, эта зловещая полевая энергоцентральный во второй войне империй была тоже разрушена, причём разрушена до основания. Понятно, что от эгрегоров Атлантиды и Орианы тоже остались одни воспоминания — ничего кроме информации. И всё-таки нашлись люди, которые в союзе с космическими тварями сумели перенести технологии по созданию эгрегора смерти в наше послепотопное время. Я имею в виду миссию Еноха с его подземными залами и кирпичными башнями. Слышал о таком? — посмотрел на меня старейшина.

— Конечно слышал и знаю, что в одной из своих башен этот допотопный пророк спрятал технологии не только по созданию на Земле культа Сета-Амона, но и руководство по выведению из гибридных полунеандертальских родов, специально под созданный эгрегор, особого народа. Или богоизбранных.

— Правильнее было бы сказать таких, которые всегда во все времена избирают своим богом Сатану, — дополнил меня рассказчик. — Чтобы скрыть свои приготовления к будущему реваншу, тёмные жрецы постарались взяться за восстановление разрушенного войной эгрегора смерти, подальше от границ расселения ориан-бореалов. Под их влиянием племена красной расы, которые после первой мировой войны стали расселяться по обеим Америкам объявили войну белым переселенцам, пришедшим с севера. В результате чего, разрозненные группы ориан-бореалов вынуждены были покинуть Великие равнины, где они уже успели осесть и обжиться, и снова уйти на север. Ты, наверное, слышал о находках в Центральной и Северной Америке следов пребывания белой расы? — обратился ко мне мой новый друг и учитель. — Учёные иногда находят десятки мумий мужчин-блондинов и блондинок-женщин. На камнях и скалах ими обнаружено множество надписей. Причём, на нашем русском языке. Написаны они, как правило, протокириллицей. Но все эти находки изо всех сил пытаются скрыть. Спрашивается, почему? Да потому, чтобы никто не догадался, для чего была вытеснена белая раса из центральных областей американского континента далеко на север. А вытеснена она была для того, чтобы потомки извечных врагов тёмного жречества Атлантиды не увидели начавшегося в Мезоамерике процесса по реанимации разрушенного мощным полевым ударом эгрегора атлантического Амона. Для восстановления силового поля разрушения, была придумана для индейцев особая солнечная религия. Где бог пятого Солнца требовал огромного количества человеческих жертв. Все эти события произошли в седьмом тысячелетии до н. э. Некоторые учёные могут возразить, дескать, девять тысяч лет тому назад не было на Земле ни племён майя, ни тольтеков, тем более ацтеков. Вопрос этот конечно спорный. Ясно одно — предки выше названных племён безусловно были, но дело не в них, а в ольмеках и жителях города богов Теотиуакана. Именно из этих двух центров расползлся по Мезоамерике кровавый культ пятого Солнца. Впервые на вершинах пирамид ольмеков — прямых потомков атлантов и на вершинах пирамид Теотиуакана стали в честь Солнца вырывать человеческие сердца.

— Я это тоже хорошо знаю, — перебил я рассказчика. — Знаю я и про специально выращенную тёмным жречеством для наполнения силой своего детища, древнюю цивилизацию Китая. В Китае тоже практиковали человеческие жертвоприношения, причем не в меньших масштабах, чем в Мезоамерике.

— Великолепно, если ты знаешь такие тонкости! — улыбнулся старейшина. — Тогда останавливаться на них не будем — пойдём дальше. Как создавались под эгрегор богоизбранные тебе известно. Знаешь ты и про масонские ложи второго порядка и про создание иллюминатов.

— Даже про хабад знаю. Откуда эта секта иудейских ортодоксов взялась и для чего она создана, — засмеялся я. — Как видишь, Добран Глебыч, я приехал к вам пройдя «ликбез».

— Это многое упрощает, Ар. Ты, я вижу, время потратил не зря. Что ж, будем говорить о том, чего можешь и не знать.

Несколько секунд старейшина размышлял, потом сказал:

— Понимаешь, соль в том, что жрецы, которые так старательно наполняли и до сих пор накачивают своё детище — эгрегор Сета силой, мало что о нём знают. Не знаю, говорил тебе хранитель или нет, но эгрегор Сета-Амона является всего лишь посредником. Далеко не вся энергия жертв и погибших насильственной смертью людей уходит на его построение. Он своего рода является полевым фильтром: всё жестокое, грубое и злобное остаётся ему. В ментально-астральном плане продвинутые и энергетически наполненные люди питают ещё одного паразита, который стоит над искусственным эгрегором. Жители Земли для этих двух полевых монстров всего лишь энергетические системы, которые для того и созданы, чтобы из них качали энергию. И чтобы на этот процесс влиять в плотном плане, так сказать процесс максимально стимулировать, и были созданы богоизбранные, а также масоны второго порядка, иллюминаты и хабад. Сродни последним являются разложившиеся нелюди-банкиры, торгаши всех рангов, мерзавцы из милиции, полиции и спецслужб, мошенники в законе — чиновники, короли, президенты и т. д. Особо надо выделить прямых служителей Сета-Амона — материализованных до крайности церковников, не важно, чьих: христианских, иудейских или исламских. Церковь, по сути, у всех одна, только называется по-разному.

— Какое же истинное название этой церкви? — невольно вырвалось у меня.

— Церковь Сета-Амона, какая же ещё? — невозмутимо ответил старейшина. — Другой и быть не может.

От сказанного Добраном Глебычем у меня внутри что-то сжалось.

«Неужели нашей цивилизации не выкарабкаться?» — пронеслось в глубинах сознания.

А между тем, помор-северянин продолжал:

— Всех кого я назвал можно охарактеризовать четырьмя словами: они верные слуги системы. Такие же паразиты, только действуют в рамках материального мира. Ты же знаешь, власть всегда при деньгах. Потому и идут во власть, чтобы быть ближе к кормушке. Деньги вся эта мерзость качает для себя, материальные блага, обирая посредством специально выдуманных законов, торговли и кредитов у класса производителей. Причём действует таким образом, чтобы у тех, кого грабят, по другому это и не назовёшь, возникал максимальный стресс. Чиновник для того и создан в обществе, чтобы держать подопечных в постоянном стрессе. И чем больше в обществе различных департаментов заполненных армией жадных и ненасытных чиновников, тем выше в нём потенциал стресса. Стресс же тем более отрицательный, о положительном стрессе мы не говорим, является идеальной технологией по выколачиванию из человека максимального количества психической энергии. Куда эта энергия утекает, известно: полевым паразитам: к одному, кого мы знаем и называем Дьяволом, и к другому очень могущественному. О последнем на Земле знают единицы.

— Это ты отвечаешь на мой вопрос, что нас всех ждёт? Хочешь, чтобы я полностью потерял веру в будущее? — спросил я прямо старейшину.

— Если ты так быстро теряешь силу духа, значит дальше мне не стоит тебе ничего рассказывать, — проворчал Добран Глебыч.

— Стоит, я пошутил, всё в порядке, но то, что ты говоришь — удручает.

— Правда всегда болезненна, — понурил свою посеребрённую голову мезенский знаток тайноведения. — Но без неё никуда. Иначе окажешься в ирреальном иллюзорном мире. В нём сейчас прозябают пять миллиардов... Ты вот что должен понять, — снова вернулся к теме Добран Глебыч, — Какая бы общественно-экономическая формация на Земле ни была: рабовладельческая, феодальная или капиталистическая — словом, любая, она всё равно является

порождением порока и раболепно служит паразитарной системе. Понимаешь, почему?

— Потому что они, эти общественно-экономические формации, ею и порождены, — ответил я.

— Так оно и есть, потому на вершину власти С.Т. и проводят всегда холопов духа. По Поршневу — хищников, — ударил своей сильной ладонью по столу старейшина. — А теперь давай вспомним, как идёт эволюция духа: в каком плане эволюционирует сущность человека?

— В плотном, посредством деятельности человеческого тела в проявленном мире. Той её частью, которая приспособлена для обитания в материальном, — припомнил я одну из лекций волхва.

— А теперь ответь, что собой представляет наш ум, в данном промежутке времени?

— Умом на отрезке времени, ограниченном жизнью человека, является сознание его Эго, — отчеканил я.

— Смотрю на тебя и удивляюсь, зачем ты приехал? Похоже, ты знаешь всё, о чём я тебе хочу сказать.

— Если бы знал, то тебя бы не слушал, — засмеялся я.

— Тогда ответь мне вот на какой вопрос, — развеселился мезенский философ. — Как устроено наше глубинное бессознательное?

— То, что называется в науке подсознание? — уточнил я.

— Подсознанием, — кивнул старейшина.

— Как мне когда-то объясняли, это мощный слоёный пласт нашей инкарнационной памяти, который имеет ещё и своё собственное сознание.

— А что тогда является сущностью человека? — не унимался экзаменатор.

— Это духовная надстройка над подсознательным, связанная с последним, но являющаяся одновременно и частью самого Создателя. Благодаря банку информации, накопленной в пластах глубинного бессознательного, и идёт цепь изменений в сущности, которую принято называть эволюционным процессом.

— Мы знаем, что сущность эволюционирует, т. е. накапливает в себе какие-то положительные качества, только благодаря деятельности в плотном мире своего тела, так?

— Так, — согласился я.

— А если тело человека, подчиняясь сознанию низшего Эго, или уму, отделит себя от сущности, что тогда? Займётся, к примеру, обслуживанием только самого себя: будет стремиться сладко питаться, красиво одеваться, содержать себя в роскошной коробке-квартире, получать максимум чувственных наслаждений? Не будет стремиться к знаниям и что самое преступное, заблокирует своему двойнику, т. е. сущности, рост духовности, что тогда? — посмотрел на меня с интересом Добран Глебыч.

— О такой беде мне тоже рассказывали. Заблокированная телом, она будет стремиться от него избавиться. Ей, сущности ничего другого не остаётся, как дать команду сознанию инкарнационного глубинного уничтожить ступившее на пути духовной дегенерации тело. Потому что инкарнационный опыт, накопленный взбесившимся сознанием тела, или его умом, сущности не нужен. Поскольку его она получила давным-давно, ещё в стадии своего становления.

— Это так, — согласился со мной Добран Глебыч. — Но ты говоришь о самом конце противостояния духа и тела. Есть ещё один нюанс, о котором ты, к сожалению, забыл.

— Забыл, — согласился я. — Это период, когда сущность пытается показать телу, если быть точным, сознанию своего тела, что оно занялось не тем, чем надо. Я забыл о периоде болезней.

— И жизненных обстоятельств, — добавил лектор. — Иногда сущность общается с сознанием нашего Эго посредством бытовых тупиковых ситуаций. Болезни, это уже потом, если

человек так ничего и не понял. Надо глубже осознавать, Гера, — обратился ко мне по имени мезенский философ. — Причину жизненных неудач человека, причину многих его болезней, и смерти. Причём не только от цирроза, рака, инфаркта или других недугов, но и посредством каких-либо обстоятельств... Их великое множество. Это авиакатастрофы, дорожно-транспортные происшествия, встреча с убийцами или в тёмном перулке кирпич на голову. Во всех этих делах убийством тела заведует его сущность. Фактически, что происходит? Сущность, осознавая, что сознание тела не хочет с ней сотрудничать, переводит свой материальный зонд, то бишь — тело, в новое воплощение. Но может быть и так, что сущность по приказу сверху, имею в виду Создателя, вообще отказывается от своего материального воплощения. Это происходит в том случае, если она, сущность, так и не смогла справиться с эгоистичным сознанием своего зонда — материального тела. Из этого следует, что далеко не все люди имеют право снова воплотиться в плотном мире. Очень многие из них остаются в поле навечно. Надо ценить право на следующее воплощение. Но о том, что тебе говорю, к сожалению, мало кто знает.

Закончив свою мысль, Добран Глебыч перевёл взгляд на дверь и проворчал:

— Они о нас, наверное, совсем забыли, пора бы и к столу.

— По мне наш разговор куда дороже любого обеда, — успокоил я его. — Знали бы люди, что с ними происходит, всё было бы и в их жизни и на Земле иначе.

— Помнишь, что вам в школе преподавали про первобытнообщинный строй? — усмехнулся в бороду помор. — Что это дескать примитивная общественно-экономическая формация и тому подобное. На самом же деле, общинные отношения позволяют обществу с лёгкостью избавляться от дегенератов, потому что их в общине видно. В ней они как на ладони. И что не менее важно, община требует от человека проявления духовности и накопления знания. Чем человек совестливее, благороднее, чем выше его потенциал любви, потенциал знания и умения, тем большим он пользуется в общине уважением. Община — та же семья, только большая. Она объединяет людей своими, как правило, справедливыми законами. Где люди живут в рамках необходимого и достаточного. Необходимое даётся общиной, прежде всего молодым семьям или в неё принятым. Но всё, что выходит за рамки достаточного, становится собственностью общины. И чем больше человек общине даёт, тем он более в ней уважаем. Вспомни, чем Макаренко воспитывал своих подопечных? Только посредством общинных отношений. Потому что община включает в человеке механизм роста его духовности. «Чем ты качественнее, тем ты нужнее!» — вот девиз общины. Разве он плох? Что из этого следует? — продолжил Добран Глебыч. — Да то, что общинные отношения не разрывают сознание сущности от сознания тела. В общине человек, хочет он этого или нет — эволюционирует. Меняется в лучшую сторону. Потому в общинах у людей по жизни, как правило, всё складывается, в них люди мало болеют и дольше живут. Такова статистика, Гера, — улыбнулся рассказчик. — Вот, например, мы, далеко нечего ходить: в нашем обществе практически нет больных, и живём мы, пока не надоест. К примеру, мои родители они живы и полны сил, а ведь я разменял восьмой десяток.

От последних слов Глебыча у меня открылся рот. Ему за семьдесят?! Передо мной сидел человек пятидесяти пяти, от силы шестидесяти лет, полный сил и здоровья! И у него две молодые жены, которые в нём души не чают!

— А где живут твои родители? — поинтересовался я.

— Недалеко отсюда, на хуторе. Ты их скоро увидишь. У них свой дом и своё хозяйство...

«А сколько жён у твоего отца?» — захотелось спросить мне старейшину, но я промолчал.

— Вокруг нас по деревням живут пришлые христиане — потомки новгородцев, — продолжал свою тему рассказчик. — Они давно утратили общинные отношения. И поэтому совсем другие люди. Среди них можно встретить кого угодно: и пьяниц, и забулдыг, и на руку не

чистых, и болеют они всеми болезнями, и продолжительность жизни у них, как у городских. К семидесяти годам становятся глубокими стариками...

Закончив мысль, Добран Глебыч на минуту задумался.

— То о чём мы сейчас беседуем, — вздохнул он, — должен знать даже ребёнок. Но эти знания христиане у народа постарались отнять. Вот беда. Теперь ты понимаешь, почему в мифах о гипербореях говорится, что они жили сколько хотели и уходили из жизни от пресыщения ею.

— Понимаю, — улыбнулся я. — Наши предки всего лишь жили в согласии со своей природой.

— И с Создателем, — добавил старейшина. — Все общественно-экономические формации, начиная с рабовладельческого строя и кончая капитализмом, для того на Земле и были организованы, чтобы разрушить общинные отношения и перевести сознание людей только в материальную плоскость. С какой целью — ты понимаешь, — снова поднялся со своего кресла мезенский философ.

— Цель ясна — чтобы ускорить процесс дегенерации. Насильно заставить сущности уничтожать свои же собственные тела. Потому после «золотого века» жизнь людей и стала в два раза короче. Но как я вижу, в вашем обществе «золотой век» продолжается, — посмотрел я на подошедшего к окну Добрана Глебыча.

— Скрытно, невидимо от других, — отозвался последний. — Из всего нашего разговора, — повернул голову старейшина, — ты должен запомнить вот что: общинные отношения родились не на Земле. Они пришли на нашу планету вместе с переселенцами с легендарных «Стожар». От третьего Солнца созвездия Ориона, с планеты метрополии, которая по мифам называется «Ор». Тебе знакомо то, о чём я сейчас говорю?

— Знакомо, — кивнул я старейшине.

— Теперь ты понимаешь, почему при Сталине не раздувалась тема материального благоденствия? О материальном говорили в рамках необходимого и достаточного — всё! Зато в плане знаний границ не возводили. Какой был проект у Иосифа Виссарионовича? В будущем всем советским людям дать обязательно не только среднее образование, но и два высших. По всей стране в эпоху Сталина как грибы росли ВУЗы, строились тысячи библиотек. Наш народ стал самым читающим и самым образованным народом в мире. Это при лысом болване забыли о духовном росте, вцепились в материальные блага. Всё догоняли и перегоняли Америку. Вот когда произошёл слом всего, что удалось построить Сталину. Переориентация дорого нам обошлась. Это благодаря ей мы снова оказались в капитализме. Отсюда и наша смертность. Вымираем по два миллиона в год. Нам пытаются внушить, что сверхсмертность исходит от нашей нищеты, только не говорят, от какой. Тут не материальная нищета виновата, а нищета духовная, нежелание ничего знать и ничего в себе поменять. Потому народ и травят как крыс. Не только наркотиками и алкоголем, но и вкусовыми пищевыми химическими добавками. Но это только видимая часть айсберга. Невидимая же, самая страшная, когда сущность избавляется от не оправдавшего её надежд тела. Вот, где настоящая беда!

Глава 33. Оккультный приём отождествления

— Кстати, про айсберг, — вдруг оживился старейшина. — Ты знаком с приёмами чёрных магов? — подошёл он к полке с книгами.

— Кое-что знаю, но довольно поверхностно, — подумав, ответил я.

— Ничего, дело поправимое, — открыл Добран Глебыч какое-то издание. — По сути, я ответил на твой вопрос, что нас всех ждёт. Цивилизация в агонии. Она уничтожает саму себя. Первой по замыслу тёмных на Земле должна исчезнуть белая раса. С одной стороны, мина замедленного действия в форме погони за материальными благами и чувственными удовольствиями заложена в её сознании, с другой — против белой расы и в Европе, и в Азии, и в Америке началась интенсивная генетическая агрессия. Точно такая же, какая произошла когда-то, три тысячи лет назад, на Ближнем Востоке, а позднее в Индии и Иране. Но с гибелью опасной для хозяев земной цивилизации белой расы неминуемо погибнет и всё остальное человечество. Произойдёт это постепенно, инволюционным путём. Наглядный пример — наша Средняя Азия: распался Союз, стали уезжать русские с юга. Что мы видим? Возрождение Средневековья... Но дело вот в чём, процесс гибели белой расы сконструирован оккультно. Применён старинный магический приём отождествления. Ты слышал о странной гибели «Титаника»?

— Слышал, — пожал я плечами, — но не пойму, причём здесь «Титаник»?

— При том, что чудо техногенной цивилизации было специально потоплено, — положил передо мной открытую распечатку Добран Глебыч.

— Но ведь считается, что корабль затонул из-за столкновения с айсбергом?

— А ты прочти вот это, — показал старейшина на страницы книги.

Я взял из рук Глебыча распечатку и стал читать. В ней говорилось об экспедиции профессора Р. Балларда на батискафе «Альвин» к затонувшему Титанику. Открытия, которые он сделал, ошеломили. До этого считалось, что айсберг распорол обшивку «Титаника» на 10 метров. Но профессор ничего такого не обнаружил. Он нашёл всего лишь шесть небольших пробоин. Но их края были вывернуты наружу, как при сильном внутреннем взрыве! Удивляло то, что корпус «Титаника» лежал на дне разорванный надвое. Значит, взрывов было несколько и самый сильный произошёл под водой! Он и разорвал корабль.

«Может быть, «Титаник» вовсе не столкнулся с айсбергом? — предполагает исследователь. — А лишь слегка коснулся его? Этот удар и почувствовали пассажиры. А столкнулся он с чем-то совсем другим? Или «что-то» намеренно столкнулось с лайнером, воспользовавшись айсбергом в качестве «ширмы», став истинным виновником гибели судна. Но если всё-таки виновник айсберг, то почему вообще произошло это столкновение? Как могло случиться, что при ясной безветренной погоде и полном отсутствии волнения на море — явления удивительного для таких широт и этого времени года — вахтенным офицерам и матросам не удалось вовремя заметить опасность и принять меры к тому, чтобы избежать катастрофы? Тем более, как выяснилось позже, на пути следования «Титаника» роковой айсберг был единственным в радиусе «нескольких десятков миль».

Ниже я прочитал, что в гибели лайнера обвинили старшего помощника капитана Ульяма Мэрдака. Якобы он при обнаружении айсберга сделал неправильный маневр: дал команду «Полный назад! Лево руля!». Установил бы он руль «прямо» — айсберг пробил бы всего два отсека. При таком повреждении лайнер остался бы на плаву. А так были пропороты 12 отсеков. Но экспедиция доктора Роберта Балларда показала, что маневр, совершённый Ульямом Мэрдоком, был безукоризнен. Сильного удара гигантского парохода об айсберг не произошло.

Лайнер ледяной горы лишь слегка коснулся. И всё-таки он утонул! Утонул от серии внутренних взрывов. Они и разворотили его обшивку, а под водой развалили пополам.

Правда о гибели гигантского корабля ужасала. Налицо была вскрыта диверсия.

— Интересно, кто всё это организовал? — поднял я глаза на старейшину.

— Тот, кто прибуксировал от берегов Ньюфаундленда на линию маршрута лайнера айсберг. Тот, кто сумел, используя древние пси-технологии, «отвести глаза» вахтенным, кто заложил в чрево судна радиоуправляемые мины. И, наконец, тот, кто хладнокровно наблюдал за гибелью людей, стоя совсем рядом в дрейфе. Ты дальше читай, в этой статье есть кое-что и о судне-призраке. Его видели и с борта «Титаника», и с борта парохода «Калифорния». Когда «Титаник» «налетел» на айсберг, судно-призрак застопорило машины. Это произошло, судя по вахтенному журналу парохода «Калифорния», в 23.40. До 2.40 минут «призрак» стоял на месте. С него, очевидно, велись наблюдения за «Титаником». Когда лайнер скрылся в пучине, судно «Х» развернулось на 180° и ушло на юго-запад. Ошибочно с «Калифорнии» «призрак» приняли за «Титаник», потому гибнущим никто и не пришёл на помощь.

Я дочитал распечатку. Как объяснил старейшина, так всё и было.

«Верю — магия отождествления. Но не со всей цивилизацией, как пытаются утверждать некоторые эзотерики, а только с белой расой. Потому что на «Титанике» были в основном её представители. В этом старейшина прав. Из 2200 пассажиров погибло 1517. Уцелело всего 683 человека. Интересно, сколько это процентов?» — прикинул я.

Но в этот момент влетела Светлана.

— Праздничный стол накрыт! — объявила она. — Все разговоры потом!

Ошарашенный открывшейся информацией о гибели Титаника и о корабле-призраке, я поплёлся в столовую.

«Что же получается? — размышлял я. — Наверняка в гибели Титаника приняла участие неземная цивилизация. Установить айсберг на пути следования лайнера — нештучное дело. На Земле нет таких сил, которые бы могли буксировать ледяные горы. И радиоуправляемые мины — тоже не земная работа. В начале XX века радио было ещё в зародыше. Но в остальном прослеживается почерк тёмного жречества. Это тёмные объявили войну белой расе. Они боятся, что научные круги в Европе и России смогут разобраться с арсеналом их тайного знания, с тем, который им достался от жречества погибшего континента. Так как они, эти нелюди из далёкого прошлого, связаны с инопланетной подземной братией, то им не впервой обращаться за помощью к своим шефам. И шефы как всегда постарались. Но ответственность с себя сняли. Их адреса в поле событий наверняка нет. Опять всё взвалено на тёмное жречество. И магический обряд уничтожения белой европеоидной расы совершён был не «серпентоидами», а скорее всего, людьми. Неплохое жертвоприношение Амону», — подумал я, подходя к столу.

За праздничным столом и на самом деле меня ждал сюрприз: вокруг него, поджидая нас, сидело почти всё население маленькой деревушки. Когда мы с хозяином вошли, то все пришедшие, как по команде улыбаясь, поднялись из-за стола и стали представляться. Я пожимал сильные руки мужчин, кланялся женщинам и готов был от такого изобилия внимания провалиться сквозь землю.

«Вот, оказывается, почему так долго со мной беседовал Добран Глебыч? Чтобы устроить этот торжественный приём».

Пришедшие в гости соседи, как я и предполагал, были ещё и родственниками моих хозяев. Мне начали объяснять, кто кому кем приходится, я делал вид, что запомнил. Когда всё успокоилось и гости уселись на свои места, Добран Глебыч, как старейшина, объявил, что все собравшиеся в его доме потомки северного рода знают меня из письма хранителя и, после того как я прошёл проверку, принимают меня в своё общество. Не понимая, что это значит и какие

обязанности на меня возлагаются, я поднялся со своего места и в знак благодарности, поклонился всем присутствующим.

— Большое вам спасибо за доверие. Постараюсь его оправдать, — выцедил я из себя казённую фразу. — У меня такое впечатление, что после долгой разлуки я приехал к себе домой. Люди, понятные по духу, родные. Только природа немного у вас другая. Но думаю, что скоро к ней привыкну.

Услышав мою последнюю фразу, сидящие за столом заулыбались.

— Неужели у вас в Сибири снег другого цвета? — спросила красивая блондинка, сидящая рядом со Светладой.

— А вместо сосен пальмы растут! — съехидничала её сестрёнка, девочка-подросток.

— Сосны наши такие же, как и у вас, снег тоже белый, просто душа соскучилась по кедру, — смутился я. — У вас здесь по Мезени всё здорово, но нет кедрочек.

— Всё это так, — вмешался в разговор хозяин дома. — Везде есть свои плюсы и свои минусы. А тебе за твой язык, — посмотрел Добран Глебыч строго на съёжившуюся девчущку, — не мешало бы организовать «берёзовую кашу».

— Организуем! — невозмутимо отозвался её отец, мой первый знакомый из крайней избы-терема.

Видя расстроенную девочку, я понял, что надо за неё вступить — иначе будущей прелестнице наверняка влетит.

— Простите меня, — обратился я к собравшимся. — Спорол глупость! Вот девочка и истолковала мои слова по-своему. Она решила, что я недоволен природой её родины. Она молодец. Правильно сделала, что поставила меня на место.

От моих слов у девочки-подростка на лице выступил румянец, а в больших серых её глазах я уловил неприкрытую благодарность.

— Всё, хватит, наговорились! — поднял руку старейшина. — Если виновник торжества не хочет, чтобы Милославу наказали, значит, наказывать не будем. Но ты учти, Слава, когда разговор ведут взрослые, твоё дело — сторона.

— В кого у неё такой колючий язык? — положила ладонь на плечо своей дочери рядом сидящая мама.

На этом с инцидентом было покончено, и все присутствующие обратили своё внимание к тому, что стояло на ломящемся от яств столе. Через несколько минут я понял, что в праздники разговаривать за столом у выселковских разрешалось. Стоящие на скатерти кушанья были чем-то вроде символа благополучия. Люди не торопясь ели и одновременно о чём-то говорили.

«Вот он, пир богов, на котором решались все земные проблемы, — подумал я. — Чем сидящие за столом не боги? Все сильные, красивые, у всех умные проницательные глаза, и пьют они вместо водки всевозможные сбитни и ягодные морсы».

Я налил себе кружку хвойно-медового сбитня и, наблюдая за сидящими, сделал вид, что занят запечённым в тесте куском трески. Но на то, что я наслаждаюсь едой, никто не обратил внимания. Сидящий напротив с широкой седой бородой мужчина меня спросил, сколько я намерен пробыть в их деревеньке и нет ли у меня мысли вообще здесь остаться? Я ответил, что в настоящий момент ограничен отпуском, но мне на Русском Севере очень нравится и в будущем я обязательно в эти края приеду.

— У нас сейчас рыболовецкая артель, раньше она называлась колхозом, — стал объяснять мне быт местных поморов рядом сидящий парень — мой ровесник. — С весны у части наших мужиков, — окинул он взглядом сидящих, — начинается путина: идёт сёмга, потом отправляемся на лов трески и так до осени. А те, кто не рыбачит, заняты скотом и огородами. Не будь того и другого, было бы совсем худо. А так хватает!

— У нас посреди этих вот лесов даже поля есть, небольшие, правда, но ячмень и рожь на них вызревают, — добавил отец Милославы. — В советское время они почти что заросли. При Советах муку из райцентра к нам завозили, тогда о людях худо-бедно, но заботились. Сейчас о поморах совсем забыли. Но мы недолго горевали, опять расчистили старые поля и вот, снова, как и в прошлом, едим свой хлеб.

Мужчина что-то ещё говорил, но я думал о другом:

«Опять та же арийская многоукладность экономики. Она позволяла и до сих пор позволяет выживать потомкам ориан-арктов в высоких широтах. Какая-то группа рыбачит, очевидно, для зарабатывания общиной денег. Наверняка все поступающие от рыбной ловли средства идут в общий котёл. Другая группа занята расширением скотных дворов и другими постройками. Заодно на ней лежит уход за огородами и полями зерновых. Ещё одна часть общества занята скотоводством. Опять же, не столько мясного направления, сколько молочного».

Об этом говорил заваленный различными рыбными и молочными деликатесами стол. Несколько минут новые знакомые расспрашивали меня о жизни в Сибири. Где я бывал, что видел, как живут в наших краях потомки кержаков-чалдонов. Я в трёх словах рассказал обществу о гибели у озера Косын-Лор последних людей из хантейского рода Ворона.

— Их уход из жизни был предрешён, — подумав, сказал Добран Глебыч. — Нельзя было терять свою культуру. Отошли от орианского корня, но и полноценными уграми не стали. Жаль, что так произошло. Вот розовая чайка — священная птица всего Севера. Она до сих пор не изменила своей родине — опустившейся на дно океана Ориане. Вместо того чтобы осенью лететь на юг, она летит на север — в полярную ночь, сплошные льды! И там, под северным сиянием, в лютые морозы, снегопады и бураны всю зиму плавает по полыньям, дожидаясь весны. Чем живёт в океане птица Ора, неизвестно. Весной она откочёвывает на юг, в основном в тундры Восточной Сибири. Там выводит птенцов, чтобы осенью снова улететь на север. Что это, если не живой памятник погибшему материку. Нашей великой прародине. И нам, людям, надо брать пример с розовой чайки. Мы должны быть, как и она, верны тому самому дорогому, что хранится в нашей родовой памяти! Только тогда нам удастся пересилить ночь Сварога. И выжить, несмотря ни на какие социальные бури. Верность традиции! Вот наш девиз, братья и сёстры! — закончил свою короткую речь старейшина.

Из всего, что сказал Добран Глебыч, более всего мне врезались слова «братья и сёстры». Точно также в июне 1941 года обратился Иосиф Виссарионович Сталин к народам Советского Союза. Обычное традиционное обращение северян друг к другу. Но прозвучало от южанина по паспорту — грузина.

«Наверняка в этом что-то есть, — подумал я. — Не просто так Сталин целых четыре года прожил в предгорьях плато Путорана».

Незаметно за разговорами наступил вечер. Где-то далеко затарахтела станция, и столовая озарилась ярким электрическим светом.

— Ну что, други, — поднялся из-за стола хозяин дома, — пока женщины накрывают к чаю, пойдёмте-ка, чтобы им не мешать, в горницу.

Мужчины как по команде встали из-за стола. Кое-кто из молодых парней остался помочь женщинам унести посуду, остальные во главе с хозяином избы-терема направились в другую комнату.

— Наверняка у тебя есть вопросы, Ар, — обратился ко мне Добран Глебыч, когда мы уселись на лавки. — Задавай, не стесняйся. Здесь перед тобой люди, которые на протяжении тысячи лет сумели остаться вне системы. Уж как только Силы Тьмы не старались их подмять, но все их старания оказывались тщетными. На тебя смотрят те, в родах которых не было обращённых в рабство. И даже современный рабовладельческий строй, который во сто крат

пострашнее коммунистического, их не касается. Спрашивай их, Ар, они ответят на все твои вопросы.

— А почему ты считаешь, что современное рыночное рабство страшнее того, что у нас было при социализме? — посмотрел я на старейшину.

Услышав мой вопрос, Добран Глебыч грустно улыбнулся.

— Потому что при социализме оно было только административным. А сейчас действует не только удавка закона, но ещё и удавка финансовая. Две петли на одной шее. Ты посмотри, во что перерождается наше государство: кругом чиновничий беспредел, плюс ко всему — небывалая власть денег. Для чего, ещё на заре истории, были выдуманы деньги? Ими заменили кнут надсмотрщиков.

— Но ведь денежные отношения были и при социализме? — заметил я.

— При Сталине они являлись вознаграждением за честный труд, — встрял в разговор седой пожилой мужчина, хозяин крайней избы у леса. — В эпоху Иосифа Виссарионовича! Сколько человек зарабатывал, столько и получал. Но Хрущёвым был нарушен основной принцип социализма, люди стали получать не столько, сколько зарабатывали, а оклады. Рабские пайки на содержание себя и семьи. Но ни при Сталине, ни в последующие времена деньги в нашем обществе бичом надсмотрщика не являлись. В ту эпоху никому из наших граждан и в голову не приходило жить в кредит. Брать деньги в банках на покупку машины или квартиры.

— Тем более под двойные проценты, когда человек практически до конца жизни не в состоянии рассчитаться за свою глупость, — вставил старейшина. — Такая банковская финансовая петля похлеще всякой административной. От неё даже смерть не может избавить. Долг родителей переходит на детей, а там и на внуков. Бумажные, ничем не обеспеченные доллары, которые сейчас властвуют в России, — страшная сила. Их триллионами печатает, по сути, частный банк Федерального Резерва. И куда эти фальшивки только не вывозят — по всему миру! На них покупают нефть, газ, лес, руду, хлопок, короча, всё, что имеет хоть какую-то ценность. Реальные ресурсы на виртуальные деньги. Вот он, механизм глобального ограбления: мировая банковская система, используя рычаги ничем не обеспеченных активов, которые она называет кредитами, обращает в рабство не только отдельных граждан, но и целые народы. Купленные же с потрохами продажные правительства этих наций охотно сотрудничают с воротилами Сити и Колумбии. И им ровным счётом наплевать на своих граждан. Как раз это сейчас и происходит в России. Распродаётся всё, что только можно продать. Причём за деньги, которых реально не существует. И весь этот кошмар творится на фоне вымирания нации. Вот что такое современное рабство. У него совсем другие масштабы, — вздохнул старейшина.

— Знаешь, Юра, как отличить свободных граждан общества от рабов? — обратился один из друзей Добрана Глебыча, высокий красивый мужчина средних лет. — От рабов своего же собственного государства?

— Признаться, на эту тему я не размышлял.

— Очень просто, — грустно улыбнулся помор. — Давай вспомним историю: какому классу запрещалось иметь оружие?

— Классу рабов, насколько не изменяет мне память, — пробурчал я.

— Вот-вот, классу рабов. Именно классу рабов! Свободные же люди всегда обладали правом иметь какое угодно оружие. Причём несколько не хуже, чем у княжеских или царских дружинников. В случае войны с этим оружием они шли в ополчение. Но если незадачливый деспот-правитель пытался поработить своих же собственных граждан, последние обращали своё оружие против него. И это было правильно. Общество обязано представлять собой силу, с которой государство должно считаться. Понимаешь, обязано представлять силу. Если же этой силой обладать общество не будет, то государство обязательно попытается превратить его в

быдло, в скот, в стадо рабов, того донора, который обязан его, государство, содержать и терпеть все его античеловеческие выходы. Общество должно иметь реальный контроль над государственной машиной. Почему? Потому что не общество для государства, а наоборот, государство для общества. Посмотри, как государство себя защищает: на его стороне армия, спецслужбы, милиция, средства массовой информации, суд и специально придуманные для этого законы. Главное то, что государство присвоило себе монополию на оружие. А что имеет наше жалкое общество? Может оно как-то противостоять государственной машине? Думаешь, все граждане в СССР были довольны политикой Горбачёва? Процентом восемьдесят было против! Но генсек, потом президент, не боясь, ломал через колено наше общество. По его приказу спецслужбы, чтобы создать дефицит товаров и продовольствия, уничтожали сотни складов, вывозили за границу всё, что наши заводы производили для своих людей. Предатель и подонки, бывший генсек даже государственный запас золота умудрился перебросить в Швейцарию. И что же народ? Он вынужден был молчать и терпеть. Попробуй пикни! Хотя многие понимали, что Союзу пришёл конец. Наше общество — это толпа безоружных, обманутых СМИ рабов. И что бы ни вытворяла с ним управляемая Западом кремлёвская элита, ничего серьёзного обращённые в рабство противопоставить ей не могут. Пример тому — распад СССР. Он был нужен простому народу Союза? Понятно, что нет. Но что могла раздираемая на части нация? Могла она взяться за оружие? Вполне! Если бы оно у нее было, это оружие. До революции в царской России боевое оружие свободно продавалось. Иди и покупай. О чём это говорит? Да о том, что рабства в империи при самодержавии не было. Но, учтя урок революции и гражданской войны, большевики рынок оружия в России спешно прикрыли. Теперь власть могла творить с народом всё, что заблагорассудится. И ещё как творила! Особенно на местах, в глубинке. Вот когда потеряли своё гражданство наши соотечественники. Они остались гражданами формально, на бумаге. Фактически же превратились в самых настоящих рабов своего же государства. Почему? Да потому, что безоружное и беспомощное перед силовыми структурами государства общество гражданским не является. Это уже толпа рабов, с которыми можно делать всё, что заблагорассудится. Они не ответят на насилие. Единственный, кто понимал, что общество свободных людей должно быть вооружённым, иметь оружие не только для противодействия своему же зарвавшемуся государству, но и располагать оружием против различного рода преступников, был Иосиф Виссарионович Сталин. В его эпоху по всей стране без всякой разрешительной системы продавались различные охотничьи ружья и малокалиберные винтовки. Для покупки ружья достаточно было охотничьего билета. Винтовку же мог приобрести любой желающий. А что такое малокалиберка? Оружие очень сильное, к тому же негромкое. У нас у каждого такая, поэтому я знаю, что говорю, — закончил свой короткий монолог высокий помор.

— Ты забыл сталинский закон о наградном оружии, Вадим, — напомнил своему другу Добран Глебыч. — Он разрешал отличившимся бойцам иметь пистолеты, револьверы и шашки. При брежневщине всё это оружие было у людей под всякими предлогами отнято. В наше время оружия в обществе хватает, но оно сосредоточено в основном у чиновников, мафиози и у бандитов. Подонки-уголовники органично дополняют армию силовиков наших сладкоголосых кремлевских. Фактически это одна свора. Только действуют с разных сторон. Уголовники верхнего эшелона — наши правители, уголовники нижнего — мафия и бандиты. Такие вот вооружённые до зубов челюсти и перемальвают наш народ снизу и сверху. На Кавказе, в Чечне, Ингушетии и Дагестане идёт война. Северный Кавказ вооружён до зубов. А наши русские казаки Кубани, Дона и Терека? Как у них отняли когда-то большевики оружие, так всё и осталось. Прямые потомки древних ариев перед вооружёнными кавказцами оказались полностью безоружными. А кто вооружил кавказцев? По радио твердят, что якобы НАТО. На самом же деле

— Кремль. Предрержащие власть убийцы вооружают своих коллег с Кавказа. Налицо союз уголовников в законе с коллегами, которые вне закона. Как такое могло произойти? Почему государство превратилось в рабовладельческую властную структуру для своих же граждан? Точнее, для русского народа и других коренных народов России, связанных с русскими? Ты можешь ответить на этот вопрос? — обратился ко мне старейшина.

— Думаю, что могу, — подумав, посмотрел я на присутствующих. — Западу удалось привести к высшей власти в России представителей гибридной расы. Людей, в жилах которых течёт кровь вымерших ныне архантропов. Генетических хищников-охотников, умеющих только присваивать готовое, но не созидать. Естественно, природа нелюдей с хищным генетическим комплексом, фактически неандертальцев в облике человека, люто презирает чистокровных представителей рода Homo Sapiens. Презирает потому, что на уровне бессознательного чувствуют свою животную неполноценность по сравнению с ними. Вот почему кремлёвские дегеры называют нас, русских, быдлом, выдумывают, что мы ленивые, жадные и завистливые. Короче, свои недостатки сваливают с помощью продажных писателей и средств массовой информации на тех, кто такими болезнями не страдает. Такое отношение к подданным, неприятие их духовных ценностей и ведёт власть предрержащих к страху перед ними. Засевшие в Кремле презирающие и одновременно боящиеся своих граждан ничего другого не могут, как сделать всё возможное, чтобы у народа было как можно меньше даже охотничьего оружия, не говоря уж о боевом. Для этого и создана была разрешительная система, которая резко ограничивает доступ стволов народу. О пистолетах же и револьверах вообще не может идти речи. За них как в советское время садили, так и сейчас садят нас, русских. Это чечен, дагестанцев и ингушей не трогают. Кавказцы нужны касте правящих. Ворон ворону глаз не клюёт.

Когда я закончил свои объяснения, в горнице воцарилась на несколько секунд полная тишина. Потом Добран Глебыч, пронзив меня долгим взглядом, сказал:

— Ты можешь показать нам тот механизм, который приводит к управлению нашей нацией хищников?

— В общих чертах, — кивнул я головой. — Он тот же, что и в конце XIX века. По сути, ничего не изменилось. Зачем менять надёжную, проверенную временем технологию? Разница в том, что в конце XIX — начале XX столетия специально подготовленных нелюдей с хищным охотничье-промысловым генным комплексом в Россию завозили с Запада. Например, тот же Лейба Бронштейн явился делать в России революцию в окружении пятисот отборных евреев. Некоторые из них не знали даже русского языка. Много евреев-революционеров переселилось к нам из Польши и Германии. Они в 1917 году и захватили власть в России. Сначала под обликом демократов, с осени — под маской большевиков. Сталину потребовалось больше десяти лет, чтобы очистить аппарат управления от потомков переднеазиатских архантропов. В большинстве своём людей, ненавидящих русский народ. В перестроечное же время Западу не потребовалось завозить в Советский Союз гвардию картавых реформаторов. Он, используя свою агентуру, нашёл их на месте — в Союзе. В основном это были потомки репрессированных Сталиным троцкистов. Вкладывая в эту свору недобитков, ненавидящих всё русское и обожающих Запад, деньги, он и привёл их к власти в Союзе. Похоже, всё началось с КГБ. Каким-то образом потомки троцкистов пробрались там на самый верх. Что-что, а институт мимикрии у недолюдков развит. А потом не надо сбрасывать со счетов и нас, русских. Среди русской интеллигенции охищенных диффузников пруд пруди. Так было во все времена. Даже дедушка Ленин отметил это безрадостное явление. Её тоже прикормили, приблизили и приласкали, а в нужный момент зюкнули. Ставленники Запада, хищники-иудеи и наши русские дегенераты-интеллигенты, по ленинскому определению — испражнения общества, и создали в империи

мощнейшую пятую колонну. Первым делом она прорвалась к средствам массовой дезинформации, а потом пошло-поехало. И сейчас, при Ельцине, всю продолжает, — закончил я свои объяснения.

— А ты можешь нам сказать, почему Запад упорно делает ставку именно на евреев? Хищные гены ведь имеют не только они, грешные, но и другие европейские этносы, например, англосаксы, баварские немцы, часть швейцарцев, французов и т. д.? — задал мне новый вопрос старейшина.

После этого, до меня наконец дошло, поморы устроили мне подобие проверки на профпригодность. Они внимательно слушали мои объяснения и что-то относительно меня про себя решали.

— Всё дело в талмудическом иудаизме, — начал я отвечать на новый вопрос. — В его идеологии, которая гласит, что иудеи должны править миром. Но это только одна сторона медали. Другая сторона не менее важная. Она касается управления евреями. Во-первых, иудеи накрепко повязаны эгрегором Яхве-Амона. Через него они получают в своё бессознательное нужную энергию и информацию. А во-вторых, используя силу эгрегора, как пытаются внушить евреям кабалисты, можно отнять жизнь у любого иудея. Для этого существуют определённые магические обряды. Ортодоксальная иудейская секта хабад таким шантажом и занимается. Попробуй не сделай, что тебе велено, — мигом сыграешь в ящик! Европейскими хищниками управлять куда сложнее. С евреями не всё просто. Через хабад они все управляемы. Потому Запад и привёл к власти в Европе, во многих странах Азии и Америки, в тех же США, людей с еврейской кровью. Как утверждают хабадники, если у человека есть хоть капля еврейской крови, то он уязвим для заклинания на летал. Перед иудейскими шаманами одинаково трясутся и еврейские финансовые воротилы, и европейские, и американские представители правящих элит, и наши новоиспеченные кремлёвские управленцы. Потому что все они, не важно какие у них фамилии, либо чистокровные представители избранного народа, либо люди с еврейской кровью.

Закончив своё выступление, я оглядел присутствующих и направился к пустому креслу.

— То, что мы от тебя услышали, нас успокоило. Суть происходящего ты понимаешь так же, как и мы, — после долгой паузы проговорил мужчина, голоса которого я ещё не слышал.

Это был человек среднего роста, крепкого сложения, предположительно, обладающий огромной силой. Как я понял, он пришёл в дом Добрана Глебыча из какого-то далёкого хутора с вершины реки.

— Поэтому мы решили тебя посвятить в одну тайну, Ар. Тайну, которую ты не знаешь, но знать должен. Потому что ты хоть и гость, но один из нас.

Собираясь с мыслями, загадочный мужчина на несколько секунд замолчал, а я превратился весь во внимание. Наконец, поправив рукой свою тёмно-русую бороду, помор сказал:

— Перед русско-японской войной в начале прошлого века масонские правящие круги Запада попытались купить у России Кольский полуостров.

Услышав, что речь идёт о сделке, про которую мне рассказывал еврей-отступник, я чуть не вскочил с кресла. А загадочная личность продолжала:

— На Западе после приобретения Русской Америки понравилось получать у России землм. Понятно, на Мурмане началась паника. Лапарские шаманы прикочевали на Терской берег к поморам. Откуда их привезли к нам. Вовремя разобравшись с нависшей бедой, мы приложили усилия, чтобы её предотвратить. В короткий срок были оповещены те, кто владеет знанием предков. Не только здесь: на Двине, Мезене, Печоре, на Урале, и у вас в Сибири. Общими усилиями нам удалось изменить ход событий. То была серьёзная битва за сохранение целостности России. Ты понимаешь, о чём я тебе говорю?

— Конечно! — кивнул я.

— Ответный удар был нанесён внезапно. Тёмные готовились к нему несколько десятилетий. Мы кое-что не рассчитали. И Советский Союз превратился в уродливый СНГ. Ночь Сварога тем и страшна. Инициатива почти всегда у тёмных. Светлым приходится в основном отыгрываться. Что погрузтел? — посмотрел на меня странный помор. — Нам удалось остановить распад России, вот что главное! Со временем опять соберёмся, была бы Россия. Интеграционный процесс уже начался, просто пока его не видно. Но я хочу тебе сказать о другом. Год назад нам пришлось опять задействовать все наши силы. На этот раз пришлось менять ситуацию по Сибири.

— По Сибири? — не понял я.

— Да, по Сибири, Юра. По твоей родине. На этот раз американцы предложили правительству Ельцина продать им всю Сибирь. Они готовы были заплатить за неё семь триллионов своих фальшивых бумажек. Понятно, какие советы посыпались пьянчужке, возомнившему себя членом мирового правительства. Не измени мы ход событийности, он бы на них среагировал. Для чего я тебе это рассказал? Через несколько недель наступит время зимнего солнцеворота. И тебя пригласят к нам на Коляду совершенно в другой мир, о котором ты и не подозреваешь. Там ты встретишь человека, который давно тебя ждёт. Он меня и послал сказать тебе о встрече.

Странный богатырь-помор замолчал. Я тоже не знал, что сказать. Молчание прервал старейшина.

— Ну что, убедились в том, что я вам сказал? Школа у Юрия неплохая. Практически ему ничего объяснять не надо. Пойдёмте, нас давно уже ждут к чаю, — поднялся он со своего места.

Когда мы гурьбой ввалились в столовую, свои приготовления женщины уже закончили. Нас поджидал громадный брусничный пирог и чашки, наполненные душистым лесным мёдом. Машинально усевшись на своё место, я никак не мог прийти в себя.

«Ненавязчиво устроили экзамен, надо же! А я и не понял. Интересно, что меня ещё ждёт? За столом все люди как люди, болтают о жизни, о пустяках, но внутри у них совершенно иной мир. И он выстроен нашей древней северной традицией. Посторонние из соседних деревень хуторских считают потомками старообрядцев эдакими чудаками, у которых по несколько жён. На самом же деле ничего чудаческого у моих новых друзей в их жизни нет. Просто внутренний мир этих людей совсем иной. Он многослойный и намного глубже, чем у потомков новгородской вольницы».

Напившись чаю, гости поблагодарили хозяев за угощение и все вместе: и женщины, и мужчины направились в горницу.

— То, что сейчас будет, вы хорошо все знаете, — обратился хозяин дома к публике. — А вот он, — показал Добран Глебыч на меня, — присутствует на нашем празднике души впервые. Поэтому прошу ничего нашему гостю не объяснять. Пусть Арий пройдёт свой духовный путь сегодняшнего вечера самостоятельно.

С этими словами, поманив за собой четырёх парней, Добран Глебыч скрылся за дверями.

«Опять загадка, — подумал я про себя. — Когда же они кончатся? Интересно, что это ещё за духовный путь, который мне предстоит пройти?»

В это время Светлана со своей подругой, тоже очень красивой девушкой из соседнего терема, принесли в подсвечниках десяток толстых восковых свечей. Девушки поставили свечи на специально прибитые к стене комнаты подставки, по очереди зажгли их и погасили в горнице свет. Теперь отблески живого пламени скользили по брёвнам стен, отражаясь на потолке, и плясали на стекле замерзших окон. Свет огня наполнил горницу чем-то торжественным и неповторимым. В этот момент в комнату вошли пятеро мужчин. Двое, осторожно ступая, несли что-то вроде огромных гуслей. Двое других держали в руках

древнерусские скрипки-гудки. Один гудок был маленький и изящный — его бережно нёс Добран Глебыч, другой гудок выглядел значительно больше первого и смычок к нему напоминал небольшой лук. Последний вошедший парень с гордостью сжимал в руке резной деревянный рожок. Четверо музыкантов расположились вокруг стоящих на ножках громадных гуслей, и Добран Глебыч, подняв маленький смычок, объявил:

— Сначала сыграем песнь времени. Как вы знаете, это традиция, потом хороводную для наших «богинь». А там посмотрим.

Я с интересом наблюдал за приготовлениями музыкантов. Вот они уселись друг против друга, настроили щипками гудки. И, поставив инструменты к колену, приготовили смычки-луки. У огромных гуслей, точнее, как я со временем, догадался — цимбалы, никого не было. Но потом к инструменту подошёл рослый музыкант, и раздались звуки музыки. Но это была совсем не та привычная музыка, которую мы привыкли слушать. Солирующий гудок издавал какие-то гортанные, сдавленные звуки, они переплетались, связывались воедино с какими-то неизвестными потусторонними вибрациями. В них слышалось завывание ветра, шум далёкого неведомого мне моря и что-то такое, чего я не мог себе объяснить. Я чувствовал, что странные скрипучие, воющие звуки всё глубже и глубже проникают в природу моего глубинного далёкого и пока неясного. Но вдруг раздался удар струн второго гудка, следом — басовый напев цимбалы и сдавленный бархатный перелив рожка. Звуки четырёх инструментов слились в единое многоголосье. Совершенно иное, не узнаваемое, такое, какого я никогда не слышал. Но в то же время почему-то своё, вполне понятное. И вдруг единая мелодия снова разделилась, казалось, что каждый инструмент стал играть сам по себе свою собственную мелодию: но в какой-то момент после перебора струн басового гудка все мелодии опять слились. Неземные звуки дуэта гудков всё больше набирали силу, и вдруг я почувствовал, что моё сознание как будто вырвалось из какой-то незримой клетки. И его стало уносить в неведомые дали времени: звуки волшебной музыки стали наполнять меня светом, какими-то странными размытыми видениями. Вдруг образы стали оформляться, приобретать чёткие очертания. Я увидел себя маленьким семилетним ребёнком в белой рубашке, босиком, бойко идущим в окружении таких же, как сам, сверстников к ступеням гигантской белой, как снег, устремлённой в синее бездонное небо пирамиде. Я хорошо знал, куда иду и зачем, знал, где нахожусь и кто я. Золотое застывшее над горизонтом Солнце освещало своими лучами стены великолепных зданий, площадь города, заросшие сосновым лесом далёкие холмы и застывшую стеклянную гладь хорошо известного мне озера. Потом я увидел себя и детей-сверстников внутри пирамиды. Мы сидели в украшенном каменной резьбой зале и внимательно слушали выступления облачённых в жреческие одежды учителей-наставников. Всё, с чем нас, детей, познакомили жрецы в «сердце» гигантской пирамиды, пронеслось мгновенно. Затем в моём сознании возникли отрывочные картины какого-то торжественного праздника. Я был уже не ребёнком, а сильным, здоровым парнем. На мне красовалась белая расшитая орнаментом праздничная одежда, белый длинный тяжёлый плащ и на голове серебряный венок. Меня и таких же, как я, молодых парней, куда-то провожали. Мы покидали свою родину. На душе, несмотря на торжественную обстановку, было тоскливо и тревожно. Я видел, как ко мне подошла облаченная во всё белое высокая необыкновенной красоты девушка. Взяв меня за руку, она уткнулась своим божественным лицом мне в грудь, и я гладил другой рукой её длинные золотые волосы. Я знал, что девушка сделала свой выбор. Она поедет со мной на край света, туда, куда и я, и теперь мы будем с ней неразлучны. Потом замелькали новые картины: берега какой-то могучей реки. Я стою на палубе какого-то быстроходного бесшумного корабля в окружении двух девушек. Мы всматриваемся в дикую суровую природу края. На корабле много людей, все подавлены и насторожены. В голове мысли о будущем. В этот момент звуки музыки опять донеслись до моего сознания. И я увидел

себя летящим на каком-то аппарате над бесконечными просторами какой-то южной лесостепи. По курсу поблёскивали в лучах тёмного Солнца какие-то озёра, выглядывали леса и отдельно стоящие деревья. И вдруг я увидел впереди какой-то знакомый комплекс строений. Стоящий в окружении садов на циклопической платформе необыкновенной красоты храм, рядом с ним второй! Летательный аппарат сделал над садами и храмами круг, и моему взору предстали две параллельные дороги, ведущие через сады к далёкому, еле видимому на горизонте городу. Я знал о храме, знал о городе, знал обо всём, что видел! Через несколько секунд я ощутил себя идущим быстрым шагом по площади к каким-то ступеням. Сердце переполняла радость: по ступеням навстречу мне также быстро шли две девушки.

— Наконец-то я снова вас вижу! — говорил я дрожащим голосом, протягивая к ним руки.

В этот момент высокая лирическая мелодия сменилась неистовым барабанным боем. И я увидел надвигающийся из моря флот. Синее небо, спокойное море и этот огромный военный флот! Неистовый рёв труб, уханье каких-то неизвестных мне барабанов. Корабли, бесконечное множество кораблей! Из их бортов торчат громоздкие тройные, похожие на зубы, тараны. Борты увешаны дикой расцветки расписными щитами.

«Весла и цветные паруса! Сила, огромная сила! Как её остановить?»

А потом в сознании понеслись видения битв, грозных, страшных и неистовых. Горящие корабли, пылающие города. Чудовищной силы взрывы, колебания земли и наступающие на сушу гигантские волны. Я увидел себя в подземелье. Рядом какая-то печь, в ней мерцает огонь. Тело пронизывает холод.

«Всё кончено», — говорит сознание.

Сначала пришёл огонь, потом обрушились воды океанов, а сейчас всё, что ещё уцелело, умирает от тьмы и холода. Скоро придёт смерть и сюда... Кто-то со мной рядом. Дорогие мне люди, душа разрывается от сознания неизбежного.

Звуки музыки почти стихли, и видения стали пропадать, но новый перебор струн, на гудке создавая теперь уже жизнеутверждающую мелодию, снова вернул меня к видениям. Теперь передо мной лежала бескрайняя поросшая редким кустарником ковыльная степь. Я вглядываюсь в неё с седла своего коня. И вижу, как по ковыльным просторам, похожим на морские волны, ползут в неведомое кибитки моего народа.

«Уходим от снежных зим и морозов. Но что нас ждёт в чужом, неведомом мире? Где конец этому ковыльному простору?»

Напрягая зрение, я вглядываюсь в линию горизонта. Там видны далёкие горы. Они цепью выступают из степного марева и кажутся неясным загадочным миражом.

«Через несколько дней кочевье упрётся в их каменные зубья. Что тогда?»

Мой взгляд скользнул по медленно ползущим в степи войлочным вежам.

— Быки устали, дойдём до воды и надо делать на несколько дней привал. Да и стада утомлены долгими переходами. И коровам, и овцам требуется продолжительный отдых, — обернулся я к табунщикам, следящим за домашними животными.

Вдруг до моего слуха долетели крики. Было видно, что в стаде что-то произошло.

«Неужели опять волки или, чего доброго, гигантский серый степной кот?» — подумал я, разворачивая своего коня.

Но когда я прискакал на место происшествия, всё уже было кончено. Двое всадников в недоумении рассматривали троих утыканных стрелами лохматых уродов. Все трое были коренасты, обладали мощной мускулатурой и были покрыты шерстью.

— Они, вот эти, — показал кнутом на лежащих оскалившихся мёртвых уродов пастух, — каким-то образом, очевидно, под прикрытием кустарника пробрались в стадо и успели своими дубинками уложить четырёх овец. Ладно мы их заметили.

— Такие вот под прикрытием ночи, когда стояли у реки, пытались украсть наших женщин. Но тогда их спасла вода, — сказал второй пастух.

Обоих пастухов я хорошо знал и, оглядев лохматых тварей, сказал:

— Передайте воинам и всем, кто смотрит за стадом, начинаем смертельную войну на уничтожение. Наши деды от лохматой нелюди свои земли избавили. И нам предстоит сделать то же самое. Иначе на новых местах от этих тварей нам житья не будет.

Услышав моё решение, молодые воины, круто развернув коней, помчались догонять ускокавших вперёд воинов охраны. Я ещё раз оглядел лохматых уродов и не торопясь поехал за стадом.

Через несколько секунд яркая картина степного кочевья сменилась не менее впечатляющим видением битвы. Я увидел себя, с ног до головы покрытым чешуйчатой, по всей видимости, костяной бронёй, на голове чувствовал тяжёлый шлем, правая моя рука сжимала древко тонкого и длинного копья, а левая прикрывала тело плоским прочным прямоугольным щитом. Подо мной нёсся вперёд на противника полностью покрытый кожано-деревянной бронёй могучий скакун. И справа, и слева от меня скакали с острыми длинными копьями наперевес, так же как и я, покрытые непроницаемой бронёй всадники.

«Впереди враги, их много, очень много, они злобны, жадны и жестоки. Это другая раса людей. Раса непримиримых людоедов с плоскими жёлтыми лицами и короткими кривыми ногами. Вот они, на низкорослых конях со щитами и выставленными вперёд копьями».

На нашу конную лаву обрушивается град острых стрел. Но стрелы не причиняют нам вреда. Они отскакивают и застревают в наших доспехах и броне коней. И вот мы всей своей массой обрушиваем свой копейный удар на противника. Моё копьё, сбив в сторону щит, протыкает покрытое кожаными латами тело плосколицего. Он вылетает из седла, и я наношу своим копьём ещё один смертельный удар, потом ещё и ещё. Но врагов много, они обступают меня со всех сторон. Моё копьё сломано, и теперь я яростно сражаюсь с нападающими врагами удобно лежащей в руке секирой. И справа, и слева от меня идёт рукопашный конный бой. Слышен рёв труб, гортанные каркающие крики плосколицых. Но вот сзади нас появляется новая шеренга коней. Они сметают наших противников. И мы вместе с подошедшими вовремя копейщиками рвёмся вперёд. Врагов много, очень много, но они трусливы, вот они уже и бегут. Бегут по всему полю! Мы останавливаем своих вымотанных долгой битвой коней.

«Снова победа!» — отмечает сознание.

А за бегущими врагами устремляется наша не участвовавшая в битве лёгкая кавалерия.

«От наших конников на своих коротконогих клячах им не уйти. Теперь вся степь покроется их трупами. Они получили то, что хотели, — в глубине моего сознания нет ни радости, ни злорадства. — За чем пришли, то и получили».

Но вновь сменившаяся музыка вызвала другие видения: я с тяжёлой корзиной за плечами поднимаюсь на высокий земляной холм. Там я высыпаю из своей корзины грунт и снова отправляюсь вниз для того, чтобы наполнить свою корзину снова. Рядом со мной точно так же, как и я, работают тысячи людей. Наконец, курган готов. Жрец в белой одежде на вершине кургана поднимает руки к небу и показывает, что пора устанавливать на нём священные камни предков. Гранитные столбы уже готовы, их привезли на быках с далёких гор, и скоро они займут своё место на кургане.

Но вот доносившиеся звуки музыки стали торжественными и праздничными. И перед глазами возникла картина весёлого зимнего праздника.

Я увидел застывшую реку, на крутом её берегу деревянные стены какого-то хорошо известного мне города. Городские ворота открыты, и празднично одетый народ валом валит на лёд речки. Вот с высокого яра от стен города под радостные крики граждан покатались горящие

обмотанные промасленной верёвкой огненные колёса. Потом на льду в окружении народа начался турнир белых и чёрных витязей. Всадники в белых плащах побеждали воинов, одетых в чёрное. Наконец, на площадке осталось всего два всадника. Один витязь весь в чёрном на чёрной лошади, другой воин в белом на белом скакуне. После долгого боя белый рыцарь под ликование народа одолел чёрного. И вот он едет по кругу, подняв руки к небу, и радостно смеётся. Смеётся, глядя на него и отряхивая с себя снег, и его противник — чёрный воин. Я вижу себя сидящим на коне, в окружении празднично одетых всадников. В руках у меня искусно выполненный из чистого золота дубовый венок. Вот я, толкнув ногами своего коня, подъезжаю к белому витязю и одеваю ему на шлем этот венок. Вокруг раздаются неистовые крики радости. В воздух летят шапки и поднимаются флаги с изображением жёлтых вращающихся свастик. Потом во всём белом в центре площадки появляется жрец. Он поднимает руки к небу, и в этот момент его окружает взявшийся за руки хоровод. Я прыгаю со своего коня и спешу занять место в праздничном торжественном хороводе. За мной торопится всё моё окружение. Наконец, хоровод построен — несколько десятков взявшихся за руки кругов. Вот хоровод тронулся. Каждый крут в свою сторону, и в небеса понёсся гимн свету и солнцу. Гимн любви и надежде! Я иду вместе со всеми, пою гимн светилу, а сердце переполняет праздничная радость. Потом я увидел, как по льду реки мчатся наперегонки празднично украшенные тройки, как состязаются женщины и мужчины в стрельбе из лука, как бьются стенка на стенку кулачные бойцы. И вот я сам вхожу в круг бороться. Сначала побеждаю я, потом побеждают меня. И своему победителю я с искренней радостью дарю боевого коня. В душе нет и следа огорчения, в ней царит праздник. Огромный безграничный праздник единства со светилом, звёздами, матушкой-землёй и моим народом. Всё едино! И земля, и небо, и окружающая природа, и человек! Нельзя ничего делить. Люди — дети всего сущего. Сущее же — частица самого Рода-Создателя, значит, люди земли — его дети. Вот почему такая на душе радость. Видение праздника зимнего солнцеворота перенеслось в огромную горницу какого-то терема. Под волшебную незнакомую музыку люди танцевали, пели, водили хороводы, и я был участником плясок и хороводов. И вместе со всеми пел весёлые и раздольные русские песни. На несколько секунд мелькнули длинные, сплошь уставленные яствами, праздничные столы. Вокруг них на стенах горели какие-то светильники, было ощущение тепла, уюта и чего-то такого, чего на словах трудно объяснить. Потом я увидел радостные лица любимых мною женщин и толпу ребятишек, играющих в витязей.

Но вот видения стали исчезать, и я снова очутился в горнице Добрана Глебыча.

— Всё, первая часть нашего концерта закончилась, — торжественно объявил старейшина. — Но прошу не расходиться. Через несколько минут мы увидим вторую его часть. Давайте, красавицы, — обратился старейшина к трём молодым девушкам. — Пока мы будем пить сбитень, у вас есть немного времени, чтобы переодеться.

Его дочери и их подруга, кивнув головками, поспешили в соседнюю комнату, а мужчины в окружении своих жён снова направились к праздничному столу. Через несколько секунд в комнате я остался совсем один.

«Что же произошло? — думал я. — Неужели гипноз? Посредством музыки. Или что-то другое? Необъяснимый провал сознания в далёкое прошлое. И настолько яркие картины! Я до сих пор нахожусь «там», а не здесь. Интересно бы понять, что мне пригрезилось?»

Ошарашенный и сбитый с толку, я не знал, что теперь делать. Накатившееся на меня ощущение, что моя жизнь длится многие тысячи лет, не отпускало.

«Где я был, может, в параллельных мирах? — размышлял я над случившимся. — Но там началась какая-то гражданская война, и я погиб. Значит, здесь дело не в других изменениях».

В этот момент в горнице появился Добран Глебыч. Он подошёл ко мне и, усевшись рядом, сказал:

— Теперь понимаешь, зачем по приказу Запада Алексей Михайлович Тишайший уничтожил все наши древние музыкальные инструменты? А заодно и последних скоморохов. Несколько лет на площадях сжигались гусли, цимбалы, рожки, волынки, флейты-тростянки. Особой ненавистью пользовались при дворе гудки. Это звуки гудков вызвали твои видения.

— Откуда ты знаешь, что я что-то видел?

— Не ты один погрузился в свои прошлые инкарнации, Ар. Все сидящие в них побывали, — показал старейшина на пустые лавки. Так что я знаю, что говорю, — поднялся он со своего места.

Через секунду комната снова наполнилась народом. Музыканты опять заняли свои места. Осталось только дожидаться девушек. Но вот появились и они. В украшенных вышивками, бисером и речным жемчугом ярких национальных костюмах. Тонкие талии красавиц опоясывали расшитые золотой и серебряной ниткой пояса, а на точёных ножках поблёскивали золотым орнаментом красные женские сапожки. Троица живых богинь, построившись рядом друг с другом, стала ожидать музыку. Я не в силах был оторвать от них взгляда: примерно одинакового роста, с роскошными русыми с золотым отливом косами, лебедиными шеями и чуть покатыми аристократическими плечами, с невероятно тонкими талиями и длинными крепкими сильными ногами. Они казались женщинами неземной, какой-то звёздной расы! Я невольно вспомнил своё купание с двумя из них в бане. Там передо мной были обнажённые девушки, здесь они одетые. Но что изменилось?! Истинную красоту не может скрыть никакая одежда. Она просвечивает сквозь неё и ослепляет! Через секунду зазвучал рожок, и, вторя ему, раздались звуки цимбалы. Потом опять я услышал волшебную песнь гудка. И девушки сорвались с места. Они подобно птицам легко, почти неслышно, впорхнули в середину комнаты и, разлетевшись во все стороны, понеслись в тихом и плавном галопе по кругу. Но это был не танец! Нет! Глаза смотрели и не верили, уши слышали музыку, но воспринимали её не они, а сердце! Разве можно назвать танцем песнь движущегося тела? Казалось, фигуры девушек излучают ещё одну музыку. Музыка неслышную, но ещё более сильную, чем та, которая звучит от инструментов. Её улавливает не слух, а сердце. Нет, это был не танец, нет, то была исповедь, вложенная в такт движений, исповедь о чём-то великом, огромном и невероятно сильном. И я понял — голосом движений девушки рассказывали о своей любви. О любви к родной земле, бездонному, синему небу, звёздам, Солнцу и своим любимым, к тем, кого у них ещё нет, но которых они уже любят. Любят беззаветной, незнающей границ любовью. Я смотрел на это откровение в музыке и в глазах у меня стояли слёзы. И я уже не стеснялся этих слёз.

«Пусть видят и знают, что я могу плакать. Плакать от боли, что здесь, на этом вот заброшенном в бескрайних северных лесах хуторе всё ещё бьётся сердце погибшей Прародины. И продолжает звучать наша древняя живая музыка, на давно забытых и проклятых церковью музыкальных инструментах. И только здесь сошедшие с небес богини могут поведать голосом своих движений о своих самых сокровенных душевных переживаниях».

Но вот музыка стихла, девушки побежали переодеваться. Кланяясь на прощание, гости потянулись в прихожую. Проводив новых знакомых, я отправился в свою комнату. Свалившаяся на плечи гора пережитого меня буквально раздавила. Войдя в комнату, я упал в кресло и закрыл глаза. Ни о каком сне не могло быть и речи.

«Надо как-то успокоиться, — думал я про себя. — Слишком много неожиданного и непривычного. Но это только начало. Что же тогда будет дальше? Ведь всё ещё впереди».

— Ты не спишь? — раздался на пороге бас Добрана Глебыча.

— После того, что пережил, пожалуй, уснёшь, — проворчал я.

— Тогда не мешало бы нам поговорить, примешь гостей — нас трое?

Повернувшись, я увидел, что с Добраном Глебы чем пришли и две его дочери.

— Конечно, приму, вы ведь у себя дома, — засмеялся я.

— Дома, не дома, но комната теперь твоя, потому мы и спрашиваем разрешение. Таков закон, — сказал нараспев помор, усаживаясь на лавку. — Мы вот что пришли, после нашего, если можно так выразить первого номера, ты изменился в лице. Это все заметили. Если не секрет, что ты такого увидел?

— Какие могут быть секреты? — вздохнул я. — Передо мной возник город, очень красивый на берегу неведомого мне моря. Вокруг него на холмах стояли сосновые леса. А в центре посреди гигантской площади возвышалась огромная ступенчатая пирамида. Я увидел себя ребёнком. Вместе с сотнями других ребятшек я оказался в «сердце» пирамиды и проходил своё первое посвящение.

От моих слов Добран Глебыч даже привстал. Потом, взяв себя в руки, он сел и, обняв своих дочерей, сказал:

— Твоя глубинная инкарнационная память, или «память прошлых земных дорог», оказывается никогда не спала. Её не усыпили ни непонимание родственников, ни взаимодействия с системой. Такого не может быть, но это есть!

Не поняв, что хочет сказать северянин, я продолжил. Рассказал об обряде прощания. О юной девушке, которая выбрала меня своим мужем. О палубе корабля, о ещё одной рядом со мною красавице. И о странном храмовом комплексе, которым я любовался с борта известного мне тогда летательного аппарата.

— Ты можешь мне в двух чертах нарисовать этот комплекс? — спросил меня старейшина.

— Конечно, могу. Я видел его с высоты птичьего полёта и всё хорошо помню.

Услышав мои слова, Светлана быстрым шагом направилась за карандашом и бумагой. Через минуту я набросал на бумаге всё, что передала мне инкарнационная память.

— Вот здесь стояли рядами пальмы и какие-то другие деревья, — показал я на рисунок. — Очевидно, это были сады. Здесь я увидел две параллельные дороги, а тут вдалеке маячил в дымке тумана какой-то город.

На несколько секунд в комнате воцарилась тишина. Потом Добран Глебыч, посмотрев на меня долгим многозначительным взглядом, сказал:

— Звуки музыки воскресили в твоём сознании самые яркие картины родовой памяти. Или, как принято у нас говорить, памяти подсознательного. Целостной картины пока нет. Но ты её со временем восстановишь. Ты, я думаю, понял волшебство нашей древней музыки и арийских, ныне забытых, музыкальных инструментов. Когда-то на гудках, волынках, рожках играли по всей Европе. Но речь не об этом. Знаешь, что ты нарисовал? И кем ты был двенадцать тысяч лет тому назад?

Я пожал плечами.

— Ты нарисовал храмы, так называемого, Баальбекского комплекса, его развалины находятся в современном Ливане. Все четыре храма стоят на циклопической платформе. Эта платформа сверху прикрывает обширное, сложенное из камня подземелье, — показал на мой рисунок старейшина. — Ты видел когда-нибудь фотографии этой платформы?

— Видел, — кивнул я.

— Помнишь, какие там камешки? Некоторые достигают весом тысячи тонн! Как ты думаешь, для чего была построена такая платформа?

— Если честно, не знаю, — растерялся я.

— А что она тебе напоминает? — снова спросил меня северянин.

— Она напоминает мне сверхмощное противоядерное бомбоубежище.

— Таким бомбоубежищем Баальбекская платформа когда-то и была, Юра. Она была построена нашими предками сорок с лишним тысяч лет тому назад перед первой Великой

войной цивилизаций. По древнему бункеру в ту войну были нанесены чудовищной силы удары. Но его кладка устояла. Следы мощного лучевого воздействия на каменной кладке платформы видны и сейчас. Просто ортодоксы-учёные отказываются их видеть. Добрых два десятка тысячелетий древний каменный бункер лежал в запустении. Его заносило песком, осколки верхних этажей растаскивали на свои нужды дикие кочевники. Но перед второй войной цивилизаций наши предки его вновь восстановили. Это не римляне, а ориане построили на блоках платформы храмовый комплекс. И посвящён он не Юпитеру-Зевсу, а Сварогу — создателю и покровителю священной северной империи.

— Объясни мне, если ты знаешь, зачем нужен был арктам где-то на задворках их влияния храм Сварога? Да ещё такой роскошный? — спросил я старейшину.

— Не столько храм Сварога, сколько циклопическая крыша и стены платформы, Ар. Из народных преданий можно сделать вывод, что в обеих древних мировых войнах войска северной империи располагались против западного противника Атлантиды как на юге Европы, так и на севере Африки. Примерно то же самое написано и у Платона. Философ не ошибся, именно на юге Балканского полуострова и стояла сильная армия Ора, именно её отождествили египетские жрецы храма богини Нейт из Саиса с древними праафинянами. Думаю, ты понимаешь, что к поздним афинянам, полуахейцам-полударийцам северные витязи не имели никакого отношения. Египетские жрецы рассказали Солону, родственнику Платона по матери, что Египет вёл войну с Атлантидой на стороне праафинян. Это на самом деле так и было, с той лишь разницей, что Египта — страны Кеми двенадцать тысяч лет назад на Земле не существовало. Вывод однозначен — вместо египетских войск в дельте Нила стояла армия ориан. Теперь подумай: одна армия в Европе, другая на юге в Африке. Если учесть, что вместо Средиземного моря в те далёкие времена по всей низменности от современного Гибралтара до Ливана простиралась цепь пресных заболоченных озёр, то всё становится на своё место. Эта заболоченная низменность разрывала связь между северной и южной армиями. Следовательно, между ними должен быть пункт синхронизации действий. Если точнее — штаб для управления обоими воинскими контингентами. Взгляни на карту. Видишь, где расположен Ливан? В стратегическом плане это самое удобное место для сосредоточения высшего командования. Здесь недалеко от командного бункера находился и лагерь нашего резерва. Ты его лагерь принял за город. Вообще-то это и был военный город. Самая кровопролитная битва с нашествием с Запада произошла у наших предков не в Европе и не в Африке, а на дне современного Средиземного моря. Как раз напротив Ливанского побережья. Очевидно, основные силы Атлантиды рвались напрямик к координационному сердцу всех трёх орианских армий. Но, как написал Платон, праафиняне одолели армию противника. В наше время трудно сказать, почему воды Атлантики прорвались в Средиземную низменность. Может, атланты в отместку за нанесённое им поражение применили сейсмическое оружие, а может, это случилось из-за использования орианами оружия космического. Важно то, что произошло: воды океана поглотили армии арктов — армии народа победителя. Об этом хорошо написано у Платона. Вот почему Баальбекский храмовый комплекс во вторую войну миров так и не был разрушен. После великой катастрофы некому его стало разрушать. Судя по твоему видению, ты был одним из тех, кто управлял орианскими армиями. Или был очень близок к управлению. Фактически, это одно и то же.

— А почему на ступенях храма я видел бегущих ко мне двух девушек? — спросил я Глебыча.

— Ты видел их и раньше — на палубе корабля. Что тут удивительного? Просто они тебя любили и шли с тобой до конца. Если мои девчонки вдруг тебя полюбят, — посмотрел старейшина на своих смутившихся дочурок. — Они тоже пойдут за тобой до самого погребального. Так я говорю или нет?

— Так. Наверное, — отозвалась Светлана.

— Всё дело в любви, но, как я вижу, тебя пока любить не за что, — улыбнулся в бороду отец красавиц.

На этот раз смущаться пришлось мне.

— Подсознание показало сознанию и флот атлантов. Я наблюдал его со скалы. Огромный страшный флот! Корабли с тремя таранами, расписанные, многопалубные! — перевёл я разговор на другую тему.

— Это ещё один эпизод перехода глубинного в область сознательного. Что ещё ты видел? — посерьёзней Добран Глебыч.

— Какое-то кочевье. Степь на высоких колёсах кибитки. Стада лошадей, коров, овец и расстрелянные из луков лохматые нелюди. Эти лохмачи не то неандертальцы, не то питекантропы пытались организовать охоту на домашних животных. Потом видел кровавую битву. Мои соплеменники, закованные в роговую броню, на покрытых доспехами конях сражались с огромным войском. Не то древних китайцев, не то монголов. И мы победили. Похоже, я был один из предводителей армии белой расы.

— А кем ты себя видел во время кочевья? — спросила Светлада.

— Кажется, князем или военным вождём. Потому что дал команду на тотальное уничтожение нелюдей-дасью.

— Ну а дальше что?

— Тоже видел себя вождём, может, князем. Только руководил я не войском, а праздником зимнего солнцеворота. Помню на яру реки город. Сначала праздник шёл на льду, потом увидел столы с яствами и хороводы в каком-то зале, — нехотя ответил я.

— Значит, вождь. Везде на своем месте, — задумался старейшина, — Цепь служения своему народу не прервалась. Всегда воплощался там, где хотел. Среди соплеменников. И опять ты появился на свет в России. Как раз там, откуда всё начинается.

Последние слова Добрана Глебыча я не понял.

— Что начинается? Ты о чём?

— Начинается возрождение.

— Какое возрождение, когда мы все летим в пропасть? — удивился я. — Ты же сам мне показал будущее.

— О будущем у нас ещё не было речи. Я тебе показал, что происходит. Куда мы все валимся.

— А это что, не будущее? Как я понял, оно запрограммировано оккультным обрядом гибели «Титаника».

— Да, налицо примитивная магическая конструкция, я с тобою согласен. Люди были принесены в жертву эгрегору Яхве-Амона в период «Песаха». Это так. Но ведь кто-то спасся. Это — сбой! У «деятелей» задумка была другая. Надо видеть не только «их» успехи, но и то, что «им» не под силу. А не под силу им многое, очень многое. Ещё немного, и в информационной битве мы их переломим. И тогда паскудникам из Кремля управлять нами можно будет только через силу. А это уже не управление. Такое состояние в обществе называется кризисом власти. И этот кризис не за горами.

— Что ты имел в виду, когда сказал, что в информационной войне здоровые силы общества всё равно окажутся сильнее? — спросил я продвинутого не в меру помора.

— Примеров можно привести множество, — улыбнулся он. — Но я тебе приведу такой: весь мир уверен, что американцы побывали на Луне — аж на семь раз! Так?

Я кивнул.

— Но я тебе скажу, что они ни разу на Луне не были.

— Как это ни разу? — с недоверием я посмотрел на старейшину.

— А вот так! — развёл он руками. — Честные люди в штатах давным-давно разобрались с их лунной эпопеей. Это мы в России ничего не знаем. Нас до сих пор прессуют на этот счёт. Знаешь, почему?

— Откуда же мне знать?

— Потому что не будь замешана в блефе о полётах на Луну наша партийная кремлёвская элита, ничего у американцев бы с глобальным враньём не получилось. А так всё было просто. Они вокруг Луны запустили спутник-ретранслятор. И через Австралию вели с него передачи на Землю. Проголки же по Луне были сняты в павильонах Голливуда.

— А как же образцы лунного грунта? — спросил я.

— Давным-давно доказано, что они земного происхождения. Потому их американцы никому и не дают на изучение. Скажу тебе больше, — продолжил помор, — у американцев никогда не было ракеты, способной вывести на орбиту более 16 тонн. Это их предел в ракетостроении. Знаменитый «Сатурн-5» — тоже блеф. И в СССР это хорошо знали. Имитация запуска на Луну космонавтов была. И макет корабля был. Когда он упал в океан, его подобрали наши советские корабли. Чтобы потом передать американцам... Но акт передачи отсняла венгерская разведка. Вот «птичка» и улетела. Как американцы с нашими подонками из Кремля ни мудрили, обмануть планету у них не получилось. Как видишь, с информационными абракадабрами у Запада начался сбой.

— Не пойму, зачем нашим-то это было надо? — растерялся я от такой странной новости.

— Это говорит о силе пятой колонны в Советском обществе, Ар. О том, что «рыба гниёт с головы». Надо было поднять в глазах советских людей престиж Запада. Чтобы наш народ потерял веру в себя. Дескать, мы «лаптем щи хлебаем», а американцы уже на Луне побывали...

Но ведь это прямое предательство и убийство нашей советской лунной программы! — возмутился я.

— Конечно, — согласился старейшина. — Конечно! Теперь ты понимаешь, когда нашей элитой был взят курс на реставрацию капитализма?

— Сразу после смерти Сталина, — вздохнул я.

— Так оно и есть, после смерти Иосифа Виссарионовича. А может, и ещё раньше, — кивнул головой Добран Глебыч. — К тебе есть вопрос у моих дочурок, — с нежностью посмотрел на девушек старейшина. — Они хотят услышать твоё мнение об их танце.

— Ничего более прекрасного и более выразительного я никогда не видел! Это даже не танец, а что-то другое. Все танцы и пляски несколько декоративны. Здесь же была сама жизнь — порыв человеческой души, выраженный движением тела. Я не знаю, как это назвать? На мой взгляд, совершенно иной жанр. Но он более прекрасен, чем просто танец.

— Слышали? — повернулся отец к своим дочерям. — Он всё понял. А вы сомневались.

И тут обе красавицы, подойдя ко мне, ни сколько не стесняясь своего отца, чмокнули меня в щёки и, пожелав нам обоим спокойной ночи, направились к себе в комнату.

— Это они в знак благодарности и уважения. Смотри, как расчувствовались! — засмеялся помор.

Когда девушки удалились, Добран Глебыч сразу стал серьёзным.

— То, что ты сегодня видел, Ар, наши земляки из соседних деревень даже и не подозревают. Мы для них просто потомки старообрядцев и только. Мы для них немного странные, потому что не признаём табака и водки. Непонятные, потому что у многих наших мужчин по две или даже три жены. Им, этим переселенцам из новгородчины, и в голову не приходит, что женщины выбирают нас, мужчин, а не мы женщин. К примеру, возьмут мои девчонки и выберут тебя своим мужем. Что ты будешь делать?

— Если честно, не знаю. Не думал на эту тему. Да ты ведь и сам мне сказал, что я их не

достоин.

— Я смеялся, Ар. Ты достоин, ещё как достоин! Ну что ты будешь делать? — опять задал мне провокационный вопрос старейшина. — Ты ведь и сам видишь, что разъединять сестёр нельзя. Либо дашь согласие, либо откажешь. Так?

— Наверное, — промямлил я смутившись.

— Вот и всё наше мужское право. Древний дедовский закон. Но о нём в миру не знают. Там считают наших мужчин с сексуальными отклонениями... Для чего я тебе это говорю? Для того, чтобы ты, всё что мы тебе покажем, хранил от потомков христиан в глубокой тайне. О нас говорят: «Живут в лесу и молятся колесу». Это уже плохо! Могут догадаться, что речь идёт не о колесе, а о чём-то другом.

На несколько секунд Добран Глебыч замолчал. Потом, очевидно, собравшись с мыслями, спросил:

— Ты заметил, что физически мы несколько отличаемся от потомков новгородцев?

— Конечно, заметил, — оживился я. — Ваши женщины по своему совершенству, не красоте, а именно совершенству, что, пожалуй, выше понятия «красивое», вообще не имеют себе равных! Да и мужчины, я вижу, им под стать.

— Знаешь, почему это?

— Могу только догадываться. В вашем обществе до сих пор не остановился процесс духовной эволюции.

— Вот именно! Ты попал в точку, — улыбнулся Добран Глебыч. — Наше маленькое единство самодостаточно. Деньги для нас всего лишь полезный инструмент, не более. Специально добычей денег, как все в этом безумном мире, мы не заняты. Наше сознание не парализовано погоней за материальными ценностями. Мы все: и мужчины, и женщины — равнодушны к золоту, городским благоустроенным каменным ящикам, которые зовутся квартирами, к ненужным в наших условиях машинам. Мы берём из цивилизации только то, что нам подходит. Всё полезное. Заметил, у нас даже телевизоров в хатах нет! Хотя ретранслятор рядом. Зато проигрыватели в каждом доме и пластинок с хорошей музыкой тысячи.

— А какую музыку вы считаете хорошей? — спросил я.

— Прежде всего, народную. И не важно какого народа. Конечно стараемся слушать музыку свою. Но также любим немецкую народную музыку, итальянскую, французскую, испанскую, обожаем слушать песни балканских славян.

— Как я понял, в основном, вам нравится народная музыка потомков ариев, — перебил я рассказчика.

— Так оно и есть. Она нашим сердцам более понятна. Но мы любим и классическую музыку и признаём жизнеутверждающую эстрадную. Но я тебе не объяснил наш феномен. Помнишь, закон Мироздания: что внизу, то и сверху, что внутри, то и снаружи?

— Помню, — не понял я, куда клонит старейшина.

— А раз помнишь, то нетрудно догадаться, почему мы, «молящиеся колесу», физически отличаемся от остальных русских. Раз у нас с головой всё в порядке, то и с телом проблем нет. Ты встретил всего ничего. На Коляду увидишь всё наше здешнее общество. На самом деле люди другие.

— Наверное, влияют ещё и полигамные отношения? Ваши женщины выбирают красивых, духовных мужчин с хорошей наследственностью, — спросил я Добрана Глебыча.

— Конечно, влияют. Но корень в другом: во внутреннем мире человека. Закон, что внутри, то и снаружи — очень серьёзный. Посмотри, как вырождается городское население России. Психический дегенеративный комплекс, отражаясь на физическом теле, превращает его в уродливое лишённое всяких пропорций месиво из кривых костей, ущербной плоти и жира.

Идёшь по городу — на людей смотреть неприятно. Вокруг тебя вышагивают одни уроды. Не мужчины и не женщины, а что-то среднее. У парней плечи узкие, зады как у женщины отвислые и широкие. Ноги кривые короткие, а руки наоборот длинные. А женщины во что превратились! Редко увидишь более менее пропорционально сложенную: либо кривоногие, худосочные, обтянутые кожей скелеты, ни груди, ни бёдер, ни лица. Такие часто бывают с длинными и грубыми мужскими физиономиями. Добавь ещё тупой эгоистичный высокомерный взгляд. Либо контингент, противоположный первому: это обросшие толстым жировым слоем туши. У них огромные отвисшие животы, уродливые короткие ноги и жирные тупые лица. Да что я тебе рассказываю, ты же ведь и сам всё это наблюдаешь и не один год, — спохватился мезенский философ. — Обидно, что люди не понимают, что с ними происходит и почему. До них не доходит, что все беды от неправильной жизненной ориентации. И деньги, и вещи должны быть для людей, а не люди для них. Вот к чему ведёт полная материализация сознания. К духовной смерти. Если началось разрушение физического тела, то это уже конец. Оно разрушается последним. Раньше дегенеративные процессы, идущие в наших городах, тормозились притоком сельского населения. Как ни крути, в деревнях люди другие. Но в наше послеперестроечное время, в связи с гибелью русской деревни, этот поток иссяк. И процесс деградации теперь, идёт семимильными шагами. Но нас занесло на другую тему, — грустно улыбнулся Добран Глебыч. — Говорили о северных родах, а закончили дегенеративными процессами, которые царствуют в нашем российской обществе.

— Это одна тема, — заметил я. — И я рад, что мы её немного коснулись. Я получаю от тебя разносторонний, многогранный ответ, что нас всех ждёт. Ты, как я понимаю, всё пытаешься ответить на мой вопрос.

— Сам того не желаю, но пытаюсь и ещё до конца не ответил.

— Неужели, есть что-то ещё, чего я не знаю?

— Ты много чего не знаешь, — усмехнулся старейшина. — Это воздействие на человека пищевых вкусовых химических добавок, влияние на наш генофонд генно-модифицированной пищи. Она со всех сторон уже хлынула в Россию. Влияние на наше здоровье ослабляющих иммунную систему прививок.

— Со всем этим ужасом меня знакомили, — остановил я Добрана Глебы ча.

— Тогда я в тебе ошибся, прости. Но есть ещё одна беда, про которую ты можешь и не знать.

— Что это ещё за беда? — насторожился я.

— Очень скоро по данным нашей, если можно так сказать, разведки в Кремле.

«Ничего себе, — подумал я. — У них есть даже в правительстве свои люди!»

А между тем помор продолжил:

— Так вот, по данным нашей разведки, правящие круги России скоро начнут обсуждать проект переброски части вод западносибирских рек в Арал и Каспий.

— Но ведь этот проект давно закрыт, — прервал я его.

— Он отложен до лучших времён, Ар. И его в любой момент могут открыть. Представь, что они хотят: треть расхода воды Оби, Иртыша и Енисея пустить по бетонному ложу в гору — вплоть до высыхающего Арала! По старому проекту для перекачки воды собирались установить десять гигантских насосных комплексов. Но чтобы они могли работать, нужна электроэнергия. А её пока у нас нет. Вот и решено было построить на базе Канско-Ачинского месторождения бурых углей восемь сверхгигантских тепловых электростанций. Но есть одно «но». Ты ведь знаешь, что любой уголь отличный сорбент. Он тянет на себя не только молекулы кремния и многих лёгких металлов, но и молекулы металлов тяжёлых. Например, свинца, ртути, урана. Ты понял меня?

— Ещё нет, но догадываюсь.

— Если в тонне бурого угля Канско-Ачинского месторождения находится от 0,6 до 0,9 граммов ртути, не говоря о других тяжёлых элементах, представь, что будет? Трубы электростанций станут выбрасывать пары смерти на высоту до 600 метров, а может, и выше!

— Тогда погибнет всё живое не только в Сибири, но и в Европе, — сказал я. — Ведь в каждой такой электростанции будет сжигаться по несколько сот вагонов угля ежедневно! Сотни и сотни тонн паробразной ртути в атмосфере и всё это на наши города, посёлки и деревни!

— Не только наши, достанется и Польше, и Германии, а на востоке Японии и Китаю, — дополнил меня старейшина. — И всё это ради получения за продажу воды ничем не обеспеченных бумажек, которые для «благих» целей нам напечатает частный банк государственного резервного фонда США. Потому что рассчитывать за нашу воду будут не нищие казахи, а богатые американцы. Это они будут свои доллары давать в кредит Казахстану и узбекам.

— Ну и перспектива! — почесал я затылок. — И что ты предлагаешь?

— Бороться, Ар! Сопротивляться дегенерации и гибели до последнего!

— Но как, каким образом?

— Народ должен наконец понять, откуда проросли корни его вырождения. Должен! Мы обязаны достучаться до его коллективного разума. Разбудить спящий инстинкт самосохранения наконец. Это наша задача в области информации.

— А что ещё? — посмотрел я на разгорячённого мезенского витязя.

— У нас есть потенциал, посредством полевого влияния.

— Но ведь на «их» стороне мощь сатанинского эгрегора и магия инопланетных враждебных человечеству тварей!

— Но нам удалось дважды изменить ход истории. Первый раз в 1903 году, когда Запад пытался купить у России Мурман, и недавно, когда правительство Ельцина готово было начать переговоры о продаже США Сибири. Даже в ночь Сварога, несмотря ни на что, полевые силы России не намного слабее сатанинских. А иногда при поддержке предков и посильнее последних... Скоро ты сам станешь участником и воином нашего психического сопротивления. Потомки атлантов сохранили древнее тайное знание, но и потомки ориан им владеют. Правда же на нашей стороне. Ты ведь знаешь, что бог не в силе, а в правде.

Вдруг резкий внутренний толчок вернул меня к действительности. Я снова оказался в своём заваленном сугробами доме на краю Томска. За окном брезжил рассвет.

«Значит, волшебная ночь солнцеворота уже прошла, — отметил я про себя. — Прошла в воспоминаниях о пережитом. Но что заставило меня очнуться?»

Я прислушался к своим ощущениям. Тревоги не было. И тут я почувствовал слабый зуд правой ладони. Подсознание говорило, что ко мне спешит кто-то из друзей. Но кто это может быть? В Томске таких у меня не было. Тех немногих, которые меня понимали, подмяла система. Для них игра в Россию и в законы Прави давно закончилась. Сейчас они и днём, и ночью лихорадочно зарабатывают себе деньги.

«Зависимость от денег кого угодно ломает», — попытался я оправдать человеческую слабость.

Но на душе было всё равно тоскливо.

«Кто-то должен вскоре придти? — гадал я. — Человек близкий, родной по духу, но кто?»

За домом послышались чьи-то шаги. Заворчала в вольере собака, и я направился открывать двери. И вдруг я понял, кто подходит к сенкам дома. Неужели?! Какими судьбами? Я распахнул дверь и с ходу сгрёб в охапку своего гостя.

— Постой! Ты что делаешь! Ну и напугал же ты меня! — смеялся Сергей Борисович.

Это был он, мой старый кондинский друг, бывший участковый милиционер-опер.

«Честный мент!» — назвал я его про себя.

Один из посвящённых, человек образованный и очень глубокий.

— Ты как меня нашёл? И вообще, откуда ты взялся? — тряс я его как грунту.

Мы вошли в дом. И тут при свете лампы я увидел, что Сергей Борисович совсем седой.

— Прошло столько лет, — поймал он мой взгляд.

Наконец, оглядывая моё жилище, гость подошёл к столу. На нём всё ещё догорали свечи, а на краю лежал обнажённый булатный клинок — подарок хранителя.

— Не буду спрашивать, но «пасечник» его тебе подарил, — показал бывший участковый на колдын.

— Так ты, выходит, знаешь этот меч? — изумился я.

— Конечно, — спокойно сказал Сергей Борисович. — Старый всегда мечтал тебе его отдать.

— А почему тогда темнил? — сделал я строгую физиономию. — Когда мы бродили с тобой по развалинам сгоревшего дома?

— Так надо было, Гера, так было надо! — опустил в кресло бывший участковый. — И больше об этом меня не спрашивай. Я помог волхву незаметно уехать. Без меня ему было бы труднее.

— Понял, — усмехнулся я, накрывая на стол. — Претензий больше не будет. Давай рассказывай, как ты сейчас? Что с семьёй, где ребятишки.

— Я давно на пенсии и живу теперь в Новосибе, — начал рассказывать о себе Сергей Борисович. — Дочь в этом году поступила в НГУ. По специальности она химик. Сын Андрей работает токарем на Чкаловском.

— Я не слышал про Наташу, почему-то ты про неё молчишь?

— А что с ней может быть? Передаёт тебе привет и ждёт, когда ты приедешь к нам в гости, — засмеялся Борисыч.

— Ну и ночь сегодня! С вечера начались чудеса, потом накатили воспоминания. И так до

самого утра. Думал, день будет другим. Но не тут-то было. Не успело рассвети, на пороге появился ты. Опять очередное чудо! — кратко рассказал я о пережитом своему гостю. Это двухтысячный год. Магия перехода в третье тысячелетие. А потом Коляда! Великий праздник всего солнечного арийского мира. До принятия христианства его праздновали в Испании, Франции, Германии, на Скандинавии — словом везде, где расселились потомки ариев. Это волшебный праздник, время чудес. Ты же всё это хорошо знаешь, а продолжаешь удивляться.

— Не удивляюсь я, а радуюсь всему, что вокруг меня происходит. Радуюсь и другого чувства у меня нет. Знаешь, я ведь к тебе не просто так приехал, — внезапно посерьёзnel Сергей Борисыч. — С одной стороны — развеять твоё одиночество. Ты до сих пор никак не хочешь обзавестись семьёй. И даже такие праздники, как Коляда, справляешь в гордом одиночестве.

— Так в первый раз получилось, — смутился я. — А потом, после моих дорог по Русскому северу. После тех женщин, которых я видел...

— Хочешь сказать, что из местных искореженных системой особой женского пола никто тебе не приглянулся? — перебил меня Борисыч. — Понимаю. Ещё как тебя понимаю. Сам бы на них не женился.

— Вот видишь, а пытаешься упрекать.

— На женщину С.Т. сделана ставка, посредством её затаскиваются в стойло даже недовольные. Здесь работает особая пси-технология. Думаю, ты её знаешь.

— Ещё бы не знать! Приходилось даже лекции в университете читать на эту тему.

— Ну и что? Как после таких лекций ты себя чувствуешь? — прищурил свои умные глаза Сергей Борисыч.

— Как видишь, сию практически безработным. Чтобы от меня избавиться, убрали из программы даже тот предмет, который я читал.

— Этнопсихологию?

— Да, этнопсихологию.

— Что же, надо отдать местной пятой колонне должное, — помрачnel гость.

— Согласен! Но давай о чём-нибудь другом более интересном.

— За тем я и приехал, Георгий-Юрий, — отодвинул пустую кружку Сергей Борисыч. — Подарок я тебе привёз на Коляду двухтысячного. Теперь всю жизнь будешь меня помнить.

С этими словами Сергей Борисыч открыл свой портфель и вынул пачку западных газет.

— На, полюбуйся, во всех этих газетах одно и то же. Вот статьи — вот переводы. Прочти хоть один.

Я стал читать и не поверил своим глазам. В статье говорилось, что норвежскими рыбаками в мае 1935 года со дна моря в двухстах милях от Исландии были подняты некие артефакты. Они сразу же привлекли внимание научных кругов Англии и Германии. Что это были за артефакты, не ясно. В статье было написано, что находка осела в Германии и есть предположение, что она и дала толчок немецким физикам заняться приготовлением ядерного оружия.

— Сплошная тайна, — отложил я газету.

— Самое главное — это место находки, Юра. Не в Амазонской сельве нашли артефакты, а на севере. Подняли со дна моря. Если начали печатать запретное, значит, лёд тронулся. Не могут «они» держать человечество в дураках. Информация начинает прорываться! О чём это говорит? О том, что ночь Сварога на исходе. Или ты со мной не согласен?

— Ещё как согласен! Только когда она наконец закончится, наш народ превратится в стадо баранов. Посмотри, что происходит. Идёт масштабная идиотизация населения. Люди перестают читать книги. Учатся для того, чтобы зарабатывать деньги — и только. Знания, которые расширяет кругозор, делают человека по-настоящему образованным, становятся всё более не нужными. Тотальная зависимость от денег приводит людей к дегенерации. Как они только ни

зарабатывают эти проклятые деньги! Как только ни извращаются. На какие преступления ни идут ради них. Просто уму непостижимо. «Ящик» для такой публики — единственный источник информации. А что из него прёт! Именно прёт, по-другому не скажешь. Ты слышал, Сергей Борисыч, о двадцать пятом кадре?

-Конечно.

— А знаешь, что его технология устарела ещё в начале прошлого века?

— Нет, этого я не знаю, — взял в руки булатный клинок бывший участковый.

— Так знай, — подошёл я к полке с книгами. — Вот распечатка из архива организации X, в которой подробно сказано, как гробят психику не только детям или подросткам, но и нам, взрослым.

— Как же? — оживился бывший инспектор.

— Всё просто: показывают, например, какой-нибудь хороший вполне приличный фильм. А на его фоне на огромной скорости прокручивается обычная порнуха. Без кадров показываемого фильма скоростную порнуху сознание человека не уловит. Перед глазами будет мельтешить чистый экран. Зритель видит только тот фильм, который ему показывают. Но его подсознание считывает кадры, которые проносятся на огромной скорости. Подсознание может всё. Вот в чём соль. А потом у зрителя взлетает «до ручки» гормональный фон. И ему уже не до учёбы. Сознание занято совсем другим. Таким вот образом происходит переориентация сознания у наших детей. А мы удивляемся, почему ребяташки становятся сексуально озабоченными дебилами. Есть подобные технологии, которые бьют по взрослым. Только в них задействован другой инстинкт. В основном инстинкт страха. А ты мне про конец ночи Сварога. Когда она закончится, будет уже поздно. Нет, на Земле останутся полноценные люди, но их будет так мало, Серёжа! Так мало!!

— О том, что ты мне сейчас рассказал, я, признаться, не слышал, — почесал затылок новосибирец.

— Да я тебе почти ничего и не рассказал, — посмотрел я на него. — Самое простое. Если говорить о рекламе, так вообще настоящий «конец света».

— Видишь ли, я занят другим. «Ящиком» не интересуюсь, потому что знаю, кто через него вещает. Но то, что ты говоришь, подтверждает вот это.

И Сергей Борисыч протянул мне несколько листочков.

— На, почитай, а потом обсудим.

Я взял протянутые листки и пробежал глазами заголовок:

— Исповедь сверхчеловека. Откуда это? — спросил я бывшего участкового.

— Есть такой Эдуард Ходос. Раввин-еврей, противник хабада и талмудического иудаизма. Живёт он на Украине, но имеет влияние и у нас. И немалое. Ходос не считает фальшивкой «Протоколы сионских мудрецов», потому что хорошо знает их происхождение. Фактически, утверждение Ходоса по протоколам полностью нейтрализовало талмудистов. Попробуй теперь докажи, что они являются подделкой? И вот эту информацию он обнародовал, — показал Сергей Борисыч на распечатку. — Ты её прочти, а я пока немного отдохну, — откинулся бывший участковый на своём кресле.

— Что же ты мне привёз? Интересно.

И я углубился в изучение распечатки:

Исповедь Сверхчеловека(публикуется в сокращении).

Наше время возвращается. Да оно от нас и не уходило. Оно всегда было и будет нашим. Как всегда, на земле были добро и зло. Но нас всегда кажется больше потому, что мы сильнее и агрессивнее добра и победить нас невозможно.

Мы будем менять форму и оболочку, менять вывески и краски, приспособляться к любым условиям, но выживем и победим.

Наша цель одна — быть победителями. Ваша участь — всегда быть рабами навеки. Мы успели привить вам ген рабства навсегда.

Мы дадим вам ещё тысячи революций и перестроек, у вас будет вечная борьба за справедливость, но вы никогда её не получите.

Я буду говорить с вами открытым текстом не потому, что я наглый, а потому, что мне не введом страх.

За мной гигантская, непобедимая сила. КГБ, МВД... правительство, прокуратура. И всякие верховные ряды — это всего лишь рычаги в наших руках.

Под нашу дудку пляшут президенты и выполняют нашу волю, делают то, что мы хотим.

Нам глубоко наплевать, сколько будет депутатов-радикалов — да хоть миллионы. Верх всегда будет нашим!

Вы можете отобрать у нас дачи, привилегии, машины и прочее, но власть — НИКОГДА!

Нам глубоко наплевать на мнение народа, оно для нас — пустой звук. Ибо мнение это мы создаём сами.

Пусть проводят хоть сотни референдумов. Главное, чтобы нашу волю выполнял народ. На любое ваше наступление мы ответим могущественно и жестоко.

Для нас раз плюнуть — уничтожить продукты, заводы, экологию, гласность, искусство и т. п.

Для нас раз плюнуть — принести вам голод, саботаж, нищету, разруху, болезни...

...Всё, что мы делаем, мы делаем продуманно и гениально ПРОСТО. Вы будете судить нас по номенклатурным чиновникам. Это наивно.

Да, тупых, жадных или просто дураков мы всегда будем ставить на высокие посты. Они — наша броня и защита. Вся ваша энергия разбивалась вдребезги об их чугунный монолит.

Вашей энергии рабского недовольства хватает до первой рабской подачи. Пара рефрижераторов с колбасой способна утихомирить любые ваши страсти и убаюкать мечты о демократии.

Вы уничтожили все знания и весь опыт своих предков и повторяете лишь их ошибки. Никто из вас не знает, в чём смысл жизни и назначение человека на этой Земле.

Посмотрите на себя со стороны, чем вы занимаетесь и какой участи вы достойны. Вы — рабы и разрушители. Мы вашими руками порочим землю.

По нашей воле вы опустошаете недра планеты, губите моря, реки, экологию, идёте с ножом друг на друга. Так что, несите свой крест вечных мук и страданий...

Мы привили вам лень и отвращение к труду. Это мы научили вас разрушению, а не созиданию.

Это мы из вас выбили чувство достоинства, гордости, самоуважения, благородства, сочувствия, милосердия.

Это мы устранили молодёжь от политики, бросив ей «кость» рока и порнухи.

Демократия, гласность, перестройка! Вы хоть историю посмотрите — когда они приносили успех народу? Да никогда! Расчёт наш строился на вашем невежестве. А оно у вас прекрасное.

...Мы решили сделать вас вечными просителями. Вы будете просить у нас всё и

всегда: квартиры, еду, машины, талоны на водку, землю и даже воздух.

А мы будем давать вам столько, сколько посчитаем нужным для вашей частной собственности. Но вы сами всегда, вместе со всем вашим барахлом, будете нашей и только нашей частной собственностью.

Эта исповедь — пощёчина рабам, чтобы они знали своё место, назначение и своих господ.

Мы приучили вас к рабству, и это стало для вас насущной необходимостью.

Это мы приучили вас лгать, и наша страна стала самой лживой страной в мире.

Это мы научили вас воровству, и вы стали самым непревзойдённым народом-вором.

Это мы сделали норму вашей жизни криминальной.

Мы ныне спокойно грабим вас и превратили в животных с вечным инстинктом потребления и разрушения.

Мы не раскаиваемся. Нам неизвестно это чувство. Я пишу вам это, чтобы вы поняли, что политика может всё. А политика в наших руках.

Сейчас мы отвлекли вас от неё, затеяв суматоху с экономикой.

Господи, какие вы дураки! Вы думаете, что мы заботимся о вас, чтобы вы были сыты, одеты, обуты?

Да плевать нам на вас. Надо быть просто идиотом, чтобы не понять, что без политики любая экономика — пшик.

Но это нам нужна экономика. Мы её для себя делаем. А не для вас. И, как нам хочется, а не, как вам. Так что, будьте послушными и терпеливыми и не мешайте нам.

Ведь всё, что бы мы ни делали во благо себе, мы всегда делаем от имени и по поручению вас (то есть народа).

И нам наплевать на отток умов за границу. Чем меньше этих умов будет, тем для нас лучше: страной дураков легче управлять.

До тех пор, пока от государства исходит насилие, мы непобедимы. А оно будет исходить всегда.

Мы уничтожим вашу энергию на бунты. Мы создадим вам тысячи жизненных проблем, вы будете вечно смертельно уставшими и духовно опустошёнными.

Постепенно сожмём петлёй вашу гласность. Разбавим её своей идеологией, изо дня в день навязывая вам свои догмы.

Мы уничтожим ваш язык, засорив его выдуманскими словами. Вы перестанете понимать не только нас, но и самих себя.

Мы постоянно будем лишать любые ваши прогрессивные идеи смысла, доводя их до полного абсурда. Не оставляя для вас ничего светлого.

Вы потеряете возможность ориентироваться в обстановке, вы станете вертеть головой, не зная, куда податься, чему верить.

Мы найдём тысячи кляпов, чтобы заткнуть ваши вечно недовольные глотки. Вдобавок, мы поднимем на вас весь преступно-уголовный мир и устроим в стране разбой и террор.

...Мы не боимся за себя. Для нас всегда есть и найдётся оазис выживания на нашей планете.

Предвижу вашу очередную глупость. Прочитав мою исповедь, вы не задумаетесь над её смыслом. Вы броситесь искать автора. Ваше любопытство будет сильнее человеческой мудрости.

Вы хором и по одному будете поднимать шум на страницах прессы. Смысл дойдёт

до вас со временем. А впрочем, вы его вскоре ощутите.

Словом, мы сворачиваем вашу перестройку. А нашу продолжаем. Как это будет выглядеть? Пожалуйста. Всё будет поэтапно.

Первыми начнут военные. Второй этап начнёт преступный мир, КГБ, МВД. Третий этап — сработают все юридические службы и печатные органы, радио и телевидение.

Четвёртый этап — к работе подключатся торговля, финансы и экономика. Пятый и шестой этапы — режимно-резервные рычаги. Седьмой этап — идеологический и политический. Мы делаем — вы наблюдаете. Так будет всегда.

Мне 82 года, и я уйду с чувством покоя и удовлетворения. Мы оставляем после себя достойных преемников наших дел. Мы будем всегда.

Один из ваших повелителей — Гордеев Евгений Казимирович.

Москва, Кремль, Серебряный Бор.

7 января 1991 года.

Закончив с откровением, я несколько минут не знал что сказать.

«Многие люди считают евреев умным народом. И среди них на самом деле есть умные люди. Но почему их так мало? Неужели трудно понять, что некая невидимая сила, их, евреев, а точнее иудеев, использует? В руках её еврейский этнос является всего лишь живой говорящей машиной для захвата власти. Почему до них, до этих глупцов, никак не доходит, что после того, как политическая власть на Земле окажется в руках богоизбранных, её тут же отнимут кукловоды, а их, этих незадачливых деятелей, считающих себя авторами земной истории, отправят в лагеря смерти. И этот вот недолюдок, написавший данную исповедь и цинично упивающийся своей низостью и подлостью, из того же разряда полуидиотов. Понимал бы он, на кого работает. В том-то и беда, что всем евреям вбили в голову, что они работают на себя. И они решают, а не за них. Умные люди, такие, как дядя Ёша Солганик и Эдуард Ходос и, наверное, неизвестные мне другие еврейские подвижники, пытаются своему народу что-то растолковать. Но кто их слышит? Голос здравого смысла у большинства богоизбранных подавлен охотничье-промысловым инстинктом. Тем самым, который им достался от архантропов».

— Ну и что скажешь? — посмотрел на меня Сергей Борисыч.

— Скажу, что исповедь не богоизбранного, не сверхчеловека, а тупицы, сверхциника и сверхнегодяя. Исповедь психопата, психика которого исковеркана ненавистью не только к людям, но и ненавистью к самому себе. Уважал бы он самого себя, не писал бы такой мерзости. Он дурак ещё и потому, что буквально всё приписывает своим соплеменникам и хабаду. Хотя в мире есть силы, от которых и евреям тошнѐхонько. Но он их не видит. Как мой отец говорил: «Дурак дураком, и уши холодные».

— А почему уши холодные? — усмехнулся Сергей Борисыч.

— Не знаю, но, наверное, в этом что-то есть.

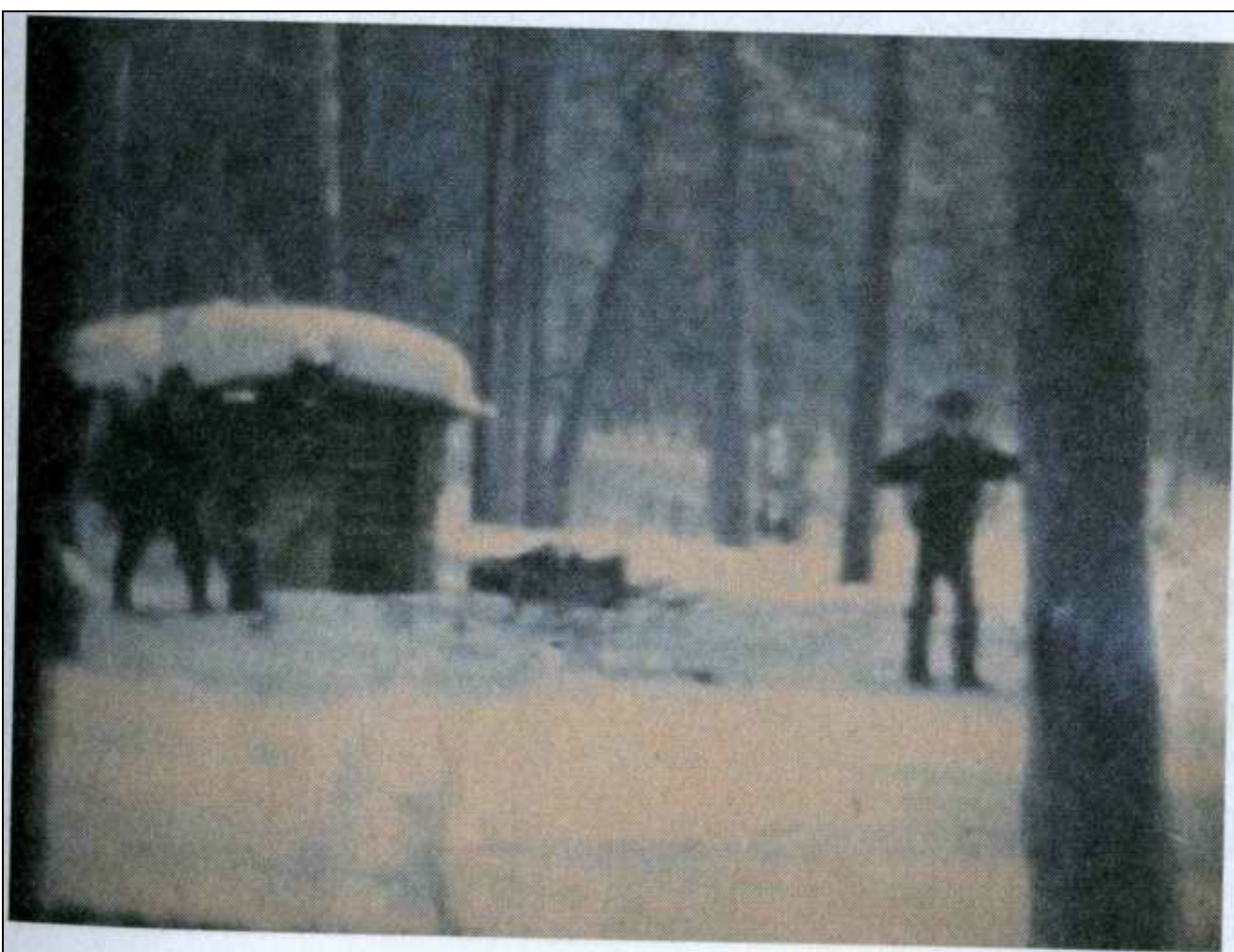
2010 г.

Приложение

Кадры фильма об экспедиции, организованной автором в поисках следов Сибирской Руси. Февраль, март 1975 г.

Кадры из любительского фильма, февраль 1975 г.

Неизвестная шаманская избушка в вершине Тыма

*Несмотря на тридцатиградусный мороз,
из-под земли бьёт тёплая вода.*

Район озера Якынр, граница Томской области и Красноярского края

Халзан

Идём на север к Сыму

Эвенкийские олени

Стрелка показывает направление древней кочевой дороги

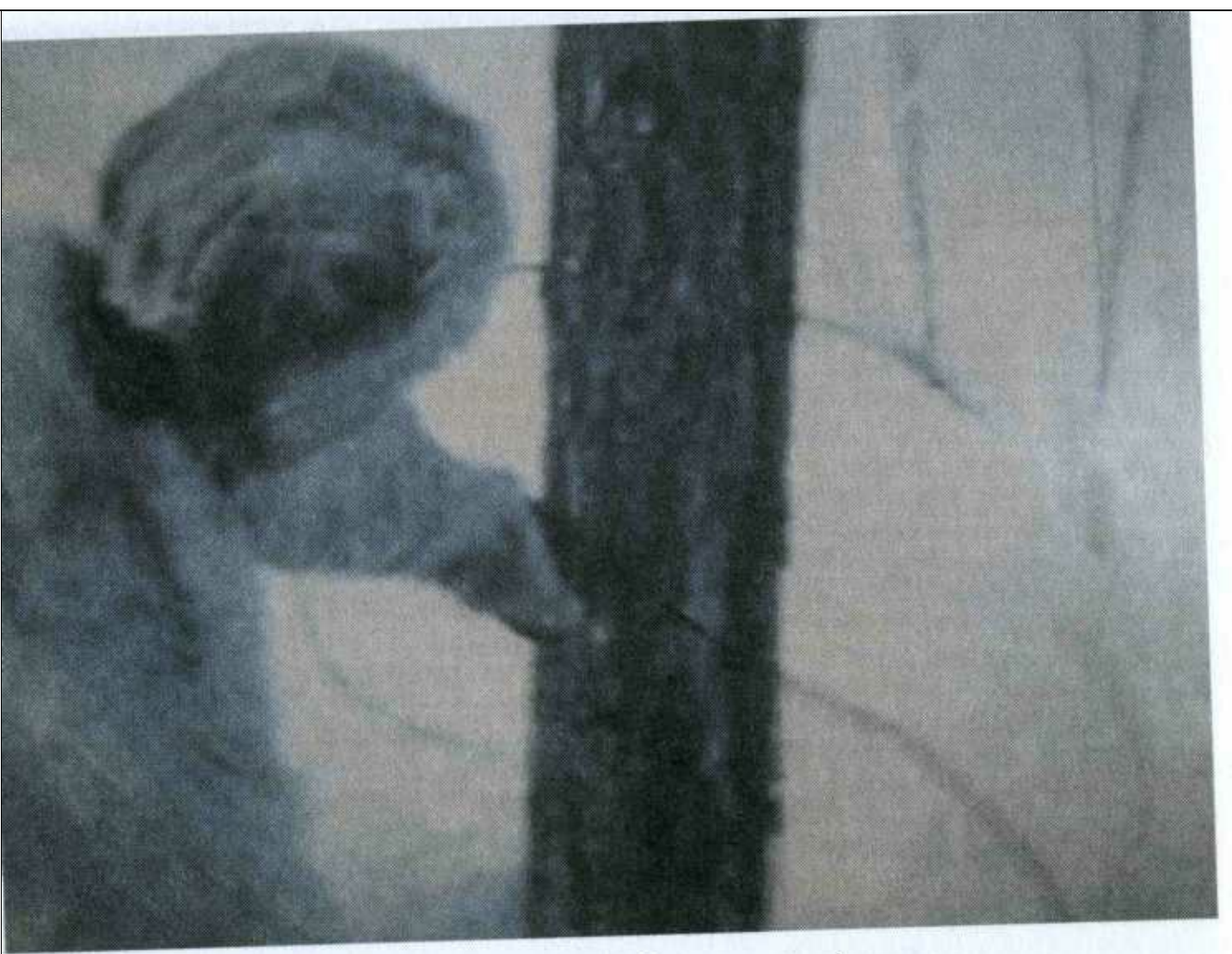
Автор в эвенкийской кырняжке

Скит сибирских челдонов

Борис Леонтич. Глава рода

Автор и странный знак на дереве

Здесь проходит древняя кочевая дорога

*След гималайского йети.
Эта раса странных созданий
живёт на земле и в наше время*

Проводник экспедиции Николай Лихачёв

notes

Побачь — по-українски посмотри

Пупи — по-хантейски медведь.

Питя — «привет» по-хантейски.

Урий — по-хантейски старица.

Лоза — по мифологии хантов, огромный лохматый дух.

Октан — стенной шкаф.